

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

1877.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1877.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 20 марта 1877 года.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

ПОРЯДОКЪ ОБЩЕСТВЕННОГО И ЧАСТНАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ ДО XVI ВѢКА.

Періодъ господства Студійскаго устава

(продолженіе).

VII.

XIV вѣкъ по богатству памятниковъ и по важности перемѣнъ, происшедшихъ въ теченіе его въ богослужбномъ порядкѣ церкви Русской, особенно выдается сравнительно съ предшествовавшими вѣками, отъ которыхъ сохранились до насъ, можно сказать, очень скудные свѣдѣнія. Въ этомъ вѣкѣ во главѣ церкви русской стоялъ человекъ, много потрудившійся для упорядоченія богослуженія ея и вмѣстѣ съ тѣмъ внесшій въ него нѣкоторыя особенности: это былъ митр. Кипріанъ. Онъ перенесъ въ Россію редакцію литургіи Златоуста, принадлежащую патр. Филоою, возобновилъ отправленіе забытаго въ предшествовавшей вѣкѣ „пѣсеннаго послѣдованія“, самъ переписалъ чины нѣкоторыхъ таинствъ, въ которые были внесены имъ нѣкоторыя особенности совершенія ихъ, существовавшія на его родинѣ въ Сербіи и т. п. Такая обширная дѣятельность митр. Кипріана, направленная къ упорядоченію богослуженія въ церкви Русской, не могла не оставить послѣ себя слѣдовъ и она дѣйствительно оставила ихъ не только въ XIV, но и въ послѣдующихъ вѣкахъ. Въ XIV же вѣкѣ въ 1301 году былъ Константинопольскій соборъ, который, отвѣчая на вопросы Θεогноста, епископа Сарайскаго, сдѣлалъ нѣсколько постановленій, касающихся богослужбнаго порядка. Вслѣдствіе всего этого, повторяемъ, XIV вѣкъ представляетъ намъ довольно богатый матеріалъ для опредѣленія особенностей богослужбнаго порядка того времени.

Переходя къ частному обозрѣнію богослужебнаго порядка въ XIV вѣкѣ, мы начнемъ, какъ и въ предшествовавшіе вѣка, съ обозрѣнія порядка службъ вседневныхъ и въ частности съ вечерни.

Особенность порядка *вечерни* въ XIV вѣкѣ, какъ и въ вѣкѣ предшествовавшемъ, заключалась въ количествѣ молитвъ, читаемыхъ во время ея тайно священникомъ. Составъ вечерни въ разсматриваемое нами время увеличился въ этомъ отношеніи. Въ XIII вѣкѣ, какъ уже было сказано, самое бѣльшее количество молитвъ вечернихъ, не считая молитвъ выходной и на главопреклоненіе, было пять; но въ XIV вѣкѣ ихъ извѣстно шесть. Митрополитъ Кипріанъ въ посланіи къ игумену Аѳанасію писалъ: „О молитвахъ же вечернихъ и на заутреннихъ спросилъ мя еси: колко ихъ есть? И на вечерни убо молитвы 6, а седмая выходная, а осмая по исполненіи вечерняя и по возгласеніи ¹⁾“. Обращаясь къ служебникамъ разсматриваемаго нами времени, мы находимъ ихъ еще болѣе: въ однихъ изъ служебниковъ всѣхъ вечернихъ молитвъ полагается одиннадцать ²⁾, а въ другихъ десять ³⁾. Въ служебникахъ, имѣющихъ одиннадцать вечернихъ молитвъ, къ нынѣшнимъ девяти молитвамъ прибавлено двѣ, именно молитва: „Благословенъ еси, Господи, свѣдый умъ чловѣчъ“, читаемая въ чинѣ вечерни по нѣкоторымъ греческимъ спискамъ ⁴⁾, и молитва прилежнаго моленія, читаемая на сугубой ектеніи. Послѣдняя изъ этихъ молитвъ могла войти въ чинъ вечерни изъ чина литургіи, въ которомъ полагается читать ее при возгласеніи извѣстнаго прошенія сугубой ектеніи. Русскому переводчику или переписчику могло казаться невѣрнымъ то обстоятельство, что, согласно практикѣ церкви греческой, ектенія сугубая съ молитвою прилежнаго моленія возгласалась только на литургіи, на вечернѣ же не возгласалась, и онъ внесъ ее въ чинъ этой послѣдней, руководствуясь чиномъ литургіи. Но эта особенность послѣдованія вечерни не вошла еще, можно думать, во всеобщую практику церкви Русской въ XIV

¹⁾ Акт. историч. т. I, стр. 480. ²⁾ Служеб. рук. XIV в. Соф. библ. №№ 522 и 523; рук. М. библ. № 346 (Опис. III. I, 28 и 14). ³⁾ Служ. рук. XIV в. Соф. библ. № 526, рук. М. С. библ. №№ 344 и 345 (тамъ же). ⁴⁾ Служеб. рук. XIV в. Соф. библ. № 522, 47; № 523, 52 об.; рук. М. С. библ. №№ 344, 345 и 340 (Опис. III. I, 18, 22 и 28); Evcholog. Goar. p. 44.

вѣкъ; такъ какъ почти половина служебниковъ, сохранившихся до насъ отъ этого времени, не имѣетъ ее, вслѣдствіе чего число молитвъ вечернихъ по этимъ служебникамъ ограничивается десятью. — Къ числу особенностей послѣдованія вечерни въ XIV вѣкъ должно быть отнесено также то, что одну изъ вечернихъ молитвъ, именно читаемую теперь седьмою, по нѣкоторымъ служебникамъ, положено читать во время чтенія „Сподоби, Господи“ ¹⁾, и начальный возгласъ вечерни былъ сходенъ съ начальнымъ возгласомъ литургіи ²⁾. Первая изъ этихъ особенностей не имѣетъ для себя основанийъ въ богослужебной практикѣ церкви греческой; что же касается второй, то она можетъ быть объяснена влияніемъ на обычное послѣдованіе вечерни „Пѣсненнаго послѣдованія“, по которому не только литургія, но и утренняя и вечерняя начиналась возгласомъ: „Благословенно царство“ ³⁾.

Послѣдованіе *утрени* въ XIV вѣкъ сравнительно съ вѣкомъ предшествовавшимъ также измѣнилось въ количествѣ молитвъ, читаемыхъ тайно священникомъ. Въ XIII вѣкъ, какъ мы видѣли, было только шесть, а въ XIV вѣкъ число ихъ увеличилось до двѣнадцати. Митр. Кипріянь писалъ игумену Аеанасію, отвѣчая на его вопросъ о количествѣ всернихъ и утреннихъ молитвъ, что „на заутреннихъ должно читать одиннадцать молитвъ и двѣнадцатал молитва послѣ „хвалите Господа съ небесъ“ на главопрклоненіи“ ⁴⁾. Въмѣсто моливы, читаемой теперь девятою, въ нѣкоторыхъ служебникахъ положена молитва „прилежнаго моленія“ ⁵⁾. Въ послѣдованіи утрени этого вѣка особенно замѣчательно расположеніе молитвъ, читаемыхъ во время ея священникомъ, какъ мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго послѣдованія этой службы. Послѣ возгласа „Благословенно царство“ непосредственно слѣдовало шестопсалміе (части утрени, предшествующей въ настоящее время шестопсалмію, не было), во время котораго читалась нижнѣшняя первая утренняя молитва. За шестопсалміемъ, какъ и теперь, слѣдовали: ектенія великая, „Богъ

¹⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 523, 56, 526, 65; рук. библ. гр. Толст. № 274, 61; рук. М. С. библ. №№ 346 и 347 (Опис. III. I. 28 и 34). ²⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 522. л. 50 об. ³⁾ Писан. св. отц. и учит. церк. т. II, стр. 473 и 486. ⁴⁾ Акт. историч. т. I, стр. 480. ⁵⁾ Служеб. рук. Соф. библ. №№ 523 и 526; рук. М. библ. №№ 344, 345 и 345 (Опис. III, I, 17, 22 и 28).

Господь“ и каѳизмы, во время которыхъ священникъ читалъ вторую и третью утреннія молитвы. Молитвы утреннія, занимающія въ нынѣшнихъ служебникахъ мѣста четвертое, пятое и шестое, читались на третьей пѣсни канона; на шестой же пѣсни канона читались молитвы седьмая и восьмая. Затѣмъ слѣдовала молитва, „егда поють *помилуй мя Боже*“ (?),—нынѣшняя десятая. Одиннадцатая молитва читалась, „егда поють: хвалите Господа“ ¹⁾. Послѣ этой молитвы слѣдовала ектенія малая и молитва, читающаяся въ настоящее время двѣнадцатою, а послѣ нея, если день, въ который отправлялась утренняя, былъ воскресный, читалось Евангеліе и возглашалась сугубая ектенія. За нею слѣдовала ектенія просительная, послѣ которой діаконъ возглашалъ: „Премудрость“, священникъ: „Сый благословенъ Богъ нашъ“, а клиръ: благословите святіи Господа, благослови отче“, и слѣдовалъ отпустъ ²⁾. Мы не имѣемъ права вполнѣ безусловно утверждать, что таково вообще было послѣдованіе утрени и въ частности расположеніе молитвъ, читаемыхъ во время ея тайно священникомъ въ XIV вѣкѣ въ церкви Русской; такъ какъ указаніе на такое расположеніе утреннихъ молитвъ мы находимъ только въ очень немногихъ служебникахъ ³⁾. Въ большей части служебниковъ мы не видимъ написаній молитвъ, опредѣляющихъ время чтенія ихъ, а потому думаемъ, что онѣ читались непосредственно одна за другою безъ всякаго раздѣленія во время шестопсалмія, какъ и въ настоящее время, и такой порядокъ чтенія ихъ, какъ мы можемъ заключать на основаніи богослужебныхъ памятниковъ, былъ въ разсматриваемое нами время преобладающимъ, а въ послѣдствіи сдѣлался господствующимъ. Что касается перваго порядка чтенія утреннихъ молитвъ, то онъ, можно думать, образовался подъ вліяніемъ „Пѣсеннаго послѣдованія“. Изъ этого послѣдованія въ разсматриваемый нами чинъ утрени вошли: начальный возгласъ, чтеніе Евангелія предъ сугубою ектеніею послѣ „Слава въ вышнихъ Богу“, а также чтеніе молитвъ пятидесятаго псалма и на хвали-

¹⁾ Здѣсь подъ „хвалите Господа“ должно разумѣть, по всей вѣроятности, восьмую или девятую пѣснь канона; такъ какъ въ такомъ только случаѣ намъ будетъ понятна дальнѣйшая особенность порядка утрени,—возглашеніе малой ектеніи, которая обыкновенно произносилась по окончаніи канона (срав. служеб. М. С. библ. № 347 (Опис. III, I, 34). ²⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 523, 59—70. ³⁾ Служеб. рук. М. С. библ. №№ 345 и 346 (Опис. III, I, 22 и 28).

тѣхъ ¹⁾ и наконецъ чтеніе, въ концѣ утрени, молитвы читаемой въ настоящее время двѣнадцатою. На составленіе этого порядка чтенія утреннихъ молитвъ подѣ влияніемъ „Пѣсеннаго послѣдованія“ указываетъ Симеонъ Солунскій, когда говоритъ, что „на пѣсенное послѣдованіе въ нынѣшнемъ чинѣ утрени указываютъ молитвы свѣдѣтельные (вечернія) и утреннія, расположенныя и соблюдаемыя по древнему уставу... Это показываетъ и молитва пятидесятаго псалма и молитва на хвалитѣхъ ²⁾“. Тоже подтверждаетъ и одинъ изъ древнихъ греческихъ богослужебныхъ памятниковъ, именно *Euchologion Sancti Marci Barberrinum*, заключающій въ себѣ пѣсенное послѣдованіе утрени: въ немъ нынѣшняя девятая молитва надписывается: „молитва 50-го (псалма) девятая“, нынѣшняя молитва одиннадцатая—„молитва на хвалитѣ“, а нынѣшняя молитва двѣнадцатая—„молитва отпуста“ ³⁾. Въ Россію представленный чинъ утрени вѣроятно принесенъ отъ Греціи, гдѣ влияніе Пѣсеннаго послѣдованія могло быть болѣе сильно, чѣмъ въ Россіи. Приведенное свидѣтельство Симеона Солунскаго служитъ довольно сильнымъ подтвержденіемъ этого. Русскій переводчикъ могъ только воспользоваться греческимъ оригиналомъ и, переведши его на русскій языкъ, дать русской церкви новый порядокъ чтенія утреннихъ молитвъ, который, нужно сказать, существовалъ на Руси не особенно долго.

Вмѣстѣ съ введеніемъ въ практику церкви Русской болѣе полного по количеству молитвъ послѣдованія утрени не уничтожился вполнѣ прежній краткій составъ ея, но продолжалъ существовать въ разсматриваемое нами время, какъ исключеніе ⁴⁾. На ряду съ обширнымъ и краткимъ составомъ утрени по числу молитвъ, читаемыхъ во время ея священникомъ, въ разсматриваемый нами вѣкъ существовалъ еще особый составъ этой службы, занимающій средину между тѣмъ и другимъ по количеству молитвъ, а по распорядку ихъ совершенно отличный отъ того и другаго. По нему первыя четыре молитвы слѣдовали въ томъ же порядкѣ, какъ и въ настоящее время, но съ пятой начинался иной порядокъ: пятою была нынѣшняя десятая,

¹⁾ Писан. св. отц. и учит. церк. т. II стр. 486 и 499. ²⁾ Ibid стр. 403. ³⁾ *Eucholog. Goar.* р. 55 и 56. ⁴⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 522, 40—44.

шестою—пятая, седьмою—шестая, осьюю — одиннадцатая, девятою—на главопреклоненіе ¹⁾). Полное отсутствіе данныхъ, какъ въ богослужебной практикѣ церкви греческой, такъ и русской, лишаетъ насъ возможности сдѣлать какія бы то ни было болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, для объясненія образованія представленнаго нами порядка утреннихъ молитвъ. Надписаніе одной изъ нихъ осьюю, нынѣшней одиннадцатою, „на 9-й пѣсни“, какъ будто находится для себя основаніе въ порядкѣ „пѣсеннаго послѣдованія“ утрени; но въ немъ эта молитва надписывается „молитва на хвалите“ ²⁾ и слѣдовательно надписаніе въ томъ и другомъ случаѣ нельзя назвать тождественнымъ.

На ряду съ обыкновеннымъ послѣдованіемъ вечерни и утрени существовало въ разсматриваемое нами время пѣсенное послѣдованіе той и другой, хотя, безъ сомнѣнія, и не во всѣхъ церквахъ Россіи. О нераспространенности въ Россіи „Пѣсеннаго послѣдованія“ въ XIV вѣкѣ можно заключать на основаніи единичности памятника, сохранившаго его до насъ ³⁾; о перенесеніи же этого послѣдованія къ намъ въ Россію изъ земель славянскихъ также даетъ намъ основаніе заключать самый богослужебный памятникъ, носящій въ своемъ правописаніи ясныя слѣды правописанія сербскаго. Время происхожденія самаго памятника — конецъ XIV или начало XV вѣка, а также мѣсто происхожденія его—земли южно-славянскія и въ частности Сербія даютъ намъ основаніе заключать о перенесеніи его въ Россію подъ вліяніемъ митр. Кипріяна, занимавшаго митрополичью кафедру церкви русской именно въ этотъ промежутокъ времени и бывшаго родомъ Сербъ.

Порядокъ *пѣсенной вечерни* совершенно отличенъ отъ порядка вечерни обыкновенной. Послѣ предначинательнаго псалма на пѣсенной вечернѣ слѣдовало пѣніе трехъ антифоновъ съ тѣмиже самыми припѣвами, которые пѣлись и на литургіи, и чтеніе священникомъ трехъ же антифонныхъ молитвъ: „Благословенъ еси Господи, Владыко всдержителю, просвѣтительный день свѣтомъ солнечнымъ“, „Господи, Господи, избавлей насъ отъ всякія стрѣлы, летящія во дни“, и „Боже великій и страшный, Святой и человеколюбивый, сподобивый насъ въ сей часъ стати предъ не-

¹⁾ Служб. рук. М. С. библ. № 347, 134—139 (Опис. III, I, 34).

²⁾ Eucholog. Goarg. p. 55. ³⁾ Требн. М. С. библ. № 371 л. 95—96 (Опис. III, I, 138—139 и 141).

приступною ти славою“. Послѣ втораго антифона пѣлась пѣсня: „Единородный Сыне“, а послѣ третьяго Трисвятое и за нимъ во вторникъ и четвергъ, если въ эти дни не было ни литургіи, ни лѣтїи, читалась молитва объ оглашенныхъ: „Боже, иже тайныхъ вѣдче, вѣдый вся прежде бытія ихъ“. За этою молитвою, послѣ выхода изъ церкви оглашенныхъ, читались три молитвы о вѣрныхъ: „Господи Боже нашъ, нынѣ есмь сердцемъ приходимъ къ тебѣ“, „Господи Боже, обитаѣй въ свѣтѣ непреступнѣмъ“ и „Боже великій и вышній, еднѣ имѣѣй безсмертіе“; на окончаніе читалась молитва на главопреклоненіе: „Господи Боже преклонивый небеса“, за которою слѣдовалъ отпустъ ¹⁾. Подобнымъ же образомъ описываетъ чинъ пѣсенной вечерни и Симеонъ Солунскій ²⁾.

Относительно совершенія *пѣсенной утрени* въ XIV вѣкѣ въ церкви Русской мы находимъ указанія только на послѣднюю часть ея, начиная отъ „Слава въ вышнихъ Богу“. Послѣ входа, который предшествовалъ великому славословію, пѣлось великое славословіе и по трисвятомъ читалась молитва отпустная, двѣнадцатая изъ читаемыхъ въ настоящее время на утрени. За нсю слѣдовала главопреклонная молитва оглашенныхъ: „Благослови и нынѣ, Господи, рабы своя оглашенные“, читавшаяся только въ теченіи пяти недѣль, предшествовавшихъ св. четырехдесятиницѣ, три раза въ каждую недѣлю—во вторникъ, четвергъ и субботу; въ первые два изъ этихъ дней подъ тѣмъ условіемъ, если въ эти дни не будетъ литургіи или праздника. По отпущеніи оглашенныхъ читались двѣ молитвы вѣрныхъ: „Господи, Господи, твой естъ день“ и „Установленіемъ твоимъ, Господи, Господи“... Послѣдованіе оканчивалось главопреклонною молитвою, читаемою въ концѣ послѣдованія и обыкновенной утрени ³⁾.

Въ разсматриваемый же нами періодъ времени, благодаря дѣятельности митр. Кириіана, появились особенности и въ послѣдованіи *часовъ*, именно положено было на каждомъ часѣ читать пять молитвъ: три антифонныхъ, отпустную и главопреклонную, собранныхъ изъ разныхъ древнихъ

¹⁾ Требн. М. С. библ. № 371, 87—91 (Опис. III, I, 138—139).

²⁾ Писан. св. отц. и учит. церк. т. II стр. 473—484. ³⁾ Треб. М. С. библ. № 371 л. 95 об. 96 (Опис. III, I, 141—142); Evcholog. Goar. p. 55 и 56 Писан. св. отц. и учителей церкви т. II стр. 498—499.

требниковъ и переведенныхъ названнымъ митрополитомъ съ греческаго языка на славянской ¹⁾. Всѣ эти молитвы въ настоящее время въ церковномъ употребленіи уже неизвѣстны и даже при самомъ введеніи въ богослужебную практику церкви Русской онѣ составляли исключительное явленіе и не были обязательны для всѣхъ, но только для тѣхъ, „кто произволяетъ прилѣжай подвигу“ ²⁾, какъ сказано въ самомъ надписаніи къ этимъ молитвамъ.

Таковы были существенныя измѣненія въ порядкѣ послѣдованія вечерни, утрени и часовъ, перенесшія къ намъ изъ Греціи и введенныя въ нашу богослужебную практику, благодаря главнымъ образомъ дѣятельности митрополита Кипріяна.

Приступая къ разсмотрѣнію особенностей порядка совершенія *литургіи Златоуста* въ XIV вѣкѣ сравнительно съ послѣдованіемъ ея въ предшествовавшіе вѣка, мы должны сказать, что въ этотъ вѣкъ въ церкви греческой, а потомъ и въ церкви Русской произошли весьма важныя перемѣны въ этомъ отношеніи. Именно во второй половинѣ XIV вѣка патріархъ Константинопольскій Филооей (1362—1365, 1369—1379) на основаніи разныхъ греческихъ списковъ литургіи Златоуста, имѣя въ виду установить единообразіе въ совершеніи ея, составилъ новую редакцію этой литургіи, которая вскорѣ послѣ своего появленія была перенесена въ Русь митрополитомъ Кипріяномъ ³⁾. Этотъ митрополитъ, заботясь объ упорядоченіи богослуженія вѣрнопной ея управленію церкви Русской, самъ перевелъ и собственноручно переписалъ чинъ литургіи Златоуста по редакціи патр. Филооея ⁴⁾. Вслѣдствіе этого въ XIV вѣкѣ на Руси явилось двѣ редакціи литургіи Златоуста: старая до-Филооевская, и новая, принадлежащая патр. Филооею.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію порядка литургіи по той и другой ея редакціи, необходимо сказать нѣсколько словъ относительно количества священниковъ, имѣвшихъ право, въ случаѣ отсутствія діакона, совершать литургію въ разсматриваемое нами время. Вслѣдствіе малаго количества діаконовъ въ XIV вѣкѣ на Руси, этотъ вопросъ, какъ показываютъ памятники, занималъ духов-

¹⁾ Треб. М. С. библ. № 371, 116—124 (Опис. III, I, 144). ²⁾ Ibid.

³⁾ Христ. чтен. 1868, II, 558. ⁴⁾ Служеб. М. С. библ. № 344 (Опис. III, I, 11).

ныхъ лицъ того времени и двукратно были предлагаемы на рѣшеніе высшей духовной власти: первый разъ онъ былъ предложень Сарайскимъ епископомъ Теогностомъ Константинопольскому собору 1301 года, а второй всѣмъ духовенствомъ Россіи митр. Кипріану. Тотъ и другой дали на этотъ вопросъ противоположные отвѣты: соборъ Константинопольскій 1301 года дозволилъ служить многимъ священникамъ безъ дьякона; въ этомъ случаѣ священникъ, замѣняющій діакона, долженъ былъ говорить ектенію, стоя въ алтарѣ ¹⁾; но митр. Кипріанъ строго запретилъ это. Онъ писалъ по этому случаю, что „пѣсть въ поповствѣ ни младости, ни старости, того дѣла неслично тому быти, а колико бы то было, чтобы попу діаконovati, ино потомъ будетъ ни попь ни діаконъ; того дѣла нелзѣ тому такъ быти: попь есть попь, а діаконъ дьяконъ ²⁾“. Очевидно, что первое изъ этихъ опредѣленій сдѣлано было, какъ исключеніе, по отношенію только къ Сарайской епархіи, хотя приложеніе его на практикѣ, въ видѣ отступленія отъ принятаго порядка, возможно было и въ другихъ епархіяхъ церкви Русской.

Изъ особенностей порядка совершенія литургіи Златоуста въ XIV вѣкѣ по старой ся редакціи, которыхъ мы не встрѣчали въ вѣка предшествовавшіе, въ разсматриваемое нами время прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе появленіе молитвъ входныхъ, т.-е. молитвъ, положенныхъ читать священнику при входѣ въ церковь предъ совершеніемъ литургіи. Кромѣ молитвъ, читавшихся священникомъ предъ литургіею въ предшествовавшее время, мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ молитвъ, которыя въ слѣдствіи, восполняясь все болѣе и болѣе, составили опредѣленную часть богослуженія, долженствующую необходимо предшествовать литургіи. Но нужно сказать, что въ разсматриваемое нами время эти молитвы составляли въ богослужебной практикѣ церкви Русской еще исключеніе изъ общаго установившагося въ предшествовавшіе вѣка порядка и ихъ мы находимъ только въ двухъ служебникахъ, сохранившихся до насъ отъ XIV вѣка, и притомъ соединенными съ молитвами, положенными читать предъ литургіею въ предшествовавшее время. По одному изъ этихъ служебниковъ священникъ, входя въ церковь,

¹⁾ Чтен. въ общ. истор. и древн. 1860 г. кн. 2; III, 34—35

²⁾ Акт. историч. т. I стр. 20.

долженъ былъ читать: „Радуйся, дворе Божіа“ и „Непреходимая дворе, тайно знаменана, благословенная Богородице“; приидя къ царскимъ дверямъ: „Пречистому твоему образу“, а входя въ алтарь, долженъ былъ читать псалмы 14 и 22, Трисвятос и по *Отче нашъ*, „Помилуй насъ, Господи“, слава и нынѣ „Милосердія источникъ“ и тропари дневнаго святаго и храма. За этимъ непосредственно слѣдовало умореніе рукъ съ пѣніемъ пятидесятаго псалма и чтеніе тѣхъ же трехъ молитвъ, которыя полагалось читать первыми священнику предъ литургіею въ XII вѣкѣ ¹⁾. По другому изъ служебниковъ, предъ литургіею священникъ долженъ былъ читать: „Пречистому твоему образу“., „Непреходимая дворе“., псалмы 14, 22 и 50, Трисвятос и по *Отче нашъ* „Помилуй насъ, Господи“, и молитвы: „Господи, низпосли руку твою“ и „Владыко Господи Боже вседержителю, нехотій смерти грѣшникомъ ²⁾“. Между древними греческими списками литургіи Златоуста мы не находимъ такого, который бы вполне могъ служить оригиналомъ для пригеденныхъ нами русскихъ служебниковъ. Нѣкоторыя изъ молитвъ этихъ служебниковъ, именно тѣ, которыя читаются священникомъ предъ литургіею въ настоящее время, читались также предъ литургіею и въ греческой церкви, но въ совершенно иномъ порядкѣ ³⁾. Кроме этого, въ молитвахъ, читавшихся предъ литургіею, мы находимъ въ разсматриваемой вами вѣкѣ еще одну особенность, которая такъ же не была всеобщей, именно послѣ двухъ молитвъ, читавшихся и въ предшествовавшее время: „Владыко Господи вседержителю, нехотій смерти грѣшникомъ...“ и „Владыко, Господи Боже нашъ, вынѣ хотящу ми приступити къ страшнѣй ти и чуднѣй тайнѣ...“, священникъ читалъ третью молитву, нечитавшуюся прежде: „Боже вседержителю, великоименный Господи, давыи намъ входъ въ святая святымъ...“, и по прочтеніи ея кланялся три раза у престола, читая: „Царю небесный ⁴⁾“. Этой особенности въ чтеніи молитвъ предъ литургіею, точно такъ же какъ и предшествовавшихъ, въ древнихъ греческихъ спискахъ литургіи Златоуста мы не находимъ.

При облаченіи священника въ разсматриваемый нами

¹⁾ Служеб. рук. XIV в. № 522. 1—9 ср. рук. М. С. библ. № 312, 1—7 (Опис. III, I, 1 и 2). ²⁾ Братское Слово 1876 г. I, 49 и 58. ³⁾ Evcholog. Goar. p. 87. ⁴⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 523, 1—7.

вѣкъ, какъ и въ предшествовавшіе, никакихъ молитвъ не полагалось и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церкви русской вошло въ обыкновеніе, несогласно впрочемъ съ практикою церкви греческой, читать при этомъ случаѣ молитву: „Молю тя, Господи, отыми отъ мня беззаконія моя“ ¹⁾).

Относительно лицъ, совершавшихъ проскомидію, въ рассматриваемое нами время существовала такая же смѣшанная практика, какую мы видѣли и въ предшествовавшее время: проскомидія совершалась какъ священниками, такъ и діаконами. На вопросъ Сарайскаго епископа Осогноста Константинопольскому собору: „если будетъ много священниковъ и діаконѡвъ, слѣдуетъ ли игумену совершать проскомидію? этотъ послѣдній отвѣчалъ: „если будетъ въ числѣ священнослужущихъ игумень старшій, то онъ пусть посылаетъ діакона, если же епископъ, то проскомидію совершаютъ всѣ“ ²⁾. Но на ряду съ этимъ правиломъ Константинопольскаго собора, дозволявшаго, согласно съ практикою церкви Греческой ³⁾, совершать проскомидію діаконамъ, мы встрѣчаемъ прямое запрещеніе относительно этого митр. Кипріяна. „Дьякону цельзѣ проскурмисати“, писалъ онъ, имѣя, быть можетъ, въ виду практику церкви Сербской, „слуга бо есть, попу неравень“ ⁴⁾. Несмотря на это прямое запрещеніе митр. Кипріяна совершать проскомидію діаконамъ, смѣшанная практика относительно лицъ, совершающихъ проскомидію, продолжала существовать въ церкви русской не только въ рассматриваемомъ нами, но и въ слѣдующемъ вѣкѣ.

Что касается вещества, необходимаго для таинства евхаристіи, то въ рассматриваемое нами время необходимо требовалось, чтобы на просфорѣ, изъ которой долженъ быть изъятъ агнецъ, былъ крестъ. „Проскуры же кресты или доры, нѣсть въ томъ различіе кое; аще ли будетъ кресты на дорѣ, проскура дорная достоинъ быти агнца ради“ ⁵⁾, писалъ митр. Кипріянь игумену Аванасію во Псковъ. Относительно второй принадлежности, необходимой для совершенія таинства евхаристіи—вина, смѣшаннаго съ водою, въ Псковской области, близкой къ западу и знакомой съ богослужебной практикой церкви

¹⁾ Служеб. рук. М. С. библ. № 348 (Опис. III, I, 35). ²⁾ Чтен. въ общ. истор. и древн. Рос. 1860 кн. 2, III, 36. ³⁾ Писан. св. отц. и учит. церк. т. II. стр. 133. ⁴⁾ Акт. историч. т. I стр. 477. ⁵⁾ Ак. историч. т. I, стр. 478.

Латинской, подъ вліяніемъ этой послѣдней въ разсматриваемое нами время появилось одно неправильное измѣненіе, именно священники этой области начали совершать литургію на одномъ винѣ. Митрополитъ Кипріанъ счелъ нужнымъ написать Псковичамъ по этому случаю о неразумности отступленія отъ древняго обычая совершать евхаристію на винѣ, рстворенномъ водою, и счелъ нужнымъ представить основанія для этого послѣдняго ¹⁾.

Порядокъ совершенія проскомидіи въ разсматриваемый нами вѣкъ былъ таковъ же, какъ и въ предшествовавшіе вѣка. Число просфоръ на проскомидіи было пять ²⁾, и какъ исключеніе изъ общаго правила, четыре и три. При четырехъ просфорахъ изъ второй просфоры вынималась частица въ честь дневнаго святаго, изъ третьей—за живыхъ и изъ четвертой—за умершихъ ³⁾. Три просфоры на проскомидіи въ разсматриваемое нами время употреблялось тогда, когда литургія совершалась за болящаго ⁴⁾. Кромѣ этого, говоря о количествѣ просфоръ въ XIV вѣкѣ, должно замѣтить, что въ это время при многочисленности священнослужащихъ дозволялось вынимать два и даже три агнца; но при возношеніи должно было брать только одинъ агнецъ, „да имъ однимъ другіе святятся“; отъ одного же изъ этихъ двухъ агнцевъ долженъ былъ причащаться и повопоставленный ⁵⁾.

Изъ частныхъ особенностей порядка совершенія проскомидіи въ XIV вѣкѣ должно замѣтить то, что вмѣсто прежней молитвы предъ приготовленіемъ агнца: „Славлю тя, Господи, яко сподобилъ мя еси пріятію святому тѣлу...“, читалась въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, только мѣстахъ церкви русской молитва: „Пріими, Отче небесный, жертву сію“, а по приготовленіи агнца—„Господи Боже нашъ, положивыйся самъ агнецъ непороченъ“, читавшаяся такъ же и въ церкви греческой на этомъ мѣстѣ ⁶⁾. Существовалъ такъ же обычай въ разсматриваемое нами время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церкви русской читать эту послѣд-

¹⁾ Ibid. ср. Прилож. къ II т. Истор. р. церк. Макар. стр. 357, 365—366. ²⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 522, 9—12; № 523, 7—12; рук. М. С. библ. №№ 344, 346 и 347 (Опис. I, III, 14, 27, 30). ³⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 526, 4—6 и рук. М. С. библ. № 345 л. 5 (Опис. I, III, 21). ⁴⁾ Чипъ елеосвящ. рук. Соф. библ. №№ 1053, 28; 1054, 23 об. ⁵⁾ Чтен. въ общ. истор. и древн. 1860, 2, III, 34. ⁶⁾ Служеб. рук. М. С. библ. № 345, 5 (Опис. III, I, 21); Evcholog. Goar. p. 98 и 104.

нюю молитву по окончаніи проскомидіи предъ покровеніемъ даровъ, какъ показываетъ самое надписаніе ея, находящееся въ одномъ изъ нашихъ служебниковъ разсматриваемаго вѣка: „молитва не покрывъ дары“ ¹⁾).

Послѣ совершенія проскомидіи, какъ и въ предшествовавшемъ вѣкѣ, полагалось каженіе; но кромѣ этого въ разсматриваемое нами время совершалось и другое дѣйствіе, именно благословеніе даровъ кадиломъ съ произнесеніемъ словъ: „о предложенныхъ честныхъ дарѣхъ Господу Богу нашему помолимся“, послѣ чего читалась обычная молитва: „Боже, Боже нашъ, небесный хлѣбъ“ ²⁾)... Крестообразное благословеніе даровъ кадиломъ замѣнило собою, быть можетъ, крестообразное каженіе жертвенника по окончаніи проскомидіи, существовавшее въ церкви греческой, какъ даютъ намъ право заключать изъ некоторыхъ древніе списки литургіи Златоуста ³⁾; но можетъ быть также, что оно и не имѣло своимъ основаніемъ указаннаго дѣйствія, употреблявшася въ церкви греческой, и было самостоятельною особенностію богослуженія церкви русской. Вполнѣ безусловно рѣшить вопросъ о русскомъ или греческомъ происхожденіи крестообразнаго благословенія даровъ по окончаніи проскомидіи! невозможно по недостатку ясныхъ и точныхъ свидѣтельствъ.

За чтеніемъ молитвы „Боже, Боже нашъ, небесный хлѣбъ“... слѣдовало покровеніе даровъ. Въ этомъ моментѣ богослуженія въ разсматриваемый нами вѣкъ также произошла нѣкоторая переменѣна, состоявшая въ томъ, что къ прежнимъ словамъ, произносившимся при покровеніи даровъ покровцами, присоединились слова при покровеніи ихъ воздухомъ и при поставленіи звѣздицы; такъ что общій видъ покровенія даровъ въ разсматриваемое нами время имѣло такой: при поставленіи звѣздицы священникъ говорилъ: „Свѣтъ Святаго Духа нынѣ и присно“..., при покровеніи дискаса: „Господь воцарися, въ лѣпоту облечеса“, при покровеніи чаши: „Облечеса Господь въ силу и препоясашеса“, при покровеніи же обоихъ: „Дому твоему подобаеть святыня“... ⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ служебникахъ при послѣднихъ словахъ положено кадить дары ⁵⁾, а въ

¹⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 520, 40 об. ²⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 522, 14. ³⁾ Eucholog. Græc. p. 101. ⁴⁾ Служеб. библ. гр. Толст. № 274 л. 3; ркн. М. С. библ. № 345, 7 (Опис. III, I, 21).

⁵⁾ Служеб. ркн. Соф. библ. № 523, 14 об.; № 526, 7 об.

другихъ благословлять ихъ ¹⁾). Между Греческими списками литургіи Златоуста, известными намъ, мы не находимъ такого, который бы могъ служить для нашихъ служебниковъ оригиналомъ въ этомъ отношеніи.

Предъ началомъ литургіи читалась только одна молитва: „Царю небесный“ и то не вездѣ, какъ можно заключать на основаніи малочисленности памятниковъ, въ которыхъ она находится ²⁾). Относительно же испрошенія діакономъ у священника благословенія предъ началомъ литургіи въ различныхъ служебникахъ различно и кратко замѣчено: „и поклонятся трижды попъ и дьяконъ предъ святою трапезою и речетъ дьяконъ: Господи, благослови, и попъ благословитъ“, сказано въ однихъ служебникахъ ³⁾). „И цѣлуютъ престоль“, читаемъ въ другихъ служебникахъ, „глаголющи: время Господеви створити литургію; Господи, благослови, отче. И глаголютъ покаяніе“ (вѣроятно 50 псаломъ) ⁴⁾). Наконецъ, въ служебникахъ третьяго разряда по окончаніи проскомидіи мы читасмъ: „Поклоншася оба (священникъ и діаконовъ) предъ трапезою трижды. Таже дьяконъ, възма отъ попа благословеніе, речетъ: Благослови владыко“ ⁵⁾). Въ древнихъ греческихъ спискахъ литургіи Златоуста благословеніе священникомъ діакона предъ началомъ литургіи также очень кратко, но все-таки пространнѣе, чѣмъ оно излагается въ указанныхъ нами русскихъ служебникахъ: въ нихъ указаны слова, которыя долженъ произносить священникъ при благословеніи діакона; въ прочемъ же они сходны между собою ⁶⁾).

Въ самомъ чинѣ литургіи Златоуста въ разсматриваемый нами вѣкъ существовали слѣдующія особенности:

Время чтенія антифонныхъ молитвъ было двоякое; по однимъ изъ служебниковъ онѣ читались тогда же, когда читаются и теперь ⁷⁾), а по другимъ согласно съ Крпиферратскимъ спискомъ литургіи Златоуста, т.-е. также, какъ нами уже было указано въ XIII вѣкѣ при разсужденіи объ этомъ предметѣ ⁸⁾).

¹⁾ Служеб. ркп. Соф. библ. № 522, 14, ркп. библ. гр. Толст. № 274, 3 об. ²⁾ Служеб. ркп. Соф. библ. № 523, 14; ркп. библ. гр. Толст. № 274, 3 об. ³⁾ Служеб. ркп. Соф. библ. № 522, 14; ркп. Румянц. муз. №№ 398 и 399 (Вр. Слово 1876, 1, 19.) ⁴⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 523, 14 об. ⁵⁾ Служеб. ркп. Соф. библ. № 526, 7 об.; библ. гр. Толст. № 274 л. 4 об. ⁶⁾ Eucholog. Goar. p. 101 и 104. ⁷⁾ Служеб. ркп. Соф. библ. № 526, 9—10; № 523, 14. ⁸⁾ Служеб. ркп. Соф. библ. № 522, 15—16; Eucholog. Goar. p. 101.

Пѣснь „Святый Боже“ пѣлась только одинъ послѣдній разъ въ алтарѣ, а прочіе разы на клиросѣ ¹⁾).

Молитва горняго мѣста, появившаяся въ богослужебной практикѣ церкви русской, какъ можно судить на основаніи сохранившихся до насъ богослужебныхъ памятниковъ, только въ XIV вѣкѣ, читалась пѣсколько отлично отъ нынѣшней и ей предшествовало чтеніе священникомъ молитвы: „Царю небесный“ ²⁾).

Молитва предъ Евангеліемъ: „Возсіай въ сердцахъ нашихъ“ не читалась, но вмѣсто нея, въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ церкви русской, читалась другая молитва, не находящаяся въ древнихъ греческихъ спискахъ литургіи Златоуста: „Словесъ сихъ ради святыхъ прощеніе дай же ми, Боже“ ³⁾).

За упокой на сугубой ектеніи возглашалось только одно прошеніе, послѣ котораго „Господи помилуй“ пѣлось сорокъ разъ ⁴⁾, съ очевидною цѣлію выразить усиленное моленіе.

Раскрытіе антими́нса дѣлалось въ тотъ же моментъ богослуженія и тѣмъ же лицомъ, какъ и въ предшествовавшіе вѣка ⁵⁾).

Предъ перенесеніемъ св. даровъ съ жертвенника на престолъ, „по дары идуще“, читалась молитва: „Благодѣтелю всея твари, всяческимъ сдѣтелю“, та самая, которая въ XII вѣкѣ читалась за входящихъ въ церковь и которая въ Барбериновомъ спискѣ литургіи Златоуста называется „молитвою входа“ ⁶⁾; а по перенесеніи даровъ, которому предшествовало умовеніе и которое совершалось при чтеніи 50 псалма, или читалась молитва: „Владыко Господи, животворяй, благихъ дателю“, находящаяся въ литургіи ап. Іакова ⁷⁾, или же, кады дары, священникъ говорилъ только: „святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣ“, и читалъ молитву: „Царю небесный“ ⁸⁾. Эта послѣдняя особенность, можно думать, перешла къ намъ изъ древ-

¹⁾ Акт. Историч. т. I стр. 20, 476 и 477. ²⁾ Служебн. рук. Соф. библ. №№ 522, 19; 523, 20 об. 526, 11.; ркп. библ. гр. Толст. № 274, 12; ³⁾ Служебн. рук. М. С. библ. № 345, 11 (Опис. III, I, 21). ⁴⁾ Служебн. рук. Соф. библ. № 523, 22. ⁵⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 523, 23 об. и № 522, 21 об. ⁶⁾ Ibid. №№ 520. 9 об. 526, 15; рук. М. С. библ. № 345, 15 (Опис. III, I, 21). Eucholog. Goar. p. 98. ⁷⁾ Ibid. № 520, 13; № 526, 17; рук. М. С. библ. № 345, 15 об. (Опис. III, I, 21) Аѳст. Graecolat, Duc. II. 6. ⁸⁾ Ibid. № 522, 26; № 523, 29; библ. гр. Толст. № 274, 24.

нихъ греческихъ списковъ литургіи Златоуста съ тѣмъ только отличіемъ, что въ служебникахъ русской церкви она заняла мѣсто по перенесеніи даровъ, а въ служебникахъ церкви греческой она полагалась предъ нимъ и имѣла притомъ нѣсколько иной видъ. По Кристоферратскому списку литургіи Златоуста, предъ перенесеніемъ даровъ съ жертвенника на престолъ діаконь, кланаясь предъ престоломъ, читаетъ молитву: „Царю небесный“, а священникъ, беря чашу, говоритъ: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, полны суть небеса и земля славы Его“¹⁾. Очень возможно предположить, что эта особенность Кристоферратскаго списка литургіи Златоуста послужила основаніемъ такойже особености, только въ измѣненномъ нѣсколько видѣ, находящейся въ нашихъ служебникахъ XIV вѣка.

Послѣ возгласа: „Возлюбимъ другъ друга“ священникъ, также какъ и въ предшествовавшее время, говорилъ отвѣтный стихъ: „Отца, Сына и Св. Духа“²⁾, а во время пѣнія Символа вѣры священникъ, воздѣвши руки, читалъ молитву: „Господи Іисусе Христе, любви творче и дателю“...³⁾. Молитва эта въ тробникахъ XIV вѣка, согласно съ греческими списками, надписывается: „молитва въ любовь, еже ссть миръ“⁴⁾ и была внесена въ служебники того времени несомнѣнно вслѣдствіе тѣсной связи своего содержанія съ возгласомъ: „Возлюбимъ другъ друга“.

Послѣ молитвы „въ любовь, еже есть миръ“, не вездѣ, впрочемъ, какъ мы можемъ заключить на основаніи малочисленности богослужебныхъ памятниковъ, читалась молитва „откровенія даровъ“—та самая, которая читалась и въ предшествовавшемъ вѣкѣ⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ церкви русской откровеніе даровъ, также согласно съ практикою прежняго времени, дѣлалось при произнесеніи священникомъ, во время возгласа діакона: „Станемъ добръ“, словъ пѣсни: „Святый Боже“⁶⁾.

Дальнѣйшее послѣдованіе литургіи Златоуста, по старой ея редакціи, вполне согласно съ послѣдованіемъ ея въ XIII вѣкѣ⁷⁾, исключая немногихъ разностей въ молит-

¹⁾ Eucholog. Goar. p. 102. ²⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 522, 29 и № 523, 31. ³⁾ Ibid. № 520, 16; № 526, 18 об.; рук. библ. гр. Толст. № 274, 28. ⁴⁾ Треб. рук. М. С. библ. № 371, 29 об. (Опис. III, I, 130); Eucholog. Goar. p. 898. ⁵⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 520, 37 и № 526, 31. ⁶⁾ Ibid. № 523, 31 об. ⁷⁾ Ibid. №№ 520, 21—37; 522, 32—39; 523, 35—49; 526, 21—31 и др.

вахъ при причащеніи священнослужащихъ; именно кромѣ молитвъ, читавшихся въ предшествовавшіе вѣка, полагалось читать еще или краткое исповѣданіе: „Вѣрую въ Тя, Господи, яко Ты еси Сынъ Божій“ ¹⁾, или, кромѣ молитвы „Дажь ми, Господи Исусе Христе, Сыне Божій, избавитель рода человѣческаго“, молитву не встрѣчавшуюся въ служебникахъ предшествовавшаго времени: „Господи, се възму плоть и кровь твою“ ²⁾, или же наконецъ, кромѣ другихъ молитвъ — „Вечери твоея тайны“ ³⁾. При опущеніи св. даровъ въ чашу послѣ причащенія священнослужащихъ полагалось читать три слѣдующія молитвы: „Тѣло и кровь, юже пріяхъ, Владыко святыи“., „Тѣло твое святое, Господи, буди мнѣ въ животъ вѣчный“ и: „Буди мнѣ, Господи, на отпущеніе грѣховъ“; изъ нихъ двѣ послѣднія — тѣ самыя, которыя читались при причащеніи священнослужащихъ въ предшествовавшіе вѣка ⁴⁾. Вліяніе теплоты въ чашу въ разсматриваемое нами время было исключительнымъ явленіемъ въ церкви русской, какъ мы можемъ заключать на основаніи единичности памятника, свидѣтельствующаго о существованіи его. Священникъ при этомъ, согласно практикѣ церкви греческой, говорилъ только: „Исполненіе святаго Духа“ ⁵⁾.

Оканчивалась литургія Златоуста въ XIV вѣкѣ такъ же, какъ и въ предшествовавшіе вѣка, съ тѣмъ впрочемъ отличіемъ, что въ концѣ ея въ это время читалась одна особенная молитва, которой мы не видѣли въ служебникахъ предшествовавшаго времени, именно по потребленіи даровъ полагалось читать: „Нынѣ отпускаеши“ и „молитву поклону: Преклонше колѣна и главы наша до земли, мы грѣшніи молимтися просяще отдавіе грѣховъ“ ⁶⁾.

Всѣ эти особенности древней редакціи литургіи Златоуста въ XIV вѣкѣ необходимо существовали и въ литургіи Василія Великаго — въ тѣхъ частяхъ этой послѣдней, въ которыхъ она буквально сходна съ первою. Но кромѣ этихъ общихъ особенностей литургія Василія Великаго имѣла въ XIV вѣкѣ и свои собственныя, изъ которыхъ однѣ были тѣ же, что встрѣчались и въ предшествовав-

¹⁾ Служеб. рук. М. С. библ. № 345, 25. (Опис. III, I, 25). ²⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 523, 44 об. ³⁾ Ibid. № 522, 38. ⁴⁾ Ibid. № 523, 45—46. ⁵⁾ Ibid. л. 44. Fvcholog. Goar. p. 103. ⁶⁾ Ibid. № 526, 31.

шіе вѣка, а другія—новыя, не имѣвшія мѣста въ служебникахъ предшествовавшаго времени. Къ первымъ принадлежитъ: чтеніе особой молитвы надъ кадиломъ: „Господи, Боже нашъ, пріимый Авелевы дары“, отсутствіе словъ при благословеніи даровъ: „Преложивъ Духомъ твоимъ святымъ“ и, наконецъ, чтеніе, отличной отъ нынѣшней, заамвонной молитвы: „Владыко, Господи Иисусе, Спасе нашъ, сподобивый ны своя слава общникомъ быти“; ко вторымъ: чтеніе двухъ молитвъ надъ приготовленными дарами: „Господи Иисусе, хлѣбе животный“.., и „Владыко Господи животворяй, благихъ дателю“..¹⁾ и чтеніе особой молитвы трисвятаго: „Святе святыхъ, Боже нашъ, единъ святъ на святыхъ почиваяй“¹⁾. Обѣ эти послѣднія особенности литургіи Василя Великаго находятся въ древнихъ литургіяхъ: первая въ литургіи ап. Іакова, вторая въ Барбериновомъ спискѣ литургіи Златоуста²⁾ и изъ нихъ, безъ сомнѣнія, перешли къ намъ.

Н. Одинцовъ.

¹⁾ Служеб. рук. Соф. библ. №№ 520, 60, 521, 1—2, 22 и 34 об.; 526, 44 и 54; рук. М. С. библ. № 345 (Опис. III, I, 23). ²⁾ *Actar Graecolat Duc.* II, 6; Христ. Чтен. 1874 кн. 8 и 9, стр. 160 и *Evcholog Goar.* p. 98.

Т О Л К О В А Н І Е
ВТОРАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА
КЪ КОРИНТЯНАМЪ.

Г) Слово благовѣстія самодѣйственно, 4, 1—6.

Бывъ избранны разносить слово благовѣстія, говорятъ Апостоль, мы всю заботу обращаемъ на то, чтобы ничего къ нему не примѣшивать, а представлять его совѣсти каждаго въ его чистотѣ. Бывъ принято совѣстію, оно само уже производитъ свое дѣло; развиваетъ покаяніе и приводитъ ко Господу, о имени коего дастся отпущеніе грѣховъ. Такъ идетъ обращеніе язычниковъ. Іудеи обращаются чрезъ законъ и пророковъ, если не омрачаются умы ихъ суевѣріемъ, а язычники обращаются дѣйствіемъ совѣсти и страха Божія, лежащихъ въ духѣ чловѣка, если сіи стихии Божіи не заглушены дѣйствіемъ бога вѣка сего.— Вотъ тайна дѣйствія благовѣстія нашего, которому нынѣ возсіять благоволилъ Господь во тмѣ вѣка сего, какъ первоначально повелѣлъ возсіять свѣту изъ тмы.

4, 1. *Сего ради имуще служеніе сіе, якоже помиловани быхомъ, не стужаемъ си.*

Сего ради: по причинѣ такого преславнаго плода въ вѣрующихъ, производимаго благовѣстіемъ нашимъ, мы, *имуще служеніе сіе*, т.-е. служенія благовѣстія, ввѣрен-

наго намъ по милости и челоуѣколюбію Божію, *не стужаемъ си*, не унываемъ, не тяготимся трудностію дѣла, не остапавливаемся предъ препятствіями, все зависящее отъ насъ съ охотою дѣлаемъ, ради того, что отъ этого исходить такое благо для васъ и всѣхъ вѣрующихъ.

Цѣль Апостола—держать вниманіе на небесномъ происхожденіи благовѣстія, чтобъ имѣть основаніе въ концѣ сказать, что если разливается нынѣ такой свѣтъ вѣдѣнія, то это потому, что возсіялъ его Богъ, повелѣвшій и первоначально возсіять вещественному свѣту. „Для сего онъ употребляетъ такой оборотъ рѣчи, которымъ показываетъ, что все зависитъ не отъ собственныхъ его совершенствъ, по отъ челоуѣколюбія Божія; почему и говоритъ: *имуще служеніе сіе*. То-есть мы ничего не привнесли своего, мы только служители у Бога и исполнители данныхъ отъ Него наставленій. Посему онъ и называетъ свое апостольское дѣланіе не начальствованіемъ, или водительствою, а только служеніемъ. Но и этимъ еще не довольствуясь, говоритъ далѣе: *якоже помиловани быхомъ*; т.-е. и то самое, что мы поставлены служителями (благовѣстія), и сіе зависитъ только отъ милости и челоуѣколюбія Божія. *Не стужаемъ си*; т.-е. и то, что мы не унываемъ, и сіе надлежитъ приписать челоуѣколюбію Божію. Ибо слова: *якоже помиловани быхомъ*, должно относить какъ къ служенію, такъ и къ симъ словамъ: *не стужаемъ си*. Онъ говоритъ этимъ, что кто удостоился столь великихъ и многихъ благъ, и удостоился только по милости и челоуѣколюбію Божію, тотъ ничего не дѣлаетъ великаго, сколько бы ни трудился, какимъ бы ни подвергался опасностямъ, и какія бы ни терпѣлъ искушенія. Отъ того мы не только не унываемъ, говоритъ, по еще радуемся и дерзаемъ“ (св. Злат.).

Ст. 2. *Но отрехохомся тайнымъ срама, не въ лукавствіи ходяще, ни мстыице словесе Божія, но явленіемъ истины представляюще себе ко всякой совѣсти челоуѣчестній, предъ Богомъ.*

Это главный пунктъ въ семь отдѣленьицѣ. Мы только, говорить, о томъ заботимся, чтобъ чистую истину представить совѣсти каждаго, чистую какъ предъ Богомъ; а она уже сама сдѣлаетъ свое дѣло, лишь бы только была воспринята. Чтобъ истина благовѣстія сохранилась чистою, мы избѣгаемъ всего худаго въ намѣреніяхъ своихъ, въ образѣ своихъ дѣйствій и въ самомъ представленіи истины.

Но отрехохомся тайныхъ срама. Мы отреклись отъ всего срамнаго не внѣшно только, но въ самыхъ сокровенностяхъ сердца отвергнули все срамное,—все срамное, какого бы рода оно ни было. Ни почета или славы, ни выгодъ какихъ, или того, чтобъ искать только пріятнаго себѣ, не имѣемъ мы въ виду. Одна любовь къ истинѣ, одна покорность волѣ Божей руководить нами. Лжеучители внѣшно являются святыми, а внутри оставляютъ петронутыми страсти, какимъ кто поработенъ. Мы совѣмъ не таковы, но блюдемъ сердце свое чистымъ отъ всякаго грѣха и всякой нечистоты, зная, что въ нечистой душѣ истина не удержится. Св. Златоустъ говорить: „лжеапостолы славилась, какъ нелюбостязательныя, — а между тѣмъ они брали дары, только тайно; почитались за святыхъ, а на самомъ дѣлѣ они имѣли множество пороковъ. Мы же, говорить, все сіе отвергнули, т.-е. то, что онѣ называютъ *тайнымъ срама*.“ Экуменій продолжаетъ: „отреклись мы и втайнѣ дѣлать то, что въ явности приноситъ стыдъ. Намекаетъ на лжеапостоловъ, которые являлись въ образѣ благочестія, втайнѣ будучи не хорошими. А мы, говорить, и втайнѣ ничего срамнаго не допускаемъ. Такъ, *не стужаемъ си* въ скорбяхъ, какъ и вы видите; но не внѣшно только, а и внутри не допускаемъ никакого помысла, могущаго посрамить насъ въ семь отношеній; ни малодушія, ни колебанія, ни ропота, ни неблагодарности, и никакой другой мысли не допускаемъ въ сокровенности, которая могла бы посрамить наше: *не стужаемъ си*.“ Такимъ образомъ словами: *отрехохомся тайныхъ срама*, Апостоль сказалъ: мы имѣемъ чистое и непорочное сердце,

чуждое всего срамнаго, напротивъ полное истинно-свя-
тыхъ, нравственно-религіозныхъ чувствъ.

Не въ лукавствѣи ходяще, μη ἐν πανουργία. Не такъ мы дѣйствуемъ, чтобъ одно было на словахъ, и въ дѣлахъ, а другое на умѣ; не опутываемъ никого рѣчами, не увлекаемъ кажущимися добрыми планами, за которыми спря-
тана засада; дѣйствуемъ открыто, и что являются слова наши и дѣла, то суть они и на дѣлѣ. Нѣтъ ничего лукаваго въ образѣ нашего дѣйствованія. Св. Златоустъ говоритъ: „мы не такъ, говорить, возвѣщаемъ, что на словахъ обѣща-
емъ многое, а на дѣлѣ показываемъ другое, какъ дѣлають лжеапостолы; но мы таковыже и на дѣлѣ, какими показы-
ваемъ себя на словахъ; мы не имѣемъ ничего двусмыслен-
наго. Мы и въ самомъ дѣлѣ таковы, какими кажемся, и не имѣемъ ничего скрытнаго и лукаваго, какъ въ жизни нашей, такъ и въ самомъ проповѣданіи. Мы не дѣлаемъ такъ, какъ дѣлають иные, прикрывая дѣла свои, чтобъ обманывать и завлекать“. Отрицаетъ Апостоль у себя всѣ хитрые приемы для привлеченія учениковъ, а вмѣстѣ и всѣ мѣры благоразумія, какія могла бы измыслить ихъ собственная мудрость. Не ухитряемся, а дѣйствуемъ, какъ впустить Духъ Божій, всегда открыто и въ простотѣ сердца, ожидая плода не отъ своего умѣнія дѣйствовать, а отъ Божія благословенія и вседѣйствія.

Ни мѣстѣи словесе Божія, — μη δολοῦντες. Это похоже на то, что выше сказалъ: *не корчемствуя слова*, не поддѣ-
лывая (2, 17). Передаемъ слово; какъ оно есть: когда оно строго, не позволяемъ себѣ смягчать его произволь-
но, изъ человѣкоугодія; если въ немъ невмѣстимо что для мудрости человѣческой, не закрываемъ того и не сокращаемъ, въ надеждѣ помирить его съ сею мудростію; просто ли оно, или крайне высоко, никогда не примѣши-
ваемъ къ нему своихъ соображеній, чтобъ иное припод-
нять, какъ кажущееся не высокимъ, а другое низверъ до-
лу, какъ кажущееся недосыгаемо высокимъ. Мы даже и этихъ, повидимому, невпннхъ приемовъ не позволяемъ

себѣ, боясь облукать слово Божіе; а чтобы прибавить къ слову истины какую-либо ложь и притомъ сознательно, это намъ и на умъ не приходитъ. И надеждами льстивыми не обставляемъ слова благовѣстія нашего, не говоримъ: только увѣруй и счастье потечетъ къ тебѣ рѣкою, а прямо открываемъ, что вѣрующихъ ждутъ скорби, нападки и всякаго рода лишенія. И вообще ничего не примѣшиваемъ къ слову благовѣстія, а предлагаемъ его, какъ оно есть, въ своей природной наготѣ и чистотѣ. Теофилактъ пишетъ: „не только, говорить, жизнь наша проста, чиста, безлуканна, но и слово наше нелицемерно. Ибо мы ничего не примѣшиваемъ къ нему отъ внѣшней премудрости, не обставляемъ льстивыми рѣчами, не прилаживаемъ его къ временамъ и лицамъ, и не учимъ потому нынѣ такъ, завтра иначе.“

Но явленіемъ истины представляюще себе ко всякой совѣсти человѣчестній предъ Богомъ.

Это сходно съ тѣмъ, что выше говорилось о рекомендательныхъ письмахъ (3, 1). Не съ рекомендательными, говорить, письмами являемся мы среди людей въ разныхъ мѣстностяхъ, но съ одною истиною. Она одна представляетъ насъ всюду и насъ рекомендуетъ. Какимъ образомъ? Однимъ явленіемъ ея. Мы ее являемъ во всей чистотѣ, какъ она есть, и она сама удостовѣряетъ слышащихъ, что мы не лжецы, и что слово благовѣстія нашего есть непреложная истина. Это же какъ совершается?—Черезъ совѣсть. Есть въ душѣ cadaго заступникъ за истину благовѣстія—духъ съ присущимъ ему страхомъ Божіимъ и совѣстію. Эти стихіи духовныя одного рода съ словомъ благовѣстія, и тотчасъ спознаются съ нимъ, коль скоро не заглушены духомъ вѣка сего. Слово благовѣстія говоритъ, что мы безотвѣтно грѣшны предъ Богомъ, и совѣсть это сознаетъ; слово благовѣстія увѣряетъ, что всякаго грѣшника ждетъ нелицепріятный судъ и осужденіе, и страхъ Божій подтверждаетъ сію истину. Еслибъ слово благовѣстія на этомъ только останавливалось, то

оно ввергало бы только всѣхъ въ отчаяніе, никого къ себѣ не привлекая, но оно идетъ далѣе, и стѣсненному совѣстию и страхомъ суда предлагаетъ благонадежный исходъ, говоря: Сынъ Божій приходилъ на землю, воплотился, пострадалъ на крестѣ и разодралъ на немъ рукописание грѣховъ всего міра; вѣруй въ Него, и получишь отпущеніе грѣховъ, и благодать святаго Духа для новой безгрѣшной жизни, которую чистою сохранивъ до конца, по исходѣ отселѣ будешь воспринять небомъ для вѣчнаго неописаннаго блаженства. Какой духъ незаглушенный могъ противиться силѣ сего благовѣстія?! Вотъ почему слово благовѣстія во всякомъ мѣстѣ находило себѣ примѣ; ибо вездѣ бывали лица, у которыхъ страхъ Божій и совѣсть, естественныя стихіи духа нашего, были живы. Они тотчасъ принимали благовѣстіе, какъ нѣчто родное, что всегда чаялось, но не было находито, и теперь является такимъ радостнымъ гостемъ съ неба. Принимавшіе слово благовѣстія освящались таинствами, возраждались къ новой жизни, получали даръ благодати, и съ сей минуты имѣли уже свидѣтельство въ себѣ не для себя только, но и для всѣхъ окружающихъ. Это дѣйствовало на заглушенный духъ сихъ послѣднихъ, пробуждало его и руководило къ вѣрѣ. Обновленные, они въ свою очередь единымъ присутвіемъ своимъ возбуждали другихъ и влекли къ вѣрѣ. Такъ въ непродолжительномъ времени всѣ, гожія къ вѣрѣ лица прилагались къ ней и составляли малое или большое общество вѣрныхъ Господу рабовъ. Св. Павелъ испытывалъ это во всякой мѣстности, и въ приведенныхъ словахъ объ этомъ именно говоритъ, что они всюду представляли только себя совѣстямъ людей явленіемъ чистой истины, чистой какъ предъ Богомъ, и она обращала къ вѣрѣ; и имъ предлежало только направлять прилагавшихся къ вѣрѣ. Фотій у Экуменія говоритъ: „лжеапостолы не явленіемъ истины, а поддѣльною личною истины представляли себя, и не предъ Богомъ, а въ угожденіе только тѣмъ, которыхъ обольщали.“ Ко-

нечно и обольщаемы ими потому обольщаемы были, что ими напередъ обладалъ лестчій духъ.

Ст. 3. *Аще ли есть покровено благовѣствованіе наше, въ гибнущихъ есть покровено.*

Изложенныя предъ симъ мысли прямо ведутъ къ вопросу: отчего же не всѣ принимали слово благовѣстія? Оттого, что не у всѣхъ былъ въ движеніи духъ со страхомъ Божиимъ и совѣстію. У кого онъ былъ въ движеніи, тѣ тотчасъ принимали благовѣстіе; у кого не могло пробудить духа слово благовѣстія, у тѣхъ пробуждался онъ дѣйствіемъ дивнаго благодатнаго измѣненія, совершавшагося въ вѣровавшихъ; у кого же духъ былъ забить столько, что ни эти, ни другія чрезвычайности не пробуждали его, — тѣ оставались и коснѣли въ псѣвріи. Слово благовѣстія для нихъ оставалось прикровепнымъ; ибо не было органа для принятія его. Духъ у нихъ, имъ естественный, былъ столько забить, что не было къ нему прохода возбудительному благовѣстію. Апостоль называетъ ихъ гибнущими, не потому чтобъ они были обречены на гибель, но потому что они образомъ жизни своей, какъ она сложилась доселѣ, поставили себя въ такое состояніе, что благовѣстіе невмѣстимо для нихъ, покровенно, ничего они въ немъ не могутъ понять, никакою стороною оно не льнетъ къ ихъ душѣ, и душа ничего въ немъ не находитъ, что бы могло интересоватъ ее. Оттого не припимаетъ его, и, какъ спасеніе возможно только подъ условіемъ сего пріятія, остается внѣ области спасаемыхъ, въ средѣ гибнущихъ. Вотъ кого разумѣетъ Апостоль подъ гибнущими. Но нынѣ-завтра какъ-нибудь пробудится и у нихъ духъ, вопиетъ благовѣстію, и они вступятъ въ общество спасаемыхъ. Св. Златоустъ говоритъ, что въ этихъ словахъ Апостоль выражаетъ ту же мысль, какую прежде выразилъ въ словахъ: *овѣмъ убо воия смертная въ смерть, овѣмъ же воия животная въ животъ* (—2, 16). Экуменій влагаетъ Апостолу такую рѣчь: „не наша вина, что для иныхъ

покровенно благовѣстіе наше; причина тому ихъ собственная слѣпота и погибельность.“

Ст. 4. *Въ нихже Богъ вѣка сего ослѣпн разумы невѣрныхъ, во еже не возсіати имъ свѣту благовѣствованія славы Христовы, иже есть образъ Бога невидимаго.*

Богъ вѣка здѣсь тоже означаетъ, что въ другихъ мѣстахъ князь міра (Іоан. 12, 31; 14, 30),—*міродержитель тмы вѣка сего* (Еф. 6, 12),—*духъ дѣйствующій въ сынахъ противленія* (Еф. 2, 2). Богъ онъ вѣка сего, потому что живущіе по духу вѣка покорствуютъ ему, охотно внимаютъ внушеніямъ его и усердно дѣйствуютъ по началамъ его. Эта власть не природная ему, а случайная, основанная на оплошности людей, падкихъ на плотскую жизнь въ самоугодіи. Покорные ему не прямо ему покорствуютъ, а лишь самоугодію преданы, и самоугодіе ихъ отворяетъ ему дверь для входа въ ихъ души, куда вошедши, онъ бушуетъ, увлекаая ихъ на злыя и срамныя дѣла, смотря по степени самоугодливости каждаго. Самъ онъ рѣдко выступаетъ въ дѣло. Его личное дѣло было прельщеніе прародителей, искушеніе Христа Спасителя, и будетъ дѣйствованіе въ антихриствѣ. Обычно же дѣйствуетъ онъ чрезъ полчища бѣсовъ, которые всюду шныряютъ и во все вмѣшиваются, нельзя ли гдѣ соорудить что-либо худое. Иные изъ нихъ поселяются въ тѣлахъ людей, въ тѣхъ частяхъ, чрезъ которыя преимущественно дѣйствуетъ страсть, коей кто преданъ. Бѣсповаты не одни тѣ, въ которыхъ буйство бѣса видимо обнаруживается. Въ наибольшей части бѣсноватыхъ бѣсы смирно живутъ, лишь чрезъ внушенія заправляя ихъ страстными дѣлами и усиливая дѣятельность свою въ ту пору, когда кто задумаетъ покаяться и исправиться. У иныхъ живетъ по нѣскольку бѣсовъ; это у тѣхъ, которые работаютъ многимъ страстямъ. Вотъ чрезъ нихъ-то и властвуетъ богъ вѣка сего. Изычники поклонялись ему, превративъ страсти въ божество; теперь кланяются ему, преклоняясь предъ влеченіями страстей, имъ разжигаемыхъ и руководимыхъ.

Какъ ослѣпляетъ онъ разумы невѣрныхъ? Совсѣмъ за-
слоняя отъ нихъ Бога и порядокъ вещей божественныхъ,
и оковывая сознание ихъ однимъ видимымъ и осязаемымъ,
какъ будто невидимаго и неосязаемаго ничего и не суще-
ствовало. Бываетъ у нихъ и Богъ на языкѣ, но слово сіе
проходить чрезъ уста безслѣдно; промелькаетъ и рѣчь о
смерти, но такъ, какъбы это дѣло ихъ не касалось. Обыч-
но же они сами для себя богъ, сами о себѣ промышляютъ,
сами себя обезопасиваютъ, сами свою устроятъ участь,
во всемъ на себя однихъ полагаясь и на подручныя имъ
средства и способы опираясь. Цѣли ихъ не заходятъ за
предѣлы настоящей жизни. Эту одну они загадываютъ пре-
вратить въ жизнь райскую, и объ этомъ у нихъ вся забо-
та, сюда всѣ планы направлены, на это обращаются всѣ
предпріятія. Цѣль ихъ—жить въ довольствѣ, съ почетомъ
и съ наибольшею мѣрою утѣшностей и сластей. Тутъ не
берется въ расчетъ совѣсть, и страхъ Божій не прохо-
дитъ въ эту тьму чувственную. Совѣсть истинная попра-
на; ея мѣсто заняло правило держать себя, какъ считаетъ
ся наилучшимъ, среди другихъ и судя по нимъ, имѣя въ
виду—не ударить себя въ грязь лицомъ. Богъ имѣется,
какъ стороннее нѣчто, и удовлетвореніе внѣшнимъ обра-
зомъ религіозныхъ обычаевъ считается вполне достаточ-
нымъ для того, чтобы не бояться Его; будто ни Ему до
нашей души, ни нашей душѣ до Него дѣла нѣтъ. Къ это-
му кругу принадлежатъ не одни воры, разбойники, блуд-
ники, пьяницы и другіе явные грѣшники. Эти и у нихъ
бываютъ не на хорошемъ счету. Міролюбная жизнь обы-
кновенно течетъ степенно, съ видимымъ глянцемъ исправ-
ности, достодожности и величавости. Духъ ея богопро-
тивенъ; и онъ-то дѣлаетъ то, что очи сыновъ вѣка сме-
жены для узрѣнія свѣта благовѣстія. Благовѣстіе одной
области принадлежитъ; а они всѣмъ строимъ своимъ от-
носятся къ другой. Ничего общаго у нихъ нѣтъ съ бла-
говѣстіемъ; оно и невмѣстимо для нихъ.

Начало дѣйствию благовѣстія полагасть растревоженіе

совѣсти, а сыны вѣка всегда самодовольны: не сознають за собою никакой вины и не понимаютъ, что это за требованіе, когда говорятъ: *покайтесь, приближилось царствіе Божіе*. Завершаетъ дѣйствіе благовѣстія страхъ суда Божія, но сынъ вѣка говоритъ: принесена жертва (у насъ—свѣча поставлена, молебень отслуженъ), и что еще? Смерть и судъ—далеко, еще проживемъ. И никакъ не прививается къ нему мысль, что судъ обрушится на него всею тяжестью правды. Воодушевляетъ слѣдовать благовѣстію обѣтованный рай—вѣчное блаженство; но сыны вѣка думаютъ, что уже имѣють рай, живя всегда въ собственное удовольствіе, и погрязая въ видимомъ и осязаемомъ, никакого не могутъ воспріять сочувствія къ раю невидимому и блаженству въ неосязаемомъ. Эти три момента, столь существенные въ настроеніи сыновъ вѣка и столь противоположные началамъ благовѣстія, и дѣлають то, что благовѣстіе для нихъ покровенно, невнятно, невѣстимо. Все въ немъ чуждо для нихъ; ничего въ немъ не могутъ они взять въ толкъ, какъ слѣдуетъ; никакого сочувствія не вырывается изъ груди ихъ къ вѣщаніямъ его: слыша не слышатъ, видя не видятъ; отолстѣ сердце людей сихъ. И вотъ настоящій смыслъ словъ—*богъ вѣка ослѣпилъ разумъ несправедливыхъ*: духъ сыновъ вѣка, дѣйствующій въ нихъ подъ вліяніемъ бога вѣка,—сатаны,—сдѣлалъ ихъ неспособными внять благовѣстію, понять его благодѣтельность и принять его. Они не говоря говорятъ благовѣстникамъ: проходи дальше; это насъ не касается.

Ослѣпилъ, говоритъ Апостоль, *во еже не возсіати имъ свѣту благовѣстія славы Христовы*. Свѣтъ благовѣстія, когда внемлется и прісмлется, возсіяваетъ, какъ ярко свѣтящій свѣтильникъ, мгновенно возженный въ темпомъ мѣстѣ. Для внявшаго оно все освѣщаетъ, и все для него дѣлаетъ понятнымъ: ясно видитъ онъ и безвыходную гибельность, въ какой находится, и пригодность способа къ выходу изъ него, предлагаемаго благовѣстіемъ; почму емлется за него всѣми силами естества своего. Когда же и дѣ-

ломъ вкусить цѣлительность его, тогда духовному свѣту, возсіявающему въ немъ, мѣры нѣтъ. Однимъ взоромъ обнимаетъ онъ и прошедшее, и настоящее, и будущее, и небо, и землю,—и все видитъ объемлемымъ единымъ Богомъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ благодатию Духа святаго. Исходный же пунктъ свѣта—лице Господа Иисуса Христа, Сына Божія воплотившагося, бѣдное естество наше въ Себѣ прославившаго и посадившаго одесную Бога и Отца. Благовѣстіе и все освѣщаетъ,—наипаче же осіяваетъ ликъ Христа Спасителя; ибо оно все на Немъ стоитъ. Почему есть *благовѣстіе славы Христовы*. Ничего этого не видятъ невѣрующіе; ибо смежили умныя очи свои невѣриемъ. Дверь тайнъ Божіихъ и не отверзается для нихъ, и свѣтъ ихъ не осіяваетъ ихъ. Держитъ ихъ во тьмѣ богъ вѣка, и не даетъ возсіять въ нихъ свѣту Божію. Дѣлаетъ это онъ не властительски, а злокозненно ухитряясь обольщать сыновъ вѣка. Въ прелести ходя, не замѣчаютъ омраченія своего и довольствуются мракомъ, по обману полагая, что онъ свѣтъ. Но какъ ни густъ мракъ ослѣпленія, тутъ ничего нѣтъ приневоливающаго. Сами хотятъ, и слѣпотствуютъ; захотятъ, и откроютъ очи; ибо свѣтъ Божій вокругъ есть. Богъ вѣка всячески хлопочетъ держать ихъ въ ослѣпленіи; но это дѣлаетъ онъ поднося имъ ослѣпляющіе элементы, которые они сами охотно принимаютъ и ослѣпляются. Непосредственной же власти богъ вѣка ни надъ кѣмъ и ни надъ чѣмъ не имѣетъ и насиловать никого не смѣетъ. Сами мы во всемъ виноваты.

Св. Златоустъ говоритъ: „что случилось съ Іудеями при Моусеѣ, тоже самое происходитъ и со всѣми невѣрными во времена Евангелія. Ради отолстѣнія сердца ихъ сокрытъ бываетъ для нихъ *свѣтъ благовѣстія славы Христовы*, т.-е. не видятъ они, что крестъ есть спасеніе и слава вселенной, что Распятый на немъ опять хочетъ придти съ великою славою,—и все другое, настоящее и будущее, видимое и невидимое, неизреченное явленіе ожи-

даемыхъ благъ, сокрытымъ остается для нихъ; сокрыто же за то, что сами прежде не захотѣли вѣрить сему“.

Иже есть образъ Бога невидимаго. „Образомъ Бога называлъ Апостоль Христа, какъ Бога отъ Бога; потому что Христосъ въ Себѣ показываетъ Отца, почему и говоритъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9)“ (Теодоритъ). Богъ всегда пребудеть невидимымъ и сокровеннымъ. Осязательнѣе явить Себя благоволилъ Онъ чрезъ воплощеніе Бога Сына. Въ очахъ Его, сквозь обоженное челоуѣчество, разумныя твари, ангелы и святые, могутъ лицомъ къ лицу срѣтаться съ Божествомъ и какъбы осязать Его. Въ сего Оно сокровенно и постигается только чрезъ воздѣйствіе Его по мѣрѣ приемлемости тварей. Для невѣдающихъ Сына и Отецъ невѣдомъ и есть и пребудеть навсегда. Св. Златоустъ говоритъ: „дабы показать, что не познавшіе славы Христовы не знаютъ не только Христовой славы, но и славы Отца, Апостоль прибавилъ: *иже есть образъ Бога невидимаго.* Но нельзя остановиться и на одномъ только Христѣ, потому что, какъ чрезъ Христа видишь ты Отца, такъ, не познавъ славы Христовой, не познаешь и славы Отца“.

Ст. 5. *Не себе бо проповѣдуемъ, но Христа Иисуса Господа: себе же самѣхъ рабовъ вамъ Иисуса Господа ради.*

Объяснивъ, почему благовѣстіе остается прикровеннымъ въ гибнущихъ, въ невѣрующихъ,—обращается опять къ указанію на тайну дѣйствія благовѣстія въ совѣсти способныхъ къ принятію его. Тайна сія въ томъ, что въ благовѣстіи нашемъ мы себя не выставляемъ,—ни въ образѣ слова, ни въ образѣ дѣйствованія, ни въ цѣляхъ (—ст. 2), насъ совсѣмъ не видно,—впереди стоитъ Христосъ Господь, Его ликъ предначертываемъ мы предъ совѣстями челоуѣковъ, и они уже сами узнаютъ въ Немъ Спасителя отъ пагубы, Цѣлителя немощей, Подателя всякой силы безильнымъ. Потому прилѣпляются къ Нему вседушно. Вотъ тайна дѣйствія благовѣстія! Сами же мы только

орудія, только труженики, рабы ваши, служители вашему спасенію, Господа ради. Θεодоритъ пишетъ: „Тоже писалъ онъ и въ первомъ посланіи: *такъ насъ да ценитъ человекъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1). А здѣсь сказалъ онъ о себѣ еще смиреннѣе; ибо назвалъ себя рабомъ не только Христу, но и всѣмъ вѣрующимъ, изъ любви ко Христу; ибо сіе значать слова: *Иисуса ради*“. Св. Златоустъ съ другой нѣсколько стороны взглянулъ на рѣчь Апостола: „Послику лжеучители сильно возставали на Апостоловъ и со всѣхъ сторонъ нападали на нихъ, то онъ и говоритъ: вооружаясь противъ насъ, вы возстаете не противъ насъ, но противъ Проповѣдуемаго нами; ибо мы не себя проповѣдуемъ. Мы рабы и служители даже тѣмъ, которые приемятъ сіе проповѣданіе; мы трудимся для другаго, т.-е. для Господа, и для Его славы все дѣлаемъ, такъ что враждующіе противъ насъ возстаютъ противъ Господа. Мы столько далеки отъ того, чтобъ искать себѣ какихъ выгодъ отъ проповѣди Евангелія, что не отказываемся быть и вашими рабами для Христа,—когда Ему угодно было столько почтить васъ, когда Онъ столько возлюбилъ васъ и все для васъ сдѣлалъ. Посему и говоритъ: *себе же рабовъ вамъ Иисуса ради*. Видишь ли душу, ни мало не заботящуюся о славѣ? Онъ говоритъ: мы не только не присвоаемъ себѣ того, что принадлежитъ Господу, но даже и вамъ служимъ для Него“.

Ст. 6. *Яко Богъ рекъ изъ тмы свѣту возсіати, иже возсія въ сердцахъ нашихъ, къ просвѣщенію разума славы Божіей о лицѣ Иисусъ Христовъ.*

Въ заключеніе Апостоль обращаетъ вниманіе всѣхъ на то, что теперь дѣется чрезъ благовѣстіе, распространяемое по лицу всея земли. На сердцахъ Іудеевъ, говорилъ онъ, лежало покрывало, и они не видятъ свѣта, сокрытаго въ законѣ; всѣ язычники ходили во тмѣ и никто не видѣлъ свѣта Божія. Но пришелъ Господь Иисусъ Христосъ, и возсіялъ міру свѣтъ разума. Просвѣтительная сила есть

Духъ святой, нисшедшій на Апостоловъ. Имъ просвѣщенные, Имъ руководимые и учимые, ходять они по міру и всѣмъ возвѣщаютъ свѣтъ истины. Духъ Божій ихъ просвѣщающій просвѣщаетъ и сердца вѣрующихъ, и они ясно начинаютъ видѣть свѣтъ разума славы Божіей. Такъ среди мрака, покрывавшаго весь міръ, возсіялъ нынѣ свѣтъ вѣдѣнія Божія. Теперь тоже самое совершается въ нравственномъ мірѣ, что было въ первый день творенія для міра вещественнаго, когда Богъ словомъ своимъ повелѣлъ возсіять свѣту изъ тмы. *Рече Богъ: да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ.* Говорить теперь чрезъ насъ тотъ же Богъ ко всѣмъ: *покайтесь и вѣруйте во Евангеліе.* И слово сіе возсіяваетъ свѣтъ въ сердцахъ вѣрующихъ. Пріемлющіе его ясно видѣть начинаютъ неописанную славу Бога безпредѣльнаго въ лицѣ Иисусъ-Христовѣ. Лице Иисусъ Христово даетъ ясно разумѣть, что Богъ превеликій и предивный есть сердобольный Отецъ нашъ, который не восхотѣлъ оставить насъ въ нашемъ паденіи, но благоволилъ дивный устроить для насъ образъ спасенія въ Единородномъ Сынѣ своемъ, который пришедши на землю воплотился, пострадалъ и умеръ на крестѣ, воскресъ, вознесся на небо и сѣдитъ одесную Бога и Отца, туда привлекая всѣхъ вѣрующихъ и избранныхъ во спасеніе, да идѣже Онъ, и они всѣ будутъ. Таковъ ликъ Иисуса Христа! Какія совершенства Божіи не отражаются въ семъ ликѣ? Тутъ и благость безпредѣльная и правда безконечная, тутъ и премудрость неодоумляемая и всемогущество неизмѣримое, тутъ и промышленіе всепопечительное и вседержительство всеобъемлющее. И пресвятая Троица таинство свѣтоносно отображается въ семъ же ликѣ. Богъ Отецъ благоволилъ, Сынь совершилъ, Духъ святой совершенное въ Сынѣ довершаетъ въ вѣрующихъ. „Ибо мы чрезъ Христа познаемъ Бога Отца, также какъ чрезъ Духа приводимся къ Нему“ (Св. Злат.). Вотъ какъ свѣтъ разума (познанія) славы Божіей о лицѣ Иисусъ-Христовѣ возсіялъ въ міръ чрезъ возсіяніе въ сердцахъ вѣрующихъ. „При

сіянии сего свѣта и мы видимъ не чувствамъ подлежащія вещи, но самого Бога чрезъ Христа“ (св. Злат.).

Еоодоритъ пишетъ: „кто древле словомъ въ бытіе привелъ естество свѣта, и изрекъ: да *будетъ свѣтъ*, тотъ и нынѣ, не тѣмъ, но собственнымъ своимъ свѣтомъ осіялъ наши умы, чтобы намъ чрезъ самого Христа увидѣть славу его. А сіе: о *лицѣ Иисусъ-Христовѣ* имѣеть такой смыслъ: поелику естество Божіе невидимо, то дѣлается оно, сколько возможно, видимымъ чрезъ воспринятое чело-вѣчество, озаряемое божественнымъ свѣтомъ и издающее молніеносное сіяніе“. Экуменій продолжаетъ ту же мысль: „Повелѣвшій въ началѣ возсіять изъ тмы свѣту, возсіалъ и въ сердцахъ нашихъ. Возсіалъ, просвѣщая насъ и открывая намъ познаніе славы своей, и это о *лицѣ Иисусъ Христовѣ*. Ибо чрезъ Сына только получено нами истинное познаніе объ Отцѣ, какъ самъ Онъ говоритъ въ Евангелія ко Отцу: *явихъ имя Твое челоукомъ, и прославихъ Тя на земли* (Іоан. 17, 5). И чрезъ Христа Иисуса только явлено намъ, что Отецъ не хочетъ быть чтимъ болѣе куреніями и кровьюми, но жертвами духовными, и что истинныя богочтецы должны кланяться Богу не иначе какъ въ Троицѣ единосущной и равномошной“.

2).

Сокровище благодати въ скудельныхъ сосудахъ. 4, 7—5, 10.

Изложивъ, сколь великое сокровище есть новозавѣтное домостроительство спасенія, Апостоль сказываетъ теперь, какъ непоказны и уничиженны вѣшно служители благовѣстія о немъ. При чемъ *сначала* а) указываетъ промыслительныя цѣли такого порядка дѣлъ, кои суть слава Божія, и благопріятствованіе вѣрѣ оглашаемыхъ благовѣстіемъ, 4, 7—12; *затѣмъ* б) излагаетъ, что къ перенесенію трудовъ при такомъ порядкѣ служители благовѣстія воодушевляються несомнѣвностію прославленія съ Господомъ въ будущемъ, 13—15. Но коснувшись этого предмета, онъ, по

важности его, в) разсудилъ долѣе остановиться на немъ вниманіемъ, и съ этою цѣлю раскрываетъ, аа) сколь славно будущее. 16—18; бб) сколь оно желательно. 5, 1—5; и вв) какъ къ нему приготовляться должно. 5—10. Эти послѣдніе пункты раскрываетъ Апостоль хотя въ своемъ лицѣ,—не безъ отношенія къ Апостольскому служенію, но въ чертахъ общихъ для всѣхъ христіанъ.

а)

Цѣли уничиженнаго состоянія по вѣщности носителей благовѣстія. 4, 7—12.

Ст. 7. *Имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудахъ, да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ.*

Сокровищемъ называетъ Апостоль то, о чемъ говорилъ предъ симъ, т.-е. слово благовѣстія съ полнотою благодати св. Духа на устроеніе духовнаго царства Христова на землѣ, или св. его Церкви. Это сокровище, столь великое, столь преславное, столь многодѣйственное, *имѣемъ* мы, говоритъ, или носимъ *въ скудельныхъ сосудахъ*, разумѣя подъ симъ тѣло немощное, съ подразумѣваніемъ и внѣшняго своего положенія, всегда упочиженнаго и стѣснительнаго, какъ изображаетъ вслѣдъ за симъ. Для чего же это такъ устроено? Развѣ не могъ Господь такъ сдѣлать, чтобъ Апостолы однимъ видомъ своимъ, или своею показностію уже вліяли на людей? Могъ, но не благоволилъ такъ сдѣлать, для того, говоритъ, чтобъ въ дѣйствованіи нашемъ ничего нашего не было видно, чтобъ ничто наше не бросалось въ глаза, а все было относимо къ силѣ Божіей. Смотри на насъ столь немощныхъ и уничиженныхъ, никто и подумать не можетъ, чтобъ, когда или слово сильное отъ насъ исходитъ, или дѣло какое чрезвычайное нами совершается, это и подобное сему зависѣло отъ насъ, по все то прямо отнесетъ къ силѣ Божіей, чрезъ насъ дѣйствующей. Сія сила ничѣмъ съ нашей стороны заслоняема

не бывает; она видится во всей своей наготѣ и полнотѣ. Если же такъ, то всякій долженъ былъ заключать словами Господа: если сіи о перстѣ Божіи все сіе творять, убо постиже на насъ царствіе Божіе; надо покориться слову ихъ и вѣровать, чтобъ не быть богоборцами.

Св. Златоустъ говорить на это мѣсто: „сіе-то особенно и удивительно и есть величайшее чудо силы Божіей, что скудельный сосудъ можетъ вмѣщать въ себѣ такой свѣтъ, и хранить такое сокровище. *Да премножество*, говоритъ, *силы Божія будетъ, а не отъ насъ*. Ибо и величіе даровъ, и слабость получившихъ оныя, показываютъ силу Божію, какъ въ томъ, что Богъ столь великія даровалъ блага, такъ особенно въ томъ, что даровалъ людямъ слабымъ. Подъ скудельнымъ сосудомъ онъ разумѣетъ слабость нашего естества и немощь нашей плоти,—потому что плоть наша вислолько не крѣпче скудельнаго сосуда; она столь же удобосокрушима и также легко сокрушается и смертію, и болѣзнями, и воздушными перемѣнами, и другими безчисленными причинами. И сіе сказалъ онъ, какъ для того, чтобы постыдить высокоуміе гордящихся собою, такъ и для того, чтобы всемъ показать, что въ дѣлахъ его служенія нѣтъ ничего человѣческаго. Ибо тогда особенно и бываетъ видна сила Божія, когда она чрезъ слабыя орудія совершаетъ великія дѣла; какъ сіе видно изъ сказаннаго Господомъ сему же Апостолу: *сила бо моя въ немощехъ совершается* (—12, 9).—Такъ, пославъ только двѣнадцать человѣкъ, покорилъ Онъ вселенную, и притомъ тогда, когда сіи двѣнадцать сами были гонимы. Подивимся въ семъ силѣ Божіей, почудимся ей и поклонимся! Возпросимъ Іудеевъ, спросимъ Еллиповъ: кто убѣдилъ всю вселенную оставить отеческіе обычаи и перемѣнить образъ жизни? Не рыболовы ли, не скинотворцы ли, не мытари ли, не книжные и простые люди? Какъ же бы это могло совершиться, еслибы не дѣйствовала чрезъ нихъ сила Божія? Притомъ что говорили они, когда убѣждали? Креститесь во имя Распятаго. Какого? Того, котораго они

не знали и не видали. И однакожь, несмотря на то, что говорили и проповѣдали сіе, пригвожденный ко кресту Христось привлекаль къ Себѣ всѣхъ. Откуда же такая сила убѣдительности? Ни откуда болѣе, какъ отъ силы Божіей. Новость проповѣди была противна всѣмъ, а проповѣдники были изъ народа, всѣми презираемаго, бѣдные и неученые. Какимъже образомъ они покорили вселенную? Не ясно ли сіе показываетъ, что они имѣли Бога помощникомъ себѣ? Ибо не человѣческой силѣ свойственно производить такия дѣйствія, но силѣ Божіей всемошной“.

Ст. 8. 9. *Во всемъ скорбяще, но не стужающе си: нечаеми, но не отчаяеми: гоними, но неоставляеми: низлагаеми, но не погибающе.*

Сказалъ выше, что великое Божіе сокровище посятъ они въ скудельныхъ сосудахъ, чтобы чрезъ то всѣми была исповѣдана сила Божія дѣйствующая въ нихъ. Теперь живописуетъ, какіе получаютъ они отъсюду удары, а между тѣмъ остаются цѣлы. При такихъ пораженіяхъ слѣдовало бы сокрушиться скудельнымъ сосудамъ, и сокровищу содержимому ими сгннуть, а они остаются не сокрушенными и сокровище сохраннымъ. Не явная ли въ этомъ сила Божія? „Не только то, говорить, чудно, что мы хранимъ сіе сокровище въ скудельныхъ сосудахъ, но и то, что подвергаясь безчисленнымъ бѣдствіямъ и будучи отъсюду поражаемы, сберегаемъ оное и не теряемъ. Ибо и алмазный сосудъ не могъ бы устоять противъ такихъ павѣтовъ. Но вотъ нынѣ и скудельный сосудъ остается невредимъ по благодати Божіей, и сокровище сохраннымъ“ (Св. Златоустъ). „Еслибы не приразилось къ намъ все это, не сдѣлалось бы явнымъ и величіе силы Божіей. Но поелику уподобляемся мы какъбы растеніямъ, которыя цвѣтутъ въ огнѣ; то симъ - то самымъ, что страдая сохраняемся невредимыми, проповѣдуемъ силу защищающаго насъ Бога“ (Оеодор.).

Во всемъ скорбяще. Во всемъ, „во всякое время и всякомъ мѣстѣ, отъ всего и отъ всѣхъ“ (Оеофилактъ). „Отъ

враговъ и отъ друзей, отъ непріятелей и отъ своихъ, отъ недостатка необходимыхъ потребностей и отъ другихъ вещей, въ коихъ нуждаемся“ (Св. Златоустъ). *Скорбяще, ὀλιβόμενοι*. Не внѣшнія только лишенія и бѣды терпимъ, но прискорбности, сердце поражающія. Намъ причиняютъ скорбь, уязвляютъ чувствительно душу, раны наносятъ сердцу; но мы не стужаемъ, *ὁυ σενοχωρούμενοι*. Это не стѣсняеть груди, не захватываетъ дыханія, не сжимаетъ сердца. Мы безчувственны къ этимъ прискорбностямъ, но Богъ ‘посылаетъ такую широту сердцу нашему, что они не тѣснятъ и не душатъ. „Не стужаемъ си, потому что Богъ расширяетъ сердца наши“ (Феофил.). „Чтобы не стужать си въ прискорбностяхъ, это есть дѣло благодати Божіей“ (Экум.). Эту благодать Божию и Божию помощь сердцу должны были видѣть и исповѣдать всѣ сторонніе свидѣтели прискорбностей апостольскихъ, когда по всѣмъ расчетамъ слѣдовало бы имъ быть убитыми духомъ, а они и во взорѣ, и въ словахъ и дѣйствіяхъ обнаруживаютъ полное благодущіе. Или можетъ быть *ὁυ σενοχωρούμενοι*—не стѣсняемы есмы, относится не къ внутренней стѣсненности сердца, а къ внѣшней. Апостоль хотеть можетъ быть сказать: по это не стѣсняеть круга нашей дѣятельности; несмотря ни на какія скорби мы дѣлаемъ свое дѣло, не стѣсняясь. Скорбь не отбиваетъ у насъ охоты дѣйствовать въ своемъ чинѣ, не помѣха намъ.

Нечаеми, ἀπορούμενοι, но неотчаяваемы, ὁυκ ἐξαπορούμενοι. *Απορία*—пораженіе ума нечаянностію я необычайностію, такъ что опъ въ себя придти и сообразить ничего не можетъ. *Ἐξαπορεῖν* растеряться. Мы, говоритъ, бываемъ въ такихъ обстоятельствахъ, что ума не приложимъ, какъ быть, бываемъ въ безвыходномъ положеніи. Но не теряемъ присутствія духа, зная, что съ нами Богъ и что противъ воли Его никто ничего съ нами сдѣлать не можетъ. И всегда бываетъ такъ, что Богъ устрояетъ намъ недомыслимый для насъ выходъ изъ крайностей. Не знать откуда и какъ приходитъ помощь и даетъ намъ свободу. „*Не от-*

чаяваемы, т.-е. не теряемъ надежды. Ибо хотя часто мы скорбимъ, впрочемъ не такъ, чтобы потеряли уже надежду“ (Св. Златоустъ). „Въ обстоятельствахъ безвыходныхъ находимъ для себя спасительные исходы“ (Ееоодоритъ). „Часто бываетъ, что ума не приложишь, какъ быть при нападкахъ отъ всѣхъ и стѣсненіяхъ отвсюду; но это поражаетъ насъ не настолько, чтобы мы терялись, т.-е. падали духомъ, это не убиваетъ насъ“ (Экуменій). „Впадая въ крайности и безвыходности, не отчаиваемся и не падаемъ подъ тяжестью ихъ, а стоимъ бодро, и Богъ устроитъ нашъ исходъ и являетъ насъ побѣдителями“ (Ееофилактъ).

Гонимы, но не оставляемы. Насъ гонять, но при всемъ томъ нельзя объ насъ говорить: это люди всѣми оставленные. Насъ не оставляетъ Богъ. „Богъ таковыя искушенія попускаетъ на насъ не для того, чтобы оставить насъ, но чтобы усовершенить и возвысить“ (св. Злат.). „Гонять насъ люди, но не оставляетъ Богъ. Не для того это намъ отъ Него поущеніе, чтобы насъ побѣдили, но чтобы дать намъ случай вступить въ борьбу и явиться побѣдителями силою Его“ (Экуменій). „Попускаетъ сіе Богъ для упражненія насъ, чтобы научить насъ побѣждать“ (Ееофилактъ). Можетъ быть *не оставляемы*, разумѣетъ Апостоль, людьми же, т.-е. вѣрующими. Одни гонять, а другіе съ нами, на нашей сторонѣ. Часть Божія, въ массѣ человѣчества скрытая, всегда къ намъ прилѣпляется и составляетъ съ нами одно. Тутъ мы всегда находимъ пріютъ и пригрѣніе. Тѣ, которые гонять насъ, не могутъ хвалиться: ну, теперь прогнали; ибо мы неотлучно пребываемъ съ своими, и свои намъ съ нами.

Низлагаемы, но не погибающе. Бываетъ, что враги совсѣмъ повергаютъ насъ долу; торжествовать бы имъ побѣду, но мы оказываемся цѣлы и живы, не погибаемъ. Это очень напоминаетъ то обстоятельство, какъ побили св. Павла камнями и выбросили за городъ, а онъ потомъ явился живымъ и здоровымъ (Дѣян. 14, 19). „Судя по

величію искушеній, надо бы говорить: ну, погибли; но по благодати Божіей, мы все не гибнемъ. И въ смертныхъ крайностяхъ Богъ отверзаетъ намъ дверь спасенія“ (Экум.). „По тѣлу и вѣшнему положенію, бываетъ, что враги со-всѣмъ низлагаютъ насъ; но всегда стоитъ твердо душа наша и наша ревность о дѣлѣ Божіемъ, Богъ же сохраняетъ и самое тѣло наше“ (Θеофилактъ).

Апостоль изображилъ возрастающую силу бѣдствій, беря примѣръ съ борющихся. Изъ борющихся слабѣйшій сначала получаютъ удары и раны, потомъ изнемогаетъ и не знаетъ, что дѣлать, далѣе предается бѣгству, наконецъ пораженъ и низверженъ. Мы, говоритъ, всегда являемся на какой-либо изъ сихъ степеней немощи предъ нападающими на насъ, но даже и до послѣдняго низложенія бывъ доведены, не бываемъ побѣждаемы. Кто не увидитъ въ семь силы Божіей? Слѣдовало бы въ дребезги разбиться скудельному сосуду нашему, а онъ цѣлъ; и не только цѣлъ, но даже и не боится впередъ быть разбитымъ. Искушенія бываютъ сильны, но слѣдствія ихъ никогда не оправдываютъ. Св. Златоустъ говоритъ: „хотя постигаютъ насъ искушенія, но не постигаютъ слѣдствія сихъ искушеній; и это все происходитъ дѣйствіемъ силы и благодати Божіей. Въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ, что такія искушенія попускаетъ на насъ Богъ для того, чтобы и смирить насъ самихъ и предостеречь другихъ. Такъ *да непревозношуся*, говоритъ, *дадесе ми пакостникъ плоти* (2 Кор. 12, 7), или: *да не надѣющесе будемъ на ся* (1, 9). А здѣсь говоритъ: *да премножество будетъ силы Божія, а не отъ насъ*. Видишь ли, какая польза отъ искушеній? Чрезъ нихъ становится очевиднѣе дѣйствіе силы и благодати Божіей, ибо говоритъ: *даватьтъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Они однихъ привели къ смиренномудрію, а другихъ по крайней мѣрѣ заставили умѣрить свою гордость, и сдѣлали болѣе великодушными и снисходительными. Ибо *терпѣніе*, говоритъ, содѣлываетъ искусство, искусство же упованіе

(Рим. 5, 4). Ибо тѣ, кои подвергались безчисленнымъ бѣдствіямъ и освобождались отъ нихъ только надеждою на Бога, симъ научались и во всякомъ другомъ случаѣ всего болѣе держаться сей надежды“.

Ст. 10. *Всегда мертвость Господа Иисуса въ тѣль носяще, да и животъ Иисусовъ въ тѣль нашемъ явится.*

Мертвость Господа—бѣды, скорби, страданія, смертныя опасности. Какъ Господь страдалъ, такъ страдаемъ и мы. *По вся дни умираю*, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (1 Кор. 15, 31). Но когда такъ очевидно слѣдовало бы намъ быть пораженными смертію, а мы все живы; то очевидно также, что мы каждодневно являемся какъбы изъ мертвыхъ живыми. Это совершенно сходно съ тѣмъ, какъ Господа распяли и положили въ гробъ, и еще запечатали, а Онъ воскресъ: смерть не могла удержать Его. Животъ Его поглотилъ смерть. Тотъже животъ Иисусовъ и въ насъ теперь дѣйствуетъ, и мы ссмы живые о немъ проповѣдники. Мы являемъ собою, что Господь Иисусъ живъ и есть источникъ живота; ибо когда за дѣло Его подвергаемся безчисленнымъ смертямъ, все остаемся живы, и всякой разъ съ новыми силами исходимъ на служеніе во славу Его. Что другое это являетъ, какъ не то, что въ насъ дѣйствуетъ животъ Иисусовъ? Такъ св. Златоустъ: „Что значитъ *мертвость Господа Иисуса*, которую они носили? Ежедневно угрожающіе различные роды смерти, которые указывали вмѣстѣ и на воскресеніе. Если кто не вѣритъ, говоритъ, что Иисусъ умеръ и воскресъ, таковой пусть увѣрится въ истинѣ воскресенія, видя насъ ежедневно умирающихъ и воскресающихъ. Когда Господь исторгаетъ насъ изъ опасностей смерти, то чрезъ это *животъ Иисусовъ являетъ въ тѣль нашемъ*. Такъ что то самое, что съ одной стороны показываетъ, повидимому, безсиліе Апостоловъ и оставленіе ихъ отъ Господа, то самое съ другой стороны ясно проповѣдуетъ Его воскресеніе. Ибо не такъ бы видима была сила Его, еслибы мы никогда ничего не страдали, нежели теперь, когда мы страдаемъ,

но остаемся непобѣдимыми“. Такъ и Экуменій съ Теофилактомъ.

Нельзя не видѣть, что, по ходу рѣчи, явленіе живота Иисова въ непрестанно будто умирающемъ тѣлѣ Апостоловъ есть тоже что: *да премножество силы Божіей будетъ, а не отъ насъ*. Только въ настоящемъ мѣстѣ опъ явленіе силы Божіей вообще сводить на явленіе ея примѣнительно къ слову благовѣстія. Ибо здѣсь всепобѣдительное начало есть удостовереніе, что Распятый живъ, и не живъ только, но и намъ даетъ силу жить, при всей разрушительности натисковъ на насъ совнѣ. Можно отсюда и далѣе провести мысль Апостола, именно: мы собою являемъ, что Господь живъ, а это есть начало и источникъ вѣры, животворящей души ваши. Слѣд. какъбы духъ жизни о Христѣ Иисусѣ исходить изъ повсечасно умирающихъ тѣлъ нашихъ. Намѣренно такъ и устроилъ Богъ, чтобъ сокровище сокрытое въ скудельности нашей, слово благовѣстія и благодать, безпрепятственнѣе дѣлалось достояніемъ вашимъ, чтобъ вы вкушали силы ихъ, и чрезъ то приобщались живота Иисусъ-Христова. Сосудъ слишкомъ крѣпкій и крѣпко закрытый мѣшалъ бы узнавать, что въ немъ; а хрупкій и непрестанно дающій будто трещины и задѣлываемый нсминуемо обнаруживаетъ, что въ немъ.

Ст. 11. *Присно бо мы, живии, въ смерть предаемъ Иисуса ради, да и животъ Иисусовъ явится въ мертвенной плоти нашей*.

Повторяетъ тоже самое, что сказала предъ симъ, чтобы пояснѣе вообразилась въ умѣ читающихъ выраженная имъ мысль; а это пужно было, чтобы точнѣе было понято, что говорится въ слѣдующемъ 12 стихѣ. Св. Златоустъ говорить: „св. Павелъ, когда говорить что-нибудь неясно, то всегда присовокупляетъ объясненіе своихъ словъ. Это онъ сдѣлалъ и въ семъ мѣстѣ, поясняя неясно сказанное. Для того, говорить, *предаемъ въ смерть Иисуса ради*, т.-е. носимъ мертвость Его, чтобы открылась въ насъ сила жизни Его, когда Онъ не попускаетъ смертной плоти на-

шей, столько страждущей, быть побѣжденною множествомъ золь“.

Это прямая мысль. О будущемъ приобщеніи живота Иисусова чрезъ воскресеніе, кажется, св. Апостоль не помышлялъ. Вниманіе его пока все ограничивается настоящимъ дѣломъ проповѣди и явленіемъ чрезъ нее живоносной спасительности во Христѣ Иисусѣ. То, что Апостоль говоритъ: *да явится животъ*, ἡ ζωὴ φανερωθῆ, не на будущее указываетъ, а настоящее: да будетъ явленъ или являемъ животъ Иисусовъ теперь. Потому переносясь мыслию, по поводу сихъ словъ, къ будущему сооживленію съ Христомъ, св. Златоустъ говоритъ: „можно и иначе понимать слова“. За нимъ и другіе наши толковники стали повторять: можно и такъ, давая разумѣть, что это возможная, но не прямая мысль. Св. Златоустъ говоритъ: „можно еще иначе понимать слова сіи. Какъ же? Такъ, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *еще умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко и живи будемъ съ Нимъ* (Рим. 6, 8). Ибо какъ мы носимъ Его мертвость и рѣшаемся заживо умереть для Него нынѣ: такъ и Онъ благоизволитъ умершихъ насъ оживить тогда. Если мы, пренебрегая жизнию, идемъ на смерть; то и Онъ приведетъ насъ отъ смерти къ жизни“. Тоже и Θεодоритъ: „такъ Апостоль и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *понеже съ Нимъ страдаемъ, да и съ Нимъ прославимся* (Рим. 8, 17). Посему-то самому съ любовію за Владыку встрѣчаемъ смертоносныя опасности, чтобы стать причастниками жизни Его, и жертвуя жизнию временною, воспріять за то нетлѣнныя плоти“.

Можно и другую побочную мысль читать въ этихъ словахъ Апостола, именно ту, что спасительнаго живота Иисусъ-Христова нельзя иначе стать причастникомъ во всей его силѣ, какъ чрезъ спостраданіе Ему. Въ крещеніи спогребаемся Ему таинственно, а въ жизни потомъ прививаемся къ крестному живоносному дереву страданій и смерти Его, чрезъ невольныя страданія, и произвольныя лишенія или разнаго рода подвиги самоотверженія и самоумерщвле-

нія. Черезъ сіи мертвенности или умиранія Господа Іисуса ради и сила живота Его является въ естествѣ нашемъ. Другаго пути нѣтъ; одинъ онъ,—тѣсный и прискорбный. Утѣшная жизнь въ довольствѣ и утѣхахъ поставляетъ внѣ круга причастниковъ живота Христова.

Ст. 12. *Тѣмже смерть убо въ насъ дѣйствуетъ, а животъ въ васъ.*

Смерть въ насъ дѣйствуетъ; т.-е. скорби, бѣды, непрестанныя насмертности, чѣмъ всеѣмъ является, что мы скудельные сосуды. *А животъ*, говорить, *въ васъ*. Т.-е. сокровище въ насъ сокрытое,—слово благовѣстія и благодать,—черезъ то самое, что мы по вся дни умираемъ, дѣлается вашимъ достояніемъ, и сообщаетъ вамъ жизнь, которая и дѣйствуетъ въ васъ. Удостоверясь изъ немощности и скудельности нашей,—изъ того, что умираемъ и все живы есмы,—удостоверясь изъ этого, что въ насъ сила Божія дѣйствуетъ, вы вѣруете слову благовѣстія, вѣруя оживотворяетесь благодатию св. Духа черезъ таинства, и начинаете жить новою, никому другому невѣдомою жизнію о Христѣ Іисусѣ,—жизнію, которая начавшись здѣсь, имѣетъ пребыть вѣчною, вводя васъ въ нескончаемое блаженство. Θεодоритъ пишетъ: „ради вашего спасенія подвергаемся мы опасностямъ, потому что съ опасностію для себя преподаемъ вамъ ученіе (дающее истинный животъ). И выходитъ, что поелику мы бѣдствуемъ, вы наслаждаетесь жизнію истинною“. Тоже и Экуменій: „какъ-бы такъ говорилъ Апостоль: мы умираемъ по причинѣ благовѣстія, дабы вы, увѣровавъ черезъ него въ Христа, сподобились истинной жизни, которая есть вмѣстѣ и жизнь нетлѣнная и вѣчная“. У него же Фотій говоритъ: „скорби, страданія и смертоносныя бѣды дѣйствуютъ въ насъ, а вѣра и благочестіе, въ коихъ истинная жизнь, въ васъ. Жизнь же есть вѣра съ благочестіемъ, потому что стяжеваютъ нетлѣнную, нескончаемую и вѣчно блаженную жизнь на небесахъ“. Завершимъ рѣчь словами Θεофилакта: „мы въ опасностяхъ; вы же изъ сихъ опасностей собираете плодъ

жизни, вѣруя въ проповѣдуемое нами Евангеліе, чрезъ которое вѣчною начинаете жить жизнью“.

б.)

Воодушевляетъ при этомъ Апостоловъ увѣренность въ будущемъ прославленіи съ Господомъ Иисусомъ. Ст. 13—15.

Раскрылъ Апостоль, что они скудельные сосуды ради того, чтобъ яснѣе была сила Божія дѣйствующая въ нихъ, и чрезъ то множилась вѣра призываемыхъ во спасеніе и обильнѣе дѣйствовалъ въ сихъ послѣднихъ животъ о Христѣ Иисусѣ. Могъ послышаться вопросъ: А вамъ же что? Въ васъ неужели будетъ все дѣйствовать одна только смерть? Нѣтъ, говорить, не одна смерть. Мы увѣрены, что воздвигшій Господа Иисуса и насъ воздвигнетъ къ славѣ. Эта вѣра воодушевляетъ насъ, и мы вѣруя такъ, не перестаемъ глаголатъ.

Ст. 13. Имуже же тойже духъ въры по писанному: въровахъ, тѣмже возлагаохъ: и мы въруемъ, тѣмже и глаголемъ.

Сказалъ: *въ насъ смерть дѣйствуетъ.* Теперь продолжаетъ какъбы: но это не мѣшаетъ намъ и не отнимаетъ у насъ ревности продолжать дѣло проповѣди Евангелія. Есть вѣра воодушевляющая насъ. И мы въ семъ случаѣ оказываемся въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ пророкъ Давидъ, когда говорилъ: *въровахъ, тѣмже и глаголахъ* (Пс. 115, 1). Подобный же духъ вѣры исполняетъ и насъ; имѣя его, мы вѣруемъ, и вѣруя, глаголемъ. Глаголемъ, т.-е. продолжаемъ благовѣстіе Евангелія во спасеніе и животъ всѣхъ, хотя отовсюду окружены только смертями. Въ чемъ именно духъ вѣры, изъ примѣра св. Давида нельзя выводить. Апостоль беретъ только одно обстоятельство, что св. Давидъ отъ напряженія вѣры не могъ удерживать языка, и говорилъ. Подобнымъ же образомъ (говорить) и нашимъ языкомъ движетъ неудержимая сила вѣры. Какой же смыслъ у

Апостола имѣла вѣра? Судя по предшествующей рѣчи, это будетъ непоколебимая увѣренность, что мы исправляемъ дѣло Божіе во славу Божию и вѣчное благо всѣхъ людей. Послѣдующія же слова: *вѣдѣнне*,—что Богъ и насъ воздвигнетъ, и проч.,—представляютъ то, чѣмъ воспользуется и оживляется сія вѣра; ибо безъ сего она не имѣла бы будто окончательнаго пункта, или была бы безъ конца. Но какъ это такой пунктъ, который можно назвать средоточіемъ вѣры, то очень вѣроятно, что Апостоль, говоря о вѣрѣ, разумѣлъ именно этотъ предметъ вѣры. Св. Златоустъ говоритъ: „доказавъ, что бѣдствіе не есть признакъ безсилія и оставленія отъ Бога тѣхъ, кои терпятъ бѣдствія, Апостоль переходитъ къ вѣрѣ, и къ ней все направляетъ. И для утвержденія сей вѣры опять указываетъ на воскресеніе Христово, говоря: *и мы втроемъ, тѣмже и глаголемъ*. Чему же вѣруемъ? *Яко воздвигнѣи Иисуса и насъ всдвигнетъ*“. Тоже и Теофилактъ: „вѣруемъ, потому и глаголемъ, что какъ Иисусъ воскресъ, такъ и мы здѣсь будемъ избавляемы отъ всѣхъ опасностей смертныхъ, а тамъ совоскрешены со Иисусомъ“.

Ст. 14. *Вѣдѣнне, яко воздвигнѣи Господа Иисуса, и насъ со Иисусомъ всдвигнетъ, и предпоставитъ съ вами*.

Своскресеніе Господу во славу есть самый воодушевительный и возбудительный въ христіанскомъ исповѣданіи предметъ. Сколько здѣсь утѣшенія терпящимъ за вѣру! Сколько подкрѣпы подвизающимся въ жизни по духу вѣры! А вотъ и Апостолы къ перенесенію трудовъ въ насажденіи вѣры на землѣ почерпали нравственную силу изъ той же истины. Бѣдное естество наше такъ прославлено въ воскресеніи Господа Иисуса—для Него ли? Нѣтъ; это образъ, основаніе и сила воскресенія всѣхъ вѣрующихъ къ славу о лицѣ Иисусъ-Христовѣ. Созерцая это, Апостоль и прежде еще говорилъ: *не ктому себѣ живу*. И здѣсь тоже говорить: пусть смерти кругомъ; мы вѣруемъ, что намъ принадлежитъ животь, котораго никакая смерть восхитить не можетъ. Мы стоимъ въ обладаніи

симъ животомъ и, не боясь смертей, съ дерзновеніемъ ведемъ дѣло благовѣстія.

Вѣдѣніе. Поелику это вѣдѣніе здѣсь стоитъ, какъ истолкованіе вѣры, то его надо признать такимъ, которое обнимаетъ все сознаніе и, — какъ оно заправляло всю жизнь Апостоловъ, — такимъ, которое закрывало собою всѣ другіе предметы вѣдѣнія и всегда стояло впереди. *Яко воздвигий Господа Иисуса*, — Богъ Отець, совмѣстно, безъ сомнѣнія, со Св. Духомъ Воскресъ воплотившійся Богъ Сынъ; но воскресеніе совершилось единодѣйствіемъ Пресвятыя Троицы. *И насъ со Иисусомъ воздвигнетъ.* *И насъ* — о себѣ говоритъ Апостоль, объ Апостолахъ т.-с., непрестанно умирающихъ въ дѣлѣ благовѣстія и преподанія всѣмъ благодати; конечно не имѣя той мысли, что ихъ только и воздвигнетъ, но что со всѣми и ихъ воздвигнетъ. Воскресеніе Христова положило основаніе общему всѣхъ людей воскресенію. Теперь уже необходимо воскреснуть всѣ. Разность будетъ только въ томъ, для чего и въ какомъ видѣ кто воскреснетъ. Одни воскреснутъ во свѣтѣ и для славы; а другіе въ мрачности и для мукъ. И свѣтло воскресіе не въ одной степени свѣтлости явятся. Какою свѣтлостію будутъ окружены Апостолы? Это они предчувствовали. И вотъ источникъ воодушевленія, о коемъ у Апостола здѣсь рѣчь! *Воздвигнетъ со Иисусомъ, διὰ Ἰησοῦ*, чрезъ Иисуса. Сила воскресенія Христова отъ Него перейдетъ тогда на всѣхъ. Теперь она въ Немъ единомъ сосредоточена и въ другихъ дѣйствуетъ только духовно. Когда по вѣрѣ возраждаются въ купѣли крещенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ пріемлютъ сѣмя къ славному воскресенію. Даръ Духа святаго закрѣпляетъ сію надежду существеннѣе. На семъ основаніи всякій крещенный можетъ исповѣдать неслестно: и меня воздвигнетъ къ славѣ, если сохраню благодать крещенія, или потерянную возвращу поканіемъ. Эта общая всѣмъ вѣра въ Апостолахъ восходила на высшую степенъ ради того, что они существеннѣе становились причастниками смер-

ти Христовой, ибо говорить: *мы въ смерть предаемъ присно Иисуса ради*. Какъ въ Господѣ смерть и воскресеніе нераздѣлимы были, такъ нераздѣлимымъ сознавали и Апостолы свое воскресеніе чрезъ Господа съ своимъ умираемъ за Него.—*И предпоставитъ съ вами*. Предъ кѣмъ поставить? Если предъ собою и предъ престоломъ своимъ, это наведетъ мысль на судъ, имѣющей быть по воскресеніи. Но какъ у Апостола мысль—о воодушевляющей преславности будущаго, то ближе будетъ: представить въ блаженное царство, или туда, гдѣ Господь обѣтовалъ быть слугамъ Его.—*Съ вами*, прибавилъ, чтобъ напомнить Коринтянамъ, что это и ихъ вѣры предметъ, и чтобъ устремивъ вниманіе на славу воскресенія Апостоловъ, они не выпускали изъ вида своего воскресенія съ ними и не забывали соотвѣтственныхъ сему упованію обязательствъ. Блаж. Теофилактъ пишетъ: „воздвигнетъ и насъ съ вами къ полученію нескончаемыхъ благъ. Этимъ онъ воодушевляетъ ихъ къ храненію вѣры и къ ревности о соотвѣтственной вѣрѣ доброй жизни.“

Ст. 15. *Вся бо васъ ради, да благодать умножившаяся множайшими благодареніи избыточествуетъ въ славу Божию*.

Показываетъ, что онъ ни мало не преувеличенно сказалъ: *воздвигнетъ насъ и предпоставитъ съ вами*. Говоря такъ, не слово лести къ вамъ простираю, но потому такъ говорю, что такъ должно быть: ибо все для васъ, для васъ—не Коринтянъ только, но и всѣхъ вѣрующихъ,—все, все домостроительство во Христѣ Иисусѣ здѣсь, и всѣ блага неописанныя тамъ. Θεодоритъ пишетъ: „*васъ ради*, т.-е. вѣрующихъ; ибо сказалъ не объ однихъ Коринтянахъ, но о всѣхъ принявшихъ проповѣдь. Богъ промысля объ общемъ всѣхъ спасеніи, совершилъ домостроительство Владыки Христа“. Св. Златоустъ говоритъ: „для васъ Его воскресеніе и все прочее. Ибо не для одного только человѣка Онъ столько совершилъ, но для всѣхъ.“

Да благодать умножившаяся, т.-е. сдѣлавшаяся достояніемъ многихъ. Господь устроилъ спасеніе всѣхъ, и учредилъ Апостольство, чтобы оно силою Духа святаго по всей землѣ, во всѣхъ языкахъ и обществахъ положило основы общему всѣхъ людей спасенію. Это мы и дѣлаемъ. Слово благовѣстія распространяется; вмѣстѣ съ нимъ разливается благодать, возраждающая къ новой жизни, въ залогъ нескончаемаго блаженства въ вѣчности. Причастившіеся сей благодати вкушаютъ радость о Духѣ святомъ, подвигающую уста на благодареніе. Чѣмъ больше причастниковъ благодати, тѣмъ болѣе устъ благодарныхъ. Множащаяся благодать множить благодареніе; избыточество благодаренія избыточествуетъ въ славу Божию. Слава Божія—послѣдняя цѣль всего домостроительства во Христѣ Иисусѣ. Ангелы выну славословятъ Бога; на то же славословіе созданы и люди. Но ихъ пѣснь славословная порвалась на первыхъ порахъ. Надлежало возстановить ее. Чтобы возстановить, Сынъ Божій воплотившись нисходилъ до послѣднихъ степеней уничиженія, и потомъ возшелъ челоуѣчествомъ на послѣднія степени славы. Приобщивъ его всевозможной славы, Онъ сдѣлалъ его вновь способнымъ воздавать возможно высшую славу Богу. Причащающіеся благъ во Христѣ Иисусѣ вкушаютъ и славы Божіей и славословятъ Бога. Славословіе—знакъ вкушенія радости жизни. Потому оно и стало цѣлью всего, что Богъ всѣхъ хочетъ облаженствовать. Богъ хочетъ, чтобы всѣ вкусили благъ духовныхъ, всѣ радовались, а ради этого и благодарили и славословили Его. Апостоль говоритъ о вкушеніи благодати множайшими, и о благодареніи множайшими, потому что не всѣ хотятъ того, чего хочетъ Богъ.

Епископъ Теофанъ.

ВОДЫ СВ. ЗЕМЛИ.

Озера: Фіала, Меромское и Геннисаретское.

Обиліе водъ въ св. землѣ во времена Моисея.—Воды св. земли въ настоящее время.—Озера св. земли: *Озеро Фіала*: мѣстоположеніе этого озера; особенности его береговъ и виды.—Мнѣніе I. Флавія объ озерѣ Фіала, какъ источникѣ Иордана; неправильность этого мнѣнія. Современное арабское названіе этого озера.—*Меромское озеро*: берега Меромскаго озера; болотистая мѣстность, примыкающая къ сѣвернымъ берегамъ озера; ея обширность; болотныя растенія и между прочимъ египетскія папирусы, ея покрывающія; потоки, по ней протекающіе; замѣчательнѣйшій изъ нихъ—Айнъ-ель-Меллага; птицы, водящіяся въ ея камышахъ; ея состояніе въ весеннее время.—Восточные и западные берега Меромскаго озера. Глубина Меромскаго озера; прозрачность и пріятный вкусъ его водъ; ловля рыбы въ его водахъ; отсутствіе на немъ лодокъ.—Свидѣтельства древнихъ и средневѣковыхъ писателей о высыханіи озера въ лѣтнее время.—Древнія и современныя названія озера.—Упомянутіе о Меромскомъ озерѣ въ кн. I. Навина.—*Озеро Геннисаретское*: его названія; берега Геннисаретскаго озера и ихъ особенности.—Восточный берегъ; равнина Батига; развалины Гергесы и ихъ окрестности.—Западный берегъ; путь по западному берегу до Тиверіады; источникъ Гаммамъ; потокъ ель-Бариде за Тиверіадою; равнина Геннисартъ, или земля Геннисаретская; ея состояніе во дни I. Христа и Апостоловъ и въ настоящее время; современный видъ геннисаретскихъ береговъ; населенность ихъ въ древности и безжизненность въ наши дни.—Пространство, занимаемое Геннисаретскимъ озеромъ и его глубина; превосходныя качества его воды.—Бури на озерѣ.—Обиліе въ немъ рыбы; состояніе рыболовства на озерѣ въ древности и въ настоящее время.—Птицы, водящіяся на озерѣ.—Судоходство на немъ.—Лѣтній зной на берегахъ озера.—Упомянутія о Геннисаретскомъ озерѣ въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ; событія изъ евангельской исторіи, связанныя съ нимъ.—Впечатлѣнія, переживаемыя путешественниками у водъ геннисаретскихъ.

Моисей, изображая достоинства земли обѣтованной передъ народомъ Израильскимъ, который намѣревался вступить въ эту землю, говорилъ между прочимъ: „Господь, Богъ твой ведетъ тебя въ землю добрую, въ землю, гдѣ потоки водъ, источники и озера выходятъ изъ долинъ и

горь“ (Второз. 8, 7). „Земля, въ которую ты идешь, чтобъ овладѣть ею, не такова, какъ земля Египетская, изъ которой вышли вы, гдѣ ты, посѣявъ сѣмя твою, поливалъ при помощи ногъ твоихъ, какъ масличный садъ. Но земля, въ которую вы переходите, чтобъ овладѣть ею, есть земля съ горами и долинами, и отъ дождя небеснаго напаяется водою“ (Второз. 11, 10. 11).

Такимъ образомъ, по словамъ великаго вождя Израильскаго, обѣтованная земля, какъ обильная водою, должна была далеко оставить за собою Египетъ. Египетъ—страна, не знающая дождей и орошаемая лишь Ниломъ, вода котораго, во время разлива, разводится по странѣ при посредствѣ каналовъ. Чтобы воспользоваться нильскою водою для орошенія воздѣлываемыхъ участковъ земли, необходимо прибѣгать, между прочимъ, къ помощи водокачальныхъ снарядовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе ногами. Не такова земля, составляющая наслѣдіе Израиля: она, по словамъ Моисея, напаяется дождями, и Израилю предстояло встрѣтить въ ней обиліе воды, то собранной въ естественныхъ водовмѣстилищахъ, то протекающей по естественнымъ русламъ.

Какою была св. земля относительно воды во времена Моисея и въ послѣдующіе періоды исторіи еврейскаго народа, такую же въ сущности остается она и въ настоящее время. Въ ней и теперь находятся озера, рѣки, ручьи, источники; кромѣ того, ее орошаютъ обильные дожди: ранніе—осенніе, и поздніе, выпадающіе въ весеннее время. Дождевыя струи, сбѣгая съ горъ многоводными шумными потоками и проносясь по долинамъ, то поддерживаютъ колодези, проникнувъ въ почву, то наполняютъ цистерны и пруды, нарочно для того устроенныя, и такимъ образомъ восполняютъ въ лѣтнее сухое время недостатокъ въ водѣ, доставляемой ручьями и источниками, которые отъ жаровъ значительно сокращаются въ своемъ теченіи, а по временамъ и вовсе изсякаютъ.

ОЗЕРА СВ. ЗЕМЛИ.

Озеро въ св. землѣ четыре: *Фіала*, *Меромское*, *Геннисаретское* и, такъ-называемое, *Мертвое море*. Самое сѣверное изъ этихъ четырехъ озеръ—*Фіала*. Остальныя три находятся южнѣе и слѣдуютъ одно за другимъ, съ сѣвера на югъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ исчислены. Всѣ три озера расположены въ той низменности, которая прорѣзываетъ св. землю на всемъ ея протяженіи и раздѣляетъ ее на двѣ половины—восточную и западную, и всѣ три соединены *Иорданомъ*, при чемъ *Иорданъ*, проходя чрезъ два первыя—*Меромское* и *Геннисаретское*, въ послѣднее,—*Мертвое море*,—вливаетъ свои воды.

На востокъ отъ верховьевъ *Иордана*, на юго-востокъ отъ упоминаемой въ евангеліяхъ *Кессаріи Филипповой* (Мѡ. 16, 13; Марк. 8, 27), нынѣ селенія *Ваніи* (*Ваніас*), въ двухъ-часовомъ разстояніи отъ этого селенія, близъ южныхъ отроговъ *Гермона*, находится гора съ глубокою котловиной, имѣющею форму неправильнаго круга. Дно этой котловины, лежащее болѣе чѣмъ на 20 саженой ниже уровня окрестныхъ мѣстностей, покрыто на всемъ своемъ пространствѣ водою, образующею озеро. Озеро это есть *Фіала*, названное такъ потому, что занимая дно чашеобразной котловины, само имѣетъ такую же чашеобразную форму (греч. *φιάλη* значить чаша).

Озеро *Фіала* по своимъ размѣрамъ незначительно; оно въ поперечникѣ имѣетъ менѣе получаса пути. Окрестности озера представляютъ собою плоскую возвышенность, которая, впрочемъ, въ южномъ отъ озера направленіи, почти тотчасъ же смѣняется горами, покрытыми лѣсомъ, и кустарниками; точно также на востокъ отъ озера, не въ дальнемъ отъ него разстояніи, проходитъ лѣсистая горная цѣпь. Скаты котловины, заключающей въ себѣ озеро, состоятъ по большей части изъ давно остывшей лавы и имѣютъ пустынный и угрюмый видъ; рѣдко гдѣ по этимъ

скатамъ растеть кустарникъ; весьма также рѣдко встрѣчаются небольшія полоски воздѣланной земли. Окрестности котловины, хотя и не отличаются плодородіемъ, представляютъ болѣе воздѣланныхъ пространствъ. Заключенное въ глубокой котловинѣ озеро Фіала не имѣетъ ни притоковъ, ни истоковъ. Въ незначительномъ разстояніи отъ береговъ, изъ озера поднимаются водныя растенія и широкимъ поясомъ охватываютъ его окраины; по мѣстамъ поясъ этотъ прерывается и растенія образуютъ собою какъбы острова; середина озера отъ растеній свободна. Вода озера, какъ совершенно стоячая, очень пчиста, крайне мутна, а у береговъ имѣетъ неурятный видъ слизистой грязи. На озерѣ, въ водяныхъ растеніяхъ, покрывающихъ его окраины, водятся во множествѣ дикія утки. Озеро изобилуетъ пѣвками, которыя ловятся оригинальнымъ образомъ: жители окрестныхъ селеній, занимающіеся ловлею, обыкновенно входятъ въ воду и позволяютъ пѣвкамъ присасываться къ ногамъ. Стаи дикихъ утокъ, плавающихъ по озеру въ различныхъ направленіяхъ, привлекаютъ къ берегамъ озера хищныхъ птицъ. Робинзонъ, во время посѣщенія озера, видѣлъ громаднаго ястреба, который то высоко плавалъ въ воздухѣ надъ водою, то быстро спускался внизъ, чтобы схватить добычу.

Лава, покрывающая скаты котловины, содержащей въ себѣ озеро Фіала, а также встрѣчающіеся въ ней мелкіе черные камни вулканическаго происхожденія, привели Робинзона къ тому вѣроятному предположенію, что котловина эта есть не иное что, какъ кратеръ когда-то дѣйствовавшего, но уже давно угаснувшего вулкана.

Іосифъ Флавій, въ своемъ сочиненіи „О войнѣ іудейской“ (III, 10, 7), говоритъ, что источникъ Вапійскій, вытекающій изъ грота Панеума (Panem), близъ Кесаріи Филипповой, и принадлежащій къ числу источниковъ, образующихъ Іорданъ, имѣетъ подземное сообщеніе съ озеромъ Фіала и беретъ свое начало собственно въ этомъ озерѣ. Такимъ образомъ, если вѣрить сказанію Іосифа, озеро Фі-

ала питаетъ собою Иорданъ въ его начальномъ теченіи. Но Робинзонъ положительно отвергаетъ справедливость этого древняго сказанія и относитъ его къ разряду народныхъ легендъ. По словамъ Робинзона, такой сильный многоводный источникъ, какъ источникъ Ванійскій, въ нѣсколько дней исчерпалъ бы озеро, еслибы дѣйствительно бралъ въ немъ начало; притомъ же невозможно допустить, чтобы чистыя прозрачныя воды Ванійскаго источника могли имѣть что-либо общее съ грязною слизистою массой, наполняющею собою озеро Фіала (Robinson, *Physische Geographie des. N. Landes*, s. 195).

Озеро *Фіала* мало было посѣщаемо европейскими путешественниками и потому оно доселѣ съ точностію не измѣрено ни относительно объема, ни относительно глубины. Впрочемъ Робинзонъ, опредѣлившій по глазомѣру длину озера въ поперечникѣ, полагаетъ также, что оно неглубоко.

Названіе *Фіала*, которое въ древности было усвоено описываемому озеру, теперь не употребляется. Въ настоящее время туземцы называютъ его Биркетъ-еръ-Рамъ (*Birket er-Ram*).

Объ озерѣ *Фіала* въ библейскихъ книгахъ не упоминается.

Меромское озеро лежитъ на сѣверѣ св. земли, въ сѣверной части той низменности, которая пересѣкаетъ св. землю на всемъ ея протяженіи и которая обыкновенно называется Иорданскою долиною, или, по-арабски, Ель-Горъ (*el-Ghor*). Оно отстоитъ на три часа пути къ югу отъ начала Иордана, и такимъ образомъ находится недалеко отъ сѣверныхъ границъ Палестины.

Форма Меромскаго озера приближается къ формѣ треугольника, обращеннаго своею вершиною къ югу, основаніемъ къ сѣверу. Длина озера, въ его нормальномъ положеніи, равняется двумъ съ половиною, ширина, въ сѣверной части, одному часу пути. Съ сѣвера въ озеро вливается Иорданъ, изъ южной его оконечности вытекаетъ

снова, направляясь въ своемъ теченіи на югъ, къ сѣвернымъ берегамъ Геннисаретскаго озера.

На сѣверѣ къ Меромскому озеру непосредственно примыкаетъ обширная болотистая мѣстность, имѣющая къ сѣверу гораздо большее протяженіе, нежели какое имѣетъ само озеро, и въ ширину занимающая, по мѣстамъ, всю Иорданскую долину. Вся эта болотистая мѣстность покрыта цѣлыми лѣсами исполинскихъ тростниковъ, камышей и другихъ болотныхъ растений, между которыми встрѣчаются ароматическій ситникъ и египетскій папирусъ. Это послѣднее, знаменитое въ древности, растение, изъ котораго приготовлялось, между прочимъ, пѣчто въ родѣ бумаги для начертанія писемъ, имѣетъ трехгранный, достигающій иногда болѣе четырехъ аршинъ въ высоту, стебель, покрытый лишь снизу мечеобразными листьями и заканчивающійся на верху цвѣтчною чашечкою съ красноватыми лепестками, изъ середины которой выходитъ густой пучекъ тонкихъ волоконъ. Папирусъ этотъ названъ въ кн. Іова (8, 11) и въ кн. пр. Исаи (35, 7), какъ растение, которое не можетъ существовать безъ постоянно стоящей около него воды *). (О существованіи египетскаго папируса въ окрестностяхъ Меромскаго озера зналъ Плиній, и это свидѣтельство древняго естествоиспытателя въ настоящее время вполнѣ подтверждено путешественникомъ Шубертомъ (Ritter, Die Erdkunde: Die Sinai-Halbinsel, Paläst. und Syrien. 2 Ausg. II Band, 1 Abth. s. 235). Вдоль описываемой болотистой мѣстности медленно протекаетъ Иорданъ; кромѣ того чрезъ нее съ сѣвера и запада, пролагаютъ свой путь по направленію къ озеру мелкіе довольно значительные потоки и, расши-

*) Въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ въ обоихъ приведенныхъ цитатахъ папирусъ обозначенъ словомъ *гоме* (*gome*). У LXX въ первомъ цитатѣ (Іов. 8, 11) евр. слово *гоме* передано словомъ *пѣпурос*, въ послѣднемъ (Исаи 35, 7), словомъ *каламос*; въ славянскомъ переводѣ—въ первомъ случаѣ словомъ *рогозъ*, въ послѣднемъ—словомъ *лозъ*; въ русскомъ синодскомъ—въ обоихъ случаяхъ—словомъ *камышъ*.

рясь, по мѣстамъ, образуютъ среди болотныхъ растеній небольшіе пруды. Наиболѣе замѣчательный изъ потоковъ, проходящихъ по болоту, есть потокъ Айнъ-ель-Меллага (Ain-el-Mellahah). Онъ беретъ свое начало въ разстояніи четверти часа отъ сѣверо-западнаго угла Меромскаго озера у подошвы отвѣсно стоящей скалы и поддерживается обильнымъ водою ключемъ. Воды этого ключа вытекаютъ изъ почвы чрезъ множество мелкихъ отверстій и, прежде чѣмъ направиться широкимъ потокомъ, чрезъ болото, къ озеру, сосредоточиваются въ обширномъ бассейнѣ, имѣющемъ въ длину отъ 150 до 204 и въ ширину 100 шаговъ. Бассейнъ окруженъ густою растительностію. Потокъ, вытекающій изъ этого бассейна, достигаетъ пяти сажень ширины.

Въ густыхъ тростникахъ и камышахъ покрывающихъ болото водятся цѣлыя тучи дикихъ гусей, утокъ, бекасовъ и другихъ болотныхъ и водяныхъ птицъ. Описываемая болотистая мѣстность непроходима. Одинъ путешественникъ, Томсонъ, пытался проикнуть чрезъ нее къ сѣвернымъ берегамъ Меромскаго озера; но арабъ, съ которымъ путешественникъ вступилъ по этому поводу въ переговоры, поклялся Аллахомъ, что даже дикій кабанъ не въ состояніи пройти по болоту (Ritter, Sinai-Halbiusel, Paläst u. Syr. II, Band, 1 Abth., s. 228). Весною во время таянія снѣговъ на окрестныхъ горахъ, болото на всемъ своемъ пространствѣ покрывается водою и составляетъ вмѣстѣ съ озеромъ одну необозримую водную поверхность. На сѣверѣ болото постепенно переходитъ въ луговныя пространства, которыя въ свою очередь смѣняются плодородною равниною, воздѣлываемою и засѣваемою хлѣбными растеніями разныхъ сортовъ.

Параллельно съ восточнымъ берегомъ Меромскаго озера тянутся горы, составляющія одинъ изъ южныхъ отроговъ Гермона. Горы эти подходятъ къ самому озеру и спускаются къ нему круглыми обрывами, что дѣлаетъ путь по восточному берегу озера затруднительнымъ. Нужно впро-

чемъ замѣтить, что берегъ этотъ почти не изслѣдованъ европейскими путешественниками. На западномъ берегу озера также возвышаются горы; но онѣ находятся на довольно значительномъ разстояніи отъ окраины озера: между ними и озеромъ тянется сравнительно низменная полоса земли. Сѣверную часть этой низменности составляетъ прекрасная плодородная и, по мѣстамъ, воздѣланная равнина, называемая Арабами Ардъ-ель-хайтъ (Ard-el-khait); южная, напротивъ, представляетъ собою пустынную скалистую мѣстность, опасную, притомъ же, для путешественниковъ, такъ какъ по ней бродятъ хищные бедуины, переправляющіеся съ восточнаго берега озера на западный для грабежей. Западная окраина озера, примыкающая къ равнинѣ Ардъ-ель-хайтъ, покрыта, по мѣстамъ, широколиственными водяными растеніями, которыя, подобно сѣвернымъ болотнымъ камышамъ, служатъ убѣжищемъ для громадныхъ стай дичи.)

Меромское озеро, повидимому, не глубоко; впрочемъ оно никогда не было измѣряемо и потому относительно его глубины нельзя сказать ничего положительнаго. Вода озера довольно прозрачна и пріятна на вкусъ. Въ озерѣ водится рыба, и прибрежные жители обыкновенно ловятъ ее удочками. Ни одному изъ европейскихъ путешественниковъ не случилось видѣть на озерѣ лодокъ, и какъ кажется, ихъ на немъ никогда не бывало.

Изъ свидѣтельствъ средневѣковыхъ путешественниковъ, приводимыхъ Риттеромъ (выше цитов. трудъ, s. 235. 236), слѣдуетъ заключить, что бываютъ годы, когда, въ лѣтнее время, Меромское озеро весьма значительно сокращается въ своемъ объемѣ и даже почти вовсе высыхаетъ. О высыханіи озера упоминаетъ и Плиній. Впрочемъ фактъ этотъ не подтвержденъ ни однимъ изъ путешественниковъ новѣйшихъ временъ.)

Уровень Меромскаго озера на пять слѣшкомъ саженой (40 фут.) выше уровня Средиземнаго моря. (Schenkel's Bibel-Lexikon, IV, 182).

Меромскимъ или водою Меромъ, *ме-меромъ*, описываемое озеро названо въ Библии I. Нав. 11, 5. 7. *Ме-меромъ* значитъ высокая, верхняя вода. Въ этомъ названіи можно видѣть указаніе на возвышенное положеніе нашего озера по отношенію къ озеру Геннисаретскому, лежащему значительно ниже уровня Средиземнаго моря, или вообще по отношенію къ двумъ другимъ озерамъ Иорданской долины. Иосифъ Флавій называетъ Меромское озеро *Семехонитскимъ*, или *Самахонитскимъ* (Bell. Iud. III, 10, 7; IV, 1; Antiq. Iud. V, 5, 1). Значеніе этого названія объясняютъ различно. Одни производятъ его отъ арабскаго корня: *самака*—быть высокимъ и усвояютъ ему тоже значеніе, какое обыкновенно усвояютъ названію *Меромъ*; другіе отъ арабскаго же слова—*самакъ* рыба и видятъ въ немъ указаніе на обиліе въ озерѣ рыбы. (Въ настоящее время описываемое озеро арабы называютъ *Баръ-ель-Гуле* (Bahr-el-Huleh). Впрочемъ арабы даютъ озеру и другія названія, принимая во вниманіе мѣстности къ нему прилегающія; такъ напр. они называютъ его *Баръ-ель-хаитъ* по имени равнины, находящейся на западномъ его берегу.)

Объ озерѣ Меромскомъ упоминается въ кн. Иисуса Навина (I. Нав. 2, 5. 7): при этомъ озерѣ Иисусъ Навинъ поразилъ Иавина, царя Асорскаго, вмѣстѣ со многими другими царями, въ числѣ которыхъ находились цари, владѣвшіе Иорданскою равниной на югъ отъ Геннисаретскаго озера (2, 1 — 12). Священный повѣствователь описываетъ это пораженіе слѣдующимъ образомъ: „и собрались всѣ цари сіи, и пришли и расположились станомъ вмѣстѣ при водахъ Меромскихъ, чтобы сразиться съ Израилемъ. Но Господь сказалъ Иисусу: не бойся ихъ; ибо завтра Я предамъ всѣхъ ихъ на избіеніе слынамъ Израиля. Иисусъ и съ нимъ весь народъ, способный къ войнѣ, внезапно вышли на нихъ къ водамъ Меромскимъ, и напали на нихъ. И предалъ ихъ Господь въ руки Израильтянъ, и поразили они ихъ, и преслѣдовали ихъ,.... и перебили ихъ, такъ что никого изъ нихъ не осталось.“

Геннисаретское озеро упоминается въ библейскихъ книгахъ подъ различными наименованіями. Въ ветхозавѣтныхъ книгахъ оно называется моремъ *Киннеретъ*, *Каннеретъ* (Числ. 34, 11; Второз. 3, 17. I. Цав. 12, 3; 13, 27), водою *Геннисаръ* (1 Макк. 11, 67); въ новозавѣтныхъ писаніяхъ—моремъ *Галилейскимъ* (Мо. 4, 18), моремъ *Тиверіадскимъ* (Іоан. 21, 1), озеромъ *Геннисаретскимъ* (Лук. 5, 1). Последнее наименованіе встрѣчается и у свѣтскихъ писателей древности, каковы Іосифъ Флавій, Страбонъ и др. Названіе *Киннеретъ* сродно съ евр. словомъ *Кинноръ*, что значитъ лютня (музыкальный инструментъ), и содержитъ въ себѣ указаніе на ту, подобную лютнѣ, овальную форму, какую имѣетъ ложе озера. Геннисаретскимъ названо озеро по имени равнины Геннисаръ, находящейся на западномъ его берегу. (Въ настоящее время Геннисаретское озеро на туземномъ языкѣ называется Баръ-Тубаріе (Bahg-Tubarigeh).) Съ сѣвера въ озеро вливается Іорданъ, изъ юго-западнаго его угла снова выходитъ.

Особенности береговой линіи Геннисаретскаго озера суть слѣдующія. Начиная обзоръ береговъ озера съ сѣверной его окопечности, съ того мѣста, гдѣ въ него вливается Іорданъ, и направляясь по восточному берегу, путешественникъ прежде всего проходитъ по равнинѣ, имѣющей въ длину болѣе часа, въ ширину отъ 40 до 50 минутъ пути: это равнина *Батла*, или пустыня *Вивсаидская*. Орошаемая въ продолженіе цѣлаго года нѣсколькими потоками, эта равнина или пустыня отличается замѣчательнымъ плодородіемъ: на пей въ изобиліи произрастаютъ пшеница, просо, ячмень, огурцы, дыни; въ ея садахъ, защищенныхъ отъ вліянія холоднаго сѣверо-восточнаго вѣтра крутыми склонами Джолайской, или вообще Гавранской плоской возвышенности и доступныхъ лишь дѣйствию теплаго и влажнаго вѣтра юго-западнаго, очень рано созрѣваютъ овощи, которые обыкновенно доставляются на Дамасскій рынокъ. Образуемая равниной, береговая линія идетъ, начиная отъ устья въ Іордана, на востоко-юго-во-

стокъ. Съ того мѣста, гдѣ оканчивается равнина, берегъ озера направляется къ югу и сохраняетъ это южное направленіе, безъ особенно рѣзкихъ отклоненій, на протяженіи четырехъ часовъ пути, послѣ чего поворачиваетъ прямо на западъ. Краина Гавранской возвышенности болѣе или менѣе крутая, возвышающаяся надъ озеромъ на 140—280 саж. и какъбы отодвинутая отъ него равниной Батига, на югъ отъ этой равнины очень близко подходитъ къ водамъ озера и отдѣляется отъ нихъ лишь очень узкою низменною полосой земли, по которой въ древности была проложена Римлянами дорога до города Гергесы, находящагося нынѣ въ развалинахъ. Развалины Гергесы раскинуты при впаденіи въ озеро узкой и глубокой долины Семахъ (Semach); въ ихъ окрестностяхъ пробиваются изъ скалъ горячіе сѣрные источники; около нихъ находится единственное на всемъ восточномъ берегу мѣсто, гдѣ крутой склонъ Гавранской возвышенности непосредственно спускается въ воды озера; это, безъ сомнѣнія, та крутизна, съ которой, во времена Христа, бросилось въ озеро стадо свиней (Мт. 8, 28—39). Въ скалахъ, окружающихъ развалины Гергесы, доселѣ сохранилось много гробовъ, или древнихъ погребальныхъ пещеръ. Узкая береговая равнина, идущая отъ равнины Батига и прерванная Гергесинской крутизною, становится, на югъ отъ этой крутизны, все шире и шире и наконецъ сливается съ обширною равниною Иордана. Скалистые высокіе обрывы, стоящіе надъ озеромъ съ юго-восточной стороны, состоятъ главнымъ образомъ изъ базальта и прорѣзаны узкими долинами и оврагами, по которымъ сбѣгаютъ въ озеро въ періодъ дождей многоводные потоки.

Придерживаясь береговой линіи, принявшей прямое западное направленіе и огибая южную узкую оконечность озера, путешественникъ около часа идетъ по Иорданской равнинѣ и наконецъ достигаетъ Иордана, который, какъ сказано, вступивъ въ озеро на сѣверѣ, снова выходитъ изъ его юго-западнаго угла. Перейдя рѣку, путникъ всту-

пасть на западный берегъ Геннисаретскаго озера. Здѣсь береговой путь идетъ въ сѣверо-западномъ направленіи по узкой тропинкѣ, извивающейся между водами озера и крутыми склонами горъ, подходящихъ къ озеру съ запада. Тропинка то опускается къ самому озеру, такъ что до нея достигаютъ брызги пѣны, взбивасмой волнами, то поднимается надъ озеромъ на 3—4 саж. По окраинѣ берега почти непрерывно тянется, соприкасаясь съ водой, бѣлая песчаная полоса; по мелкому блестящему песку во множествѣ разсыпаны небольшія раковинки, имѣющія разнообразныя причудливыя формы и красиво раздѣвченныя. Горы западнаго берега озера, начиная съ южной его оконечности на протяженіи 2½ часовъ пути, не прерываются ни долиною, ни оврагомъ; онѣ стоятъ, сплошною стѣною, возвышаясь надъ поверхностію озера на 140—160 и болѣе саж. Не доходя до Тиверіады на полчаса пути, путешественникъ встрѣчаетъ, къ югу отъ названнаго города, горячій источникъ Гаммамъ. Источникъ при своемъ выходѣ изъ почвы такъ горячъ, что въ немъ невозможно держать руки; онъ, подобно источникамъ Гергесинскимъ, имѣетъ сильный сѣрный запахъ; его вода крайне солонa на вкусъ. За Тиверіадою, на сѣверъ отъ нея, въ озеро впадаетъ потокъ *ель-Бариде* (el—Barideh), узкая долина котораго прерываетъ наконецъ сплошную горную массу. За долиною потока ель-Бариде начинается береговая равнина Геннисаръ, имѣющая въ длину болѣе часа, въ ширину 20 минутъ пути; это упоминаемая въ евангеліяхъ земля Геннисаретская (Мт. 14, 34; Марк. 6, 53). Равнина, или земля Геннисара, примыкая восточною своею стороною къ озеру, съ прочихъ сторонъ ограничивается горами, которыя возвышаются надъ нею полукругомъ, при чемъ тотъ конецъ этого горнаго полукруга, который замыкаетъ равнину съ сѣвера, непосредственно выдвигается въ воды озера. Равнина Геннисара очень многоводна во всѣхъ своихъ частяхъ; многочисленныя ручьи и источники, то стекающіе съ горы, то берущіе начало въ ней самой,

обильно напаяютъ ея тучную почву, состоящую исключительно изъ вывѣтрившихся вулканическихъ породъ. Теплый, и въ лѣтнее время почти тропическій, климатъ равнины, ея многоводность составляютъ благопріятнѣйшія условія для богатаго развитія на ея пространствахъ растительной жизни. И дѣйствительно во время Христа и Апостоловъ равнина была подобна саду, отличавшемуся разнообразіемъ, обиліемъ и богатствомъ своихъ произрастеній. По словамъ Іосифа Флавія, равнину украшали растенія всѣхъ климатовъ. Здѣсь росли орѣховыя деревья, которыя нуждаются въ прохладѣ, зеленѣли фиги и оливы, для которыхъ пужень умѣренный климатъ, поднимали къ небу свои перистыя вершины разныхъ видовъ пальмы, питомцы тропическихъ жаровъ. Благодаря столько замѣчательному разнообразію растеній, въ равнинѣ Гиннисара можно было въ теченіе почти всего года имѣть свѣжіе плоды. (Bell. Iud. III, 10, 8). Возможность совмѣщенія на небольшомъ сравнительно пространствѣ равнины растеній различныхъ климатовъ можетъ быть объяснена тѣмъ, что равнина постепенно поднимается отъ востока къ западу и въ своихъ наиболѣе высокихъ частяхъ доступна вліянію прохладныхъ сѣверо-западнаго и сѣвернаго вѣтровъ. Въ настоящее время равнина *Геннисаретская* почти безлюдна и потому не имѣетъ уже тѣхъ садовъ, которыми славилась она въ древнія времена и для процвѣтанія которыхъ, кромѣ естественныхъ благопріятныхъ условій, необходимы еще трудъ и тщательный уходъ со стороны человѣка. Впрочемъ и теперь густые кустарники, олеандры съ своими прекрасными цвѣтами, высокія травы, въ изобиліи покрывающія равнину, ясно свидѣтельствуютъ о плодородіи ея почвы. Пройдя Геннисаретскую равнину, путешественникъ на сѣверъ отъ нея тотчасъ же встрѣчаетъ источникъ *Айнъ-Табига* (Ain-Tabigha). Источникъ этотъ, обильный водою, пробивается изъ земли не въ дальнемъ разстояніи отъ окраины берега; съ сильнымъ шумомъ, происходящимъ отъ быстрого теченія, направляется онъ къ озеру; но

прежде чѣмъ достигнуть своей цѣли, онъ раздѣляется на многіе рукава, пролагающіе себѣ путь между густымъ кустарникомъ и тростникомъ. Вода источника очень прозрачна и имѣетъ соленый вкусъ. За источникомъ Табига горы, окружающія озеро, становятся менѣе скалистыми и принимаютъ характеръ холмовъ, сохраняя этотъ характеръ до впаденія въ озеро рѣки Иордана. Западный берегъ Геннисаретскаго озера, подобно восточному, не имѣетъ значительныхъ изгибовъ и на всемъ своемъ протяженіи сохраняетъ, въ общемъ, одно направленіе. Начиная съ южной оконечности озера, онъ идетъ на сѣверъ съ незначительнымъ отклоненіемъ къ западу; за Тиверіадою направляется на сѣверо-западъ; вдоль Геннисаретской равнины снова принимаетъ сѣверное направленіе; за источникомъ *Табига* склоняется къ сѣверо-востоку, образуя между этимъ источникомъ и правымъ берегомъ Иордана, при его впаденіи въ озеро, легкій дугообразный изгибъ.

Берега Геннисаретскаго озера не отличаются величіемъ и красотою видовъ; они не имѣютъ причудливыхъ изгибовъ и очертаній, отвѣсныхъ скалъ, смѣло поднимающихся къ небу. Особенно восточный берегъ представляетъ собою мало привлекательнаго. Его образуетъ окраина Гавранской возвышенности. Окраина эта очень однообразна, не имѣетъ болѣе или менѣе выдающихся вершинъ и почти прямою линіею тянется вдоль озера. Болѣе привлекателенъ западный берегъ, особенно въ той его части, которая занята Геннисаретскою равниною. Постоянно покрытая зеленью равнина, многочисленныя потоки проходящія по ней, отличающіяся разнообразіемъ и отчасти живописностію формъ возвышенности стоящія надъ нею и какъ бы поясомъ охватывающія ее, все это образуетъ прелестную картину, красоту которой увеличиваетъ то еще, что на сѣ заднемъ планѣ, на далекомъ сѣверо-сѣверовостокѣ, высятся, рельефно выступая на темноглубомъ фонѣ неба, вершины Гермона, всегда покрытыя снѣговыми блестящими полянами. Возвышенности, обрамляющія Ген-

нисаретское озеро, много теряють отъ того, что онѣ очень безжизненны: нѣтъ на нихъ ни лѣсовъ, ни вообще обильной растительности. Правда, въ весеннее время на нихъ всюду появляется молодая изумрудная зелень, но не надолго: подъ палящими солнечными лучами она скоро погибаетъ, и возвышенности большую часть года остаются обнаженными, мертвыми.

Во времена Христа и Апостоловъ ближайшія окрестности Геннисаретскаго озера были, можно сказать, переполнены жизнью. Въ эти дни на обоихъ берегахъ озера, особенно же на западномъ, процвѣтали многочисленныя и многолюдныя города и селенія. Такъ, слѣдуя западнымъ берегомъ озера съ юга на сѣверъ, путешественникъ встрѣчалъ на своемъ пути прежде всего укрѣпленную *Тарихею*, въ которой насчитывалось во дни Апостоловъ до 40 тысячъ жителей, и которая находилась недалеко отъ того мѣста, гдѣ Иорданъ вытекаетъ изъ озера, по направленію къ Мертвому морю; далѣе на сѣверъ, на часть съ четвертью пути отъ Тарихеи, красовалась *Тиверіада*, резиденція Ирода Антипы, подступая своею восточною частію къ самымъ водамъ озера. На Геннисаретской равнинѣ были расположены *Магдала*, родной городъ Маріи Магдалины, и *Виѳсаида* Галилейская; за горнымъ выступомъ, служащимъ сѣверною границей равнины, стоялъ, какъ кажется, *Гаразинъ*, далѣе *Капернаумъ*. На восточномъ берегу были извѣстны очень значительныя укрѣпленные города: *Гиттосъ*, и *Гамала*, затѣмъ *Гергеса* и, нѣсколько далѣе въ глубь страны, *Афекъ*, но особенно *Виѳсаида Юлія*. Мѣстопробываніе царя Ирода въ Тиверіадѣ, четверовластника Филиппа въ Виѳсаидѣ Юліи, плодородіе почвы, большой торговый путь, проходившій по западному берегу Геннисаретскаго озера, все это привлекало множество людей изъ другихъ мѣстъ на Геннисаретскіе берега и способствовало ихъ необыкновенному оживленію. Но такое усиленное біеніе жизненнаго пульса давно прекратилось на Геннисаретскихъ берегахъ и давно жизнь отлетѣла отъ нихъ;

въ настоящее время они пустыни и безмолвны. Городовъ и селеній, украшавшихъ нѣкогда эти берега, теперь уже нѣтъ; на ихъ мѣстѣ—жалкія развалины, убогія хижины, а отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не осталось даже слѣдовъ; только Тивериада можетъ быть названа и въ настоящее время довольно значительнымъ и, сравнительно, многолюднымъ городомъ: въ ней насчитывается до 4,000 жителей.

Въ этихъ-то, нами описанныхъ, теперь пустынныхъ и безмолвныхъ, берегахъ раскинулось Геннисаретское озеро. Площадь, занимаемая имъ, имѣетъ въ длину $5\frac{1}{2}$, въ ширину отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ часовъ. Форма его ложа—неправильнаго овала, сѣверная половина котораго шире, нежели южная. Наибольшая глубина озера 20 слишкомъ сажень. Впрочемъ уровень его то повышается, то понижается, смотря по времени года. Наибольшей высоты достигаетъ онъ въ апрѣлѣ, когда начинаютъ таять снѣга на вершинахъ Ливана и Ермона и выпадаютъ обильные дожди. Въ это время цѣлыя массы воды протекаютъ въ озеро и оно поднимается настолько, что заливаешь иногда ближайшія къ нему строенія Тивериады. Вода озера прозрачна, всегда холодна, мягка, пріятна на вкусъ и вообще весьма пригодна для употребленія; нѣкоторые изъ путешественниковъ находятъ ее нѣсколько солоноватою и объясняютъ это тѣмъ, что въ озеро съ востока и запада впадаютъ, въ значительномъ количествѣ, обильные водою соленые источники (Furrer, Galil. Meer; Schenkel's Bibel-Lexikon, II, s. 325). Уровень Геннисаретскаго озера лежитъ ниже уровня Средиземнаго моря. Сквозь ущелья Гавранской возвышенности, окраина которой составляетъ восточный берегъ Геннисаретскаго озера, прорываются иногда очень сильныя вѣтры въ ту глубокую котловину, которая служитъ ложемъ озера. Не находя для себя свободнаго выхода, они несутся надъ озеромъ и поднимаютъ на немъ великія бури, чтѣ случается даже при ясномъ небѣ и потому совершенно неожиданно. О сильныхъ вѣтрахъ на Геннисаретскомъ озерѣ, о великихъ волненіяхъ

и буряхъ на немъ упоминають евангелисты (Мѡ. 8, 23 и сл.; Мрк. 4, 35 и сл.; Лук. 8, 22 и сл.; Мѡ. 14, 24; Марк. 6, 48; Иоан. 6, 18).

Геннисаретское озеро издревле славилось обиліемъ рыбы; обильно оно рыбою и въ настоящее время. По свидѣтельству путешественниковъ, у береговъ озера рыба появляется иногда густыми стаями, занимающими водную поверхность на весьма значительное пространство. Кромѣ общеизвѣстныхъ рыбныхъ породъ, каковы: карпы, лещи, окуни, въ Геннисаретскомъ озерѣ встрѣчаются породы очень рѣдкія, свойственныя лишь африканскимъ водамъ, и въ томъ числѣ двѣ - три породы, находимыя только въ Нилѣ. Вслѣдствіе изобилія рыбы на Геннисаретскомъ озерѣ, во времена Христа Спасителя, процвѣталъ рыбный промыселъ. Рыболовствомъ занимались цѣлыя селенія, вслѣдствіе чего два изъ нихъ носили названіе Виѡсаиды, что значитъ „мѣстопробываніе рыбарей“. Рыбу ловили съ лодокъ сѣтями и для ловли выѣзжали на глубокія мѣста (Марк. 1, 16—20; Лук. 5, 2—11; Иоан. 21, 2—11). Иногда ловля производилась удочками (Мѡ. 17, 27). Рыбная ловля производилась въ ночное время (Лук. 5, 5; Иоан. 21, 3) и сѣти рыболововъ извлекали, по временамъ, изъ нѣдръ озера цѣлыя массы рыбы (Лук. 5, 6. 7; Иоан. 21, 6). Апостолы Андрей, Петръ, Іаковъ и Иоаннъ и нѣкоторые изъ прочихъ учениковъ Спасителя занимались рыбною ловлей въ водахъ Геннисаретскихъ. Въ настоящее время рыбный промыселъ на Геннисаретскомъ озерѣ находится въ совершенномъ упадкѣ. Ловля съ лодокъ вовсе не производится; ловятъ обыкновенно съ берега ручными сѣтями; затѣмъ при ловлѣ употребляются остроги, которыми бьютъ рыбу также съ берега, и удочки. Несмотря, однако, на столь несовершенные способы ловли, рыбы, благодаря ея обилію даже у береговъ, плавливается много, такъ что жители одного прибрежнаго селенія *Табига* (Tabighah) и теперь еще живутъ исключительно рыбнымъ промысломъ. Рыба Геннисаретскаго озера очень нѣжна и пріятна на вкусъ.

По берегамъ Геннисаретскаго озера водятся въ значительномъ количествѣ водяныя птицы и между прочимъ пеликаны, что немало содѣйствуетъ оживленію прибрежныхъ водъ озера. Въ густыхъ кустарникахъ, растущихъ около ручьевъ и источниковъ, впадающихъ въ озеро, гнѣздятся во множествѣ мелкіи пѣвчія пташки, услаждая своимъ беззаботнымъ щебстаньемъ слухъ путника, проходящаго по пустыннымъ берегамъ (Furrer, Paläst., S. 308).

Въ древности, благодаря густотѣ прибрежнаго населенія, на Геннисаретскомъ озерѣ было въ значительной мѣрѣ развито судоходство. Иногда цѣлыя караваны мелкихъ судовъ переплывали съ западнаго берега на восточный и обратно, перевозя то туда, то сюда прибрежныхъ жителей (Іоан. 6, 24), и вообще сношенія между берегами производились не сухимъ путемъ, кругомъ озера, а главнымъ образомъ водою. Съ лодокъ, какъ замѣчено, ловилась рыба, и такъ какъ рыбною ловлей занимались цѣлыя селенія, то понятно, что рыбацкія лодки во множествѣ и постоянно бороздили по всѣмъ направленіямъ поверхность Геннисаретскихъ водъ, которыя такимъ образомъ представляли съ берега въ высшей степени оживленную картину. Какъ много было судовъ въ распоряженіи прибрежныхъ жителей, видно изъ того, что, во время взятія Римлянами Тарихси, жители этого города, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, имѣли возможность выѣхать на судахъ въ открытое озеро. Нужно впрочемъ замѣтить, что это не спасло бѣглецовъ отъ грознаго непріятеля. Римляне также на судахъ достигли ихъ; на озерѣ произошла битва, которая окончилась гибелью Тарихейцевъ (I. Флавій, О войнѣ Іудейской. 3, 10, 1; 5, 6. 9). Но въ настоящее время поверхность озера является, подобно берегамъ, совершенно пустынною. Современнымъ путешественникамъ не приходилось видѣть на озерѣ болѣе одной парусной лодки, на которой обыкновенно жители Тиверіады привозятъ съ восточнаго берега дрова, такъ какъ на западномъ берегу древесной растительности теперь вовсе нѣтъ, за исключеніемъ кое-

гдѣ одиноко стоящихъ деревьевъ и въ томъ числѣ нѣсколькихъ пальмъ въ окрестностяхъ Тиверіады.

Вслѣдствіе того, что Геннисаретское озеро лежитъ въ глубокой котловинѣ окруженной со всѣхъ сторонъ высокими скалистыми мѣстностями, на его береговыхъ окраинахъ господствуетъ очень высокая температура. Солнечные лучи, отражаясь отъ обнаженныхъ скалъ, сильно разгорячаютъ воздухъ; между тѣмъ прохладные западные вѣтры, задерживаемые возвышенностями, не освѣжаютъ его. Въ лѣтнее время на низменныхъ берегахъ озера термометръ Реомюра показываетъ иногда выше 30 гр. даже въ тѣни. Испаренія, поднимаясь съ сырыхъ мѣстъ въ разгоряченный воздухъ, заражаютъ его, дѣлаютъ нездоровымъ и служатъ причиной злокачественныхъ лихорадокъ. Зной лѣтомъ увеличивается еще вслѣдствіе того обстоятельства, что въ это время надъ озеромъ очень часто проносится Сирокко. Этотъ страшный вѣтеръ заходитъ въ котловину озера съ юга по Іорданской долинѣ. Подобно восточнымъ вѣтрамъ, Сирокко поднимаетъ на озерѣ, по ночамъ, сильныя бури и на его берегахъ иссушаетъ всякую растительность; подъ его дыханіемъ травы до такой степени высыхаютъ, что достаточно бываетъ одной искры, случайно выпавшей изъ курящейся трубки, чтобы произвести полевой пожаръ. Одинъ изъ такихъ пожаровъ, свирѣпствовавшій на восточномъ берегу озера, наблюдалъ путешественникъ Буркгардтъ, находясь въ Тиверіадѣ. Пожаръ этотъ продолжался, постепенно захватывая все большее и большее пространство, нѣсколько дней. Вѣроятно подобные полевые пожары имѣли мѣсто и въ древности и вѣроятно они-то дали пророку Исаіи поводъ употребить слѣдующее сравненіе (Исаія 5, 24): „какъ огонь слѣдаетъ солому, и пламя истребляетъ сѣно; такъ истребятъ корень нечестивыхъ, и цвѣтъ ихъ разнесется какъ прахъ“.

Въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ о Геннисаретскомъ озерѣ упоминается очень рѣдко и упоминается только какъ объ

извѣстномъ географическомъ пунктѣ (Чис. 34, 11. Второз. 3, 17; I. Нав. 12, 3; 13, 27; 11, 2). О какихъ-либо болѣе или менѣ замѣчательныхъ событіяхъ на берегахъ или водахъ Геннисаретскихъ упоминаній въ Ветхомъ Завѣтѣ нѣтъ. Только въ одной изъ псеудоканоническихъ, книгъ, именно въ 1-ой Маккавейской, повѣствуется о битвѣ между Іудеями и ихъ врагами Сирійцами, которая произошла при озерѣ Геннисаретскомъ (1 Макк. 11, 67 сл.).—Въ ветхозав. писаніяхъ Геннисаретское озеро называется *Киннероэ* или *Киннероэ*.

Но если ветхозавѣтныя писанія рѣдко упоминаютъ о Геннисаретскомъ озерѣ, то евангельская исторія очень часто говорить о немъ. Изъ повѣствованій евангелистовъ мы узнаемъ, что при Геннисаретскомъ озерѣ началась общественная дѣятельность Господа Іисуса и что города и селенія, окружавшіе озеро, его берега, его воды многократно были оглашаемы возвышеннымъ ученіемъ Спасителя нашего, были мѣстомъ совершенія многочисленныхъ и величайшихъ чудесъ Его.

По искушеніи отъ діавола Господь Іисусъ услышавъ, что Іоаннъ отданъ подъ стражу, оставилъ Назаретъ и пришедъ въ Капернаумъ приморскій, поселился въ немъ (Мѡ. 4, 11—13), и этотъ городъ сдѣлался для него „своимъ“ городомъ (Мѡ. 9, 1). Въ Капернаумѣ Господь совершилъ особенно много чудесъ и много училъ. Здѣсь были имъ исцѣлены: слуга сотника (Мѡ. 8, 5—13; Лук. 7, 1—10), теща Петрова (Мѡ. 8, 14. 15. Лук. 4, 38. 39) и съ нею многіе бѣсноватые и больные (Мѡ. 8, 16; Лук. 4, 40); затѣмъ расслабленный (Мѡ. 9, 1—8; Мрк. 2, 1—12), бѣсноватый (Лук. 4, 33—35), находившійся въ синагогѣ, кровоточивая женщина (Мѡ. 9, 20—22), два слѣпца, нѣмой бѣсноватый (Мѡ. 9, 27—33); здѣсь, далѣе, была воскрешена умершая дѣвица (Мѡ. 9, 18. 19. 23—25; ср. Марк. 5, 22. 23. 35—43; Лук. 8, 41. 42. 49—56). Капернаумскихъ жителей Господь училъ, обыкновенно, по субботамъ, въ синагогѣ; и въ Капернаумѣ впервые было предложено Имъ таин-

ственное, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадное, ученіе о хлѣбѣ жизни (Лук. 4, 31—33; Иоан. 6, 26—59). Кромѣ Капернаума, Господь Иисусъ много творилъ чудесъ и много училъ въ двухъ другихъ прибрежныхъ городахъ Геннисаретскаго озера Хоразинъ и Виосайдъ. Но во всѣхъ этихъ городахъ Его чудеса и ученіе не произвели должнаго дѣйствія: жители ихъ не покаались. И потому-то Господь однажды обратился къ нимъ съ слѣдующими укоризненными, горькими словами: „Горе тебѣ, Хоразинъ! горе тебѣ, Виосаида! ибо еслибы въ Тиръ и Сидонъ явлены были силы, явленные въ васъ; то давно бы они во вретницѣ и пеплѣ покаались. И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься; ибо еслибы въ Содомъ явлены были силы, явленные въ тебѣ, то онъ оставался бы до сего дня“ (Мѡ. 11, 21—23).

Подобно городамъ, стоявшимъ на берегахъ Геннисаретскаго озера, самыя геннисаретскіе берега не однажды были безмолвными свидѣтелями великихъ чудесъ Христа Спасителя. Такъ на этихъ берегахъ Онъ, между прочимъ, дважды напиталъ цѣлыя тысячи голодныхъ людей самымъ незначительнымъ количествомъ хлѣба и рыбы (Мѡ. 14, 14—21; 15, 32—38; Марк. 6, 34—44; 8, 1—9; Лук. 9, 12—17; Иоанн. 6, 5—13); здѣсь также, въ окрестностяхъ Геггесы, исцѣлили онъ двухъ страшныхъ бѣсноватыхъ, жившихъ въ погребальныхъ пещерахъ (Мѡ. 8, 28 слл.; Мрк. 5, 1 слл. 15; Лук. 8, 26 слл. 35). Когда Спасителю случалось проходить по берегу Геннисаретскаго озера, то около Него обыкновенно собирались многочисленныя толпы народа и, слѣдуя за Нимъ, жаждали послушать Его ученія; и Спаситель нерѣдко здѣсь же, на берегу, начиналъ бесѣду съ народомъ. Однажды народъ окружилъ и стѣснилъ Его у самыхъ водъ озера, такъ что Онъ принужденъ былъ войти въ лодку, стоявшую у берега на озерѣ, и уже съ лодки говорить къ толпѣ, остановившейся на берегу (Марк. 4, 1).

Господь Иисусъ творилъ чудеса и училъ и на водахъ

Геннисаретскаго озера. Евангелисты упоминають о трехъ переѣздахъ Спасителя черезъ озеро съ западнаго его берега на восточный и обратно. Два изъ этихъ переѣздовъ ознаменованы чудесами, во время третьяго было преподано ученикамъ наставленіе. Именно въ первый изъ упомянутыхъ въ Евангеліи переѣздовъ Господь запретилъ взволнованному озеру и взволнованному его вѣтру. Великая тишина, тотчасъ же послѣ этого запрещенія наставшая на озерѣ, успокоила учениковъ, находившихся въ лодкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ привела ихъ въ великое удивленіе; кто это, восклицали они, что и вѣтры и море повинуются Ему? (Мѡ. 8, 23—27; Мрк. 4, 36—41; Лук. 8, 22—25). Во второй переѣздъ Господь шествовалъ по водамъ озера, спасъ утопавшаго Петра и также запретилъ вѣтру и волнамъ заливавшимъ лодку (Мѡ. 14, 22—33; Марк. 6, 47—51; Иоанн. 6, 16—21). Наконецъ въ третій переѣздъ ученики получили отъ своего божественнаго учителя наставленіе относительно закваски фарисейской и саддукейской (Марк. 8, 13—21).

Иногда многочисленныя толпы народа, слѣдовавшія за Иисусомъ по берегамъ Геннисаретскаго озера и предававшія Ему и Его ученикамъ по цѣлымъ днямъ ни покоя, ни даже времени утолить голодъ, утомляли физическую природу Богочеловѣка, а невѣріе и пераскаинность очевидцевъ Его чудесъ и слушателей Его ученія перѣдко возмущали Его духъ. Для того, чтобы укрѣпиться и успокоиться, Господь, обыкновенно, искалъ уединенія, и въ такія минуты пустынные мѣстности, находившіяся въ окрестностяхъ Геннисаретскихъ водъ, не однажды служили для Него прибѣжищемъ. Такъ по насыщеніи пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами Господь, оставивъ всѣхъ, даже учениковъ своихъ, удалился на одну гору и тамъ молился (Марк. 6, 30—33. 45. 46). Во время пребыванія въ Капернаумѣ Онъ также удалялся въ уединенныя мѣста (Лук. 4, 42), и вѣроятно въ этихъ случаяхъ прежде всего прекрасная Геннисаретская рав-

нина давала Ему гостепріимный пріютъ. Здѣсь-то пальмовыя рощи, обвитыя виноградными лозами, фиговыя деревья, зелень луговъ, разнообразныя цвѣты и въ томъ числѣ полевыя лиліи, которыми и теперь богата равнина, тихо и весело журчащія ручьи, быть можетъ, не разъ услаждали душу Христа Іисуса, огорченную жестокосердіемъ людей.

Въ послѣдній разъ во время своего пребыванія на землѣ Господь посѣтилъ Геннисаретское озеро послѣ своего воскресенія. Здѣсь Воскресшій явился въ утреннее время нѣкоторымъ изъ своихъ учениковъ и апостоловъ, послѣ того какъ они, проведя всю ночь въ рыбной ловлѣ, ничего не поймали. По слову Явившагося бывшіе въ лодкѣ еще разъ закинули сѣть и извлекли изъ озера великое множество рыбы. Когда ловцы пристали къ берегу, то Господь пригласилъ ихъ обѣдать. Во время обѣда, который происходилъ на берегу озера у разложеннаго огня, Господь велъ трогательнѣйшую бесѣду съ Апостоломъ Петромъ. Это явленіе воскресшаго Господа на Геннисаретскомъ озерѣ подробно описано евангелистомъ Іоанномъ, который былъ очевидцемъ чуднаго событія (Іоанн. 21).

При чтеніи евангельскихъ сказаній нельзя не замѣтить, что долговременное и неоднократное пребываніе Господа Іисуса на берегахъ Геннисаретскаго озера отразилось на внѣшней сторонѣ Его ученія; именно, раскрывая, свое ученіе съ помощью подобій и сравненій, Господь бралъ иногда эти подобія и сравненія отъ тѣхъ предметовъ, которые Ему и Его слушателямъ очень часто приходилось видѣть на берегахъ геннисаретскихъ; таково напр. подобіе, заимствованное отъ невода, закинутаго въ озеро и отъ раздѣленія рыбаками пойманой рыбы на годную и негодную,—подобіе, употребленное Спасителемъ при раскрытіи ученія о царствіи небесномъ (Мѡ. 13, 47 — 50); таково за тѣмъ сравненіе царскихъ одеждъ Соломоновыхъ съ полевыми лліями, которыми такъ обильна Геннисаретская равнина, прекрасное сравненіе, которое употребилъ Хри-

стость, уча своихъ слушателей возлагать надежду на благость Божію въ дѣлахъ житейскихъ. „Посмотрите, изрекъ Онъ, на лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, ни прядутъ; по говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же траву на полѣ, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ: то кольми паче васъ, маловѣры“ (Лук. 12, 27. 28).

Берега Геннисаретскаго озера не отличаются въ настоящее время естественною красотою, не кипятъ избыткомъ жизни: они пустынны и безмолвны. Тѣмъ не менѣе путешественники съ одушевленіемъ говорятъ объ этомъ озерѣ, благодаря тѣмъ великимъ событіямъ евангельскимъ, которыя связаны съ нимъ. Воспоминанія объ этихъ событіяхъ наводятъ путешественниковъ на глубокія и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлыя думы, пробуждаютъ въ ихъ сердцахъ много отрадныхъ чувствъ, и часы проведенныя ими у водъ Геннисаретскихъ они считаютъ лучшими въ своей жизни. Вотъ какъ напр. описываетъ Фанъ-де-Фельде впечатлѣнія, которыя пережилъ онъ на берегу Геннисаретскомъ (Van de Felde, Reise durch Syrien und Palestina, II, S. 333—336):

„Для усталаго путешественника, жаждущаго успокоенія—отрада провести тихій утренній часъ на берегу *Галилейскаго моря*, когда воздухъ еще не сдѣлался знойнымъ и водная поверхность продолжаетъ сохранять неподвижность, когда окрестныя обнаженныя горы скрываютъ еще подъ легкимъ пурпурнымъ облакомъ утреннихъ сумерокъ свое совершенное запусѣніе, когда житейскій шумъ не тревожитъ еще слуха и все кругомъ безмолвно. Освѣжительное купанье въ прозрачной, спокойной, прохладной водѣ сообщаетъ утомленному тѣлу новую жизнь, новую силу, новую бодрость; и разстроенный духъ ничто такъ не укрѣпляетъ и не успокоиваетъ, какъ пребываніе среди тихой природы. Въ Палестинѣ нельзя встрѣтить нигдѣ болѣе безмолвнаго мѣста, какъ при Галилейскомъ морѣ, нигдѣ—болѣе мягкаго воздуха, какъ на его берегу въ

утренній часъ, нигдѣ—болѣе ровной и спокойной водной поверхности, чѣмъ его поверхность. Гдѣ можно увидѣть столь пѣжное сочетаніе голубаго, розоваго, перловаго и пурпуроваго цвѣтовъ, разливающихся по тѣмъ горамъ, которыя возвышаются надъ тобою и отражаются въ зеркальной поверхности водъ? Душа, измученная соблазнами, внутренними и внѣшними, съ которыми она должна постоянно бороться, здѣсь повсюду слышитъ отрадный голосъ Иисуса. Бременить ли тебя вина, тяжелая вина? Что же? Взглядъ на тотъ берегъ, гдѣ ходилъ Иисусъ, „близъ моря Галилейскаго“ (Мрк. 1, 19), гдѣ Онъ жилъ, училъ, исцѣлялъ и освобождалъ, пробудить въ душѣ живое воспоминаніе о Немъ съ Его любовію къ грѣшникамъ. Припомнимъ лишь человѣка, одержимаго духомъ нечистымъ въ синагогѣ Капернаумской. „Замолчи и выйди изъ него“, сказалъ Иисусъ, и духъ нечистый оставилъ его (Мрк. 1, 23—26). Или приведемъ себѣ на память разслабленнаго, который чрезъ разобранную кровлю дома былъ спущенъ къ ногамъ Спасителя. И Иисусъ, видя вѣру ихъ, сказалъ разслабленному: „дерзай, чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои“. А тѣмъ, которые соблазнились въ сердцѣ своемъ, Онъ сказалъ: „чтобы вы знали, что Сынь человѣческой имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи“, (тогда говоритъ разслабленному) „встань, возьми постель твою, и иди въ домъ твой“. И онъ всталъ, и пошелъ въ домъ свой. Народъ же, увидя это, удивился и прославилъ Бога (Мѡ. 9, 1—7; Мрк. 2, 3—12; Лук. 5, 18—26). Доведена ли душа житейскою суетой до того, что для нея становится неяснымъ тотъ путь, которымъ она должна слѣдовать,—бросимъ взоръ на тѣ высоты, гдѣ нѣкогда Иисусъ излагалъ ученіе о блаженствахъ (Мѡ. 5 сл.; Лук. 6, 20—49). Ученіе это освѣтитъ намъ нашъ путь, наполнитъ радостию наше сердце и, какъбы освѣженныя обильною росой, мы принесемъ новые плоды въ тридцать, въ семьдесятъ, во сто кратъ. Но быть можетъ, при встрѣчѣ на нашемъ пути со всевозможными соблазнами, мы, испытавъ наше

сердце, убѣдимся въ крайнемъ его развращеніи,—пусть и это не приводитъ насъ въ отчаяніе. На этомъ берегу стоялъ нѣкогда домъ для сбора пошливъ, и въ немъ сидѣлъ Іисусъ среди множества мытарей и грѣшниковъ, такъ что книжники говорили Его ученикамъ: „для чего Учитель гашъ ѣсть и пьетъ съ мытарями и грѣшниками“. Іисусъ же, услышавъ это, сказалъ имъ: „не здоровые имѣють нужду во врачѣ, но больные. И пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію“ (Мѡ. 9, 9—13; Мрк. 2, 15—17). И еще въ другой разъ, говоря о потерянной овцѣ, Онъ изрекъ: „Сынъ человѣческій пришелъ разыскать и спасти погибшее“ (Мѡ. 18, 11—14). А женщина, страдавшая 12 лѣтъ кровоточеніемъ (Мѡ. 9, 20—22; Мрк. 5, 25—34; Лук. 8, 43—48), а слѣпые, прокаженные, бѣсноватые, особенно же Гадаринскіе (Мѡ. 8, 28—34; Мрк. 5, 1—20; Лук. 8, 26—39),—не доносится ли къ намъ, чрезъ водную поверхность, ихъ голосъ: взгляни, возлюбленная душа, какова бы ты ни была, на нашу бользнь. Можно ли найти что-либо безпомощнаго и неисцѣлимаго? И однако Іисусъ былъ благъ и всемогущъ настолько, чтобы спасти насъ. Здѣсь, при этомъ морѣ, зывалъ Онъ къ народнымъ толпамъ: „придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные... и найдете покой душамъ вашимъ“ (Мѡ. 11, 28—29). Но быть можетъ душа не въ силахъ внимать этому голосу; подобно цвѣтку, прибитому къ землѣ бурей и ливнемъ, она быть можетъ чувствуетъ себя на краю гибели, обуреваемая страстями, которыя бушуютъ и въ ней самой и внѣ ея; останови твой взоръ на тихой поверхности озера. Не всегда бываетъ она столь спокойною и гладкою. Нерѣдко на этомъ озерѣ разыгрываются бури, по силѣ своей подобныя ураганамъ, и кто знаетъ, какъ много рыбаковъ нашли въ его волнахъ свою могилу. О подобныхъ буряхъ повѣствуютъ и евангелисты (Мѡ. 14, 24—30; Мрк. 6, 48—51; Іоан. 6, 18—21. Мѡ. 8, 23—27; Мрк. 4, 35—39; Лук. 8, 22—25). Нѣкогда лодка, въ которой находился Господь со своими учениками,

подвергалась опасности среди взволнованнаго озера. Господь же спалъ. И ученики Его, подошедши къ Нему, разбудили Его, и сказали: „Господи! спаси насъ: погибаетъ“. И вставъ, Онъ запретилъ вѣтрамъ и морю, и сдѣлалась великая тишина. И сказалъ ученикамъ: „что вы такъ боязливы, маловѣрные?“ Истинно, взоръ, устремленный на спокойное озеро, успокоитъ душевныя бури, если только при этомъ взоръ духовный будетъ устремленъ на великаго Учителя. И теперь еще надъ поверхностью озера какъбы разносится эхо: умолкни, перестань. Гдѣ вѣра ваша? Ободритесь; это Я, не бойтесь. Маловѣрные! что вы такъ боязливы? Но быть можетъ душа вздыхаетъ, томимая духовнымъ голодомъ, и не знаетъ, какъ утолить его; отвѣтъ ей дадутъ горныя склоны на сѣверной сторонѣ озера; отъ ихъ подошвъ къ ней доносится голосъ: что помышляете въ себѣ, маловѣрные, что хлѣбовъ не взяли? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлѣбахъ на пять тысячъ человѣкъ, и сколько коробовъ вы набрали? (Мѡ. 16, 8—10; Мрк. 8, 17—21). Но можетъ быть душа не освободилась еще отъ всѣхъ сомнѣній, скорбей,—находилась она въ близкомъ общеніи съ Господомъ, но потомъ отъ Него отступила, Его отвергла, послѣ того какъ Онъ оказалъ ей такъ много великихъ милостей; и вотъ ее сокрушаетъ раскаяніе, смущаетъ это ея грѣховное забвеніе, отверженіе. Вспомни же, возлюбленная, о томъ, сколь велика любовь Іисуса, любовь въ смерти и даже за предѣлами ея. Взгляни еще разъ на западный берегъ озера. Туда, за тотъ горный выступъ, между Тиверіадою и Медшделемъ (Магдалою), приводитъ насъ Іоаннъ въ концѣ своего Евангелія, повѣствуя о томъ, какъ воскресшій Іисусъ явился ученикамъ своимъ, бывшимъ на рыбной ловлѣ. Вспомни Его дважды повторенное воззваніе: „Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня?“ Вспомни Его: „слѣдуй за Мною“ и: „ты слѣдуй за Мною...“ (Іоан. 21, 1—22)“.

„Запустѣли въ настоящее время горы прелестнаго Га-

лилейскаго моря, исчезли его города и селенія, оставлены его поля и нивы, разогнаны рыбаки съ его водъ, обезлюдѣлъ его берегъ; тѣмъ не менѣе обнаженные, спаленныя солнцемъ горы, безмолвныя развалины, пустынная поверхность водъ,—производятъ отрадное впечатлѣніе на душу. Все измѣняется и преходитъ, но Іисусъ одинъ и тотъже пребываетъ во вѣки. И возможно ли не радоваться вѣрующему тамъ, гдѣ взоръ не можетъ остановиться ни на чемъ, что не напоминало бы о любви Іисуса къ грѣшникамъ, объ Его милосердіи? „Миръ да будетъ съ вами“ и „идите въ миръ“, взываютъ берега и развалины, горы и долины окрестъ Галилейскаго моря; да, миръ, дасть отзывъ душа, ибо Опъ есть миръ нашъ (Ефес. 2, 14)“.

Н. Е.

САМОЗВАННЫЙ МИССИОНЕРЪ ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ МОСКВѢ.

(Письмо къ М. М. Евреинову.)

Недавно мы удивлялись вліянію, какое оказывалъ лордъ Редстокъ своими бесѣдами на такъ называемое высшее или образованное общество, сначала въ Петербургѣ, а теперь и въ Москвѣ. Нѣкоторые журналы говорили объ немъ: одни хвалили ревность его въ проповѣданіи слова Божія и находили, что бесѣды лорда полезны для его слушателей; другіе, напротивъ, видѣли въ немъ проповѣдника ультрареформатскаго, увлекающаго православныхъ въ лжеученія и ересь. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ этомъ предметѣ, я рѣшился, по совѣту Вашему, повидаться съ лордомъ Р. въ одномъ знакомомъ домѣ, куда былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ многими другими лицами, выслушать съ полнымъ вниманіемъ и, если можно, записать его слово. Несмотря на старость, память моя еще сохранилась

настолько, что я могъ исполнить свое намѣреніе: бесѣда записана для Васъ вполнѣ, хотя, конечно, не слово въ слово, но съ сохраненіемъ всѣхъ мыслей проповѣдника и даже главныхъ оборотовъ рѣчи. Нужно замѣтить, что лордъ говоритъ на французскомъ языкѣ довольно медленно, не очень правильно, и съ замѣтнымъ англійскимъ акцентомъ.

Общество, въ которомъ большинство составляли дамы, довольно долго дожидалось лорда Р. Наконецъ онъ вспелъ: мы увидѣли человѣка лѣтъ 40, пріятной наружности, съ ласковымъ взглядомъ и изящными манерами. Прошло нѣсколько времени въ угощеніи чаемъ. Потомъ этотъ дорогой гость, по просьбѣ хозяйки, началъ бесѣду. Онъ вынулъ изъ кармана стереотипную французскую біблію самаго малаго формата, раскрылъ ее и сталъ говорить такъ:

„Исполняя ваше желаніе, я готовъ побесѣдовать съ вами о Христѣ, и избираю темою слова апостола Павла къ Евреямъ, поразившія меня (*qui m'ont frappé*) сегодня при чтеніи Новаго Завѣта:

„Единожды, къ концу вѣковъ, явился съ жертвою Своею для уничтоженія грѣха“ (Евр. 9, 26).

„Кто это явился? Явился Богъ, сдѣлавшись человѣкомъ и не переставая быть Богомъ, Богомъ всеправеднымъ и всеблагимъ. Явился однажды, потому что одного явленія Его (*son unique apparition*) было вполнѣ достаточно для спасенія всего міра; явился въ концѣ вѣковъ, потому что эти вѣки—почти 20 столѣтій *) служили подготовленіемъ къ Его приходу на землю; явился съ тѣмъ, чтобы уничтожить грѣхъ Своею жертвою. Помыслимъ объ этомъ“.

„Что такое грѣхъ? Нарушеніе воли Божіей, поступокъ противный Богу (*action contraire à Dieu*). Во всѣ вѣка, сначала существованія рода человѣческаго, грѣхъ угнеталъ совѣсть людей и заставлялъ ихъ искать религіи, какъ

*) Почему же 20, а не 50 слишкомъ вѣковъ? Это осталось для меня непонятнымъ.

средства для пріобрѣтенія блаженства въ будущей жизни за предѣлами гроба. Люди, болѣе другихъ просвѣщенные и благонамѣренные, прибѣгали съ этою цѣлію къ разнымъ средствамъ, но всегда безуспѣшно, потому что человѣкъ, хотя бы всю жизнь свою употреблялъ для списканія добродѣтели и правды, не можетъ своими собственными усиліями удовлетворить вполне правдѣ Божіей. Всѣ эти попытки (*tous ces essais*) оставались бесплодными и грѣхъ продолжалъ царствовать въ мірѣ“.

„Когда появилась приготовительная религія (*religion preparatoire*), каждый грѣхъ, по закону Моисееву, подвергалъ грѣшника, какъ нарушителя заповѣдей Божіихъ, смерти, не смерти тѣлесной, а смерти духовной (*mort spirituelle*), т. е. вѣчному отлученію отъ Бога. Начались кровавыя жертвы въ скиніи Моисеевой и храмѣ Соломона, при чемъ лучшіе изъ Евреевъ могли видѣть первообразъ будущей величайшей, всемірной жертвы въ томъ агницѣ, который пылалъ ежедневно, въ видѣ всесожженія (*en holocauste*) въ притворѣ храма. И во храмъ нельзя было войти иначе, какъ проходя мимо этого агнца (*en passant par l'agneau?*)“.

Здѣсь наплывъ новыхъ гостей остановилъ проповѣдника; онъ замолчалъ. Пока новопрішедшіе здоровались со знакомыми, я воспользовался нѣсколькими свободными минутами и замѣтилъ лорду, что первообразъ жертвы Христовой можно было указать вѣрнѣе въ ежегодномъ жертвоприношеніи ветхозавѣтнаго первосвященника, или въ „козлѣ отпущенія“, на котораго возлагались грѣхи народа (Левит. гл. 16). Онъ отвѣчалъ мнѣ, что еще будетъ говорить объ этомъ. „Впрочемъ, прибавилъ онъ, прообразованій Христа въ Ветхомъ Завѣтѣ такъ много, что перечислить ихъ невозможно. Самъ Христосъ говоритъ, что они начались съ Авеля и окончились смертію Захаріи, сына Варахіина, убитаго между церковью и алтаремъ“ (Матѣ. 23, 35). Почему слова Спасителя, сказанныя въ обличеніе фарисеямъ, онъ принимаетъ за указаніе прообразо-

ваній, я не могъ понять. Хотѣлъ было получить объясненіе, но въ это время хозяйка попросила лорда Р. продолжать бесѣду; онъ счелъ нужнымъ повторить кратко, для новыхъ слушателей, сказанное имъ прежде, и продолжалъ такъ:

„Наступило время Откровенія (revelation), и проповѣдникъ покаянія, Іоаннъ Креститель, возвѣщаетъ агнца Божія, вземлющаго грѣхъ міра. Наконецъ видимо является Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ (devenu homme). Онъ всегда былъ Богомъ, но за ХІХ вѣковъ до насъ Онъ сталъ человѣкомъ. При своемъ появленіи на землѣ (à son apparition sur la terre) Онъ принялъ на себя всѣ грѣхи человѣковъ, все проклятiе, какъ послѣдствіе грѣха, и сдѣлался Спасителемъ человѣческаго рода. Древній верховный жрецъ (souverain sacrificateur) входилъ въ святилище каждый годъ пооднажды, принося жертву за грѣхи народа и за свои собственные. Но Христосъ не имѣлъ въ томъ нужды, какъ Богъ безгрѣшный: Онъ исполнилъ сіе единожды, принесъ въ жертву не кровь животныхъ, но Себя Самого, дабы поднять на Себѣ грѣхи многихъ“ (Евр. 9, 28).

„Въ великомъ жертвоприношеніи Спасителя нашего безконечная правда Божія примирилась съ безконечнымъ Божиимъ милосердіемъ. Помню, что однажды, бывъ въ Сиріи, я видѣлъ трехъ старѣйшинъ одного селенія, которые, сидя вечеромъ подъ тѣнью пальмы, разсуждали о безпредѣльности правосудія и милосердія Божія. „Какъ же это? говорили они. Если Богъ милосердъ, Онъ проститъ грѣшнику всѣ грѣхи его; если же Онъ правосуденъ, то безъ милости покараетъ грѣшника“. Тогда подошелъ къ нимъ одинъ изъ рабовъ ихъ и просилъ позволенія сообщить свое мнѣніе. „Думаю, сказалъ онъ, Богъ, по правосудію Своему, покараетъ и истребитъ грѣхъ, а по милосердію Своему, помилуетъ грѣшника“.

„Не правда ли, какую прекрасную мысль высказалъ этотъ

бѣдникъ, не знающій Христа? *) Мы же можемъ не ограничиваться однимъ предположеніемъ, а должны твердо вѣрить, что грѣхи наши поглощаются въ неизмѣримой пучинѣ благодати Божіей (*dans l'abime sans bornes de la bonté divine*)⁴.

„Прежде Откровенія, человѣкъ оставался безъ отвѣта, когда обращался съ молитвою къ Богу. Постараемся объяснить это примѣромъ: одинъ человѣкъ имѣлъ нужду получить отъ другаго, жившаго въ Калькуттѣ, отвѣтъ по дѣлу, отъ котораго зависѣла вся его участь (*tout son sort*). По совѣту пріятели, посылаетъ депешу въ Калькутту; отвѣта нѣтъ. Телеграфируетъ снова черезъ недѣлю, черезъ годъ, черезъ два года,—все безуспѣшно. Наконецъ,—черезъ 20 лѣтъ, пріятель спрашиваетъ его: „имѣешь ли отвѣтъ на твои депеши?“—„Нѣтъ, не имѣю, но продолжаю посылать ихъ, и повѣришь ли, всякій разъ чувствую утѣшеніе, когда телеграфирую!“ Этого несчастнаго нельзя не признать безумцемъ, но замѣтите, и онъ всякій разъ получалъ утѣшеніе, когда телеграфировалъ. Какимъ же утѣшеніемъ должны наслаждаться (*jouir*) мы, сдѣлавшіеся по искупленію чадами Божіими, когда обращаемся къ Богу, Отцу нашему небесному, съ воплемъ сердца вѣрующаго: Авва Отче!

„Съ полною увѣренностію въ Его милосердіи, съ полною надеждой на Его отеческую безпредѣльную благодать, можемъ мы молить Его о всѣхъ нашихъ нуждахъ, духовныхъ и тѣлесныхъ. Да не смущаютъ насъ грѣхи наши, омытыя Его кровію. Жертва Христова—жертва всесовершенная и полная; она не нуждается ни въ какой новой, дополнительной жертвѣ съ нашей стороны. Скажу еще болѣе: это было бы выраженіемъ непростительной гордости, еслибъ мы вздумали какими-нибудь подвигами, жер-

*) Вѣроятно, эти собесѣдники были Турки; къ нимъ бы и пойти лорду Р. съ проповѣдью о Христѣ, а не къ намъ, православнымъ христіанамъ.

твами или заслугами дополнять великую жертву Христову. По слову Апостола, мы спасены благодатию чрезъ вѣру, а не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился (Еф. 2, 8. 9)“.

„Мнѣ возразятъ: „если все грѣхи наши уже прощены и не могутъ обременять нашей совѣсти, то для чего же должны мы, читая молитву Господню, испрашивать прощенья грѣховъ нашихъ?“ Отвѣчаю примѣромъ: если мой ребенокъ въ чемъ-нибудь провинился предо мною, напр. не выучилъ заданнаго ему урока, а я, возвратясь домой, строго выговариваю ему за это, онъ съ дѣтскою простотою просить у меня прощенья и обѣщаетъ исправиться. Дитя просить прощенья, но не просить, чтобы я снова считалъ его своимъ сыномъ; не просить потому, что знаетъ, что и провинившись предо мною, онъ все-таки останется моимъ сыномъ. Такъ и мы должны быть всегда увѣрены, что остаемся чадами Божиими, какъ бы ни были велики грѣхи наши, уничтоженные (aneantis) жертвою нашего Спасителя“.

„Какъ же намъ не любить Его, не любить всею сердцемъ, всею душой, всеми мыслями ума своего, во всякое время, во всю жизнь, до самаго перехода въ жизнь вѣчную! А между тѣмъ мы должны признаться, со стыдомъ и скорбію, что мы мало любимъ нашего возлюбленнѣйшаго, нашего сладчайшаго (Trés-doux) Спасителя, или даже вовсе не любимъ Его. Если мы кого любимъ, то старася проводить съ нимъ время, считася за счастье быть съ нимъ наединѣ. А предложите комунибудь изъ насъ остаться наединѣ со Христомъ: обрадуется ли онъ этому предложенію, или скорѣе ужаснется (serait effrayé)? Самъ любимый ученикъ Христовъ, Іоаннъ Богословъ, любившій Христа болѣе, нежели другіе Апостолы, говорить, что Богъ прежде возлюбилъ насъ, а не мы Его; слѣд. и самъ Іоаннъ прежде не любилъ Бога (?).“

Далѣе проповѣдникъ распространился, съ большимъ чувствомъ, о любви Христа Спасителя къ намъ и нашей

обязанности любить Его, приводилъ примѣръ женщины, омывавшей слезами ноги Спасителя, и окончилъ бесѣду свою такъ:

„Видите, въ Немъ одномъ наше спасеніе, по слову ангела, предсказавшаго Іосифу рожденіе Спасителя: „наречешь имя ему Іисусъ; ибо Онъ спасетъ народъ свой отъ грѣховъ ихъ“ (Матѣ. 1, 21). Восхвалимъ же Его словами Дѣвы (la Vierge): „Величитъ душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ Спасителѣ моемъ. Милость Его въ роды родовъ боящимся Его“ (Лук. 1, 46. 47. 50). Прибѣгнемъ съ молитвою любви къ Отцу нашему небесному“.

Послѣ такого конца рѣчи, я думалъ, что самозванный миссіонеръ, закрывшій свою Библію, начнетъ молиться вмѣстѣ съ своими слушателями (какъ онъ и дѣлалъ въ нѣкоторыхъ домахъ); я хотѣлъ уже встать и поклониться отъ этой молитвы, на основаніи церковныхъ правилъ (Апостольскихъ 45-го и 65-го и Лаодикійскаго Собора 33-го), запрещающихъ молиться съ еретиками, подѣ страхомъ отлученія отъ Церкви.

Но молитвы не послѣдовало и начались обыкновенные житейскіе разговоры. Улучивъ время, я рѣшился поговорить съ лордомъ.

По поводу ученія его о спасеніи чрезъ одну только вѣру, безъ дѣлъ благочестія, я указалъ ему на слова Апостола: „какъ мертво тѣло безъ духа, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва“ (Іак. 2, 17—26). Онъ отвѣчалъ, что не отвергаетъ добрыхъ дѣлъ, но предпочитаетъ вѣру, которая учитъ смиренію, между тѣмъ какъ дѣла ведутъ къ духовной гордости. Я продолжалъ далѣе: „Вы привели примѣръ несчастнаго безумца, который употребилъ цѣлую жизнь на то, чтобы посылать депеши въ Калькутту, никогда не имѣлъ отвѣта, но чувствовалъ какое-то утѣшеніе при отправкѣ каждой депеши. Этотъ несчастный могъ искать какого-либо другаго способа сообщенія съ лицомъ, отъ котораго зависѣлъ его жребій, наприм. искать друзей этого лица и обратиться

къ нимъ съ просьбою о ходатайствѣ. Такимъ ходатайствомъ можетъ всегда пользоваться православный христіанинъ, ищущій подкрѣпленія своей молитвы къ Богочеловѣку-Спасителю, отъ Пречистой Его Матери (которую вы называете просто Дѣвою), безплотныхъ Силъ и всѣхъ отъ вѣка благоугодившихъ Богу. Православному христіанину даровано еще важнѣйшее средство для спасенія—соединеніе съ самимъ Христомъ въ таинствѣ евхаристіи: вкушающій плоть и кровь Христову во Христѣ пребываетъ и Христосъ въ немъ; а не вкушающій сей небесной пищи не имѣетъ жизни въ себѣ (Іоанн. 6, 56 и 54). Для чего вы ни слова не сказали объ этомъ предметѣ?“ Лордъ Р. отвѣчалъ: „Никакого посторонняго ходатайства за насъ предъ Спасителемъ я не принимаю и не признаю нужнымъ. Евхаристіей дорожу, какъ воспоминаніемъ о Тайной Вечери, но предпочитаю ей слово Божіе, потому что слушающій сіе слово и вѣрующій въ Бога имѣетъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 5, 24).

Этотъ отвѣтъ убѣдилъ меня вполне, что я разговариваю съ еретикомъ. Оставивъ его, я ушелъ въ кабинетъ хозяина и тамъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ В. И. К.—мъ, человѣкомъ всецѣло преданнымъ православной Церкви, искренно пожалѣлъ о тѣхъ, которые съ жадностію внимаютъ слову чловѣка, чуждаго всякаго вѣроисповѣданія *), когда могли бы наслаждаться поученіями Филарета, Иннокентія и другихъ нашихъ проповѣдниковъ, не говоря уже о писаніяхъ отеческихъ. Почему чуждаются они доброй и чистой пищи душевной, предпочитая ей пищу, смѣшанную съ ядомъ?

Можетъ быть потому, что сидящимъ въ изящной гости-

*) Лордъ Р. говоритъ: „Je ne suis d' aucune religion“. Этотъ отзывъ его о самомъ себѣ я слышалъ отъ одной почтенной особы, вполне достойной вѣроятія.

ной, на мягкой мебели, при щедромъ угощеніи, гораздо пріятнѣе слушать духовную бесѣду на любимомъ иностранномъ языкѣ, нежели внимать служителю слова и таинствъ, говорящему по-русски и часто произносящему тексты св. Писанія на языкѣ малопонятномъ. Притомъ въ храмѣ нужно стоять на ногахъ и довольствоваться исключительно одною духовною пищей.

Но есть еще и другая причина, привлекающая слушателей и особенно слушательницъ къ нашему самозванному миссіонеру: это легкость того широкаго пути къ спасенію, на который онъ указываетъ. Довольно, по мнѣнію его, одной вѣры. Нужно только любить Христа, принявшаго на Себя грѣхи наши. А можетъ ли существовать эта воображаемая любовь, когда она не сопровождается усиленными трудами въ самоисправленіи, а еще болѣе когда не подкрѣпляется таинствами, соединяющими насъ со Христомъ?

Что сказать о самой личности лорда Редстока? Судя по горячему чувству, съ которымъ говорилъ онъ о заслугѣ Искупителя и о любви къ Нему, можно думать, что онъ дѣйствуетъ искренно, по убѣжденію. Если онъ такъ много любитъ Христа въ сердцѣ, какъ выражаетъ эту любовь на словахъ, то можно надѣяться, что милосердый Господь даруетъ ему познать истину и приведетъ его въ истинное Свое стадо—въ святую православную Церковь. Главная ошибка его въ выборѣ мѣста для проповѣди: зачѣмъ приходитъ онъ къ намъ, а не въ страны языческія и магометанскія, къ людямъ, невѣдающимъ имени Христова?

Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ“ (Матѣ. 7, 15). Вотъ эти плоды: лжепророки хотятъ усыпить нашу совѣсть неосновательными надеждами на спасеніе одною вѣрою, удаляя такимъ образомъ отъ дѣятельной христіанской жизни и даже отъ св. Та-

ишть, связующихъ насъ неразрывнымъ союзомъ со святою, соборною и апостольскою Церковію. Да сохранить насъ Господь отъ такихъ лжепророковъ!

Графъ М. Толстой.

19 марта
1877 года.

УЧЕНИЕ СВ. ЮАННА ЗЛАТОУСТАГО О ТОМЪ, ЧТО НЕ ДОЛЖНО ОСУЖДАТЬ ДУХОВНЫХЪ ПАСТЫРЕЙ, ЕПИСКОПОВЪ И СВЯЩЕННИКОВЪ.

Можно сказать, что никто не изображалъ въ такихъ высокихъ чертахъ достоинство пастырскаго служенія, какъ святой Юаннъ Златоустъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же нерѣдко раскрываетъ и то, какъ часто міряне осуждаютъ и злословятъ духовныхъ пастырей. Выставляя на видъ, сколь грѣшно и незаконно подобное осужденіе, Златоустъ совѣтуетъ священникамъ не пренебрегать нужными средствами для того, чтобы положить предѣлъ злословію и осужденію, но и не смущаться также равнодушіемъ къ ихъ слову и осужденіемъ.

„Хорошо, говоритъ онъ, ни чрезмѣрно бояться несправедливыхъ обвиненій (а предстоятель необходимо долженъ потерпѣть безразсудныя укоризны), ни совершенно пренебрегать ими. Но хотя бы онѣ были ложны, хотя бы происходили отъ людей пснзначашихъ, надобно стараться погашать ихъ какъ можно скорѣе. Ничто такъ не увеличиваетъ славы доброй и худой, какъ безразсудительная чернь. Люди этого класса, привыкнувъ слушать и говорить безъ разбора, даютъ всякому происшествію свой смыслъ, ни мало не заботясь объ истинѣ. Вотъ причина, почему не должно пренебрегать мнѣніемъ народа; но лишь только возникнутъ худыя подозрѣнія, тотчасъ пужно истреблять ихъ, убѣждать обличителей; хотя бы они были безмысленнѣйшіе изъ людей, вообще не упускать ни одного средства къ уничтоженію

недоброй славы. Когда же мы сдѣлаемъ съ своей стороны все и обвинители будутъ упорствовать: тогда можемъ отнести къ нимъ съ презрѣніемъ. Священникъ долженъ быть къ подчиненнымъ ему таковъ, каковы бываютъ отцы къ своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ: неласковостію и крикомъ ихъ отцы не огорчаются, но не превозносятся и тогда, когда дѣти улыбаются и ласкаютъ ихъ: такъ и священники не должны надмеваться похвалами подчиненныхъ своихъ, ни огорчаться порицаніями, если онѣ напрасны... Принявшій на себя подвигъ учительства не долженъ смотрѣть на похвалы другихъ и ослабѣвать духомъ, когда онъ не слышитъ ихъ. Если трудящійся въ словѣ въ угодность Богу (вотъ что должно служить ему единымъ правиломъ и единственною цѣлію ревностнаго труда, а не похвалы) одобряется людьми, пусть не отвергаетъ одобреній; если же не получаетъ ихъ отъ слушателей, пусть не ищетъ, не печалится. Наилучшее утѣшеніе въ трудахъ, и самое достаточное, когда кто въ совѣсти своей можетъ сказать о себѣ, что онъ въ ученіи своемъ сообразуется единственно съ правиломъ: *чтобы угодить Богу*. Гопяясь за славою народною, онъ принужденъ будетъ во многомъ погрѣшить, и не приобрѣтетъ ее *)“.

Златоустый какъбы предвидя тѣ укоризны и порицанія, какія пришлось вытерпѣть ему самому въ непродлжительное время его епископскаго служенія, живо изображаетъ тѣ порицанія, какія въ его время приходилось терпѣть епископу. „Епископъ подлежитъ приговору всякаго, суду всѣхъ, и умныхъ и неразумныхъ; что другимъ, когда они гнѣваются, прощаютъ, а ему—никогда; что въ другихъ, если они согрѣшаютъ, охотно извиняютъ, а въ немъ—нѣтъ. Если будешь дѣйствовать сильно, прослывешь жестокимъ; а если не сильно, холоднымъ. И опять не подавай онъ всякому, и тому, кто проводитъ время въ праздности, и тому, кто

*) Злат. Слова о священствѣ. Переводъ Колоколова. Сиб. 1874 г., стр. 108. 111. 112.

трудится,—тысячи упрековъ со всѣхъ сторонъ, никто не боится обвинить и оклеветать его. Осуждать мірскихъ начальниковъ боятся, а епископовъ нѣтъ; потому что страхъ Божій у такихъ людей не имѣетъ никакой силы. Самый послѣдній нищій поноситъ его на площади. Г'азсердится ли онъ, посмѣется ли, захочетъ ли дать себѣ отдыхъ сномъ, является много насмѣшниковъ, много соблазняющихся, много законодателей, много такихъ, которые припоминаютъ прежнихъ епископовъ и оуждаютъ настоящаго; и это дѣлаютъ не потому, что хотятъ похвалить тѣхъ; нѣтъ, вспоминаютъ о прежнихъ епископахъ и пресвитерахъ только для того, чтобы уязвить этого“ *).—„Если случится, что какая-нибудь нужда заставитъ епископа, для общаго блага церкви, чаще посѣщать человѣка болѣе извѣстнаго по богатству и власти: тогда немедленно укоряютъ его въ угодливости и лести. Его судятъ за самые взгляды; самыя невинныя дѣйствія его изслѣдываютъ строжайшимъ образомъ, примѣчаютъ мѣру голоса, положеніе лица; смотрятъ и на то, какъ смѣется. Говорятъ: съ такимъ-то онъ очень дружески смѣялся, разговаривалъ весело и пріятно, а со мною обошелся сухо и небрежно. И если въ многолюдномъ собраніи онъ обращается во время своего разговора только къ нѣкоторымъ,—такое невниманіе прочіе считаютъ обидою для себя“ **).

„Епископъ подчиненъ безчисленному множеству господъ, которые желаютъ и требуютъ противнаго другъ другу. Что хвалитъ одинъ, то порицаетъ другой; что осуждаетъ одинъ, тому удивляется другой. Если будешь огорчаться противорѣчащими приказаніями этихъ господъ, дашь отвѣтъ и за это, и уста всѣхъ откроются противъ тебя. Епископъ предлагастъ сдѣлать денежныя припошенія. Но кто не хочетъ, тотъ не только не приноситъ, а еще, дабы показать, что онъ дѣластъ это не по нерадѣнію, порицаетъ предло-

*) Бесѣда 3-я на книгу Дѣяній св. Апостоловъ.

***) Слова о свящ., стр. 75.

жившаго и говоритъ: онъ крадетъ, расхищаетъ достояніе бѣдныхъ, расточаетъ имущество нищихъ. Подвергся ли кто-нибудь бѣдствію, и епископъ не простеръ ему руку помощи, или потому, что не могъ, или потому, что былъ занятъ другимъ дѣломъ; опять нѣтъ ему никакого прощенія, но снова начинаются порицанія, худшія прежнихъ. И мстить онъ не можетъ, потому что порицающій есть его собственная утроба. Какъ мы не беремъ меча и не разсѣкаемъ своей больной утробы, такъ и тому, кто причиняетъ намъ безпокойства и огорченія подобными порицаніями, мы не рѣшася мстить. Наемный рабъ имѣетъ у себя какое-либо опредѣленное дѣло, и послѣ того, какъ исполнить его, свободно располагаетъ самъ собою; а епископа отвлекаютъ всюду, и даже требуютъ отъ него много такого, что превышаетъ его силы. Если онъ не способенъ говорить краснорѣчиво, то бываетъ сильный ропоть; если способенъ говорить, то опять начинаются порицанія: онъ, говорятъ, тщеславенъ. Если онъ не воскрешаетъ мертвыхъ, то говорятъ: онъ не заслуживаетъ никакого вниманія; такой-то благочестивъ, а онъ нѣтъ. Если онъ употребляетъ умѣренную пищу, то опять порицанія: ему, слѣдуетъ, говорятъ, истощать себя голодомъ. Если кто увидитъ его моющимъ, то снова множество порицаній. Если онъ, говорятъ, дѣлаетъ то же, что и я: и моется, и ѣстъ, и пьетъ, и одѣвается и имѣетъ слугъ, то зачѣмъ онъ сдѣланъ моимъ предстоятелемъ?*)

Златоустъ называетъ безуміемъ неуваженіе къ епископамъ и священникамъ, и восклицаетъ: „Удались безуміе. Ибо дѣйствительно безумно не имѣть уваженія къ такому достоинству, безъ котораго нельзя получить спасенія и обѣщанныхъ благъ... Если не возродившійся водою и духомъ не можетъ войти въ царствіе небесное (Іоан. 3, 5), и не ядущій тѣла Господня и не пьющій крови Его

*) Бесѣд. 1-я на посланіе къ Титу.

отвергается отъ жизни вѣчной (6, 53); а все это (крещеніе и евхаристія) совершается только освященными руками, т.-е. руками іереевъ: то какимъ образомъ безъ посредства ихъ можно кому-нибудь и избѣжать огня геенскаго, и получить уготованные вѣнцы? Они-то тѣ самые, которымъ препоручено рожденіе духовное и возсозиданіе крещеніемъ. Чрезъ нихъ-то мы облакаемся во Христа, соединяемся съ Сыномъ Божиимъ, содѣлываемся членами этой блаженной Главы. Итакъ, по справедливости, мы должны не только страшиться ихъ болѣе мірскихъ властей, но и чтить болѣе отцовъ своихъ: эти послѣдніе родили насъ отъ крови и отъ похотѣнія плоти, а тѣ раждаютъ отъ Бога, даруютъ намъ святое пакибытіе, истинную свободу и благодатное усновленіе“.

„Священники іудейскіе имѣли власть очищать тѣло отъ проказы, или лучше, не очищать, а только свидѣтельствовать очищенныхъ (Лев. гл. 14); однако извѣстно, какъ завиденъ былъ тогда санъ священнической. Но священники Новаго Завѣта получили власть не свидѣтелями быть очищенныхъ, а очищать, притомъ не проказу тѣла, но скверну души. Поэтому не воздающіе сану ихъ должной чести гораздо преступнѣе Даѳана и его сообщниковъ и достойны тягчайшаго наказанія. Эти послѣдніе домогались не принадлежащаго имъ достоинства (Числ. гл. 16): однакожь они имѣли высокое мнѣніе о немъ. А тѣ (презрители новозавѣтнаго священства) поступаютъ напротивъ, и такъ какъ достоинство это украсилось нынѣ гораздо важнѣйшими преимуществами, то и они отваживаются на гораздо большую дерзость. Ибо не одно и то же искать не принадлежащей себѣ чести и презирать ее. Послѣднее настолько преступнѣе перваго, сколько различны между собою уваженіе и презрѣніе. Кто этотъ несчастный, который презираетъ такія великія блага? Развѣ тотъ только, кто пришелъ въ демонское неистовство *)?“

*) Слова о свящ. стр. 43. 44.

„Въ томъ причина всѣхъ золъ, что исчезло должное повиненіе духовнымъ начальникамъ, нѣтъ ни стыда, ни страха. Повинуйтесь, говоритъ Апостоль, наставникамъ вашимъ и покоряйтесь; а нынѣ все извращено, ниспровергнуто. Говорю это не ради начальствующихъ,—какую пользу получаютъ они отъ вашего почитанія, если даже вы будете въ высшей степени послушны имъ? но для вашей собственной пользы. Уважаютъ ли ихъ, они не получаютъ отъ того никакой для себя пользы въ будущей жизни, но еще могутъ подвергнуться большому осужденію; оскорбляютъ ли ихъ, они не потерпятъ отъ того никакого вреда въ будущей жизни, но еще могутъ имѣть болѣе оправданія. Нѣтъ, для васъ же самихъ я желаю, чтобы такъ было. Кто почитаетъ священника, тотъ будетъ почитать и Бога; а кто сталъ презирать священника, тотъ постепенно дойдетъ когда-нибудь и до оскорбленія Бога. *Иже васъ приемлетъ*, сказалъ Господь, *Мене приемлетъ* (Матѣ. 10, 40); въ другомъ мѣстѣ сказано: *священникамъ Его воздавай честь* (Числ. 18, 8). Иудси стали презирать Бога потому, что презирали Моисея, что бросали въ него камни. Кто благоговѣетъ предъ священникомъ, тотъ тѣмъ болѣе будетъ благоговѣть предъ Богомъ. Хотя бы священникъ былъ нечестивъ, но Богъ видя, что ты изъ благоговѣнія къ Нему почитаешь даже недостойнаго чести, Самъ воздастъ тебѣ награду. Если приемляй пророка во имя пророче, какъ говоритъ Господь, мзду пророчу приметъ (Матѣ. 10, 41); то конечно, получить награду и тотъ, кто уважаетъ священника, слушается его и повинуется ему. Если въ дѣлѣ страннопріемства, когда мы не знаемъ, кого принимаемъ къ себѣ, мы получаемъ награду: то тѣмъ болѣе получишь, когда будешь повиноваться тому, кому повиноваться повелѣваетъ Господь. *На Моисеовъ съдальщи*, сказалъ Онъ, *стыдоща книжницы и фарисеи: вся убо, елика аще рекуть вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите* (Матѣ. 23, 2. 3). Развѣ ты не знаешь, что такое священникъ? Онъ Ангелъ Господа.

Развѣ свое говорить онъ? Если ты его презираешь, то презираешь не его, но рукоположившаго его Бога. А откуда, скажешь, извѣстно, то Богъ рукоположилъ его? Но если ты не имѣешь убѣжденія въ этомъ, то суетна твоя надежда: ибо если Богъ ничего не совершаетъ чрезъ него, то ты ни крещенія не имѣешь, ни таинъ не причащаешься, ни благословенія не получаешь, и слѣдовательно ты—не христіанинъ “.

„Какъ, скажешь, неужели Богъ рукополагаетъ всѣхъ, даже недостойныхъ? Всѣхъ Богъ не рукополагаетъ, но чрезъ всѣхъ Онъ дѣйствуетъ самъ, хотя бы они были и недостойны,—для спасенія народа. Если для народа Онъ говорилъ чрезъ ослицу и Валаама, человѣка нечестиваго (Числ. гл. 22), то тѣмъ болѣе чрезъ священника. Если Онъ дѣйствовалъ чрезъ Іуду и чрезъ тѣхъ пророковъ, которымъ говоритъ: *не вѣмъ васъ, отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Лук. 13, 27; Матѳ. 7, 23), и которые изгоняли злыхъ духовъ: то тѣмъ болѣе будетъ дѣйствовать чрезъ священниковъ. Когда мы начинаемъ изслѣдовать жизнь своихъ духовныхъ начальниковъ, то хотимъ сами быть рукополагателями учителей, и такимъ образомъ извращается все: ноги становятся вверху, а голова внизу. Послушай Павла, который говоритъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истязуся, или отъ человѣческаго дне* (1 Кор. 4, 3), и еще: *ты же почему осуждаеши брата твоего* (Рим. 14, 10)? Если же не должно осуждать брата, то тѣмъ болѣе учителя. Еслибы Богъ повелѣлъ тебѣ это, то ты поступалъ бы хорошо, и грѣшилъ бы не поступая такъ; но если напротивъ, то не будь дерзкимъ и не выходи изъ своихъ предѣловъ. На Аарона, когда сдѣланъ былъ телець, возстали сообщники Корея, Дагана и Авирона (Числ. гл. 16); но не погибли ли они? Кто преподаетъ неправое ученіе, того не слушай, хотя бы онъ былъ Ангель; а если кто преподаетъ правое ученіе, то смотри не на жизнь его, а на слова. Но, скажешь, священникъ не подаетъ бѣднымъ и не хорошо управляетъ дѣлами.

Откуда тебѣ это извѣстно? Прежде, нежели узнаешь достоверно, не порицай, бойся отвѣтственности. Многое осуждаютъ по подозрѣнію. Если даже ты узналъ, изслѣдовалъ и видѣлъ, и тогда ожидай Судію, не предвосхищая себѣ права Христова. Ему принадлежитъ право судить, а не тебѣ; ты послѣдній рабъ, а не Господь; ты овца, не суди же пастыря, дабы тебѣ не быть наказану и за то, въ чемъ обвиняешь его. Но почему, скажешь, мнѣ онъ говорить, а самъ не дѣлаетъ? Не самъ онъ говорить тебѣ. Если ты повинешься только ему, то не получишь награды; тебѣ заповѣдуетъ Христосъ. Что я говорю? Даже Павла не должно было бы слушаться, еслибы онъ говорилъ что-нибудь отъ себя, что-нибудь человѣческое, но должно слушаться его какъ Апостола, имѣющаго въ себѣ Христа, который говорилъ чрезъ него. Не будемъ же судить чужія дѣла, а каждый свои; изслѣдуй лучше собственную жизнь. Но скажешь: священникъ долженъ быть лучше меня. Почему? Потому, что онъ священникъ. Чего же онъ не имѣетъ болѣе, нежели ты? Трудовъ ли, опасностей, заботъ или скорбей? Чѣмъ же онъ не лучше тебя, имѣя все это? Но если онъ и не лучше тебя, то для чего тебѣ, скажи мнѣ, нужно губить себя самого? Слова твои происходятъ отъ гордости. Откуда ты знаешь, что не лучше тебя? Онъ, скажешь, воруетъ и святотатствуетъ. Откуда, человѣкъ, ты знаешь это? Зачѣмъ ты самъ стремишься въ пропасть? Когда кто-нибудь скажетъ тебѣ, что такой-то скрываетъ у себя царскую порфиру: то ты, хотя бы и могъ обличить его тотчасъ, отступаешь и показываешь видъ, будто ничего не знаешь, не желая подвергаться лишней опасности; а здѣсь ты не только не отступаешь, но самъ привлекаешь на себя лишнюю опасность. Подобныя слова твои не безотвѣтственны, ибо послушай, что говорить Христосъ: глаголю же вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный (Матѣ. 12, 36). Во всякомъ случаѣ, если ты считаешь себя лучше другаго, и не воздыхаешь, не уда-

ряешь себя въ перси, не склоняешь головы, не подражаешь мытарю: то ты погубилъ себя, хотя бы ты былъ дѣйстви-тельно лучше. Ты лучше другаго? Молчи же, дабы тебѣ остаться лучшимъ; а какъ скоро будешь говорить, то потеряешь все. Ежели будешь такъ думать о себѣ, то ты уже не таковъ. Разсмотри собственную жизнь. Ты не во-руешь? Но ты грабишь, дѣлаешь насилія, совершаешь безчисленное множество другихъ подобныхъ дѣлъ. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы похвалить воровство; нѣтъ, я готовъ горько плакать, если дѣйствительно найдется такой чело-вѣкъ, чему впрочемъ не вѣрю. Сколь великій грѣхъ свя-тотатство, о томъ и сказать нельзя; но жалѣя васъ не хочу, чтобы ваши добродѣтели упразднились чрезъ осу-жденіе другихъ. Что, скажи мнѣ, хуже мытаря? Справе-дливо, что онъ былъ мытарь и виновенъ во множествѣ преступленій; но фарисей, сказавъ только: *нѣсмь, якоже сей мытарь* (Лук. 18, 4), потерялъ все. А ты говоришь о священникѣ: *нѣсмь, якоже сей святотатецъ*,—и не те-ряешь ли всего? Я вынужденъ говорить это и опровергать подобныя рѣчи не потому, чтобы я былъ пристрастенъ къ священникамъ, но потому, что опасаюсь за васъ, какъ бы вы не упразднили своихъ добродѣтелей подобнымъ са-мохвальствомъ и осужденіемъ другихъ. Послушай увѣщанія, которое преподаетъ Павелъ: *дѣло же свое, говоритъ онъ, да искушаетъ кійждо, и тогда въ себѣ точію хваленіе да имать, а не во иномъ* (Гал. 6, 4)^а.

„Скажи мнѣ, если ты, получивъ рану, придешь въ лѣ-чебницу, то неужели, вмѣсто того, чтобы прикладывать лѣкарство, и лѣчить рану, ты станешь узнавать о врачѣ, имѣеть ли онъ рану или не имѣеть? И если имѣеть, то заботаешься ли ты объ этомъ? И потому, что имѣеть онъ, оставляешь ли ты свою рану безъ врачеванія, и говоришь ли: ему какъ врачу, слѣдовало быть здоровымъ, но такъ какъ онъ самъ нездоровъ, то и я оставляю рану безъ врачеванія? Такъ и здѣсь, если священникъ не хорошъ, будетъ ли это утѣшеніемъ для подчиненнаго? Нисколько. Онъ по-

лучить опредѣленное наказаніе; получишь и ты должное и заслуженное. Не будемъ, увѣщевая васъ, говорить худо о пастыряхъ и учителяхъ, не будемъ разсуждать объ нихъ, дабы не повредить самимъ себѣ; будемъ изслѣдывать свои дѣла, и ни о комъ не отзываться худо. Устыдимся того дня, въ который онъ просвѣтилъ насъ крещеніемъ. Въ отцѣ, хотя бы онъ имѣлъ безчисленное множество слабостей, сынъ прикрываетъ все. „Не славися, говоритъ Премудрый, въ безчестіи отца твоего, пѣсть бо ти слава отъ безчестіе: аще и разумомъ оскудѣваетъ, прощеніе имѣй“ (Сирах. 3, 10. 13). Если такъ говорится о плотскихъ отцахъ, то тѣмъ болѣе надобно сказать объ отцахъ духовныхъ. Устыдись. Онъ каждый день служитъ тебѣ, предлагаетъ чтеніе писанія, для тебя украшаетъ домъ Божій, для тебя бодрствуетъ, за тебя молится, за тебя предстоитъ и ходатайствуетъ предъ Богомъ, за тебя творитъ прошенія, для тебя совершаетъ все свое служеніе. Этому устыдись, это представляй и подходи къ нему со всякимъ благоговѣніемъ. Онъ не хорошъ? Но, скажи мнѣ, что изъ этого? И хорошій развѣ самъ сообщаетъ тебѣ великія блага? Нѣтъ: все совершается по твоей вѣрѣ. И праведный не принесетъ тебѣ никакой пользы, если ты невѣрующій; и нечестивый нисколько не повредитъ тебѣ, если ты вѣрующій. Богъ дѣйствовалъ и чрезъ воловъ при кивотѣ, когда хотѣлъ спасти народъ свой (1 Цар. гл. 6). Развѣ жизнь священника или добродѣтель его можетъ совершить что-нибудь подобное? Дары Божіи не таковы, чтобы они зависѣли отъ священнической добродѣтели, все происходитъ отъ благодати; дѣло священника только отверзать уста, а все совершаетъ Богъ; священникъ же исполняетъ только видимыя дѣйствія. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы отстоялъ отъ другаго такъ далеко, какъ Іоаннъ отъ Іисуса; и однако Духъ сошелъ на Іисуса при крещеніи отъ Іоанна, дабы ты зналъ, что священникъ совершаетъ только видимыя дѣйствія, а все устрояетъ, все совершаетъ Богъ. Приношеніе въ евхаристіи одно и то же. Кто бы ни

совершилъ его, Павелъ или Петръ,—оно то же самое, которое Христось преподалъ ученикамъ своимъ; то же самое и нынѣ совершаютъ священники: это нисколько не ниже того, ибо и это не люди освящаютъ, а самъ Богъ, освятившій его и тогда “*).

„Апостоль Павелъ говоритъ о Галатахъ, что они готовы были исторгнуть очи свои и отдать ему (Гал. 4, 15). Кто можетъ быть блаженнѣе ихъ и кто несчастнѣе насъ? Они и кровь и душу свою отдавали за учителей; а мы часто не рѣшаемся произнести и простаго слова за общихъ отцевъ, но слыша, какъ ихъ злословятъ, поносятъ и свои и чужіе, не заграждаемъ устъ говорящимъ, не удерживаемъ, не укоряемъ; и о еслибы мы не были первыми ихъ поносителями! Теперь даже отъ невѣрующихъ нельзя слышать такихъ злословій и порицаній, какія противъ епископовъ и священниковъ произносятся тѣми, которые, повидимому, принадлежать къ вѣрующимъ и соединены съ нами. Нужно ли послѣ этого изслѣдовать, отъ чего произошла такая безпечность и такое перадѣніе о благочестіи, когда мы такъ враждебно расположены къ нашимъ отцамъ? Нѣтъ, подлинно, ничего такого, что могло бы разстроивать и разрушать Церковь, или лучше, нѣтъ ничего другаго, что могло бы такъ легко дѣлать это, какъ то, когда ученики съ учителями, и дѣти съ отцами, и подчиненные съ начальниками не соединены весьма тѣсно. Кто злословитъ брата, тотъ устраняется отъ чтенія божественныхъ писаній. *Вскую воспріемлещи завѣтъ мой усты твоими*, говоритъ Богъ, и потомъ приводя причину, прибавляетъ: *судя на брата твоего клеветалъ еси* (Пс. 49, 16—20); а ты осуждая духовнаго отца, считаешь себя достойнымъ входить въ священное преддверіе? Съ чѣмъ это сообразно? Если злословящіе отца или мать наказываются смертію (Исх. 21, 17); то какого достоинъ будетъ наказанія дерзающій злословитъ того, кто необходимѣе и

*) Злат. Бесѣд. на второе посланіе къ Тимошею. Бесѣда 2-я.

важнѣе родителей? И онъ не страшится, чтобы земля, разверзшись, совершенно не поглотила его, или молнія, низпадши свыше, не сожгла хульный языкъ его? Развѣ не слышалъ ты, что потерпѣла сестра Моисея, когда стала говорить противъ начальника, какъ она сдѣлалась нечистою, подверглась проказѣ, испытала крайнее безчестіе, и несмотря на то, что братъ ея молился и припадалъ къ Богу, не получила прощенія? А между тѣмъ она получила при рѣкѣ этого святаго, заботилась объ его воспитаніи, въ началѣ содѣйствовала тому, чтобы мать сдѣлалась его кормилицею, и чтобы не было воспитано на рукахъ иноплемениковъ, а впоследствии предводительствовала сонмомъ женщинъ, какъ Моисей сонмомъ мужей, и, хотя была сестрою Моисея, однако все это не помогло ей избѣжать гнѣва Божія за ея злословіе, и Моисей, который умолялъ Бога за свой народъ послѣ невыразимаго его нечестія, и онъ припадая и прося прощенія сестрѣ, не могъ умоловить Бога, по еще услышалъ сильную укоризну, чтобы мы знали, какъ велико зло порицать духовныхъ начальниковъ и осуждать жизнь другихъ. Посему я прошу, убѣждаю, и умоляю отстать отъ этой дурной привычки. Священникамъ, о которыхъ говоримъ худо, мы несколько не повредимъ, не только тогда, когда говоримъ ложь, но хоть бы и правду, а себя мы губимъ. Если Маріамъ, однажды злословившая брата, подверглась такому осужденію, то какая надежда на спасеніе намъ, когда мы каждый день осыпаемъ пастырей безчисленными злословіями? Пусть никто не говоритъ мнѣ, что тотъ былъ Моисей; ибо и я могу сказать, что та была Маріамъ. Впрочемъ, чтобы ты ясно понялъ, что, хотя бы священники даже подлежали осужденію, и тогда ты не имѣешь права осуждать ихъ жизнь. Послушай, что говоритъ Христось о учителяхъ іудейскихъ: „на Моисеевѣ сѣдалищѣ сѣдоша книжницы и фарисеи; вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте: по дѣломъ же ихъ не творите“ (Матѳ. 23, 2. 3). Что можетъ быть хуже тѣхъ, которыхъ ревность губила учащихся у нихъ? Од-

нако несмотря на это, Онъ не лишилъ ихъ достоинства, не сдѣлалъ презрѣнными для подчиненныхъ; и весьма справедливо. Ибо, еслибы подчиненные получили такую власть, то мы увидѣли бы, какъ они всѣхъ лишили бы власти и свергли бы съ сѣдалища. Много можно находить въ писаніи указаній на то, какъ далекъ долженъ быть подчиненный отъ того, чтобы исправлять дѣла священниковъ. Такъ нѣкогда, при возвращеніи кивота, когда нѣкоторые изъ подчиненныхъ, увидѣвъ его наклонившимся и готовымъ упасть, поправили его, то подверглись наказанію на томъже самомъ мѣстѣ, бывъ поражены Богомъ и падши мертвыми. Между тѣмъ они не сдѣлали ничего худаго; они не наклоняли кивота, а поправили, когда онъ наклонился и готовъ былъ упасть. Но чтобы ты вполне убѣдился въ достоинствѣ священниковъ и въ томъ, какъ не позволительно человѣку подвластному и принадлежащему къ числу мірянъ исправлять такія дѣла, Богъ умертвилъ ихъ среди множества народа, великою силою устрашая всѣхъ прочихъ и внушая никогда не приближаться къ недоступнымъ предметамъ священства. Подлинно, еслибы каждый, подъ предлогомъ худо сдѣланнаго, сталъ присвоять себѣ права священства, то никогда не было бы недостатка въ предлогахъ къ исправленію, и всѣ перемѣшались бы между собою такъ, что мы не различили бы ни начальника ни подчиненнаго. Никто пусть не думаетъ, будто я говорю это въ осужденіе священниковъ; по благодати Божіей, какъ и вы знаете, они показываютъ великую честность во всемъ, и никогда никому не подавали никакого повода къ ихъ осужденію; но говорю для того, чтобы вы знали, что еслибы даже вы имѣли дурныхъ отцевъ и тягостныхъ учителей, и тогда не безопасно, и не безвредно было бы для васъ хулить ихъ и злословить. Ибо если о родителяхъ тѣлесныхъ одинъ мудрый говоритъ: *аще и разумомъ оскудѣетъ, прощеніе имѣй* (Сирах. 3, 13), то тѣмъ болѣе должно соблюдать этотъ законъ въ отношеніи къ своимъ отцамъ духовнымъ и каждому долж-

но осматривать и разбирать свою жизнь, чтобы вамъ не услышать въ тотъ день: „лицемѣре, что видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бервна же, иже есть во оцѣ твоемъ, не чуеши“ (Матѣ. 7, 3). Такъ лицемѣрамъ свойственно предъ народомъ и въ глазахъ всѣхъ цѣловать руки священниковъ, касаться колѣнъ ихъ, просить молиться за нихъ и, имѣя нужду въ крещеніи, прибѣгать къ дверямъ ихъ, — а дома и на площадяхъ этихъ виновниковъ и служителей такихъ благъ для насъ осыпать безчисленными злословіями, или сочувствовать другимъ злословящимъ. Если отецъ дѣйствительно не хорошъ, то почему ты считаешь его достойнымъ вѣры служителемъ страшныхъ таинствъ? Если же онъ кажется тебѣ достойнымъ вѣры служителемъ таинствъ, то для чего ты допускаешь, чтобы другіе злословили его, не заграждаешь ихъ уста, не выражаешь своего неудовольствія, не приходишь въ негодованіе, чтобы получить великую награду отъ Бога и похвалу отъ самихъ хулителей? Ибо и они, какъ бы дерзки ни были, конечно будутъ хвалить и одобрять тебя за твою заботливость объ отцахъ; напротивъ, если мы не будемъ дѣлать этого, всѣ станутъ осуждать насъ, даже и сами хулители. И не только это прискорбно, но и то, что мы и тамъ подвергнемся крайнему осужденію. Подлинно, ничто такъ не вредитъ Церкви, какъ эта болѣзнь: какъ тѣло не надлежащимъ образомъ связанное покровомъ нервовъ, испытываетъ много болѣзней и дѣлаетъ жизнь не въ жизнь; такъ и Церковь, не связанная крѣпкими и нерасторжимыми узами любви, испытываетъ множество войнъ, усиливаетъ гнѣвъ Божій и подаетъ поводъ ко многимъ искушеніямъ. Чтобы избѣжать сего, обратимъ языкъ нашъ къ благословенію, будемъ каждый день разбирать собственную жизнь, и предоставимъ судить о жизни другихъ Тому, кто въ точности знаетъ тайное, будемъ сами осуждать собственные свои грѣхи“ *).

П. С. Казанскій.

*) Злат. Бесѣды на разныя мѣста Писанія. Ч. 2, стр. 451—458.

СОСТОЯНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ТУРОКЪ *).

I. *Монастыри въ Герцеговинѣ.*

Во всѣхъ мѣстахъ обитанія сербскаго народа, гдѣ жили прежде и теперь живутъ Турки, послѣ паденія нашего славнаго и сильнаго народа, строились монастыри. Для постройки монастырей выбирали обыкновенно лѣсистыя, уединенныя мѣста или долины, далеко отстоящія отъ жилья и большихъ дорогъ, такъ что путникъ съ дороги не могъ видѣть монастыря, развѣ, иногда, на ружейный выстрѣлъ.

Удивительно, что при страшномъ игѣ турецкомъ, несмотря на варварство и деспотизмъ Турокъ, одни монастыри сохранились цѣлы и невредимы. И мы должны благодарить Бога за то, что сохранились монастыри. Въ стѣнахъ монастырскихъ сохранились цѣлыми и наша вѣра православная, и наши обычаи, которыми мы должны паче всего дорожить.

Монастыри строились, какъ мы уже сказали, преимущественно въ мѣстахъ лѣсистыхъ и глухихъ. Это дѣлалось для того, чтобы укрыться отъ варварства Турокъ. При нападеніи Турокъ на монастырь, ему неизбѣжно угрожало одно изъ двухъ золь: или Турки, приходя въ монастырь, брали все что есть въ монастырѣ, или, если печого взять, перерѣзывали всѣхъ монаховъ, а церковь и монастырь сжигали. Народъ говорить, что Турокъ не спрашиваетъ: „есть ли нѣтъ, а дай“. Вдали отъ дорогъ строились монастыри еще и для того, чтобы въ большіе праздники, какъ

*) Съ сербскаго. Авторъ Вукъ Врчевичъ.

напр. Воскресеніе Христово, Рождество Христово, народъ могъ спокойно и мирно, не преслѣдуемый Турками, молиться Богу.

Въ Герцеговинѣ находится теперь 7 монастырей:

1) Монастырь Дужи, у селенія Шуми въ окрестностяхъ Требинье. Храмъ Успенія Богородицы.

2) Завалья у селенія Попова. Храмъ Введенія Богородицы.

3) Добрычево у селенія Бердыма. Храмъ Введенія Богородицы.

4) Житомышличъ у города Стоцо. Храмъ Благовѣщенія.

5) Горанско у селенія Пиви. Храмъ св. Троицы *).

6) Косьерево у Билигкомъ Кадилуку. Храмъ Введенія.

7) Фоча у Бѣлаго Поля. Храмъ Св. Троицы.

Когда строился монастырь, то съ самаго начала у церкви воздвигалась одна келья, а потомъ уже монахи постепенно пристраивали другія кельи. Кельи эти строились или обыкновенно какъ строятся каменные дома, или просто на-просто складывали сухіе кирпичи безъ известки. Въ такихъ кельяхъ обыкновенно дѣлали одно окно и такое маленькое, чтобы можно было только просунуть голову. Это можно видѣть въ теперешнихъ монастыряхъ. Кромѣ того въ стѣнѣ церкви или келій всегда дѣлали маленькія отверстія, какъ это дѣлается въ крѣпостяхъ, для того, чтобы во время нападенія Турокъ монахи могли въ нихъ стрѣлять, покуда окрестные жители не подадутъ помощи.

Если при нападеніи Турокъ монахи видѣли, что ихъ большое число и защищаться противъ нихъ нѣтъ возможности, то они отворяли монастырскія ворота и отдавались дикимъ

*) Про этотъ монастырь народъ рассказываетъ, что онъ былъ основанъ нѣкимъ Гаговичемъ, родомъ изъ Пиви, котораго Турки взяли еще въ малолѣтствѣ, отуречили и потомъ послали на войну противъ Русскихъ. Онъ былъ сдѣланъ потомъ нашей и мать его упросила выстроить этотъ монастырь и покрыть его свинцомъ за его здоровье и въ память усопшихъ родныхъ.

Туркамъ на произволѣ. Они должны были терпѣть всякія поруганія, и мученія и грабежъ отъ Турокъ. Еслибы случилось, что при защитѣ монастыря монахи убили Турка, то въ такомъ случаѣ они должны были оставлять не медля монастырь и никогда туда не возвращаться. И только за большія деньги можно было выхлопотать у начальства турецкаго позволеніе поселить тамъ другихъ монаховъ. За убитаго Турка монахи, а также окрестные жители должны были дарить большими деньгами не только великаго визиря, но и другихъ. Нападеній отъ Турокъ монахи ожидали всегда, во всякую минуту, почему при постройкѣ монастырей монахи всегда вокругъ обводили стѣну. И только на три аршина они складывали кирпичи съ известью, а выше просто складывали сухіе кирпичи, чтобы на случай нападенія можно было ихъ сбрасывать на Турокъ и убивать ихъ, и такимъ образомъ какъ-нибудь защищаться, пока не получатъ помощи отъ окрестныхъ жителей. Ворота въ стѣнѣ обыкновенно такъ малы и низки, что въ нихъ можетъ человѣкъ пройти съ трудомъ, пригнувшись. Лошадь никакимъ образомъ нельзя провести.

Такимъ образомъ монастыри обращались въ крѣпости и монахи проводили жизнь не въ одной войнѣ противъ грѣховныхъ искушеній, но готовы были каждую минуту воевать съ Турками.

На постройку храма Герцеговинцы должны были предварительно просить разрѣшенія у визиря, и при этомъ платили визирю столько денегъ, какъ велика должна быть церковь. Обыкновенно получалось разрѣшеніе на постройку малой церкви. Въ случаѣ, если постройка производилась безъ разрѣшенія визиря, Турки убивали 12 самыхъ лучшихъ представителей окрестнаго населенія. Старшины герцеговинскіе легко могли обманывать Турокъ относительно вышины и ширины церкви: они обыкновенно строили храмы въ глубь земли, какъ это можно видѣть въ монастырѣ Дужи, въ Мостарской церкви и многихъ другихъ.

Объ окончаніи постройки церкви, обыкновенно давали

знать визирю. Визирь присылалъ своего повѣреннаго измѣрить церковь. Повѣренный визира не входилъ никогда внутрь храма, а всегда измѣрялъ вышину и ширину церкви снаружи. Послѣ того, повѣренный призывалъ самыхъ богатыхъ прихожанъ и объявлялъ имъ, сколько денегъ они должны были нести визирю. Повѣренный обыкновенно тоже бралъ деньги. Если онъ не получалъ столько, сколько желалъ, то уходя, иронически говорилъ: „слушай ты, попъ и ты райя; у васъ постройка кажется на аршинъ выше чѣмъ слѣдовало; вы знаете, что если я скажу визирю, что церковь построена въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ вамъ позволили, то онъ прикажетъ всѣхъ васъ перерѣзать въ страшныхъ мученіяхъ“. На это народъ всегда отвѣчалъ сложивши на груди руки и съ поклономъ: „Золотой ага! если церковь сдѣлана на 2, на 3 пальца больше, то мы несчастные въ этомъ нисколько не виноваты; виноваты мастера, которые строили. Если ты скажешь за насъ слово визирю, то мы подаримъ тебя, чѣмъ можемъ“. Въ подтвержденіе сказаннаго я приведу здѣсь рассказъ народа о постройкѣ большой Сарасвской церкви. Одинъ уроженецъ Сараева служилъ при султанскомъ дворѣ 20 лѣтъ честно и вѣрно. Когда онъ прослуживши возвращался на родину, то выпросилъ у султана бумагу (фирманъ), съ разрѣшеніемъ построить въ Сараевѣ церковь, которая бы заняла такое пространство, какъ можетъ обнять воловья кожа. Приѣхавъ домой, онъ изрѣзалъ кожу на очень мелкіе и тонкіе ремни, такъ что могъ захватить ею большое пространство и началъ строить церковь. Турки, увидѣвъ это, спросили у него: что онъ дѣлаетъ? Тогда имъ показали султанскій фирманъ. Турки послали своихъ двухъ людей въ Константинополь съ письмомъ отъ всего турецкаго населенія. „Пощади насъ, нашъ свѣтлый падишахъ, сказано было въ письмѣ, посмотри, что христіане дѣлаютъ“. Султанъ, увидѣвъ такой ловкій обманъ, отвѣтилъ: „я не зналъ, что одинъ христіанинъ можетъ обмануть столько Турокъ. Но царское слово неизмѣнно. Пусть такъ

будеть“. По рассказамъ Герцеговинцевъ, визирь беретъ за каждый аршинъ длины церкви по 15 червонцевъ.

Въ каждой церкви выше-упомянутыхъ монастырей посреди ихъ на желѣзной цѣпи виситъ деревянный кругъ со множествомъ иконъ разныхъ святыхъ. Этотъ деревянный кругъ, въ Герцеговицѣ, въ Черногоріи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Далмаціи называется: Коло Пресвятой Богородицы. Герцеговинцы такъ благоговѣютъ предъ этимъ кругомъ, что считаютъ себя недостойными стоять на этомъ мѣстѣ и никогда не становятся здѣсь. При тяжбахъ какихъ - нибудь или уголовныхъ процессахъ подъ Коломъ Богородицы Герцеговинцы даютъ присягу и до сего времени не было случая, чтобы кто-нибудь рѣшился подъ Коломъ Богородицы дать ложную присягу. Изъ всѣхъ монастырей Герцеговины самымъ важнымъ Коломъ считается въ монастырѣ Косіерево у *Билекомъ Кадилуку*. Со всѣхъ мѣстъ, даже очень отдаленныхъ приходятъ жители брать присягу подъ этимъ Коломъ, а также молиться Богу. Если по причинѣ неастной погоды нельзя придти въ монастырь, то въ этомъ случаѣ Герцеговинцы посылаютъ въ монастырь 2 червонца, 2 восковыхъ свѣчки, деревяннаго масла и ладану и письмо, въ которомъ просятъ, чтобы монахи прочли за нихъ присягу подъ этимъ Коломъ. Во время присяги монахи надѣваютъ черныя одежды, становятся вмѣстѣ съ дающимъ клятву подъ Богородичное Коло и клянущійся за каждымъ словомъ присяги произносить: аминь. Одинъ изъ тяжущихся, который требуетъ клятвы, платитъ обыкновенно за это монахамъ 1 руб. или 1 р. 50 к.

Послѣ Косовской битвы, когда пало Сербское царство, и до сего времени не было слышно по всей Герцеговинѣ звона колоколовъ. И въ настоящее время не было бы слышно, еслибъ не погибъ Али паша Ризванъ Беговичъ отъ одного солдата низама 21 февраля 1851 года, по приказанію Омеръ-паши, прибывшаго туда съ приказаніемъ султана усмирить мѣстную турецкую ари-

стократію, которая не признавала надъ собою никакихъ властей и законовъ. Онъ провозгласилъ законъ дававшій равноправность съ Турками Герцеговинцамъ и позволилъ вѣшать на церквахъ колокола. Когда Омеръ-паша привелъ все въ порядокъ, онъ поставилъ новыхъ изъ туземцевъ чиновниковъ, но съ тѣмъ, чтобы никто не служилъ въ своей родной мѣстности и чиновники не знали жителей; также приказалъ именемъ султана судить всѣхъ по одинаковымъ законамъ и объявилъ полную свободу вѣроисповѣданія. Но какъ только Омеръ паша удалился, никто не сталъ исполнять его приказаній и все пошло прежнимъ порядкомъ. Судъ турецкій былъ крайне несправедливъ относительно христіанъ. Тотъ былъ правъ, кто давалъ больше денегъ. Христіане всегда почти оставались виновными. Въ прежнее время, когда трудно было добиться разрѣшенія имѣть колоколь, употребляли деревянные или чугунныя доски, которыя висѣли на высокомъ мѣстѣ. Въ нихъ били палкой и такимъ образомъ призывали народъ на молитву. Въ настоящее время испрашивается разрѣшеніе у высшаго начальства имѣть колоколь.

II. *Монахи и монастырскіе ученики.*

Въ Босніи, Герцеговинѣ, какъ и въ Черногоріи, никогда не было хорошо устроенныхъ школъ, какія теперь находятся у насъ въ Сербіи въ главныхъ городахъ. Единственныя мѣста, гдѣ обучали грамотѣ, были монастыри, куда поступали только тѣ, которые думали идти въ монахи или сдѣлаться священниками. Отецъ, задумавшій отдать своего сына въ ученье, приводилъ его въ ближайшій монастырь и просилъ игумена принять его сына въ монастырь учиться до тѣхъ поръ, пока онъ не выучится читать и писать. При этомъ онъ обыкновенно приносилъ игумену ягненка, сыръ, масло, куръ, яицъ, домашній пшеничный хлѣбъ, а также вино и водку, если имѣлъ у себя. Игуменъ, принявши ученика въ монастырь, поручалъ его монаху, у котораго не было ученика или былъ ученикъ, оканчиваю-

щій уже свое ученіе, выходящій въ монахи или священники. Монахъ, которому поручили учепика, начиналъ учить его какъ хотѣлъ и сколько хотѣлъ. Извѣстно, что назадъ тому 10—15 лѣтъ въ Герцеговинѣ не было ни одной азбуки, еще менѣе другихъ учебныхъ книгъ. О прописяхъ никогда не слыхали. Учепикъ, выучившійся читать Псалтырь и Часословъ да кое какъ писать, оканчивалъ свое образованіе. Покойный *Евставій Дучичъ*, благочестивый монахъ монастыря Дужи, рассказывая о монастырскомъ ученіи, увѣрялъ меня, что онъ, бывши ученикомъ, училъ букву по буквѣ изъ печатныхъ церковныхъ книгъ, потомъ съ большимъ трудомъ выучился складывать буквы и наконецъ черезъ годъ выучился-таки читать Часословъ. Для того чтобы выучить своихъ учениковъ писать, монахи сами писали имъ прописи, какъ умѣли, кирилловскими буквами по старинному правописанію. Такимъ образомъ, безъ предварительныхъ упражненій въ писаніи линій и черточекъ, какъ это теперь дѣлается въ правильно устроенныхъ школахъ, имѣя предъ собой очень плохіе образчики правописанія, учились въ монастыряхъ писать. По всей вѣроятности о такихъ учителяхъ и ученикахъ составила справедливая пословица: „учи зло горега“ (плохой учить плохаго). „Каковъ наукъ, такъ и ученіе“ (Какая наука, таково и ученіе).

Насколько невѣжественны были наши священники, объ этомъ говорится въ нѣсколькихъ народныхъ стихахъ, которые хорошо характеризуютъ ихъ незнаніе, такъ напр: „Крестить воду понь Видасовъ; у него рука служитъ крестомъ, а пледъ эпитрахилью. Съ собой книги никогда не имѣеть; если что знаетъ, то онъ самоучка“.

При такомъ преподаваніи, какое велось въ монастыряхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что ученики въ годъ и даже въ два года не выучивались ни читать, ни писать. При всемъ этомъ употреблялись частыя и жестокія наказанія, вельдствіе чего перѣдко ученики убѣгали изъ монастыря домой. И когда ученика бѣглеца спрашивали дома, гдѣ

онъ былъ? онъ отвѣчалъ: „нигдѣ“, „а что дѣлалъ?“ „Ничего“. Но несмотря на такое дурное преподаваніе и на жестока наказанія, находились такіе способные мальчики, которые любя очень науку, такъ хорошо выучивались читать и писать, что служили для всѣхъ удивленіемъ.

Всякій ученикъ былъ полнѣйшимъ рабомъ своего учителя монаха, прислуживалъ ему и дѣлалъ для него все, что только могъ и умѣлъ. Онъ долженъ былъ ежедневно убрать для нихъ постель, келью, принести воды, развести въ кельѣ огонь, сварить кофе и беречь всѣ монашескія вещи въ кельѣ. Кромѣ этого онъ долженъ былъ мыть ему бѣлье. Когда монаху случалось исправлять какія-нибудь требы, крестить или вѣнчать, то ученикъ исправлялъ при немъ должность дьячка. Сверхъ того, каждый ученикъ долженъ былъ пасти монастырское стадо, привозить изъ лѣса дрова и отвозить въ поле рабочимъ обѣдъ и ужинъ.

Теперь раждается вопросъ: когда же доставало время учиться? Мы уже знаемъ, по какой методѣ преподавалось ученіе: и на этотъ вопросъ должны отвѣтить: каждый могъ назвать себя самоучкой. Въ Требиньѣ я знаю много самоучекъ, которые нигдѣ и ни у кого не учились а умѣютъ довольно хорошо читать и писать. Они въ свободное время ходили отъ одного лавочника къ другому и спрашивали къаждого: „Какая это буква?“ „А это“?— „А какъ онѣ складываются?“ и т. д. О такихъ самоучкахъ мы читали во многихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ напр. въ пѣснѣ о разореніи монастыря Твердошъ, который находится недалеко отъ Требинье.

Когда какой-нибудь ученикъ выучивался всему тому, что знаетъ его учитель-монахъ (что было очень не трудно), то такому ученику предлагали поступить въ монахи или сдѣлаться священникомъ. Но въ монахи могли поступать только съ согласія и благословенія родителей. Если ученикъ не желаетъ поступать въ монахи или родители ему не позволяютъ этого, потому что онъ единственный сынъ въ семьѣ, или наконецъ онъ желаетъ занять вакантное

мѣсто священника своего прихода, то въ такомъ случаѣ онъ является къ игумену, излагаетъ ему всѣ обстоятельства, почему онъ не можетъ быть монахомъ, цѣлуетъ игумену и всѣмъ монахамъ руки и, получивши благословеніе, отправляется домой. Если въ деревнѣ нѣтъ священника или онъ очень старъ, то отецъ ученика, желающаго занять мѣсто, посылаетъ его въ г. Мостаръ къ епископу съ извѣстной суммой денегъ и проситъ рукоположить во священника. Если же мѣсто священника занято, то ученикъ служитъ при священникѣ дьячкомъ, задаромъ, и въ это время практически научается, какъ совершать литургію, и всѣ другія церковныя службы.

Игумень имѣетъ въ монастырѣ обыкновенно столько монаховъ, сколько нужно ихъ для того, чтобы совершать всѣ монастырскія службы, а также смотря по количеству окрестныхъ жителей. Въ Герцеговинскихъ монастыряхъ самое меньшее число монаховъ бываетъ 4, а самое большее 6, кромѣ игумена. Когда умираетъ кто изъ монаховъ, то игумень всяческими мѣрами старается одного изъ лучшихъ учениковъ склонить принять монашескій чинъ. Согласившемуся поступить въ монахи игумень мѣняетъ имя, давая ему имя какого-нибудь преподобнаго святаго. Обыкновенно выбирается такое, которое бы имѣло одинаковую начальную букву съ именемъ, даннымъ при крещеніи. Такъ напр. если онъ носить имя Матвѣй, то даютъ имя Мслетій, Максимъ, Мардарій, а если Николай, то—Никифоръ, Нектарій и т. д.

Обрядъ постриженія совершается епископомъ; епископъ вырѣзываетъ, на головѣ постригаемаго монаха, волосы крестообразно и отдаетъ ихъ ему. Эти волосы монахъ несетъ въ монастырь и отдаетъ ихъ игумену, который, прочитавши надъ головой его молитву, беретъ волосы, заворачиваетъ въ полотно и кладетъ въ шкатулку. На шкатулкѣ дѣлается надпись: волоса монаха N. N., постриженнаго такого-то числа и года. Шкатулка эта ставится, вмѣстѣ съ другими, у престольной иконы и стоитъ тамъ

до смерти монаха. Послѣ смерти она ставится въ гробъ въ головахъ покойнаго.

Въ Герцеговинѣ обыкновенно поступають въ монахи въ очень молодыхъ лѣтахъ. Такъ въ монастырѣ Дужи, два года тому назадъ, Прокопій принялъ монашество 19 лѣтъ, а Діонисій 18 лѣтъ. Когда я сказалъ моему хорошему знакомому, игумену этого монастыря, что по каноническимъ правиламъ запрещено принимать въ монахи ранѣе 28 лѣтъ, то онъ мнѣ отвѣтилъ на это, что если въ молодыхъ лѣтахъ не завлекать въ монахи, то съ возмужавшими это сдѣлать очень трудно, и намъ бы пришлось остаться безъ монаховъ. Въ Герцеговинѣ всякій постриженный монахъ, остается на всю жизнь привязаннымъ къ своему монастырю и епископъ не можетъ, какъ я видалъ въ Далмаціи, перевести монаха изъ одного монастыря въ другой. Только въ случаѣ смерти священника въ какомъ-нибудь ближнемъ городкѣ или сселеніи, по просьбѣ жителей, епископъ можетъ командировать монаха на время исправлять должность священника.

Въ Герцеговинѣ по наружности мало разницы между монахами и священниками. Какъ тѣ, такъ и другіе носятъ бороду и длинные волосы и одинаковую одежду, похожую на одежду греческихъ монаховъ. Различаются только по шапкамъ: священническія камилавки тремя пальцами нѣже монашескихъ и больше похожи на епископскую митру, чѣмъ на камилавку. Монахъ и священникъ обыкновенно носятъ длинные сапоги, а бѣдные просто крестьянскіе лапти. Всѣ монахи, безъ исключенія, не снимаютъ даже въ алтарѣ камилавокъ. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ во время службы, игуменъ снимаетъ камилавку, напр. когда поютъ: „Прійдите поклонимся“, и „Молимтися, Боже нашъ“ и т. д. Мірской же священникъ никогда не входитъ въ олтарь въ камилавкѣ и никогда во время службы ее не надѣваетъ.

Во всѣхъ Герцеговинскихъ монастыряхъ я не встрѣчалъ ни одного монаха, который бы зналъ церковныя напѣвы.

Все поютъ на одинъ ладъ, безъ всякаго пониженія или повышенія голоса. Такое пѣніе не имѣетъ никакого сходства ни съ греческими, ни съ старо-сербскими напѣвами, которые я слышалъ въ дѣтствѣ и которые сохранились въ моей памяти. Въ настоящее время въ монастырѣ Дужи, молодые монахи уже начали пѣть разнообразными напѣвами. Есть надежда, что въ будущемъ пѣніе будетъ еще лучше.

Игуменъ отпускаетъ монаховъ исправлять должности приходскаго священника не иначе, какъ на одинъ годъ, и потомъ послѣ одного посылаетъ другаго, при чемъ проситъ ихъ по совѣсти объявлять свой доходъ и половину его отдавать въ пользу монастыря, а другую половину оставлять въ свою пользу.

Содержаніе монастыря, монаховъ, а также учениковъ и монастырской прислуги производится изъ общаго монастырскаго дохода. Если игуменъ или монахъ захочетъ сдѣлать себѣ новое платье или сѣсть что-либо лишнее, а также если захочетъ угостить знакомаго родственника или кума, то долженъ дѣлать это на свой счетъ.

Эпиграхиль, тресникъ и деревянный крестъ, который дѣлается обыкновенно изъ дерева Палестины или св. Горы, должны быть устроены тоже на свой счетъ. Въ обѣдъ и ужинъ игуменъ и всѣ монахи сидятъ въ общей залѣ, за общимъ столомъ, — игуменъ на главномъ мѣстѣ. Во время обѣда одинъ изъ старшихъ учениковъ читаетъ по указанію Типика житія святыхъ. Рѣдко случается, чтобы какой-нибудь монахъ понималъ читаннос. Остальные ученики стоятъ безъ шапокъ около стола и прислуживаютъ во время обѣда. Но этотъ обычай уже оставляется.

Каждый монахъ считаетъ большимъ грѣхомъ ѣсть что-нибудь въ кельѣ передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, и позволяетъ себѣ выпить только водки и кофе. Они говорятъ, что въ какой-то книгѣ написано: кто ѣсть одинъ разъ, то это поангельски; кто два раза, почеловѣчески; а кто три раза, это посвински. Передъ обѣдомъ игуменъ долженъ читать

молитву „Отче нашъ“, а передъ ужиномъ „ядать убозіи“: и когда онъ кончить, то одинъ изъ монаховъ долженъ проговорить: „слава Отцу“, и „Господи помилуй“, потомъ „Отче благослови“. Игумень крестить рукой трапезу и говорить: „Господи, благослови рабомъ твоимъ ястіе и питіе“ и т. д. Послѣ обѣда всѣ встаютъ, крестятся, а игумень читаетъ: „Благодаримъ тя, Христе Боже нашъ, яко насытилъ еси земныхъ твоихъ благъ“ и т. д.

Затѣмъ всѣ монахи расходятся по своимъ кельямъ или идутъ по какимъ-либо монастырскимъ дѣламъ, а ученики и прислуга садятся за трапезу и ѣдятъ остатки отъ монаховъ. Если имъ недостаетъ пищи, то они приносятъ себѣ что-нибудь изъ кухни. Прислуга и ученики пьютъ вино только по праздникамъ и воскресеньямъ, а въ остальные дни воду.

Всѣ четыре поста, а также постъ каждой среды и пятницы очень строго соблюдаются не только монахами, но и учениками. Есть много монаховъ, которые первую и послѣднюю недѣлю Великаго поста не употребляютъ даже деревяннаго масла въ своихъ кушаньяхъ и кромѣ соли никакихъ не употребляютъ приправъ. А каждый понедѣльникъ и пятницу Великаго поста ѣдятъ только разъ. Есть не мало и такихъ, которые во всю свою жизнь не употребляли мяса и ѣли только рыбу и зелень.

III. Сельскія церкви и ихъ священники.

Какъ я сказалъ въ самомъ началѣ о монастыряхъ, Герцеговинскій народъ строить монастыри въ долинахъ и въ пустыняхъ; напротивъ сельскія церкви строить вездѣ на возвышенностяхъ, и нѣтъ ни одной церкви въ Герцеговинѣ, которая была бы построена въ скрытомъ мѣстѣ, и чтобы онѣ замѣтнѣе были въ ряду вокругъ лежащихъ селеній, ихъ окрашиваютъ бѣлой краской.

Всѣ, какъ старыя, такъ и новыя монастырскія и сельскія церкви обращены алтаремъ къ востоку, такъ что солнце при своемъ восходѣ освѣщаетъ лучами св. трапе

зу. Ни одной изъ этихъ сельскихъ церквей я не видалъ настолько просторною, чтобы въ ней могло помѣститься 30 человекъ свободно, не толкая другъ друга. Но въ нихъ литургія служится только на Рождество Христово и на Пасху и то не въ каждой, а въ болѣе отдаленныхъ отъ монастырей. Во время службы на вышеозначенные два праздника, когда церковь наполнится народомъ, всѣ остальные стоятъ вокругъ церкви безъ шапокъ, хотя бы былъ самый большой дождь или холодъ. Старики и старшины сельскіе всегда стоятъ ближе къ алтарю, а позади ихъ младшіе; женщины стоятъ позади мужчинъ, но и онѣ соблюдаютъ тотъ же порядокъ, т.-е. старшія впереди, а младшія позади.

Сельская церковь обыкновенно строится иждивеніемъ всѣхъ жителей, какъ и монастыри. Если встрѣчается въ селеніи больше одной церкви, двѣ, или три, хотя для жителей было бы достаточно одной,— то это собственность знатныхъ фамилій, которыя строили ихъ каждая для себя и каждая передъ своею церковью хоронили своихъ умершихъ родственниковъ. Каждая фамилія непременно хотѣла имѣть свою особенную церковь и ходить въ чужую церковь на службу или хоронить при ней родственника ни подъ какимъ видомъ не соглашалась. Причины тому были слѣдующія:

Когда двѣ фамиліи поссорятся и поссорятся до кровавой драки, то менѣе слабая фамилія должна была во избѣжаніе встрѣчь стронть себѣ новую церковь. Въ случаѣ, если двѣ фамилій соглашались стронть вмѣстѣ одну церковь, то при этомъ часто случалось, что онѣ не могли сойтись относительно того, въ честь котораго святаго строить церковь. Одни хотѣли дать церкви имя Георгія, другіе св. Николая и пр., и дѣло кончалось тѣмъ, что строили двѣ разныя церкви.

Фамилія, которая имѣетъ священника отъ своей крови, гордится этимъ и всегда бываетъ первою между другими въ селѣ или общинѣ; поэтому та, въ которой нѣтъ свя-

щенника, всѣми силами старается на свой счетъ воспитать молодаго человѣка и посвятить во священника и если она этого достигаетъ, а въ селѣ только одна церковь, то бываетъ вынуждена строить новую церковь, въ которой могъ-бы молодой священникъ совершать службу, ибо въ старой нѣтъ мѣста для обовхъ.

Священники въ Герцеговинѣ менѣе уважаются народомъ чѣмъ монахи. Хотя священникамъ и даютъ „бир“ (сборъ) но все-таки любятъ больше быть въ приходѣ монастырскомъ, чѣмъ въ священническомъ, и молитва монаховъ пріятнѣе народу, чѣмъ священническая, если она совершается надъ какимъ-нибудь больнымъ. Это потому, говорить народъ, что монахи не женятся и не грѣшаютъ, какъ остальные люди, и все, что они наживаютъ, не даютъ женамъ и дѣтямъ, какъ священники, а даютъ монастырямъ, а монастырь—это мать бѣдныхъ и слава народа. Вслѣдствіе этого молитва монаховъ должна быть пріятнѣе для Бога.

Такъ какъ всѣ попы женаты и большая часть изъ нихъ имѣютъ по нѣскольку дѣтей, то нерѣдко случается, что семью печѣмъ кормить и священники принужды бываютъ пахать землю, возить дрова и вообще работать, какъ простые поселяне. Есть много священниковъ, въ приходѣ которыхъ по 150 домовъ; но есть и такіе, которые имѣютъ приходъ менѣе 50 домовъ. Эта разница происходитъ отъ того, что въ одномъ селѣ умираетъ священникъ и куда это село или округъ пріобрѣтеть новаго священника, другой священникъ завѣдуетъ двумя-тремя приходами; но если они велики, такъ что одинъ священникъ не успѣваетъ, то службу совершаетъ монахъ. Народъ всегда выбираетъ себѣ временнаго священника безъ разрѣшенія на то митрополита. Каждый новопосвященный священникъ платитъ народу передъ церковью выпивку (вино или водку) и каждый, когда возьметъ рюмку, произноситъ здравицу: здорово братья! дай Богъ, чтобы нашъ новый священникъ былъ счастливъ и долговѣченъ. Этотъ обычай можно назвать чисто народнымъ.

Часто случается, что какая-нибудь фамилія поссорится съ своимъ священникомъ; въ такомъ случаѣ отказываютъ священнику и приглашаютъ другаго ближайшаго, чтобы онъ служилъ у нихъ до тѣхъ поръ, пока они не помиряются съ прежнимъ своимъ священникомъ. Эта ссора длится обыкновенно до пріѣзда Владыки, который пріѣхавши миритъ поссорившихся.

Въ случаѣ болѣзни священника какого-нибудь прихода или его отлучки на долгое время необходимыя требы въ это время исполняетъ священникъ другаго ближайшаго прихода, разумѣется по просьбѣ отлучившагося или заболѣвшаго священника. При этомъ ни тотъ ни другой священникъ не испрашиваютъ разрѣшенія ни у митрополита, ни у народа.

Въ Герцеговинѣ ни въ монастырскихъ, ни въ сельскихъ церквахъ не выносятъ иностраннымъ путешественникамъ тарелку и не собираютъ такъ-называемую „Лемозину“ (милостыню); но въ городахъ выносятъ три тарелки: первая для церкви, вторая для школы, а третья для нищихъ.

Восковыя свѣчи и деревянное масло приносятъ въ церковь тотъ, для котораго служится литургія. Деньги, которыя оставляютъ прикладывающіеся къ иконѣ въ Рождество и Пасху, употребляются на другія церковныя потребности, напримѣръ на перемѣну занавѣсы на царскихъ вратахъ, на просвиры и т. п. Многіе, умирая, завѣщаютъ деньги на вышеозначенныя вещи, а многіе жертвуютъ деньги для того еще при жизни.

Священникъ долженъ помнить, когда какой праздникъ, и всегда долженъ отвѣтить, если его спросятъ, не только въ какой день праздникъ, но и можно ли въ этотъ день работать. Народъ не работаетъ не только въ праздники, закономъ опредѣленные, но и во дни памяти святаго, котораго онъ издавна чтитъ. Такимъ образомъ, кромѣ законныхъ праздниковъ празднуется еще 80 праздниковъ.

Нигдѣ въ Герцеговинѣ ни священники, ни монахи не

ведутъ книгъ о числѣ родившихся, умершихъ и о числѣ браковъ и не дѣлается оглашенія о вступающихъ въ бракъ. Этого не требуетъ ни свѣтское начальство, которое никогда не считаетъ женщинъ, но только мужчинъ, платящихъ подати, ни духовное: священники и владыки водятъ счетъ только домовъ, съ которыхъ берутъ годичный „бирь“.

Священники бесплатно читаютъ молитвы надъ больными своего прихода, а если бы у попа или монаха не было времени придти, то посылаютъ ему: муцина кіотку, а женщина платокъ, надъ которыми онъ и читаетъ молитву. Врачей у герцеговинцевъ мало и къ нимъ не обращаются за помощью, предпочитая молитвы священниковъ.

Священники читаютъ молитвы надъ укушенными бѣшеною собакой. При этомъ они дѣлаютъ надпись на кускѣ хлѣба и даютъ его больному, который долженъ утромъ съѣсть этотъ кусокъ. Надпись эта состоитъ изъ слѣдующихъ буквъ:

ш а т о р
а р е н о
т е н е т
о н е р а
р о т а ш

Со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ которой ни прочтешь, выходитъ одно и тоже слово. Я вездѣ спрашивалъ, какъ простыхъ людей, такъ и священниковъ и монаховъ знаютъ ли они смыслъ этихъ словъ? Никто не могъ мнѣ объяснить смысла; одни говорили, что это старо-греческія слова, другіе—что это Соломонова тайна. Но я думаю, что это просто чья-нибудь потѣшная выдумка.

СЛОВО ВЪ 13 ДЕНЬ АПРѢЛЯ ПО ПРОЧТЕНІИ ВЫСОЧАЙШАГО МАНИФЕСТА О ВОЙНѢ СЪ ТУРКАМИ.

Итакъ наступила наконецъ давно ожидаемая всѣми развязка запутаннаго международнаго дѣла. Предоставляется мечу рѣшить это дѣло послѣ оказавшихся безплодными усилій рѣшить его путемъ мирныхъ переговоровъ. Вы слышали о томъ твердое царское слово. Вы собрались въ необычномъ многочислѣ, какъ собираются только въ великіе праздники,—чтобы услышать это слово. Многіе изъ васъ выслушали его со слезами. Что доказываютъ эти слезы, это напряженное, благоговѣйное вниманіе, съ какимъ выслушано оно? Это доказываетъ, что слово Царя глубоко отозвалось въ сердцахъ нашихъ, что одушевляющее Царя нашего сочувствіе къ забалканскимъ христіанамъ—братіямъ нашимъ по крови и вѣрѣ—всѣ мы разделяемъ всѣмъ сердцемъ и душою, что святымъ усиліямъ Царя къ облегченію ихъ тяжелой участи подъ игомъ невѣрныхъ мы готовы споспѣшествовать всѣми зависящими отъ насъ средствами. Какими же именно?

Нѣтъ сомнѣнія, что Царь нашъ располагаетъ огромными военными средствами для одолженія супостатовъ. Но дѣло не въ однихъ этихъ средствахъ, а паче всего въ благословеніи Божіемъ. Безъ помощи и благословенія Божія не спасутъ отъ пораженія ни многочисленность воиновъ, ни отличное вооруженіе ихъ, ни мужество и храбрость ихъ, ни отчетливое знаніе ими ратнаго дѣла, ни искусство и опытность военачальниковъ. Во власти Господа весьма много средствъ обезсилить человѣческое могущество: голодъ, моровая язва, необычайный зной или

стужа, непрерывное ненастье и тому подобныя препятствія, неотвратимыя человѣческими силами. Но при помощи и благословеніи Божіемъ можно одерживать побѣды надъ врагами съ незначительными военными средствами. „Иные колесницами, иные конями, а мы именемъ Господа Бога нашего хвалимся. Они шатаются и упадаютъ, а мы стоимъ и не колеблемся“ (Псал. 19, 8. 9): такъ говорятъ ополчающіеся на враговъ подъ сѣвнью благословенія Божія. Какъ же привлекается благословеніе Божіе во время брани? Прежде и паче всего упованіемъ на Господа. „Господь защититель живота моего,—говорить уповающій на Господа,—отъ кого утрашуся? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое. Аще встанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю“ (Псал. 26, 1. 3). Упованіе же на Господа выражается ближайшимъ образомъ въ молитвѣ. О силѣ молитвы въ этомъ случаѣ можно судить по слѣдующему событію. На пути въ обѣтованную землю произошло сраженіе между Израильтянами и напавшими на нихъ Амаликитянами. Моисей, вождь избраннаго народа, не принималъ личнаго участія въ сраженіи: онъ только молился съ воздѣтыми къ небу руками. И что же? Побѣда зависѣла не отъ оружія, а отъ молитвы Моисея. Опускались руки у Моисея вельдствіе утомленія,—одолѣвали враги. Снова поднимались руки,—одолѣвали Израильтяне, пока наконецъ не панесли имъ рѣшительнаго пораженія. Подобно Моисею и мы находящіеся вдали отъ мѣста войны должны споспѣшествовать подвигамъ нашихъ братій-воиновъ подвигами молитвы церковной и домашней. Не только въ церковь мы должны чаще ходить для участія въ возносимыхъ здѣсь моленіяхъ объ успѣшномъ окончаніи начавшейся войны, но и дома молиться о томъ же. Молитва: „Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному императору нашему на сопротивныя даруя“, должна быть у насъ въ настоящее время постоянно на устахъ и въ сердцахъ и соединяться со всѣми другими молитвами.

Такъ приступасмъ ли мы къ чтенію утреннихъ молитвъ, воставши отъ ночнаго сна,—вспомнимъ нашихъ воинновъ, съ утра до поздней ночи подвизающихся на ратномъ полѣ, и помолимся, да укрѣпитъ ихъ Господь въ перенесеніи тягостей военнаго времени и да благословитъ успѣхомъ ихъ подвиги. Отходимъ ли къ сну съ молитвою на сонъ грядущимъ, вспомнимъ опять нашихъ воинновъ, можетъ быть всю ночь напролетъ проводящихъ въ бодрствованіи для избѣжанія внезапныхъ нападеній врага и своимъ бдѣніемъ охраняющихъ нашъ покой,—и помолимся объ охраненіи ихъ отъ всякой пагубы, *во тмѣ преходящія*. Садимся ли за столъ, вспомнимъ о всяческихъ лишеніяхъ и опасностяхъ, неизбѣжныхъ на войнѣ, и помолимся, да поможетъ Господь нашимъ ратоборцамъ переносить ихъ благодушно и да избавляетъ ихъ отъ нихъ. Занимаемся ли дѣлами по должности, по хозяйству, по торговлѣ и т. п., не забудемъ, что мирное или вемирное теченіе этихъ занятій не можетъ не зависѣть отъ благопріятнаго или неблагопріятнаго хода брани, — и будемъ молится о благопріятномъ исходѣ ея. Читаемъ ли летучія извѣстія о ходѣ войны,—за благопріятныя будемъ благодарить Господа, благословляющаго наше оружіе; въ случаѣ неблагопріятныхъ, усилимъ наше моленіе о томъ, да не до конца гнѣвается на насъ Господь и печаль нашу да посиѣшитъ обратить въ радость новыми опытами помощи Своей нашему оружію. Мы должны умолять Господа не только о побѣдѣ надъ врагами, но вмѣстѣ о томъ, да сопровождается она благотворными для насъ послѣдствіями,—ибо и побѣды могутъ оказаться безплодными, если не отъ насъ одинъхъ будетъ зависѣть предписать условія мира побѣжденному врагу, если въ обсеужденіи этихъ условій примуть участіе наши тайные и явные недоброжелатели, теперь покуда только зрители событій, ничѣмъ не жертвующіе, а по окончаніи войны готовые отнять у насъ или умалить плоды нашихъ побѣдъ. Дай Господи, чтобы нашими побѣдами, если Господь благословитъ насъ

ими, былъ достигнуть прочный и почетный для насъ миръ, чтобы имъ обезпечено было благосостояніе нашихъ братій по вѣрѣ и крови, для защиты которыхъ отъ безчеловѣчныхъ ихъ поработителей предпринята война, чтобы кровь русская не даромъ была пролита за нихъ, и чтобы не нужно было впоследствии снова обнажать за нихъ мечъ.

Намъ неизвѣстно, каковъ будетъ исходъ предпринятой войны,—судьба ея во власти Божіей. Мы видимъ, что враги наши успѣли достаточно приготовиться къ борьбѣ съ нами и располагаютъ не меньше, чѣмъ у насъ, огромными средствами нападенія и защиты, а въ прошлогоднихъ битвахъ съ Славянами пріобрѣли не малую опытность въ ратномъ дѣлѣ. Само собою разумѣется, что имѣя дѣло съ такими врагами, мы не имѣемъ права смотрѣть на нихъ съ высокоуміемъ и презрѣніемъ. Высокоуміе и презрѣніе было бы непростительно и въ отношеніи къ безсильнымъ, тѣмъ паче въ отношеніи къ сильнымъ. Не слѣдуетъ забывать правила: не хвались идучи на брань хвались идучи съ брани. Но и въ послѣднемъ случаѣ позволительно хвалиться развѣ милостію Божіею. Въ истекшемъ году много принесено было русскимъ народомъ жертвъ въ пользу Славянъ, — жертвовали для нихъ не только деньгами и вещами, но и жизнію. Къ сожалѣнію, къ чистому народному движенію примѣшалась и нѣчто печистое, — самохвальство *). Не оно ли было одною изъ причинъ малоуспѣшности усилій къ одолѣнію Турокъ? Не слѣдовало бы торжествовать побѣды, которыя ожидались еще впереди, не слѣдовало хвалиться своею непобѣдимостью и свысока смотрѣть на тѣхъ, которыхъ побѣдить оказалось не такъ легко, какъ думали. Не забудемъ этого урока по крайней мѣрѣ въ настоящее время, отложимъ самонадѣянность и самохвальство и съ смиренною преданностію волю Божіей будемъ ожидать,

*) Не разъ добровольцы, во время проводовъ, какіе для нихъ были устрояемы, кричали: мы шапками закидаемъ Турокъ.

что речеть о насъ Господь въ дальнѣйшемъ движеніи событій. Упованіе на Бога безъ смиренной преданности Его святой волѣ было бы въ этомъ случаѣ тоже, что само-надѣянность, и не можетъ быть оправдано даже признаніемъ святости и правоты нашего дѣла. Война предпринята дѣйствительно съ святою цѣлю и по святымъ побужденіямъ. Цѣль ея состоитъ въ облегченіи участи нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови, озобляемыхъ поработорителями въ своихъ священнѣйшихъ правахъ—на свободу вѣры и богослуженія, на собственность, на честь, на самую жизнь. Побужденія къ войнѣ—самыя безкорыстныя. Не по корыстолюбію, не по честолюбію, не по страсти къ завоеваніямъ, въ которыхъ не нуждается Россія, а единственно по христіанской любви къ единовѣрнымъ и единокровнымъ братьямъ, Русскій Царь взялся за оружіе,—той любви, о которой Христосъ Спаситель сказалъ: „больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя“. Предпринятая война—дѣло святое и потому, что предпринята по истощеніи всѣхъ мирныхъ средствъ къ установленію добрыхъ отношеній между невѣрными властителями и ихъ христіанскими подданными. Надобно было показать много христіанскаго терпѣнія и самоотверженія, чтобы употребить всѣ возможныя усилія достигнуть этой цѣли не прибѣгая къ войнѣ. Война явилась какъ послѣднее, крайнее средство къ достиженію ея. Такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ настоящая война—дѣло святое и правое, а правому дѣлу Богъ помощникъ. На Его всемогущую помощь мы и возлагаемъ наше упованіе, но упованіе наше должно быть смиренное, должно быть соединено съ готовностію принять отъ руки Господа всякаго рода невзгоду. Мы не должны думать, что Господь *обязанъ непременно* вступиться въ наше дѣло ради того только, что оно—правое и святое. Судьбы Его неизслѣдимы. Иногда допускается торжество дѣла неправого, потому что не наступило еще время для торжества дѣла праваго, что люди еще не готовы воспользоваться

этимъ торжествомъ. Такъ по человѣческимъ соображеніямъ восточный вопросъ созрѣлъ: ни восточнымъ христіанамъ нельзя, повидимому, долѣ выносить позорнаго ига, которое они больше четырехсотъ лѣтъ несутъ, ни намъ Русскимъ нельзя долѣ видѣть ихъ подъ этимъ игомъ. Но человѣческія соображенія часто оказываются близорукими. „Не суть совѣти мои, якоже совѣти ваши, ниже якоже путіе ваши, путіе мои, глаголетъ Господь“ (Исаи 58, 8). Можетъ быть племена, которыя ждуть отъ насъ избавленія отъ турецкаго мучительства, еще недостаточно созрѣли къ тому, чтобы выработался среди ихъ новый порядокъ вещей; можетъ быть еще не исполнилась мѣра грѣховъ *аммореевъ*, ихъ поработителей; можетъ быть и мы сами, пламенно желающіе добра нашимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, не таковы въ очахъ Господа, какими должны быть исполнители Его судовъ надъ царствами и народами. Исторія исконныхъ нашихъ отношеній къ восточнымъ христіанамъ, наша кровная и преимущественно религіозная связь съ ними внушаетъ, что повидимому никому, какъ только намъ суждено быть освободителями ихъ, что мы, а не иной какой народъ, призваны къ тому. Это пожалуй справедливо, но стоимъ ли мы въ уровень съ этимъ призваніемъ? Не слѣдуетъ ли признаться, что дѣло, за которое мы готовы на всѣ жертвы, дѣйствительно достойно того, сами же мы недостойны быть орудіями промысленія Божія о единовѣрныхъ намъ братіяхъ,—что мы больше годимся быть въ рукахъ Господа бичемъ Турокъ, чѣмъ споспѣшествовать внутреннему, духовному пресцѣпленію тѣхъ, которыхъ суждено будетъ намъ избавить отъ вѣшняго гнета,—что мы можемъ быть полезны для нихъ больше въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ въ нравственномъ,—что въ послѣднемъ отношеніи мы сами крайне нищи и слѣдственно не можемъ дать другимъ того, чего сами не имѣемъ? Такъ, мы объявляемъ, что идемъ на защиту Вѣры, подвергающейся всякаго рода оскорбленіямъ и поруганіямъ отъ читателей лжепророка.

Но сами мы вполнѣ ли цѣнимъ сокровище православной Вѣры? Дорожимъ ли имъ паче всего на свѣтѣ? Не относимся ли къ нашей Вѣрѣ и Церкви съ равнодушіемъ? Не страдаютъ ли многіе изъ насъ недугомъ невѣрія, суевѣрія, невѣжества относительно ученія Вѣры? Устраиваемъ ли нашу жизнь по Вѣрѣ? Не слѣдуемъ ли въ угоду духу міра правиламъ и привычкамъ, осуждаемымъ ученіемъ и постановленіями церковными? Противодѣйствуемъ ли распространяемымъ повсюду возрѣніямъ, враждебнымъ христіанской истинѣ и не увлекаемся ли ими сами?—Далѣе: насъ возмущаютъ вопіющія несправедливости Турокъ противъ христіанъ,—мы приходимъ въ негодованіе, зная, что подъ турецкимъ владычествомъ не обезпечены ни собственность, ни честь, ни жизнь христіанъ. Но эти несправедливости допускаются у Турокъ потому, что ихъ учить этому ихъ вѣра. По ученію ихъ вѣры всѣ не мусульмане тоже, что псы нечистые, а со псомъ никто не церемонится, пса и убить не грѣхъ. Христіанство внушаетъ высокія понятія о достоинствѣ человека, какъ существа, по природѣ богоподобнаго, научаетъ смотрѣть на ближнихъ нашихъ, кто бы они ни были, съ уваженіемъ, и любить ихъ какъ самихъ себя. И однако жъ какъ много между нами такихъ, которые вопреки этому ученію въ своихъ отношеніяхъ къ ближнему руководствуются однимъ самолюбіемъ и приносятъ ему въ жертву честь, собственность, иногда жизнь ближняго, которые обогащаются всякими неправдами и грѣхами, которые не почитаютъ губить своимъ распутствомъ женъ и дѣвицъ!—Всѣ эти, несогласныя съ вѣрою и нравственностію явленія въ нашемъ обществѣ не располагаютъ ли насъ смиренно признаться, что если и суждено намъ Господомъ сокрушить ярмо, тяготѣющее на нашихъ восточныхъ единовѣрахъ, мы сами по себѣ недостойны этой чести, что къ намъ самимъ, хотя мы беремся врачевать чужія язвы, можетъ быть обращено слово: *врачу, исцѣлься самъ*. Итакъ, приступая къ священной брани въ защиту нашихъ братій по вѣрѣ и крови, мы должны ис-

повѣдать предъ Господомъ: мы недостойны, Господи, быть орудіями твоего суда надъ исконными врагами христіанства; но не ради насъ, а ради дѣла праваго и святаго, сподоби насъ совершить это дѣло къ славѣ Твоего имени. Мы не хуже Ассиріявъ, чрезъ которыхъ Ты нѣкогда наказалъ Израильтянъ. Подобно певѣрнымъ Ассиріянамъ и мы готовы послужить Тебѣ, если Тебѣ угодно чрезъ насъ покарать враговъ Христова имени. Располагай нами, какъ твоими бичами (Исаи 10, 5), для наказанія и сокрушенія ихъ.

Война есть великое общественное бѣдствіе. О тяжести этого бѣдствія можно судить по отзыву о немъ Давида. Давидъ провинился предъ Господомъ Богомъ, вопреки Его волѣ приказавъ произвести перечисленіе своего народа. И Богъ чрезъ пророка Наана предложилъ ему на выборъ три наказанія: или три года неурожая, или три мѣсяца несчастной войны, или три дня моровой язвы. Давидъ изъ трехъ наказаній выбралъ послѣднее, примолвивъ: лучше впасть въ руки Божіи, чѣмъ въ человѣческія. Дѣйствительно, война, какъ дѣло рукъ человѣческихъ, гораздо страшнѣе голода и мора. Подобно голоду и мору, война опустошаетъ страну, отнимаетъ у семействъ и государства полезныхъ членовъ, сопровождается горемъ сиротства и вдовства; но кромѣ этого война приноситъ другія, болѣе тяжкія бѣдствія—увѣчья, мучительныя раны и мучительную смерть, плѣнь, который у дикихъ народовъ, какъ Турки, соединяется съ безчеловѣчными истязаніями плѣнниковъ, и т. п. — Всякое общественное бѣдствіе располагаетъ къ покаянію съ цѣлю умилоствленія Господа Бога, отъ власти котораго зависятъ судьбы лицъ, царствъ и народовъ. Въ духѣ покаянія должно проводить и время войны, какъ время тяжкаго общественнаго бѣдствія. Оно можетъ кончиться съ честію и славою для насъ, можетъ кончиться и не въ пользу нашу,—во всякомъ случаѣ самое продолженіе этого бѣдствія не можетъ не сопровождаться неизбѣжною потерєю людьми и потрясеніемъ общественнаго благосостоянія. Не можемъ не думать, что это

пускается промыслѣмъ Божиимъ для нашего вразуменія, для нашего пробужденія отъ сна грѣховной безопасности, и слѣдственно должно быть принимаемо нами отъ руки Господней съ сознаниемъ нашей виновности и съ покаяніемъ. Для покаянія всегда время, тѣмъ паче время войны. Было бы ни съ чѣмъ несообразно кружиться въ вихрѣ житейской суеты, тѣшить себя всякаго рода свѣтскими развлеченіями, скакать и плясать, предаваться чревоугодію и пьянству, когда наши христіанскіе воины терпятъ всякаго рода лишенія, проводятъ бессонныя ночи, идутъ на смерть или на опасность мучительнаго плѣна въ рукахъ изувѣрныхъ враговъ. Всему этому они подвергаются за насъ, отстаивая нашу честь, удовлетворяя общему желанію избавить отъ неволи нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови. Не будемъ увеличивать тяжести лишеній и страданій подвижниковъ брани нашимъ грѣховнымъ безчувствіемъ, нашею разсѣянностію, нашимъ непониманіемъ путей промысла Божія, ведущаго насъ къ покаянію и духовному отрезвленію. Чѣмъ Ниневитяне спаслись отъ гнѣва Божія, какимъ угрожалъ имъ пророкъ? Не одною молитвою, но и подвигами покаянія. Подобными подвигами и мы можемъ надѣяться отвести отъ себя гнѣвъ Божій, предотвратить неудачный исходъ брани.

Итакъ, хотя мы находимся вдали отъ мѣста брани, мы можемъ споспѣшествовать успѣхамъ ея паче всего молитвою о благословеніи Божиемъ, соединенною съ смиренною преданностію волѣ Божіей и съ покаяніемъ. Само собою разумѣется, что потребуются и вещественныя жертвы на нужды военнаго времени, также на помощь лицамъ и семействамъ, имѣющимъ остаться послѣ убитыхъ воиновъ. Въ этихъ жертвахъ, безъ сомнѣнія, никто изъ насъ не откажетъ. Если мы въ прошедшемъ году щедры были на пожертвованія въ пользу Славянъ, то не гораздо ли щедрѣе должны быть въ пользу болѣе близкихъ къ намъ, русскихъ воиновъ?—Нѣтъ сомнѣнія, что никто изъ насъ не будетъ расчетливъ для нихъ, ибо какъ бы ни были

велики наши вещественныя жертвы, все-же онѣ ничтожны въ сравненіи съ жертвою жизни, которую они приносятъ, исполняя заповѣдь Спасителя о любви, полагающей душу за други своя.

Прот. В. Нечаевъ.

РЕЗОЛЮЦІИ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

1. 1848, окт. 20. „Если одновотчинныхъ жениховъ и невѣстъ не вѣнчать за тѣмъ, что производится (*по смерти помѣщика*) дѣло о принадлежности вотчины, и дѣло безъ вѣнчанія браковъ продолжится семьдесятъ лѣтъ: то вся вотчина помретъ безъ потомства, и не о чемъ будетъ вести дѣло. Посему священнику сказать, чтобы судебного дѣла о вотчинѣ не поставлялъ препятствіемъ браку одновотчинныхъ. Сдать въ консисторію“.

2. 1848, окт. 25. „Изъявлять желаніе брака принадлежить жениху, а не его помѣщику. Посему мѣстный священникъ прежде всего имѣеть обратить вниманіе на то, имѣеть ли наименованный женихъ благое произволеніе взять наименованную невѣсту. Если это такъ и если по обыску другаго препятствія не окажется: то можетъ священникъ приступить къ совершенію сего брака, и о послѣдующемъ донести съ приложеніемъ сего“.

3. 1849, мая 10. „Какъ Ежиковъ (*купеческій сынъ*) проситъ остановить бракъ до разсмотрѣнія дѣла высшимъ начальствомъ, но не объясняетъ, начато ли дѣло, и въ какомъ вѣдомствѣ, почему ни священникъ, ни консисторія не могутъ знать, когда и чѣмъ кончится разсмотрѣніе: то консисторіи 1) потребовать отъ просителя дополнительнаго свѣдѣнія. 2) Воскресенскому, что въ Кадашахъ, священнику предписать о сдѣланіи Денежкову увѣщанія, чтобы сей, если далъ обѣщаніе невѣстѣ (*сестрѣ Ежикова*), то не нарушалъ онаго (*соглашеніемъ съ другою*) и о послѣдующемъ требовать донесенія“.

4. 1849, мая 25. „Какъ проситель (*отецъ жениховъ*) не изъясняетъ, какія крайнія нужды заставляютъ его уско-

рить бракъ (*недоставало трехъ дней до совершеннолѣтія жениха*); и какъ законъ должно исполнять по возможности съ точностію: то на прошеніе сіе разрѣшенія дать не можно».

5. 1849. Сент. 7. „Священникъ говоритъ, что невѣста жила въ домѣ больницы (*глазной*), и была у него на исповѣди, но доказательства на сіе не представляетъ и на исповѣдную вѣдомость не ссылается. Слѣдственно остается недоказаннымъ то, чтобы бракъ былъ совершенъ по принадлежности, а не чужеприходный. Попущеніе же браковъ чужеприходныхъ ведетъ къ важнымъ безпорядкамъ. Посему рѣшеніе консисторіи (*объ оставленіи безъ взысканія священника при глазной больницѣ*) не удовлетворительно. Пересмотрѣть дѣло, обративъ вниманіе на указанное обстоятельство».

6. 1849, окт. 4. „На вопросъ: кто писалъ прошеніе, просительница (*крестьянка*) отвѣчала: Николай Васильевичъ. Почеркъ показываетъ, что писалъ не секретарь (*владыкинъ*), а одинъ изъ приказныхъ. Просьба не правильна по сочиненію, такъ какъ 1) прошеніе писано не по пунктамъ; 2) противусмысленно: въ одномъ мѣстѣ говорится о просительницѣ въ третьемъ лицѣ (*она желаетъ вступить во второй бракъ*); 3) не показано, кто сочинялъ и переписывалъ. Посему учинить слѣдующее: 1) прошеніе, какъ неправильное, оставить безъ дѣйствія. 2) Писца, который написалъ оное, заставить написать правильное, и гербовый листъ купить на его счетъ, ибо онъ испортилъ листъ неправильнымъ прошеніемъ. 3) Секретарямъ (*консисторскимъ*) смотрѣть, чтобы канцелярскіе служители не дѣлали затрудненія просителямъ писаніемъ неправильныхъ прошеній. 4) Когда написано будетъ правильное прошеніе, войти по оному въ законное разсмотрѣніе“.

7. 1849, нояб. 1. „Если извѣтъ дѣвки только словесный и бездоказательный, и нѣтъ дѣла о ея извѣтѣ: то консисторіи предписать священнику, чтобы за симъ извѣтомъ (*на жениха*) не останавливалъ брака, если нѣтъ другихъ препятствій“.

8. Крестьянинъ просилъ о повѣнчаніи сына его, объясняя, что у сына былъ восприемникомъ двоюродный племянникъ его (отца), Алексѣй Антоніевъ, а у невѣсты восприемницею была Антоніева жена. Резолюція 2 мая, 1849: «Кормчей книги въ главѣ 50 сказано: прощено есть хотящему пояти въ жену кмотра (*кума*) своего жену“. Изъ се-

го видно, что духовное родство одного изъ супругов на другое лице не переходитъ. Посему разрѣшить бракъ, о которомъ идетъ дѣло“.

9. 1849, дек. 31. „Консисторіи разсмотрѣть, и если сомнѣнія не окажется, разрѣшить, принявъ въ соображеніе, что невѣста, какъ говоритъ священникъ, живетъ въ его приходѣ болѣе требуемаго закономъ времени, что проситель (*католикъ*) состоитъ въ службѣ, имѣетъ достаточныя для независимой рѣшимости на бракъ лѣта, и сомнѣніе о согласіи отца происходитъ отъ опасенія его несогласія на воспитаніе дѣтей въ православіи. Въ семъ случаѣ законъ желаетъ того, чего не принадлежащій къ православію не желаетъ“.

10. 1848, янв. 2. „1) Прошеніе (*дворянина*) къ дѣлопроизводству неспособно, какъ писанное на простой бумагѣ. Но во вниманіи къ потребности духовнаго назиданія, поручить духовному отцу просителя убѣждать его, чтобы онъ по долгу сыновнему, и для будущаго своего блага, старался испросить благословеніе родителя на свой бракъ. 2) Духовному отцу отца просителя также поручить располагать его, чтобы безъ важныхъ причинъ не лишалъ сына благословенія на бракъ, и употребилъ родительское попеченіе для доставленія своему потомству благословенія и благополучія“.

11. 1848 Іюля 24. „Какъ священникъ показалъ, что къ вѣнчанію брака не приступилъ по неимѣнію согласія родителей, и слѣдственно долгъ свой исполнилъ, то не требуется болѣе, какъ для предосторожности подтвердить ему, чтобы онъ и впредь въ точности держался законнаго порядка. 2) Что касается до показанія въ прошеніи (*матери жемчужной о недозволени вѣнчатъ его съ мѣщанкою зазорнаго поведенія*), что священникъ благопріятствуетъ сему браку,—поелику онъ сего не признаетъ, а въ прошеніи доказательства на сіе не представлено, то въ семъ отношеніи оставить священника безъ преслѣдованія. 3) За симъ дѣло почитать оконченнымъ, что и можно объявить просительницѣ по ея желанію чрезъ благочиннаго“.

Сообщилъ А. Г—рій.

ПОРЯДОКЪ ОБЩЕСТВЕННОГО И ЧАСТНАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССИИ ДО XVI ВѢКА:

Мы разсмотрѣли особенности совершенія литургій Златоуста и Василия Великаго въ XIV вѣкѣ *). Изъ всего сказаннаго нами относительно этого мы можемъ сдѣлать тотъ общій выводъ, что литургіи эти, по ихъ древнимъ редакціямъ, въ періодъ замѣны ихъ новою редакціей литургіи Златоуста, принадлежащею патріарху Филоею, были въ ихъ общихъ чертахъ болѣе кратки, чѣмъ списки этихъ литургій въ настоящее время, и значительно отличны отъ этихъ послѣднихъ. Изъ подробнаго разсмотрѣнія особенностей литургій Іоанна Златоустаго и Василия Великаго, по ихъ древнимъ редакціямъ, мы ясно можемъ видѣть, что въ этихъ литургіяхъ сравнительно съ порядкомъ ихъ въ настоящее время совершенно недоставало: молитвъ при облаченіи въ священныя одежды діакона и священника, молитвъ предъ самымъ началомъ литургіи, исключая молитвы: „Царю небесный“, которую положено было читать, возгласа: „Господи, спаси благочестивыя“, молитвы предъ Евангеліемъ: „Возсіай въ сердцахъ нашихъ“, троекратнаго чтенія священникомъ Херувимской пѣсни во время пѣнія ея на клиросѣ, и поминовенія князя, епископа и присутствующихъ, во время великаго входа; не было также: чтенія тропарей по поставленіи даровъ на престоль послѣ великаго входа: „Благообразный Іосифъ“, „Во гробѣ плотски“ и „Яко живоносецъ“ и также словъ псалма: „Ублажи, Господи“, возгласенія священника: „Возлюблю тя, Господи, крѣпосте моя“, слѣдующаго непосредственно за возгласомъ: „Возлюбимъ другъ друга“; молитвы: „Господи, иже пресвятаго твоего Духа“, и стиховъ пятидесятаго псалма, читаемыхъ при ней, а также поминовенія священникомъ діакона послѣ благословенія даровъ, чтенія при опущеніи св. даровъ въ чашу пѣней: „Воскресеніе

*) См. майскую книжку.

Христово видѣвше“, „Свѣтися, свѣтися, повый Іерусалиме“ и „О пасха велія и священнѣйшая, Христе“, возгласа: „Спаси, Боже, люди твоя“; и, наконецъ, не было молитвъ, читаемыхъ въ настоящее время при разоблаченіи священнослужащихъ. Изъ этого перечня частей, недостающихъ въ литургіяхъ Златоуста и Василия Великаго, по ихъ древнимъ редакціямъ, сравнительно съ нынѣшнимъ порядкомъ литургій тѣхъже святыхъ отцовъ, мы можемъ видѣть, что главное различіе между тѣми и другими заключается въ тѣхъ частяхъ ихъ, которыя совершаются священнослужащими тайно и вслѣдствіе этого мало чувствуютъ на себѣ стѣснительное вліяніе давняго общаго обычая. Часть литургіи, совершающаяся изъ вѣка въ вѣкъ вслухъ всего народа, твердо запоминается молящимися и привычка народа слышать одно и то же не позволяетъ сдѣлать какія бы то ни было измѣненія въ этой части; но за этой вслухъ всего народа совершающейся частью литургіи стоитъ еще часть, совершаемая тайно одними священнослужащими, на которую не простирается стѣснительный надзоръ народа и которая поэтому болѣе способна подвергаться измѣненіямъ. Эти общія положенія, подтверждаясь нагляднымъ образомъ старою редакціей литургіи, подтверждаются также и редакціею ея, принадлежащею патр. Филоою. Патриархъ этотъ, можно сказать, не измѣнилъ ни одной іоты въ части литургіи Златоуста, совершающейся вслухъ всего народа; но всѣ измѣненія, сдѣланныя имъ, касались части литургіи, совершаемой священнослужащими тайно; именно онъ, отмѣнивъ почти всѣ особенности совершенія литургіи Златоуста, а вмѣстѣ съ нею, конечно, и литургіи Василия Великаго по ихъ древней редакціи, восполнилъ нѣкоторые пробѣлы и въ общемъ значительно приблизилъ порядокъ совершенія литургіи Златоуста къ порядку совершенія ея въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что порядокъ литургіи Златоуста по редакціи патр. Филоою ближе къ современному намъ, онъ все-таки представляетъ слѣдующія разности сравнительно съ этимъ послѣднимъ:

Изъ входныхъ молитвъ предъ литургіею, по редакціи патр. Филоою, положено читать только одну молитву: „Господи, низпосли руку твою съ высоты святаго жилища твоего“¹⁾.

¹⁾ Служеб. ркп. М. С. библ. № 344, 1 (Опис. III, I, 13).

При облаченіи, возлагая на себя епитрахиль, священникъ говоритъ: „Емше Іисуса и связавше и ведоша къ Понтійскому Пилату игемону“ ¹⁾. Основаніемъ для произнесенія этихъ словъ при возложеніи священникомъ на себя епитрахили могло служить и дѣйствительно служило то, что епитрахиль считалась въ то время не символомъ благодати, даваемой новоосвящаемому во священника, а имѣла значеніе „воображенія муки Господа“ и въ частности вервий, которыми былъ связанъ Христосъ, когда Его вели къ Іудейскимъ первосвященникамъ и затѣмъ къ Пилату. Это вполне подтверждается словами, которыя на Кристоферратскому списку положено произносить священнику при возложеніи на себя епитрахили. По этому списку священникъ въ этомъ случаѣ говоритъ: „и одеждою поруганія одѣли, вѣнецъ изъ тернія возложили на Тебя. Христе Боже, помилуй насъ“ ²⁾. Такой же точно взглядъ на значеніе епитрахили мы находимъ въ посланіи русскаго духовенства къ Углицкому князю Димитрію Юрьевичу Шемякъ. „А святые петрахили наши сквернишь неподобными своими рѣчми,— читаемъ мы въ этомъ посланіи,—а надѣмся, что и самъ знаешь, что суть тѣ петрахили, *воображеніе есть муки Господа нашего Іисуса Христа*, еже при счасенемъ его распятіи, и что ихъ ты сквернишь злыми рѣчми, не могутъ сквернитися никакоже, но токмо самъ душу свою губишь“ ³⁾. Весьма возможно предположить, что такой взглядъ на значеніе епитрахили послужилъ основаніемъ для тѣхъ словъ, которыя произносилъ священникъ при возложеніи ся.

Послѣ изытія агнца изъ просфоры замѣчено: „аще убо нетецла будетъ просфура, не обращаетъ святой агнецъ ниць, яко да не упуститъ воду отдолѣ лежа на святомъ блюдѣ, но такъ въ внака прободаетъ его и стоитъ тако даже до преноса великаго, и тогда внигда хотя подвигнути святая, подвижетъ мало покровъ и обращаетъ мало ниць и тако воздвижетъ на главу“ ⁴⁾.

О расположеніи частицъ, вынимаемыхъ изъ просфоръ, которыхъ всѣхъ пять, замѣчено только, что Богородичная полагается на лѣвой сторонѣ св. агнца, а въ честь святыхъ на тойже сторонѣ „отдолѣ“ ⁵⁾.

¹⁾ Служ. ркп. М. С. библ. № 344, 3 (Опис. III, 1, 13). ²⁾ Eucholog. Goar, p. 100. На епитрахиль, какъ символъ вервий, которыми былъ связанъ І. Христосъ, указываетъ патр. Германъ. (Пис. св. отц. и учит. I, 317). ³⁾ Акт. Историч. т. I стр. 79. ⁴⁾ Служеб. М. С. библ. № 344, 5. Опис. сл. ркп. М. С. библ. III, I. ⁵⁾ Ibidem.

Воскличаніе: „Господи, спаси благочестивія“ опущено; не упоминается также въ спискѣ съ служебника митр. Кипріана молитва предъ Евангеліемъ: „Возсіяй въ сердцахъ нашихъ, чловѣколюбче Владыко“; но въ другомъ служебникѣ, также содержащемъ въ себѣ чипъ литургіи Златоуста по редакціи патр. Филовея, предъ апостоломъ положено читать молитву: „Господи, Боже нашъ, преклони сердца наша въ послушаніе божественныхъ твоихъ повелѣній“, а предъ Евангеліемъ молитву: „Возсіяй въ сердцахъ нашихъ мысленное солнце правды твоя“¹⁾. Обѣихъ этихъ молитвъ въ извѣстныхъ намъ Греческихъ спискахъ литургіи Златоуста мы не находимъ.

При показаніи мѣста, гдѣ долженъ стоять священникъ, когда діаконъ выйдетъ на амвонъ для чтенія Евангелія, замѣчено: „аще ли же не будетъ мѣста за (трапезою) тѣсноты ради алтарныхъ, и онъ предъ святою трапезою“ (т.-е. пусть стоитъ²⁾).

Въ ектевіи сугубой послѣ моленія объ архіепископѣ слѣдуетъ прошеніе о княгинѣ и дѣтяхъ князя³⁾.

Двѣ ектеніи о вѣрныхъ раздѣлены такъ, что первая содержитъ въ себѣ три первыя прошенія великой ектеніи, а вторая три въ концѣ находящіяся послѣ прошенія за царей⁴⁾.

При перенесеніи св. даровъ воздухъ полагается на правое плечо діакона, а не на лѣвое. Во время перенесенія священникъ говоритъ только: „да помянетъ Господь всѣхъ васъ въ царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно“.., а именно никого не поминаетъ. По перенесеніи святыхъ даровъ „спустивъ ерей фелонъ свой и руцѣ свои приложивъ крестообразно къ персемъ, главу преклонъ предъ святою трапезою, глаголетъ: благословите святіи; и діаконъ же, главу преклонъ къ ерѣви, глаголетъ: Духъ Святыи найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя“⁵⁾.

При возгласѣ діакона „станемъ добръ“ священникъ, какъ предписывается и въ старой редакціи литургіи Златоуста, открываетъ святые дары съ произнесеніемъ словъ пѣсни: „святый Боже“⁶⁾.

При вложеніи частицъ въ потиръ по причащеніи свя-

¹⁾ Служеб. ркп. М. С. библ. № 344, 14 об. 16 и № 347, 19 об. и 20 об. (Опис. III, I, 14). ²⁾ Ibid. л. 16 об. Опис. ркп. М. С. библ. отд. III, ч. 1 стр. 14—15 и 29—30. ³⁾ Ibid. Служеб. № 347, 23. ⁴⁾ Ibid. Служеб. № 344, 19. ⁵⁾ Ibid. л. 23—24. ⁶⁾ Ibid. л. 26. {

щевнослужащихъ не положено читать пѣсней, читаемыхъ въ настоящее время ¹⁾).

На отпустѣ вмѣсто: „Слава тебѣ, Христе, Боже“ священникъ возглашаетъ: „молитвами пречистыя ти матери и всѣхъ святыхъ твоихъ, Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Аминь“ ²⁾).

На концѣ между тропарями не упоминается тропарь Іовнну Златоустому ³⁾).

Это перечисленіе особенностей порядка совершенія литургіи по редакціи патр. Филофея ясно показываетъ намъ, что главное отличіе его отъ порядка тойже службы въ настоящее время, кромѣ указанныхъ незначительныхъ разностей, заключается главнымъ образомъ въ отсутствіи молитвъ, читаемыхъ священникомъ предъ началомъ литургіи, въ отсутствіи молитвы предъ Евангеліемъ, въ краткости словъ, произносимыхъ священникомъ во время перенесенія даровъ съ жертвенника на престоль и въ совершенномъ отсутствіи тропарей, читаемыхъ въ настоящее время послѣ великаго входа, и стихиръ, читаемыхъ теперь при опущеніи частицъ въ чашу послѣ причащенія священнослужащихъ. Всѣ эти особенности совершенія литургіи Златоуста оп новой ея редакціи принадлежащей патр. Филофею, безъ всякаго сомнѣнія перешли и въ литургію Василия Великаго въ тѣ ея части, которыя общи у ней съ литургіей Златоуста; но вмѣстѣ съ этимъ въ литургіи Василия Великаго,—какъ даютъ намъ основаніе заключать богослужебные памятники разсматриваемаго нами времени, остались также и нѣкоторыя особенности старой ея редакціи, какъ-то: особенная молитва надъ кадиломъ, также особая молитва трисвятаго, отсутствіе при благословеніи даровъ молитвы: „Господи, иже пресвятаго Твоего Духа“... и стиховъ изъ 50 псалма, читаемыхъ при ней, а также словъ: „преложивъ Духомъ твоимъ святымъ“. Кромѣ этихъ особенностей, уже видѣнныхъ нами въ литургіи Василия Великаго по древней ея редакціи, мы находимъ здѣсь особенность, которую прежде не встрѣчали и которая не находитъ для себя оригинала въ извѣстныхъ намъ древнихъ греческихъ спискахъ этой литургіи, именно во время херувимской пѣсни положено читать молитву:

¹⁾ Опис. Сл. рки. М. С. библ. III, 1, 15. ²⁾ Служеб. рки. М. С. библ. № 344, 40. Описаніе III, 15 и 27. ³⁾ Ibidem.

„Посѣти насъ милостію и щедротами, Владыко Господи“ ¹⁾. Другихъ особенностей послѣдованіе литургіи Василія Вел. въ XIV в. не представляетъ.

Къ особенностямъ общимъ литургіи Іоанна Златоустаго и литургіи Василія Великаго по древней и новой редакціямъ ихъ должно быть отнесено чтеніе особой заамвонной молитвы въ день рождества Христова: „Владыко, Христе Боже нашъ, возсіяый прежде вѣкъ изъ Отца безъ страсти“ ²⁾; къ особенностямъ же только одной литургіи Златоуста должно быть отнесено чтеніе особой заамвонной молитвы въ день Пасхи: „Свѣтлый намъ спасенный день возсія, братіе“ ³⁾.

Оканчивая обзоръ особенностей порядка совершенія литургіи Златоуста и Василія Великаго въ XIV вѣкѣ по ихъ новой редакціи, принадлежащей Констант. патриарху Филофею, мы должны сказать, что редакція эта, будучи перенесена въ Россію, благодаря дѣятельности митр. Кипріяна, начала сперва входить въ употребленіе въ Москвѣ, мѣстопробываніи русскаго митрополита, и изъ нея распространяться по ближайшимъ къ ней мѣстностямъ. Это, какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ то обстоятельство, что всѣ дошедшіе до насъ служебники XIV в., содержащіе въ себѣ новую редакцію литургіи Златоуста, какъ можно судить по сохранившимся на нихъ надписямъ, получили свое начало въ Московской области и принадлежали разнымъ монастырямъ ея. Въ другихъ областяхъ Россіи въ это время продолжала еще господствовать древняя редакція литургіи Златоуста: между служебниками XIV вѣка, принадлежащими Новгородской области, мы не встрѣчаемъ ни одного, который бы заключалъ въ себѣ новую редакцію названной литургіи. Но такой порядокъ продолжался не долго и не далѣе какъ въ слѣдующемъ вѣкѣ опъ получилъ обратный характеръ: новая редакція литургіи Златоуста сдѣлалась господствующею въ Россіи и служебники съ древнею редакціею этой литургіи являются какъ исключеніе.

Послѣдованіе *литургіи преждеосвященныхъ даровъ* со стороны ея порядка въ XIV вѣкѣ не представляло особенно важныхъ отличій сравнительно съ послѣдованіемъ

¹⁾ Ibid. Служеб. ркн. М. С. библ. № 346. ²⁾ Ibid. Служеб. ркн. Соф. библ. № 526, 77. ³⁾ Служеб. ркн. Соф. библ. № 523, 77; библ. гр. Толст. № 274, 66 об.

ея въ предшествовавшіе вѣка. Сохраняя особенности послѣдованія ея въ предшествовавшее время, литургія преждеосвященныхъ даровъ въ разсматриваемый нами періодъ времени представила еще слѣдующія особенности:

Во время назначительнаго псалма читалась молитва: „Благословенъ еси Господи, свѣдый умъ человѣчь“, занимающая въ древнихъ служебникахъ пятое мѣсто, и пятая и шестая нынѣшнихъ служебниковъ ¹⁾. Чтеніе нынѣшнихъ антифонныхъ молитвъ, хотя и не всѣхъ, во время назначительнаго псалма существовало въ практикѣ церкви греческой: по Барбериновскому списку литургіи Преждеосвященныхъ даровъ, положено въ это время чтеніе двухъ молитвъ перваго и втораго антифоновъ, а въ Кристоферратскомъ спискѣ чтеніе одной молитвы втораго антифона ²⁾. Можно почти безъ всякаго сомнѣнія сказать, что это обыкновеніе церкви греческой послужило основаніемъ для чтенія во время назначительнаго псалма указанныхъ молитвъ въ церкви русской. Что же касается того, что здѣсь читались особыя молитвы, а не тѣ, которыя положено было читать въ древнихъ греческихъ спискахъ литургіи преждеосвященныхъ даровъ, то это можно объяснить тѣмъ, что время чтенія трехъ антифонныхъ молитвъ уже строго и точно опредѣлилось, когда стала извѣстна на Руси древняя практика церкви греческой относительно чтенія ихъ. Чтобы не нарушать уже установившагося порядка въ чтеніи антифонныхъ молитвъ и въ то же время чтобы не оставить безъ вниманія практику церкви греческой, въ церкви Русской въ соотвѣтствіе тремъ антифоннымъ молитвамъ было положено во время назначительнаго псалма чтеніе трехъ же слѣдующихъ за ними молитвъ.

Возгласъ: „свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“ проносился священникомъ при крестообразномъ благословеніи кадиломъ святой трапезы; священникъ же долженъ былъ пѣть псаломъ: „Да исправится молитва моя“ ³⁾. Обѣихъ этихъ особенностей въ древнихъ греческихъ спискахъ литургіи преждеосвященныхъ даровъ мы не находимъ и потому не можемъ точно опредѣлить, явились ли онѣ въ

¹⁾ Служеб. М. С. библ. № 347 (Опис. III, I, 31). ²⁾ Eucholog. Boar. p. 201. ³⁾ Служеб. М. С. библ. № 344, 69 и № 347. Опис. III, I, 16, 31, 23 и 28.

Россіи, или мѣстомъ ихъ первоначальнаго появленія должно считать Грецію.

Предъ перенесеніемъ св. даровъ съ жертвенника на престоль читалась (по указанію, впрочемъ, одного только служебника) таже молитва, какая читается въ это время въ литургіи Златоуста ¹⁾. Эту особенность совершенія литургіи преждеосвященныхъ даровъ весьма естественно считать явившеюся въ Россіи, къ чему побуждаетъ насъ и то обстоятельство, что ее мы не находимъ въ извѣстныхъ намъ древнихъ Греческихъ спискахъ этой литургіи. Можно предполагать, что указанная особенность совершенія литургіи преждеосвященныхъ даровъ была занесена на страницы русскаго служебника рукою благочестиваго русскаго писца: ему могло казаться страннымъ отсутствіе указанной молитвы въ чинѣ литургіи преждеосвященныхъ даровъ, тогда какъ она находится въ двухъ другихъ, и онъ внесъ ее въ этотъ чинъ.

Наконецъ, послѣднею особенностію совершенія литургіи преждеосвященныхъ даровъ въ XIV вѣкѣ было то, что пѣлось два причастна: „Вкусите и видите“ и „Благословлю Господа“ и что послѣ возгласа: „всегда, нынѣ и присно“ не пѣлось: „Да исполнятся уста наша“, но: „хвалимъ тя, Христе, Боже нашъ“,—пѣснь сходная съ первой. Указанія на обѣ эти особенности въ древнихъ греческихъ спискахъ литургіи преждеосвященныхъ даровъ мы не имѣемъ.

Оканчивая обзоръ порядка службъ всенедельныхъ въ XIV вѣкѣ, къ общимъ особенностямъ порядка этихъ службъ мы должны отнести чтеніе особыхъ молитвъ по отсутствію въ дни, посвященные Богородицѣ и памяти разныхъ святыхъ. Въ праздники Богородицы читалась молитва: „Кто взлаголетъ силы твоя, Господи“; въ праздники Предтечи: „аще въ плоти ангела и велика въ рожденныхъ женами Іоанна“; въ дни памяти мучениковъ: „Господи святыи, иже въ святыхъ почиваяи“, и „Господи Боже, надежда и върадованіе всѣмъ“; въ дни памяти преподобныхъ и святителей: „Владыко Христе Боже нашъ, иже Бога Слово и Сынъ и агнецъ“, въ дни памяти пророковъ: „Владыко, Господи Боже нашъ, иже дѣйствомъ пресвятаго ти Духа святыа ти пророки просвѣтивъ“, и наконецъ, въ дни памяти апостоловъ: „Христе, Боже нашъ, даровавый намъ

¹⁾ Ibid. Служеб. рен. М. С. библ. № 345, 61 об.

святыхъ своя ученики и апостолы“¹⁾. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что всѣ эти молитвы мы находимъ въ требникѣ, носящемъ на себѣ ясныя слѣды Сербскаго происхожденія, мы позволяемъ себѣ думать, что эти молитвы перешли въ богослужебную практику церкви русской изъ богослужебной практики земель южно-славянскихъ и въ частности церкви сербской. Такое предположеніе является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что этихъ молитвъ мы не находимъ въ богослужебной практикѣ церкви греческой, насколько позволяетъ намъ думать объ этомъ Евхологіонъ Гоара, и что въ концѣ XIV вѣка во главѣ русской іерархіи стоялъ митрополитъ Кипріанъ, родомъ Сербъ, который, съ особенною ревностію заботясь объ упорядоченіи богослуженія ввѣренной его пастырскому водительству церкви, могъ внести въ богослужебную практику ея особенности богослуженія, существовавшія только на его родинѣ въ Сербіи.

Какъ на особенность, имѣвшую отношеніе къ вседневному богослуженію, можно указать еще на то, что чтеніе Евангелія святителемъ полагалось четыре раза въ годъ, именно святитель долженъ былъ читать первое Евангеліе страстей, два Евангелія въ день Пасхи и одно Евангеліе въ день перваго сентября²⁾; а также и на то, что чтеніе страстныхъ Евангелій полагалось на престолѣ³⁾, а не на срединѣ церкви, какъ въ иныхъ мѣстахъ въ настоящее время.

Н. Одинцовъ.

¹⁾ Требн. рки. М. С. библ. № 371, 75—84 (Опис. III, 1, 136—137)

²⁾ Чтен. въ общ. истор. и древн. Рос. 1862, 3, III, 33. ³⁾ Акт. историч. т. I стр. 480.

ТОЛКОВАНІЕ
ВТОРАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА
КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

в.)

Созерцаніе будущей жизни.

Высказавъ ту истину, что Апостолы воодушевляются въ трудахъ благовѣстія, при безпрестанной насмертности, тѣмъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что имѣютъ воскреснуть Исусъ - Христомъ въ славу, разсудилъ св. Павелъ долѣе поддержать вниманіе наше на этомъ предметѣ, по причинѣ его крайней важности въ дѣлѣ устроенія спасенія. Въ нравственномъ отношеніи самая вліятельная, самая остепенительная, самая возбудительная истина есть истина о будущей жизни. Установившіеся въ созерцаніи ея не согрѣшаютъ, въ трудахъ же добродѣланія и подвижничества мѣры почти не знаютъ. Апостоль и положилъ поддержать на ней побольше вниманіе. Онъ говоритъ въ своемъ лицѣ: мы, намъ, наше, можетъ быть потому болѣе, что самъ испытываетъ тѣ чувства, которыя изображаетъ; но разсужденія его по содержанию не имѣютъ исключительнаго отношенія къ апостольскому служенію, а суть разсужденія идущія ко всѣмъ христіанамъ вообще. Онъ ихъ всѣхъ представляетъ въ своемъ лицѣ, когда говоритъ: мы, намъ, наше.

аа). Будущая жизнь преславна, 4, 16—18.

Ст. 16 *Тъмже не стужаемъ си: но аще и внѣшній нашъ человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни.*

Въ будущую жизнь перенесся Апостолъ мыслию по поводу своей непрестанной насмертности. Съ этого же и теперь начинаеть рѣчь, и какъ по лѣствицѣ возводитъ насъ отъ тлѣнія внѣшняго чловѣка къ обновленію внутренняго, отъ него къ мѣрѣ будущей славы, и возшедши такимъ образомъ къ невидимому и вѣчному, тамъ насъ оставляетъ, желая, чтобъ мы и не сходили оттуда посмотрѣть, яже суть въ дому нашемъ земномъ.

Тъмже не стужаемъ си: не скучаемъ, не тяготимся, не изъявляемъ никакого недовольства. И въ началѣ главы тоже говорилъ онъ: *имуще служеніе сіе, не стужаемъ си.* Тамъ—послѣ того, какъ сказалъ, что въ домостроительствѣ Новаго Заветѣ всѣ вводятся въ созерцаніе славы Божіей откровеннымъ лицомъ, чтобъ преобразовываться въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, съ такою мыслию: какъ съ охотою не послужить такому преславному дѣлу, не обращая вниманія на всѣ внѣшнія неудобства? Здѣсь тоже внушаетъ послѣ того, какъ выразилъ увѣренность въ прославленіи съ Господомъ по воскресеніи. Имѣя въ виду такую славную участь въ будущемъ, мы, говоритъ, *не стужаемъ си*, несмотря на окружающія насъ скорби, бѣды, смертныя опасности. „Не печалимся, не предаемся малодушію, но переносимъ все мужественно“ (Осодорить). „Зная силу Божію, которая и нынѣ насъ избавляетъ отъ всякихъ бѣдъ и въ будущемъ воздвигнетъ къ славѣ“ (Оеофил.), „и видя, какъ все дѣлаемое и претерпѣваемое нами обращается въ умноженіе славы и благодаренія Богу“ (Экум.).

Но и это все претерпѣваемое нами не остается безъ отношенія къ будущей жизни. Будущая жизнь будетъ соотвѣтствовать духовному пресціянію здѣсь. Внѣшнія же скорби усовершеняють духъ. Пусть тлѣетъ внѣшній чловѣкъ!

Отъ этого или при этомъ внутренній обновляется по вся дни. *Внѣшній человекъ*—тѣло съ потребнымъ для него и съ участію его; *внутренній*—духъ и душа (Феофил. Экум). Внутренній человекъ тоже что *покрытый сердца человекъ* (1 Петр. 3, 4), духъ самосознательный и свободный, съ его отправлениями—страхомъ Божиимъ, совѣстію и неудовлетворенностію ничѣмъ тварнымъ. Таковъ онъ въ естественномъ порядкѣ. Подъ дѣйствіемъ же благодати онъ благоговѣнно предстоить Богу, съ любовію созерцая Его въ безмятежіи, ходитъ неуклонно въ заповѣдяхъ Божіихъ, имѣя законъ Бога своего въ сердцѣ своемъ, и зато преисполняется радостію о Дусѣ Святѣ, вкушаетъ, сколько благъ Господь и теряетъ вкусъ ко всему, что не Господне. Всѣ эти проявленія духа подъ дѣйствіемъ благодати начинаются съ первой минуты рожденія въ новую жизнь; по растутъ они и крѣпнуть постепенно, болѣе отъ благодатныхъ воздѣйствій, но немало и отъ внѣшнихъ состояній человека. Благосостояніе внѣшнее много можетъ мѣшать совершенствованію его; скорби же внѣшнія много помогаютъ тому, держа духъ въ отрѣшеніи отъ всего и давая ему возможность всею полнотою своею принимать благодатныя вліянія и обращать всѣ усилія свои на самовозрастаніе, не развлекаясь ничѣмъ стороннимъ. Это и разумѣетъ Апостоль, когда говоритъ, что когда внѣшній человекъ тлѣетъ, внутренній обновляется по вся дни. Св. Златоустъ говоритъ: „Какимъ образомъ *тлѣетъ* внѣшній человекъ? Когда терпитъ бичеванія, гоненія и другія безчисленныя бѣдствія. А *внутренній* какъ обновляется? Вѣрою, надеждою, ревностію. Чѣмъ болѣе страждетъ тѣло, тѣмъ болѣе душа имѣетъ благихъ надеждъ, и тѣмъ болѣе просвѣтляется, какъ золото много искушенное дѣйствіемъ огня.“

Само собою разумѣется, что означенное тлѣніе внѣшняго человека обновляетъ внутренняго не безусловно, а подъ условіемъ благодати, вѣры и жизни по вѣрѣ. Ибо обновленіе не отъ него собственно исходитъ, а имъ способ-

ствуется, имѣя свой особый источникъ. Тлѣніе внѣшняго человѣка или невольно случается, или произвольно устроится; но значеніе его и дѣйствіе одно: оно способствуетъ обновленію внутренняго, питая въ душѣ страхъ Божій, просвѣтляя совѣсть, и отрѣшая отъ всего тварнаго, отъ всякаго земнаго пристрастія. Тлѣніе внѣшняго человѣка, кромѣ бѣдъ и скорбей совершается еще умаленіемъ пищи и питія, сна и отдыха, удаленіемъ отъ развлеченія чувствъ чрезъ уединеніе, пресѣченіе заботъ, и вообще истощаніе тѣла и довольство самою крайнею мѣрою нужнаго, съ устраненіемъ себя отъ многмятежія. Такой порядокъ жизни уже предполагаетъ зарожденіе внутренняго человѣка; предполагаетъ, но не прямо указываетъ на него: ибо и это все можно дѣлать внѣшно. Настоящій внутренній человѣкъ есть благодатію рожденный и ею воспитываемый и обновляемый. Когда это есть, то тлѣніе внѣшняго человѣка необходимо требуется; и только въ этомъ случаѣ тлѣніе сіе способствуетъ обновленію внутренняго. А безъ сего чрезъ тлѣніе внѣшняго человѣка никогда не обновляется настоящимъ образомъ внутренній человѣкъ.

Ст. 17. *Еже бо нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣваніе, тяготу вѣчныя славы содѣлываетъ намъ.*

Еже нынѣ,—то парадтиа,—скоро преходящее, мгновенное. *Легкое печали*—легкія прискорбности. Какъ ни велико, говоритъ, то, что мы терпимъ, такъ что насъ справедливо надо назвать насмертниками; при всемъ томъ это суть только прискорбности, легкія и скоропреходящія, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія будущей славы. Что сія жизнь предъ вѣчностію, и стоитъ ли брать ее въ счетъ, еслибы и всю ее непрерывно пришлось проработать? Печали бываютъ и очень чувствительныя; но какъ онѣ всѣ преходятъ, а минувшая печаль уже не тяжела; то онѣ всѣ въ собственномъ смыслѣ легки. Печаль конца неимѣющая, хотя бы она и невелика была, не можетъ

не казаться подавляющею. *По преумноженію въ преслѣ-
яніе*,—καθ' ὑπερβολήν εἰς ὑπερβολήν,—по избытку въ
преизбытокъ,—хочетъ сказать: мѣры нѣтъ въ какомъ пре-
избыткѣ, „въ величайшемъ преизбыткѣ“ (св. Злат.); „буду-
щая слава имѣетъ величіе преизобильно преизобильное“
(Феофилактъ). *Тяготу вѣчныхъ славы*,—αἰώνιο βάρος,—вѣч-
ную тяготу славы. Въ противоположность скоропрехо-
дящимъ легкимъ прискорбностямъ ставится вѣчная тяже-
лая слава,—слава углубленная, представительная, полно-
вѣсная. „Легкому и удобоносному противопоставляетъ Апо-
столь тяжелое, т. е. многоцѣнное“ (Феодоритъ). *Содѣлываетъ намъ*,—приготавлиетъ намъ; терпимъ здѣсь, а тамъ сла-
гается уже чтò слѣдуетъ за прегерпѣваемое здѣсь. Идутъ
современно: здѣсь легкая прискорбность, тамъ залогъ пол-
ной славы. „Смотри, какъ онъ отнимаетъ силу у скорбей
настоящей жизни; когда настоящее противоположаетъ бу-
дущему, временное—вѣчному, легкое — полновѣсному,
скорбь—славѣ. Все дѣло полагаетъ онъ въ надеждѣ“.
(св. Златоустъ). Прискорбности внѣшнія вѣрою и благодатию
поставляютъ страждущаго въ тѣсное общеніе со страданіями
и смертію Христовою. Оттого онѣ бывають проводниками
и жизни Христовой, обновляющей внутренняго человѣка.
Но тоже общеніе въ страданіяхъ и смерти Христа Гос-
пода, прославленнаго уже, служитъ основаніемъ прослав-
ленія и страждущихъ Его ради. Отсюда слѣдуетъ, что
скорби обновляющія внутренняго человѣка служатъ вмѣстѣ
залогомъ вѣчнаго прославленія. Посему Апостоль постав-
ляетъ обновленіе внутреннее съ прославленіемъ будущимъ въ
нѣкоторой причинной связи: *еще бо*.—Они сходятся пу-
темъ скорбей въ одномъ источникѣ, прославленномъ Гос-
подѣ Спасителѣ, обновляющемъ духовно общащихся съ
Его страданіями и смертію силою вѣры и благодати, и
готовящемъ имъ славу, какою Самъ облеченъ, возсѣдя
одесную Отца, яко побѣдитель смерти и ада.

Ст. 18. *Не смотряющимъ намъ видимыхъ, но неви-
димыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна.*

Условіе выставляет Апостоль, при которомъ тѣніе ви́шняго человѣка обновляетъ внутренняго, и легкое печали тяготу вѣчной славы содѣлываетъ намъ. Подъ тѣмъ условіемъ, говоритъ, если мы несмотримъ на видимое, а на невидимое, или при такомъ строѣ нравственномъ, въ коемъ не смотрятъ на видимое, а на одно невидимое. Это само собою видно. Смотри на солнце и свѣтлостью его исполнишься (внутренній обновится). Также подумись повыше, и все на землѣ сущее покажется мелочнымъ и ничтожнымъ.— Св. Златоустъ говоритъ: „показываетъ способъ, какъ легкою дѣлается тяжесть скорби. Какъже? *Не смотрящимъ намъ*, говоритъ, *видимыхъ, но невидимыхъ*. Если будемъ отвращать взоръ свой отъ видимаго, то настоящее будетъ для насъ легко, а будущее велико“. — Туже связь видитъ въ этихъ текстахъ и Экуменій: „Поелику называлъ скорбь легкою, хотя она бываеъ тяжела, то объясняетъ теперь, какимъ образомъ бываеъ легкою нынѣшняя скорбь. Если, говоритъ, не будемъ смотрѣть на видимое, а на невидимое. Ибо противопоставь только тамошнее здѣшнему и увидишь, какъ все здѣшнее покажется легкимъ. Ибо это все временно, а то вѣчно“.

Не смотрящимъ,—*μη σκοποῦντων*. На ристалищахъ *σκοπὸς*—мѣта, до которой подлежало прежде всѣхъ достигнуть, чтобы получить награду. Бѣгущіе на коняхъ, или на ногахъ, взоръ свой весь вперяютъ въ эту мѣту, ни на что стороннее не обращая вниманія, будь тутъ золотыя горы. Апостоль выражаетъ, что обновляемымъ духовно, ждущимъ вѣчной славы надлежитъ не только въ цѣли не имѣть ничего видимаго, но и во вниманіи того не держать, быть такъ къ нему, какъбы его не было; цѣль же, куда взоръ ихъ, минуя все, долженъ быть впередъ, есть исключительно невидимое. Оно одно предметъ ихъ желаній, стремленій и надеждъ. Пока человѣкъ живетъ тѣломъ и душою оплотнѣлою, до тѣхъ поръ невидимое кажется ему чѣмъ-то призрачнымъ, неопредѣленнымъ, будто не сущимъ. Когда приходитъ благодать и пробужда-

еть духъ, то въ числѣ первыхъ требованій къ воспріятію новой жизни есть отреченіе отъ видимости, отъ опоръ, надеждъ и утѣхъ, видимыми вещами и лицами подаемыхъ, и обращеніе къ невидимому, чтобъ тамъ положить надежды свои, и предметы своихъ исканій и надеждъ. Этимъ требуется жертва кровная; но она необходима. Сознавшій это дѣлаетъ себѣ переломъ, какъ это ни больно, и приносить требуемую жертву. Она отворяетъ дверь входа благодати, образующей новаго человѣка. Родившись подъ такимъ отчужденіемъ отъ видимаго, внутренній новый человѣкъ, если онъ развивается правильно, уже не возвращается сюда, а живетъ тамъ весь въ невидимомъ. Оно одно становится для него истинно сущимъ, видимое же призрачнымъ и исчезающимъ, какъ оно и есть на душѣ. Почему въ словахъ Апостола: *не смотрящимъ намъ видимыхъ*, можно видѣть такой смыслъ: ужь это такой порядокъ или законъ жизни о Христѣ Иисусѣ, что мы не смотримъ на видимое, а на одно невидимое.—Что это невидимое?—Богъ, въ Троицѣ поклоняемый, и все то, что даетъ Онъ вкусить приближающимся къ Нему. Это немногосложно, но многообъятно,—и одно насыщаетъ; тогда какъ видимаго много, но оно не насыщаетъ, а только раздражаетъ вкусъ. Что это видимое?—Всѣ, что считаетъ благомъ человѣкъ, этой жизни преданный: доволство, сласти, почетъ, преобладаніе, властвованіе, широта предпріятій и успѣшность въ нихъ, и подобное.

Видимая бо временна, невидимая же вѣчна. Не касается другихъ чертъ видимаго и невидимаго: потому что эти наглядныѣ. Пристращенному къ видимымъ вещамъ, что ни говори объ этомъ съ невыгодной стороны, все не совсѣмъ внятно будетъ; а что все это временно, это осязательно видно; ибо предъ его глазами течетъ какъ рѣка, и постоять не можетъ. Отрѣшившійся отъ видимаго и сочетавшійся съ невидимымъ, хотя и могъ бы понять многія другія черты сего невидимаго, кромѣ вѣчности,—но какъ онъ уже и вкушаетъ ихъ и въ этомъ вкушеніи видитъ блаженство

отрѣшенной отъ всего жизни; то для него утѣшительнѣе всего слышать, что невидимое, сладость котораго онъ началъ вкушать, вѣчно, и что слѣдовательно начатому имъ сладостному благодѣію конца не будетъ. Такъ Апостоль простымъ словомъ однимъ далъ сильное вразумленіе, а другимъ крайне утѣшительное ободреніе. Св. Златоустъ говоритъ: „Не сказалъ, что однѣ скорби временны, но—все видимое, хотя бы то была скорбь, хотя бы радость;—чтобы и въ радости мы не разслабѣвали, и скорбями не тяготились. Посему же говоря и о будущемъ, онъ не сказалъ: царствіе вѣчно, но *невидимая вѣчна*, хотя бы то было царство, хотя бы мученіе,—чтобы мы сего послѣдняго страшились, а къ оному стремились.—Итакъ, поелику видимое временно, а невидимое вѣчно; то къ невидимому и будемъ простираť наши взоры. Если временное предпочтемъ вѣчному, то чѣмъ извинимъ себя? Положимъ, что и временное пріятно, но оно непродолжительно, а мученія за оное не будутъ имѣть ни конца, ни пощады. Какой отвѣтъ дадутъ тѣ, кои бывъ удостоены Духа Божія и вкусивши уже отъ толикаго дара Божія, послѣ обратили взоры свои долу и ниспали къ земному?“

бб). *Почему особенно желательна будущая жизнь, 5, 1—5?*

Потому что тамъ мы облечемся въ тѣло небесное, чистое, легкое, свѣтлое. Это тѣло настоящее грузно, тяготивать, требуя много о себѣ заботы, а само воздаеть противленіемъ духовнымъ стремленіямъ нашимъ къ небесному. Вотъ мы и желаемъ сбросить это грубое тѣло, чтобъ облечься въ то духовное. Это воздыханіе въ насъ отъ Бога давашаго намъ обрученіе Духа, который предъизображаетъ намъ будущее свѣтлое состояніе и удостовѣряеть самимъ Собою въ его дѣйствительности. Отсюда и воздыханія.

5, 1. *Вѣмы бо, яко аще земная наша хранина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы храмину нерукотворену вѣчну, на небесехъ.*

Вѣмы бо Настоящій періодъ бытія нашего есть пере-

ходный, и устроенъ вслѣдствіе паденія. Надлежало бы это намъ сознать, и ощущать. Но прижившись, мы обыкновенно миримся съ пребываніемъ на землѣ и съ жизнью въ тѣлѣ. Чаяніе другой жизни является у насъ въ самомъ неопредѣленномъ и шаткомъ видѣ. Благодать Божія, раждая въ новую жизнь, оживляетъ и чаяніе будущей жизни, представляя ее въ опредѣленныхъ очертаніяхъ. Это и выражаетъ Апостоль, говоря: *вѣмы бо*. У него это было ясное знаніе. Мы вѣдаемъ объ этомъ со словъ его; но обязаны знать также, какъ и онъ зналъ, потому что сподобились тойже благодати Духа Святаго. Имѣютъ такое знаніе чистые сердцемъ, въ коихъ благодать Духа является въ дѣйственности.

Аще земная наша хранина тѣла разорится.—*Аще*,—не въ такомъ смыслѣ говорить: въ случаѣ если разорится, а въ такомъ: когда разорится, выражая, что это есть желанная и несомнѣнная минута освобожденія отъ этой земной ноши, тяготящей насъ и къ землѣ приковывающей. *Земная хранина тѣла*,—*οἰκία τοῦ σκήτους*,—земное наше жилище скинійное, или скиноподобное. „Апостоль говоритъ такъ о нашемъ тѣлѣ. Назвавъ его скинійнымъ, онъ указалъ на удоборазрушаемость его и кратковременность здѣшней жизни“ (Св. Злат.) Тѣло это или такое есть домъ души, но земный только, временный, на время поставляемый, подобно скиніи или палаткѣ, которая самымъ видомъ своимъ даетъ разумѣть, что теперь она стоитъ здѣсь, а черезъ нѣсколько дней, и даже часовъ ея не будетъ здѣсь. Тѣло это переходное жилище. Когда оно разорится, *созданіе отъ Бога имамы, хранину нерукотворену вѣчну, на небспхъ*.

Созданіе отъ Бога, οἰκοδομην ἐκ θεοῦ,—зданіе отъ Бога устроенное, Богозданный домъ. Разумѣетъ Апостоль не обители вѣчныя, а будущее наше тѣло, называя его вслѣдъ за симъ *храниною нерукотворенною*. Назвать его нерукотвореннымъ подало поводъ, можетъ быть, сравненіе со скиніею; мысль же у него та, что настоящее тѣло устроится естественнымъ путемъ рожденія, вслѣдствіе кото-

раго оно и есть обременительное во многихъ отношеніяхъ жилище, эту самую тяготу своею возбуждающее желаніе освободиться отъ него, чтобъ воспріять новос; будущее же тѣло будетъ жилище, вѣдительною силою Божіею устрояемое, потому свободное отъ всего, отъ чего такъ тяжелымъ бываетъ настоящее тѣло. Вслѣдствіе сего храма та — будущее тѣло — будетъ *вѣчно*; ибо будетъ составлено не изъ грубыхъ стихій, самымъ образомъ сочетанія своего предрекающихъ разрушеніе и разложеніе, а изъ элементовъ петлѣнныхъ или изъ одной стихіи небесной. Съ такимъ тѣломъ уже нельзя жить на землѣ; приличное ему мѣсто есть небо; или землю надо будетъ превратить въ небо. — Словомъ: *на небесныхъ* Апостоль означилъ, гдѣ будетъ наше пребываніе съ будущимъ тѣломъ. Но само тѣло воспримется на землѣ: ибо это есть воскресшее тѣло, а воскресеніе послѣдуетъ на землѣ. Въ другомъ мѣстѣ Апостоль говоритъ, что достойные пребывать съ Господомъ по воскресеніи воспарятъ въ срѣтеніе Господу на воздухѣ, и не возвратятся уже оттуда на землю, а всегда съ Господомъ пребудутъ (1 Сол. 4, 17.).

Апостоль говоритъ, что когда разорится земная хранина тѣла, имѣемъ на небесахъ храмину Богозданную, вѣчную. Имѣемъ будто тотчасъ по совлеченіи этого брснаго тѣла путемъ смерти; тогда какъ, по Божію устроенію, между тѣмъ и другимъ положенъ промежутокъ, который можетъ прекратиться каждое мгновеніе, но длится еще, и опредѣленнаго ему предѣла никто назначить не можетъ. Ждетъ Господь, пока всѣ могущіе спастись познаютъ Его и внидутъ въ стадо Его. Зачѣмъ же такъ сказалъ Апостоль? Чтобъ изъ словъ его не дѣлать побочныхъ, несостоятельныхъ наведеній, надо имѣть въ мысли, что во вниманіи Апостола были только два момента—жизнь въ этомъ тѣлѣ тяжелая и обременительная, и жизнь въ будущемъ преславномъ тѣлѣ свѣтлая, небесная, желанная, которая несомнѣнно будетъ получена. Онъ хо-

тѣлъ только сказать: сбросимъ это тѣло временное и получимъ то вѣчное, небесное. Что будетъ между этими моментами, того онъ не касается, это не входило въ его разсужденіе въ настоящемъ случаѣ.

Ст. 2. 3. *Ибо о семъ въздыхаемъ, въ жилище наше небесное обещися желающе, аще точію и облекшеса не нами обрящемся.*

Вотъ причина, почему мы въздыхаемъ! Та, что желаемъ обещися въ небесное наше жилище, въ тѣло нетлѣнное и нерукотворенное. Знаемъ навѣрное, что оно есть, и что оно несравненно лучше настоящаго тѣла, или что оно-то и есть настоящее тѣло, какое надлежитъ намъ имѣть; потому и возжелѣваемъ его—*Желающе*, ἐπιπόθουντες, имѣя сильное, неудержимое желаніе. Почему и *воздыхаемъ*—στένωμεν,—воздыхаемъ со стенаніемъ. Силѣ желанія отвѣтствуетъ и въздыханіе. Св. Златоустъ говоритъ: „скажи мнѣ, въ какое жилище (желаемъ обещися)? Въ нетлѣнное тѣло. Отъ чего же нынѣ въздыхаемъ? Отъ того, что оное тѣло гораздо лучше. *Небеснымъ же, τὸ ἐξ οὐρανό*,—называетъ оное по причинѣ его нетлѣнія, а не потому, что будто оно съ неба низойдетъ на насъ; съ неба оно получить только животворную благодать (нетлѣнія), его оживляющую.“ „Не сказалъ: ἐνδύσασθαι—обещися, но ἐπενδύσασθαι—переобещися, переодѣться, потому что не въ иное облечемся тѣло, но сіе тлѣнное облечется въ нетлѣніе“ (Теодоритъ). О какомъ въздыханіи говоритъ здѣсь Апостоль?—О томъ, которое обще всѣмъ благочестивымъ христіанамъ, не въ не угодіи плоти живущимъ, а достойно имени своего идущимъ въ слѣдъ Господа со крестомъ самоотверженія. Что будетъ другая жизнь, всѣ знаютъ; но желаніе ея не у всѣхъ, ибо не у всѣхъ полно самоотверженіе. Труды самоотверженія даютъ дерзновеніе желать той жизни, а свидѣтельство совѣсти поддерживаетъ его удостовѣреніемъ, что срѣтять тамъ милость Божию. Всѣ такіе и желаютъ разрѣшиться и со Христомъ быти. Усиливается сіе желаніе до возжелѣнія со стенаніемъ отъ возчув-

ствованной и постоянно чувствуемой тяготы тѣла, и особенно того, что часто имъ пользуется врагъ къ прельщенію и увлеченію на недолжное, или къ постановленію въ нежеласмое состояніе разслабленія, сонливости, утомленія, неподвижности. Или не то ли воздыханіе разумѣть св. Павель, которое слышится во всѣхъ людяхъ, о томъ, что мы изгнанники на землѣ, отчество же наше не здѣсь. Оттого у всѣхъ есть нѣкая туга, какъбы тоска по родинѣ. Въ христіанства эта тоска остается неопредѣленною, а въ христіанахъ получаетъ точный и опредѣленный смыслъ.

Аще точію и облекшеся не нази обрящемся. Если не нази разумѣть въ отношеніи къ тѣлу, т.-е. не безъ тѣла обрящемся; то въ этомъ стихѣ не будетъ никакой мысли. Ибо какой смыслъ сказать: если только и облекшисъ въ новое тѣло не безъ тѣла обрящемся? Еслибы вмѣсто *облекшеся*, *ἐνδύσασμενοι*, стояло *совлекшеся*, *ἐκδύσασμενοι*; тогда была бы мысль такая: желаемъ облещисъ въ новое тѣло, а этого совлещисъ; т.-е. желаемъ совлещисъ его, но не такъ, чтобы совлещисъ, оставаться безъ тѣла нагими. Такая мысль была и у св. Златоуста, вѣроятно по встрѣченному имъ чтенію—*ἐκδύσασμενοι*. Онъ говоритъ: „т. е. хотя и сложимъ съ себя сіе тѣло, впрочемъ не безъ тѣла тамъ явимся, но съ симъже тѣломъ, которое сдѣлается тогда нетлѣннымъ“. Но чтеніе—*ἐκδύσασμενοι*, не оправдывается, и всѣми принято читать *ἐνδύσασμενοι*. Читая же: *облекшеся*, нельзя давать сему тексту другаго смысла, какъ тотъ, который даютъ ему наши толковники, т. е. не нази отъ добрыхъ дѣлъ и славы. Ибо подъ этимъ только условіемъ возжелѣнно облаченіе въ новое нетлѣнное тѣло, а безъ этого оно не только не благо, но есть начало крайняго злостраданія; потому желательнымъ быть не можетъ. Апостоль и говорить: воздыхаемъ въ желаніи облещисъ въ новое небесное тѣло, но конечно съ такимъ приложеніемъ: если только и облекшисъ въ него не обрящемся обнаженными отъ славы, благодати и благоволенія Божія.

Св. Златоустъ послѣ приведеннаго мнѣнія, продолжаетъ: „нѣкоторые же словамъ: *еще точію и облкшеса не нази обрящемся*, даютъ иной смыслъ, и весьма разсудительно; т.-е. чтобы вѣрующіе, въ надеждѣ на воскресеніе, не предались безпечности, Апостолъ сказалъ: *еще и облкшеса*, т.-е. въ нетлѣніе, и получивъ нетлѣнное тѣло, *не нази обрящемся* (не лишены будемъ) славы и вѣчнаго спасенія. Ибо хотя воскресеніе обще всѣмъ, но слава не для всѣхъ. Одни воскреснутъ въ честь, а другіе въ безчестіе; одни для царствія, а другіе для мученія“. Тоже пишетъ и Θεодоритъ: „Хотя всякій человѣкъ облечется въ одежду нетлѣнія, однакоже не всѣ стануть причастниками божественной славы. Посему нагими называетъ лишенныхъ божественной славы, къ которымъ и себя причисляетъ Апостолъ и Коринѳяны и всѣхъ людей, научая симъ скромности“.

Этимъ выражается то, что имѣющіе быть осужденными по воскресеніи будутъ чувствовать себя находящимися въ обнаженной срамотѣ, подобно тѣмъ, кои бывають выставлены на позоръ нагими предъ многочисленнымъ собраніемъ людей. Какъ это естественно, очевидно само собою. Говоря же о семъ, Апостолъ хотѣлъ предпослать внушеніе: потщитесь же не нагими обрѣстись въ день тотъ, столь вожделѣнный по себѣ. Это внушеніе и прямо выражаетъ онъ ниже: *потщимся благоугодными быть Господу* (ст. 9).

Ст. 4. *Ибо суции въ тѣлѣ семъ въздыхаемъ отячаеми: понеже не хотимъ совлещися, но пооблещися, да пожертво будетъ мертвенное животоу.*

Объясняетъ, въ какомъ смыслѣ желаемъ сбросить это тѣло, и по какому побужденію. Тяжело, говорить, это тѣло, много требуетъ о себѣ заботъ: накорми его, напой, одѣнь, дай покойное ложе, и это каждый день, а иное и на день подай ему нѣсколько разъ; такъ что цѣлый вѣкъ маешься будто изъ-за одного того, чтобъ ухаживать за тѣломъ. Между тѣмъ для жизни по духу оно не только помощи

не подаетъ, а напротивъ служить первую къ тому помѣхою, до послѣдняго издыханія. Бываетъ, что всѣ враги смолкаютъ, а оно все танетъ долу. Вотъ почему *сущи въ тѣль семъ, мы и въздыхаемъ, въздыхасмъ будучи имъ отягчаемы*

Но не прими кто по этому ложной мысли, будто мы желаемъ избавиться отъ тѣла, чтобы совсѣмъ быть безъ тѣла. Иѣтъ; мы въздыхасмъ о свободѣ отъ такого тѣла, а не вообще отъ тѣла. Быть съ тѣломъ положено чело-вѣку зидательною премудростію по строю творенія; и безъ тѣла ему быть неестественно. Безъ него не можетъ онъ не чувствовать себя неполнымъ, оскудѣвающимъ, лишаемымъ; а потому не можетъ вкушать и полной радости бытія, даже при увѣренности, что оно есть благобытіе. Потому желая совлещись этого тѣла, мы не того хотимъ, чтобы быть безъ тѣла, но того, чтобы только переодѣться. (*Пооблещися, епелубоуджи, переоблещися*). И именно какъ? *да пожертво будетъ мертвенное животомъ*. Вотъ чего желаемъ! Чтобы изъ тѣла этого взята была мертвость: тлѣніе и страстность, а на мѣсто ихъ вселилась въ него жизнь нетлѣнная, чистая, пресвѣтлая, небесная; вошла бы въ него эта жизнь и поглотила ту мертвость, и совсѣмъ преобразила его. „Воздыхасмъ, не избавиться желая отъ тѣла, но имѣя желаніе стать свободными отъ страстей его; ибо вожделѣваемъ не совлечься тѣла, но переоблещися въ нетлѣніе“ (Теодоритъ). Св. Златоустъ говоритъ: „Не о томъ въздыхасмъ, говоритъ, чтобы освободиться отъ тѣла; ибо мы не желаемъ совсѣмъ сложить съ себя тѣла, но желасмъ только освободиться отъ тлѣнія, которое въ немъ находится. Потому и говоритъ, что мы хотимъ не совлечься тѣла, но только облечься въ безсмертное. Потомъ самъ же объясняетъ, какъ это возможно: *да пожертво будетъ мертвенное животомъ*. Для многихъ могло показаться тягостнымъ отложеніе тѣла; а онъ вопреки общему голосу говоритъ: мы въздыхаемъ потому, что желаемъ отъ него освободиться. Другой могъ сказать на это: если душа столько болѣзнуетъ и страдаетъ, разлучаясь съ

тѣломъ: то какъ ты говоришь, что мы воздыхаемъ потому, что долго не можемъ освободиться отъ него? Предупреждая сіе возраженіе, онъ говоритъ: и я не говорю, что мы о томъ воздыхаемъ, какъ бы сложить съ себя тѣло: ибо никто безъ скорби не слагаетъ онаго; но воздыхаемъ о томъ, какъ бы облечь его въ нетлѣніе. Тяготимся мы тѣломъ, но не отъ того, что носимъ тѣло, а отъ того, что носимъ тѣло тлѣнное и страстное. Сіе и производитъ въ насъ скорбь. Но грядущая жизнь истребитъ и уничтожитъ тлѣніе,—тлѣніе, а не тѣло“. „Какъ восходящій свѣтъ разсвѣтаетъ тму, такъ негибнущая жизнь уничтожаетъ тлѣніе“ (Теодоритъ.)

Ст. 5. *Сотворивый же насъ въ сіе истое Богъ, иже и даде намъ обрученіе Духа.*

Для такой нетлѣнной жизни, говоритъ, мы и первоначально были созданы; но пали и чрезъ грѣхъ подверглись тлѣнію. Господь и Спаситель уничтожилъ тлѣніе, поправъ смерть воскресеніемъ. Таинственно мы содѣлываемся причастниками сего воскресенія въ крещеніи, слагая въ немъ ветхую жизнь и облакаясь въ новую. Но въ этомъ только залогъ, начало и основаніе къ будущему воскресенію въ славѣ, подобно воскресенію Господа. Здѣсь это дѣйствуется таинственно вѣрою и благодатію въ духѣ; а при общемъ воскресеніи мы самымъ дѣломъ облечемся въ нетлѣніе. А что это такъ будетъ, въ этомъ да удостовѣритъ всякаго присущая намъ благодать св. Духа. Онъ есть залогъ наслѣдія нетлѣнной жизни. Такъ благоволилъ устроить Богъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Грядущая жизнь уничтожитъ тлѣніе; а какъ это произойдетъ, о томъ не спрашивай. Богъ будетъ тутъ дѣйствовать. Не испытывай сего. Потому и присовокупилъ: *сотворивый же насъ въ сіе истое Богъ.* Симъ онъ показываетъ, что это прежде было опредѣлено о насъ; ибо не нынѣ только Богъ открылъ намъ сіе, но въ началѣ еще, когда образовалъ насъ изъ земли и созидаль Адама: ибо не съ тѣмъ созидаль его, чтобы онъ умеръ, о чтобы содѣлать его безсмертнымъ. Потому, чтобы болѣе

удостоверить въ семь, присовокупилъ: *Иже и даде намъ обрученіе Духа.* Ибо какъ тогда на сей конецъ создалъ онъ человекъ, такъ и теперь чрезъ крещеніе возсоздалъ его для тойже цѣли, и въ удостовѣреніе сего предоставилъ намъ немаловажный залогъ святаго Духа. О семь залогѣ и обрученіи часто упоминаетъ Апостоль какъ для того, дабы показать, что онъ всѣмъ одолженъ ему, такъ и для того, чтобы и симъ убѣдить въ истинѣ своего ученія упорныхъ и ожесточенныхъ сердцемъ“.

вв). *Что дѣлать должно, чтобъ сподобиться будущей жизни славной, 6—10?*

Для этого надо всячески постараться благоугодить Господу. Я сказалъ, говорить, что тяготимся жизнію въ тѣлѣ семь и желаемъ сбросить его. Теперь укажу вамъ, почему это особенно тяжело,—потому что тѣло мѣшаетъ намъ видѣть Господа. Мы и рвемся изъ него, чтобы быть съ Господомъ. Но если такъ, то, пока мы живы, надобно намъ поревновать объ угожденіи Господу; ибо неугодившіе Ему не на радость себѣ срѣтятся съ Нимъ, а только за тѣмъ, чтобъ выслушать себѣ осудительный приговоръ.

Ст. 6. 7. 8. *Дерзающе убо всегда, и въдаяще, яко живущи въ тѣлѣ отходимъ отъ Господа: върою бо ходимъ, а не видѣніемъ: дерзаемъ же и благоволимъ паче отъити отъ тѣла и внити ко Господу.*

Дерзающе, и потомъ *дерзаемъ*, кажется, означаетъ здѣсь не что другое какъ рѣшительность того душевнаго дѣйствія, которое выражаетъ слѣдующій за ними глаголь. Такъ *дерзающе и въдаяще* означаетъ вѣдѣніе рѣшительное, съ убѣжденіемъ не допускающимъ никакого сомнѣнія; *дерзаемъ и благоволимъ*, означаетъ рѣшительное, не допускающее никакого колебанія, желаніе. Экуменій такъ перифразируетъ сіи слова: *дерзающе и въдаяще*, θαρρουντως ειδοτες, дерзновенно вѣдая; а *дерзаемъ и благоволимъ*, θαρρουμεν ευδοκουμεν, дерзновенно благоволимъ. Апостоль потому говоритъ: несомнѣнно вѣдая, что живя въ тѣлѣ

семъ отходимъ отъ Господа, мы сильно желаемъ отъйти отъ тѣла и внити ко Господу. Слова же: *вѣрою бо ходимъ, а не видѣнемъ*, составляютъ вносное положеніе, объясняющее опытомъ, что точно тѣло отдаляетъ насъ отъ Господа. Θεодоритъ такъ выражаетъ общую мысль сихъ текстовъ: „Апостоль не то говорить, что мы отчуждены отъ Господа (или чужды Господу), будучи сопряжены еще съ этимъ смертнымъ тѣломъ; но что нынѣ не видимъ Его тѣлесными очами, а тогда и узримъ и съ Нимъ будемъ. Ибо нынѣ, говорить, не видимъ самыхъ ожидаемыхъ вещей, а усматриваемъ ихъ только вѣрою. Посему-то самому и желаемъ *отъйти отъ тѣла и внити ко Господу*“.

Гогоря: дерзновенно вѣдаемъ, что живя въ тѣлѣ отходимъ отъ Господа, Апостоль даетъ разумѣть, что такое вѣдѣніе требуетъ дерзновеннаго ума. Равно и словами: „дерзновенно благоволимъ отъйти отъ тѣла и внити ко Господу“, даетъ разумѣть, что такое желаніе благоволительное требуетъ мужественнаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, терпящимъ ради Господа гоненія, озлобленія и непрестанныя опасности смерти, сторонніе могли горорить: что такое вы дѣлаете? Терпите, а Того, за кого терпите, не видите. И свои подобныя мысли могли приходять терпящимъ. Этимъ своимъ помысламъ и чужимъ рѣчамъ дерзновенная, вѣрою окрыленная мысль могла смѣло отвѣтить: да, не видимъ; но тѣмъ не менѣе Онъ есть и близъ есть, только не видимъ, а ощущаемъ. Причиною, почему не видимъ, служить это тѣло наше. *Живуще въ тѣль отходимъ отъ Господа. Живуще, εὐδῆμοντες*, „странствуя какъ на чужбинѣ. Странники мы въ немъ и пришельцы“ (Экум.). „Не сказалъ: сущи, οὐτες, въ тѣлѣ, а εὐδῆμοντες, потому что мы находимся въ немъ, какъ странники въ гостинницѣ“ (Св. Злат.). Въ тѣлѣ странствуемъ какъ на чужбинѣ; отечество же наше, домъ нашъ тамъ, гдѣ Господь, или съ Господомъ. Такимъ образомъ, странствуя въ тѣлѣ, естественно отдѣлились мы отъ роднаго крова и отъ самага

Отца Господа. „Тѣло стало стѣною между нами и Господомъ“ (Экум.).

Итакъ что же,—не разломать ли эту стѣну насильственно и произвольно? Нѣтъ. Такой порядокъ установить угодно было самому Господу, чтобъ мы сначала вѣрою пожили, и уже оказавшись вѣрными во всемъ Господу по вѣрѣ, вступили въ такой чинъ жизни, чтобы ходить предъ Господомъ видѣніемъ, пребывать съ Нимъ лицомъ къ лицу. Нынѣ такой періодъ, что мы *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ*. Ибо не такъ бываетъ, чтобъ мы, бывши сначала предъ Господомъ, переходили въ тѣло, какъ въ чужой домъ. Нѣтъ; мы раждаемся Богу единому вѣдомымъ путемъ, и уже въ тѣлѣ суще, сродняемся съ Господомъ посредствомъ возрожденія въ купѣли крещенія, по образу Его. Сроднившись такъ съ Нимъ, чувствуемъ, что тѣло отгораживаетъ насъ отъ Него; но должны пребывать въ тѣлѣ до времени опредѣленнаго Господомъ, чтобъ окрѣпнуть въ сей новой жизни, возрасти для другой и предъ Господомъ оказать свою вѣрность, когда Онъ въ сокровенности отъ насъ пребываетъ. Теперь вѣрою Его вѣдаемъ, вѣрою къ Нему приближаемся и руководимся пребывать въ духовномъ таинственномъ общеніи съ Нимъ. Выдержавъ себя какъ должно въ этотъ періодъ испытанія и воспитанія, подъ блюстительствомъ вѣры, вступимъ тогда въ другой, въ коемъ будемъ пребывать съ Господомъ лицомъ къ лицу.

При всемъ томъ однакожь нельзя намъ равнодушно относиться къ той блаженной минутѣ, когда выйдемъ изъ тѣла и предстанемъ Господу. Эта минута превозделѣнная. Почему „зная, что доставляетъ внитіе ко Господу, мы дерзновенно благоволимъ отгити отъ тѣла, или вседушно вожделѣваемъ этого“ (Экум.).—*Дерзаемъ же и благоволимъ паче отгити отъ тѣла и внити ко Господу*. Дерзновенно благоволимъ, говорить,—потому что такого рода благоводительное, охотное и радостное желаніе требуетъ мужественнаго духа. Жизнь въ тѣлѣ, и при сильномъ сознаниі

ея неудобствъ, имѣетъ свои приманки привлекающія къ ней. Стать въ совершенное къ ней отчужденіе нельзя безъ перелома себя крутаго, а такой переломъ безъ дерзновенной рѣшимости состояться не можетъ. И далѣе постоянно держать себя въ такомъ настроеніи означаетъ воодушевленную мужествомъ душу. Почему и сказалъ Апостоль: *дерзаемъ и благоволимъ*, т.-е. дерзновенно и мужественно вождедѣваемъ этого.— Читая исторію мучениковъ, не можемъ не видѣть оправданія вми словъ св. Павла. Они вождедѣвали отъйти ко Господу, и вождедѣвали съ неудержимымъ стремленіемъ и мужествомъ.— Св. Златоустъ говоритъ на эти слова: „Видишь ли, какъ Апостоль, умолчавъ о непріятныхъ именахъ *смерти и кончины*, замѣнилъ ихъ вождедѣннѣйшимъ наименованіемъ— *водворенія у Господа*; и напротивъ обошедъ наименованія жизни, кажущіяся пріятными, употребилъ непріятное, назвавъ здѣшнюю жизнь *удаленіемъ отъ Господа*. А это сдѣлалъ онъ для того, чтобы никто не только не услаждался настоящимъ, напротивъ еще обременялся бы онымъ; и чтобы никто, приближаясь къ смерти, не скорбѣлъ, но паче бы радовался, потому что переходитъ къ наслажденію лучшими благами“.

Ст. 9. *Тъмже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти.*

„Но тамъ ли, здѣсь ли мы находимся, говорятъ, наше дѣло только заботиться о томъ, чтобы жить сообразно съ Его волею. Ибо это главная обязанность наша, такъ что послѣ сего ты уже безъ сомнѣнія наслѣдникъ царствія небеснаго. Поелику же при всемъ желаніи внити ко Господу, легко можно уклониться отъ преднамѣреаемаго пути: то Апостоль указываетъ и то, что всего нужнѣе на семъ пути. Что же это такое? То, чтобы благоугождать Господу: ибо не просто отойти отсюда хорошо, но отойти благоугодивши Богу; чрезъ сіе послѣднее хорошо будетъ и первое. Равно какъ не просто *жить здѣсь* тяжело; но тяжело жить оскорбляя Бога. Итакъ не думай, что для вѣчной жизни достаточно одного отитія отъ тѣла. Вездѣ

нужна добродѣтель. Посему, какъ разсуждая о воскресеніи тѣль, онъ не далъ успокоиться на одной извѣстности онаго, сказавъ,—*аще и облекшеся не нази обрящемся*: такъ равно говоря и объ отытіи отъ тѣла, дабы ты не подумалъ, что сего одного достаточно тебѣ для спасенія, присовокупилъ, что надобно еще сдѣлаться благоугоднымъ Богу“ (Св. Златоустъ).

Ст. 10. *Всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовомъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла.*

„Возбудивъ ревность Коринѳянь многоразличными благами, Апостоль не забылъ побудить ихъ и страхомъ угрожающихъ золь. Ибо блаженство наше состоитъ какъ въ стяжаніи благъ, такъ и въ избѣжаніи золь, т.-е., въ стяжаніи царства небснаго, и въ избѣжаніи геенны. Но страхъ мученій сильнѣе дѣйствуетъ на насъ. Ибо быть наказанными отчужденіемъ отъ наслѣдія вѣчныхъ благъ, иные, можетъ быть, и согласились бы; но терпѣть мученія едва ли кто согласится. Конечно первое надлежало бы почитать болѣе несноснымъ; но для многихъ, по причинѣ слабости ихъ и привязанности къ земному, послѣднее представляется несноснѣе.—Итакъ, поелику многихъ не столько возбуждаютъ обѣщанія благъ, сколько угрозы наказаній, то Апостоль и почель необходимымъ здѣсь заключить рѣчь свою такъ: *всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ*. Но опять утѣшивъ и возбудивъ слушателя напомниманіемъ объ ономъ судѣ, онъ и здѣсь не оставилъ скорби безъ утѣшенія, но горькое растворилъ съ сладостнымъ, сказавъ: *да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла*. Говоря сіе, исправныхъ и благочестивыхъ, а между тѣмъ гонимыхъ, онъ укрѣпляетъ надеждами; а неисправныхъ и нерадивыхъ возбуждаетъ страхомъ къ исправленію, и вмѣстѣ подтверждаетъ свое ученіе о воскресеніи тѣль. Ибо, говоритъ, тѣло, которое служило добродѣтели или пороку, не будетъ исключено отъ участія и въ воздаяніи-

яхъ; но вмѣстѣ съ душами однѣ (тѣла) будутъ преданы мученіямъ, а другія увѣнчаются наградами“ (Св. Златоустъ).

3)

Какъ идетъ проповѣдь Евангелія? 5 11—7, 1?

а) Богъ во Христѣ міръ примирилъ себѣ, и далъ намъ слово примиренія; мы и ходимъ, всѣхъ убѣждая примириться съ Богомъ. И вамъ тоже говоримъ, прилагая совѣтъ: смотрите, не пропустите благоприятнаго спасенію времени,—5, 11 — 6, 2. б) Мы свое дѣло дѣлаемъ, всячески заботясь не быть никому претыканіемъ, а напротивъ всѣмъ способствовать обращенію къ вѣрѣ,—6, 3—10. в) Позаботьтесь дѣлать и вы свое — оставя всякое нечестіе и беззаконіе, прильпите къ Богу, да будете Божиими,—6, 11—7, 1.

а).

Богъ во Христѣ міръ примирилъ себѣ: въ этомъ аа) *существо* новаго завѣта. 5, 11—18. И учредилъ провозгласителей о семъ примиреніи и пригласителей къ нему: въ этомъ бб) *Апостольство*, необходимое учрежденіе въ домо-строительствѣ спасенія, 5, 19—6, 2.

аа).

Существо новаго завѣта, 5, 11—18.

Мы падшіе осуждены на смерть. Сынъ Божій воплотившись умеръ за всѣхъ, и спасъ насъ удовлетворивъ правдѣ Божіей, и вложивъ въ насъ, новую жизнь,—5, 14—18.— На переходѣ къ изложенію этого предмета, отъ предыдущаго слова о судѣ всеобщемъ, Апостоль коротко указываетъ на искренность свою въ дѣлѣ проповѣди,—5, 11—13.

Ст. 11. *Вѣдуще убо страхъ Господень, чловѣки увѣщаваемъ, Богови же явлени есмы: уповаемъ же, яко и въ совѣстехъ вашихъ явлени есмы.*

Какъ отсвѣтъ какой, спесь св. Апостоль отъ созерцанія будущей жизни, суда и воздаянія по дѣламъ—отрезвляющей страхъ. Намъ вѣдомъ, говоритъ, страхъ Господень, и имъ проникнуты бывъ, увѣщаваемъ людей, какъ имѣющіе дать отчетъ Богу во всякомъ словѣ и дѣлѣ. Мы такъ предлагаемъ слово увѣщанія, какъ сознающіе, что насъ видитъ Богъ. Здѣсь тоже выражаетъ Апостоль, что прежде: *предъ Богомъ во Христѣ глаголемъ* (2, 17). Богъ видитъ, говоритъ, что въ словѣ нашемъ нѣтъ ни лжи, ни лукавства, ни лести. Мы увѣрены, что и вы не иначе понимаете насъ: ибо мы не внѣшно знаемъ вамъ, а вѣдомы очевидно самой совѣсти вашей.

Вѣдуще страхъ, не умомъ представляя, но нося его въ сердцѣ своемъ. *Человѣки увѣщаваемъ*, *πειθομεν*,—убѣждаемъ. Въ чемъ?—Въ чемъ посланы убѣждать, чтобы вѣровали, освящались таинствами, и принимали чрезъ нихъ благодатную силу жизни по заповѣдямъ Божиимъ, чтобы въ пришествіе Господне явиться чистыми и непорочными. Это обнимаетъ все содержаніе апостольскихъ увѣщаній. Но часто они вынуждены были заниматься побочными возникавшими вопросами; особенно нерѣдко нужно было удостовѣрять вѣрующихъ въ неложности и искренности слова своего. Прокрадывались какія-либо недобрныя мысли объ Апостолахъ въ среду вѣрующихъ и разстроивали ихъ. Дѣйствіе вѣры въ душахъ ихъ чрезъ то сокращалось, или совсѣмъ прекращалось. Апостолы долгомъ своимъ считали разгонять такія мысли, чтобы дать просторъ дѣйствию вѣры. Наши толковники подъ словомъ: *πειθομεν*, въ настоящемъ мѣстѣ именно это и разумѣютъ. *Θεοφιλακτѣ* пишетъ: „*Человѣки увѣщаваемъ*—стоитъ вмѣсто: *врачуемъ* соблазны. Ибо хотя бы ты не дѣлалъ ничего худаго, но если, подавъ какой-либо поводъ къ подозрѣніямъ, и имѣя возможность разсѣять соблазнъ, не разсѣеваешь его, то подлежишь осужденію“. Тоже *Θεодоритѣ* говоритъ: „Мы стараемся исправить тѣхъ, которые имѣютъ о насъ ложныя мнѣнія и доставить о себѣ свѣдѣніе, киковы мы дѣйствительно“. Такъ

и св. Златоустъ: „Такимъ образомъ, говоритъ св. Апостоль, зная сіе, т.-е. оный страшный судъ, мы дѣлаемъ все такъ, чтобы не подать вамъ никакого повода даже ложно подозрѣвать насъ въ неискренности нашего дѣйствованія. Видишь ли строгую точность въ исполненіи обязанностей, и заботливость души пекущейся о благѣ другихъ. Ибо, говорить, мы подлежимъ осужденію не только тогда, когда бы въ самомъ дѣлѣ сдѣлали что худое, но подвергаемся оному и тогда, когда, ничего худаго не сдѣлавши, бываемъ подозрѣваемы въ худомъ, и будучи властны удалить подозрѣніе, не заботимся о томъ“.

Богу же явлени есмы. „Богъ все знаетъ; Его нечего удостовѣрять намъ въ искренности своей“ (Экум.). „Предъ Богомъ мы открыты; Онъ видитъ образъ нашего дѣйствованія; и не слѣдуетъ предлагать Ему какія-либо объясненія, какъбы пріившему что соблазнительное на нашъ счетъ“ (Θеофилактъ). Цѣль Апостола въ этомъ словѣ не Божіе всевѣдѣніе и всевидѣніе представить, а сказать, что ихъ убѣжденіе во всевѣдѣніи Божіемъ не дозволяетъ имъ допустить въ себѣ что-либо неискреннее. Мы ходимъ, говоримъ, и дѣйствуемъ съ сознаниемъ присутствія Божія, и это сознание хранитъ насъ чистыми во всемъ, подобно пророку Давиду, который говоритъ: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8).

Уповаемъ же, ἔλπίζω, уповаю; будто ожидаетъ, а между тѣмъ выражаетъ полную свою увѣренность, и этою увѣренностію разгоняетъ всякое недоумѣніе, еслибъ оно таилось еще въ нихъ. Онъ говоритъ какъбы: „вы не имѣете нужды въ нашихъ удостовѣреніяхъ, въ точности зная нашу цѣль“ (Θеодоритъ). „Каковы мы на дѣлѣ, такими вы и знаете насъ, и знаете точно, въ чистой и ясной совѣсти“ (Экум.). „Вы хорошо знаете все наше; мы открыты предъ вами; и намъ не предлежитъ разгонять ваши соблазны и подозрѣнія“ (Θеофилактъ). Такъ говоритъ Апостоль про большинство ихъ, про тѣло церкви Коринтской;

а что были тамъ и нѣкоторые недобромьслы, объ этомъ говорить Апостоль въ послѣдней части посланія.

Ст. 12. *Не паки бо себе хвалимъ предъ вами, но вину даемъ вамъ похваленію о насъ, да имате къ хвалящимся въ лице, а не въ сердца.*

Не паки себе хвалимъ, συνιστανόμεν, представляемъ, рекомендуемъ вамъ себя самихъ. Въ этомъ никакой не надобности; потому что мы вамъ вполне извѣстны. Но говоримъ такъ, выясняемъ все дѣло, открываемъ предъ вами свои чувства и настроеніе нашего духа съ тою цѣлію, чтобъ дать вамъ вину похваленію о насъ, чтобъ вы зная все, какъ мы дѣйствуемъ, не краснѣли изъ-за учителей, а напротивъ могли хвалиться нами, когда потребуетъ того нужда. Не та мысль Апостола, чтобъ они хвалили ихъ безъ всякой нужды, но чтобъ имѣли наготовѣ твердыя основанія къ отпору нареканій на нихъ со стороны недоброжелателей, и тѣмъ, какъ истину защищали, такъ и свою совѣсть обезопасивали; ибо очень много значитъ хранить ничѣмъ неколеблемое убѣжденіе въ высокомъ и неприкосновенномъ достоинствѣ преподавшихъ ученіе Господне. Св. Златоустъ говоритъ: „Смотри, какъ онъ всегда предупреждаетъ подозрѣніе въ мнимомъ самохвальствѣ: ибо ничто такъ не оскорбляетъ слуха слушателей, какъ рассказъ чего-либо великаго и необычнаго о себѣ самомъ. Но какъ онъ вынужденъ былъ сказать о себѣ нѣчто такое, то и поправляетъ себя, говоря: мы сіе дѣлаемъ для васъ, а не для себя, чтобы вы имѣли чѣмъ хвалиться, а не мы, но и вы хвалились бы не безъ причины, но по причинѣ лжеапостоловъ. Не для того, говорить, говоримъ сіе, чтобы насъ хвалили, но для того, чтобы вы могли свободно говорить за насъ, и не для того, чтобы вамъ хвалиться только нами, но чтобы васъ не обманывали болѣе“.

Такое пониманіе мысли Апостола вполне оправдывается слѣдующими словами: *да имате къ хвалящимся въ лице, а не въ сердца.*

Да имате, что же имате? „Чѣмъ похвалитесь“ (св. Злат.),

„что отвѣтить и что сказать въ защиту насъ“ (Экум.), „чтобъ вы научились, какъ вамъ надлежитъ защищать учителя и обличать лживыя рѣчи противниковъ, которыя носятъ на себѣ двойную личину, иное думаютъ, а иное говорятъ“ (Теодоритъ). *Къ хвалящимся въ лице, а не въ сердца.* Чтобъ имѣли вы что сказать предъ этими, хвалящимися наружною представительностію, а въ сердцѣ немѣющими тѣхъ добродѣтелей, какія являютъ напоказъ. На видъ они показывали и ревность Божію, и любовь къ Коринѳянамъ и будто самоотверженіе; на дѣлѣ же, въ душѣ, все это не было таково, какъ являлось. Св. Златоустъ говоритъ: „да имате, чѣмъ похвалиться къ хвалящимся въ лице. И сіе также не просто и не безъ всякой нужды заповѣдуетъ имъ дѣлать, но когда лжеапостолы будутъ превозноситься. Онъ говоритъ и сіе не для своей славы, но чтобы заградить уста лжеучителямъ, ко вреду Коринѳянь хвалящимся своими дѣлами, *хвалящимся въ лице*, т.-е. наружными дѣлами, совершаемыми напоказъ. А лжеапостолы были дѣйствительно таковы, и все дѣлали изъ любочестія; и будучи пусты въ душѣ, хотя имѣли видъ благочестія и казались достойными почтенія, но были чужды добрыхъ дѣлъ“.

Ст. 13. *Аще бо изумихомся, Богови: аще ли цѣломудрствуемъ, вамъ.*

Изумленіемъ называетъ Апостолъ то, что говорилъ о себѣ великое, что въ другихъ мѣстахъ называетъ *бзуміемъ* (св. Злат.); а *цѣломудріемъ* смиренную о себѣ рѣчь (Теодоритъ). Эти понятія у всѣхъ толковниковъ одинаковы; но въ какомъ отношеніи первое *Богови*, а второе *вамъ*, понимаютъ разнo; отъ чего произошли разные перифразы этого текста. И св. Златоустъ приводитъ ихъ до трехъ, не давая видѣть, какой изъ нихъ предпочесть должно. Изъ этого видно, какъ трудно указать опредѣленную мысль этого мѣста.

Аще изумихомся, если кажусь кому вышедшимъ изъ себя, не зная, что говорю, потому что говорю объ

особомъ мепя избраніи, о бывшихъ мнѣ откровеніяхъ, о знаменіяхъ Божіихъ, мною совершенныхъ, и о другомъ подобномъ; то, вѣдь, говоря объ этомъ, я ничего себѣ не приписываю, а все отношу къ Богу; не себя, а Бога прославляю: ибо всѣмъ всюду возвѣщаю, что *благодатию Божіею есмь, еже есмь*, и что хотя я больше всѣхъ потрудился, но не я тугъ былъ дѣйствующимъ, а благодать. Такъ *еще изумихомся, Богови*. Можно бы укорить меня, зачѣмъ говорю и въ этомъ смыслѣ: пусть бы сами узнали, кому нужно, стороною, а не изъ твоихъ устъ. Но я не могъ молчать; надлежитъ говорить всѣмъ, что я Божій посоль, и указывать признаки того, для того, чтобы, видя мое уничиженіе, не уничижилъ и не презрѣлъ кто и проповѣди моей, не отвергъ ее и не погибъ (св. Злат.). Вотъ почему, хоть и знаю я, что безумствую, изъ себя будто выхожу, говоря такъ о себѣ, говорю однакожь, потому что отъ этого славится Богъ и словомъ моимъ, и спасеніемъ другихъ. Пусть считаютъ меня за это безумнымъ, съ радостию переношу это ради Бога. „Если кто считаетъ насъ за это безумными, тотъ пусть знаетъ, что мы для Бога такъ безумствуемъ“ (св. Злат.).

Аще ли цѣломудрствуемъ, вамъ. „Если же говоримъ что смиренно и съ уничиженіемъ, сіе дѣлаемъ для васъ, дабы вы научились смиренномудрствовать; или такъ: если кто считаетъ насъ смиренномудрыми, тотъ и самъ да научится отъ насъ смиренномурдію“ (Св. Злат.). „И то и другое дѣлаю, говорить, съ правую мыслию“. (Θеодоритъ).

Ст. 14. *Ибо любви Божія обдержитъ насъ суждшихъ сіе: яко еще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умрѣша.*

Переходитъ къ слову о существѣ новаго завѣта благодати. Можно поставлять сію рѣчь въ связь съ предыдущею, такъ: хотя и не ясна опредѣленная мысль Апостола въ предыдущемъ текстѣ, нельзя однакожь не видѣть, что онъ хотѣлъ выразить свою постоянную ревность о томъ, чтобы все дѣлать во славу Божію и спасе-

ніе людей. Что воодушевляло его на это? Любовь. Блаженный Теофилактъ и слово: *изумихомся*, въ изступленіе пришли, толкуеть такъ, что Апостоль былъ въ изступленіи отъ крѣпкой любви къ Богу; она заставляла его забывать себя, такъ что онъ мѣры не зналъ въ порывахъ самоотверженія. А эта любовь чѣмъ питалась? Созерцаніемъ смерти Христа Спасителя за всѣхъ людей. При мысли объ этомъ, говоритъ, любовь Божія объемлетъ душу мою, я вхожу въ чувство любви Божіей, загараюсь и самъ также любовію. Но въ дальнѣйшемъ толкованіи словъ Апостола, лучше ихъ не поставлять въ соотношеніе съ предыдущею рѣчью: потому что этимъ можно стѣснить возвышенное ученіе его о существѣ завѣта благодати. Предыдущее лучше признать только поводомъ или переходомъ къ изложенію сего ученія.

Любы Божія, του χριστου, любовь Христова, любовь, которую явилъ Христось Господь, благоволивъ умереть за всѣхъ, ибо умеръ по единой любви. Но какъ въ словѣ: любовь Божія, разумѣется нерѣдко Божеская любовь, или богоподобная, такъ и въ выраженіи *любовь Христова* слышится любовь Христоподобная. Къ этому приводитъ и глаголь *обдержитъ, συμῆλει*, схватываетъ, объемлетъ. Чтобы любовь Христова схватила и обняла насъ, необходимо воспріять ее въ чувство. Прими кто всею полнотою сердца любовь Христову, не можетъ онъ не загорѣться такою же любовію, и она будетъ совмѣщать и теплое чувство благодаренія къ Благодѣтелю толикому, и самоотверженную ради Его готовность на все, паче же на дѣланіе всякаго добра всѣмъ, и потому, что это паче всего угодно Христу Господу и по чувству братства съ ними во Христѣ. Такимъ образомъ любовь Христова, если обдержитъ кого, неотложно есть и Христоподобная.

Любовь сія обдержитъ насъ, *суждшихъ сіе*, обсудившихъ, взвѣсившихъ, умомъ обнявшихъ, сколько это возможно. Нельзя возгорѣться любовію Христовою, не сознавши ея, не вообразивъ всей ея необъятности и величія. Созерцаніе

любви Христовой, отражаясь въ сердцѣ, зажигаетъ и его любовію. Размышленіе о сей любви и всегда этотъ плодъ приносить. Сужденіе здѣсь не значитъ постиженіе, а сознаніе непостижимаго величія любви Христовой, и съ той особенно стороны, на какую указываетъ здѣсь Апостоль, именно ради смерти Христовой за всѣхъ, отъявшей силу смерти всѣхъ. „Ибо какой еще больше любви, какъ умереть за всю вселенную, лежащую во злѣ?“ говоритъ св. Златоустъ. Блаженный же Θεодоритъ пишетъ: „Пламенѣемъ, говоритъ Апостоль, любовію ко Христу, разсуждая, что когда мы подлежали смерти, Онъ одинъ за насъ пріялъ смерть, чтобы всѣмъ намъ пріобрѣтена была жизнь“.

Аще единъ за всѣхъ умре, убо вси умроша. Сила слова: одинъ за всѣхъ умеръ, значитъ всѣ умерли. Иначе нельзя было бы говорить, что за всѣхъ умеръ. Смерть Его одного совмѣщала смерть всѣхъ. Въ Его смерти всѣ умерли. Еслибы было не такъ, „еслибы не всѣ въ Немъ умерли, то и Христосъ не за всѣхъ бы умеръ“ (св. Златоустъ). Въ какомъ это смыслѣ, Апостоль здѣсь не разъясняетъ. Въ посланіи къ Евреямъ говоритъ онъ, что Господь Иисусъ Христосъ *благодатию Божіею за всѣхъ вкусилъ смерть* (Евр. 2, 9); а въ посланіи къ Тимоѳею разъясняетъ, что, эта *благодать* намъ опредѣлена *отъ мѣтъ вѣчныхъ*, и что Господь, вкусившій смерти, *разрушилъ смерть* (2 Тим. 1, 10). Буквально понимая эти слова: *разрушилъ смерть*, всѣ *въ Немъ умерли*, надо бы ожидать, что, послѣ смерти Господа никому не слѣдовало бы умирать. Поелику же всѣ умираютъ, слово же Божіе неложно; то надо положить, что есть смыслъ, по которому и смерть разрушена смертію Христовою и всѣ уже умерли въ Немъ, а между тѣмъ всѣ должны еще умирать, какъ умираютъ. Это ведетъ насъ къ краткому очертанію тайны всего домостроительства спасенія.

Богъ смерти не сотвори; она вошла въ міръ чрезъ грѣхъ. Богъ сказалъ прародителямъ, что если преступать запо-

вѣдь, то умеруть. Преступили, и умерли. Смерть тотчасъ вступила въ силу. Что душевно умерли, тогда же обнаружилось въ ихъ покушеніи спрятаться отъ Бога и въ прикрываніи грѣха и сваливаніи его на другаго. Что тѣлесно не умерли тотчасъ, то это вслѣдствіе отъ лѣтъ вѣчныхъ опредѣленной намъ благодати. Сія благодать вошла въ планы міробытія. Ангелы пали, и оставлены въ паденіи, по крайнему упорству ихъ во злѣ и богопротивленіи. Еслибы всѣ они пали, выпало бы звено это изъ цѣпи творенія и система міробытія разстроилась бы. Но какъ не всѣ пали, а часть, то звено ихъ осталось и гармонія міра пребывала нерушимою. Человѣкъ созданъ одинъ съ женою, чтобъ пародить все количество лицъ, имѣвшихъ составлять человѣческое звено въ системѣ міробытія. Когда онъ палъ, звено это выпало, и міръ терялъ свой строй. Какъ звено это необходимо въ строѣ міра, то надлежало или предавъ смерти, какъ опредѣлено, падшихъ, создать новыхъ родоначальниковъ, или этимъ доставить надежный способъ возстановленія въ первый чинъ. Поелику паденіе совершилось не вслѣдствіе, скажемъ такъ, неудачности перваго творенія, а потому что тварная свобода, особенно же свобода духа, физически соединеннаго съ тѣломъ, сомѣщала въ себѣ возможность паденія; то начавъ повторять твореніе, пришлось бы, можеть быть, повторять его безъ конца. Посему премудрость Божія, безпредѣльною благостію водимая, судила паче устроить падшимъ способъ возстанія.

Въ устроеніи сего способа первое мѣсто должно было занять исполненіе приговора вѣчной правды: *смертію умреши*; надлежало привзойти смерти равносильной смерти всѣхъ людей, чтобъ въ силу ея всѣ считались уже умершими, или уплатившими долгъ смерти, и чрезъ то получали право и оживали надеждою на жизнь. Для сего Сынъ Божій и Богъ имѣлъ принять на Себя естество человѣческое, со всѣми немощами кромѣ грѣха, и умереть имъ. Смерть сія, какъ смерть Бога во плоти, должна была

имѣть безпредѣльную цѣну и всеобъятность, и, какъ смерть невинная, могла быть вмѣняема другимъ подъ довлѣтельными условіями. Въ семъ благодать, отъ лѣтъ вѣчныхъ намъ опредѣленная. Опредѣленіе сіе вошло въ планы міробытія и, гдѣ нужно, являлось дѣйствующимъ въ промыслительной силѣ; но исполненію его въ дѣйствительности назначено свое время. На половинѣ шестой тысячи лѣтъ отъ паденія, пришелъ Сынъ Божій, воплотился и умеръ на крестѣ. Богъ умеръ естествомъ человѣческимъ, и въ одной этой смерти дѣйствительно совмѣстилъ смерти всѣхъ людей. Одинъ умеръ—всѣ умерли. Созерцая это, Апостоль и воззвалъ: *любовь Христова обдержитъ насъ суждишихъ сіе.*

Но если всѣ умерли, то смерть уничтожена? Такъ сіе и есть: Богъ, умерши естествомъ человѣческимъ, разрушилъ смерть (2 Тим. 1, 10): ибо въ третій день воскресъ въ прославленномъ человѣчествѣ, и съ того момента пребываетъ въ семъ воскресеніи. Человѣчество уже вкусило славы и величія воскресенія. Если, когда одинъ умеръ, всѣ умерли; то и когда одинъ воскресъ, всѣ воскресли. Сила воскресенія Христова дѣйствительно такова, что въ немъ лежитъ основаніе воскресенія всѣхъ. Сія сила не вмѣненіемъ переходитъ на каждаго, а самымъ дѣломъ вкушена будетъ каждымъ; каждый лично вкуситъ сей силы и воскреснетъ. Но на это опредѣлено свое время. Какъ было свое время для явленія во плоти Сына Божія, чтобы умереть въ ней и воскреснуть: такъ свое время опредѣлено, и когда всѣ вкусятъ воскресенія. Когда сіе совершится, тогда сбудется написанное: гдѣ ти смерти жало? Пожертва смерть побѣдою.

Но чтобы воскреснуть, надо умереть; чтобы умереть, надо родиться насмертникомъ. Такъ и положено, чтобы прародители не тотчасъ по паденіи умерли, а остались жить на время, какъ насмертники, чтобы и раждать насмертниковъ. Отсюда, въ порядокъ міробытія вошелъ періодъ смертности и тлѣнія, какъ путь къ петлѣнной и безсмерт-

ной жизни. Раждаются люди насмертниками каждый особо, но воскреснуть въ нетлѣннѣи положено всѣмъ людямъ вмѣстѣ, чтобы всѣ вдругъ явились въ предопредѣленной имъ славности. Ангелы сотворены всѣ вмѣстѣ: люди же явятся въ подобномъ имъ чинѣ всѣ вмѣстѣ уже по воскресеніи. Поелику люди не всѣ вдругъ являются на свѣтъ, а раждаются, какъ кому опредѣлять всеправящая премудрость Божія; то каждый, умирая, какъ насмертникъ, долженъ ждать общаго воскресенія. Отсюда для каждаго неизбѣженъ періодъ существованія въ разлученіи съ тѣломъ въ чаяніи воскресенія. Если посмотримъ со внѣ, увидимъ на землѣ царствующими смерть и тлѣніе; если пройдемъ мыслію въ сокровенности бытія, увидимъ души человѣческія, въ несмѣтномъ числѣ, живущія, какъ имъ опредѣлилъ Богъ, въ чаяніи соединенія съ воскресшими тѣлами нетлѣнными. Онѣ воздыхаютъ, въ жилище небесное облепятся желающе. Это неполная человѣческая жизнь. Живя въ тѣлѣ, мы не можемъ понять, въ чемъ состоитъ собственно оскудѣніе или умаленіе жизни безъ тѣла; но оно должно быть и есть, какъ открыто было Апостолу, который и сказалъ выше: *не хотимъ совлещися, но пооблещися*. Скорбность этого лишенія поглощается любовью: ибо всѣ знаютъ, что такой образъ бытія и учрежденъ и длится для того, чтобы народились всѣ имѣющіе быть причастниками воскресенія въ нетлѣннѣи. Законъ самоотверженія проникаетъ всѣ степени человѣческаго существованія. Хотя впрочемъ только ждется еще воскресеніе, но оно столько несомнѣнно, что какъ бы уже совершилось. Всѣ упованіемъ такъ причащаются воскресенія, какъбы уже воскресли. Пусть его еще нѣтъ; но оно уже наше.

Вотъ какъ и умерли всѣ во Христѣ и все еще умираютъ; и воскресли въ Немъ, и пребываютъ не воскресенными еще. Остается еще увидѣть, зачѣмъ эта временная жизнь? Затѣмъ, чтобы въ это короткое время оживать духомъ. Прародители падши, умерли духовно. Это видно изъ того, что думали спрятаться отъ Бога по паденіи, и

что вину прегрѣшенія сваливали одинъ на другаго. Строгій приговоръ правды поразилъ ихъ; но обѣтованіе Избавителя оживило духъ ихъ. Оттого по изгнаніи плакали и сокрушались; но не были поглощаемы печаяніемъ. Надежда избавленія оживляла и воскрешала духъ ихъ. Сіе оживленіе духомъ они воспріяли, бывъ мертвы и духовно и тѣлесно. Но оживши надеждою избавленія въ духѣ, они тѣмъ самымъ привлекли на себя и силу всеобъятной смерти Избавителя и становились причастниками воскресенія въ нетлѣннѣ. Они стали насмертниками, чтобъ въ свое время воспріять воскресеніе въ нетлѣннѣ. И это ради оживленія духомъ чрезъ обѣтованіе Избавителя. Какими стали теперь они, такими раждались отъ нихъ и всѣ люди: раждались насмертниками тѣлесно и мертвыми духовно, съ тѣмъ чтобы оживши духомъ подобно имъ, имѣть надежду воскресенія въ нетлѣннѣ, несмотря на смерть. Все дѣло жизни сей, стало-быть, есть оживленіе духомъ въ порядкѣ обѣтованнаго избавленія. Св. Павелъ изображаетъ сіе такъ:

Ст. 15. Христосъ же за всѣхъ умре, да живущи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему.

Оживленіе духомъ въ порядкѣ обѣтованнаго избавленія, какъ цѣль жизни, въ сущности одинаково, но по формѣ не одинаково проявлялось: иначе оно дѣйствовало до закона, иначе въ законѣ, иначе начало дѣйствовать въ благодати. Апостоль говоритъ о послѣднемъ. Единый уже умеръ за всѣхъ и воскресъ. И всѣ въ Немъ умерли и воскресли; но то и другое въ порядкѣ домостроительства, по которому и умсреть имъ надлежитъ въ свое время, и потомъ ждать имѣющаго въ свое время быть воскресенія въ нетлѣннѣ. Вслѣдствіе чего они живутъ еще въ обыкновенномъ порядкѣ жизни. Спрашивается, какъ имъ предлежитъ жить?—Живущимъ предлежитъ теперь не себѣ жить, но умершему за нихъ и воскресшему. Въ этомъ цѣль жизни, въ этомъ оживленіе духомъ, изъ начала ставшее цѣлію жизни.—Апостоль разумѣетъ не вѣрующихъ

только, но всѣхъ людей живущихъ, во всякое время. Всѣ должны для Господа одинаго жить. Если не живутъ, ихъ вина. Въ какой мѣрѣ извиняетъ кого невѣдѣніе, Богъ разсудитъ; но то законъ неотложный, что послѣ того, какъ Господь умеръ за всѣхъ и воскресъ, всѣ должны жить для Него. Въ этомъ норма жизни человѣчества.

То, что эту жизнь временную имѣемъ со способами оживленія духомъ, оттого имѣемъ, что Господь умеръ за всѣхъ; и то, что по смерти, пребывая въ разлученіи съ тѣломъ, будемъ жить надеждою воскресенія въ нетлѣнномъ тѣлѣ, оттого будетъ такъ, что Онъ воскресъ естествомъ нашимъ. Если такимъ образомъ все существенное въ нашей жизни отъ Него есть; то законъ правды велитъ не кому себѣ жить, но Ему единому. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостоль сказалъ, что мы должны жить не для себя самихъ, и представляетъ очевидную на то причину, почему такъ должно поступать: т.-е. если мы живемъ Умершимъ за насъ, то должны и жить для Того, Которымъ живемъ. И хотя сказанное имъ содержитъ, по видимому одну причину; но если тщательно разсмотримъ, то найдемъ слѣдующія двѣ: первую ту, что мы живемъ только Господомъ; другую ту, что Онъ умеръ за насъ. И каждая изъ нихъ, отдѣльно взятая, достаточна для того, чтобы содѣлать насъ покорными Ему. Сколько же мы должны быть обязаны Ему, когда соединимъ обѣ вмѣстѣ? Но еще и третья причина скрывается въ его словахъ, именно та, что для тебя Господь воскресилъ и вознесъ на небо начатокъ нашего естества; посему и прибавилъ: *умершему за насъ и воскресшему*“.

Что требуется обязательствомъ жить не для себя, Господь опредѣлилъ такъ: *иже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Мнѣ*. Что требуется обязательствомъ жить для Господа, о томъ сказалъ Господь: *любяй мя, заповѣди моя соблюдаетъ*. Блаж. Феодоритъ пишетъ: „Мы признаемъ справедливымъ жить для Него и вести жизнь по Его за-

повѣдямъ; потому что къ сему обязываетъ долгъ нашъ предъ Нимъ“.

Но такія требованія очевидно выполнимы только для познавшихъ Господа, увѣровавшихъ въ Него и прилѣпившихся къ Нему всесудно. Посему хотя Апостоль сказалъ, что всѣ живущіе обязаны жить не для себя, а для Господа,—выразимся такъ по идеѣ; но въ намѣреніи имѣлъ остановить на этомъ особенно пунктѣ вниманіе вѣрующихъ, тѣхъ къ кому писалъ, а за ними и всѣхъ. Ибо если всѣ люди къ этому обязаны, то тѣмъ болѣе обязаны вѣрующіе; потому что они, принявъ обязательства, получили и силы къ исполненію ихъ въ благодати св. Духа. Вѣрующіе въ Господа, приступая къ Нему, отвергаются нечестія и мірскихъ похотей, первоначально въ намѣреніи, желаніи и рѣшимости воли; но когда въ купѣли крещенія возраждаются они къ новой жизни, то получаютъ благодатную силу, самымъ дѣломъ отрѣшающую ихъ отъ нечестія и похотей и устремляющую ихъ на жизнь цѣломудренную, праведную и благочестную. Такимъ образомъ жить не для себя, т.-е. не по эгоистическимъ стремленіямъ плоти, а для Господа, т.-е. по волѣ Его, святой, благоугодной и праведной, есть неотъемлемая принадлежность истинно вѣрующихъ христіанъ. Въ отношеніи къ нимъ слово Апостола значитъ: такъ это должно быть, и иначе быть не можетъ, когда вы таковы, какими вамъ слѣдуетъ быть.

Ст. 16. *Тѣмже и мы отнынѣ ни единого вѣмы по плоти: аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ.*

Отнынѣ,—отъ какого это момента времени? Послѣ того, какъ Господь Спаситель умеръ за всѣхъ и воскресъ. Съ этого времени, говоритъ, *ни единого вѣмы по плоти* Кого же это *ни единого*? Можетъ быть и ни единого человѣка. Какъ выше подъ *живущими* можно разумѣть всѣхъ людей, такъ и здѣсь подъ *ни единого* ни единого человѣка. Апостоль смотритъ на людей по идеѣ, почерц-

путь изъ домостроительства спасенія. Всѣхъ людей, говорить, понимаемъ мы теперь не какъ плоть и кровь: родился, жилъ и умеръ,—а какъ лица, предназначенныя воспріять въ себя начала Божественной жизни, въ залогъ воскресенія и преславной жизни въ нетлѣніи. Въ этомъ смыслѣ Блаженный Теодоритъ пишетъ: „дознавъ, что смертью Владычнейю уничтожена смерть, никого уже изъ людей не признаемъ смертнымъ; потому что, хотя и самъ Владыка Христосъ имѣлъ подлежащее страданію тѣло, однакоже по страданіи содѣлалъ оное нетлѣннымъ и безсмертнымъ“.

Дѣло жизни о Христѣ Иисусѣ, или духовнаго въ Немъ оживленія человѣчества только началось при Апостолахъ; въ массу человѣчества положена только закваска и проникла лишь ближайшіе слои но какъ она предназначена была пропикнуть все, то св. Павелъ въ этомъ началкѣ оживленія человѣчества могъ созерцать уже оживленнымъ и все его, какъ положившій закваску въ смѣсь муки можетъ видѣть всю уже вскипшею и разсуждать о томъ, что изъ того выйдетъ. Объ немъ онъ и говоритъ, вниманіемъ однакожь упираясь, и подтвержденіе тому, что говоритъ о немъ, указывая въ увѣровавшихъ уже, отъ плоти отрѣшившихся и начавшихъ просіявать духовною жизнію чрезъ возрожденіе къ ней благодатію св. Духа. Въ семъ смыслѣ говоритъ св. Златоустъ: „если всѣ воскресли, воскресли же банею пакибытія и обновленіемъ Духа святаго; то Апостоль справедливо говоритъ, что мы никого изъ вѣрующихъ не знаемъ по плоти. Ибо что до того, что они находятся еще во плоти? Но прежняя плотская жизнь уже кончилась, и мы свыше возродились Духомъ, и познали другое жительство, и пребываніе и жизнь, и устроеніе, именно, небесныя“.

Или такъ: никакія стороннія уваженія не цѣнны уже въ нашихъ глазахъ: ни происхожденіе, ни богатство, ни ученость, ни власть. Важно одно воспріятіе новой жизни о Христѣ Иисусѣ благодатію св. Духа. Мѣра проявленія

такой жизни опредѣляетъ значеніе и вѣсь того или другаго лица, а не что либо плотское. Какъ ни будь кто виденъ по плоти, онъ ничто, если нѣтъ въ немъ жизни отъ Духа. Что есть кто по плоти, то для насъ будто не существуетъ; и смотрѣть на то не смотримъ, взоръ нашъ весь на то обращенъ, кто что есть во Христѣ Исусѣ, не по плоти, а въ духѣ. Кто имѣетъ послѣднее, тотъ только для насъ и есть; его и знаемъ; прочихъ будто нѣтъ.

Аще же и разумьхомъ по плоти Христа, но нынѣ кътому не разумьемъ. Апостоль беретъ лице или всѣхъ Апостоловъ, или всѣхъ вѣрующихъ, къ Господу прильпавшихся во время Его земнаго пребыванія, и говоритъ, что, когда обращался среди насъ Христось Господь, то смотря на него, какъ Онъ являлся со всѣми немощами естества человеческого, мы разумѣли Его по плоти, судили о Немъ по видимости этой; и хотя высоко Его разумѣли, но все не такъ, какъ слѣдовало, не такъ, какъ разумѣемъ теперь, когда умы наши озарены свѣтомъ благодати св. Духа. Теперь видимость та совсѣмъ исчезаетъ въ очахъ нашихъ; мы зримъ въ немъ одно величіе воплощеннаго Бога, Возстановителя падшаго человѣка, возведшаго его въ лицѣ своемъ до обоженія; созерцаемъ Его сѣдящимъ одесную Отца, одѣяннымъ славою нетлѣнія, и держащимъ въ рукахъ бразды всего міроуправленія. Св. Златоустъ говоритъ: „п. приложенію къ намъ, *по плоти* тоже значигъ, что быть въ грѣхахъ; а *не по плоти*, тоже, что не быть въ грѣхахъ. По приложенію же ко Христу, *по плоти*, не другое что означаетъ, какъ быть причастнымъ немощей человеческого естества, какъ-то: жажды, алканія, утомленія, сна, кромѣ грѣха; а *не по плоти*, означаетъ то, что Онъ теперь уже освободился отъ тѣхъ немощей плоти, а не то, чтобы Онъ находился теперь безъ плоти. Ибо съ плотію, только уже непричастною страданіямъ и безсмертною, Онъ придетъ судить вселенную“.

Ст. 17. *Тѣмже аще кто во Христвѣ, нова тварь: древняя мимо идоша се быша вся нова.*

Здѣсь говорится уже прямо о вѣрующихъ. Всѣ, говорить, предназначены къ тому, чтобы не для себя жить, а для Господа, всѣ должны жить духовною жизнію; но дѣйствительно такими являются только тѣ, кои суть во Христвѣ, т.-е. увѣровали въ Него и сочетавшись съ Нимъ въ купѣли крещенія начали жить новою жизнію, благодатию св. Духа, въ нихъ возгрѣвася. *Тѣмже аще кто во Христвѣ, нова тварь.* „Кто, говорить, увѣровалъ въ Господа, тотъ сдѣлался новымъ созданіемъ: ибо таковой родился свыше чрезъ Духа. А потому, говорить, мы должны жить для Христа не только потому, что *мы сами свои* (1 Кор. 6, 19), или что Онъ умеръ за насъ, и воскресилъ начатокъ нашего естества, но и потому, что мы чрезъ Него перешли въ другую жизнь“ (Св. Златоустъ).

„Дабы болѣе объяснить сказанное и показать, какъ мы дѣлаемся новою тварію, онъ говоритъ: *древняя мимо идоша, се быша вся нова.* Что же такое древнее? Или грѣхи, и разные роды нечестія (язычество), или всѣ іудейскіе обряды; а лучше то и другое вмѣстѣ. *Се быша вся нова*“ (Св. Златоустъ). Преподается новый образъ возрѣнія на все сущее и бывающее, вводятся новые порядки жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ; въ основу же всего кладется существенное обновленіе жизни въ самыхъ ея исходищахъ сокровенныхъ, въ духѣ и сердцѣ; раждается потаенный сердца человекъ, который и начинаетъ всѣмъ заправлять и въ душѣ, и въ тѣлѣ, и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Посмотрѣть—тотъже будто человекъ, тѣже въ немъ силы духа, души и тѣла, но жизнь уже не та. Не земное это насажденіе, не земнымъ воздухомъ дышетъ, не земными стихіями питается. Почему горная мудрствуетъ, а не земная, и животъ его сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ.

Св. Златоустъ подъ слѣдующимъ стихомъ возвращается къ этому предмету и говоритъ: „теперь у нихъ (у тѣхъ, кои во Христвѣ) и душа новая, ибо очищена, и тѣло новое,

и служеніе новое, и новыя обѣтованія, и завѣтъ, и жизнь и трапеза, и одежда, и все вообще новое. Поелику вмѣсто земнаго Іерусалима, мы получили вышній престольный градъ, вмѣсто чувственнаго храма узрѣли храмъ духовный; вмѣсто каменныхъ скрижалей получили плотяныя, вмѣсто обрѣзанія—крещеніе, вмѣсто манны—Тѣло Господне, вмѣсто воды изъ камня—кровь изъ ребръ, вмѣсто жезла Моисеева или Ааронова—крестъ, вмѣсто обѣтованной земли царство небесное. Представляя всѣ сіи и подобныя блага, Апостоль и сказалъ: *вся нова*. И все это отъ Бога чрезъ Иисуса Христа, и Его благодатию“.

Ст. 18. *Всяческая же отъ Бога, примирившаго насъ съ собою Иисусъ-Христомъ, и даваго намъ служеніе примиренія.*

Все же это, всѣ исчисленныя блага, отъ Бога. Такъ благоволилъ Онъ устроить, такое судилъ Онъ учредить домостроительство нашему спасенію, такова благодать, отъ лѣтъ вѣчныхъ намъ опредѣленная. Всяческая отъ Бога, въ Троицѣ лицъ покланяемаго, спасающаго насъ *по прѣзрѣнію Бога Отца, во святыни Духа, въ послушаніи и кропленіи крове Иисусъ-Христовы* (1 Петр. 1, 2). Въ тайнѣ Пресвятыя Троицы положено было отъ вѣка второму лицу Пресвятыя Троицы, Богу Сыну, воплотиться въ свое время отъ Присно-Дѣвы, и умерши на крестѣ разодрать имъ рукописаніе грѣхъ нашихъ, и удовлетворивъ тѣмъ вѣчной правдѣ Божіей примирить насъ съ Богомъ; положено было также, чтобы къ примиреннымъ такимъ образомъ низошелъ Духъ святой, третье лице Пресвятой Троицы, и оправданныхъ кропленіемъ крове Иисусъ-Христовы дѣлалъ праведными и святыми, обновляя ихъ внутреннюю жизнь благодатию своею. Въ этомъ существе Новаго Завѣта благодати, или домостроительство спасенія во Христѣ Иисусѣ. Апостоль выставляетъ здѣсь преимущественно только примиреніе во Христѣ Господѣ, умершемъ за всѣхъ, но тутъ же указываетъ Онъ и на благоволеніе Бога Отца, при-

мирившаго себѣ всѣхъ, и на благодать Духа, дѣйствовавшаго въ служеніи примиренія чрезъ Апостоловъ.

Св. Златоустъ говоритъ: *„всяческая же отъ Бога. А отъ насъ ничего. Ибо и оставленіе грѣховъ, и усыновленіе, и нетлѣнная слава отъ Него намъ дарованы. Такимъ образомъ возбуждастъ Коринѳяны къ добродѣтели не только будущими благами, но и настоящими, которыя они уже получили. Смотри же, какимъ образомъ. Онъ сказалъ: мы воскреснемъ нѣкогда, перейдемъ въ нетлѣніе и получимъ храмину вѣчную. Но поелику для убѣжденія тѣхъ, которые не столько вѣрятъ, сколько должны вѣрить будущему, настоящее больше имѣетъ силы: то онъ показываетъ имъ и то, что они получили (въ настоящемъ въ залогъ будущаго). Всяческая, говоритъ, отъ Бога, примирившаго насъ Себѣ Иисусъ Христомъ: потому что всѣ блага даны намъ чрезъ Христа. Тотъ, кто сдѣлалъ насъ друзьями своими, есть виновникъ и всѣхъ другихъ благъ, которыя Богъ даровалъ друзьямъ Его; ибо не врагами оставивъ, Онъ столько вознаградилъ насъ, но содѣлавъ друзьями Себѣ. Но когда я (дастъ разумѣть Апостоль) называю Христа виновникомъ нашего спасенія, то разумѣю вмѣстѣ и Отца; когда же говорю, что Отецъ даровалъ намъ оно, то опять разумѣю и Сына. Ибо вся Тѣмъ быша; слѣдовательно Онъ есть виновникъ и сего дѣйствія. Ибо не мы обратились къ Богу, но Онъ самъ примирилъ насъ Себѣ. Какъ? Смертію Христа“.*—Блаженный Θεодоритъ продолжаетъ будто эту рѣчь, говоря: *„Апостоль изобразилъ неизреченное Божіе человѣколюбіе. Хотя Онъ оскорбленъ былъ нашимъ преступленіемъ; но (не въ конецъ прогнѣвался) благоволилъ примирить насъ Себѣ, не человѣка употребивъ въ посредники, но Единороднаго Сына сдѣлавъ посредникомъ мира“.*

И даваго намъ служеніе примиренія. Когда говоритъ *примирившаго насъ*, то подъ насъ разумѣетъ всѣхъ людей; когда же говоритъ: *даваго намъ служеніе примиренія*, то подъ насъ разумѣетъ Апостоловъ. „Здѣсь онъ

указываетъ на достоинство званія Апостольскаго, показывая, сколь великое дѣло поручено имъ, и какъ велика любовь Божія къ намъ (въ учрежденіи т.-е. Апостольства)“ (Св. Златоустъ). Дѣло примиренія въ лицѣ Господа Спасителя совершилось вполне; но усвоеніе примиренія людямъ спасаемымъ должно было совершаться не чрезъ вмѣненіе, не механически, не внѣшно, а требовало извѣстныхъ нравственныхъ измѣненій въ примиряемыхъ, какъ неотложныхъ условій къ распространенію и на нихъ силы примиренія. Чтобы это могло быть исполнено, надлежало объявить людямъ сіи условія, сказать имъ, что они должны представить отъ себя, чтобы состоялось примиреніе; надлежало также послѣ того, какъ понявъ условія, они изъявятъ готовность исполнять ихъ, даровать имъ силу къ исполненію ихъ, потому что въ своемъ естествѣ они ихъ обрѣсти не могли.—Для сего учреждено было Апостольство, существенно необходимый членъ въ устроеніи спасенія людей. Апостолы преисполнены бывъ Духомъ святымъ, на нихъ сошедшимъ, должны были ходить по міру и всѣмъ возвѣщать благу волю Божию о примиреніи всѣхъ съ Богомъ подъ условіемъ покаянія, вѣры въ Господа Иисуса Христа, за всѣхъ умершаго на крестѣ, и самоотверженной готовности неуклонно ходить съ сего момента въ волѣ Божіей или въ заповѣдяхъ Его; тѣхъ, которые склонялись на сію проповѣдь, крестить во имя Отца и Сына и святаго Духа, а наконецъ чрезъ возложеніе рукъ низводить на нихъ благодать св. Духа. Въ этомъ существе Апостольскаго служенія, и симъ образомъ совершалось примиреніе съ Богомъ cadaго лица. Учрежденіемъ Апостольства исполнялось то, что предсказано въ изображеніи дѣлъ Премудрости,—какъ она, создавъ себѣ домъ и уготовавъ трапезу, послала своихъ рабовъ созывать съ великимъ проповѣданіемъ на чашу всѣхъ—и безумныхъ и разумныхъ (Притч. 9, 1—5), и то, что Господь изобразилъ въ притчѣ о бракѣ сына царева, говоря, что когда готово было все, послалъ царь рабовъ звать на пирь

всѣхъ, сначала тѣхъ, которымъ прежде о томъ давано было знать, а потомъ и тѣхъ, которые не знали ничего о томъ. И пошли, говорить, слуги по улицамъ и площадямъ, по перекресткамъ и распутіямъ, по большимъ и проселочнымъ дорогамъ,—и назвали.—Вотъ это и есть Апостольство: рабы Божіи ходятъ по міру и зовутъ. Св. Златоустъ особую сторону указываетъ въ цѣляхъ Божіихъ при учрежденіи Апостольства. Онъ говоритъ: „Послѣ того, какъ люди не послушали пришедшаго Ходатая, Богъ не отвергнулъ и не оставилъ ихъ, но не престаеетъ звать ихъ какъ Самъ, такъ и чрезъ другихъ. Кто достойно можетъ надивиться такому долготерпѣнію и попеченію Божію о насъ! Сынъ, пришедшій для примиренія; Сынъ, преискренній и едиnorodный, умерщвленъ; но Отецъ и въ семъ случаѣ не отвергъ убившихъ Его, и не сказалъ: Я послалъ Сына Моего совершить Мое посольство; а они не только не хотѣли послушать Его, но еще убили и распяли, посему праведно отвергнуть ихъ. Но поступилъ совсѣмъ напротивъ: по отшествіи отъ насъ Сына, Онъ ввѣрилъ намъ дѣло примиренія; ибо говоритъ: *давшаго намъ служеніе примиренія*“.

Епископъ Теофанъ.

СЛОВА ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

СЛОВО ШЕСТОЕ.

1) Что въ тѣлѣ болѣзнь, то въ душѣ грѣхъ.

2) Какъ имѣемъ мы чувство тѣлесное, такъ надобно, чтобъ душа имѣла чувство духовное, и чувствовала какъ болѣзнь свою, такъ и здравіе.

3) Кто не имѣетъ чувства духовнаго и не чувствуетъ, больна ли душа его или здорова, тотъ еще не христіанинъ, хотя и называется христіаниномъ: ибо прямой плодъ вѣры христіанской есть здравіе души.

1) Что болѣзнь въ тѣлѣ, то грѣхъ въ душѣ. Когда тѣло заболитъ, больной ни о чемъ уже другомъ не заботится, ни о богатствѣ, ни о славѣ, ни объ утѣхахъ, а все объ одномъ урочеваніи тѣла и возстановленіи здоровья. Такъ и когда душа болитъ грѣхомъ, надлежитъ всю заботу обращать не на другое что, ни на богатство, ни на славу, ни на удовольствія, а на одно урочеваніе болѣзни душевной и возвращеніе душѣ здравія. Что же скажу я, всеокаянный, въ оправданіе свое, въ день страшнаго суда, если тогда душа моя окажется больною многими и различными болѣзнями? Почему не приложилъ никакого попеченія о здравіи души своей, а всю жизнь свою трудился и хлопоталъ только о богатствѣ, славѣ и удовольствіяхъ?

2) Причина этому, кажется, та, что не знаетъ грѣшникъ о болѣзняхъ души своей и не чувствуетъ въ настоящей жизни, какое зло причиняють онѣ душѣ; не зная же и не чувствуя сего, обманывается, и полагая, что у него все хорошо, нисколько не беспокоится о здоровьѣ души своей. И не потому ли грѣшникъ, т.-е. больной душевно,

гордъ бываетъ, что безчувственъ есть, и не чувствуетъ зла причиняемаго ему грѣхами? И еще что? Чѣмъ болѣе кто безчувственъ, тѣмъ болѣе гордится, какъ говорить и божественный Давидъ: *гордыня ненавидящихъ Тя взыде выну* (Пс. 73, 23). Будучи же гордъ, онъ и мысли не допускаетъ, чтобы былъ боленъ, и ненавистію отплачиваетъ тому, кто сталъ бы говорить ему о его болѣзни, или предлагать врачество, тогда какъ настоящій христіанинъ, чувствуя раны и болѣзни души своей, ищетъ врача и охотно подчиняется его врачеванію. Когда тѣло наше заболѣваетъ, мы чувствуемъ боль, и чувствуя ее ищемъ врачества, да уврачуемся. Еслибъ не имѣли мы чувства, то не чувствовали бы и боли; еслибъ боли не чувствовали, не чувствовали бы потребности и во врачествѣ. Тому же слѣдовало бы быть и въ душѣ, т.-е. чтобы она своимъ духовнымъ чувствомъ чувствовала свою духовную болѣзнь. Но бываетъ иначе, не чувствуетъ. Не чувствуя же болѣзни, не тяготится ею и не ищетъ врачества. Оттого грѣшникъ, не чувствуя боли въ душѣ, живетъ себѣ весело и не печалится о грѣхахъ. Плача достойное состояніе: ибо пока онъ таковъ, неисцѣлимъ и, какъ неисцѣлимый, — погибшій, ненавистный Богу и святымъ Ангеламъ.

Посему надлежитъ намъ, сколько можно, позаботиться о томъ, чтобы придти въ чувство душею своею, возболѣзновать о грѣхахъ своихъ, и взискать врача душъ и тѣлесъ, Господа Иисуса Христа, и припадши къ Нему, умолять Его, да исцѣлитъ болѣзни души нашей. Эти болѣзни души суть похоти богатства, славы и удовольствія, по причинѣ коихъ люди бываютъ гнѣвливы, досадительны, неподвижны на добро, празднолюбивы, лихонмны, хищны, неправедны, тщеславны, горды, завистливы, чловѣконенавистны, мстительны. Что скажешь ты о всемъ этомъ?! Малы эти болѣзни душевныя и ничтожны?! И благословно душѣ, вѣрующей во Христа, не чувствовать ихъ и не печалиться о нихъ? Не должно ли напротивъ плакать и рыдать, и жалобные испускать вопли, чтобы Врачъ нашъ, видя сіе,

сжалился надъ нею, и далъ ей и увидѣть и возчувствовать болѣзни свои? Ибо пока не увидитъ она ихъ и не возчувствуетъ, не можетъ уврачевать ее и самъ всемогущій Врачъ. Да и что есть уврачеваніе души? Есть дивное нѣкое измѣненіе души, по коему уврачеванная душа тѣ похоти злыя, которыя прежде были ей такъ вождедѣльны, начинаетъ считать мерзостію и заразою, и за это ненавидитъ ихъ, не сама по себѣ, а благодатію исцѣлившаго ее Врача, коего и благодаритъ она потомъ всегда и о коемъ велегласно проповѣдуетъ всѣмъ, взывая: *сія измѣна десницы Вышняго* (Ис. 76, 11). Но чтобы пришелъ Врачъ, надобно призвать Его; чтобы призвать, надобно увидѣть болѣзнь и почувствовать ее.

3) Какъ внѣшнее свое состояніе человѣкъ сознаетъ и чувствуетъ, именно, слабъ ли онъ или крѣпокъ, здоровъ или нездоровъ, счастливъ или несчастливъ, обиду терпитъ или благодѣніе получаетъ,—какъ все это онъ знаетъ и чувствуетъ: такъ всякій христіанинъ долженъ видѣть и чувствовать свое внутреннее состояніе, здоровъ ли по душѣ или боленъ, счастливъ или несчастливъ, благоденствуетъ или страждетъ. И если не чувствуетъ онъ этого внутренно въ себѣ самомъ, то всеу носитъ имя христіанина; и хоть именуется такъ, но на самомъ дѣлѣ не таковъ. Ибо еслибы онъ былъ истиннымъ христіаниномъ и имѣлъ общеніе съ Владыкою Христомъ, то былъ бы причастенъ и живота Его и свѣта: такъ какъ Христосъ есть животь и свѣтъ. Слѣдовательно и видѣлъ бы себя и чувствовалъ все свое, потому что видѣть и чувствовать есть естественное свойство живыхъ, такъ что у кого нѣтъ этого, тотъ мертвъ. Такимъ образомъ кто не видитъ и не чувствуетъ душевно добра и зла, которое прибываетъ въ него и выбываетъ изъ него, тотъ еще мертвъ и не просвѣщенъ лучами умнаго солнца правды. Да потщится же таковой наискорѣйше потещи и припасть мысленно ко Іисусу Христу, умоляя Его сжалиться надъ нимъ, оживить его и просвѣтить, дать ему придти въ чув-

ство и познать состояніе свое; и потому отъ Него еди-наго да взыщеть спасенія себѣ. Ибо безчувственнаго чело-вѣка не можетъ спасти и Самъ Богъ, могущій все тво-рить.

Человѣкъ созданъ состоящимъ изъ двухъ естествъ, мысленнаго и чувственнаго, души и тѣла. Почему потре-бовалось для него и двойное врачество, послѣ того какъ онъ впалъ въ великую болѣзнь послѣ великаго здравія, какое имѣлъ прежде. Болѣзнь есть потеря здравія, и воз-болѣвшій по преступленіи человѣкъ возболѣлъ естествомъ. Болѣзнь же, въ естество вшѣдрившаяся и ставшая есте-ственной, непремѣняема, какъ естество. Суди теперь, сколь великая потребна сила, чтобы премѣнить больное естество въ здоровое, когда это есть тоже, что поставить его выше естества, какъ оно есть въ немъ, въ настоящемъ своемъ состояніи? Для указанія сего-то и дано намъ бого-духновенное писаніе, которое есть для насъ лечебная наука.

Врачебное искусство, лечащее тѣло человѣческое, никакъ не можетъ уврачевать первоначальную коренную болѣзнь, т.-е. тѣніе, но употребляетъ всякіе свои спо-собы лишь на то, чтобы врачевать вторичныя болѣзни, когда естественно-больное тѣло выходитъ и изъ этого естественно-болѣзненнаго своего состоянія и впадаетъ во вторичную какую-либо болѣзнь, въ водянку напр. или въ горячку; это врачеваніе происходитъ не отъ буквъ, какими прописываетъ врачъ врачество, а отъ употребленія того, что имъ прописывается; прописываются же имъ разныя вещества, которыя при различной врачевательной силѣ и дѣйственности, всѣ однородны однакожь съ заболѣвшимъ тѣломъ, чтобъ могли воздѣйствовать на это тѣло и врачевать его.

Итакъ, если лечебное искусство, истоща всѣ способы врачеванія, и всѣ употребивъ врачевательныя вещества, доходитъ лишь до того, чтобы врачевать вторичныя бо-лѣзни тѣла и поставлать заболѣвшее тѣло только въ пред-

шествовавшее сей болѣзни состояніе, которое есть естественно болѣзненное состояніе тѣлія; то гдѣ взять силу къ врачеванію сей послѣдней коренной болѣзни? Она— выше естества. Чтобъ уврачевать больное человѣческое естество и возстановить въ немъ истинное, свойственное ему по первоначальному его устроенію, здравіе, для сего потребна сверхъестественная и пресущественная сила. Какая же эта сверхъестественная и пресущественная сила, могущая возвратить намъ первоначальное здравіе? Это есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, который, чтобъ уврачевать подобное подобнымъ, благоволилъ воспринять человѣческое естество здоровое. И вотъ, когда кто вѣрою прилѣпляется ко Христу, тогда Христосъ сочетается съ нимъ и божествомъ и здоровымъ человѣчествомъ, и чрезъ такое единеніе возстановляетъ въ немъ первоначальное истинное здравіе.

Но какъ при врачеваніи тѣла, на возстановленіе здравія въ немъ дѣйствуютъ не буквы, коими прописывается врачество, а сила прописанныхъ веществъ; такъ и въ отношеніи къ врачеванію души, оздравленіе ея и спасительное на нее воздѣйствіе совершается не буквами божественнаго Писанія, а силою Христа, который прописанъ въ Писаніи. *Не въ словеси бо царствіе Божіе, но въ силѣ* (1 Кор. 4, 20). Ибо все божественное Писаніе, Ветхое и Новое, руководитъ естественно-больное человѣческое естество ко Иисусу Христу, который есть единственный Врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ. Кто останея непричастнымъ Его божественной благодати, тотъ останея и неуврачеваннымъ; а кто причащается Его благодати, у того душа перестаетъ уже быть больною. Ибо плодъ вѣры нашей христіанской есть здравіе души. За тѣмъ Богъ содѣлался человѣкомъ, чтобъ душа чрезъ Него могла воспринимать здравіе свое. Слѣдовательно у кого душа нездрава, тотъ еще не сталъ христіаниномъ настоящимъ. Здоровою же душа дѣлается силою божественною и свѣтомъ благо-

дати, даруемой Христомъ за вѣру. Душа невидима и не видно, здорова она или нѣтъ, не только для другихъ, но перѣдко и для нея самой. Но есть видимые знаки, по которымъ для всѣхъ явно бываетъ ея состояніе. Укажу на самый видный, на упорядоченіе и исправленіе пяти чувствъ—зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Когда кто держитъ ихъ въ порядкѣ и владѣетъ ими разумно; явно, что душа его въ своемъ чинѣ, здорова, и человѣкъ тогда является настоящимъ разумнымъ животнымъ и дѣйствуетъ по разуму и разсужденію, а не какъ животныя несмысленныя, состоящія во власти у своихъ чувствъ. Владѣніе пятью чувствами будто есть очень простое дѣло; но я тебѣ скажу, что кто властвуетъ надъ пятью чувствами, тотъ властвуетъ надъ всею вселенною и надъ гсѣмъ что въ ней: ибо у насъ все бываетъ отъ нихъ и чрезъ нихъ. Но кто таковъ, тотъ самъ властвуемъ бываетъ отъ Бога и всецѣло покорствуемъ во всемъ волѣ Божіей. Такъ царство Божіе водворяется и первоначальный чинъ возстанавливается: ибо человѣкъ въ началѣ опредѣленъ былъ царемъ міра. Въ семь черта образа Божія и подобія. Такимъ образомъ, кто не властвуетъ надъ пятью чувствами, тотъ не бываетъ по образу Божію и подобію; и хотя бы онъ всю мудрость міра поглотилъ и зналъ все сущее, о немъ положенъ приговоръ: *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48, 13). Онъ живетъ на похуленіе Бога, Создателя всяческихъ, какъ написано: *имя Божіе вами хулится во языцехъ* (Рим. 2, 24). И Христово имя похуляется такими и вѣра христіанская поношается отъ невѣрныхъ, которые говорятъ: еслибы Богъ христіанскій былъ истинный Богъ, то христіане не были бы таковы же, какъ и мы; между тѣмъ многіе изъ нихъ живутъ гораздо хуже насъ, въ неправдахъ и срамныхъ похотяхъ.

Насъ же да просвѣтитъ благодать Христова, да подастъ здравіе душѣ нашей, и да дастъ намъ силу держать въ

своей власти пять чувствъ и жить достожджно, чтобы славилось имя Божіе чрезъ насъ. Ему слава и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

1) Богъ, по чрезмѣрной любви своей къ людямъ, подвергъ ихъ разнымъ лишениамъ въ жизни сей.

2) Бѣдность есть благодѣаніе Святаго Бога.

3) Кто хулитъ бѣдность, тотъ отрицается христіанства и не хочетъ быть христіаниномъ.

4) Необходимость настонтъ, чтобы христіане имѣли скорби и бѣды.

1) Человѣколюбивый Богъ благоволилъ быть такому порядку, чтобы человѣка, отпадшаго отъ благодати Его, окружали многіе страхи, разныя непріятности, скорби и бѣды. Оставилъ Онъ его быть обременяему всѣмъ этимъ, со всѣхъ сторонъ безпокоюму и бориму даже отъ себя самого. Причина, почему Онъ такъ устроилъ, предивна, исполнь любви и благодти. Какъ какой-нибудь богатый-пребогатый человѣкъ, имѣя сына возлюбленнаго, по великой своей къ нему любви, не хочетъ, чтобы онъ искалъ гдѣ либо на сторонѣ или отъ другаго кого получалъ потребное себѣ, пищу, питіе, одежду, обувь, или другое какое утѣшеніе и упокоеніе, но желаетъ, чтобы все это онъ получалъ отъ него одного, отца своего, дабы чрезъ это всегда находился подлѣ него и упокоевался на колѣнахъ его; и если случится какъ нибудь, что этотъ сынъ убѣжить отъ него, и у другаго кого пожелаетъ получать потребное себѣ, то отецъ такъ все устрояетъ, чтобы сынъ или совсѣмъ нигдѣ ничего не находилъ, или находилъ съ большимъ трудомъ и по́томъ; мало того, онъ еще всѣмъ, находящимся подъ его властію, повѣщаетъ, чтобы, коль скоро увидятъ сына его шатающимся тамъ и сямъ вдали отъ него, гнали его и всякія причиняли ему непріятности, дабы онъ и нехотя по неволѣ воротился къ нему, много любящему его отцу, не находя себѣ нигдѣ

покоя: такимъ же образомъ и Богъ поступилъ съ отпадшимъ человѣкомъ, устроивъ, чтобъ онъ не находилъ себѣ покоя въ настоящей жизни въ вещахъ міра сего, и чрезъ то вынуждаемъ былъ опять возвращаться ко всеблагому Богу, Господу и Владыкѣ всяческихъ, Отцу, Промыслителю, Упокоителю, Искупителю и Спасителю, и всегда находится при Немъ, дабы такимъ образомъ и человѣкъ находилъ успокоеніе, и Богъ, Отецъ его, имѣя при себѣ его, сына, радовался о немъ.

Прежде преступленія человѣкъ находился въ полномъ счастіи, всякое имѣлъ утѣшеніе и жилъ во всегдашней радости въ раю, безъ скорби и печали, даже не зная, что такое есть печаль. Но забывшись по причинѣ этого самаго великаго счастія, пришелъ онъ къ похотѣнію того, что было выше мѣры его и выше силы его, восхотѣлъ быть Богомъ, по внушенію діавола. За это, тотчасъ, какъ только и дѣломъ покусился на то, что получить было для него невозможно, потерялъ то великое счастіе и упокоеніе, какое имѣлъ, сталъ бѣденъ и пришелъ въ столь же великую нищету, сколь великое имѣлъ прежде богатство, воспріявъ такимъ образомъ наказаніе за возгордѣніе, коимъ подвигшись, дерзнулъ онъ покуситься на то великое и отважное покушеніе: какъ будто пресытился онъ тѣмъ счастіемъ, какое даровалъ ему Богъ, и брезгуя имъ, восхотѣлъ выспаго.

Сдѣлавшись такъ бѣднымъ, сталъ онъ, по причинѣ нужды и недостатковъ, поднимать всякіе труды и хлопоты, но, не находя при всемъ томъ потребнаго столько, какъ бы ему хотѣлось, то подавляемъ былъ скорбію, печалію и уныніемъ, то на большія напрягался усилія, чтобъ достигнуть довольства и обилія, сбросивъ томившую его тяготу скудости. По этой же причинѣ иной дѣлался воромъ, явнымъ или тайнымъ, иной разбойникомъ, насильно отнимающимъ чужое, иной лихоимцемъ, неправеднымъ, обманщикомъ; отсюда же зависть, предательство, клевета, враждованіе, споры, суды, навѣты, ложь, клятвопреступниче-

ство, убійство. И самаго Бога забыли, который на пастоящую жизнь въ видѣ временнаго наказанія опредѣлилъ бѣдность, заслуженную роду человѣческому преступленіемъ Адамовымъ. Дѣйствуя такъ, они, можно сказать, идутъ противъ Бога, когда, во что бы то ни стало, усиливаются сдѣлаться богатыми и всѣмъ обилующими, несмотря на Божіе присужденіе намъ скудости на настоящую жизнь. Сдѣлавшись богатыми, являются они гордыми и тщеславными. Далѣе же что послѣдуетъ? Вотъ что: Богъ гордымъ противится; и послѣдняя ихъ зрять туда же, куда попалъ отступникъ отъ Бога—дѣволъ.

2. И такъ знать надлежитъ относительно скудости во всемъ, что Богъ праведно наложилъ ее на насъ, какъ временное наказаніе, и потому претерпѣвать ее съ благодареніемъ, да привлечемъ на себя благоутробіе, милость и попеченіе Божіе. *Егоже бо любитъ Господь, наказуетъ, да смирится наказательною скудостію и далекъ будетъ отъ гордости, бьетъ же всякаго сына, егоже приѣмлетъ* (Евр. 12, 6), болѣзнями и скорбями, чтобъ къ себѣ его притянуть и имѣть всегда съ собою, и за труды и подвиги, съ благодарностію переносимые, увѣичать его вѣнцемъ терпѣнія и сдѣлать сыномъ пріятнымъ. Преступленіе Адамово послѣдовало не отъ другаго чего, какъ отъ того, что онъ имѣлъ всѣ блага въ изобиліи безъ труда. Почему Богъ за преступленіе опредѣлилъ намъ въ потѣ лица своего снѣдать хлѣбъ свой, пока умремъ. Если же для настоящей жизни на всѣхъ людехъ наложена скудость, какъ естественное временное наказаніе; то всѣми неправдами усиливающейся убѣжать изъ-подъ него, попадетъ подъ вѣчное наказаніе. Потому что избѣжать скудости въ настоящей жизни едва ли возможно безъ хищенія, неправды и лихоимства; ктому же счастье и богатство естественно порождаютъ гордость, источникъ всякаго грѣха, а гордаго, стремглавъ низвергну долу, беретъ въ свою власть срамота, т.-е., начинаютъ господствовать надъ нимъ плотскія

страсти,—порожденія его неразумія и растлѣнія въ немъ здраваго смысла.

3. Посему христіанинъ, который всячески хлопочетъ и усиливается избыть отъ скудости, очевидно не хочетъ быть христіаниномъ истиннымъ; потому что истинному христіанину нельзя быть безъ лишеній и нуждъ. Сынъ Божій и Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ для возстановленія естества человѣческаго, не благоволилъ тотчасъ отмѣнить первое наказательное опредѣленіе, т. е. нужду во всемъ и смерть, паломленная на Адама и родъ нашъ за преступленіе заповѣди; ибо и то, чтобы намъ въ потѣ лица снѣдать хлѣбъ свой, и то: *земля еси и въ землю пойдеши*, пребываютъ и навсегда пребудутъ въ родѣ нашемъ, до скончанія вѣка. Но что сдѣлалъ и дѣлаетъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ?—То, что вѣрующихъ въ Его вочеловѣченное домостроительство дѣлаетъ причастниками своей силы, яко Богъ силъ, и своей премудрости, яко Богъ премудрости, и чрезъ то, не отмѣняя дѣломъ перваго опредѣленія, отмѣняетъ тѣмъ, что отъемлетъ силу его, воодушевляя вѣрующихъ благодушно переносить всякаго рода лишенія и скорби, самъ первый подъявъ ихъ до безславной смерти на крестѣ, и сдѣлавшись для насъ въ этомъ образцомъ и примѣромъ. Вслѣдствіе сего видимъ, что и Апостолы и всѣ истинные христіане, пріемля отъ благодати Христовой силу, съ радостію переносятъ всякія скорби и искушенія, и приносятъ Богу достойные плоды съ великимъ терпѣніемъ. Почему ни мученики не просили Христа избавить ихъ отъ терзаній и мученій, ни подвижники не искали освобожденія отъ трудовъ и потовъ подвижничества, но тѣ и другіе умоляли лишь даровать имъ терпѣніе, и съ этимъ терпѣніемъ подвизались подвигомъ мученичества и подвижничества, чтобы въ будущей жизни воспріять награду за трудъ свой.

4. Итакъ для всякаго благочестиваго неизбѣжны скорбь, тѣснота и лишенія; и это не къ ущербу, а къ усиленію и возвышенію его благочестія. Пока не испытаетъ кто иску-

шеній, не можетъ понять и познать сокрытой въ нихъ сладости и силы для жизни по Богу. Когда же испытаетъ ихъ и познаетъ сіе, то не можетъ не благодарить испытующаго его Господа. И когда освободится отъ нихъ, не за то одно благодаритъ Избавителя, что освободилъ, но и за то, что даровалъ испытать чрезъ нихъ. Не испытанный искушеній бываетъ неискусенъ въ жизни, и къ богоугожденію не такъ рачителенъ. А испытанный ихъ и освободившійся отъ нихъ горитъ духомъ къ Богу и всеусердно благодаритъ Его. Конечно, бываютъ усердные къ Богу и благодарные и изъ тѣхъ, кои не испытываютъ искушеній, но не съ такимъ жаромъ, какъ тѣ, кои испытываютъ ихъ и избавляются отъ нихъ. Посему крайне потребно и спасительно христіанину подпадать искушеніямъ, скорбямъ, тѣснотамъ и лишеніямъ, да познаетъ на себѣ многопомощную силу Божію и Бога да благодаритъ отъ всей души, отъ всего помышленія и всею силою. Кто живетъ покойно и не имѣетъ искушеній, тотъ подверженъ двумъ невыгодамъ: первая, что не такъ усердствуетъ къ Богу и не отъ всей души благодаритъ Его, а вторая, что умъ его неизбѣжно вдается въ суетныя попеченія и заботы. Можетъ быть и Адамъ не такъ бы легко прельстился, не послушалъ бы злаго совѣта діаволова, и не восхотѣлъ бы быть богомъ, еслибы поусерднѣе благодарилъ Бога, когда былъ окруженъ величайшимъ онымъ упокоеніемъ и неизреченною радостію. Такъ-то сколько потребно для насъ дышать воздухомъ, столько потребно благодарить Бога, въ самыхъ искушеніяхъ, скорбяхъ и лишеніяхъ, какимъ подвергаемся, идя путемъ богоугожденія. Будемъ же, братія мои, и мы благодарить Бога о всемъ, и безропотно претерпѣвать всякое искушеніе и скорбь, во Христвъ Исусѣ Господѣ нашемъ, коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ОСЬМОЕ.

1. Удерживать въ умѣ читаемое въ божественномъ писаніи есть дѣйствіе силы Божіей.

2. О молитвѣ и чтеніи.

3. Какъ надлежитъ христіанину молиться?

1. Учащійся, если не удерживаетъ въ умѣ своемъ и не помнитъ того, чему научаютъ его, никакой не получаетъ пользы отъ ученія. Знающій грамоту и читающій, если не понимаетъ читаемаго, есть тоже что неграмотный. Читающій и понимающій, если не можетъ удерживать въ умѣ своемъ того, чтò вычиталъ и понялъ, никакой не получаетъ пользы отъ чтенія. Въ отношеніи же къ божественному писанію, то, чтобы читать оное, въ нашей состоитъ власти; а то, чтобы понимать читаемое, и отъ насъ самихъ зависитъ и не отъ насъ. Отъ насъ зависитъ стараніе и вниманіе, какія надлежитъ имѣть при чтеніи; тоже, чтобы понимать читаемое, есть дѣло благодати Божіей. Но то, чтобы удерживать въ умѣ и помнитъ понятое, есть дѣло единой благодати Божіей. Почему не много такихъ, которые удерживаютъ сіе въ умѣ, какъ и вообще спасаемыхъ избранниковъ немного.—Чтеніе научаетъ человѣка тому, что руководитъ его къ Богу и дѣлаетъ Божіимъ; а молитва дѣлаетъ то, что Богъ милосердствуетъ къ человѣку, и просвѣщаетъ умъ его, чтобъ понималъ и помнилъ прочитываемое. То, чтò написано объ иныхъ мірскихъ дѣлахъ, читающіе могутъ понимать и сами, но вещей божественныхъ и спасительныхъ никому невозможно понять или помнитъ безъ просвѣщенія отъ св. Духа.

2. Тому, кто научился молиться какъ должно, не столько нужно чтеніе; потому что его душу исполняетъ божественнымъ свѣтомъ и божественно измѣняетъ благодать св. Духа. Но тотъ, кто предпочитаетъ больше сидѣть за чтеніемъ, нежели научаться молиться какъ должно, находится въ прелести и самъ себя отдаляетъ отъ спасенія; лучше же сказать, таковой безчувственъ, хотя и говоритъ,

что прочиталъ все писаніе и всегда имѣлъ его на языкѣ. Не можетъ быть, чтобы плодъ земный созрѣлъ безъ теплоты солнечной. Пусть сѣмя прорастетъ во время зимы и весною прорастетъ и дастъ стволъ; но если все время будетъ стоять пасмурное и холодное, то никакъ не созрѣетъ плодъ его. Это будетъ произрастеніе ни къ чему негодное и бесполезное; лучше бы ему совсѣмъ не прорасти. Такимъ же образомъ и тотъ, кто не согрѣвается теплою умнаго солнца—Христа Господа, посредствомъ молитвы, какъ должно совершаемой, не можетъ получить зрѣлаго плода духовнаго, т.-е. сладости и пользы отъ чтенія своего.

Много потребно времени и труда, болѣе мысленнаго, чѣмъ тѣлеснаго, на то, чтобы сначала научиться молиться какъ должно, а потомъ, научившись, продолжать молиться. Почему и Апостолъ заповѣдуетъ намъ воспѣвать и пѣть Богу всегда сердцемъ, а не устами одними (Еф. 5, 19). Поелику уста говорятъ отъ избытка сердца, то надобно такъ устроиться, чтобъ и молитва, устами произносимая, произносима была отъ избытка сердца. А это бываетъ, когда въ насъ сердце чистое созидается, божественный духъ правый обновляется, и воспріемлетъ радость спасенія Божія, каковая радость раждается отъ общенія и причастія Христу, а утверждается потомъ благодатію Духа владычнаго, по слову пророка, который сперва сказалъ: *сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей*, а потомъ: *воздаждь ми радость спасенія Твоего и Духомъ владычнимъ утверди мя*, чтобъ духи злые ни съ какой стороны не могли, своими искушеніями и прилогами, колебать движеній и помышленій душевныхъ. Когда душа будетъ въ состояніи молиться показаннымъ способомъ, тогда возможно, чтобы отъ таинственныхъ лучей божественнаго просвѣщенія, нисходящихъ въ молящагося во время молитвы и ради молитвы, созрѣвало, т.-е. было въ сладость пріемлемо и пользу приносило то, что онъ вычитываетъ и понимаетъ.

Кто не дѣлаетъ такимъ образомъ, тотъ ничего какъ должно не понимаетъ изъ читаемаго, не чувствуетъ сладости отъ того и никакой не получаетъ пользы.

3) Молиться Богу весьма хорошее дѣло и великую приноситъ пользу молящемуся. Если великая бываетъ польза отъ собесѣдованія съ земнымъ царемъ, то сколь бѣлая должна быть отъ собесѣдованія съ Царемъ небеснымъ посредствомъ молитвы? Какъ никто не смѣетъ приблизиться къ тому, кто бесѣдуетъ съ царемъ земнымъ, и пресѣчь бесѣду, которую онъ ведетъ: такъ и демоны не дерзаютъ приблизиться къ тому, кто съ Богомъ бесѣдуетъ. Напротивъ, великій вредъ бываетъ отъ того, если кто не молится Богу: ибо душа такого оставляется лишевною Божію просвѣщенія, божественной силы и покоя отъ демонскихъ искушеній; и демоны непрестанно возбуждаютъ въ ней непотребныя движенія, похоть нечистую, пошвы на блудъ, неправду, тщеславіе, гордость, самоувѣреніе. Какъ для тѣла необходимо потребенъ воздухъ, чтобъ дышать: такъ для души потребно непрестанное памятованіе о Богѣ, т.-е. молитва. Но опять, если кто молится Богу просто, какъ попало, будто мимоходомъ, безъ страха, какой надлежитъ имѣть тому, кто предстоитъ предъ Богомъ, предъ Коимъ трепещутъ херувимы, для того не только это никакой не приноситъ пользы, тотъ не только несетъ ущербъ, о коемъ сказано выше, но терпитъ несравненно пагубнѣйшій вредъ, гнѣвъ Божій, отвращеніе Божіе, изгнаніе Божіе. Ибо какъ тѣлохранители царскіе тотчасъ восхищаютъ отъ лица царева и выгоняютъ вонъ того, кто стоитъ предъ царемъ небрежно, безъ страха и благоприличія, и царь не воспрещаетъ имъ этого: такъ и Ангелы Божіи отторгаютъ отъ лица Божія и отъ взора Его и вонъ изгоняютъ умъ того, кто стоитъ предъ Богомъ и молится ему небрежно, будто съ презорствомъ, безъ благоговѣнія и благонастроенія, и тогда тотчасъ схватываютъ его демоны съ дерзостію и насиліемъ и кружатъ его, гдѣ хотятъ, по мѣстамъ срамнымъ и нечи-

стымъ, или по дѣламъ злымъ, или по вещамъ суетнымъ и бесполезнымъ. И ни самъ страждущій сіе отъ демоновъ не чувствуетъ того, ни Богъ не жаливается надъ нимъ и не освобождаетъ его отъ сего, за то что тотъ презрѣлъ Его и преступилъ заповѣдь Его, которая повелѣваетъ: *работайте Господеву со страхомъ, и радуйтесь Ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11). Потому гораздо лучше бы было для такого, еслибъ онъ совсѣмъ не молился; потому что демоны ни за какіе грѣхи не овладѣваютъ душею съ такимъ тиранствомъ, какъ за презорство къ Богу. И земный царь должникамъ своимъ и тѣмъ, которые въ чемъ либо погрѣшаютъ предъ нимъ, терпитъ, а для тѣхъ, которые презираютъ его, бываетъ тяжкимъ и страшнымъ отмстителемъ. Почему нѣтъ большаго грѣха, какъ молиться Богу съ презорственнымъ небреженіемъ.

Богъ безтѣлесенъ и невидимъ; почему и служить Ему надлежитъ не тѣлесно только, и не видимо только. Служить Богу только тѣлесно и видимо есть дѣло несообразное, какъ говоритъ и пророкъ Давидъ: *аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо, всесожженія не благоволиши. Жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*. Сокрушеніе же сердца бываетъ въ умѣ и помышленіи, а умъ нашъ и помышленія наши невидимы. Итакъ, будучи обязаны воздавать Богу невидимому невидимое служеніе, мы должны служить Ему умомъ и помышленіемъ. Это и есть подобающее и сообразное служеніе. Невидимому приносить невидимое, и мысленному мысленное. Но потомъ уже и вмѣстѣ уже съ этимъ надлежитъ приносить и видимое, съ душею и тѣлесное, да угожденіе Богу отъ насъ будетъ всѣмъ существомъ. Богъ *не отъ рукъ человеческихъ угожденіе пріемлетъ* (Дѣян. 17, 25). Если и пріемлетъ Онъ тѣлесныя и чувственныя приношенія, то знать надлежитъ, когда и какъ пріемлетъ, именно, когда они приносятся отъ чистаго сердца.

Молитва и пѣніе божественныхъ псалмовъ не что иное

есть, какъ бесѣдованіе съ Богомъ, въ коемъ мы или умоляемъ Его, да даруетъ намъ, что сообразно Богу даровать человѣкамъ, или прославляемъ Его за всѣ творенія, сотворенныя имъ, или воспѣваемъ чудеса Его, какія отъ вѣка по временамъ творилъ Онъ во славу свою, во спасеніе людей и въ воздаяніе и наказаніе неправедныхъ и злыхъ,—или возвѣщаемъ промыслительныя дѣйствія Его, кои по домостроительству своему совершаетъ Онъ таинственно и сокровенно,—или величаемъ великое таинство вочеловѣченія Сына и Слова Божія, именно, какъ Сынъ Божій, не отлучаясь отъ всего прочаго творенія, отлучился въ пренепорочное чрево Приснодѣвы Маріи и содѣлался человѣкомъ, родился, воспитался, и явилъ намъ житіе и жизнь божественныя, распялся, умеръ и воскресъ изъ мертвыхъ, даровавъ чрезъ то и роду человѣческому надежду воскресенія и жизни вѣчной, и вознесся, яко человѣкъ на небеса, чтобъ низпослать на вѣрующихъ въ Него, отъ единого Бога Отца исходящаго, Духа святаго, котораго отъ начала имѣлъ первый человѣкъ и лишился за невѣріе свое, когда не повѣрилъ словесамъ Божиимъ. Ибо то и было послѣднею цѣлю воплощеннаго домостроительства, т.-е. для того и воплотился Сынъ Божій, Богъ Слово, и содѣлался человѣкомъ, да приѣмлютъ, какъ душу, благодать святаго Духа души тѣхъ, кои вѣрують въ Него, яко Бога и человѣка, т.-е. во единого Христа изъ двухъ естествъ, нераздѣльныхъ и несліянныхъ, Божества и человѣчества, и да являються такимъ образомъ возрожденными, воссозданными и обновленными чрезъ святое крещеніе, и содѣлываются тѣмъ, чѣмъ былъ первый человѣкъ прежде преступленія, освящаясь благодагю святаго Духа въ умѣ, совѣсти и во всѣхъ чувствахъ, такъ чтобы послѣ сего совсѣмъ не имѣть уже растлѣнной паденіемъ жизни, которая могла бы увлекать вожделѣніе души къ плотскимъ и мірскимъ похотямъ.

Если теперъ тотъ, кто долженъ въ молитвѣ своей бесѣдовать къ Богу о всемъ вышесказанномъ, вращая то въ

умѣ своемъ день и ночь, если онъ, положимъ, и долгое время проговариваетъ все это языкомъ только, а умомъ не знаетъ чтò говорить, то не является ли онъ потерявшимъ смыслъ? Но всячески явно, что онъ не содѣлался еще вѣрнымъ, еще не вошелъ въ содружество съ Богомъ. Ибо вѣрнымъ именуется и есть тотъ, кому ввѣрена и кто имѣетъ благодать св. Духа; благодать же сія просвѣщаетъ умъ, собираетъ его въ себя, и сосредоточиваетъ да разумѣетъ, къ Кому бесѣдуетъ и о чемъ бесѣдуетъ, Слѣдовательно кто не такъ дѣйствуетъ въ молитвѣ, тотъ не имѣетъ благодати св. Духа, невѣрнымъ пребываетъ и далекимъ отъ Бога.

Итакъ прежде всего надлежитъ сдѣлаться вѣрнымъ и съ Богомъ примириться и содружиться, испросивъ у Него отпущеніе всѣхъ прежнихъ грѣховъ, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ содѣланныхъ. Душа съ Богомъ примирившаяся и содружившаяся бываетъ кроткою, смиренною и сокрушенною. Это и служить признакомъ примиренія и содруженія съ Богомъ. Ибо Богъ обыкновенно эти первыя даетъ дарованія вѣрующимъ, т.-е. кротость и смиреніе. Душу же кроткую и смиренную уже не борють демоны, какъ прежде, ни сластолюбіемъ, ни сребролюбіемъ, ни славолюбіемъ; и такимъ образомъ чрезъ эти два дарованія Христовы душа обрѣтаетъ покой и не бываетъ смущаема никакими чуждыми и неумѣстными помыслами. Таковая душа и молится какъ подобаетъ, т.-е. со страхомъ, благоговѣніемъ и вниманіемъ, а не одними устами. И это невозможно ни для какого человѣка, ни для мірянина, ни для монаха, ни для отшельника, ни для клирика, ни для діакона, ни для священника, ни для архіерея, если душа каждаго изъ нихъ не содѣлается причастицею святаго Духа, по мѣрѣ вѣры ихъ во Христа: *ибо никтоже можетъ рещи Господа Иисуса, точію Духомъ святымъ* (1 Кор. 12, 10). Истинно кланяющіеся Богу, Духомъ кланяются и Духомъ, молятся. А гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода (2 Кор. 3, 17), свобода отъ демоновъ и отъ

всѣхъ страстей всѣваемыхъ ими въ душу, отъ ненависти, печали, смущенія, малодушія, злонравія, злобы, невѣрія, гнѣва и падкости на всякое самоугожденіе; и тѣ, кои обладаютя ими, пусть они будутъ постники, безмолвники, долгопѣвцы псалмовъ, толкователи божественныхъ писаній, излагатели правыхъ догматовъ, учителя и проповѣдники церковные, пусть именуются высокопреподобными, много-учеными и всесильными, не имѣютъ части со Христомъ, истиннымъ свѣтомъ, *просвѣщающимъ всякаго чело-вѣка*, отъ своего злаго произволенія *грядущаго въ истинный міръ* добродѣтелей: ибо тма не имѣетъ никакого общенія со свѣтомъ.

Каковъй свѣтъ да сподобимся получить и мы о Христѣ Иисусѣ, Коему подобаетъ слава, честь и поклоненіе со безначальнымъ Его Отцемъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СОСТОЯНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ГЕРЦЕГОВИНЪ ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ТУРОКЪ *).

IV. Владыки, духовенство и народъ.

Извѣстно, что каждый новоназначаемый константинопольскій патріархъ, за утверждающій его султанскій фирманъ, долженъ уплатить 1,000 червонцевъ (3,000 р. с.); извѣстно и то, что на престолъ патріарха садился непременно одинъ изъ митрополитовъ греческихъ или болгарскихъ. Изъ нихъ отдавалось преимущество тому, который больше давалъ денегъ султану, потомъ окружающимъ султана, отъ которыхъ больше всего зависѣло распоряженіе объ утвержденіи или неутвержденіи на патріаршій престолъ представившагося кандидата. Но заплатить сразу сполна такую огромную сумму рѣдко кто могъ изъ новоутвержденныхъ патріарховъ; поэтому султанъ дѣлалъ снисхожденіе и требовалъ уплаты упомянутой суммы въ теченіи 3-хъ лѣтъ, только никакъ не позднѣе. Первая треть этой суммы уплачивалась сейчасъ по утвержденіи патріарха, вторая на второй годъ, остальная на третій годъ. Для уплаты такого огромнаго налога патріархъ, не забывая и себя, долженъ былъ дѣлать также налоги на епископовъ, ему подчиненныхъ. Поэтому онъ держалъ при себѣ книгу съ именами всѣхъ епископовъ и домовъ, находящихся въ каждой епархіи.

Когда умиралъ кто-либо изъ епископовъ, патріархъ циркуляромъ своимъ объявлялъ свободною вакансію, на

*) Окончаніе. Начало см. въ майск. княжѣѣ.

которую потомъ являлись сотнями кандидаты—архимандриты съ прошеніями и съ обѣщаніемъ дать денегъ больше предшественника своего. Нѣкоторые изъ кандидатовъ лично являлись къ патріарху и просили его о рукоположеніи и назначеніи ихъ на свободную вакансію, при чемъ нужно было имъ и окружающимъ патріарха уговаривать и имъ дарить по нѣскольку золотыхъ, чтобы они съ своей стороны хлопотали за нихъ у патріарха. Патріархъ соблюдалъ свои выгоды. Онъ всегда рукополагалъ того, кто больше давалъ денегъ, и назначалъ его на упрздненную спархію, при чемъ выдавалъ ему свою грамоту съ царскимъ фирманомъ, который скрѣплялъ великій визирь.

Если новоутвержденный епископъ не могъ уплатить всей обѣщанной суммы, то онъ писалъ патріарху прошеніе и получалъ отъ патріарха разрѣшеніе уплатить ему ее въ теченіи 3-хъ лѣтъ. Чѣмъ больше уплачивалъ патріархъ за фирманъ, тѣмъ больше, само по себѣ разумѣется, онъ требовалъ платы отъ епископовъ, которые поступали также относительно низшаго духовенства,—въ чемъ они не встрѣчали ни малѣйшаго препятствія ни со стороны патріарха и тѣмъ менѣе со стороны турецкаго начальника спархіи, мутесарифъ-паши, которому самъ фирманъ запрещалъ вмѣшиваться въ распоряженія епископа въ своей епархіи. Такимъ образомъ митрополитъ или епископъ, когда, по утвержденіи, пріѣзжалъ въ назначенную ему епархію, созывалъ къ себѣ все духовенство и объявлялъ ему, сколько взимать съ прихожанъ подати. При чемъ каждый священникъ обязывался самъ собирать положенную на его прихожанъ подать и отсылать своему епископу, или, въ случаѣ его пріѣзда въ его приходъ, уплачивать ему лично.

Въ такихъ отношеніяхъ къ Герцеговинцамъ находились митрополиты и епископы до нынѣшняго митрополита Прокопія (изъ Болгаръ). До него, говорю, всѣ они, съ согласія своего паши, произвольно, налагали подать на духовенство и народъ, подать, состоящую не менѣе

какъ изъ пяти и не болѣе какъ изъ шести тысячъ австрійскихъ гульденовъ въ годъ. Но нынѣшній митрополитъ герцеговинскій Прокопій, можно положительно сказать, во всемъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Хотя и онъ беретъ съ духовенства и народа подать, но беретъ гораздо умѣреннѣе и вѣжливѣе; онъ получаетъ съ каждой главы семейства по 7 грошъ и 28 пара (приблиз. 38 коп. с.); кромѣ этого, онъ беретъ съ каждого священника за вѣнчаніе по 10 коп., и за священническое рукоположеніе отъ 10 до 15, наибольше до 20 червонцевъ (60 р. с.).

Митрополитъ Прокопій еще и тѣмъ лучше своихъ предшественниковъ, что возстановилъ первобытный обычай герцеговинскихъ епископовъ—ежегодно объѣзжать свою епархію. При чемъ онъ, никого не стѣсняя, посѣщаетъ всѣ монастыри и церкви, главные города, князины и общины, и то на своемъ иждивеніи, чего предшественники его никогда не дѣлали. Мало того, онъ поддерживаетъ еще школы и учителей, заступаетъ за духовенство противъ турецкаго насилія, даромъ освѣщаетъ церкви во время своего путешествія по епархіямъ. Но если за подобные труды кто-нибудь предложить что-либо, онъ не отказывается, а съ благодарностію принимаетъ.

Соблюдая обычай древне-христіанскій, епископы или митрополиты, не отнимаютъ приходъ у одного священника и не передаютъ его другому. Развѣ только въ томъ случаѣ, если какой-либо священникъ за проступки будетъ сосланъ на эпитимію, епископъ, по необходимости, поручаетъ приходъ сосланнаго сосѣднему священнику или монаху, и то, разумѣется на время, — до возвращенія священника съ эпитиміи.

Никакой священникъ не вѣнчаетъ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ; рѣдко кровныхъ родственниковъ ближе 8-й степени, безъ разрѣшенія епископа, не вѣнчаютъ; самъ же епископъ не допускалъ браки между кровными родственниками ближе 6-й степени.

Годовые расходы епископа очень значительны; не считая

стола и одежды, онъ еще расходуетъ: 1) на квартиру; 2) на жалованье и столъ діакону; 3) на прислугу; 4) на кормъ для 3-хъ лошадей; 5) на путевыя издержки во время объѣзда по епархіи; 6) на милостыню, которую онъ раздаетъ бѣднымъ каждое воскресенье и праздничный день, при выходѣ изъ церкви или передъ дверью своей квартиры; 7) на угощеніе у себя дома монаховъ и священниковъ, прїѣзжающихъ къ нему по дѣламъ.

Попы или монахи, являясь къ митрополиту или епископу, по принятому древнему обычаю, всегда дѣлаютъ передъ нимъ земный поклонъ и цѣлуютъ ему руку, произнося: владыко святой, благослови! Примѣру духовенства слѣдуютъ и міряне, являясь къ епископу. Во время объѣзда по епархіи, епископъ, гдѣ бы ни остановился, въ селѣ или въ городѣ, жители съ большимъ страхопочитаніемъ подходятъ къ нему и цѣлуютъ ему руки и одѣяніе. Случись кто-либо изъ кнезозъ (начальникъ уѣзда), онъ поддерживаетъ рѣчь владыки, и передъ каждымъ отвѣтомъ на вопросъ его прибавляетъ: „владыко святой“. Народъ чтитъ епископа, какъ наслѣдника Христова. Когда епископъ прїѣзжаетъ въ какое-либо село, всякій хозяинъ, который въ состояніи заплатить епископу за посѣщеніе, приглашаетъ его въ свой домъ, чтобы ему владыка освятилъ воду въ домѣ. За этотъ трудъ епископъ не назначаетъ цѣны, а беретъ что предложить. Хозяинъ, домъ котораго удостоился чести принять владыку, исполняется радости на всю жизнь, считаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ семъ; и какъ ни велики издержки для принятія епископа, онъ нисколько о томъ не жалѣетъ, ибо крѣпко убѣжденъ, что благословеніе владыки всемеро увеличитъ благосостояніе его хозяйства.

Въ Герцеговинѣ есть обычай ежегодно въ извѣстный день обходить съ литіей вокругъ села и чрезъ его поля. На литію эту, извѣтную на мѣстномъ народномъ языкѣ: „носитъ крестъ“, обязано являться все духовенство края (кнежины); мѣстные жители обязаны приносить на литію церковныя

облаченія и все что для литіи необходимо. Для этого праздника или народнаго торжества, больше котораго не бываетъ въ этихъ странахъ, назначаются: третій день Пасхи, Оомина недѣля, Юрьевъ день, Марковъ день, Вознесеніе Господне и почти цѣлая недѣля послѣ праздника Троицы. Въ литіи участвуютъ кромѣ духовенства всѣ жители кнѣжины, даже и дѣти, способныя ходить за крестомъ,—однѣ дѣвицы остаются дома. Собравшись въ назначенномъ мѣстѣ, большею частію около какой-либо церкви, пародъ слушаетъ обѣдню въ ней и сейчасъ же отправляется въ обходъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: впередъ дѣти попарно, съ церковною святынею въ рукахъ—крестомъ, иконою и т. п., и непрестанно въ растяжку поютъ: аминь! Въ такомъ же порядкѣ и съ тоюже святынею въ рукахъ, слѣдуетъ за дѣтьми духовенство, поя церковныя пѣснопѣнія, между которыми преимущественно повторяются два слѣдующія, — первое: „Господи, Господи! призри съ небесе и виждь и посѣти виноградъ сей, егоже насади десница твоя“; второе: „Спаси Господи люди твоя“ и т. д., но никогда не прибавляютъ: „императору нашему“, а только: „православнымъ христіанамъ нашимъ“. Въ упомянутомъ порядкѣ, за духовенствомъ слѣдуютъ міряне въ полномъ вооруженіи; одинъ, изъ нихъ несетъ знамя съ изображеніемъ на немъ креста. Они громко поютъ: Господи помилуй! Позади всѣхъ въ такомъ же порядкѣ идутъ женщины; онѣ также поютъ: Господи помилуй, только весьма тихимъ голосомъ. Во время обхода и до возвращенія священники, поочереды, читаютъ всѣ воскресныя евангелія, останавливаясь для этого чтенія на мѣстахъ, отличающихся особенною чистотою, историческимъ значеніемъ или же современною знаменитостію. Предъ чтеніемъ, а также и по окончаніи чтенія каждаго евангелія мушны міряне дѣлаютъ по нѣскольку выстрѣловъ изъ собственныхъ оружій.

На литію смотрятъ какъ на хожденіе по землѣ самого І. Христа; поэтому больныхъ выносятъ на дорогу, по которой слѣдуетъ процессія съ литіею, кладутъ поперекъ до-

роги и закрываютъ чѣмъ-либо. Послѣднее дѣлаютъ съ тою цѣлю, чтобы никто не узналъ больнаго, кто онъ и какого пола. Каждый, дойдя до больнаго, прямо черезъ него перескакиваетъ, произнося: „Богъ да исцѣлитъ тебя“. Увѣряютъ, что нѣтъ и не бываетъ такого больнаго, который бы не выздоровѣлъ скоро послѣ совершенія надъ нимъ этого обряда. Народъ вѣритъ въ истину евангельскаго изреченія: „вѣра твоя спасетъ тея“. Есть также обычай больныхъ везти въ какую-либо церковь или монастырь; здѣсь, во время чтенія евангелія, подводятъ больнаго къ аналою; онъ наклоняетъ голову и слушаетъ покуда прочитается евангеліе. Священникъ читающій евангеліе налагаетъ эпитрахиль на голову больнаго. Во время херувимской пѣсни больной подходитъ къ царскимъ дверямъ, ложится поперекъ передъ ними; священникъ, выходя со Святыми Дарами, на обратномъ пути въ алтарь, переходитъ чрезъ лежащаго больнаго, не говоря впрочемъ выше упомянутой фразы: „Богъ да исцѣлитъ тебя“. Если гдѣ-либо сердечно чтится Церковь, религія и священническій санъ, то это въ этихъ странахъ; особенно простой народъ чтить и боится священника, какъ самого Бога; проклетія священника онъ боится какъ огня, и особенно проклетія старыхъ священниковъ или монаховъ. И обратно, на благословеніе ихъ народъ смотритъ, какъ на источникъ всякаго счастья и благополучія.

Въ описываемой нами мѣстности особенно бросается въ глаза отсутствіе церковной проповѣди. Прожилъ я въ той странѣ десятокъ лѣтъ, но проповѣди никогда не слышалъ; а есть много способныхъ священниковъ, которые не только могли бы говорить простыя проповѣди, но и ораторствовать.

Народъ исправно и даже съ удовольствіемъ платитъ положенную владыкѣ подать; но мнѣ кажется, что платилъ бы онъ еще больше и вѣрнѣе, еслибъ имѣлъ епископа изъ собственныхъ родичей, потому что могли бы понимать другъ друга. Къ сожалѣнію, послѣ смерти при-

роднаго ихъ епископа Авксентія, Герцеговинцы потеряли право имѣть природнаго епископа, и должны довольствоваться епископомъ изъ Грековъ или Болгаръ.

Однажды Дринцы (жители, живущіе около рѣки Дрины), поссорились съ своимъ приходскимъ священникомъ и вскорѣ прогнали его, а на его мѣсто выбрали изъ своей среды одного молодаго человѣка, который грамоты совсѣмъ не зналъ; они съ депутаціей отправили его къ епископу, чтобъ онъ рукоположилъ его имъ во священника. Епископу была выслана двойная плата за рукоположеніе—40 червонцевъ (120 р.). Приѣхавъ въ столицу епископа, депутаты сейчасъ дали знать епископу (чрезъ его же діакона), зачѣмъ они приѣхали и сколько денегъ ему привезли. Діаконъ имъ отвѣчалъ: „Хорошо,—если дастъ Богъ, завтра это сдѣлаемъ“. Діаконъ, разумѣется, сейчасъ доложилъ епископу объ этомъ дѣлѣ, но вечеромъ за ужиномъ прибавилъ: „Ма деспоть эфендіа! какъ же вы можете рукоположить этого молодаго человѣка, когда онъ ни читать, ни писать не умѣетъ?“—„Глупецъ“, отвѣчаетъ епископъ,—„въ Герцеговинѣ священникъ можетъ обойтись безъ всякой науки“. Но слава Богу, вотъ въ настоящее время подобныхъ епископовъ нѣтъ.

Въ Герцеговинѣ, особенно въ первостепенныхъ городахъ ея — въ Мостарѣ, Требиньѣ, и до сихъ поръ соблюдаютъ древне-христіанскій обычай, на 50-мъ году своей жизни, побывать въ Іерусалимѣ, поклониться святымъ мѣстамъ и Гробу Господню. Намѣревающійся поѣхать въ Іерусалимъ сейчасъ запускаетъ бороду, съ которою уже съ тѣхъ поръ не разлучается до самой смерти. Побывавъ въ Іерусалимѣ и возвратясь домой, онъ получаетъ весьма почтительный на востокѣ титулъ „хаджія“ **); этимъ прозвищемъ величаютъ его какъ христіане, такъ и Турки. Получивъ такое названіе, онъ съ тѣхъ поръ больше ничѣмъ не занимается, а ходитъ только ежедневно въ цер-

**) Хаджія — равнозначащее съ сирійскимъ *авва* — *отець*.

ковъ и непремѣнно съ четками на рукахъ и пользуется въ народѣ большимъ уваженіемъ.

Уваженіе къ посту здѣсь такъ велико, что Герцеговинецъ или Черногорецъ согласился бы скорѣе убить чело-вѣка безъ различія вѣроисповѣданія, нежели нарушить постъ. Это объясняется тѣмъ, что большое отвращеніе питаютъ къ сектамъ западной Церкви — лютеранамъ и др. Поэтому, кто нарушить постъ среды и пятницы, называютъ Лютеромъ. Вслѣдствіе того никто, а тѣмъ паче больные, которые почитаютъ наказаніемъ за грѣхи свою болѣзнь, въ постный день ни за что оскоромиться не рѣшится; онъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ нарушить постъ; народъ убѣжденъ и говоритъ, что каждому еще при рожденіи назначается какъ и сколько онъ долженъ жить: „нѣтъ смерти безъ сужденнаго дня“.

Кромѣ Церковію установленныхъ постовъ набожные старики и старухи для себя назначаютъ особые посты; такъ постятся въ день Архангела Михаила (8-го ноября), въ день Саввы (14-го января) и номинальныя двѣ субботы: субботу передъ сырной недѣлей и субботу передъ Троицей. Эти посты соблюдала и моя старая мать до самой смерти своей. Изъ упомянутыхъ постовъ первый она соблюдала для своей души, второй — для здоровья своихъ дѣтей; двѣ же субботы—за вѣчный покой своихъ родителей.

Герцеговинецъ говѣеть и приобщается только одинъ разъ въ годъ — въ великій постъ. Дѣтей раньше осьми лѣтъ не приобщаютъ. Дѣвицы, готовящіяся къ замужеству, приобщаются въ особенный для того назначенный день: на Лазареву субботу или въ недѣлю Вай. Въ этотъ же день изъ мушницъ, особенно молодыхъ, не можетъ никто приобщаться, ибо этотъ день назначается исключительно для дѣвицъ, которыя кромѣ этого дня больше въ церкви никогда не бываютъ.

Какъ въ тотъ день, когда приобщаются, такъ и въ другіе дни, когда не говѣютъ, кто думаетъ быть въ церкви,

поутру ничего не ѣсть и воды не пьеть, покуда въ церкви Богу не помолится и не получить антидора; части антидора несутъ домой и раздають тѣмъ, кто ничего не ѣлъ.

Больше всего народъ посѣщаетъ церковь и богослуженіе на Богоявленіе (6-го января), когда освящается вода. Къ этому служенію приготовляются такъ же какъ къ приобщенію; утромъ ничего не ѣдятъ и не пьютъ, а въ постѣ и молитвѣ дожидаются св. воды. Освятивъ воду въ церкви, священники первые почерпають и пьютъ отъ нея; затѣмъ подходитъ народъ: прежде мужчины, а потомъ женщины; наливають въ сосудъ св. воды сколько кому угодно, и напившись отъ нея, съ разстановкой, по три раза, остальное берутъ домой и сосудъ съ водою ставятъ возлѣ образъ, гдѣ она хранится съ самымъ строгимъ страхопочитаніемъ до другаго водоосвященія. Воду эту берегаютъ въ домѣ для того, чтобы, въ случаѣ нужды, больныхъ умирающихъ приобщать, или дѣтей умирающихъ окрестить, при чемъ даютъ имъ имя—Иванъ, если мальчикъ, и—Марія, если дѣвочка.

Путешественникъ или работникъ всегда, какъ только утромъ встанетъ, обращается къ восходу солнца, снимаетъ шапку и, молясь, говоритъ: „Солнце на востокъ, а сильный Богъ намъ на помощь“.

Умретъ ли кто въ селѣ или въ городѣ, нѣтъ такого человѣка, который бы не пошелъ на похороны и который бы не дождался, покуда тѣло не опустятъ въ могилу, чтобы сказать обычную фразу: „Да помилуетъ и упокоитъ тебя Богъ.“

По принятому обычаю должны опускать покойника въ яму — отецъ сына, сынъ отца, братъ брата, послѣ чего священникъ обливаетъ его священнымъ елеемъ.

Покойниковъ не хоронятъ въ гробахъ, но въ склепахъ. Хоронятъ обыкновенно покойника къ востоку; а это вслѣдствіе вѣрованія народа, что каждый покойникъ во время страшнаго суда встанетъ и на востокъ посмотритъ,

гдѣ увидить Иисуса Христа, сѣдѣющаго на престолѣ и около Него всѣ силы небесныя—ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, пришедшихъ судити живымъ и мертвымъ.

ДРЕВНЕЕ СОБЫТІЕ СХОДНОЕ СЪ СОВРЕМЕННЫМИ.

Тѣ ужасающія злодѣйства и жестокости, какія совершались такъ недавно на Балканскомъ полуостровѣ надъ единовѣрными намъ народами Болгаріи, Босніи, Сербіи и Герцеговины и какія еще до сихъ поръ совершаются, хотя и не въ прежнихъ размѣрахъ,—то теплое участіе, какое принималъ въ судьбѣ страждущихъ и искренне выражалъ и до сихъ поръ выражаетъ нашъ православный русскій народъ,—эти явленія напоминаютъ во многомъ очень древнія событія. Какъ будто снова въ мірѣ повторяется въ нашъ вѣкъ наперекоръ общей молвѣ о его прогрессивности то, что совершалось давнымъ давно когда-то, оправдывая рѣчь древняго же мудреца: „бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: смотри, вотъ это новое; но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ“, только „это прежде“ у многихъ „не осталось въ памяти“ (Еккл. 1, 10—11).

Не для того ли, чтобы правильнѣе судить о событіяхъ текущихъ, переживаемыхъ, вѣриѣ цѣнить ихъ, древніе и любили и считали необходимымъ спрашивать у времени прежнихъ: „бывало ли что-нибудь такое, или слыхано ли подобное“ (Втор 4, 32),—любили припикать вниманіемъ къ наблюденіямъ отцевъ. Древніе говорили: „мы вчерашніе и ничего не знаемъ, ибо дни наши на землѣ—тѣнь“. А событія древнія, наблюденія отцовъ „учатъ, говорятъ, отъ сердца произносятъ слова“ (Іова 8, 8—10).

Новые говорятъ: въ исторіи нужно усматривать законы. И такъ и древніе и новые не расходятся въ значеніи

прошлаго для оцѣнки настоящаго. Древнихъ исторіа учила, новымъ она даетъ законы, приказываетъ.

Если же уроки исторіи всегда поучительны, остановимся и мы вниманіемъ на давнемъ прошломъ, чтобы имѣть возможность цѣнить и понимать ближайшее настоящее, моментъ переживаемый.

Въ одномъ изъ небольшихъ городковъ Палестины, Гивѣ Всніаминовой, разъ принужденъ былъ переночевать прохожій левитъ съ своею наложницею *). На своемъ пути онъ никому не хотѣлъ быть въ тягость: для себя, наложницы и раба у него былъ свой хлѣбъ и вино, а для ословъ солома и кормъ. Нуждался онъ только въ мѣстѣ покоя, пока пройдетъ ночь, его на пути застигшая, чтобы идти въ сѣверномъ направленіи къ горѣ Ефремовой. Но вотъ въ то время, какъ путники омыли ноги свои и ѣли и пили, мало упокоясь отъ трудностей пути, домъ, гдѣ они находились, окружили люди развратные съ самыми гнусными требованіями.

Мы слышали недавно такъ много ужаснаго и нравственно отвратительнаго, что покойно можемъ выслушать рассказъ Священнаго Писанія о событіяхъ древнихъ, рассказъ глубоко нравственный при всей его простотѣ и неприкровенности. Такъ прямо и высоко, какъ онъ, мы не могли бы сказать о дѣлахъ дней нашихъ.

Что же случилось?

Истоцивши слова убѣжденія, подъ угрозами смерти,

*) Что у левита есть наложница,—не покажется страннымъ, когда скажемъ, что у Евреевъ конкубинатъ допускался, какъ явленіе не противозаконное. Св. Писатель напр. не ставитъ въ вину Давиду того, что имѣлъ женъ и наложницъ (2 Ц. 5, 13). Пророкъ Наоанъ отъ лица Бога говорилъ этому царю, что Ягова далъ ему женъ господина его, т. е. Саула, въ лоно его, хотъ и не видно, чтобы Давидъ взялъ къ себѣ жену послѣ Саула (2 Ц. 12, 7. 8. 11). Тѣмъ болѣе не было зазорнымъ имѣть наложницу въ случаѣ, если жена не раждала мужу дѣтей. Вытекая изъ желанія Евреевъ имѣть потомство, наложничество не только не осуждалось женами, но иногда настоятельно требовалось ими (Быт. 16, 3; 30, 3):

левитъ долженъ былъ вывести свою наложницу на улицу. „Они“, т.-е. развратные люди города, „ругались надъ нею всю ночь до утра. И пришла женщина предъ появленіемъ зари и упала у дверей дома, гдѣ былъ господинъ ея, и лежала до свѣта. Господинъ ея всталъ поутру, открылъ двери дома и вышелъ, чтобъ идти въ путь свой: и вотъ наложница его лежитъ у дверей дома, и рука ея на порогѣ. Онъ сказалъ ей: вставай, пойдемъ; но отвѣта не было, потому что она умерла. Онъ положилъ ее на осла, всталъ и пошелъ въ свое мѣсто. Пришедши въ домъ свой, взялъ ножъ и взявъ наложницу свою, разрѣзалъ ее по членамъ ся на двѣнадцать частей и послалъ во всѣ предѣлы Израилевы. Всякій видѣвшій это говорилъ: не бывало и не видано было подобнаго сему. Посланнымъ же отъ себя людямъ онъ далъ приказаніе и сказалъ: такъ говорите всему Израилю: бывало ли когда подобное сему? Обратите вниманіе на это, посовѣтуйтесь и скажите“ (Судей. 19).

Не утруждая никого, жили и сыны Болгаріи, эти левиты міра славянскаго, ибо чрезъ слово устъ ихъ мы получили законъ истины (Малахіи 2, 5—6),—Босніи, Герцоговины и Сербіи, и вотъ ихъ обступили уже нѣсколько вѣковъ развратные люди—Турки. Все отдавали притѣсняемые подъ страхомъ занесеннаго надъ головой ятагана; но требованія, вымогательства бѣльшаго и бѣльшаго не прекращались, а росли. И вотъ не одна наложница, какъ у левита ветхозавѣтнаго, опозорена и умерщвлена, а сотни, тысячи женъ и дочерей преданы поруганію и въ поруганіи смерти.

Правда, колѣнамъ новаго Израиля поруганный въ свѣтѣйшихъ своихъ привязанностяхъ левитъ славянскій не посылалъ частей опозоренныхъ и убитыхъ варварами своихъ женъ и дочерей. Но кровавыя вѣсти, такъ часто и громко повторявшіяся, не такъ же ли должны быть убѣдительно для всѣхъ насъ, какъ и часть мертваго тѣла? И развѣ лишь безсердечному, легкомысленно врачевавшему рану христіанскихъ народовъ увѣреніями: „миръ, миръ,

когда мира не было“ (Іер. 8, 11), нужна еще была дымящаяся кровью часть—осязательный знакъ безумія, сдѣланнаго человѣкомъ надъ человѣкомъ.

Русское не очерствѣвшее сердце не нуждалось въ такихъ доказательствахъ; чуткое ухо все слышало. Вниманіе общее было обращено и выражалось въ посильныхъ жертвахъ бѣдствовавшимъ братьямъ. Отъ щедраго приношенія богача до креста съ бьющейся состраданіемъ груди бѣдняка, отъ врачебныхъ пособій усовершенствованной науки до дыряваго плата на перевязку тяжелыхъ ранъ, отъ вздоха соболѣзнованія до жертвы кровью и жизнью Русь отвѣтила брату.

И не наша одна русская земля,—послѣ долгихъ для страдальцевъ колебаній и недовѣрія, обратили вниманіе на вопли и заявленія страдавшихъ и другіе. Молящій голосъ Славянина: „обратите вниманіе“! звучалъ такъ долго. И чѣмъ долѣе онъ раздавался, чѣмъ больше становился кругъ слышавшихъ, тѣмъ болѣе и сильнѣе проносилось въ отвѣтъ: не бывало и не видано было подобнаго сему.

„Обратите вниманіе“! Вниманіе обращено. А не было конца убійствамъ, поруганіямъ, разореніямъ.

Но левитъ просилъ не одного вниманія, не одного холоднаго принятія того, что совершалось, къ свѣдѣнію. „Обратите вниманіе, посовѣтуйтесь и скажите“. Его судьба не могла быть обезпечена частными жертвами, личнымъ состраданіемъ единицъ.

Хотя не такъ единодушно и быстро, какъ прежде сыны Израилевы, не безъ тайныхъ намѣреній, чуждыхъ самому дѣлу, европейскіе народы совѣтовались. Разумѣется, какъ и встарь было, требовались справки, повѣрки, свидѣтельства...; не былъ только выслушанъ нашъ левитъ.

Впрочемъ, что же бы онъ могъ и сказать, еслибы и былъ спрошенъ?

„Возстали на меня жители... и окружили домъ ночью. Меня намѣревались убить и наложницу мою замучили, наругавшись надъ нею, такъ что она умерла. Я взялъ

наложницу мою, разрѣзалъ ее и послалъ ее во всѣ области владѣнія Израилева: ибо они сдѣлали незаконное и срамное дѣло. Вотъ всѣ вы, сыны Израилевы, рассмотрите это дѣло и рѣшите здѣсь“.

Такъ говорилъ левитъ предъ обществомъ израильскимъ на собраніи въ Массифѣ. На новыхъ собраніяхъ за страждущихъ говорила лишь исторія ихъ вѣковыхъ страданій.

Массифское собраніе стоить того, чтобы о немъ вспомнить въ дни наши. За весь Судейскій такъ называемый періодъ, когда оно имѣло мѣсто, мы видимъ рознь между колѣнами Израилевыми, выжиданіе каждымъ своихъ собственныхъ выгодъ (Суд. 8, 6—8), корыстное дипломатическое (8, 1—3), и силою оружія (12, 1—3) вмѣшательство колѣнъ властолюбивыхъ въ дѣла слабѣйшихъ колѣнъ, когда эти силою оружія, своими лишь силами старались освободиться отъ притѣснителей иноплеменниковъ. Но Гивейское событіе соединило всѣхъ въ одномъ чувствѣ. Такъ сильно заговорило оно за три тысячи слишкомъ лѣтъ тому назадъ въ необрѣзанныхъ сердцахъ Евреевъ! „И собралось общество отъ Дана до Вирсавіи... и возсталъ весь народъ, какъ одинъ человѣкъ“. Призывъ левита: „рѣшите здѣсь“ не давалъ ни на минуту мѣста колебаніямъ и расчетамъ; во имя оскорбленной высшей правды были забыты всѣ мелкія неправды человѣческія.

И вотъ это общество, однажды только забывшее рознь по случаю Гивейскаго происшествія,—такъ всѣмъ казалось оно возмутительнымъ, что стало притчей и долго помнилось (Осіи 8, 9; 10, 3),—рѣшило: „не пойдемъ никто въ шатеръ свой и не возвратимся никто въ домъ свой. И вотъ что сдѣлаемъ нынѣ съ Гивою: пойдемъ на нее по жребію“.

Такое единогласное на собраніи Массифскомъ рѣшеніе четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ, „обнажающихъ мечъ“, имѣло страшное значеніе для сыновъ беззаконія. Рѣшить пойти на какой-либо народъ или городъ по жребію, бросить жребій, значило въ устахъ Еврея тѣхъ времъ не только

наказать виновныхъ, но испепелить городъ, уничтожить въ немъ все живое и землю заклятаго народа подѣлать между собою. Такъ уничтожены были Хананеи, когда мѣра беззаконій ихъ наполнилась.

Такъ рѣшено было поступить и съ Гивою.

Конечно, не легко было Израилю рѣшиться на такую уничтожительную войну. Прежде всего колѣно, которому принадлежала Гива, было колѣномъ родственнымъ. И можетъ быть въ минуты рѣшенія предвидѣнъ былъ горькій вопросъ позднѣйшаго сожалѣнія: „Господи, для чего это случилось въ Израилѣ, что не стало теперь у Израиля одного колѣна“? И вотъ все было сдѣлано, чтобы война могла быть предотвращена. Требовалась выдача оскорбителей левита; но въ ней было отказано.

Съ этой стороны вопросъ рѣшался слѣдовательно за войну безъ сожалѣнія, войну истребительную.

Святы родственныя связи, святы дружественныя чувства, дороги для государствъ международныя интересы и всѣ тѣ многообразныя и многочисленныя нити, которыя связуютъ собою общества человѣческія, гражданскія. Но они должны уступить мѣсто болѣе святому, высшей правдѣ въ мірѣ идей. Ибо „всему свое время и время всякой вещи подъ небомъ. Время молчать и время говорить; время любить и время ненавидѣть; время войнѣ и время миру“ (Еккл. 3, 1, 7—8). И въ мірѣ христіанскомъ „долженъ же быть не напрасно носящій мечъ, слуга Божій, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое (Рим. 13, 4).

Далѣе колѣно Веніаминово славилось воинственною храбростью. Веніаминъ всегда былъ „хищнымъ волкомъ, который утромъ ѣстъ ловитву и вечеромъ дѣлать добычу“ (Быт. 49, 27). Какъ стрѣльцы изъ лука, какъ бросавшіе каменя изъ пращей и правою и лѣвою рукой, Веніаминяне славились (1 Пар. 8, 40; 12, 2). Особенно знамениты были лѣвши. Эти, бросая изъ пращей камни въ волосъ, не бросали мимо (Суд. 20, 16). А для того времени встрѣтиться на полѣ брани съ врагомъ такимъ храбрымъ

и ловкимъ значило тоже, что въ нынѣшнее время мѣряться силами съ врагомъ, владѣющимъ самыми послѣдними разрушительными изобрѣтеніями военной науки.

Но не во множествѣ сила и не въ могучихъ могущество. Въ борьбѣ за правду должно быть твердымъ и мужественнымъ и при пораженіяхъ умѣть ободряться святостію задачи и вставать въ боевой порядокъ. Ибо по общему закону правду въ концѣ концовъ вѣнчаетъ побѣда. Разумѣется лучше было бы, еслибы ея побѣда была побѣдою мира, а не брани.

За прошедшіе годы не мало было употреблено мирныхъ усилій для умиротворенія Славянъ. Сколько разъ, какъ знаетъ и исторія, народы Европы въ желаніи облегчить тяжелую жизнь рабовъ, славянскихъ христіанъ, защитить ихъ отъ всякихъ неистовствъ, посылали говорить: „какое это гнусное дѣло сдѣлано у васъ“! Но голосъ народовъ не былъ выслушиваемъ. И вотъ, когда истощились всѣ мирныя средства для упроченія мира, осталось упрочивать его путемъ брани. Мечъ долженъ стать символомъ мира.

Обратимся снова къ древнему Израилю. „И всталъ“, говоритъ св. писатель, „и пошли въ домъ Божій и вопрошали Бога и сказали сыны Израилевы: кто изъ насъ прежде пойдетъ на войну съ сынами Веніамина? И сказалъ Господь: Іуда впереди“. И на утро подъ Гивую уже стоялъ станъ Израильскій.

Не то замѣчаемъ нынѣ. Конечно, мы лишены прямыхъ откровеній божественныхъ. Но когда дано слово Божіе писанное: намъ остается лишь испытывать Писанія, не ожидая новыхъ чрезвычайныхъ откровеній. „Приложи вниманіе къ наблюденіямъ отцевъ. Не они ли учатъ“? Не мимо идетъ и древняя народная рѣчь: гласъ народа—гласъ Божій. Въ одномъ чувствѣ, въ одной мысли, въ одной рѣчи насъ соединились милліоны. Іуда явился впереди.

Но прислушиваясь къ голосу другихъ колѣнъ новаго Израйля, слышимъ, какъ нынѣ переспрашиваютъ иныхъ оракуловъ и отъ пророковъ „горсти ячменя и куска хлѣба“

(Иезк. 13, 19) получаютъ въ отвѣтъ, что они не снабжены отъ Бога полномочіемъ воевать за восточныхъ христіанъ, что матеріальные интересы вопрошающихъ пока еще не затронуты. Мы знаемъ, что „пророковъ, поддерживающихъ такъ или иначе руки порочныхъ, Іегова не посылалъ, а они набѣжали; имъ не говорилъ, а они пророчествуютъ“ (Іерем. 23, 14. 21). Поистинѣ, въ виду вѣры въ такихъ пророковъ приходится спрашивать себя: развѣ нѣтъ Бога во Израилѣ, что нужно еще вопрошать Веельзевула Аккаронскаго? (4 Ц. 1, 3).

Скажутъ еще, что и насъ привлекло на поле брани не самоотверженіе и любовь, но высокомеріе и дурное сердце; заподозрѣть наше желаніе единственно снять поношеніе съ міра христіанскаго. Но не слова ли это? (1. Ц. 17, 28. 29). И не съ чистою ли совѣстію мы можемъ отвѣтить на подобныя рѣчи старою пословицею: „не счастливыѣ ли Ефремъ добиралъ виноградъ, нежели Авіезеръ обиралъ“? (Суд. 8, 2).

Наше ухо должно оставаться глухимъ для этихъ звуковъ и словъ, если разъ чрезъ нашъ народъ Господь сказалъ „Иуда пойдетъ впереди“. Пусть это царственное колѣно и исполняетъ слово Господне. „Услыши, Господи, гласъ готовности Иуды и приведи его къ народу его; руками своими да защититъ онъ себя и Ты будь помощникомъ противъ враговъ его“ (Втор. 33, 7).

Если когда-либо должно воздаться на землѣ должное: вмѣсто словъ недовѣрія и позора восхвалять когда-либо братья и Иуду.

Но не хвала, не исканіе заслужить ее отъ другихъ побужденіе для Иуды идти впередъ, а голосъ правды исторической, правды человѣческой, правды Божіей: „идите, идите“ (Суд. 20, 18. 23. 28).

И послушный этому голосу Иуда уже впереди.

Не всѣ мы вошли въ изчисленіе воинства Іудина. Вмѣсто трудности и опасностей бранныхъ мы не вошедшіе пользуемся плодами мира: одинъ обновляетъ домъ, другой

ждеть плодовъ своего виноградника, третій увеселяеть недавно взятую жену (Втор. 20, 5—7; 24. 5).

Что же дѣлать намъ?

Конечно не слагать только побѣдныя пѣсни побѣдителямъ (1 Царствъ 18, 7) или плачевныя въ честь сильныхъ падшихъ (2 Цар. 1, 17—27; 2 Пар. 35, 25); хотя и этотъ видъ участія духовнаго въ брани несомнѣнно священный. Громче побѣдныхъ кликовъ и надгробныхъ рыданій насъ зовуть другія обязанности.

Перенесемся мыслію еще разъ на Массифское собраніе и послушаемъ голоса изъ событій древнихъ.

На этомъ собраніи народъ Еврейскій, рѣшивши идти на Гиву по жребію, въ тоже самое время единогласно постановилъ слѣдующее: „возьмемъ по десяти человекъ изъ ста, отъ всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ, по сту отъ тысячи, и по тысячѣ отъ тмы, чтобы они принесли стѣстныхъ припасовъ для народа, который пойдетъ противъ Гивы Веніаминовой, наказать ее за то срамное дѣло, которое она сдѣлала въ Израилѣ“ (Суд. 20, 10).

Трудно найти лучшій завѣтъ и примѣръ, что намъ дѣлать въ настоящее время, когда наше ополченіе уже пошло противъ новыхъ Гивеянъ.

И сопровождая его молитвами за усиѣхъ правды и силу побѣды, мы обязаны сопровождать помощь духовную помощію вещественною.

Утомленные дальнимъ ли путемъ, защитою или преслѣдованіемъ, воины нуждаются въ подкрѣпленіи, и какъ много оно значить для самаго исхода войны, прекрасно, потому что просто, разъяснить тотъ, чей лукъ не возвращался назадъ безъ крови раненыхъ, безъ тука сильныхъ, Ионаеанъ. Однажды, истомленный преслѣдованіемъ и пораженіемъ Филистимлянъ, онъ встрѣтилъ въ лѣсу, которымъ пришлось идти, медъ; „протянувъ конецъ палки, которая была въ рукѣ его, онъ обмакнулъ ее въ сотъ медовый и обратилъ рукою къ устамъ своимъ, и просвѣтлѣли глаза его. Смотрите, сказалъ онъ сопровождавшему его народу,

у меня просвѣтлѣли глаза, когда я вкусилъ немного этого меду. Еслибы поѣлъ сегодня народъ, не большее ли было бы пораженіе Филистимлянъ?“ (1 Цар. 14, 27—30).

Отсюда вытекаетъ необходимость заботливости о подкрѣпленіи.

Въ народѣ Еврейскомъ и маститая старость и юность понимали долгъ, лежащій на гражданахъ, не вошедшихъ въ ополченіе. Вотъ старѣйшій между мужами Иессей говорить своему сыну юношѣ Давиду: „возьми для братьевъ своихъ ефу сушеныхъ зеренъ и десять этихъ хлѣбовъ и отнеси поскорѣе въ станъ къ своимъ братьямъ. А эти десять сыровъ отнеси тысяченачальнику и навѣдайся о здоровьѣ братьевъ и узнай о нуждахъ ихъ“. И всталъ Давидъ рано утромъ и, взявъ пошу, пошелъ... и пришедши спросилъ братьевъ своихъ о здоровьѣ. (1 Ц. 17, 17—22)

Не мать ли своихъ ушедшихъ сыновъ и Россія, чтобы болѣть о нихъ, навѣдываться о здоровьѣ, узнавать нужды ихъ и удовлетворять?

Такова первая, общая наша обязанность.

На брани, по слову человѣка воинственнаго, пролившаго много крови въ войнахъ съ врагами, Давида, „мечъ падаетъ иногда того, иногда сего“ (2 Ц. 11, 25). Судъ высшей недовѣдомой намъ правды Божіей ввѣряется людямъ, со стороны которыхъ требуется сознаніе правоты защищаемаго дѣла и мужество, а „Господь дѣлаетъ, что Ему угодно“ (2 Ц. 10, 12). Эту опытную истину завѣщаль одинъ изъ славнѣйшихъ сподвижниковъ Давида, его полководецъ Іоавъ.

И вотъ новая нужда настоящаго, говорящая намъ о новыхъ обязанностяхъ. Христосъ въ своей притчѣ завѣщаль намъ сжалиться и перевязать раны израненному, возлить на раны масло и вино, посадить болящаго на осла, привести въ гостиницу и сказать гостиннику: „вотъ два динарія, позаботься о немъ и если издержишь что болѣе, я отдамъ тебѣ“ (Лук. 10, 33—35).

Но есть и еще не послѣдняя сторона войны, налагающая на насъ обязанность новую.

Мечъ поядаетъ иногда того, иногда сего. Зная это, каждый изъ ушедшихъ нашихъ братій на поле брани въ дни разставанья или высказалъ или унесъ невысказаннымъ, но понятнымъ каждому, послѣднее и конечно справедливѣйшее свое желаніе и просьбу: „ты, если я буду еще живъ, окажи мнѣ милость Господню, а если я умру, то не отними милости твоей отъ дома моего“ (1 Ц. 20, 14—15).

Не мало возвратится съ поля брани воиновъ, которымъ нужна будетъ наша помощь, наша поддержка, наше сочувствіе. Не мало женъ не встрѣтятъ своихъ мужей въ рядахъ тѣхъ, которые воротятся; не мало дѣтей не найдутъ своихъ отцовъ.

Не лежитъ ли на насъ забота успокоить утомленныхъ и больныхъ, поддержать вдовъ, воспитать сиротъ? Горька слеза сиротская, тяжела нужда беспомощная. Кто же не скажетъ имъ: „я окажу тебѣ милость... и ты всегда будешь ѣсть хлѣбъ за моимъ столомъ“ (2 Ц. 9, 7). Такъ выполняя обѣтъ, сказалъ Давидъ сиротѣ, отецъ котораго просилъ при разставаньи о милости къ дому его въ случаѣ своей смерти.

Но говорить ли еще объ обязанностяхъ, когда насъ всѣхъ учить имъ убѣдительнѣе слова самая минута настоящаго?

Наша родная земля не ждетъ понужденій, не требуетъ особаго призыва къ дѣлу, къ участию. Всюду, куда только лишь достигаетъ царское слово, ему откликается немедленно полнымъ вхомъ и русское сердце всею своею глубиной, всею своею готовностью. И прежде чѣмъ народъ, ушедшій войною на современную Гиву, почувствовалъ себя голоднымъ, утомленнымъ и потерпѣвшимъ жажду, всюду, начиная съ первопрестольной Москвы, явились свои Сови, Махирь и Верзелія, „приносящіе постели, для больныхъ, сосуды для жаждущихъ, пшеницу и ямень,

муку и пшено, чечевицу и жаренныя зерна, медъ и масло людямъ въ пищу“ (2 Ц. 17, 27—29).

Прекрасная страница впишется въ нашу исторію послѣднихъ лѣтъ, настоящихъ дней.

И пусть научатся изъ нея наши потомки въ подобныя настоящему времена говорить и дѣлать тоже, что говорилъ и дѣлалъ въ древнія времена Урія: „Иуда въ шатрахъ.. и рабы господина моего пребываютъ въ полѣ, а я, беззаботно, не обращая вниманія на лежащія на мнѣ обязанности, вошелъ бы въ домъ свой ѣсть и пить и спать съ своею женою! Этого я не сдѣлаю“ (2 Ц. 11, 11). Есть высокія обязанности, есть нужды времени, которыя заставляютъ быть внимательнымъ и отзывчивымъ къ потребностямъ и просьбамъ тѣхъ, кои въ шатрахъ.

А. С.

МАГОМЕТАНСКАЯ ВѢРА.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ПЕРЕНЕСЕНІЯ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ
9-ГО МАЯ.

Святитель и чудотворецъ Николай вмѣстѣ съ другими прославленными церковію святителями именуется правиломъ вѣры за ревность къ православной вѣрѣ. Эту ревность онъ показалъ преимущественно на 1-мъ вселенскомъ соборѣ, на которомъ принималъ живое участіе въ обличеніи и осужденіи нечестиваго Арія, отвергавшаго единосущіе Сына Божія съ Богомъ Отцемъ.

О святыхъ подвигахъ ревности по вѣрѣ есть особенное побужденіе вспоминать въ настоящее, переживаемое нами время,—время войны за православную вѣру противъ исконныхъ враговъ ея. Тепершняя война ведется съ цѣлію достигнуть облегченія тяжелой участи христіанъ, страдающихъ подъ игомъ Турокъ; по это и значитъ, что

она ведется изъ-за вѣры. Ибо за что страждутъ христіане подъ властію Турокъ? За то, что они—христіане,— за вѣру. Измѣни они своей вѣрѣ, прими магометанство, ихъ участь тотчасъ измѣнилась бы, они стали бы во всѣхъ отношеніяхъ полноправны съ природными Турками. Стойкость въ вѣрѣ православныхъ христіанъ пуще всего раздражаетъ противъ нихъ властителей ихъ, такъ что никакіе трактаты, никакіе договоры съ Турками въ защиту христіанъ не сильны были до сихъ поръ склонить Турокъ къ справедливости и человѣколюбію въ отношеніи къ христіанамъ, особенно въ отношеніи къ славянскимъ нашимъ братьямъ. Что за причина столь упорной ненависти къ христіанству? Причина одна: христіанская вѣра—свѣтъ, а магометанская—тма. Ходящіе во тмѣ и привыкшіе къ ней ненавидятъ свѣтъ,—свѣтъ колеть имъ глаза, истина христіанская идетъ въ разрѣзъ съ ложью Магометова ученія.

Но дѣйствительно ли магометанская вѣра есть тма въ сравненіи съ христіанскою? Это не подлежитъ сомнѣнію. Магометанская вѣра есть тма по самому происхожденію своему. Основатель ея, хотя весьма часто повторялъ, что онъ посланникъ Божій и требовалъ отъ своихъ послѣдователей исповѣданія этого ученія наряду съ догматомъ о единствѣ Божіемъ,—ничѣмъ не доказалъ своего посланничества. Это былъ человѣкъ по природѣ склонный къ мечтательности и подверженный припадкамъ падучей болѣзни. Болѣзненное состояніе въ этихъ припадкахъ онъ по самообольщенію или намѣренно выдавалъ за сверхъестественное, въ которомъ будто бы получалъ откровенія отъ Бога, чрезъ архангела Гавріила. Жители Мекки и Медины, для убѣжденія въ истинѣ его божественнаго призванія, многократно требовали отъ него чудесъ. Но онъ всегда отвѣчалъ, что не надѣленъ даромъ чудесъ, а посланъ только проповѣдывать. И дѣйствительно онъ не сотворилъ ни одного чуда, а приписанныя ему въ позднѣйшее время многочисленныя чудеса имѣютъ сказочный

характеръ *) и разсудительными магометанами не признаются за достовѣрныя. Не былъ онъ также пророкомъ. Брался онъ иногда за роль пророка, но предсказанія его не исполнялись. Такъ онъ предсказывалъ себѣ безопасность и невредимость, — но былъ раненъ. Предвозвѣщала согласіе и единодушіе своихъ послѣдователей, между тѣмъ какъ вскорѣ послѣ его смерти открылись среди ихъ междоусобія и образовались многочисленныя секты. Другія предсказанія его были простыми соображеніями прощительнаго человѣка. Напримѣръ онъ предсказалъ, что побѣдитъ жителей Мекки, войдетъ въ меккскій храмъ и всѣ арабы увѣруютъ въ него; но это можно было ожидать по ходу тогдашнихъ дѣлъ и этимъ онъ воодушевлялъ только своихъ приверженцевъ. — Для возвышенія своего значенія Магометъ относилъ къ себѣ обѣтованіе Христа Спасителя о Духѣ Утѣшителѣ (Іоан. 15, 26). Только невѣжество могло такъ криво толковать слова Христовы, и только невѣжественные — довѣрять такому толкованію. Господь Іисусъ повелѣлъ апостоламъ *ожидать* Утѣшителя (Лук. 24, 49), слѣдственно давалъ имъ разумѣть, что они дождутся Его. Но еслибы Магометъ былъ утѣшитель, имъ пришлось бы ждать его 600 лѣтъ. Господь Іисусъ заповѣдалъ ученикамъ не отлучаться отъ Іерусалима и здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ ожидать Утѣшителя. По этому Магометъ, еслибы онъ былъ обѣтованный Утѣшитель, явился бы въ Іерусалимѣ, а не въ Меккѣ. Сверхъ того это обѣтованіе дано было Церкви Христовой, слѣдственно Магометъ долженъ былъ бы придти къ христіанамъ, а не къ арабамъ язычникамъ. Далѣе, обѣщанный Утѣшитель долженъ *прославить* Христа и учить тому, чему училъ Христосъ (Іоан. 14, 26). Но Магометъ

*) Магометане говорятъ, что деревья ходили на встрѣчу Магомету, что камни дѣлали ему привѣтствія, что вода брызгала изъ ногтей его, что онъ раздѣлилъ однажды луну на двое, указавъ на нее пальцемъ, что она сдѣлала ему привѣтствіе на арабскомъ языкѣ, прошла чрезъ ворота его сорочки и вышла чрезъ рукавъ и т. п.

не прославилъ, а уничижилъ Христа. Онъ хотя называлъ Христа пророкомъ, но отвергалъ Его Божество, не призналъ совершеннаго Имъ дѣла искупленія, и враждебно отнесся къ вѣрующимъ въ Него.

Ученіе Магомета изложено въ Коранѣ. Эта книга данная ему, по вѣрованію магометанъ, отъ самого Бога, составлена собственно однимъ изъ преемниковъ Магомета изъ отрывковъ, оставшихся отъ лжепророка. Есть не мало хорошаго въ Коранѣ,— это заимствованныя изъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго завѣтовъ многія здравыя понятія о Богѣ и Его свойствахъ, объ ангелахъ, многія нравственныя предписанія и заповѣди, многія историческія сказанія. Къ сожалѣнію, въ Коранѣ истина перемѣшана съ грубѣйшими заблужденіями, частію заимствованными изъ народныхъ арабійскихъ преданій, изъ Талмуда, изъ христіанскихъ, непризнанныхъ Церковію за достовѣрные письменныхъ памятниковъ, частію измышленными самимъ Магометомъ. Такъ въ Коранѣ сообщаются ложныя историческія свѣдѣнія, на примѣръ говорится, будто Авраамъ и Измаиль построили храмъ въ Меккѣ, будто въ жертву принесенъ Измаиль, будто Фараонъ и Аманъ были овременники, будто арміи Соломона составлены были изъ геніевъ, людей и птицъ, будто постройки Соломона производились подчиненными ему демонами, будто Дѣва Марія была сестрою Аарона (Маріамъ), будто Христось не былъ распятъ и не умиралъ на крестѣ, и не испыталъ смерти былъ взятъ живымъ на небо, гдѣ пребудетъ до конца вѣковъ, когда снова явится на землѣ для поддержанія магометанства, и т. п.

Превозносятъ Магомета за то, что онъ провозгласилъ догматъ единства Божія: нѣтъ Бога, кромѣ Бога,—и уничтожилъ господствовавшее между его соотечественниками многобожіе. Къ сожалѣнію, въ ученіи о единомъ Богѣ допущены Магометомъ понятія недостойныя Божества. По ученію лжепророка, Богъ не только единъ по существу, но вмѣстѣ Онъ единственная дѣйствующая сила

во вселенной. Все происходящее въ мірѣ происходитъ по безусловному предопредѣленію Его, и иначе происходить не можетъ. И христіанская вѣра учитъ о предопредѣленіи Божиємъ однихъ къ блаженству, другихъ къ вѣчному мученію; но это предопредѣленіе въ отношеніи къ разумно-свободнымъ существамъ, ангеламъ и человѣкамъ, не безусловно: оно основывается на предвидѣніи нравственныхъ ихъ свойствъ и поведенія, и потому оставляетъ мѣсто свободному дѣйствованію ихъ, такъ что отъ каждаго изъ насъ зависитъ идти путемъ спасенія, или гибели. Не таково ученіе Магомета. Его Аллахъ самъ производитъ добрыя и дурныя дѣла въ людяхъ, вселяетъ въ нихъ благочестіе, или безуміе; самъ вводитъ въ заблужденіе, кого хочетъ, и направляетъ къ добру, кого хочетъ. Все зависитъ отъ него, а люди—только страдательныя орудія въ рукахъ его, каждому въ небесной книгѣ написана своя судьба, неизбѣжная и неотвратимая, каждому назначенъ извѣстный образъ жизни и дѣятельности, доброй и злой. Ясно, что, если человѣкъ не имѣетъ свободы располагать собою и дѣлаетъ то, что ему предопредѣлено,—не человѣкъ виновникъ зла и грѣха, а Богъ. Онъ, по ученію Корана, сотворилъ прямо для геенны великое число геніевъ и людей: у нихъ сердца, которыми они ничего не понимаютъ; у нихъ глаза, которыми они ничего не видятъ, у нихъ уши, которыми они ничего не слышатъ. Онъ самъ посылаетъ злыхъ духовъ къ невѣрнымъ, чтобы подстрекали ихъ къ злу. Разумныхъ побужденій, почему Магометовъ богъ поступаетъ такъ или иначе, у него не ищите: это восточный деспотъ, который руководствуется однимъ безусловнымъ произволомъ и прихотью.

Если таково отношеніе Магометова Бога къ разумно-свободнымъ существамъ, то казалось бы, не слѣдовало вмѣнять имъ тѣ или другія нравственныя дѣйствія, не слѣдовало бы возлагать на нихъ отвѣтственность за нарушеніе данныхъ имъ законовъ и предписаній,—потому что они дѣйствуютъ такъ или иначе не самопроизвольно,

а повинуюсь неотразимому давленію внѣшней божественной силы. Въ Коранѣ однакожь не обращается вниманіе на эту непослѣдовательность, на несомвѣстность вмѣняемости съ отсутствіемъ свободы, и проповѣдуется ученіе о наградахъ и наказаніяхъ вѣрующимъ и невѣрующимъ въ Магомета, не только въ здѣшней жизни, но и въ будущей. Въ будущей жизни одни будутъ мучиться въ адѣ, другіе блаженствовать въ раю. То и другое состояніе опредѣлено будетъ на послѣднемъ судѣ, который будетъ продолжаться пять тысячъ лѣтъ. На адскія муки осуждены будутъ вмѣстѣ съ злыми духами язычники, евреи и христіане. Въ адѣ будетъ пять отдѣленій, или этажей. Низшее отдѣленіе, мучительнѣйшее всѣхъ остальныхъ, назначено для невѣрующихъ лицемѣровъ; слѣдующія два— для язычниковъ; четвертое— для Іудеевъ и послѣднее, служащее переходомъ къ райскимъ жилищамъ и отличающееся сравнительно легкими мученіями,— для христіанъ. (Въ это верхнее отдѣленіе поступаютъ на время нѣкоторые грѣшники изъ магометанъ. Смотри по количеству и качеству грѣховъ они будутъ оставаться здѣсь для полного очищенія отъ 900 до 7,000 лѣтъ, послѣ чего переходятъ въ рай. Чтѣ же такое рай? Это мѣсто преимущественно для чувственныхъ наслажденій. Здѣсь, обитая посреди самыхъ живописныхъ и прохладныхъ рощъ, изобилующихъ прозрачными источниками и фонтанами, орошаемыхъ рѣками молока, меда и вина, во дворцахъ изъ самаго чистаго мрамора, одѣтые въ драгоцѣнныя ткани, украшенные золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, вѣрующіе нескончаемо будутъ наслаждаться всѣмъ, чтѣ роскошь и чувственность представляютъ самаго изысканнаго и обольстительнаго. Каждому изъ нихъ будутъ прислуживать мальчики вѣчно юные. Даже послѣдній изъ вѣрующихъ будетъ имѣть постоянно для плотскаго наслажденія 72 жены, красоты неописанной и вѣчно дѣвственныя. Для того, чтобы отъ постоянныхъ чувственныхъ удовольствій силы и вкусъ не притуплялись, каждый изъ обитателей

рая будетъ имѣть силу во сто разъ больше, чѣмъ сколько имѣлъ на землѣ.

Не исчисляя другихъ нелѣпостей въ догматическомъ ученіи Магомета, перейдемъ къ правоучительной части. Она столько же несообразна съ здоровыми религіозными понятіями и не достойна Бога, какъ и догматическая. Магометъ почти не учитъ любви къ Богу,—и можно ли сердечно любить такое самонравное и несправедливое существо, какъ Магометовъ Аллахъ,—и внушаетъ своимъ послѣдователямъ только рабскій страхъ къ нему. Что касается ближнихъ, то хотя Магометъ заповѣдуетъ любить ихъ, подавать бѣднымъ милостыню, и т. п., но число ближнихъ онъ ограничиваетъ одними правовѣрными, т.-е. магометанами, и притомъ друзьями,—но всѣхъ остальныхъ слѣдуетъ чуждаться и гнушаться,—они враги Аллаха и ихъ вѣры мерзки въ очахъ Его. Магометъ прямо заповѣдуетъ преслѣдовать и убивать ихъ за непринятіе его ученія и распространять его мечемъ и насиліемъ. Проповѣдуя истребительную войну противъ иновѣрцевъ, Магометъ называетъ ее *святою войною*, и говоритъ своимъ послѣдователямъ: „убиваете ихъ не вы, а Богъ. Когда бросаешь копьѣ, не ты бросаешь, это —Богъ“. По отношенію къ врагамъ и оскорбителямъ Магометъ позволяетъ самоуправное мщеніе и убійство.

Самая позорная часть нравственнаго ученія Магомета есть его ученіе объ отношеніи къ лицамъ женскаго пола. На женщину онъ смотритъ, какъ на существо, созданное для того только, чтобы раждать дѣтей и рабски служить мужу. Женщина—это вещь, которую можно продать, купить, промѣнять, совсѣмъ бросить, подарить. Всякій правовѣрующій, по ученію лжепророка, можетъ жениться разомъ на трехъ или четырехъ женахъ и при этомъ еще имѣть сколько угодно наложницъ. Онъ можетъ развестись съ неугодною ему женою и снова жениться на ней до трехъ разъ. Кому неизвѣстно, какъ пагубно для семейной жизни узаконенное Кораномъ многоженство! Оно потвор-

ствуешь чувственности, развиваетъ любострастіе, разслабляетъ чрезъ любострастіе тѣлесныя и душевныя силы, производитъ между женами зависть и раздоры, часто посягаютъство на жизнь ненавистнаго лица, сопровождается небрежнымъ воспитаніемъ дѣтей, заключенныхъ вмѣстѣ съ матерями въ гаремахъ и принужденныхъ быть свидѣтелями нестроеной гаремной жизни. Безнравственное ученіе объ отношеніи къ женскому полу Магометъ закрѣпилъ своимъ примѣромъ. Онъ былъ чрезчуръ чувственный и любострастный человѣкъ. Для своихъ послѣдователей онъ ограничилъ число женъ четырьмя, а самъ женатъ былъ на семнадцати и сверхъ того имѣлъ множество наложницъ. Мало того, — онъ увѣрялъ своихъ послѣдователей, соблазнявшихся его поведеніемъ, что самъ Аллахъ въ особомъ откровеніи предоставилъ ему, не въ примѣръ другимъ, самую широкую свободу въ выборѣ себѣ женъ. Онъ даже отнялъ жену у своего пріемыша и говорилъ, что самъ Богъ велѣлъ ему на ней жениться. — Какое кощунство — привлекать къ участию въ своихъ беззаконіяхъ самого Бога!

Въ религіи Магомета имѣютъ большее значеніе многочисленные обрядовыя постановленія. Онъ предписалъ строго соблюдать посты, омовенія, ежедневную пятикратную молитву, воздержаніе отъ свиного мяса, крови, удушенныхъ, а паче всего отъ вина, путешествовать въ Мекку на праздникъ или на богомолье, обрѣзывать дѣтей мужескаго пола выше десятилѣтняго возраста. Отъ соблюденія этихъ постановленій будто бы главнымъ образомъ зависитъ вѣчное спасеніе человѣка. Вслѣдствіе такого ученія о значеніи указанныхъ обрядовъ вся нравственность магометанина ограничивается строгимъ исполненіемъ ихъ, а на исправленіе сердца не обращается почти никакого вниманія.

Таково ученіе, такова вѣра магометанская. Не видите ли, что все это непроглядная тма, сцѣпленіе грубѣйшихъ заблужденій, противорѣчіе здравому религіозному смыслу. Чтоже мудренаго, если христіане живущіе въ средѣ ис-

повѣдающихъ такую вѣру и преобладающихъ надъ ними, встрѣчаютъ съ ихъ стороны вражду и ненависть: тма по природѣ враждебна свѣту. И вотъ ужь больше четырехсотъ лѣтъ христіане въ Турціи находятся въ такомъ положеніи и стонуть подъ игомъ невѣрныхъ подобно Евреямъ подъ игомъ египетскимъ. Евреи больше двухсотъ лѣтъ несли это иго и горѣли въ огнѣ гоненія, словно видѣнная Моисеемъ кушина, объятая огнемъ,—но какъ и кушина, не старали: Господь сохранилъ ихъ среди этого огня и наконецъ рукою крѣпкою и мышцею высокою избавилъ ихъ отъ мучительства Фараонова. Должно признать чудомъ милосердія Божія и то, что единовѣрные намъ братія несмотря на тяжелое многовѣковое рабство подъ властію чтителей лжепророка еще уцѣлѣли, сохранили свою вѣру, свой языкъ, свою народность. Поистинѣ это кушина не сгорѣвшая въ огнѣ. Скоро ли кончится ихъ огненное испытаніе,—намъ неизвѣстно, это въ рукѣ Божіей. На насъ лежитъ только долгъ возсылать усерднѣйшія молитвы къ Всевышнему, да смилуется надъ ними, да изведетъ изъ темницы души ихъ, да поможетъ нашему благовѣрному Царю и его христіолюбивому воинству одолѣть ихъ всконныхъ мучителей и умирить ихъ жизнь. Съ молитвою должны быть соединяемы дѣла благотворенія въ пользу какъ ихъ самихъ, терпящихъ крайнюю скудость во всемъ, такъ и нашихъ христіолюбивыхъ воиновъ, проливающихъ за нихъ кровь свою. Да не ослабѣваютъ, братія, наши молитвы, да не оскудѣваютъ наши благотворенія.

Прот. В. Нечаевъ.

КРЕЩЕНИЕ ВО ИМЯ ПРЕСВЯТЫЯ ТРОИЦЫ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВ. ДУХА.

Господь Иисусъ Христосъ, въ одно изъ своихъ явленій по воскресеніи своемъ ученикамъ и апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь Евангелія, далъ имъ заповѣдь: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мат. 28, 19).

Итакъ по волѣ Христа Спасителя, выраженной въ этой заповѣди, Евангеліе о спасеніи должно быть проповѣдано всѣмъ народамъ, въ Церковь Его должны вступить всѣ племена земныя. Она не должна походить на какую-нибудь философскую школу, доступную для однихъ избранныхъ,—она есть училище для всѣхъ безъ разбора. Какъ ни высоки тайны царствія Божія, содержащіяся въ Евангеліи, ученіе о нихъ не есть секретъ для немногихъ посвященныхъ,—оно должно быть всеобщимъ достояніемъ. Церковь Христова, какъ предназначенная къ всемірному распространенію, отличается въ этомъ отношеніи и отъ ветхозавѣтной церкви, которая устроена была собственно для одного избраннаго народа и имѣла назначеніе приготовить въ средѣ этого народа племя, имѣвшее дать міру Спасителя всего человѣчества. Правда, во время земной жизни своей Господь Иисусъ проповѣдывалъ только въ Израильской землѣ и апостоламъ наказывалъ, чтобы на путь язычниковъ не ходили, а возвѣщали Евангеліе царствія однимъ погибшимъ овцамъ дому Израилева; но это потому, что еще рано было выступать изъ этихъ тѣсныхъ предѣловъ: еще не совершились событія, на которыхъ зиждется наше

спасеніе,—не послѣдовала искупительная смерть и воскресеніе Богочеловѣка, слѣдственно не было налицо главнаго предмета проповѣди. Надлежало ограничиться, поневолѣ, приготовленіемъ людей къ принятію этой проповѣди и начать готовить къ ней тѣхъ, которые всею предшествовавшею своею исторіею ведомы были къ вѣрѣ во Христа. Всемирная проповѣдь христіанства явилась возможною со времени воскресенія Христова и вскорѣ послѣдовавшаго за тѣмъ вознесенія на небеса и сошествія св. Духа, — особенно со времени послѣдняго событія, ибо снисшедшій на апостоловъ Духъ облекъ ихъ всѣми силами и средствами, потребными для дѣла всемірной проповѣди.

Но одною ли проповѣдію надлежало приводить народы къ христіанству? Достаточно ли было выслушать эту проповѣдь и увѣровать въ нее, чтобы сдѣлаться членомъ Церкви Христовой? Никакъ. Этого было бы достаточно только въ томъ случаѣ, еслибы Церковь Христова была только училищемъ вѣры и нравственности. Что Церковь не есть только училище, подобное всякому учебному заведенію, это видно изъ того, что не всякій ознакомившійся съ ученіемъ Христовымъ и увѣровавшій въ него есть уже членъ Церкви. Оглашенные не суть члены Церкви, хотя усвоили христіанское ученіе вѣрою и разумніемъ, и потому, какъ всѣмъ извѣстно, удаляются изъ собранія вѣрующихъ предъ началомъ литургіи вѣрныхъ; права присутствовать при ней они не имѣютъ, потому что еще не принадлежатъ къ Церкви. Чего же недостаетъ имъ, чтобы принадлежать къ ней? Недостаетъ крещенія во имя Святыя Троицы. Только крещенный есть полноправный христіанинъ и сынъ Церкви. Ясно сказано: „аще кто не родится водою и Духомъ, *т.-е. не крестится*, не можетъ внити въ царствіе Божіе (Іоан. 3, 5), — *т.-е. въ Церковь Христову*, это царство Христово—духовное, не отъ міра сего. Въ эгомъ случаѣ крещеніе имѣетъ тоже значеніе въ новозавѣтной Церкви, какое имѣло обрѣзаніе въ

церкви ветхозавѣтной. Обрѣзаніе было внѣшнимъ актомъ вступленія въ завѣтъ съ Господомъ и вмѣстѣ въ составъ общества уже находящихся въ этомъ завѣтѣ. По силѣ этого завѣта обрѣзанный съ одной стороны получалъ право участвовать во всѣхъ милостяхъ и обѣтованіяхъ Господа, какъ членъ избраннаго народа, какъ любимое чадо Божіе,—съ другой принималъ на себя обязательство служить единому Господу, Его единого чтить и по заповѣдямъ Его жить. Подобное сему значеніе принадлежитъ и христіанскому крещенію, которое потому и называется обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ (Кол. 2, 11. 12). Подобно обрѣзанію рукотворенному, крещеніе вводитъ насъ въ новый завѣтъ съ Богомъ; онъ состоитъ въ томъ, что самъ Господь, въ Троицѣ поклоняемый и славимый, нисходитъ до ближайшаго общенія съ нами, въ водахъ крещенія возраждаетъ насъ духовно, обновляетъ наше растрѣванное грѣхомъ естество, и мы, по естеству чада грѣха, какъ возрожденные въ крещеніи, дѣлаемся чадами Божіими по благодати и наслѣдниками вѣчной жизни (Марк. 16, 16. Гит. 3, 5—7). Такъ велики права, которыя намъ даруются со стороны Господа въ таинствѣ крещенія. Но они даруются намъ въ соединеніи съ соотвѣтствующими обязательствами съ нашей стороны. Завѣтъ Господа съ нами въ крещеніи предполагаетъ взаимность съ нашей стороны. Какъ ветхозавѣтные люди по силѣ завѣта обрѣзанія обязывались служить единому Богу, такъ и новозавѣтные люди, вступая въ завѣтъ съ Богомъ въ крещеніи, даютъ обязательство вѣрно служить Ему до конца жизни. Разность только въ томъ, что первые, служа Единому, не обязывались чтить Его въ трехъ ипостасяхъ, ибо не могли вмѣстѣ сего по склонности къ многобожію,—тогда какъ послѣдніе имѣютъ то преимущество предъ ними, что имъ открыта тайна Св. Троицы и свойственныя каждому лицу Троицы качества и дѣйствія, и потому со времени крещенія они обязаны служить и поклоняться Богу не какъ только единому по существу, но вмѣстѣ триничному

въ лицахъ. Христіанское крещеніе потому и называется крещеніемъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, что не только указываетъ на благодать къ намъ Св. Троицы, являемую въ семь таинствъ, но вмѣстѣ налагаетъ на крещаемого долгъ быть исповѣдникомъ Св. Троицы.

Возблагодаримъ, братія, Господа, что мы крещены во имя Св. Троицы, безопасно исповѣдуемъ вѣру въ эту непостижимую тайну Божества и никто намъ не мѣшаетъ устроить жизнь по этой вѣрѣ. Не таково положеніе исповѣдниковъ Св. Троицы подъ игомъ исконныхъ враговъ христіанства Турокъ. За что они такъ враждебны къ христіанамъ, такъ ненавидятъ и притѣсняютъ ихъ? За исповѣданіе Св. Троицы. Похваляясь вѣрою въ единого Бога и поклоняясь Ему, Турки обвиняютъ христіанъ въ томъ, будто они чужды этой вѣры и поклоняясь Отцу и Сыну и Св. Духу, они будто поклоняются тремъ богамъ и ничѣмъ въ этомъ отношеніи не отличаются отъ многобожниковъ—язычниковъ древнихъ и новыхъ. Какая гнусная клевета! Не хотятъ видѣть послѣдователи лжепророка, что иное—вѣровать въ три лица Единого Божества, и иное—въ трехъ боговъ. Отвергаютъ они также тайну искупленія и участіе въ совершеніи его каждаго изъ трехъ лицъ Св. Троицы. Для нихъ невмѣстимо ученіе, что Богъ Отець по благоволенію къ намъ послалъ для нашего спасенія Единороднаго Сына своего, что сей Сынъ нашъ ради воплотился, пострадалъ и умеръ на крестѣ и что уготованное для всѣхъ спасеніе усвоится каждому изъ насъ освящающею благодатию св. Духа въ таинствахъ. Господа Иисуса они почитаютъ простымъ человѣкомъ, хотя называютъ его пророкомъ,—а не Богочеловѣкомъ, а подъ Духомъ святымъ, котораго Христосъ обѣщаль послать вѣрующимъ во имя Его, разумѣютъ (о, богохульство!) Магомета. Что мудрепаго, если послѣдователи аравійскаго лжепророка, почитая христіанъ язычниками, презираютъ ихъ и смотрятъ на нихъ, какъ на нечестыхъ псовъ. Отсюда всѣ злодѣянія, которыя совершаются Турками надъ подвластными имъ

христіанами, такъ что послѣдніе вотъ ужъ 400 лѣтъ изливаютъ предъ Господомъ жалобы на своихъ мучителей подобно псалмопѣвцу, говорившему: „Боже, приидоша языцы въ достояніе Твое, оскверниша храмъ святой Твой, положиша Іерусалимъ (*святую церковь Твою*) яко овощное хранилище, положиша трупія рабъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ звѣремъ земнымъ, проліяша кровь ихъ яко воду окрестъ Іерусалима, и не бѣ погребаяй. Быхомъ поношеніе сосѣдомъ нашимъ, подразженіе и поруганіе сущимъ окрестъ насъ“ (Псал. 78, 1—4). „Доколѣ Боже поносить врагъ, раздражитъ противный имя Твое до конца? Вскую отвращаеши руку Твою и десницу Твою отъ среды иѣдра Твоего въ конецъ?“ (Псал. 73, 10. 11). Какіе жалобные вопли! По закону христіанскому, требующему плакать съ плачущими и сострадать бѣдствующимъ, всѣ мы, братіе, принимаемъ живое участіе въ плачевной судьбѣ нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Будемъ съ терпѣніемъ, съ преданностію волѣ Божіей, ожидать, угодно ли будетъ Господу облегчить ихъ участь чрезъ наше, поднятое въ защиту ихъ, оружіе, а паче всего не ослабѣвать въ подвигахъ молитвы за успѣхъ этого святаго дѣла. Въ настоящей праздникъ, въ честь Св. Духа, умѣстна въ устахъ нашихъ такая молитва: Всеблагій Утѣшитель Душе святой! Низпосли утѣшеніе въ сердца рабовъ Твоихъ, нѣсколько вѣковъ стонущихъ подъ бичемъ своихъ притѣснителей, отведи отъ нихъ этотъ смертоносный бичъ, дай имъ вздохнуть свободно и возрадоваться радостію свободныхъ.—Податель жизни, всемогущею силою созидающій не сущая и обновляющій лице земли! Благоустрой гражданское бытіе христіанскихъ племенъ, лишенныхъ всѣхъ человѣческихъ правъ подъ игомъ своихъ поработителей и ежеминутно подвергающихся отъ нихъ опасности потерять собственность, честь и самую жизнь,—обнови мѣста ихъ обитанія, ули ты ихъ кровію, опустошенныя грабительствомъ, водвори въ нихъ миръ и благополучіе, да обитающіе на нихъ,

достигнувъ безопасности отъ своихъ исконныхъ враговъ, тихое и безмолвное житіе проживуть во всякомъ благочестіи и чистотѣ, вкупѣ съ нами, ихъ братіями по вѣрѣ и крови, благодарно исповѣдуя Твою благодать и милость.

Прот. В. Нечаевъ.

НѢЧТО О ВОЙНѢ.

Пророкъ Исаія говоритъ о временахъ Мессіи: „И будетъ въ послѣднія дни раскуютъ мечи своя на орала и копія своя на серпы, и не возьметъ языкъ на языкъ меча, и не навькнутъ ктому ратоватися“ (Ис. 2, 2. 4). Въмѣсто меча плугъ и соха; вмѣсто копья серпъ и коса; вмѣсто военныхъ упражненій развитіе земледѣлія, наукъ, искусствъ. Какая тихая, отрадная, блаженная жизнь на землѣ! И кому она невождедѣльна? Восьмью тысячу лѣтъ живетъ человѣчество, а такихъ блаженныхъ дней еще не видало. Въ первой же человѣческой семьѣ открылась вражда, окончившаяся братоубійствомъ. Человѣчество разрослось, раздѣлилось на племена, умножились имущества, явились обидчики, хищники, убійцы; нужно было оберегать себя, свое имущество, защищаться, вредить неприятелю, и вотъ употреблены въ дѣло колья, камни, дубины и наконецъ стрѣлы. Прошли вѣка. Человѣчество сдѣлалось образованнѣе, сплотилось въ отдѣльныя царства, появились искусства, сдѣланы открытія, прежняя самозащита показалась слабою, и вотъ чрезъ рядъ усовершенствованій дошли до пынѣшнихъ игольчатыхъ ружей, скорострѣльныхъ пушекъ и картечицъ. И конца не видится этимъ усовершенствованіямъ самозащиты или вѣрнѣе самоистребленія... Когда же придетъ то блаженное время, которое въ такихъ пріятныхъ краскахъ рисовалъ св. пророкъ почти за 800 л. до Рожде-

ства Христова? Скоро ли прекратятся на землѣ эти брани, нестроенія, междоусобія, убійства? Ангелы воспѣли торжественную пѣснь при рожденіи Спасителя міра: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*; а мира ни тогда, ни послѣ не было на землѣ; пѣть его и теперь. *Услышати имате брани и слышанія бранемъ: зрите, не ужасайтесь: подобаетъ бо всякъ силъ быти* (Мф. 24,—6), возвѣстилъ на землѣ и самъ воплотившійся Князь міра. Какъ же понимать пророчество Исаи? Неужели оно не должно исполниться?

Пѣть, оно должно исполниться въ свое время. Когда же наступитъ это время? Пророкъ сказалъ: *будетъ въ послѣднія дни*. Выраженіе: *послѣднія дни* на священномъ языкѣ равно означаетъ и первое пришествіе на землю Сына Божія и второе, славное, почему оно встрѣчается какъ въ пророческихъ, такъ и апостольскихъ книгахъ (Быт. 49, 1. Втор. 4, 30. Ос. 3, 5. Мих. 4, 1. Евр. 1, 2. 2 Тим. 3, 1. Іоан. 6, 39). Царство Христово есть *царство всякъ въковъ* (Іс. 144, 13). Если теперь, доколѣ Церковь Христова воинствуетъ на землѣ, доколѣ еще не всѣ народы просвѣщены свѣтомъ Евангелія, невозможно полное исполненіе пророчества, то несомнѣнно оно исполнится въ будущемъ царствіи. Когда будетъ новое небо и новая земля, тогда, говоритъ Апостоль, *всякая вражда истредится, тогда и самая тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 21). Нужно замѣтить, что и самъ прор. Исаія и другіе пророки глубочайшій миръ на землѣ, блаженный покой, какимъ будутъ наслаждаться люди, находили возможнымъ только по окончаніи міра, когда упразднится всякое зло на землѣ. (Іс. 60, 17—21; 66, 15—24. Соф. 3, 15. Зах. 14, 9—11). А до тѣхъ поръ полного міра на землѣ не будетъ, употребленіе меча не прекратится. Войны были на землѣ до христіанства, существуютъ теперь, будутъ и послѣ, до послѣднихъ дней бытія міра.

Послѣ сего самъ собою рождается вопросъ: что же

принесло съ собою на землю христіанство? *Примиритель народовъ* (Быт. 49, 10), *Князь мира* (Ис. 9, 6), какъ называли Христа Иисуса пророки, неужели не утвердилъ мира на землѣ? Нѣтъ. Христосъ Иисусъ есть дѣйствительно *миръ нашъ* (Еф. 2, 14--16), — такъ проповѣдывали о Немъ Его Апостолы. Евангеліе Его есть Евангеліе мира; но этотъ миръ есть духовный. Онъ состоитъ въ духовномъ примиреніи человѣка съ Богомъ, въ томъ, что Христосъ своею крестною жертвою удовлетворилъ за насъ правосудію Божию, предложилъ гнѣвъ на насъ Божій на милость, и что влѣдствіе этого миръ и радость о Дусѣ святѣ водворяется въ душахъ усвоившихъ благодать прощенія грѣховъ. Этого духовнаго мира не могутъ нарушить никакія вѣшнія войны, никакіе общественные волненія и безпорядки.

Но согласно ли съ христіанскою вѣрою веденіе войны? Нѣкоторые сектанты утверждаютъ противное (квакеры, спириты, меннониты, духоборцы). Но это напрасно. Что христіанинъ не согрѣшитъ, если вооружится, выйдетъ на брань и будетъ поражать врага, это видно изъ слѣдующихъ соображеній, основанныхъ на словѣ Божіемъ. Господь, нарицающій себя Богомъ мира, нарицаетъ себя также и Господомъ воинствъ. Онъ *научаетъ руки вѣрныхъ своихъ на ополченіе и персты на брань* (Ис. 143, 1), Онъ *сокрушаетъ крѣпость луковъ, оружіе, и мечъ и брань* (Ис. 75, 4). Авраамъ, образецъ кротости, воевалъ за своихъ родныхъ и за союзныхъ царей. Народъ Еврейскій, по повелѣнію Божию, долженъ былъ вооружиться и войною приобрѣсть себѣ землю обѣтованную. Духъ Божій, который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія его, управлялъ рукою его и тогда, когда онъ бросалъ камень въ Голіаѳа. Тотъ же Духъ Божій дѣйствуетъ и нынѣ среди людей своихъ. Законъ христіанскій, проповѣдуетъ любовь, дѣлаетъ указаніе и на обязанность воиновъ (Лук. 3, 14. 1. Петр. 2, 13. 14. 2 Тим. 2, 4). Къ Іоанну крестителю приходили войны и спрашивали: что намъ дѣлать? Іоаннъ не сказалъ: оставьте ваше занятіе, что вы грѣшите,

что при исполненіи вашихъ обязанностей нельзя угодить Богу; не только не сказалъ онъ ничего подобнаго, но даже подтвердилъ, выяснилъ, такъ сказать, ихъ обязанность, совѣтовалъ проходить свою службу честно, никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своимъ жалованьемъ (Лук. 3, 14). Богъ любитъ миръ, но Онъ же благословляетъ и праведную брань.

Какъ въ частныхъ спорахъ не противно христіанству прибѣгать къ суду, искать своего права судебнымъ порядкомъ, съ нанесеніемъ вреда ближнему, такъ и въ международныхъ спорахъ согласно съ справедливостію прибѣгать къ рѣшенію ихъ путемъ войны, лишь бы она была законна, предпринята была въ защиту праваго дѣла. Не употреблять противъ разражающагося зла никакихъ средствъ, не препятствовать распространенію его, противно чувству самосохраненія и закону вѣры въ Бога, такъ какъ неудерживаемое зло нарушаетъ богоучрежденный порядокъ. *Идѣже нѣсть орады, расхищено будетъ имѣніе* (Сир. 36, 27), сказалъ древній мудрецъ. Любить враговъ своихъ, оказывать имъ расположеніе, благожелать имъ и особенно желать вѣчныхъ благъ слѣдуетъ по закону евангельскому непремѣнно; но истинная любовь требуетъ иногда и обличеній, и укоризнъ, особенно если изъ-за вражескихъ дѣйствій оскорбляется слава Божія или со-вращаются люди съ пути спасенія. И Господь нерѣдко обращался ко врагамъ своимъ съ словомъ грознымъ, обличительнымъ (Мѡ. 23, 33). Враговъ нужно любить, щадить, поить, кормить, но только безоружныхъ; противъ врага вооруженнаго нужно стоять до послѣдней капли крови. По взаимной тѣсной связи государства съ Церковію, враги государства суть вмѣстѣ и враги Церкви; православные воины, сражаясь за царя и отечество, въ то же время сражаются и за вѣру. Поэтому св. Церковь не одобряетъ только войну по страсти къ завоеваніямъ, а законную брань, войну, не только не запрещаетъ, но благословляетъ, признаетъ великимъ богоугоднымъ дѣломъ, приноситъ молитвы

о дарованіи побѣды и благодарить Бога, когда она будет дарована. Убивать врага на брани можно и должно всякому и во всякое время. Евреямъ, по закону, нельзя было воевать въ субботу; но послѣ того, какъ войско Аптіоха Епифана (167 г. до Р. Хр.) въ день субботній напало на нихъ, законъ этотъ былъ отмѣненъ. У насъ на Руси въ старину не любили воевать въ великій постъ, не дѣлали приступовъ къ городамъ по воскресеньямъ *), но послѣ нужда заставила оставить этотъ обычай. Строго обличая и наказывая чадъ своихъ за каждое убійство, даже за убійство невольное, св. Церковь убіеніе на брани не вмѣняетъ воинамъ въ преступленіе или грѣхъ убійства и не полагаетъ для нихъ строгихъ правилъ очищенія покаяннаго. „Убійствъ на войнѣ, говоритъ св. Василій Великій, отцы наши не вмѣняли въ убійства, мнѣ кажется, изъ списхожденія къ защитникамъ цѣломудрія и благочестія“ **). „Убивать враговъ на брани, говоритъ другой св. Отець, почитается дѣломъ законнымъ и похвалы достойнымъ и великихъ почестей сподобляются доблестные въ брани“ ***).

И какъ достохвальны, какъ почтенны подвиги воина! Чѣмъ отличается званіе воиновъ и пріобрѣтаетъ преимущественное предъ другими званіями право на уваженіе и почести? спрашиваетъ знаменитый витія нашей Церкви покойный святитель Филаретъ. И отвѣчаетъ: „Особенными трудами, лишеніями, подвигами, соединенными съ готовностію пожертвовать жизнію за исполненіе своего долга. Среди покоя другихъ воиновъ бодрствуетъ на стражѣ. Онъ то въ трудныхъ походахъ, то въ продолжительныхъ сраженіяхъ долженъ переносить холодъ, непогоду, зной, голодь, жажду, утомленіе, боль, и все сіе побѣждать силою духа, безъ чего не совершить бы ему подвига и не

*) Истор. Россіи С. Соловьева т. 7. Москва 1870 г.

***) Прав. св. Вас. вел. 13-е. Впрочемъ св. Василій *советуетъ* воинамъ, какъ имѣющимъ нечистыя руки, въ продолженіе трехъ лѣтъ удерживаться отъ одного пріобщенія. Твор. св. Вас. Вел. г. 7. стр. 12.

****) Письмо св. Аванасія великаго къ монаху Аммуну.

побѣдить бы врага. Только совершенная готовность пожертвовать жизнью за царя своего дѣлаетъ война безстрашнымъ и непоколебимымъ въ бранномъ подвигѣ, способнымъ къ побѣдѣ, достойнымъ вѣнца^{*)}. *Больши сея любви никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други* (Іоан. 15, 13), сказалъ Спаситель. Жизнь есть драгоценнѣйшее для человѣка благо; слѣдовательно тотъ, кто отдаетъ ее за спасеніе другихъ, совершаетъ такой подвигъ, какого не могутъ совершить даже и ангелы, и потому достоинъ великой награды. За православныхъ воиновъ, за вѣру, царя и отечество на брани живость свой положившихъ, св. Церковь постоянно и усердно молится; она вѣруетъ, что воины, какъ неповинные страдальцы, получаютъ вѣнецъ мученическій и даже нѣкоторыхъ изъ нихъ причла къ лику святыхъ^{**}).

Не напрасно св. Церковь выражаетъ такое уваженіе къ воинскимъ подвигамъ. Самъ Богъ являетъ иногда видимыя знаменія своего покровительства воинамъ, чего, конечно, не могло бы быть, еслибы война была дѣломъ богопротивнымъ. Изъ множества примѣровъ укажемъ на нѣкоторые. Такъ во время похода римскаго императора Марка Аврелія противъ Вандаловъ и Германцевъ, когда римское войско, окруженное непріятелями, пять дней томилось жаждой, громоносный легионъ, состоявшій изъ христіанъ, оживленъ внезапнымъ дождемъ, а непріятели разсѣяны громомъ, что случилось, какъ говорятъ Тертуллианъ и блаженный Иеронимъ, по молитвамъ христіанъ^{***}). Равноапостольный царь Константинъ видѣлъ на небѣ крестъ съ надписью: „Симъ побѣждай“ и дѣйствительно силою креста побѣдилъ врага. Если взбранная Воевода неоднократно спасала отъ враговъ то православную Грецію, то православную Россію, если Дмитрій Донской, по молитвамъ

*) Приб. къ Твор. св. Отцевъ 1844 г. кн. 3, стр. 314. 315.

***) Таковы, напр., великомученики: Георгій Побѣдоносецъ, Феодоръ Стратилать, Іоаннъ воинъ, Дмитрій Селунскій, Меркурій и другіе.

***) Церков. истор. Иннокентія ч. 1, стр. 6.

преподобнаго Сергія, разбилъ Мамая, и самъ Сергій, во время осады своей славной обители неоднократно являвшійся, дѣлалъ распоряженія и спасъ ее, а съ нею и всю Россію,—то что доказываютъ подобныя явленія, какъ не все-сильную руку Божію, поборающую за православныхъ воиновъ? Поэтому - то благочестивые цари христіанскіе, одержавъ побѣду надъ врагами, не себѣ приписываютъ честь, но Всевышнему. Такъ напр. поступилъ нашъ Русскій императоръ Александръ Благословенный, когда на медали въ память 1812 года велѣлъ изобразить слова псалмопѣвца: *не намъ, Господи, не намъ, а имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9). Храмъ Спасителя, воздвигаемый въ Москвѣ преемниками Александра 1-го, есть живое доказательство благодарности царей русскихъ за побѣды надъ врагами.

Все это,—и указаніе слова Божія не обязанности воиновъ, и взглядъ Церкви на христіанскія войны, и явныя знаменія силы Божіей, поборающей по воинахъ,—приводить насъ къ тому убѣжденію, что и въ царствѣ Мессіи, въ мірѣ христіанскомъ, война не только возможна, но и можетъ быть священной, какъ проявленіе высшей христіанской любви, а потому никто изъ вѣрующихъ не долженъ уклоняться отъ трудностей, соединенныхъ съ нею.

Не легко и царямъ православнымъ выступать на поле брани. Громадные расходы, потеря людей, раны, болѣзни, сиротство и другія послѣдствія войны болѣзненно отзываются въ ихъ сердцахъ; одно только желаніе пресѣчь зло, удержать врага, оградить свое царство, защитить невинность, вызываетъ ихъ на такой трудный подвигъ. Поэтому-то всѣ они не иначе какъ послѣ усердной молитвы, съ полнымъ упованіемъ на Бога, какъ хранителя жизни, защитника и покровителя правды, подателя побѣды, выступали въ походъ. Св. Равноапостольный царь Константинъ, какъ свидѣтельствуется Евсевій, предъ началомъ сраженія всегда посвящалъ нѣсколько времени усердной молитвѣ къ Богу въ шатрѣ, нарочно отдѣланномъ для

приношенія моленій. Тоже внушалъ онъ и воинамъ, для которыхъ и была имъ составлена особая молитва *). „Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ историкъ, описатель его жизни, столь усердно хранилъ благосостояніе и кровь своего народа, что по теплой вѣрѣ къ промыслу Божію, въ тихіе часы полуночи, оставя одръ покоя, повергался предъ Сердцевѣдцемъ и стоя на молитвѣ до разсвѣта, просилъ Подателя всѣхъ благъ: да отженеть отъ Россіи всякое зло, да подкрѣпитъ его своею мышцею высокою въ мирѣ и тишинѣ содержать тяжкое бремя народоправленія. Святное правило всѣмъ царямъ извѣстное: *любить миръ для счастья людей, а начинать брань по крайней необходимости* глубоко запечатлѣно было въ сердцѣ его“ **). Нынѣ благополучно царствующій въ Россіи Государь императоръ отличается чрезвычайнымъ миролюбіемъ, и если три года тому назадъ и призвалъ всѣхъ подданныхъ безъ различія званій и состояній къ отправленію воинской повинности, то призвалъ, какъ самъ изволилъ объявить въ манифестѣ (о воинской повинности), „не для блеска военной славы, а для того, чтобы устройствомъ могущественной военной силы обезпечить правильный и непрерывный ходъ всесторонняго внутренняго развитія, оградить безопасность государства, предупредить всякое посягательство на его спокойствіе“. Въ теченіе 22-хъ лѣтъ своего царствованія онъ всячески уклонялся отъ войны. Но вотъ и его миролюбію положенъ предѣлъ. Страданія нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови подъ турецкимъ владычествомъ становились все тяжелѣе и тяжелѣе; фанатизмомъ Турокъ у нихъ все поругано, осквернено, отнято: и св. вѣра, и честное имя, и потомъ и кровью добытое добро. Какъ ни дорожилъ миролюбивый Царь жизнію своихъ подданныхъ, какъ ни медлилъ, какія ни дѣлалъ ус-

*) Новая Скрижаль архіеп. Веніамина. Сиб. 1857 г. ч. 4, стр. 175.

***) Похв. слово царю Алексѣю Мих. Сиб. 1810 г. стр. 53. 54.
Слово читано въ Академіи наукъ и удостоено золотой медали.

тупки, но наконецъ „въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, призвавъ благословеніе Божіе на доблестныя свои войска“, 12-го сего апрѣля онъ долженъ былъ объявить войну. И какъ трогательно, какъ умиленно Онъ напутствовалъ свои войска! „Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло, потому Я и медлилъ, доколѣ было возможно. Мнѣ жаль было проливать вашу дорогую для меня кровь. Съ Богомъ! Храни васъ Богъ! До свиданія!“ *) Никогда еще не предпринималась война болѣе правая и болѣе священная. Господь благословляетъ праведную брань. Будемъ уповать на милость Его.

Христіюлюбивые воины! Служите Богу и великому Государю вѣрой и правдой; оправдайте надежды на васъ Царя и отечества; ходите достойно вашего званія; будьте кротки и любовны съ покорными, страшны и грозны съ непокорными, стойте крѣпко за вашихъ братій по вѣрѣ и крови; возвратитесь цѣлы, — честь вамъ и слава, а если положите душу свою за братій своихъ — ждетъ васъ вѣнецъ мученической.

Сыны отечества! Нельзя оставаться равнодушными къ тому, что совершается теперь въ нашемъ царствѣ. Каждый изъ насъ долженъ быть готовъ, по волѣ и призыву Царя, пожертвовать всѣмъ, даже самую жизнь для славы отечества. Послѣдняго отъ насъ Царь пока еще не требуетъ; а мать-Царица, сердобольная къ больнымъ и раненымъ воинамъ, желаетъ, чтобы всѣ мы оказали имъ посильную помощь. Отнесемъ съ полною любовію на призывъ ея.

Православное духовенство! Царь православный призываетъ тебя нынѣ особенно усердно помолиться за успѣхъ брани. Помолимся за него Господу сею молитвою св. Василія Великаго: „Помяни Господи благовѣрнаго и христіюлюбиваго Государя нашего, егоже оправдалъ еси царствовать на земли, оружіемъ истины, оружіемъ благоволенія вѣнчай его, оуби надъ главою его въ день брани,

*) Смотр. Телеграммы Москов. Вѣд. за 13-е апр.

укрѣпи Его мышцу, возвыси его десницу, удержиави его царство, покори ему вся варварскія языки, брани хотящія; даруй ему глубокой и неотъемлемый миръ, возлагаи въ сердцѣ его благая о Церкви Твоей, и всѣхъ людѣхъ Твоихъ, да въ тишинѣ его тихое и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (Молитва изъ литургіи св. Вас. Великаго). Господи, спаси Царя! Господи силь, съ нами буди!

Свящ. Вас. Рудневъ.

УЧЕНИКИ ПРЕП. СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО ЧУДОТВОРЦА И ОСНОВАННЫЯ ИМИ ОБИТЕЛИ.

(Письмо къ М. М. Евреинному).

Принимаясь, на старости лѣтъ, собирать матеріалы для новаго, обширнаго труда, посылаю Вамъ, многолюбезнѣйшій М. М., первые опыты этой работы. Во мнѣ возбудилось недавно сильное желаніе представить, въ полной картинѣ, все, что сдѣлала Лавра преп. Сергія для Русской церкви и въ особенности для развитія ипочества на сѣверѣ и въ сердцѣ Русской земли. Здѣсь первое мѣсто принадлежит самой Лаврѣ: нужно описать внутренній бытъ ея и внѣшнее значеніе въ продолженіи пяти столѣтій, не скудныхъ достопамятными событіями, изложить жизнеописанія приснопамятныхъ ея настоятелей, отъ великаго аввы и чудотворца Сергія до митрополитовъ Платона и Филарета, и многихъ подвижниковъ, начавшихъ или окончившихъ земное свое поприще въ Лаврѣ. Затѣмъ въ слѣдующихъ главахъ этого сочиненія пужно описать житіе и подвиги духовнаго потомства Сергіева (болѣе 100 лицъ) и сообщить свѣдѣнія о монастыряхъ, основанныхъ этими

богоугодными мужами, какъ существующихъ донынѣ, такъ и упраздненныхъ.

Вы скажете: „какъ приниматься на старости за такой обширный и непосильный трудъ, почти безъ надежды окончить его“? Я могу отвѣчать, что ваше замѣчаніе совершенно справедливо; но, приступая къ труду, я полагаюсь не на свои силы, а на подкрѣпленіе милости Божіей. Ободряемый благословіемъ и вниманіемъ покойнаго нашего архипастыря, митроп. Филарета, успѣлъ я начать и окончить „Разказы изъ исторіи Русской церкви“, въ пяти книгахъ. Не отчаиваюсь и теперь въ успѣшности работы, которую предпринимаю изъ благоговѣйнаго усердія къ преп. Сергію и знаменитой его обители, какъ мѣсту первоначальнаго моего воспитанія. Если же не успѣю довершить начатаго дѣла, то пусть другіе воспользуются, послѣ меня, собранными мною матеріалами. Покрайней мѣрѣ я буду имѣть утѣшеніе сказать самому себѣ: „я сдѣлалъ, что могъ; пусть другіе сдѣлаютъ лучше меня“. (Feci quod potui, faciant meliora potentes).

На свѣдѣнія, которыя сообщаю вамъ теперь, смотрите какъ на матеріалы, изъ которыхъ, со временемъ, если Богъ благословитъ, составитя книга. Это не болѣе, какъ камни для будущаго зданія. А потому я не начинаю сначала, т-е. съ самой Лавры Сергіевой, а спѣшу прежде собрать свѣдѣнія о тѣхъ ученикахъ великаго аввы, о которыхъ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній, такъ что я съ большимъ трудомъ могъ напасть на слѣды ихъ.

І. Преп. Θεραποντζ Βοροβενσκій.

Въ Мосальскомъ уѣздѣ Калужской губерніи (въ 10 вер. отъ Мосальска и въ 20 отъ Мещовска) издревле существовалъ и до штатовъ 1764 года принадлежалъ къ патриаршей (потомъ синодальной) области, Успенскій Боровенскій монастырь, основанный однимъ изъ учениковъ преп. Сергія Радонежскаго, преподобнымъ священноинокомъ Фе-

рапонтомъ, принесимъ съ собою, на утверженіе новозданной имъ обители, благословеніе своего св. наставника, икону Успенія Божіей Матери, сохранившуюся и доселѣ въ церкви бывшаго монастыря. Благочестивое мѣстное преданіе рассказываетъ о началѣ монастыря слѣдующія подробности: Блаженный Оерапонтъ, ища мѣста для основанія пустынножителства, пришелъ сюда въ то время, когда вся окрестность нынѣшняго погоста Боровенска была покрыта густымъ сплошнымъ боромъ (остатки котораго видны еще и доселѣ по пути къ бывшей обители отъ Мещовска), неся съ собою драгоценный залогъ, благословеніе своего старца, икону Успенія Божіей Матери. Утруженный отъ пути, онъ легъ подъ тѣнію одного изъ вѣковыхъ деревьевъ, поставя на немъ образъ. Но проснувшись, не нашелъ его на своемъ мѣстѣ; объятый недоумѣніемъ, но не потерявъ упованія на свою божественную путеводительницу, Оерапонтъ, по долгомъ исканіи, нашелъ икону въ глубинѣ лѣса на одной изъ сосенъ. До трехъ разъ повторялось чудесное исчезновеніе иконы и обрѣтеніе ея въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Принявъ это событіе за указаніе, что Пресв. Богородица благоволила избрать сіе самое мѣсто для вселенія на немъ своей знаменосной иконы, блаженный Оерапонтъ соорудилъ тутъ обитель, собравъ братію и, „поживъ въ мирѣ лѣта долга“, возлегъ здѣсь же на вѣчный покой въ основанной имъ первоначально деревянной церкви во имя Успенія Божіей Матери.

Послѣдующая исторія обители со времени ея основанія въ теченіи трехъ столѣтій, т.-е. отъ начала XV до конца XVIII столѣтій, по недостатку письменныхъ свѣдѣній, остается вовсе неизвѣстною.

Въ настоящее время существуетъ здѣсь одна двухъ-ярусная каменная церковь съ колокольнею и переходами, весьма похожая на главную церковь Московскаго Страстнаго монастыря. Этотъ обширный и массивный храмъ, заложный въ 1754 году послѣднимъ Боровенскимъ игуме-

номъ Гедеономъ Ротенскимъ, окончень и освящень въ 1766 году стараніемъ казначея Экономіи Коллегіи (въ вѣдѣніе которой перешли вотчины упраздненнаго монастыря въ 1764 году), секундъ-маіора Ивана Петровича Бѣгичева.

Верхняя церковь въ два свѣта; квадратъ ея увѣичанъ куполомъ съ пятью главами и осьмиконечнымъ крестомъ; надъ трапезой также особый куполь. Входъ въ нижнее отдѣленіе зданія, которое было занято хозяйственными заведеніями, трапезою, кухней и погребамн, устроенъ черезъ пролетную арку, сдѣланную въ южной стѣнѣ той части зданія, которая служитъ соединеніемъ трапезы съ колокольнею. Въ главный, верхній храмъ ведутъ съ запада два крытыхъ хода, устроенные по обѣимъ сторонамъ трехъ-ярусной колокольни; они приводятъ на продолговатую галлерею, освѣщаемую двумя большими окнами; съ нея входъ на колокольню и въ задней стѣнѣ два входа въ церковь.

Подъ плоскими сводами, опирающимися на одинъ массивный квадратный столбъ, находится нижняя зимняя церковь Рождества Христова, съ придѣломъ св. Василия Великаго. Она не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго кромѣ старинныхъ царскихъ дверей (повидимому начала XVIII вѣка), приставленныхъ къ столбу: на нихъ рѣзныя изображенія четырехъ святителей, окружающихъ св. трапезу; выше ихъ рѣзное же изображеніе Благовѣщенія Богородицы. За правымъ клиросомъ удѣлѣно еще игуменское мѣсто, изъ простаго липоваго дерева, а въ алтарѣ старинная вѣшалка для мантий: воспоминанія о бывшемъ монастырѣ.

Въ верхнемъ Успенскомъ храмѣ (при которомъ въ трапезѣ находится придѣлъ св. Николая) всѣ иконы въ иконостасѣ древнія и непероновленные; по преданію, онѣ перенесены изъ прежней деревянной церкви. Между ними занимаетъ первое мѣсто чтимая храмовая икона Успенія Божіей Матери, по преданію, та самая, которую преп.

священноинокъ Оерапонтъ получилъ отъ своего старца, преп. Сергія Радонежскаго на основаніе новой обители. Она помѣщается за правымъ клиросомъ въ особо-устроенномъ старинномъ кіотѣ, въ видѣ церкви съ пятью главами и осьмиконечными крестами; кіотъ подъ балдахиномъ съ колоннами, которыя также украшены золочеными главами и крестами. Въ кіотѣ помѣщается икона древняго греческаго письма, въ формѣ складней (въ растворѣ длины 2 четверти, вышины $1\frac{1}{2}$ четверти); на затворахъ со внутренней стороны изображены: 1) Рождество Пресвятыя Богородицы, 2) Благоещевіе, 3) Рождество Христово, 4) Сошествіе во адъ, все въ сребропозолоченныхъ ризахъ. Съ вѣшной стороны: 1) Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, 2) св. князь Борисъ, 3) св. Николай Чудотворецъ, 4) св. князь Глѣбъ. Надпись на вѣшной сторонѣ затвора (на правой половинѣ): „1757 года, іюля 20 дня, Успенскаго Мосальскаго Боровенскаго монастыря сдѣлана чеканная серебряная риза,—(на лѣвой) и створцы на образѣ Успенія Богоматери, кадило серебряное же и притомъ приложены три алмаза, золота положено на ризу $2\frac{1}{2}$ золотника, во всемъ вышеписанномъ серебрѣ вѣсу 594 золотника, тщаніемъ и стараніемъ бывшимъ игуменомъ Мелетіемъ“. Украшеніе, кромѣ оклада: въ вѣнцѣ Спасителя три алмаза; на верхнихъ углахъ два яхонта, два изумруда; каждый окруженъ 4 бурмицкими зернами; вѣнецъ Божіей Матери осыпанъ малыми яхонтами.

Изъ монастырской утвари уцѣлѣло: два напрестольныхъ Евангелія, сосуды серебряные 1740 года и замѣчательный синодикъ съ надписью: „Купленъ сей помянникъ для церкви монастыря Свято-Успенскаго Боровенскаго въ Москвѣ 1752 года, іюля 14 дня, подписалъ игумень Сила, дано 35 копѣекъ“. Въ этомъ синодикѣ, послѣ общаго помянника царей, князей, патріарховъ и архіереевъ, записаны имена игуменовъ сей обители: Оерапонта (основателя), Стефана, Теофила, Виссаріона (Булатникова; имя его сохранилось также на одномъ изъ Евангелій), Александра,

Сергія, Мардарія, схимонаха Моисея и Стефана (имя его на подножіи потира). Далѣ слѣдуютъ роды частныя настоятелей сего монастыря, и прежде всѣхъ родъ „преп. священно-игумена Терапонта, создателя обители Свято-Успенскія Боровенскія“. Далѣ видимъ помянникъ чудовскихъ архимандритовъ, іеромонаховъ и іеродіаконовъ, можетъ быть потому, что въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ до 1744 года сосредоточивалось управленіе монастырями бывшей Патріаршей (въ послѣдствіи Синодальной) области. Въ самомъ концѣ синодика, рукою послѣдняго игумена Гедеона Ротенскаго 8 августа 1762 года приписано: „1) Помяни Господи, благовѣрныхъ правительствующихій синклитъ, благороднаго графа Кирилла гетмана, т.-е. графа К. Г. Разумовскаго,—и супругу его благородную графиню Екатерину, военачальники, градоначальники и все христіанское воинство; 2) Помяни, Господи, благочестивыхъ гетмановъ: Хмельницкаго Зиновія Богдана, Многрѣшнаго Даміана, Самойловича Іоанна, Брюховецкаго Іоанна, Тетеру Павла, Скоропадскаго Іоанна, Апостола Давида“.

II. Память объ Успенскомъ Дубенскомъ монастырѣ.

Изъ житія преп. Сергія извѣстно, что онъ основалъ, по желанію в. князя Дмитрія Донскаго, Успенскій Дубенскій монастырь. Въ Никоновой лѣтописи упоминается объ этомъ событіи два раза, а именно: „1) тогоже лѣта (6887) повелѣніемъ в. к. Дмитрія Ивановича преподобный игумень Сергій созда монастырь на рѣцѣ на Дубенкѣ на Стромьни, и постави въ немъ церковь Успенія Пречистыя Богородицы, и игумена приведе изъ своего монастыря отъ св. Троицы, именемъ Леонтія, и священа бысть церковь мѣсяца декабря въ 1 день, и иноки совокупи монастырь устрои со всѣмъ. Обогати же его и удоволи князь великій Дмитрій всѣми потребами, во славу Христу Богу и Пречистѣй Богородицѣ, на спасеніе души своя“ (Никон. лѣтоп. ч. IV, стр.

83. 84). Въ 1616 году этотъ монастырь (Стромынскій) приписанъ къ Троицкой Сергіевой обители, а въ 1764 году упраздненъ.

2) Тотъже лѣтописецъ вторично упоминаетъ объ основаніи Дубенскаго Успенскаго монастыря, уже послѣ 1380 года, в. к. Дмитріемъ Донскимъ и преподобнымъ Сергіемъ, въ благодарность Богу за побѣду надъ Мамаемъ: „И возвратися (съ Куликовской битвы) князь великій съ воинствы своими здравъ, и умоли св. Сергія поискати мѣста на составленіе монастыря; онъ же, обрѣтъ мѣсто, и призва в. князя, и основаша церковь и монастырь во имя Пречистыя Богородицы Успеніе, и составиша общесъ житіе, и постави единаго отъ ученикъ своихъ игумена въ томъ монастырѣ, именованъ Саву, иже бысть прежде въ его монастырѣ великомъ духовникъ всему братству, старецъ честенъ и учителенъ зѣло, и прозваша той монастырь, еже есть сиче имя ему *), монастырь на Дубенкѣ; самъ же преподобный отыде въ свой монастырь“. (Никон. лѣтоп. ч. IV, стр. 235).

Изъ сличенія этихъ двухъ мѣстъ одной и тойже лѣтописи ясно видно, что здѣсь говорится о двухъ различныхъ монастыряхъ: 1) одинъ основанъ въ 1378, а другой послѣ 1380 года. 2) Въ одномъ первомъ игуменомъ поставленъ Леонтій, а въ другомъ Савва. 3) Одинъ называется Дубенскимъ на Стромыни, другой просто Дубенскимъ, и подъ этимъ именемъ, кромѣ Никоновской лѣтописи, упоминается въ Епифаніевомъ житіи преподобнаго Сергія и въ Маркеловомъ житіи преподобнаго Саввы Сторожевскаго, Звенигородскаго чудотворца. Въ первомъ читаемъ, что послѣ побѣды надъ Мамаемъ, преподобный Сергій, по желанію Донскаго, искалъ мѣста для новой обители, и „обрѣте мѣсто угодно на рѣцѣ, зовомой Дубенкѣ, и возлюбленіемъ

*) Выраженіе: „еже есть сиче имя ему“ весьма знаменательно: оно поставлено тутъ, какъбы нарочно, съ тою цѣлю, чтобы отличить Дубенскій монастырь отъ Стромынскаго.

в. князя на томъ мѣстѣ церковь постави во имя Успенія. Вручи же игуменство отъ ученикъ своихъ Саввѣ именемъ, мужу зѣло добродѣтельцу“. (Житіе преп. Сергія, рукопись Троицкой Лавры № 327, гл. 22, л. 86 обор.). Маркелль, въ житіи преп. Саввы, пишетъ: „И прииде (пр. Сергій) на рѣчку, зовомую Дубенку, обрѣте мѣсто и зѣло возлюбилъ е, и созда церковь во имя Успенія, и избра отъ стада ученикъ своихъ сего блаженнаго Савву, о немже повѣсть сія предложися“. (Житіе преподобнаго Саввы Сторожевскаго, въ Лаврской библи. № 588, л. 31 об.). Въ обоихъ житіяхъ о Стромыни вовсе не упоминается, и свѣдѣнія о преподобномъ Саввѣ нужно отнести къ другому Дубенскому монастырю.

Гдѣ же былъ этотъ другой Дубенскій монастырь, основанный послѣ Мамаевскаго побоища?

Случайно удалось мнѣ, лѣтомъ 1859 года, отыскать слѣды этой древней, давно исчезнувшей обители. На границахъ Владимірской и Тверской губерній, въ Александровскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Дубны, въ пустоши Шавыкиной, принадлежавшей тогда Петру Николаевичу Аксакову, находится островъ, длиною отъ сѣвера къ югу, около 2 версты, шириною до 200 сажень, образуемый съ сѣверной стороны рѣчкою Дубенкою, вытекающею изъ рѣки Дубны, съ востока самою Дубною, съ юга рѣчкою Вытраскою, а съ запада рѣчкою Быстрицею, по которой я приплылъ въ челнокѣ на островъ, покрытый болотомъ, за исключеніемъ холма, около 100 сажень въ окружности. На этомъ холмѣ, близъ берега рѣки Быстрицы, подъ тѣнью нѣсколькихъ вѣковыхъ сосенъ, видны слѣды грядъ, высохшій прудикъ, нѣсколько могилъ, обросшихъ травой, и двѣ часовни на мѣстѣ прежде бывшихъ храмовъ Успенскаго Дубенскаго монастыря: въ одной изъ нихъ сохраняются обветшалыя иконы, а другая стоитъ уже въ развалинахъ. Сюда ежегодно, въ великій постъ, бываетъ крестный ходъ изъ погоста Спасъ за Кубежью, находящагося въ 3 верстахъ отъ острова. Въ церкви этого по-

госта находятся нѣкоторыя священныя вещи, принадлежавшія Успенскому Дубенскому монастырю, именно: 1) Евангеліе напрестольное Московской печати 1722 года съ надписью на первомъ листѣ: „Евангеліе церкви Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, пустыни Успенской Шавыкинской, 1723 года. Петръ Викентьевъ“. По листамъ подпись: „Сіе святое Евангеліе поступило въ церковь Преображенія Господня за Кубежью 1765 года“. 2) Кадило серебряное съ надписью: „1707 года апрѣля въ 7 день построили сіе кадило въ Успенскій монастырь Оедоръ да Сила Ѳедоровы Лызловы“. 3) Напрестольный серебряный крестъ съ надписью: „1708 года Маія въ 18 день построень сей крестъ въ Переславской уѣздѣ къ церкви Успенія пресвятыя Богородицы Шавыкинской пустыни“. 4) Икона Иверская Божіей Матери, которая почитается чудотворною и ежегодно носится въ крестномъ ходѣ на мѣсто бывшей обители, „къ себѣ домой“, какъ говорятъ сосѣдніе крестьяне. Подъ этою иконою стоитъ доска съ изображеніемъ монастыря въ развалинахъ и съ подписью: „Видъ Успенской Дубенской Шавыкинской пустыни 1765 года“. Кромѣ того, въ селѣ Заболотѣ, стоящемъ въ 6 верстахъ отъ острова, находится икона Спасителя, съ надписью на оборотѣ доски: „Сія святая икона поступила изъ бывшаго Успенскаго, Савина и Серапіонова, монастыря, что въ Шавыкинѣ, отъ строителя, старца Леонтія, въ 1765 году“ *). Названіе Дубенскаго монастыря Саввинымъ, очевидно, заимствовано отъ имени перваго его игумена, преподобнаго Саввы Звенигородскаго; названіе же Серапіонова объясняется тѣмъ, что здѣсь постригся и былъ игуменомъ св. Серапіонъ, въ концѣ XV вѣка игумень Троицкаго Сергіева монастыря и потомъ архіепи-

*) Этотъ Леонтій, по мѣстному преданію, скончался на мѣстѣ упраздненной обители и тамъ погребенъ. Одну изъ могилъ на острову, осѣненную густою березою, до сихъ поръ называютъ могилою отца Леонтія Строителя.

скопъ Новгородскій; мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Троицкой Лаврѣ. Въ Прологѣ, подъ 16 марта, о немъ сказано: „Приходитъ въ монастырь Пресвятыя Богородицы честнаго ея Успенія на островъ, иже есть на Дубенкѣ“.

Итакъ первымъ игуменомъ Успенскаго Дубенскаго монастыря на острову, извѣстнаго впоследствии подъ именемъ Шавыкинской пустыни, былъ преп. Савва, духовникъ обители Сергіевой и впоследствии игумень основаннаго имъ близъ Звенигорода Сторожевскаго монастыря. И Никоновская лѣтопись, и Епифаній и Маркелль, согласно говорятъ, что онъ былъ игуменомъ монастыря на Дубенкѣ, безъ прибавленія „на Стромыни“, а Прологъ поясняетъ: „на острову“. Имя его, какъ мы выше видѣли, впоследствии усвоено было монастырю Дубенскому, также какъ и имя святителя Серапіона. Но ни тотъ, ни другой не почилъ въ обители Дубенской: преподобный Савва перешелъ въ область Звенигородскую, а св. Серапіонъ поставленъ игуменомъ въ обитель преподобнаго Сергія. Можетъ быть это обстоятельство было одною изъ причинъ оскуднѣнія и упадка Дубенскаго монастыря, въ которомъ не было даже ни одной церкви каменной, и эта обитель, устроенная на мѣстѣ, которое „зѣло возлюбилъ“ преподобный Сергій, и имѣвшая настоятелями двухъ святыхъ мужей, совершенно исчезла изъ памяти потомства.

Графъ М. Толстой.

НОВОПРЕСТАВЛЕННЫЙ ПЛАТОНЪ АРХІЕПИСКОПЪ КОСТРОМ- СКОЙ.

Мая 12-го въ 11 часовъ вечера скончался въ загородномъ своемъ домѣ архіепископъ костромской Платонъ. Не касаясь пастырской его дѣятельности, впечатлѣнной однимъ строго выдержаннымъ характеромъ, мы сообщимъ теперь біографическія свѣдѣнія.

Преосвященный Платонъ, по мірскому имени Павелъ, родился въ 1809 г. іюня 18-го дня. Отецъ его Симонъ Ивановъ Лосевъ, воспитавникъ Троицко-Лаврской семинаріи, былъ священникомъ въ селѣ Чанкахъ, въ четырехъ верстахъ отъ Коломны. Мать его Матрона Лукьянова была дочь Лукьяна Яковлевича Воздвиженскаго, священника села Могильцы-Богословскаго, въ полуторѣ верстѣ отъ Талиць, извѣстной деревни на дорогѣ изъ Москвы въ Лавру. Объ этомъ священникѣ, который былъ другомъ съ бывшимъ министромъ коммерціи княземъ Гавріиломъ Петровичемъ Гагаринымъ, воспоминалъ съ увлеченіемъ преосвященный Евгений (бывшій Ярославскій) въ письмахъ своихъ къ Кириллу арх. подольскому, родному брату Матроны Лукьяновой. Только двое дѣтей и остались въ живыхъ у іерея Лукьяна: Константинъ въ монашествѣ Кириллъ и Матрона. Овдовѣвъ годъ спустя послѣ рожденія дочери Матроны, іерей Лукьянъ послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Сергіевой Лаврѣ, гдѣ и скончался въ 1807 г. Павелъ былъ первый сынъ Симона и Матроны. 1812 годъ засталъ ихъ еще въ Чанкахъ; и трехлѣтній Павелъ сохранилъ воспоминаніе о томъ, какъ нѣкоторое время укрывались въ лѣсу отъ Французовъ. Пожаръ церкви въ селѣ Чанкахъ былъ причиною, что іерей Симонъ переведенъ былъ въ село Сидоровское, Звенигородскаго уѣзда, въ трехъ верстахъ отъ Вязьмы, извѣстное села на Можайской дорогѣ, принадлежавшее князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну. Новый приходъ былъ очень бѣдный. Крестьяне разорены были тяжелою

барщиною на помѣщицу г-жу Брогию; и церковною землею владѣла помѣщица, выдавая притчу незначительную ругу.

Между тѣмъ семейство увеличивалось; Павелъ и младшій его годомъ Александръ достигли такихъ лѣтъ, что нужно было ихъ отдать въ училище. Отвезли ихъ вмѣстѣ въ Звенигородъ и помѣстили на квартиру у причетника церкви въ Замоскворѣцкой слободѣ. За квартиру и столъ за двоихъ нужно было платить пять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Не могъ долго вносить эти деньги бѣдный священникъ, и уже рѣшено было старшаго сына Павла взять изъ училища и приготовить его въ попомари въ своемъ приходѣ. Но въ это время Кириллъ братъ матери его назначенъ былъ ректоромъ Полтавской семинаріи и архимандритомъ Лубенскаго монастыря. Онъ взялся вносить деньги за квартиру и столъ племянниковъ, и прислалъ нѣкоторыя учебныя книги, между прочимъ латинскій лексиконъ, котораго не было ни у одного ученика въ школѣ. Эти книги мальчикамъ, одареннымъ очень хорошими способностями, дали возможность выдвинуться изъ ряда посредственныхъ учениковъ и занять первыя мѣста въ спискѣ. Отецъ, отдавая сыновей въ училище, не оставилъ ихъ при своей фамиліи, но Павлу далъ фамилію Онвейскій, хотя день его ангела былъ 29-го іюня, а Александру— Невскій, по дню его ангела.

Съ великою похвалою преосв. Платонъ отзывался о смотрителѣ училища Звенигородскомъ протоіерей Василіѣ Протопоповѣ. Онъ неупустительно посѣщалъ классы, и сидѣлъ полныхъ два часа; никогда не употреблялъ тѣлеснаго наказанія, а между тѣмъ всѣ его боялись и трепетали.

Съ признательностію вспоминалъ онъ и о своемъ хозяйнѣ, и хозяйкѣ дьячихѣ, недавно только умершей. Она обыкновенно заставляла мальчиковъ читать уроки, и если кто не твердо читалъ, то приказывала доучить. Послѣ только узнали они, что она и грамоты не знала. Въ 1822 г. мальчики назначены были къ переводу въ Виѣанскую семинарію. Передъ экзаменами еще до Троицына дня пріѣхалъ въ Саввинъ монастырь новый арх. Московскій Филаретъ и спрашивалъ изъ священной исторіи сначала Павла, а потомъ Александра; у нихъ была книга: „Сто четыре священныя исторіи“, и по ней они отвѣчали Владыкѣ. И того и другаго спросилъ онъ: чей сынъ? И когда узналъ, что

это родные братья, то замѣтилъ: „что это отецъ по святцамъ надавалъ вамъ фамиліи“? Похвалилъ обоихъ и потомъ, обратясь къ учителямъ, спросилъ: кто учитъ священной исторіи? Протоіерей поклонился. Филаретъ сказалъ: хорошо учишь.

Когда дѣти Симона Лосева перешли въ Виоанскую семинарію, ихъ дядя Кириллъ былъ уже ректоромъ академіи Московской, а ректоромъ Виоанской семинаріи былъ Никаноръ (въ послѣдствіи митрополитъ), товарищъ Кирилла по Лаврской семинаріи и другъ его отъ юности.

Хотя чрезъ два года Оивейскій и Невскій въ числѣ лучшихъ учениковъ предназначены были къ переводу въ философскій классъ, но дядя ихъ по обычаю того времени, для усовершенствованія въ знаніи латинскаго языка, оставилъ ихъ еще на два года въ классѣ риторическомъ. Нѣкоторая характеристика Павла Оивейскаго, когда онъ былъ семинаристомъ, сохранилась въ одномъ письмѣ Александра Василіевича Горскаго. Получивъ въ 1867 г. портретъ преосв. Платона, онъ писалъ: „усерднѣйше благодарю за присланное изображеніе, которое вдругъ меня перебросило чуть не за сорокъ лѣтъ назадъ, когда я въ первый разъ познакомился съ преосв. Платономъ. Какъ теперь передъ мною рисуется живой, разговорчивый, общительный, съ разнообразными свѣдѣніями юноша, у котораго я съ Алексѣемъ Петровичемъ Михайловымъ (протоіерей нынѣ въ Москвѣ при церкви Симеона Столпника) пилъ не разъ чай въ семинарскомъ корпусѣ. Бывало засыплетъ вопросами и замѣчаніями, такъ что не скоро и опомнишься. Типъ лица несмотря на годы, на труды и болѣзни, отразившіяся на немъ, сохранился тотъже. Въ семинаріи товарищи звали чистячками братьевъ Симоничей“.

Въ 1830 г. кончили курсъ въ семинаріи Невскій первымъ студентомъ, а Оивейскій вторымъ. Въ академію приняты были Оивейскій первымъ, а Невскій вторымъ, и въ продолженіи трехъ лѣтъ Оивейскій былъ первымъ студентомъ и любимымъ студентомъ профессора философіи Θεодора Александровича Голубинскаго. На послѣднемъ году болѣзнь помѣшала успѣхамъ Оивейскаго, и онъ кончилъ курсъ вторымъ студентомъ.

Въ бытность студентомъ онъ мечталъ быть въ селѣ неженатымъ священникомъ. Объ этомъ рѣчи велись у него

съ А. В. Горскимъ, который былъ старшимъ въ той комнатѣ, въ которой жилъ Фивейскій и съ которымъ однимъ былъ А. В. разговорчивѣе.

По окончаніи курса въ 1834 г. съ степенью магистра Павелъ Фивейскій опредѣленъ въ академію Московскую бакалавромъ по Церковному краснорѣчію и Пастырскому богословію. Въ сентябрѣ 1834 г. постриженъ въ монашество и посвященъ въ іеромонаха; въ 1838 г. возведенъ въ званіе соборнаго іеромонаха и сдѣланъ былъ бібліотекаремъ при академіи; съ сентября 1841 г. исправлялъ должность инспектора академіи. 9-го Ноября возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1842 г. назначенъ ректоромъ Казанской семинаріи, при немъ сгорѣвшей отъ пожара; въ 1843 г. переведенъ ректоромъ въ Орловскую семинарію, а въ апрѣлѣ 1844 г. по прошенію уволенъ отъ должности ректора, и получилъ назначеніе жить въ Виленскомъ Свято-Духовѣ монастырѣ въ распоряженіи преосв. Іосифа Сѣмашки. Здѣсь былъ онъ законоучителемъ дѣтей генералъ-губернатора Марковича. Отсюда переведенъ былъ въ Каменецъ - Подольскъ. Въ 1847 г. назначенъ ректоромъ Тамбовской семинаріи, въ декабрѣ 1852 г. ректоромъ Владимірской семинаріи. Въ 1856 г. хиротонисанъ въ епископа старорусскаго, мая 24-го; въ іюлѣ сего же года переведенъ въ Викаріатство Петербургское. Февраля 15-го 1857 г. назначенъ епископомъ Костромскимъ, куда и прибылъ 31-го марта. Здѣсь прослужилъ онъ болѣе 20 лѣтъ и скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни 12-го мая въ 11 часовъ вечера: за четыре часа до сего скончался близкій ему человекъ, о намѣстникъ Лавры архимандритъ Антоній.

О смерти помышлялъ преосв. Платонъ и къ ней готовился давно. Января 15-го 1876 г. составилъ онъ нотаріальнымъ порядкомъ духовное завѣщаніе; тогда же подписалъ онъ и посмертное свое воззваніе къ Костромской паствѣ. Въ этотъ день совершается память Павла Фивейскаго.

Изъ печатныхъ его сочиненій извѣстны: 1) Православное нравственное Богословіе, изданное въ первый разъ въ 1856 г. и имѣвшее четыре изданія; 2) Напоминаніе священнику при совершеніи таинства исповѣди въ двухъ частяхъ. Первая часть вышла въ 1859 г.; вторая въ 1861 г. Первая имѣла второе изданіе; 3) Сокращенное изло-

женіе догматовъ вѣры по ученію православной церкви въ 1869 г. Эта книга имѣла три изданія; 4) Собрачіе нѣсколькихъ словъ, поученій и рѣчей въ 1869 г. 5) Памятная книга для священника. Это—переводъ съ латинскаго, сдѣланный съ нѣкоторыми измѣненіями. Это ручная книга Римско-католическихъ священниковъ. Такъ какъ загробная беседа почившаго съ его паствою хорошо знакомитъ съ его духовнымъ характеромъ, то мы прилагаемъ ее здѣсь. Вообще преосв. Платонъ проникнуть было любовію къ духовенству и паствѣ, и всѣ заботы, всѣ помышленія сердца его устремлены были къ устроенію ихъ истиннаго блага.

И. С. К.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Божією милостію смиренный Платонъ архієпископъ Костромскій и Галичскій отцамъ, братіямъ и чадамъ Богоспасаемыхъ Костромскія паствы.

Когда откроется сіе мое писаніе, то уже не будетъ меня въ числѣ живущихъ на землѣ; внемлите моему слову уже изъ другаго міра.

Прежде и паче всего желаю и прошу всѣмъ вамъ благодати, милости, мира отъ Бога Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего. Благословеніе всей Пресвятой, Единосущной и нераздѣльной Троицы да почиваетъ надъ всѣми вами всегда, нынѣ и во вѣки вѣковъ.

Да утвердитъ васъ Господь Богъ въ православной вѣрѣ, по преданію святыхъ Апостоловъ, святыхъ Соборовъ и святыхъ Отцевъ, и да даруетъ вамъ пребывать въ исполненіи заповѣдей Его.

Всѣмъ же невѣрующимъ или отдалившимся отъ православной Церкви да откроетъ Господь Богъ познаніе истины Своея и вѣры разумѣніе и присоединитъ ихъ къ Своей Церкви, да не порадуется о нихъ врагъ имени христіанскаго—діаволь, но всемогущая Его сила, заблудшія на спасеніе наставляющая, да прославится.

Приношу отъ всего сердца благодарность всякому за всякое мнѣ благожеланіе и за всякое благодѣяніе, оказанное мнѣ молитвами, совѣтами, вразумленіемъ, предостереженіемъ, помощію въ нуждахъ и трудахъ моихъ, служеніемъ, свисхожденіемъ, терпѣніемъ меня и любовію.

Прошу и молю милосердаго Господа Бога, чтобъ Онъ Самъ каждому воздалъ Своею великою и богатою милостию за все благое, полученное мною.

Всѣхъ васъ, отцы, братія и чада, прошу и молю простить меня во всемъ, въ чемъ я когда-либо волею или неволею, самъ собою или чрезъ другихъ, согрѣшилъ мыслями, желаніями и чувствами, словами и дѣлами, соблазномъ или вовлеченіемъ во грѣхъ, оскорбленіемъ и притѣсненіемъ, неправдою, неподаніемъ добраго примѣра, опущеніемъ и нарушеніемъ моихъ обязанностей.

Взаимно отъ всей души и отъ всего сердца прощаю каждого, кто имѣетъ нужду въ прощеніи отъ меня грѣшнаго, и умоляю Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, чтобы Онъ никого не лишилъ за меня Своей милости и никому не попустилъ что-либо пострадать за меня, и еще обрящется рукописаніе грѣха чьего-либо за имя мое, да разрѣшитъ тѣхъ на землѣ здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ.

Разлучившимъ меня съ вами Богомъ заклинаю, прошу и молю всѣхъ оказать ко мнѣ жалкому грѣшнику состраданіе и сотворить со мною великую милость:—никогда непереставайте поминать меня въ вашихъ молитвахъ и просить Господа Бога, чтобы не низвелъ меня по грѣхамъ моимъ въ мѣсто вѣчныхъ мукъ, но сподобилъ меня своего царства небснаго, по вашимъ молитвамъ и по безпредѣльной благодати Своей

Особенно васъ, сослужители мои, прошу о семъ молить Господа Бога, когда вы предстоите страшному престолу Божію и приносите великую безкровную жертву о спасеніи всѣхъ.

Исповѣдуюсь предъ всѣми, что не имѣю дѣлъ, оправдывающихъ меня. Но я сохранилъ твердо и неизмѣнно святую вѣру Христову, по преданію святыхъ Апостоловъ, святыхъ семи вселенскихъ и девяти помѣстныхъ Соборовъ и святыхъ Отцевъ, всегда и вездѣ и другихъ училъ такъ, какъ учитъ святая Восточная Каоолическая Церковь. Сія вѣра да вмѣнитса мнѣ, вмѣсто дѣлъ; она да оправдаеть меня и да покажетъ меня наслѣдникомъ славы вѣчной.

Повергаю себя въ бездну безпредѣльнаго милосердія Твоего, Господи Іисусе Христе, Спасителю и Боже мой. Ты упованіе и прибѣжище мое; Ты радость и жизнь моя. Ты и ради моего спасенія воплотился, пострадалъ и умеръ

на крестѣ. Не исключи меня грѣшнаго изъ сонма спасаемыхъ Тобою. Ты призвалъ меня на великое епископское служеніе въ Церкви Твоей. Много разъ Ты удостоивалъ меня священнодѣйствовать и приносить безкровную жертву о спасеніи, много разъ Ты даровалъ мнѣ раздроблять, принимать и преподавать божественное тѣло Твое; не ввергни въ геенну огненную руки, касавшіяся его и священнодѣйствовавшія Пречистое тѣло Твое и животворящую кровь Твою; не допусти, чтобъ мои уста, принимавшія тѣло Твое и орошенныя кровію Твоею, рыдали вмѣстѣ съ хулившими Тебя.

Господи Иисусе Христе Боже и Спаситель мой, пришедшій взискать погибшихъ и спасти грѣшныхъ, яви на мнѣ первомъ изъ грѣшниковъ все богатство благодати и милосердія Своего въ примѣръ и утѣшеніе тѣмъ, которые будутъ вѣровать въ Тебя къ жизни вѣчной. Тебѣ за оправданіе и спасеніе меня окаяннаго да будетъ слава и благодареніе купно съ безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и съ Пресвятымъ и Животворящимъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

1876 года

Января 15 дня.

Заявленіе отъ одного изъ сотрудниковъ „Душепол. Чтенія“.

Одинъ изъ помѣщающихъ свои статьи въ „Душеполезномъ Чтеніи“ получилъ отъ кого-то выдержки изъ проповѣди, будто не нашей, съ приглашеніемъ написать что-либо о томъ же предметѣ и помѣстить то въ сказанномъ журналѣ. Получившій такое приглашеніе изъявляетъ полную готовность писать о всемъ, въ разъясненіи чего имѣется нужда, и предложить редакціи „Душеполезнаго Чтенія“ напечатать; но покорно проситъ опредѣленно сказать, что именно нужно и желательно читать въ „Душеполезномъ Чтеніи“, потому что присланныя выдержки касаются предмета очень обширнаго, о которомъ многое можно писать, и все-таки не написать на то, что желается, а приложенное при нихъ письмо не указываетъ ни на что опредѣленное.

Отъ Редакціи. Адресъ лица, обратившагося съ письмомъ и съ показаннымъ требованіемъ къ сотруднику „Душеполезнаго Чтенія“, долженъ быть извѣстенъ какъ ему, такъ и Редакціи.

ПОРЯДОКЪ ОБЩЕСТВЕННОГО И ЧАСТНАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ ДО XVI ВѢКА.

Періодъ господства Студійскаго устава.

(продолженіе.)

VIII.

Послѣдованія таинствъ въ XIV вѣкѣ сравнительно съ послѣдованіемъ ихъ въ настоящее время представляютъ весьма много особенностей. Разсмотрѣніе ихъ, какъ и прежде, мы начнемъ съ таинства крещенія.

Совершенно таинства крещенія въ XIV вѣкѣ, какъ и теперь, предшествовало нареченіе имени новорожденному младенцу въ осьмой день, при чемъ читалась та же молитва, которая читается и теперь; но, согласно съ практикою церкви Греческой, не читался читаемый въ настоящее время тропарь: „Радуйся, благодатная Богородице Дѣво“ ¹⁾...

Послѣ нареченія имени новорожденному совершалось таинство *крещенія*. При крещеніи въ церкви Русской въ предшествовавшіе вѣка, нужно думать, былъ одинъ воспріемникъ, что вполне согласно съ древнею практикою церкви Греческой; но въ рассматриваемое нами время Псковская область, лежащая ближе къ западной Европѣ и находившаяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нею, кромѣ обливанія вмѣсто погруженія, явившагося въ богослужебной практикѣ Новгородской области въ предшествовавшемъ вѣкѣ, ввела также латинскій обычай быть при крещеніи одного дитяти двумъ воспріемникамъ мужчиѣ и женщиѣ вмѣстѣ. Это отступленіе отъ древней практики

¹⁾ Служеб. ркп. Соф. библ. № 526, 87 ср. Eucholog. Goar. p. 322.

замѣтилъ митр. Кипріанъ и по этому случаю писалъ Псковичамъ: „Про кумовство, что дитя крестити куму съ кумою, нѣсть того: не слично двѣма крестити, ни мужю съ чужею женою, ни съ своею женою, но одному годится крестити, или отъ мужескаго полу, или отъ женскаго“ ¹⁾. Пиша такимъ образомъ, митрополитъ Кипріанъ возстановлявалъ обычай древней церкви относительно воспріемниковъ при крещеніи лицъ мужескаго и женскаго пола. Что дѣйствительно таково было обыкновеніе древней церкви относительно воспріемниковъ при совершеніи крещенія, относительно этого мы находимъ ясныя свидѣтельства. Въ Постановленіяхъ апостольскихъ ясно заповѣдуется мужчину принимать отъ купѣли діакону, а женщину діако니스ѣ ²⁾. Въ мученическихъ актахъ св. Саввастіана говорится, что шестьдесятъ четыре чловѣка были крещены пресвитеромъ Поликарпомъ, изъ числа которыхъ у мужчинъ былъ воспріемникомъ св. Саввастіанъ, а воспріемницами у женщинъ Беатриса и Луцина ³⁾. Двадцать вторымъ правиломъ собора Никейскаго было также опредѣлено: „Мужчины да не держатъ въ крещеніи дѣтей женскаго пола или женщинъ, равнымъ образомъ и женщины да не держатъ дѣтей мужескаго пола; но пусть будетъ лучше такъ: женщины пусть будутъ воспріемницами дѣтей женскаго пола, а мужчины воспріемниками дѣтей мужескаго пола“ ⁴⁾. Обычай этотъ сохранялся на востокѣ въ XIV и даже XV вѣкахъ и въ разсмариваемое нами время былъ преобладающимъ на Руси ⁵⁾, такъ что противоположный обычай имѣть нѣсколько воспріемниковъ составлялъ исключеніе.

Что касается западной церкви, то въ ней сначала также существовалъ обычай быть одному воспріемнику при крещеніи и именно при крещеніи дѣтей мужескаго пола мужчинѣ, а при крещеніи дѣтей женскаго пола женщинѣ. Въ правилахъ собора Медскаго (Metensis) 888 года было опредѣлено, „чтобы никогда два или много людей, но всегда одинъ принималъ дитя отъ источника крещенія, потому что въ противномъ случаѣ дается мѣсто діаволу и теряютъ уваженіе таинство. Ибо одинъ Богъ, одно крещеніе, одинъ и тотъ, который долженъ принять отъ источ-

¹⁾ Акт. Историч. т. I стр. 20. ²⁾ Lib. III с. 16. ³⁾ Martene. De antiq. eccles. ritib. t. 1 p. 164. ⁴⁾ Ib. t. 1 p. 64. 22 can. concil. Nicaeni ex Uulgat. á Turriano. ⁵⁾ Служеб. рки. Соф. библ. № 526, 89 об. и 91 об.

ника, отецъ или мать младенца“ ¹⁾. Синодальныя опредѣленія церкви итеррійской (Biterrensis) 1342 года постановляютъ: „да будетъ только одинъ воспріемникъ въ крещеніи или мужчина, или женщина“ ²⁾. Но наряду съ этою практикою въ церкви латинской быть при крещеніи только одному воспріемнику развивалась совершенно противоположная практика имѣть при крещеніи одного дитяти двухъ и болѣе воспріемниковъ. Въ миссалахъ римской католической церкви мы находимъ ясныя указанія на многихъ воспріемниковъ при крещеніи; такъ въ одномъ изъ нихъ, принадлежащемъ къ XIV вѣку, по исполненіи всѣхъ обрядовъ крещенія, священникъ говоритъ *воспріемникамъ*: „Вы, духовные отцы и вы духовныя матери, берегите, это дитя отъ опасности огня и воды даже до семи лѣтъ и скажите отцу и матери его, чтобы и они также берегли его, и научите его молитвѣ Господней и символу вѣры“ ³⁾. Такія же указанія на обычай имѣть при крещеніи одного дитяти многихъ воспріемниковъ мы находимъ въ опредѣленіяхъ соборовъ, бывшихъ въ XIII вѣкѣ; именно соборы эти опредѣляютъ число воспріемниковъ тремя: при крещеніи дитяти мужескаго пола должно быть двое мѹжчинъ и одна женщина, при крещеніи же дитяти женскаго пола двѣ-женщины и одинъ мужчина ⁴⁾. Этотъ обычай имѣть нѣсколько воспріемниковъ при крещеніи дитяти перешелъ въ XIV вѣкѣ изъ богослужебной практики латинской церкви къ Псковичамъ и былъ, какъ мы уже видѣли, замѣченъ митр. Кипріаномъ. Городъ Псковъ, меншій братъ великаго Новгорода, въ разсматриваемое нами время находился въ тѣсной связи съ западною Европою чрезъ свою торговлю съ Ганзейскими городами и вслѣдствіе этого часто видѣлъ въ своихъ стѣнахъ иностранцевъ не только свѣтскихъ, но и духовныхъ. Эти послѣдніе и могли способствовать введенію въ богослужебную практику Псковской области обычая, существовавшаго уже въ Латинской церкви, имѣть при крещеніи двухъ воспріемниковъ, какъ они же могли способствовать введенію въ этой области другаго также латинскаго обычая совершать крещеніе чрезъ обливаніе ⁵⁾. О латинскомъ происхожденіи обычая имѣть нѣсколько воспріемниковъ при

¹⁾ Marten. De antiq. eccles. ritib. t. 1 p. 164. ²⁾ Ibid. t. I p. 165. ³⁾ De antiq. eccles. ritib. t. I p. 166. ⁴⁾ Ibid. t. I p. 165. ⁵⁾ Акт. Историч. т. I стр. 17 и 477.

крещеніи одного дитяти говоритъ также и то обстоятельство, что въ Греціи, какъ мы можемъ заключить изъ приведенныхъ уже нами словъ митр. Кипріана, въ разсматриваемое нами время этотъ обычай не существовалъ и слѣдовательно отсюда онъ не могъ перейти къ намъ.

Что касается лицъ, имѣвшихъ право совершать крещеніе въ XIV вѣкѣ, то должно замѣтить, что по опредѣленію собора Константинопольскаго 1301 года таинство это имѣлъ право совершать не только священникъ и діаконъ, но въ случаѣ нужды и причетникъ ¹⁾. Тотъ же соборъ на вопросъ епископа Сарайскаго Осогноста: „подобаетъ ли многимъ попомъ крестить или одному?“ отвѣчалъ: „подобаетъ одному попу измолвити молитвы и одному крестить. Если же случится много дѣтей и много іереевъ: каждый пусть крестить особое дитя; если много будетъ дѣтей и одинъ іерей, пусть говоритъ въ одинъ разъ молитвы надъ всѣми, а погружаетъ каждое дитя особо три раза, произнося: во имя Отца, во второй: и Сына, въ третій: и святаго Духа“ ²⁾. Такимъ образомъ въ XIV вѣкѣ, какъ и теперь, таинство крещенія долженъ былъ совершать надъ однимъ младенцемъ только одинъ священникъ, а не многіе. Чернецъ могъ крестить дитя, по наставленію митрополита Кипріана, только въ случаѣ крайней нужды ³⁾. Такое опредѣленіе могло быть вызвано единственно желаніемъ отдалить монаховъ отъ міра и его соблазновъ.

Время крещенія для больного дитяти, какъ и въ предшествовавшіе вѣка, не было опредѣлено: его можно было крестить рѣшительно во всякое время. Такъ даютъ намъ основаніе думать наставленія, находящіяся въ служебникахъ, сохранившихся до насъ отъ разсматриваемаго нами времени ⁴⁾. Что же касается здороваго дитяти, то временемъ крещенія его былъ сороковой день. Основаніемъ для такого мнѣнія служитъ краткое замѣчаніе, заключающееся въ одномъ изъ служебниковъ XIV вѣка. Въ этомъ служебникѣ послѣ изложенія чина воцерковленія, который совершался въ сороковой день, сказано: „и тако кумъ возьмъ е (т.-е. дитя) нисходитъ къ крещенію“ ⁵⁾. Такимъ образомъ на основаніи этого замѣчанія мы можемъ думать, что относительно времени крещенія здоровыхъ дѣтей въ

¹⁾ Чтен. въ общ. истор. п древн. Рос. 1860, 2 III, 38. ²⁾ Ibid. стр. 33. ³⁾ Акт. Историч. т. I стр. 477. ⁴⁾ Служеб. ркп. Соф. библ. № 526, 88 об. ⁵⁾ Ibid. л. 91 об.

XIV вѣкѣ практиковался обычай крестить ихъ въ сороковой день по ихъ рожденіи. Усвоивъ себѣ этотъ обычай въ XI вѣкѣ, какъ мы видѣли, отъ церкви греческой ¹⁾, церковь Русская, можно думать, хотя мы не находимъ на это никакихъ указаній, продолжала держаться его и въ вѣка предшествовавшіе вѣку XIV. Поддержкою этого обычая несомнѣнно служило то, что воцелованіе младенца и чтеніе очистительныхъ молитвъ матери совершалось въ XIV в., какъ и въ настоящее время, въ сороковой день. Отдаленность мѣстожителства родителей дитяти отъ церкви и затруднительность путей сообщенія сами собою заставляли ихъ заботиться о томъ, чтобы крещеніе и воцелованіе младенца ихъ были совершены въ одинъ день. Въ этомъ случаѣ, какъ даетъ намъ основаніе заключать вышесприведенное свидѣтельство изъ служебника XIV вѣка о времени крещенія здоровыхъ дѣтей, чинъ воцелованія новорожденнаго младенца совершался прежде самаго крещенія, и этимъ единственно можно объяснить то мѣсто, какое занимаетъ этотъ чинъ въ служебникахъ, какъ XIV вѣка, такъ и современныхъ намъ: во всѣхъ этихъ служебникахъ онъ предшествуетъ таинству крещенія. Имѣя это въ виду, мы, переходя къ обзорѣю особенностей порядка совершенія таинства крещенія, сначала укажемъ особенности чина воцелованія, а затѣмъ уже особенности порядка совершенія таинства крещенія.

Послѣ принесенія младенца въ сороковой день въ церковь священникъ, или святитель, безъ обычнаго начала (которое существуетъ въ современныхъ намъ служебникахъ), согласно съ древнею практикою церкви Греческой ²⁾, читалъ двѣ молитвы надъ дитяти и надъ матерью—тѣ самыя, которыя читаются и въ настоящее время. Послѣ молитвы: „Господи, Боже нашъ, пришедшій на спасеніе рода человѣча“, святитель или священникъ бралъ дитя изъ рукъ матери и несъ его въ олтарь. Предъ входомъ въ олтарь онъ прикладывалъ уста дитяти къ обѣимъ сторонамъ царскихъ вратъ „во образъ цѣлованія“, а войдя въ олтарь, кланялся вмѣстѣ съ нимъ предъ святою трапезою и, если воцелованіе дитя было мужескаго пола, обходилъ съ нимъ трижды вокругъ святой трапезы, кланяясь на каждой сторонѣ ея; если же дитя было женскаго пола, то онъ

¹⁾ Душен. Чт. февраль. стр. 157. ²⁾ Eucholog. Goar. p. 327.

обходилъ только три стороны ея; переднюю часть не обходилъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ священникъ или свититель читалъ „Нынѣ отпускаеши“ ¹⁾. Эта существенная особенность древняго чина воцерковленія въ однихъ древнихъ Греческихъ спискахъ совершенно не находится ²⁾, въ другихъ же она находится въ измѣненномъ нѣскольکو видѣ; такъ по Криптоферратскому списку разсматриваемаго нами чина священникъ, взявъ дитя и наклонивъ его къ св. трапезѣ, поетъ: „Радуйся, благодатная Богородице Дѣво“, и за тѣмъ читаетъ: „Нынѣ отпускаеши“, послѣ чего непосредственно слѣдуетъ отпустить ³⁾; по списку же Барбериновскому священникъ, взявши дитя и войдя съ нимъ въ олтарь, покланяется вмѣстѣ съ нимъ св. трапезѣ и говоритъ: „Господу Богу твоему поклонишия и тому единому послужиши“, послѣ чего обходить съ нимъ вокругъ олтаря и затѣмъ выходитъ изъ него, полагаетъ дитя на землю, а воспріемникъ беретъ его ⁴⁾. Несмотря на такое разногласіе какъ греческихъ списковъ чина воцерковленія между собою, такъ и на разногласіе ихъ съ тѣмъже чиномъ, какъ онъ описывается въ Русскихъ служебникахъ, греческое происхожденіе обряда воцерковленія (по русскимъ служебникамъ) не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. У Симеона Солунскаго въ его „Разговорѣ о св. священнодѣйствіяхъ и таинствахъ церковныхъ“ мы встрѣчаемъ описаніе чина воцерковленія довольно близкое къ тому, какое мы находимъ въ служебникахъ XIV вѣка. „Въ сороковой день“, пишетъ Симеонъ Солунскій, „опять приносится (дитя) матерію во храмъ и здѣсь, какъ даръ, представляется Богу. Священникъ, ставъ предъ дверьми храма (потому что туда нельзя войти прежде молитвы) и запечатлѣвъ мать вмѣстѣ съ младенцемъ, освятивъ ихъ молитвами и преподавъ матери очищеніе отъ сладострастнаго и нечистаго рожденія... и разрѣшивъ ей входъ въ церковь, котораго до тѣхъ поръ она признавалась недостойною, равно какъ и причастія чистаго, а младенца взявъ самъ на руки, по образу Симеона, пріявшаго въ объятія младенца Господа, восклицаетъ: „нынѣ отпускаеши... Если младенецъ крещенъ, то іерей вноситъ его и къ престолу, и кругомъ обноситъ

¹⁾ Служб. рки. Соф. библ. № 526, 90; Моск. библ. № 347, 130 (Опис. III, I, 34): полагается троскратное обхожденіе вокругъ трапезы безъ различія пола. ²⁾ Fvcholog. Goar. p. 327. ³⁾ Ibid. ⁴⁾ Ibid.

его, совершая какъбы поклоненіе, показывая, что онъ есть приношеніе Богу, и покланяется Создателю. Если же дитя не крещено еще, то, ставъ предъ входомъ въ олтарь и совершивъ поклоненіе съ младенцемъ къ жертвеннику и отдавъ его матери, отпускаетъ“¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь мы находимъ обнесеніе крещаемого только дитяти вокругъ престола при его воцерковленіи, которое полагается и въ нашихъ служебникахъ XIV вѣка; но не находимъ измѣненія этого обряда относительно воцерковленія дѣтей женскаго пола, какое находится въ тѣхъже служебникахъ. Для объясненія разностей между чиномъ воцерковленія, какъ онъ описывается въ нашихъ служебникахъ XIV вѣка, и тѣмъ же чиномъ, какъ онъ излагается у Симеона Солунскаго, весьма возможно предположить, что или въ рассматриваемое нами время въ греческой церкви былъ такой же чинъ воцерковленія, какой мы находимъ въ это время въ церкви русской, который однако съ теченіемъ времени измѣнился и въ этомъ измѣненномъ видѣ мы находимъ его у Симеона Солунскаго; или въ чинѣ воцерковленія Русской церкви, какъ онъ излагается въ нашихъ служебникахъ рассматриваемого нами времени, должно признать нѣкоторыя особенности чисто русскаго происхожденія, именно таковымъ должно признать цѣлованіе царскихъ вратъ воцерковляемымъ и обнесеніе только вокругъ трехъ сторонъ св. трапезы дѣтей женскаго пола. Последнее изъ этихъ предположеній кажется намъ болѣе вѣроятнымъ; такъ какъ въ числѣ служебниковъ XIV вѣка мы находимъ одинъ такой, въ которомъ при воцерковленіи положено обнесеніе дитяти вокругъ престола безъ различія пола²⁾. Это до нѣкоторой степени доказываетъ, что и въ XIV вѣкѣ въ греческой церкви чинъ воцерковленія былъ именно таковъ, какъ его описываетъ Симеонъ Солунскій, и слѣдовательно тѣ измѣненія, какія мы находимъ въ другихъ нашихъ служебникахъ XIV вѣка въ рассматриваемомъ нами чинѣ, не могли перейти къ намъ изъ Греціи. Въ этомъ случаѣ при принятіи русскою церковью отъ греческой только обряда обнесенія воцерковляемаго дитяти вокругъ св. трапезы, для объясненія измѣненія, происшедшаго въ немъ относительно дѣтей женскаго

¹⁾ Писан. св. отц. и учит. церк. т. I стр. 48—49. ²⁾ Служеб. ркп. М. С. библ. № 347, 130 (Опис. III, I, 34).

пола мы должны предположить, что такое измѣненіе произошло въ немъ на основаніи того соображенія, что предъ престоломъ могутъ предстоять только священнослужащія лица мужскаго пола, а не женщины, которыя поэтому при воцерковленіи не должны быть носимы на переднюю сторону престола?; точно такъ же, какъ въ послѣдующее время, на основаніи того, что женщина не можетъ входить въ олтарь, совершенно уничтожился обычай вносить туда при воцерковленіи дѣтей женскаго пола. Что же касается второй особенности чина воцерковленія по нашимъ древнимъ служебникамъ—цѣлованія воцерковляемымъ царскимъ вратъ, то эта особенность могла появиться вслѣдствіе простаго желанія выразить высшую степень благоговѣнія и молитвеннаго настроенія воцерковляемаго.

По изнесеніи воцерковляемаго изъ олтаря священникъ полагалъ его, согласно съ практикою церкви греческой ¹⁾, предъ царскими дверьми и читалъ молитву, читаемую въ настоящее время третьею, послѣ которой знаменовалъ чело, уста и перси воцерковляемаго и отпускалъ его ²⁾. Молитвы, читаемой въ настоящее время послѣднею въ чинѣ воцерковленія, согласно съ практикою церкви Греческой, не было ³⁾.

Послѣдованіе таинства *крещенія* въ XIV вѣкѣ, какъ и чинъ воцерковленія, въ своемъ порядкѣ представляетъ также много особенностей сравнительно съ послѣдованіемъ его въ настоящее время.

Огласительныя молитвы, согласно съ древнею практикою церкви Греческой и Русской, читались каждая по десяти разъ ⁴⁾.

Слова молитвы: „Изжени отъ него всякій лукавый и нечистый духъ“..., стоящія въ связи съ послѣдующими: „духъ прелести и лукавства“... произносились однажды ⁵⁾.

Вопросы объ отрицаніи отъ сатаны, согласно съ древнею практикою церкви Русской и подобно обыкновенію церкви латинской, произносились раздѣльно, такъ что всѣхъ вопросовъ и отрицаній на нихъ было пять и они повторялись тоекратно ⁶⁾.

¹⁾ Eucholog. Goar. p. 327. ²⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 525, 91; рки. М. С. библ. № 347 (Опис. III, 1, 34). ³⁾ Eucholog. Goar. p. 327. ⁴⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 526, 92—97 ср. Памят. Рос. Слов. XII в. стр. 175 и Пис. св. отц. и учит. церк. т. II стр. 50. ⁵⁾ Служебн. рук. М. С. библ. № 347 (Опис. III, 1, 32). ⁶⁾ Ibid. и рки. Соф. библ. № 526, 99 ср. Памятн. Р. Слов. XII в. стр. 182; De antiq. eccles. ritib. t. I p. 181, 182, 184, 196 et cet.

На бѣса только дули, но не плевали, согласно съ практикою церкви Греческой ¹⁾.

Вопросъ о сочетаніи Христу выражался словами: „обѣщаваешься ли Христу“ ²⁾?

Послѣ поклоненія оглашеннаго предъ Господомъ Богомъ не было прекрасно поставленнаго въ нынѣшнемъ чинѣ таинства крещенія восклицанія священника: „Благословенъ Богъ, всѣмъ человѣкомъ хотяй спастися и въ разумъ истины пріяти“, какъ и въ Крпиферратскомъ спискѣ послѣдованія таинства крещенія ³⁾. Не упоминаеть также объ этомъ восклицаніи и Симеонъ Солунскій ⁴⁾.

Великая ектенія содержала въ себѣ только два прошенія объ освященіи воды и два о крещаемомъ ⁵⁾.

Послѣ помазанія крещаемаго елеемъ отъ священника на извѣстныхъ частяхъ тѣла безъ произнесенія возглашаемыхъ въ настоящее время при этомъ словъ діаконь, или кто-нибудь другой изъ служащихъ, помазывалъ елеемъ все тѣло крещаемаго ⁶⁾. Это дѣйствіе вполне согласно съ древнею практикою церкви Греческой. Положительно во всѣхъ древнихъ Греческихъ спискахъ послѣдованія таинства крещенія послѣ помазанія извѣстныхъ частей тѣла крещаемаго отъ священника съ произнесеніемъ или безъ произнесенія извѣстныхъ словъ сказано: „и тогда діаконь отъ тогоже св. елея помазуетъ все тѣло“ ⁷⁾.

За помазаніемъ елеемъ, какъ и въ настоящее время, совершалось самое крещеніе. Согласно съ древнею практикою своей духовной матери церкви Греческой Русская церковь совершала его чрезъ погруженіе; но въ разсматриваемое нами время въ ея богослужбную практику вкралось въ этомъ отношеніи отступленіе. Говоря объ особенностяхъ совершенія таинства крещенія въ XIII вѣкѣ, мы замѣтили, что въ то время подъ вліяніемъ богослужбной практики Латинской церкви въ Новгородской области православные священники совершали таинство крещенія чрезъ обливаніе; въ XIV вѣкѣ такое же отсту-

¹⁾ Служебн. рук. Соф. библ. № 526, 99 и ркп. М. С. библ. № 347 (Опис. III, 1, 32) ср. Eucholog. Goar. p. 339 и 341. ²⁾ Служебн. рук. М. С. библ. № 347 (Опис. III, 1, 32). ³⁾ Ibid. ср. Eucholog. Goar. p. 340. ⁴⁾ Пис. св. отц. и учит. церкви т. II, стр. 58—59. ⁵⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 526, 100 и ркп. М. С. библ. № 347 (Опис. III, I, 32). ⁶⁾ Ibid. л. 106 и № 347 л. 123 об. (Опис. III, I, 32). ⁷⁾ Eucholog. Goar. p. 358, 360, 362; De antiq. eccles. ritib. t. I, p. 231 и 232.

пление отъ древней богослужебной практики и подъ тѣмъ же вліяніемъ явилось въ области Псковской и было замѣчено митр. Кипріаномъ. Митрополитъ этотъ въ своемъ посланіи къ Псковскому духовенству писалъ по этому случаю: „А что есте до нынѣ крещали дѣти въ рукахъ держа, а водою сверху поливали, а то неправое крещенье: вотъ азъ послалъ правое крещенье, истинное, по тому бы есте и сами дѣяли и инымъ бы есте всѣмъ заказывали, чтобы по тому ходили“ ¹⁾. „Крещенье же святое творити сице“, писалъ тотъ же митрополитъ къ игумену Аванасію: „не обливати водою, якоже латыни творять, но погружати въ рѣцѣ или въ сосудѣ чистомъ, установлѣномъ на се, глаголати же на коеждо погруженіе едино имя святаго Живоначальнаго Троицы, во имя Отца, и Сына, и святаго Духа, не творяи же сице не право крещеніе творить“ ²⁾. Впрочемъ нужно сказать, что сама восточная церковь, какъ исключеніе, допускала и обливаніе. На вопросъ Сарайскаго епископа Теогноста: „если обращаются татары и хотятъ креститься, и не будетъ большаго сосуда, въ которомъ бы можно было погрузить, какъ поступать?“ Константинопольскій соборъ 1301 года отвѣчалъ: „пусть обливають его трижды, произнося: во имя Отца, Сына и святаго Духа“ ³⁾. Такое исключеніе было сдѣлано единственно въ виду особыхъ обстоятельствъ, могущихъ случиться только въ одной Сарайской епархіи.

При крещеніи нѣсколькихъ дѣтей мужескаго и женскаго пола, всѣхъ ихъ, по наставленію митр. Кипріана, должно погружать въ одной купѣли, „но первіе мужескихъ крестити, потомъ женскихъ; за благочиніе дѣяти мужескому полу большинство“ ⁴⁾. При крещеніи же возрастныхъ, лицъ женскаго пола должно было крестить особо отъ мужчинъ ⁵⁾.

Послѣ крещенія непосредственно слѣдовало облаченіе новокрещеннаго безъ произнесенія извѣстныхъ словъ, произносимыхъ въ настоящее время священникомъ, и безъ пѣнія стиха: „Ризу мнѣ подаждь свѣтлу“, и за нимъ ектенія сугубая, или только малая ектенія ⁶⁾. Въ ектеніи сугубой, слѣдовавшей за облаченіемъ, послѣ прошенія объ

¹⁾ Акт. Историч. т. I, стр. 17. ²⁾ Ibid. стр. 477. ³⁾ Чтен. въ общ. исторіи. и древ. Рос. 1860 г. кн. 2 III, 38. ⁴⁾ Акт. историч. т. I стр. 477. ⁵⁾ Ibidem. ⁶⁾ Служебн. рук. Соф. библ. № 526, 107 и ркп. М. С. библ. № 347 (Опис. III, I, 33).

архіепископѣ възглашались слѣдующія прошенія о новокрещенномъ: „И обещися ему силою божественною на противнаго мюромъ мазанія“. „О быти ему съсуду священну на въсприятіе благодатнаго мюра“. „О сподобитися ему званія, въ немъже звапъ бысть“¹⁾.

Послѣ ектеніи сугубой или малой читалась таже молитва, которая читается и въ настоящее время, и за нею пѣлось: „Елицы во Христа крестистеса“, безъ обхожденія вокругъ купѣли, что вполне согласно съ практикою церкви Греческой²⁾. Послѣ этого слѣдовало помазаніе муромъ новокрещеннаго. Помазывались, согласно съ практикою церкви Греческой, тѣ части тѣла новокрещеннаго, которыя помазываются и въ настоящее время³⁾.

Непосредственно послѣ муропомазанія въ одномъ изъ службниковъ, согласно съ древними Греческими списками, замѣчено: „И посемъ входитъ съ новопросвѣщеннымъ на выходъ, и поя съ пѣвци: блажени, имъже отпущена суть. И тако по ряду совершается божественная служба“⁴⁾. На великомъ выходѣ новокрещенный, по указанію тогоже службника, долженъ былъ предноситься св. дарамъ и за тѣмъ въ свое время причащаться.

Изъ молитвъ „разрѣштити новокрещеннаго въ восьмой день“, согласно съ древними Греческими списками, въ этомъ службникѣ полагается только одна молитва, читаемая въ настоящее время первую⁵⁾.

По другому службнику: послѣ муропомазанія извѣстныхъ частей новокрещенный одѣвается въ срачицу и верхнюю одежду. Чтенія Апостола и Евангелія, какъ и въ предшествующемъ службникѣ, не показано⁶⁾, а за облаченіемъ непосредственно слѣдуетъ молитва предъ постриженіемъ власовъ; самое постриженіе и молитва благословенія тѣже, что и теперь, только въ настоящее время постриженіе полагается послѣ этой послѣдней молитвы. Непосредственно послѣ этого слѣдуетъ возложеніе куколя съ словами: „одѣвается рабъ Божій (въ) куколь незлобія“. Свя-

¹⁾ Служб. рук. Соф. библ. № 526, 107. ²⁾ Ibidem. и рук. М. С. библ. № 347 (Опис. III, I, 33) ср. Eucholog. Goar. p. 358, 360 и 362. ³⁾ Служб. ркп. Соф. библ. № 526, 108; Eucholog. Goar. p. 358 и 360. ⁴⁾ Eucholog. Goar. p. 356 и 360; Marten. De antiq. eccles. ritib. t. I p. 232 и 233. ⁵⁾ Службн. ркп. Соф. библ. № 526, 108—109; Eucholog. Goar. p. 373. ⁶⁾ Службн. ркп. М. С. библ. № 347 (Оп. III, I, 33); Eucholog. Goar. p. 359, 360 и 362.

ценнодѣйствіе оканчивается обхожденіемъ крещаемого вмѣстѣ съ восприемникомъ вокругъ купѣли при пѣніи стиха: „Елицы во Христа креститесь“¹⁾). О всѣхъ этихъ особенностяхъ послѣдованія таинства крещенія говоритъ Симеонъ Солунскій съ тѣмъ, впрочемъ, несущественнымъ отличіемъ, что у него постриженіе волосъ предшествуетъ облаченію новокрещеннаго, а не послѣдуетъ ему²⁾).

На великомъ входѣ совершаемой въ тотъ день литургіи новокрещенный, если онъ дитя, предносится, если же взрослый, предходитъ св. дарамъ, держа по свѣчѣ въ обѣихъ рукахъ, и въ свое время причащается. Со свѣчами же новокрещенный идетъ домой и въ теченіи семи дней приходитъ къ службѣ также со свѣчами³⁾). Объ этой послѣдней особенности таинства крещенія въ XIV вѣкѣ говоритъ Симеонъ Солунскій, хотя и съ нѣкоторымъ отличіемъ; именно, по свидѣтельству его, новокрещенный провожался въ домъ не только со свѣчами, но и съ пѣніемъ стиха: „Елицы во Христа креститесь“; о хожденіи же въ церковь въ теченіе семи дней со свѣчами у него ничего не говорится⁴⁾).

Послѣдованіе омовенія новокрещеннаго въ осьмой день было сходно съ нынѣшнимъ; только отираніе муропомазанныхъ частей тѣла съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ полагалось непосредственно послѣ первой молитвы и не было кропленія омоченнымъ поясомъ и пеленами⁵⁾). О послѣдней особенности не говоритъ и Симеонъ Солунскій⁶⁾). Что же касается первой особенности, то она могла произойти вслѣдствіе того, что первоначально, можетъ быть согласно съ древнею практикою церкви Греческой⁷⁾, послѣдованіе разрѣшенія крещаемого въ осьмой день въ церкви Русской ограничивалось только одною молитвою, послѣ которой непосредственно и слѣдовало омовеніе губкою муропомазанныхъ частей тѣла новокрещеннаго; впослѣдствіи же времени, когда сталъ извѣстенъ другой болѣе обширный составъ этого послѣдованія, новыя молитвы были присоединены къ краткому, а омовеніе

¹⁾ Служеб. рки. М. С. библ. № 347 (Опис. III, I, 33). ²⁾ Писан. св. отц. и учит. церк. т. II стр. 72 и 73. ³⁾ Служеб. М. С. библ. № 347 (Опис. III, I, 33). ⁴⁾ Писан. св. отц. и учит. церк. т. II стр. 74—75. ⁵⁾ Служеб. рки. М. С. библ. № 347, 128 (Опис. III, I, 33). ⁶⁾ Писан. св. отц. и учит. церк. т. II стр. 75. ⁷⁾ Eucholog. Goar. p. 373.

муропомазанныхъ мѣстъ было оставлено на прежнемъ мѣстѣ.

Сокращая все сказанное объ особенностяхъ совершенія таинства крещенія въ XIV вѣкѣ, мы можемъ сказать, что почти всѣ эти особенности находились и въ древнемъ богослуженіи церкви Греческой и безъ всякаго сомнѣнія изъ него перешли въ богослужебную практику церкви нашей. Не находятъ для себя основанія въ древней богослужебной практикѣ церкви Греческой только нѣкоторыя весьма немногія особенности совершенія указаннаго таинства и предшествовавшихъ ему и послѣдующихъ за нимъ молитвъ. Такъ въ чинѣ воцерковленія такими особенностями должно считать: цѣлованіе воцерковляемымъ царскихъ вратъ, обнесеніе дѣтей женскаго пола только вокругъ трехъ сторонъ св. трапезы и знаменованіе чела, усть и персей воцерковляемаго; въ чинѣ крещенія: чтеніе только однажды словъ: „изжени изъ него всякій лукавый и нечистый духъ“, и сугубую ектенію о новокрещенномъ предъ муропомазаніемъ его. Сказать рѣшительно о всѣхъ этихъ особенностяхъ, что онѣ чисто русскаго происхожденія, мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ; хотя съ другой стороны предположеніе о такомъ происхожденіи ихъ является весьма вѣроятнымъ. Относительно происхожденія первыхъ двухъ особенностей чина воцерковленія—цѣлованія воцерковляемымъ царскихъ вратъ и обнесенія дѣтей женскаго пола только вокругъ трехъ сторонъ св. трапезы нами уже были высказаны нѣкоторыя соображенія; что же касается остальныхъ особенностей—знаменованія чела, усть и персей воцерковляемаго младенца, произнесенія только однажды указанныхъ словъ въ послѣдованіи таинства крещенія (изжени изъ него), и сугубой ектеніи, то первая изъ нихъ есть не что иное, какъ благословеніе младенца, которое полагается и теперь въ началѣ чина воцерковленія, только измѣненное; вторая могла произойти вслѣдствіе простаго пропуска слова „трижды“, а третья, наконецъ, не такъ трудна по своему составленію, чтобы была не подъ силу Русскому человѣку XIV вѣка. Кромѣ этихъ особенностей совершенія таинства крещенія въ XIV вѣкѣ, съ одной стороны несомнѣнно Греческаго, а съ другой предположительно Русскаго происхожденія, въ разсматриваемое нами время, въ послѣдованіе этого таинства вкрались нѣкоторыя особенности чисто латинскаго

происхожденія. Такъ какъ особенностями совершенія этого таинства, обусловливаемыми совершеніемъ его по обряду той или другой церкви, опредѣляется и самая принадлежность крещаемого къ тому или другому исповѣданію; то поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что латинская пропаганда особенно обратила свое вниманіе на совершеніе этого таинства по обряду восточной церкви въ тѣхъ пунктахъ Россіи, которые были ближе къ западу, съ цѣлю внести въ совершеніе его нѣкоторыя свои особенности и такимъ образомъ, хотя до нѣкоторой степени, приблизить Русскихъ къ церкви Римской. Такими пунктами были города Новгородъ и Псковъ. Въ предшествовавшемъ вѣкѣ мы видѣли, что обливательное крещеніе явилось въ Новгородской области; въ рассматриваемое же время оно перешло въ область Псковскую. Вмѣстѣ съ этимъ въ этой же области явился обычай имѣть при крещеніи, по обычаю латинянъ, двухъ воспріемниковъ. Эти двѣ особенности совершенія таинства крещенія, явившіяся въ богослужбной практикѣ церкви Русской подъ вліяніемъ практики церкви западной, благодаря постоянному сношенію Новгорода и Пскова съ западною Европою, сохранялись въ этихъ городахъ и областяхъ, принадлежащихъ имъ, не только въ XIV, но даже и въ XV вѣкѣ.

Приступая къ обзорѣ особенностей послѣдованія таинства *покаянія* въ XIV вѣкѣ, мы должны сказать, что оно представляетъ нисколько не меньше, если только не больше разностей сравнительно съ настоящимъ его послѣдованіемъ, чѣмъ послѣдованіе разсмотрѣннаго уже нами таинства крещенія. Отъ XIV вѣка до насъ сохранился только одинъ списокъ послѣдованія таинства покаянія, на основаніи котораго мы можемъ видѣть, что оно совершалось слѣдующимъ образомъ: кающійся приходилъ и стоялъ въ притворѣ до тѣхъ поръ, пока священникъ, взявъ его за руку, не вводилъ въ церковь и не поставлялъ предъ алтаремъ. Здѣсь кающійся кланялся трижды, произнося извѣстныя молитвенныя возгласенія: „Господи, согрѣшихъ Тебѣ, прости мя“... , а священникъ въ это время читалъ молитву: „Владыко, Господи Боже нашъ, призывая праведники на святую службу, каются повелѣвъ“... .¹⁾ Непосредственно послѣ этой молитвы читался псаломъ шестой, послѣ ко-

¹⁾ Архіер. служеб. ркп. Соф. библ. № 1056, 97 об.

торого священникъ „вздвигнетъ исповѣдника (такъ какъ онъ лежалъ, повергшись, во все время чтенія указанной молитвы и псалма) и въпроситъ о дѣлѣхъ, иже створилъ.“ Этотъ вопросъ очевидно предлагался въ общей формѣ и не касался частныхъ грѣховъ, потому что послѣ этого вопроса священникъ читалъ отъ лица кающагося, если этотъ послѣдній былъ безграмотенъ, въ противномъ случаѣ онъ читалъ самъ, исповѣданіе общей грѣховности ¹⁾. Послѣ этого кающійся становился на колѣна, и священникъ послѣ обычнаго начала читалъ 50 и 69 псалмы, за которыми читалось *Трисвятое, Отче нашъ, Господи помилуй* 12 разъ и „исповѣдаются, Господи, Отче, Боже небу и земли“. Далѣе слѣдовали вопросы священника кающемуся, касающіеся исключительно его нравственности, по окончаніи которыхъ кающійся падалъ на землю и произносилъ извѣстныя молитвенныя возгласенія, а священникъ читалъ молитвы: „Боже, простивый Наѳаномъ Давида, своя исповѣдавши злая,“ „Величая взвеличаю тя, Господи, яко прирѣлъ еси на смиреніе мое“, „Господи, Боже нашъ, Петрови и блудницѣ слезами грѣхи оставивый“ и, наконецъ, „Всеомгій, вѣчный Боже, исповѣдавшемуся тебѣ рабу твоему твоя дѣла чести грѣхи отпусти“ ²⁾. Эта послѣдняя молитва надписывается „разрѣшити исповѣдника“ ³⁾.

Этотъ чинъ покаянія имѣетъ значительное сходство съ чиномъ того же таинства, составленнымъ патріархомъ Іоанномъ Постникомъ (596), хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и значительно разнится отъ него. Въ чинѣ Іоанна Постника въ самомъ его началѣ между другими псалмами положено такъже чтеніе псалмовъ 6, 50 и 69 ⁴⁾; въ немъ такъже есть исповѣданіе кающагося, читаемое священникомъ: „Исповѣдаются, Господи, Отче“... послѣ котораго слѣдуютъ вопросы священника кающемуся, касающіеся исключительно нравственнаго состоянія этого послѣдняго ⁵⁾; находятся въ немъ также и молитвы: „Боже, простивый Наѳаномъ Давида“ и „Господи, Боже нашъ, Петрови и блудници слезами грѣхи оставивый“ ⁶⁾, которыя также читаются въ

¹⁾ Архіер. служеб. ркп. Соф. библ. № 1056, 98—99. ²⁾ Ibid. л. 99—104. ³⁾ Ibid. л. 104. ⁴⁾ Patrolog curs. complet. Migne T. LXXXVIII p. 1889. ⁵⁾ Ibid. p. 1893. ⁶⁾ Ibid. p. 1896 и 1925; Evcholog. Goar. p. 673, 674 и 680. Что же касается молитвъ: „Величая взвеличаю тя, Господи“ и „Всеомгій, вѣчный Боже“, то первая изъ нихъ находится въ чинѣ субботней полунощницы, а вторая въ слу-

концѣ чина. Такое сходство изложеннаго нами чина таинства покаянія съ чиномъ того же таинства, принадлежащимъ Константинопольскому патриарху Іоанну Постнику, даетъ намъ право думать, что въ основѣ его лежалъ именно этотъ послѣдній чинъ; но время измѣнило его прибавкою нѣкоторыхъ новыхъ и исключеніемъ нѣкоторыхъ старыхъ молитвъ и псалмовъ.

Особенности послѣдованія чиновъ поставленія въ священнической степени были немногочисленны въ XIV вѣкѣ и всѣ находятъ для себя основаніе въ богослужебной практикѣ церкви греческой.

Чинъ поставленія въ чтеца и пѣвца начинался непосредственно постриженіемъ. Присутствующіе при постриженіи на каждое реченіе постригающаго возглашали: Господи помилуй. Послѣ этого новопостриженный облакался въ короткій фелонь и приводился къ архіерею, который, положивъ свою руку на его главу, читалъ молитву: „Господи Боже вседержителю, избери раба твоего сего“. По окончаніи ея чтецу давались „апостольскія книги и, почтѣ мало, пріемлетъ отъ архіерея миръ“, а пѣвцу — псалтирь и онъ возглашаетъ прокимень ¹⁾. Слѣдовательно въ этомъ чинѣ сравнительно съ нынѣшнимъ не было молитвы: „Иже всю тварь свѣтомъ просвѣтивый чудесь твоихъ, Господи“, читаемой теперь первою, и облаченія посвящаемаго въ стихарь; но существовало врученіе пѣвцу псалтири, котораго въ настоящее время не полагается. Во всѣхъ этихъ своихъ особенностяхъ изложенный чинъ вполне сходенъ, исключая возглашенія при постриженіи „Господи помилуй“ вмѣсто „аминь“, съ чиномъ, изложеннымъ у Гоара по Кристоферратскому списку ²⁾.

Чинъ поставленія въ иподіакона въ XIV вѣкѣ, будучи вполне сходенъ съ такимъ же чиномъ церкви греческой по Кристоферратскому списку, отличался отъ нынѣшняго тѣмъ, что поставленіе происходило предъ великимъ выходомъ, поставляемый приводился къ архіерею въ малой фелони и, умываясь, архіерей говорилъ: „Елицы вѣрнии“ ³⁾.

Чинъ поставленія въ діакона въ XIV вѣкѣ, также будучи буквально сходенъ съ Кристоферратскимъ спискомъ это-

жебникѣ XII в. надписывается: „исходящи изъ поста“ (рпк. М. С. библ. № 343 (Опис. III, I, 10). ¹⁾ Архіер. служеб. рпк. Соф. библ. № 1056, 2 об.—3. ²⁾ Eucholog. Goar. p. 233 и 234. ³⁾ Архіер. служеб. рпк. Соф. библ. № 1056, 3 об.—4; Eucholog. Goar. p. 245.

го чина, представляетъ значительныя разности сравнительно съ нынѣшнимъ. Прежде всего, онъ короче нынѣшняго: въ немъ не было возгласовъ: „повели“ и „повелите“; не было также обведенія поставляемаго вокругъ престола съ пѣніемъ извѣстныхъ тропарей. Начинался онъ непосредственно молитвою: „Божественная благодать“, которая читалась не надъ преклоненнымъ новопоставляемымъ. Послѣ этой молитвы и пѣнія „Господи помилуй“ трижды (порусски) новопоставляемый преклонялъ одно колѣно и послѣдованіе чина совершалось, какъ и въ настоящее время, съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ, что не было врученія поручей и возгласенія *ἄξιος*. Въ концѣ чина, сдѣлано слѣдующее замѣчаніе, не находящееся въ современныхъ намъ служебникахъ, но предписывающее такое дѣйствіе, которое вполне согласно съ древнею практикою церкви греческой. „Въ причащеніи же божественныхъ таинъ прежде инѣхъ дьяконъ божественнаго хлѣба причащается отъ поставшаго архіерея, такъ же и честныя крове прежде онѣхъ отъ того святую потирь иерея или архіерея. И тако причастився, аще убо будета два потиря, и шедъ дастъ отъ него комкающимъ людямъ,—аще ли едина будеть потирь, жидеть дондеже причащаться сущи во олтарн, отъ держащаго потиря иерея или архіерея, и тако приносящу потирю къ поставшему и примъ отъ него исходить и даетъ приступающимъ; и сіе убо бываетъ, егда бываетъ свершеная служба“¹⁾.

Чинъ поставленія въ пресвитера въ разсматриваемое нами время сравнительно съ нынѣшнимъ имѣлъ слѣдующія особенности: поставляемый приводился къ престолу однимъ изъ священниковъ; хожденія вокругъ престола и пѣнія тропарей не было; молитва: „Божественная благодать“ читалась не надъ преклоненнымъ новопоставляемымъ; „Господи помилуй“ возгласалось только по-русски; при чтеніи второй молитвы надъ колѣнопреклоненнымъ новопоставляемымъ на главу его святитель возлагалъ только руку (въ настоящее время возлагается еще край омофора); послѣ второй молитвы, слѣдующей за ектеніею, не было возгласа *ἄξιος*, но замѣчено: „И егда рекутъ аминь, приносятъ задній конецъ уляря его напередъ и одѣжеть и въ

¹⁾ Архіер. служеб. ркп. Соф. библ. № 1056, 4—8; Eucholog. Goar. p. 252—253; Пис. св. отц. и учит. церк. т. II, стр. 230.

фелонь и, цѣловавъ его, повелить ему стати съ прочими попы“..... Въ концѣ этого чина сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: „И егда возметься взношеніе святыхъ даровъ и рекутъ людіе: достойно,—приметь архиереи отъ блюда божественныи хлѣбъ и въдасть въ руцѣ поставимому и преклонить и надъ святую трапезу, и положить чело его надъ хлѣбомъ и пребудеть преклоненъ до реченія: святая святыхъ, и тогда отдасть и положить на блюдѣ божественный хлѣбъ и отъ него причастится тѣла и крове преже инѣхъ поповъ и подасть прочимъ; творить же и заамвонную молитву и служить за семь дни въ ризахъ“¹⁾. Во всѣхъ этихъ особенностяхъ изложенный нами чинъ, какъ и всѣ предшествовавшіе чины этого рода, сходенъ съ Кристоферратскимъ спискомъ и несомнѣнно его имѣетъ своимъ оригиналомъ²⁾. О причащеніи новопоставляемаго прежде всѣхъ священниковъ на совершаемой въ тотъ день литургіи говоритъ и Симеонъ Солунскій³⁾.

Чинъ поставленія въ епископа въ разсматриваемое нами время такъже нисколько не отличался отъ извѣстныхъ намъ древнихъ греческихъ списковъ этого чина; сравнительно же съ нынѣшнимъ онъ представлялъ слѣдующія особенности: новопоставляемый приводился къ престолу тремя архиереями; обведенія вокругъ престола съ пѣніемъ тропарей не было; по окончаніи посвященія только въ этомъ чинѣ возглашалось: „достоинъ“⁴⁾.

Изъ сдѣланнаго нами обзорѣнія особенностей порядка совершенія въ XIV вѣкѣ чиновъ поставленія въ священныя степени бросается въ глаза то буквальное сходство ихъ съ греческими списками, какого мы не находили рѣшительно ни въ одномъ изъ другихъ послѣдованій. Явленіе это можетъ и должно быть объясняемо съ одной стороны тѣмъ, что совершителемъ этихъ чиновъ былъ только архиерей, который, конечно, болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, могъ заботиться о вѣрности ихъ подлиннику; съ другой стороны — тѣмъ, что и сами писцы, переписывая для архиерея, старались переписывать вѣрнѣе. Такимъ образомъ здѣсь не было двухъ существенныхъ условій появленія вариантовъ въ нашихъ древнихъ спискахъ разныхъ послѣ-

¹⁾ Ibid. л. 8—10. ²⁾ Eucholog. Goar. p. 295. ³⁾ Писан. св. отц. и учит. церк. т. II, стр. 237. ⁴⁾ Архiep. служеб. XIV в. рук. Соф. библ. № 1056, 11—14; Eucholog. Goar, p. 302—305.

дованій,—не было многихъ оригиналовъ, съ которыхъ бы можно было дѣлать переводы и не было также произвола въ перепискѣ. Первое условіе появленія вариантовъ само собою понятно: различные оригинальные списки извѣстнаго чина обуславливали и разности въ переводахъ. Что же касается втораго условія, то относительно его должно замѣтить слѣдующее: большая часть нашихъ вариантовъ, не обуславливаемыхъ разностями, заключающимися въ различіи самыхъ оригиналовъ, появилась на свѣтъ только благодаря произволу переписчиковъ и самыхъ владѣтелей списковъ: благочестивая рука этихъ послѣднихъ дѣлала иногда на полѣ книги противъ того или другаго богослужебнаго дѣйствія краткую замѣтку, представляющую или стихъ изъ священнаго писанія, или краткую молитву и т. п. Въ послѣдствіи времени эта замѣтка писцомъ переносилась въ самый текстъ и такимъ образомъ въ богослужебномъ порядкѣ извѣстнаго чина являлся новый вариантъ. Нужно замѣтить также при этомъ, что чѣмъ распространѣннѣе было извѣстное послѣдованіе, чѣмъ большее количество существовало списковъ его, тѣмъ больше было и вариантовъ въ немъ. Ни одно изъ этихъ условій увеличенія вариантовъ не существовало въ разсматриваемомъ нами случаѣ: оригиналъ былъ одинъ, произволъ переписчиковъ былъ ограниченъ, произвола самыхъ владѣтелей списковъ быть не могло и, наконецъ, число самыхъ списковъ было, нужно полагать, очень ограниченное; такъ какъ самихъ іерарховъ церкви русской, которые одни могли пользоваться этими списками, было не особенно много.

Переходя къ обзорѣнью порядка совершенія *таинства брака* въ XIV вѣкѣ, мы должны сказать, что совершеніе этого таинства въ разсматриваемое нами время было дѣломъ исключительно мірскихъ священниковъ. Митрополитъ Кипріанъ, вооружаясь противъ совершенія таинства брака монахами, прямо писалъ: „не достоинъ игумену или чернцу попу вѣнчивати, мірскихъ бо поповъ есть тоє дѣло, а не чернеческое ¹⁾“. Такое опредѣленіе было вызвано единственно желаніемъ какъ можно болѣе отдалить монаховъ отъ міра и его соблазновъ, что ясно даютъ видѣть предшествующія этимъ слова митрополита Кипріана объ

¹⁾ Акт. Историч. т. I, стр. 477.

удаленіи изъ монастырей всего, что хотя бы сколько-нибудь напоминало оставленный жителями ихъ міръ.

Самый порядокъ послѣдованія обрученія и вѣнчанія въ XIV вѣкѣ значительно рознился отъ порядка совершенія ихъ въ настоящее время. При обрученіи жениху давался золотой перстень, а невѣстѣ—желѣзный и они сами обмѣнивались ими; но при этомъ не произносились слова: „обручается рабъ Божій“., „обручается раба Божія“.... Не было также въ чинѣ обрученія, согласно съ древними греческими списками, молитвы: „Господи Боже нашъ, иже отроку патріарха Авраама“... и сугубой ектеніи. При этомъ молитва: „Господи Боже нашъ, обручивый себѣ языческую церковь“, читалась или въ началѣ священнодѣйствія, или въ концѣ ¹⁾. Кромѣ этого въ чинѣ обрученія въ разсматриваемое нами время читалась молитва, не находящаяся въ древнихъ греческихъ спискахъ этого чина: „Призываемъ тя, Владыко, Господи Вседержителю“ ²⁾.

Въ послѣдованіи чина вѣнчанія въ XIV вѣкѣ сравнительно съ нынѣшнимъ его послѣдованіемъ заключались слѣдующія разности:

При пѣніи псалма „Блажени вси боющіеся Господа“, согласно съ древними греческими списками, не было припѣва: „Слава тебѣ Боже нашъ, слава тебѣ“ ³⁾; не было также вопросовъ жениху и невѣстѣ о добровольномъ вступленіи въ бракъ ⁴⁾.

Въ дальнѣйшемъ послѣдованіи чина вѣнчанія или, согласно съ Кристоферратскимъ спискомъ этого чина, не читались первая двѣ молитвы, а читалась только одна—третья; или же онѣ читались, какъ и въ настоящее время ⁵⁾.

При возложеніи вѣнцовъ священникъ или, согласно съ практикою церкви греческой, говорилъ только: „Господи Боже нашъ, славою и честію вѣнчай его (или ся)“ ⁶⁾; или же, несогласно съ нею, произносилъ при этомъ слова: „Господи Боже нашъ, славою и честію вѣнчалъ его и по-

¹⁾ Служеб. рук. М. С. библ. №№ 341, 126; 345, 76, об. (Опис. III, I, 19 и 24); Eucholog. Goar. p. 383 и 384. ²⁾ Служеб. рук. М. С. библ. № 345 (Опис. III, I, 24). ³⁾ Ibid. № 344, 126 (Опис. III, I, 19 и 24); Eucholog. Goar. p. 394. ⁴⁾ Служебн. рук. М. С. библ. № 344, 127 и № 345, 124 обор. (Опис. III, I, 19 и 24); Eucholog. Goar. p. 394. ⁵⁾ Ibid. и Писан. св. отц. и учит. церк. т. II, стр. 356—357. ⁶⁾ Служебн. М. С. библ. № 344, 129. (Опис. III, I, 19); Eucholog. Goar. p. 394.

ставилъ его надъ дѣлы руку твою“, и далѣе по псалму и непосредственно за этимъ читалъ молитву: „Господи Боже нашъ, иже славою и честью вѣнчалъ еси своя мученики святыя“ ¹⁾).

Чтеній изъ Апостола и Евангелія совершенно не было, что вполнѣ согласно съ практикою церкви греческой; но непосредственно послѣ возложенія вѣнцовъ—такъже вполнѣ согласно съ древними греческими списками послѣдованія таинства брака—священникъ долженъ былъ читать молитву, которая въ настоящее время читается послѣ чтенія Евангелія: „Господи Боже нашъ, иже во спасительномъ Твоемъ смотрѣніи“... ²⁾).

По „Отче нашъ“ священникъ бралъ потиръ, „въ немъ-же суть преждеосвященная“; діаконъ говорилъ: „вопьемъ“, а священникъ: „святая святымъ“ и причащалъ брачущихся: пѣвцы въ это время пѣли причастенъ: „Чашу спасенія прииму“. Отнеши св. дары на престолъ, священникъ преподавалъ брачущимся и общую чашу, предварительно произнося надъ нею ту же молитву, которая читается и въ настоящее время; по приобщенія общей чаши „стъкляницу скрушаютъ“ ³⁾. Всѣ эти особенности были такъже при совершеніи таинства брака въ церкви греческой ⁴⁾.

Послѣдованіе чина вѣнчанія послѣ приобщенія общей чаши, какъ и въ началѣ, не было одинаково. Послѣ этого момента, какъ даютъ намъ основаніе заключать богослужебные памятники разсматриваемаго нами времени, или пѣлись тропари: „Святіи мученицы“ и „Слава Тебѣ, Христе Боже“, и вмѣсто благословенія: „Отецъ, Сынъ и Св. Духъ“ священникъ произносилъ привѣтствіе и наставленіе новобрачнымъ, начинающееся словами ап. Павла: „Братіе, радуйтесь о Господѣ всегда“ ⁵⁾; или же пѣнія тропарей съ троекратнымъ обхожденіемъ вокругъ аналоя совершенно не было, но непосредственно послѣ приобщенія общей чаши священникъ, „ведя новобрачныхъ на лавицу“, возглашалъ: „Господи, Господи, призри съ небесе и посѣти сыны Человѣческія“ троекратно съ пѣніемъ стиховъ и, по-

¹⁾ Служеб. М. С. библ. № 345, 83—84 (Опис. III, 1, 24). ²⁾ Ibid. № 345 (Опис. III, I, 25); Eucholog. Goarg. p. 394 и 395; Пис. св. отц. и учит. II, 358. ³⁾ Служебн. рук. М. С. библ. № 344, 130 и № 345 (Опис. III, I, 20 и 25). ⁴⁾ Euchol. Goarg. p. 394; Писан. св. отц. и учит. церк. т. II, стр. 359—360. ⁵⁾ Служебн. рук. М. С. библ. № 344, 131 (Опис. III, I, 20).

садить повобрачныхъ „на лавицу“, читалъ молитву положенную на разрѣшеніе вѣщцовъ ¹⁾). Первыя двѣ изъ этихъ особенностей—пѣніе только двухъ тропарей и преподаніе наставленія повобрачнымъ—существовали и въ чинѣ вѣщанія въ церкви греческой, но тамъ онѣ слѣдовали одна за другою въ обратномъ порядкѣ, какъ мы можемъ заключать на основаніи описанія этого чина Симеономъ Солунскимъ ²⁾). Изъ другихъ особенностей только совершенное отсутствіе тропарей, которые поются въ настоящее время при обвѣдѣнн повобрачныхъ вокругъ аналоя, находятъ для себя основаніе въ древней богослужебной практикѣ церкви греческой ³⁾). Что же касается „посаженія повобрачныхъ на лавицѣ“, то нужно сказать, что настоящія свѣдѣнія объ устройствѣ храмовъ въ древней Россіи не даютъ намъ возможности опредѣлить, въ чемъ состояла эта особенность древняго чина вѣщанія.

Такимъ образомъ большая часть особенностей чина вѣщанія въ XIV вѣкѣ была въ разсматриваемое нами время и въ богослуженіи церкви греческой и безъ всякаго сомнѣнія оттуда перешла къ намъ. Только двѣ изъ указанныхъ нами особенностей—возложеніе на брачующихся вѣщцовъ съ особенными словами и посаженіе повобрачныхъ на лавицу—не находятъ для себя основанія въ богослужебной практикѣ церкви греческой; но причислять ихъ безусловно къ особенностямъ чина вѣщанія, появившимся въ Россіи, мы, по недостатку положительныхъ данныхъ, не имѣемъ права. Оставляя такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи указанныхъ особенностей въ чинѣ вѣщанія открытымъ, мы переходимъ къ обзорѣию особенностей порядка совершенія въ XIV вѣкѣ таинства селосвященія.

II. Одинцовъ.

¹⁾ Служебн. рук. М. С. библ. № 345 (Опис. III, I, 25). ²⁾ Писая. св. отц. и учит. церк. т. II, стр. 360. ³⁾ Eucholog. Goar. p. 395 и 396.

ТОЛКОВАНІЕ
ВТОРАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА
КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

66.)

*Апостольство, существенный членъ въ домостроитель-
ство спасенія. 5, 19—6, 2.*

Дѣло апостольства—призывать къ примиренію съ Богомъ отъавившихся отъ Бога и прогнѣвавшихъ Его, и по призваніи облагодатствовать. Апостоль говоритъ теперь: мы это и дѣлаемъ, всѣхъ зовемъ: примиритесь съ Богомъ, и всѣмъ благодать преподаемъ. Такъ и васъ призвали и благодати причастниками сдѣлали. Молимъ же васъ не вотще такую благодать Божію пріяти вамъ.

Гл. 5. ст. 19. *Зане Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя себѣ, не вмѣняя имъ согрѣшеній ихъ, и положивъ въ насъ слово примиренія.*

Повторяетъ сказанное предъ симъ, по важности предмета, въ желаніи напечатлѣть его полнѣе и глубже. Яснѣе только изображаетъ образъ примиренія во Христѣ. Христосъ Господь *всѣ грѣхи наши вознесъ на тѣлѣ своемъ на древо* (1 Петр. 2, 24); рукописаніе ихъ взялъ Онъ отъ среды и пригвоздилъ ко кресту (Кол. 2, 14), такъ что для правды Божіей сихъ грѣховъ и съ ихъ рукописаніемъ будто уже и не существуетъ. Она вполне удовлетворена.

Людымъ остается только уклониться подъ сѣнь креста, чтобы правда Божія не видала на нихъ грѣховъ ихъ. Объ этомъ, говорить, мы теперь и толкуемъ всѣмъ, всѣхъ убѣждая и умолая: примиритесь съ Богомъ. „Видишь ли любовь Божию, говорить Св. Златоустъ, превосходящую не только всякое слово, но и всякій умъ? Кто первый былъ обиженъ? Богъ. Кто прежде пришелъ для примиренія? Онъ же. Но, скажешь, Онъ послалъ Сына, а не Самъ пришелъ? Да, Онъ послалъ Сына, но не одинъ Сынъ призвалъ насъ, а вмѣстѣ съ Нимъ и чрезъ Него дѣйствовалъ и Отецъ. Посему Апостоль и сказалъ: *Зане Богъ бѣ примиряя себѣ міръ во Христа*,—т.-е. чрезъ Христа. Онъ какъ бы говорить: не подумайте, что мы виновники сего дѣла, мы только служители: виновникъ же всего этого есть Богъ, примирившій съ собою вселенную чрезъ Единороднаго Сына своего. Какъ же Онъ примирилъ? Ибо удивительно не только то, что Онъ сдѣлался другомъ, но еще болѣе то, что такъ сдѣлался другомъ. Какъ же? Оставивъ имъ согрѣшенія. Ибо иначе бы не былъ другъ. Потому Апостоль и сказалъ далѣе: *не вмѣняя имъ прегрѣшеній ихъ*. А если бы Онъ захотѣлъ требовать отчета во грѣхахъ нашихъ, то всѣ мы погибли бы. Но при такомъ множествѣ грѣховъ нашихъ, Онъ не только не потребовалъ намъ наказанія, но и примирился съ нами; не только оставилъ грѣхи наши, но и не вмѣнилъ намъ. *И положивъ въ насъ слово примиренія*. Ибо не для того, говорить, мы пришли теперь, чтобы возвѣщать что-нибудь тяжкое и страшное, но чтобы содѣлать всѣхъ друзьями Богу. Поелику Мыѣ, говорить Господь, они не повѣрили, то вы не переставайте увѣщавать ихъ, пока не убѣдите.“

Ст. 20. *По Христѣ убо молимъ, яко Богу молящу нами: молимъ по Христѣ, примиритесь съ Богомъ.*

По Христѣ молимъ—*ὑπερ χριστου* *пресъвоумевъ*,—о Христѣ молимъ. Въ церковномъ языкѣ: *пресъвоумε ὑπερ χριστου*, моли о насъ. Такой оборотъ рѣчи, будто Апостолы молятъ всѣхъ за Христа не оставить дѣла Его, ради ихъ совершеннаго

чтобъ оно не оказалось безплоднымъ, или напрасно поднятѣмъ. *Яко Богу молящу нами*; молящу *παρακαλοῦντος*. Какъбы Самъ Богъ чрезъ насъ усердно просить и умоляетъ васъ. Ибо Богъ устроилъ намъ отпущеніе грѣховъ смертію Христовою, и всѣ другія вельдствіе того уготовалъ блага; уготовавъ же все, просить и умоляетъ чрезъ насъ придти и насладиться сими благами. Не только все устроилъ Богъ во спасеніе наше, по одной благодати; но до того простираетъ любовь Свою къ намъ, что одолженіемъ Себѣ считаетъ, если кто воспользуется тѣмъ въ свое собственное спасеніе. Такъ бываетъ, когда добрый домовладыка, приготовивъ пиръ, умоляетъ гостей пожаловать на пиръ, одолженіемъ себѣ считая, если они потребятъ все приготовленное: иначе оно пропало бы даромъ. Такъ и здѣсь Богъ все приготовилъ во Христѣ Иисусѣ и послалъ Апостоловъ просить всѣхъ воспользоваться сими благами въ свое спасеніе. Но *Христъ убо молимъ* — *ὑπερ χριστου δεομεθα* — тоже просимъ, молимъ за Христа, сдѣлайте Ему одолженіе, или удовольствіе, или честь, — вкусите блага, Имъ для васъ стяжаннаго. Какого? — *Примиритесь съ Богомъ*. Богъ во Христѣ примирилъ васъ себѣ; теперь вамъ предлежитъ вступить въ сіе примиреніе. Что же для этого нужно? *Покайтесь и вѣруйте во Евангеліе* (Мр. 1, 15). *Покайтесь, и да крестится кійждо васъ во имя Господа Иисуса во оставленіе грѣховъ: и пріимете даръ св. Духа* (Дѣян. 2, 38).

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „Смотри, до чего онъ возвысилъ рѣчь свою, введши самого Христа просящимъ о семъ, и не только Христа, но и самого Отца. Ибо смыслъ словъ его такой: Отецъ послалъ Сына Своего увѣщавать людей, и исполнить посольство отъ Его имени къ роду человѣческому. Но поелику Онъ, будучи умерщвленъ, отошелъ отсюда, то теперь намъ передано это посольство; потому и просимъ васъ отъ имени Христа и Отца Его. Для Него столь дорогъ человѣчeskій родъ, что предалъ за него Сына Своего, напередъ зная, что Онъ

будеть умерщвленъ, и сдѣлать насъ Апостолами для васъ. *По Христѣ убо молимъ*, т.-е. вмѣсто и отъ имени Христа, ибо намъ передана должность Его. Если же тебѣ это кажется увеличеннымъ, то послушай еще: далѣе онъ говоритъ, что они дѣлають сіе не только вмѣсто Его, т.-е. Христа, но и вмѣсто Отца; ибо для того и прибавилъ: *яко Богу молящу нами. Нами*,—ибо не чрезъ Сына только Богъ призываетъ людей, но и чрезъ насъ, которымъ предапо дѣло Его. Итакъ не думайте, говоритъ, чтобы мы васъ просили; самъ Христосъ чрезъ насъ просить васъ, и даже самъ Отецъ Иисуса Христа. Какая благодать можетъ быть выше сей благодати? Столь неблагодарно обиженный за безчисленныя благодѣянія отъ Него намъ данныя, Онъ не только не осудилъ насъ, но еще далъ Сына Своего, дабы примирить насъ съ Собою; и когда тѣ, къ которымъ Онъ пришелъ, не только не примирились, но и убили Его, Онъ послалъ другихъ посланниковъ для призванія, и чрезъ нихъ самъ просить. О чемъ же просить? *Примиритесь съ Богомъ*. Не сказалъ: примирите съ собою Бога; посліку не Богъ враждуетъ противъ насъ, но мы противъ Него. Богъ никогда не враждуетъ“.

Ст. 21. *Не въдвѣшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ*.

Вотъ сколько иждилъ Богъ, уготовляя призываемымъ пирь вѣры и любви, оправданія и святости. Апостоль какъбы говоритъ: есть изъ-за чего вамъ принять трудъ и придти! Видите, что приготовлено? Агнецъ непорочный закланъ; прійдите, вкусите и насытитесь правдою Божіею. Или такъ: все уже готово; грѣхи ваши сняты и подняты другимъ; вамъ остается только приступить и, получивъ отпущеніе грѣховъ, получить правду Божію. Вообще Апостоль этими словами хочетъ выразить, что со стороны Божіей все сдѣлано для вашего спасенія. Остается вамъ приступить.

Дѣло спасенія именуеть здѣсь Апостоль примиреніемъ. Выше онъ сказалъ уже, что Богъ во Христѣ міръ при-

мирилъ Себѣ. Здѣсь показывается, какъ Онъ это сдѣлалъ. *Не видѣвшаго грѣха*, говорить, *по насъ грѣхъ сотвори*. Невѣдѣвшаго грѣха, не только не сотворившаго и не помышлявшаго что грѣшное, но и не извѣдавшаго что есть грѣхъ, не испытывшаго прираженій грѣха, требующихъ борьбы. Ибо къ чистому не приражается нечистое. Такого-то Пречистаго Богъ за насъ сдѣлалъ грѣхомъ, т.-е. поступилъ съ Нимъ, какъ съ грѣшникомъ, какъбы Онъ самъ надѣлалъ всѣ тѣ грѣхи, въ которыхъ виновны всѣ люди въ совокупности. Черезъ это только и могла быть удовлетворена правда Божія. Она и удовлетворилась, и Богъ примирился съ людьми. Но въ этомъ только половина домостроительства спасенія. Надлежитъ еще людямъ усвоить себѣ сіе примиреніе Божіе и вкусить отъ плодовъ его. Но этому безъ участія людей состояться нельзя. Что Богъ во Христѣ міръ примирилъ себѣ, это Онъ сдѣлалъ и безъ людей. Но чтобы люди сдѣлались причастниками примиренія, для этого необходимо и ихъ соотвѣтственное дѣйствование. Вотъ почему говоритъ,—мы и взываемъ ко всѣмъ: *примиритесь съ Богомъ*. Ибо домостроительство спасенія не въ томъ только, что Богъ *не видѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори*, и тѣмъ примирилъ міръ Себѣ, но и въ томъ, чтобы мы сдѣлались *правда Божія о Немъ*. Этого Богъ не хочетъ производить могуществомъ силы своея. Здѣсь необходимо участіе свободной воли людей. Вотъ въ этомъ и заключается смыслъ нашего моленія: *примиритесь съ Богомъ*. Дѣлайте что отъ васъ зависитъ, вступайте въ союзъ мира, берите на себя условія примиренія, и тотчасъ станете *правда Божія о Христѣ Иисусѣ*. То-есть, покайтесь, увѣруйте во Евангеліе, дайте слово жить непорочно, приступите къ св. крещенію, примите даръ св. Духа. Когда все это совершится въ васъ и надъ вами, вы станете *правда Божія*, т.-е. содѣлаетесь не виѣшно праведными, а будете обладать внутреннею правдою, или правотою духа и святостію, правдою божескою или богоподобною.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „*Не вѣдѣшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори.* Еслибы Онъ ничего другаго не сдѣлалъ, но только бы сдѣлалъ сіе; то размысли, каково и сіе одно, что Онъ Сына своего предалъ за оскорбившихъ Его? А Онъ много еще другихъ благодѣяній сдѣлалъ для насъ, и сверхъ того еще не сдѣлавшаго никакой неправды осудилъ на страданія за неправедниковъ. Но Апостоль, обошедъ все прочія благодѣянія, упомянулъ одно только это, гораздо большее и важнѣйшее всѣхъ, то, что *невѣдѣшаго грѣха*, Того, Который есть самосущая правда, *по насъ грѣхъ сотвори*, т.-е. допустилъ Ему быть осужденнымъ, какъбы грѣшнику, и умереть, какъбы проклятому, потому что *проклятъ всякъ висѣя на древѣ* (Втор. 21, 23). Ибо умереть на дрѣвѣ гораздо болѣе значило, нежели умереть просто, на что указывая въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ: *послушми въ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 8). Такая смерть не только вмѣнялась въ наказаніе, но и въ безчестіе. Итакъ размысли, сколь много даровалъ тебѣ Богъ. Ибо великое дѣло, когда и грѣшникъ умираетъ за кого нибудь; но когда праведникъ страдаетъ такимъ образомъ и умираетъ за грѣшниковъ, и не просто умираетъ, но умираетъ какъ злодѣй; и не только вмѣняется со злодѣями, но еще своею смертію даруетъ намъ великія блага, которыхъ мы и не ожидали, ибо говоритъ: *да мы будемъ правда Божія о Немъ*: то какое слово, какой умъ можетъ достойно обнять и изобразить сіе? Ибо Праведника, говоритъ, сдѣлалъ Богъ грѣшникомъ, дабы грѣшниковъ сдѣлать праведными. Но Онъ и не то еще сказалъ, а гораздо болѣе: ибо поставилъ сего Праведника не только наряду съ грѣшниками, но и съ самымъ грѣхомъ, ибо сказалъ: не грѣшника, но *грѣхъ* Его *сотвори*; и не только не согрѣшившаго, но и *не вѣдѣшаго грѣха*, да и *мы будемъ*, не сказалъ—праведными, но *правда*, и *правда Божія*. И дѣйствительно сія правда есть Божія, когда мы оправдываемся не отъ дѣлъ, но благодатію, которая одна всякій

грѣхъ уничтожаетъ. А сіе вмѣстѣ и отъ гордости насъ удерживаетъ, когда все намъ даровано отъ Бога, и показываетъ всю важность дарованнаго намъ. Ибо первая правда отъ закона и дѣлъ; а сія послѣдняя *Божія правда*“.

Гл. 6, ст. 1. *Споспѣшествующе же и молимъ, не тоще благодать Божію пріяти вамъ.*

Выше была рѣчь о томъ, какъ Апостолы по Божію повелѣнію ходятъ всюду и всѣхъ умоляютъ вступить съ Богомъ въ завѣтъ мира, Имъ во спасеніе ихъ устроенный. Теперь слово его обращается ко вступившимъ уже въ сей завѣтъ, къ тѣмъ, кои уже увѣровали, покаядлись, крестились и приняли даръ св. Духа. Онъ говоритъ какъ бы: мы не только приглашаемъ вступить въ завѣтъ мира съ Богомъ, но и тѣхъ, кои уже вступили, не оставляемъ, а продолжаемъ заботиться о нихъ, умоляя ихъ, чтобы, сподобясь столь великой благодати, они прочее держали себя достойно ея, чтобы она не была тщетно ими принята, но принесла и достойные ея плоды. Не то важно, чтобы вступить только въ сей завѣтъ и принять сопряженную съ нимъ благодать, но то особенно, чтобы въ точности исполнить условія сего. „Итакъ послушайте насъ, и не напрасно предлагаемую вамъ благодать примите; т.-с. дабы не подумали, что примиреніе состоитъ только въ томъ, чтобы вѣровать въ Призывающаго,—Онъ требуетъ еще исправленія жизни. Ибо, получивши прощеніе грѣховъ, и примирившись съ Богомъ, жить по прежнему, есть тоже что снова начинать вражду и напрасно принимать благодать. Благодать не спасетъ насъ при нечистой и безчестной жизни; напротивъ, еще болѣе повредить намъ и усугубить грѣхи наши, если мы послѣ такого познанія и дара возвратимся къ прежнимъ беззаконіямъ. Впрочемъ Апостоль ясно не говоритъ сего, чтобы не сдѣлать слова своего тяжкимъ; а говоритъ только, что иначе мы не получимъ никакой пользы“ (Св. Златоустъ).

При такой мысли о содержаніи сего текста, слово: *споспѣшествующе*, *συνεργουντες*, можетъ имѣть и такое

значеніе: продолжая свое дѣло и свой трудъ, молимъ васъ и о томъ, чтобъ не вотще была принята вами благодать. Выходить „*споспѣшествующе*—вамъ; ибо мы, говоритъ, помогаемъ болѣе вамъ, нежели Богу, отъ Котораго мы посланы. Онъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды; все спасеніе принадлежитъ вамъ. Впрочемъ симъ не отвергается то, что Апостолы были споспѣшники и Богу, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *Богу есмы споспѣшницы*“ (1 Кор. 3, 9) (Св. Златоустъ). Такъ и Θεодоритъ: „даетъ знать, что посольствующіе содѣйствуютъ имъ, умоляемымъ, воспользоваться божественною благодатію и домостроительство не сдѣлать напраснымъ и тщетнымъ, если покажутъ жизнь свою противоположноному“. Теофилактъ то и другое допускаетъ, полагая, что Апостоль говоря: *споспѣшествующе*, разумѣлъ споспѣшествованіе и Богу, и людямъ. „Споспѣшествуемъ, говоритъ, мы и вамъ, и Богу: вамъ, да спасетесь; Богу, да исполнится желаніе Его спасать насъ“.

Ст. 2. *Глаголетъ бо: во время благоприятно послушахъ тебе, и въ день спасенія помогахъ ти: се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія.*

Продолжаетъ убѣждать, чтобъ не дѣлали тщетною принятой благодати. Спѣшите, говоритъ, пользоваться временемъ; теперь оно очень благоприятно спасенію; если пропустите, погибнете. Время, разумѣетъ онъ, время сей жизни для каждаго, и время до втораго пришествія для всѣхъ людей. Такъ Св. Златоустъ: „не предавайтесь безпечности, старайтесь всячески угодить Богу и собирать сокровища духовныя; дабы послѣ толикаго Божія попеченія, предавшись безпечности и не показавши ничего добраго, не лишиться вамъ столь великихъ благъ. Не думайте, чтобы это умаливаніе продолжалось вѣчно. Оно продолжится только до втораго пришествія Господня. Онъ будетъ умолять и призывать, доколѣ только мы здѣсь находимся, а послѣ сего—судъ и мученіе. Сіс-то, говоритъ, и побуждастъ насъ умолять васъ. Онъ возбуждаетъ вѣрую-

щихъ не только обиліемъ и высокою благъ и чловѣколюбіемъ Божіимъ, но и краткостію времени, и не только краткостію даннаго времени, но и тѣмъ, что сіе только время и благопріятно для спасенія. *Се нынѣ*, говоритъ, *время благопріятно, се нынѣ день спасенія*. Не будемъ же терять благопріятнаго времени, но покажемъ достойное данной намъ благодати попеченіе. Потому, говоритъ, и мы сами спѣшимъ, зная краткость благопріятнаго времени. *Время благопріятно*. Какое это время? Время дара и благодати, въ которое не отчета въ грѣхахъ требуютъ, и не осужденіе произносятъ, но съ прощеніемъ грѣховъ предлагаютъ и безчисленныя блага къ наслажденію, оправданіе, освященіе и всѣ другія. Сколько надлежало трудиться, чтобы получить такое время? Но вотъ безъ всякаго съ нашей стороны труда пришло это время, неся съ собою оставленіе всѣхъ прежде бывшихъ грѣховъ. Посему и называетъ его благопріятнымъ; потому что Господь принимаетъ нынѣ и величайшихъ грѣшниковъ, и не только принимаетъ, но еще удостоиваетъ ихъ высочайшихъ почестей. Ибо въ пришествіе царя не суда время, но милости и спасенія. Потому опять и называетъ время благопріятнымъ, доколѣ мы находимся въ подвигѣ, доколѣ дѣлаемъ въ виноградникѣ, доколѣ остается единадесятый часъ. Итакъ приступимъ къ подвигу, покажемъ жизнь добродѣтельную; ибо легко и удобно получить награду подвизающемуся въ такое время, въ которое излились толикіе дары, толика благодать. И у земныхъ царей, во время торжествъ, когда они являются въ царскихъ одеждахъ, и мало потрудившійся получаетъ великіе дары; а въ то время, когда они судятъ, большая требуется исправность и великое усиліе, чтобы получить что-нибудь. Посему и мы будемъ подвизаться въ столь благопріятное нынѣ время, въ которое все даютъ даромъ. Ибо нынѣ время благодати, Божіей благодати, въ которое легко можемъ получить вѣнцы. Ибо если обремененныхъ толикиими грѣхами принялъ и простилъ насъ Богъ: то не

тѣмъ ли паче приметъ насъ, прощенныхъ уже, и когда привносимъ нѣчто и отъ своего произволенія“.

Этотъ урокъ приводитъ Апостоль въмѣстѣ съ пророческимъ словомъ. Наши толковники не останавливаются вниманіемъ на словахъ пророка, а берутъ прямо общую мысль текста и ее разъясняютъ. Изъ этого видно, что поймемъ ли мы, какъ слѣдуетъ, слово пророка, тамъ, въ теченіи пророческой рѣчи, и здѣсь въ теченіи рѣчи Апостольской, или не поймемъ,—урокъ Апостола останется въ равной силѣ. Апостоль беретъ слова пророка Исаи, 49, 8. *Глаголетъ бо.* Кто глаголетъ? У пророка Исаи прямо стоитъ: Господь. *Тако глаголетъ Господь.* Къ кому у пророка Господь обращаетъ рѣчь? Къ тому, о которомъ выше сказалъ Опъ: *се дахъ тя въ завѣтъ рода, во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе, даже до послѣднихъ земли* (—6). Очевидно, что здѣсь говорится о Христѣ Иисусѣ, Господѣ Спасителѣ. Приведенныя Апостоломъ слова также читаются и у пророка: *во время благоприятно послушахъ тебе и въ день спасенія помогахъ ти.*—*Послушахъ* предполагаетъ молитву отъ лица Спасителя къ Богу Отцу, а *помогахъ* услышаніе молитвы и дарованіе всего просямаго. Когда это Господь Спаситель такъ крѣпко молился, что предуслышано было то и духомъ пророческимъ? Объ этомъ тотъ же Апостоль говорить: *уже во днѣхъ плоти своея, моленія же и молитвы къ могущему спасти его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами принесъ, и услышанъ бывъ отъ благоговѣнства* и проч. (Евр. 5, 7). Изъ этого видно, что пророкъ временемъ благоприятнымъ и днемъ спасенія называетъ то время, когда Сынъ Божій, воплотившись и пострадавъ, тѣмъ самымъ отверзъ всѣ сокровищницы Божественной благодати къ роду человѣческому. Крестная смерть была молитвою Его и моленіемъ, не словомъ, но дѣломъ, и она привлекла всѣ милости къ намъ Божіи. Ходатайственная молитва сія, начавшись, не прекращается, а стоитъ, и воплемъ крѣпкимъ всегда восходитъ къ Богу о милостяхъ къ намъ. Отсюда время

благопріятно и день спасенія есть все время, пока будетъ имѣть силу сіе ходатайство, а прекратится оно тогда уже, когда единый Ходатай вмѣсто ходатайства придетъ судить; все время отъ перваго пришествія Христова до втораго— время устроенія царства Христова на землѣ, царства благодатнаго. Пророческое указаніе именно на это очень ясно; ибо онъ говоритъ послѣ: *помогахъ ти—еже устроить землю, и далѣе: глаголюща сущимъ во узахъ изыдите, и сущимъ во тмѣ открьйтеся. Сущи во узахъ суть опутанные грѣхами, а сущи во тмѣ—погруженные въ мракъ невѣдѣнія. Апостолы не что другое и дѣлали, какъ отъ лица Христа Спасителя всюду разносили свободу отъ узъ грѣха и просвѣщеніе свѣтомъ Божественнаго вѣдѣнія. Потому св. Павелъ не могъ не увидѣть въ своемъ времени точнаго исполненія пророческаго слова. Онъ говоритъ какъбы: настало прореченное пророкомъ благопріятное время; спѣшите имъ воспользоваться; ибо если есть благопріятное время, то значить, что есть и не благопріятное; а кто можетъ сказать, когда оно настанетъ?! *Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія.* А завтра можетъ быть ужъ и нельзя будетъ сказать такъ. Итакъ не отлагайте.*

б).

Какъ способствовали Апостолы къ тому, чтобы върущіе не вотще пріяли благодать? 6, 3—10.

Ст. 3. *Не едино ни въ чемъже дающе претыканіе, да служеніе безпорочно будеть: но во всемъ представляюще себе якоже Божія слуги.*

Мы свое дѣло, говоритъ, дѣлаемъ, какъ должно, со всѣмъ усердіемъ. Чтобъ способствовать вамъ къ преспѣванію въ благодатной жизни, мы съ своей стороны все употребляемъ; не словомъ только убѣждаемъ васъ, но и такъ себя держимъ, чтобъ не только не послужить кому въ претыканіе, а напротивъ всѣмъ представить въ себѣ обра-

зецъ, какъ слѣдуетъ жить слугамъ Божиимъ. Смотри на насъ, никто не можетъ основательно подумать, что мы не слуги Божіи, и слѣдовательно заподозрить слово наше въ истинѣ. Питая же убѣжденіе въ неложности слова нашего и принимая его какъ совершенно истинное, вы въ этомъ имѣете побужденіе къ вѣрному исполненію его; а какъ его исполнять, этому научить васъ наша жизнь. Св. Златоустъ говоритъ: „Поелику Апостоль имѣетъ обыкновеніе самого себя выставляетъ на среду, чтобы съ него брали примѣръ; то онъ дѣлаетъ сіе и здѣсь, говоря: *ни едино ни въ чемъже дающе претыканіе, да служеніе наше безпорочно будетъ*. Онъ заимствуетъ убѣжденіе не отъ времени только, какъ сдѣлалъ выше, но и отъ примѣра тѣхъ, которые подвизались, какъ должно. И смотри, какъ скромно сіе дѣлаетъ. Не сказалъ: смотрите на насъ, а мы таковы-то; но какъбы защищаясь противъ обвиненія, исчисляетъ свои подвиги и добродѣтели. Онъ полагаетъ два отличительныхъ признака безпорочной жизни: первый—*ни едино ни въ чемъже дающе претыканіе*; не сказалъ: обвиненіе, но, что гораздо маловажнѣе, *претыканіе*, т.-е. никому не подавая и повода къ клеветѣ и укоризнамъ противъ насъ,—*да служеніе наше безпорочно будетъ*, чтобы кто не сталъ порицать сего служенія; и не сказалъ опять: чтобы кто не сталъ порицать или обвинять, но чтобы оно и случайнаго повода не подавало къ тому, чтобы кто-нибудь могъ порицать оное въ чемъ-нибудь“.

„Второй признакъ: *но во всемъ представляюще себе яко Божія слуги* (ст. 4), что гораздо выше предыдущаго. Поелику не одно и то же быть свободну отъ обвиненія, и устроить себя такъ, чтобы изъ всего видно было, что мы Божіи слуги. Равно, иное дѣло избѣжать порицанія, и другое—быть похваляему. Не сказалъ: показывая себя (φαινομένην являясь по видимости), но *представляюще себе* (συνιστάμενην), т.-е. на дѣлѣ и отъ сердца представляя себя или состоя такими. Далѣе говоритъ и о томъ, какимъ образомъ они сдѣлались таковыми. Какимъ же?“

„Въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ. Терпѣніе онъ положилъ основаніемъ благъ; почему и не просто сказалъ: въ терпѣніи, но въ терпѣніи мнозѣ, дабы показать мѣру и пространство онаго: ибо претерпѣть одну какую-либо бѣду, или двѣ, еще не великое дѣло; потому и перечисляетъ множество скорбей и искушеній, говоря: въ скорбехъ, въ бѣдахъ“.

Въ скорбехъ, не въ такихъ случаяхъ, которые тяготятъ только внѣшно, но въ такихъ, которые сердце поражаютъ и уязвляютъ, и суть истинно болѣзненные прискорбности. Въ бѣдахъ, *κλιμακας*, въ нуждахъ и крайностяхъ, отъ которыхъ скорбное еще болѣе чувствуется скорбнымъ. „Крайность напрягаетъ скорбь, представляя зло, гнетущее чело-вѣка, неизбѣжнымъ“ (Θеофилактъ). „Ибо скорбь обыкновенно усиливается, когда нельзя уклониться отъ несчастій, и какъбы неизбѣжная какая необходимость требуетъ зло-страданій“ (св. Злат.).—Въ тѣснотахъ. Тѣснота—последняя степень крайности; зло охватило и гнететъ, подобно звѣрю схватившему добычу. Разумѣть „тѣсноту отъ голода и необходимыхъ потребностей, или просто тѣсноту искушеній вообще“ (св. Злат.), „такое скорбное положеніе, изъ котораго не представлялось удобнаго выхода“. (Экум.)

Ст. 5. Въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніихъ, въ труднхъ, во бдѣніихъ, въ пощеніихъ.

Въ ранахъ, конечно отъ ударовъ. До времени написанія сего извѣстны побіеніе Апостола камнями въ Листрѣ (Дѣян. 14, 19), которое не могло обойтись безъ ранъ, и біеніе его палками въ большомъ количествѣ ударовъ въ Филиппахъ (—17, 22. 23). Самъ же онъ о себѣ свидѣтельствуемъ, что отъ іудей пять разъ по 39 ударовъ было ему дано, и что три раза битъ былъ палицами (2 Кор. 11, 24. 25).—Въ темницахъ. Побивши его палками довольно въ Филиппахъ, вмѣстѣ съ Силою бросили въ темницу; и вообще, какъ самъ говоритъ, въ темницахъ приходилось ему быть излиха (1 Кор. 11, 23).—Въ нестроеніяхъ, *ακαταστασιας*, когда поднималось противъ него гоненіе, съ

шумомъ и смятеніемъ, заставлявшими его бѣгать изъ одного мѣста въ другое. Большою частію такія бури поднимали противъ него іудеи. Такъ было въ Иконіи (Дѣя. 14, 5), въ Солунѣ (—17, 5), въ Веріи (—13) и въ самомъ Коринѣ къ концу его тамъ пресбыванія (—18, 12). Св. Златоустъ говоритъ: „И каждое изъ сихъ (трехъ) искушеній въ отдѣльности тяжело: тяжело терпѣть бичеваніе, тяжело быть въ узахъ, и не имѣть покоя отъ гоненій тяжело: ибо то значить *въ нестроеніихъ*; но когда всѣ сіи скорби и всѣ вмѣстѣ постигаютъ, подумай, какая для сего потребна душа“!

Въ трудѣхъ: тяжелѣйшіе труды—путешествіе, большою частію пѣшкомъ; затѣмъ труды—работа для содержанія себя и своихъ; и ученіе требовало труда, и заведеніе порядковъ въ новоустрояемыхъ христіанскихъ церквахъ.—*Въ бдѣніихъ*, когда ночи проводилъ въ молитвахъ, или бесѣдѣ съ новообращенными. Такъ въ Филиппахъ онъ съ Силою около полуночи молясь воспѣвалъ Бога (Дѣян. 16, 25), а потомъ занялся наставленіемъ и крещеніемъ темничника со всѣмъ домою и всю ночь провелъ не смыкая глазъ. Такъ потомъ въ Троадѣ простеръ слово до полунощи; по оживленіи же падшаго съ окна Евтиха юноши, бесѣдовалъ до разсвѣта, пока пришелъ часъ выдти изъ города (—20 7. 11). Тоже конечно бывало и во всѣхъ другихъ мѣстахъ. *Въ пощеніихъ*, когда не по недостатку не принималъ пищи, а добровольно лишалъ себя оной, въ пособіе къ молитвѣ и умилоствленію Бога, для приготовленія къ какой-либо борьбѣ съ ложью и заблужденіемъ. Пощеніе—сильное средство нравственное и многоцѣнный подвигъ предъ очами Божіими. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь къ внѣшнимъ (невольнымъ) скорбямъ присовокупляетъ онъ и тѣ, которыя отъ него собственно зависѣли, указывая на труды, которыми обременялъ себя, переходя съ мѣста на мѣсто, и дѣлая своими руками; на тѣ ночи, въ которыя училъ, или трудился для себя, и въ то же время не забы-

вая и поста, хотя одни сіи подвиги стоили не одной тысячи постовъ“.

Ст. 6. *Во очищеніи, въ разумъ, въ долготерпѣніи, въ благодати, въ Дусъ святъ, въ любви нелицемѣрнъ.*

Въ очищеніи, ἐν αἰσθησὶ, въ чистотѣ, въ непорочности. „Здѣсь онъ разумѣетъ или цѣломудріе (тѣлесное и сердечное), или чистоту во всемъ (нравственную, чистоту побужденій, вообще чистоту совѣсти), или нелюбостязательность (Феофил. недаропріемность корыстную), или то, что онъ и Евангелис проповѣдывалъ даромъ“ (св. Златоустъ).—*Въ разумъ, ἐν γυνώσει, въ вѣдѣніи* Божественныхъ вещей, все ясно видаемъ и сильномъ разрѣшать всякое недоумѣніе. Св. Златоустъ спрашиваетъ: что такое *въ разумъ*? И отвѣчаетъ: „въ мудрости отъ Бога нисходящей, которая истинно есть вѣдѣніе и разумѣніе. Мнимые мудрецы, хвалящіеся внѣшнимъ образованіемъ, не имѣютъ сего разумѣнія“.—*Въ долготерпѣніи, ἐν μακροθυμίᾳ, въ великодушіи, которое при всѣхъ непріятностяхъ со стороны другихъ не теряетъ мирнаго и добраго къ нимъ расположенія.* „Это важное свидѣтельство мужественной и благородной души—великодушно переносить пораженія и удары, отсюду наносимые“ (св. Злат.). „Адамантовой душѣ свойственно, когда отсюду огорчаютъ и уязвляютъ, не только благодушно переносить то, но и благожелательствовать оскорбителямъ“ (Феофилактъ).—*Въ благодати, ἐν χρηστότητι, въ благосердіи, когда имѣютъ милостивое ко всѣмъ сердце, готовое всякому сдѣлать всякое добро, всякую скорбь отгнать, всякую бѣду отвратить,—сердце, не могущее видѣть равнодушно ни нужды, ни скорби другаго, и успокоиться, пока не истощитъ всѣхъ средствъ и не облегчитъ участи его.*

Въ Дусъ святъ, не въ общей только всѣмъ христіанамъ благодати св. Духа, но въ той, которая преизобильно исполняла Апостоловъ, сообщая имъ все благопотребное для утвержденія вѣры Христовой на землѣ. Этимъ объемлется вся полнота дарованій духовныхъ апостольскихъ.

Отъ ней и всѣ неисчисленныя подвиги и добродѣтели и всякій успѣхъ въ распространеніи вѣры. Св. Златоустъ говорить: „Черезъ Него, говоритъ (т. е. чрезъ Духа святаго), мы все сіе совершаемъ. Но смотри, гдѣ онъ поставилъ помощь отъ святаго Духа,—послѣ уже исчисленія своихъ подвиговъ. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ показать симъ что-нибудь особенное. Что же такое? Справедливо, говоритъ, что мы обильно исполнены Духа святаго, и свое Апостольство не менѣе оправдываемъ и тѣмъ, что удостоились духовныхъ дарованій; впрочемъ и сами, говоритъ, были небезучастны въ этомъ: наши усилія, труды и подвиги давали просторъ благодати Божіей дѣйствовать чрезъ насъ. Если же кто думаетъ, что сверхъ сказаннаго Апостоль выражаетъ сими словами еще то, что они, въ употребленіи даровъ благодатныхъ не подавали никому никакого соблазна: думаю, и тотъ не погрѣшитъ противъ смысла. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ Коринѳянь, получивъ даръ языковъ и возгордившись тѣмъ, подали поводъ къ осужденію себя: ибо получившій духовныя дары можетъ и злоупотребить ими. Но мы, говоритъ, не таковы, мы пребыли безпорочными въ Духѣ, т. е. въ дарованіяхъ духовныхъ“.—*Въ любви немилосерднъ*. Любовь—всеобъемлющая добродѣтель; и всѣ вышесчисленныя добродѣтели и подвиги изъ ней истекають, какъ изложилъ это Апостоль въ первомъ посланіи, гл. 13. Она изливается въ сердца Духомъ святымъ; почему и поставлена у Апостола тотчасъ послѣ словъ: *въ Дусъ святъ*. Что прибавилъ: *немилосерднъ*, затѣмъ прибавилъ, чтобъ отличить ее отъ дѣлъ любви, являемыхъ въ видимой дѣятельности. Дѣла любви можно совершать по самопринужденію разумному, благонамѣренному, или неблагонамѣренному; и путь къ стяжанію любви есть произвольный трудъ въ дѣланіи дѣлъ любви, пока наконецъ благодать Духа преисполнитъ его все сердце. Объ этомъ послѣднемъ и говоритъ Апостоль, что не дѣла только его видимыя любовны, а само сердце его полно любви. „Вотъ что

было виною всѣхъ благъ, имъ приобрѣтенныхъ; вотъ что сдѣлало его таковымъ, и сохраняло въ немъ Духа, дѣйствіемъ котораго все у него приходило въ совершеніе“ (Св. Златоустъ).

Ст. 7. *Въ словеси истины, въ силу Божію, оружіи правды десными и шуми.*

Въ словеси истины, въ истинномъ словѣ, такомъ, въ которомъ не было ни обмана, ни поддѣлки, ни лести, ни лукавства. Какъ приняли, какъ убѣждены, такъ и передаемъ, въ полномъ сознаніи, что передаемъ точно безъ всякой примѣси. „Объ этомъ онъ часто упоминаетъ, т.-е. что мы возвѣщаемъ слово Божіе безъ обмана и безъ поддѣлки“ (св. Злат.).—*Въ силу Божію.* Словами: *въ Духъ святъ* означалъ вообще всю полноту апостольскихъ дарованій; здѣсь же означаетъ преимущественно знаменія и чудеса, сопровождавшія проповѣдь Евангелія. Явленіе силы Божіей такъ было неотъемлемо отъ слова истины, что безъ него сіе послѣднее укорениться не могло бы въ умахъ и сердцахъ человѣческихъ. Оно возбуждало и укореняло вѣру; слово же сказывало только, чему вѣровать должно. Изложеніе предметовъ вѣры, какъ ни будь ясно и сильно, не всегда сильно пораждаетъ вѣру. Одна сила Божія въ знаменіяхъ при словѣ побуждала умы и сердца и преклоняла ихъ къ вѣрѣ. Теофилактъ пишетъ, что словами: *въ силу Божію*, Апостоль хотеть сказать: „въ проповѣди Евангелія и успѣхахъ его ничего нѣтъ моего, все здѣсь совершалось силою Божіею, знаменіями и чудесами, карающею или благодѣющею силою“. Св. Златоустъ разумѣетъ здѣсь всякую вообще сверхъестественную помощь Апостолу и въ жизни, и въ проповѣди, и въ трудахъ: „Какъ всегда онъ поступаетъ, т.-е. ничего не относитъ къ самому себѣ, но все усвоетъ Богу и Ему приписываетъ всѣ свои дѣйствія: такъ дѣлаетъ и здѣсь. Онъ усвоетъ Духу святому и Богу и то, что возвѣщалъ великія истины, и то, что проводилъ жизнь неукоризненную во всемъ, и показывалъ въ себѣ высокую мудрость: ибо все это было

необычайно. Если и въ тишинѣ живущему трудно сдѣлаться добродѣтельнымъ и непорочнымъ; то размысли, какая должна быть душа у того, кто и обуреваемый столь многими скорбями, всегда сіяль, какъ солнце. И не то только удивительно, что онъ пребыль безпечаленъ, обуреваемый толикими волнами, и мужественно переносилъ все, но еще то, что все сіе переносилъ съ радостію.—*Оружіи правды десными и шуми. Оружіи, δια των οπλων.* Предлогъ перемѣненъ, но смыслъ рѣчи все тотъже. Апостоль продолжаетъ указывать, въ чемъ и какъ представляли они себя истинными служителями Божиими. Такими мы представляли себя, говорить, и въ употребленіи оружіи правды десныхъ и шумихъ. Онъ представляетъ себя силою Божіею воодушевленнымъ воителемъ и борцемъ. Воинъ, выступая на борьбу, беретъ одни орудія въ правую, другія въ лѣвую руку,—въ лѣвую напр. щитъ, въ правую мечъ, копіе,—и когда начнется бореніе, употребляетъ то тѣ, то другія, какъ лучше и пригоднѣе. Есть такія же орудія и у правды: одними она защищаетъ себя, другими поражаетъ враговъ своихъ. Апостоль говоритъ: и защитительныя и поражающія враговъ правды орудія употребляли мы такъ, что чрезъ это представляли себя слугами Божіими. Правдою онъ называетъ свое правое дѣло—вѣру Христову, домостройство спасенія имъ всюду вводимое и утверждаемое; оружіями—и свое слово, и свои труды, и всякую помощь свыше. По всему, чѣмъ мы защищали правое дѣло Божіе, и чѣмъ поражали ложь, нечестіе и развращеніе, всѣмъ давали мы видѣть, что мы слуги Божіи. Оружія десныя и шумія тоже что всестороннія оружія.

Ст. 8. *Славою и безчестіемъ, гажденіемъ и благоваленіемъ: яко лестцы, и истинни.*

Славою и безчестіемъ. И когда случалось что прославлявшее насъ, и когда случалось что покрывавшее насъ въ глазахъ другихъ безчестіемъ. Въ Листрѣ напр. св. Павель съ Варнавою исцѣлили хромаго; и всѣ сбѣжались, чтобы воздать имъ честь будто богамъ. Это къ славу.

Но тамъ же потомъ поднялось возмущеніе: св. Павла побили камнями и выбросили за городъ. Это къ безчестію и посрамленію (Дѣян. гл. 14). Тоже и въ Филиппахъ: св. Павла и Силу били всенародно палками,—это къ посрамленію; но потомъ все начальство городское идетъ къ нимъ въ темницу, извиняется и не гонить уже, а просить удалиться изъ города; это къ славѣ (Дѣян. гл. 16). Такъ, вѣроятно, повторялось и во многихъ другихъ мѣстахъ.— *Гаждснѣмъ и благохваленѣмъ, діὰ δυσφημίας καὶ εὐφημίας.* Разумѣются ходившія объ нихъ рѣчи и до нихъ доходившія. Одни хвалили, другіе злословили,—это и за глаза и въ глаза. Во всѣхъ, говорить, этихъ случайностяхъ, и когда хвалили насъ и злословили, и когда случалось что къ славѣ или безчестію нашему, мы держали себя какъ слѣдуетъ служителямъ Божиимъ, не возносились первыми и не падали въ духѣ отъ послѣднихъ. Св. Златоустъ говорить: „Что ты говоришь? Почитаешь за великое то, что пользуешься славою? Подлинно такъ, говорить. Почему же? Казалось бы терпѣть безчестіе великое дѣло; а для наслажденія славою требуется не великая душа? — Напротивъ, великая и весьма великая, чтобы пользуясь славою, не впасть въ гордость. Посему онъ тоже и также думаетъ и о славѣ, какъ и о безчестіи; ибо равно сіялъ въ томъ и другомъ случаѣ. А что безчестіе и злословіе сильно поражаютъ и благодушіе въ нихъ требуетъ мужественной души,—на это много свидѣтельствъ. Іеремія многія искушенія перенесъ великодушно, но когда злословили его, говорилъ: *не стану пророчествовать, и не вспомяну имени Господня* (Іер. 20, 9). И Давидъ часто жалуется на злословія. И Господь, утѣшая учениковъ своихъ, говорилъ: *егда поносятъ вамъ и рекутъ всякъ золь малоль на вы лжуще Мене ради: радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.* Онъ не положилъ бы такой награды, еслибы борьба сія не была тяжка. И для Іова раны и черви были сноснѣе, нежели укоризны друзей его (Іов. 19); ибо нѣтъ, нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ слово

уязвляющее душу. Многие изъ Іудеевъ не хотѣли вѣровать въ Господа только изъ опасенія лишиться славы въ народѣ; боялись не казней, но того, чтобы не выгнали изъ сонмища (Іоан. 12, 42). Посему и Господь говорилъ: *како вы можете стривати, славу другъ отъ друга пріемлюще* (Іоан. 5, 44)? И многихъ можно бы указать, которые превзошедъ всѣ искушенія, побѣждены были опасеніемъ потерять славу“. Въ какомъ величіи, потому, долженъ былъ представляться праведный характеръ св. Павла и другихъ Апостоловъ, когда они одинаково достойно званія своего держали себя *въ славу и безчестіи, въ гажденіи и благохваленіи!*

Яко лестцы и истинни. Опять новый оборотъ рѣчи; но значеніе сго все то же. Продолжаетъ Апостоль изображать, какъ всегда являли они себя достойными служителями Божиими; только какъ предъ этимъ сказалъ онъ о славѣ и безславіи, гажденіи и благохваленіи, то теперь проясняетъ это будто примѣрами, выставляя рядъ противоположностей, какими ихъ считали, и каковы были они на дѣлѣ. *Яко лестцы и истинни.*—*Лестцы* на сторонѣ злословящихъ, а *истинни* на сторонѣ благохвалящихъ (св. Злат.). *Лестцы*, *πλάνοι*, означаетъ тѣхъ, кои и сами заблуждаются, и другихъ вводятъ въ заблужденіе. Такъ думали о нихъ враги. Иконійскіе іудеи прибѣжали въ Листру и вооружили тамошнихъ противъ св. Павла и Варнавы, говоря: *они не говорятъ ничего истиннаго, а все лгутъ* (Дѣян. 14, 19). То же дѣлалось и въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ сущіе отъ истинны слушали ихъ (1 Іоан. 4, 6), и ничѣмъ нельзя было поколебать ихъ убѣжденія, что Апостолы и стоятъ въ истинѣ и проповѣдуютъ сущую истину. То и другое происходило на глазахъ Апостоловъ.

Ст. 9. *Яко незнаеми, и познаваеми, яко умирающе, и се живи есмы: яко наказуеми, а не умерщвляеми.*

Яко незнаеми и познаваеми. Одни говорили: не понимаемъ что за люди, или, взглянувъ на нихъ и увидѣвъ, какъ они непоказны, говорили: стоитъ ли обращать на нихъ

вниманіе, знакомиться съ ними и разузнавать, что они тамъ толкують. А другіе, напротивъ, тотчасъ узнавали ихъ и понимали, въ чемъ дѣло ихъ и къ чему ведетъ слово ихъ, прилѣплялись къ нимъ, начинали цѣнить ихъ высоко и считать лицами дорогими. Св. Златоустъ говоритъ: „для однихъ они были знаемы и достоуважаемы; для другихъ недостойны и того, чтобы знать ихъ“. — *Яко умирающе и се живи есмь.* Кажется св. Павелъ взялъ это съ дѣйствительнаго событія: ибо въ Листрѣ его побили камнями и вытащили за городъ, почитая его умершимъ; когда же ученики собрались около него, онъ всталъ (Дѣян. 14, 19. 20). Какъ не сказать послѣ этого: будто умеръ, и се живъ. Кромѣ того въ сколькихъ смертныхъ опасностяхъ онъ находился, о которыхъ онъ говорилъ: и жить не чаялъ, но Богъ избавилъ? (2 Кор. 1, 10). По минованіи ихъ и онъ самъ и другіе не могли не свидѣтельствовать: на волоскѣ была жизнь, и се живъ. Св. Златоустъ говоритъ: „*Яко умирающе*, т.-е. какъ приговоренные и осужденные на смерть. И это сказалъ онъ для того, чтобы показать и неизглаголанную силу Божію, и высоту терпѣнія ихъ. Смотри на то, говорить, какъ и до чего злобствовали противъ насъ враги наши, намъ непремѣнно надлежало бы умереть. Такъ всѣ и думали; но Богъ спасалъ насъ отъ гибели“. — *Яко наказуеми, а не умерщвляеми.* Это противоположеніе прибавлено въ объясненіе предыдущаго, почему такъ бываетъ, что вотъ-вотъ смерть, а мы все живы. Потому, говорить, что такія смертныя крайности Богъ попускаетъ на насъ не за тѣмъ, чтобы насъ смерти предать, а чтобы научить и вразумить, особенно убѣдить въ томъ, что намъ во всемъ слѣдуетъ полагаться на Его всемогущую десницу. Подобное исповѣданіе слышится и изъ устъ св. Давида: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя* (Пс. 117, 18). Такъ св. Златоустъ и всѣ наши толковники.

Ст. 10. *Яко скорбяще, присно же радующеся: яко нищи, а многи боляще: яко ничтоже имуще, а вся содер- жаще.*

Яко скорбяще, присно же радующесея. „Другіе, смотря на насъ, думаютъ, что мы скорбимъ; мы же напротивъ ощущасмъ самое высшее удовольствіе. Не просто сказалъ: *радующесея*, но прибавилъ: *присно*, т.-е. всегда, постоянно радуясь. Что можетъ сравниться съ такою жизнію, въ которой по мѣрѣ несчастій умножается и увеличивается радость?“ (Св. Златоустъ). Такъ было съ ними потому, что они носили въ себѣ Духа Утѣшителя, котораго первый по любви плодъ есть радость (Гал. 5, 22).

Яко нищи, а многи богатыше. Что Апостоль Павелъ никогда ничего не имѣлъ и былъ буквально нищъ, это всѣмъ всюду было извѣстно; но какъ онъ богатылъ многихъ? Если разумѣть это въ духовномъ отношеніи; то дѣйствительно онъ обогащалъ всѣхъ вѣрующихъ, которыхъ имъ обращено было много, и всѣ они сознавали себя богатыми духовно. Ибо и вѣдѣніемъ обогащались, и добродѣтелями, и силами благодатными. Если же разумѣть это въ вещественномъ отношеніи, то не другое что при этомъ приходитъ на мысль, какъ то, что онъ собиралъ милостыню и въ обилии доставлялъ ее іерусалимскимъ бѣднымъ вѣрующимъ. Обогащеніемъ это можно назвать потому, что для бѣднаго и то уже богатство, когда онъ имѣеть чѣмъ пропитаться. Но можетъ быть Апостоль указываетъ здѣсь на то, что за любовный пріемъ его дома небогатые Богъ благословляетъ богатствомъ. Хотя объ этомъ не замѣчено ни одного случая въ Дѣяніяхъ; но нельзя сомнѣваться, что такъ бывало. Ибо извѣстно, что нерѣдко Богъ благословлялъ дома ради святыхъ Божіихъ. Если ради ихъ бывало это, почему не допустить, что бывало это ради Апостоловъ? Въ подтвержденіе же этого можно взять настоящее слово Апостола, что всегда, говоритъ, былъ я бѣденъ, а многихъ обогатылъ, разумѣя подъ симъ то, что Богъ ради его обогатылъ многіе дома.

Яко ничтоже имуще, а вся содержаще. И это: *вся содержаще*, можно разумѣть и духовно, т.-е. что Апо-

стола богаты были Духомъ, и обладали всѣми духовными благами въ такомъ обиліи, что ихъ достало бы на всю вселенную: ибо носили Духа вседержительнаго. Можно понимать это и въ вещественномъ отношеніи, именно: вѣрующіе, чувствуя, какого блага духовнаго сподобились чрезъ ихъ служеніе, готовы были для нихъ сдѣлать все, такъ что имѣніе всѣхъ вѣрующихъ было будто въ рукахъ Апостоловъ, всѣ дома и всѣ сокровищницы для нихъ были открыты. Св. Златоустъ говоритъ: „И то можно относить къ ихъ богатству, что они чуднымъ нѣкоторымъ образомъ вездѣ имѣли всѣ дома для себя отверстыми. Если же тебѣ все еще кажется удивительнымъ, какъ возможно имѣть все тому, кто ничего не имѣетъ; то я представляю въ примѣръ самого св. Павла, который имѣлъ великую власть надъ цѣлыми народами, и былъ господиномъ не только ихъ имѣнія, но и самыхъ очей. *Аще бы было можно, писалъ онъ Галатамъ, очеса ваша извертывше дали бысте ми* (Гал. 4. 15). Итакъ что же это было, чѣмъ владѣлъ св. Павелъ, когда говоритъ: *яко ничтоже имуще, а вся содержаше?* Блага земныя и духовныя. Ибо кого какъ Ангела принимали города, для котораго готовы были, исторгнувъ, отдать очи свои, за кого готовы были положить свои головы, — какъ тотъ не былъ господиномъ и всего имъ принадлежащаго? — Если же хочешь видѣть его духовныя блага, то увидишь, что онъ и ими былъ богатъ. Ибо кто такъ близокъ былъ къ Царю всяческихъ, что Господь Ангеловъ сообщилъ ему сокровенныя тайны, тотъ какъ не превосходилъ всѣхъ и обиліемъ духовныхъ благъ, и какъ же не имѣлъ всего? Иначе какъ не повиновались бы ему демоны, не стали бы убѣгать отъ него съ такою посиѣшностію болѣзни и недуги“?

Св. Златоустъ заключаетъ это отдѣленіе такимъ наставленіемъ: „Все же сіе говоритъ Апостоль для того, чтобы научить насъ не смущаться человѣческими о насъ сужденіями, хотя бы насъ называли лстецами, хотя бы не хотѣли и знать о насъ, хотя бы считали насъ преступ-

никами, осужденными на смерть, хотя бы скорбящими, бѣдными, ничего не имѣющими; хотя бы полагали насъ находящимися въ уныніи и тогда, когда мы благодушествуемъ и радуемся, потому что и для слѣпыхъ солнце не свѣтитъ, и безумнымъ неизвѣстны удовольствія мудрыхъ. Одни только вѣрные и благочестивые умѣютъ справедливо цѣнить дѣла; и они радуются и скорбятъ не о томъ, о чемъ другіе. Еслибы кто, не имѣя никакого понятія о воинскихъ торжественныхъ играхъ, увидѣлъ бойца, хотя украшеннаго вѣнцемъ, но имѣющаго раны: то не зная того удовольствія, которое приноситъ бойцу вѣнецъ, конечно онъ сталъ бы думать только о томъ, какую тотъ испытываетъ болѣзнь по причинѣ ранъ. Такъ и тѣ знаютъ только то, что мы претерпѣваемъ; видятъ только борьбу и бѣдствія, но не видятъ наградъ, вѣнцевъ и воздаянія за подвиги. Посему и мы, если что несемъ для Христа, должны нести сіе не только мужественно, но и съ радостію. Постимся ли мы: будемъ веселы, какъ пиршествующіе. Терпимъ ли поношеніе: будемъ держать себя, какъ осыпаемые похвалами. Иждиваемъ ли имѣніе: постараемся быть въ такомъ расположеніи духа, какъ будто бы приращали оное. Отдаемъ ли что бѣднымъ: будемъ думать, что мы пріобрѣтаемъ. И не только при раздачѣ милостыни, но и во всякой другой добродѣтели помышлай не о суровости трудовъ, но о сладости наградъ; преимущественно же имѣй въ виду Господа нашего Іисуса Христа, для котораго предпринимаешь тѣ или другіе подвиги; отъ чего ты охотнѣе будешь выходить на подвиги, и въ удовольствіи проведешь все время жизни“.

Епископъ Теофанъ.

СЛОВА ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

СЛОВО ДЕВЯТОЕ.

1. Самый большой грѣхъ есть молиться безъ страха Божія, безъ благоговѣнія и вниманія. Допускающіе его не вѣдаютъ, какъ должно, Бога.

2. Для того, чтобы познать Бога, потребенъ божественный свѣтъ.

3. Всякій человѣкъ грѣшитъ умомъ, словомъ и дѣломъ. Чтобы охраниться отъ грѣховъ, надо прежде всего уврачевать умъ.

1. Нѣтъ грѣха больше, какъ молиться безъ страха Божія, безъ вниманія и благоговѣнія. Кто молится или поетъ псалмы просто, какъ попало, съ небрежностію и презорствомъ, тотъ явно не знаетъ что такое есть Богъ; не знаетъ и небрежничаетъ. Почему Богъ, отъ Коего исходитъ и отпущеніе грѣховъ, и всякое благо, хотѣлъ бы помиловать и его, но не можетъ, а паче гнѣвается. Лучше такому совсѣмъ не молиться, чѣмъ такъ молиться, т.-е. устами только. Душѣ не свойственно молиться устами, а умомъ, и тотъ, кто поетъ псалмы и молитвы творить, а умъ его не заключаетъ себя въ молитву которую онъ говоритъ, дѣлаетъ дѣло несообразное; почему подвигаетъ на гнѣвъ Бога, Которому молится. Какъ умъ видитъ и умъ слышитъ, такъ надобно, чтобы умъ же и молился посредствомъ устъ. Кто совсѣмъ не молится, тотъ не исполняетъ своего долга, и остается должникомъ Богу; но когда-нибудь онъ опомнится и можетъ испросить себѣ отпущеніе долга у Бога, коему долженъ. Тотъ же, кто молится кое-какъ, съ небрежностію, подвигаетъ на гнѣвъ самого долговъ рѣшителя-Бога, Коему молится; ибо таковой устами Богу

молятся, а умомъ съ бѣсами ведетъ бесѣду. Отъ кого же послѣ сего ожидать ему милости?

Итакъ надобно съ устною молитвою молиться Богу и умомъ. Но поелику невозможно, чтобы съ устами и умъ молился, если не получить онъ прежде просвѣщенія и воздѣйствія святаго Духа: то прежде всего другаго надобно попещись о томъ, чтобы пріять просвѣщеніе и благодать святаго Духа, дабы не молиться устами только и чрезъ то не быть въ опасности вмѣсто полученія милости отъ Бога, подпасть гнѣву Его. Ибо нѣтъ другаго грѣха, который бы такъ много прогнѣвлялъ Бога, какъ тотъ, когда кто устами молитвы Ему творить, а умомъ помышляетъ неумѣстное и срамное. Таковой умъ еще не возобладалъ Христомъ, и не хочетъ быть обладаемымъ отъ Него; и поелику не хочетъ, чтобы царствовалъ надъ нимъ Богъ, есть врагъ Царя-Христа (Лук. 19, 14).

2. Итакъ не подобаетъ молиться Богу безъ страха и благоговѣнія. Кто не имѣетъ страха и благоговѣнія, пусть испрашиваетъ прежде всего свѣта страха Божія, да вѣдаетъ, предъ сколь страшнымъ Богомъ предстоитъ онъ и молится, чтобъ удостоиться за то получить просимое. Ибо кто познаетъ, коль страшенъ есть Богъ, тотъ преисполнится и страхомъ Божиимъ, и страхъ Божій научитъ его достодолжной молитвѣ. Ктожъ не позналъ сего, тотъ во тмѣ и не умѣетъ молиться, какъ должно. Пока солнце еще не возсіяло и тма покрываетъ землю, кто можетъ видѣть хорошо вещи? И тотъ, кто прошелъ грамматику, риторику и философію и обогатился познаніемъ всего сущаго, не можетъ безъ свѣта прочитывать книгъ, въ которыхъ содержатся такія ученія, а новоначальный, который только приступилъ къ такому ученію, что можетъ увидѣть безъ свѣта, или чему можетъ научиться? Ничему. Такимъ же образомъ и душѣ всякой потребенъ сокровенный свѣтъ божественнаго вѣдѣнія, да видитъ и познаетъ и постигаетъ силу и значеніе божественныхъ словесъ псаломскихъ. Ибо сей сокровенный свѣтъ божественнаго вѣдѣнія есть

нѣкая мысленная сила—властная, которая окружаетъ и собираетъ подвижной умъ, отбѣгающій обычно туда и сюда, въ то время, когда слушаетъ или читаетъ божественныя оныя словеса, и держитъ его въ себѣ, да внимаетъ тому, что читаетъ или слушаетъ. Если же не войдетъ въ кого сей божественный свѣтъ, то онъ устами будетъ произносить или читать молитву, и ушами слушать, а умъ его будетъ оставаться безплоднымъ; и не только это, но онъ не будетъ стоять на одномъ, а будетъ кружиться тамъ и сямъ, и помышлять о томъ, о чемъ не подобаетъ, держа притомъ ту мысль, будто ему неотложно необходимо обдумать то, о чемъ думаетъ, и позаботиться о томъ, въ чемъ прельщается, не понимая, что состоитъ въ сие время работъ мысленнаго тирапа діавола, и имъ мысленно влачимъ бываетъ туда и сюда. Тѣмъ-то и бѣдственна и погубна эта болѣзнь, что, тогда какъ врагъ мой влачитъ туда и сюда мой собственный умъ, я думаю, что всѣ эти круженія моего ума, всѣ эти заботы и попеченія суть мои собственные и неотложно необходимы для меня. Вотъ первая и величайшая изъ всѣхъ болѣзней душевныхъ, для уврачеванія которой, яко первѣйшей, худшей и сильнѣйшей всякой другой болѣзни душевной, падлежитъ намъ подвизаться до пролитія крови. Ибо она препятствуетъ намъ молиться какъ должно и не позволяетъ молитвѣ нашей восходить прямо къ Богу; она есть большая и крѣпкая стѣна, которая мѣшаетъ уму нашему приближаться къ Богу, который есть вездѣ сый и вся исполняй. Сие омраченіе души есть начало кромѣшней тмы адской, и если не разгонитъ его Христось во всякомъ подвизающемся о спасеніи своемъ, то никто не узритъ Господа. Почему и Давидъ говоритъ: *Богомъ моимъ преиду тьму* (Пс. 17, 30). И Христось Господь, прогоняющій сію тму, возвѣщаетъ: *Азъ есмь свѣтъ міру*. (Іоан. 8, 12). Если не будетъ развѣянъ и изгнанъ изъ души сей мракъ прежде всякаго другаго зла, то тщетна вѣра всякаго такого христианина, тщетно именуется онъ именемъ вѣрующаго,

тщетны посты его и бдѣнія, тщетно трудится онъ, вопія въ псалмопѣніяхъ своихъ.

3. Если камни падають въ какой-либо тѣсный каналъ или трубу и загородятъ ихъ, то нельзя вынуть того камня, который на самомъ низу, ни того, который на срединѣ, ни даже того, который близко къ первому, если напередъ не вынешь этого перваго, а потомъ по порядку и другіе. Это же самое бываетъ и съ людьми. Тремя образами грѣшати люди: умомъ, словомъ и дѣломъ. Первый грѣхъ, грѣхъ умомъ, есть причина и всѣхъ тѣхъ грѣховъ, въ какихъ грѣшати словомъ и дѣломъ; ибо не умъ заканчиваетъ грѣхъ, а слово и дѣло заканчиваютъ, чтò изобрѣтаетъ умъ. Итакъ изъ этихъ трехъ, чему прежде и болѣе всего необходимо быть уврачевану отъ Христа? Очевидно, первому, т.-е. уму. Ибо когда уврачуется и освятится умъ, когда придетъ онъ въ доброе состояніе и не будетъ сносить, чтобъ сказано или сдѣлано было что-либо Богу неугодное, тогда душа будетъ охранена и отъ всякаго другаго грѣха. Итакъ сколько силъ есть, надлежитъ намъ подвизаться, да освятится Христомъ умъ нашъ, воспріявъ благодать святаго Духа. Для этого одного Христось, будучи Богъ, содѣлался человѣкомъ, для этого распялся, умеръ и воскресъ. Это, т.-е. освященіе ума, и есть воскресеніе души въ настоящей жизни, вслѣдствіе коего можно сподобиться и будущаго воскресенія тѣломъ къ славѣ и блаженству.

Потщимся же прежде всего исправить умъ свой, чтобъ онъ стоялъ (трезвенно въ себѣ), когда молимся, или читаемъ и изучаемъ божественныя Писанія. Ибо если не исправимъ ума, все другое тщетно, и душа наша никакого не воспріиметь преуспѣянія. Многіе, именующіеся христіанами и не сущіе таковыми воистину, не зная, что носятъ въ душѣ своей эту великую и страшную болѣзнь, впадаютъ въ тщеславіе и самопѣніе, думаютъ, что они выше другихъ братій, гордятся и превозносятся надъ однородными себѣ и презираютъ ихъ, когда эта болѣзнь

равняетъ ихъ со всѣми, ибо она обща всему роду человѣческому, какъ общи всѣмъ тлѣніе и смерть. Эта болѣзнь нерѣдко скорѣе врачуется въ простѣйшихъ и неученыхъ, нежели какъ въ ученыхъ и умудренныхъ наукою. Если скорѣе врачуются сіи простѣйшіе, то, очевидно, они лучше умудренныхъ, и ближе къ Богу, Коимъ прежде познаваемы бывають и просвѣщаются, а потомъ сами Его познають. Впрочемъ и каждому, по мѣрѣ исправленія ума его, дается мѣра вѣдѣнія, или познанія какъ самого себя, такъ и Бога, т.-е. поколику исправляется, освящается и просвѣщается умъ cadaго, потолику онъ познаетъ себя самого и Бога, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ДЕСЯТОЕ.

1) Богъ не немощнымъ создалъ въ началѣ человѣка, такъ чтобы онъ согрѣшилъ по немощи, какъ теперь грѣшитъ.

2) Иное есть грѣхъ Адама, а иное прочіе грѣхи, коими грѣшимъ мы нынѣ.

3) Что намъ даровано отъ Христа, и что есть грѣхъ.

4) Того ради Богъ содѣлался человѣкомъ, да упразднитъ дѣла діавола.

1) Разсудивъ о грѣхѣ, коимъ согрѣшилъ Адамъ, когда находился въ славѣ и наслажденіи райскомъ, никто не найдетъ, чтобы онъ сдѣланъ былъ по необходимости, или немощи, или по какой-либо благословной причинѣ, а лишь по одному презрѣнію заповѣди Божіей, по неблагодарности и отступничеству Адама, какое показалъ онъ въ отношеніи къ Богу, Создателю своему. Впрочемъ для него дано Богомъ мѣсто покаянію, да обрящетъ прощеніе, по двумъ слѣдующимъ причинамъ: первое, потому-что онъ не самъ по себѣ надумалъ злое, но былъ прельщенъ и введенъ въ заблужденіе совѣтомъ діавола; второе, потому что былъ облеченъ плотію: ибо Адамъ, яко тварь, былъ удобопремѣнителенъ, но не могъ впасть въ совершенное отступничество отъ Бога, какъ діаволь и послѣдовавшіе

ему демоны, не имѣвшіе плоти. Тѣмъ бѣлая оставлена человѣку надежда помилованія теперь, когда онъ обложенъ естественною нѣкою немощію, какую воспріяло человѣческое естество по паденіи, и по причинѣ коей грѣшитъ. Но это не можетъ оправдывать его грѣховъ, а должно лишь къ тому побуждать, чтобы съ чувствомъ благодаренія Богу за дарованіе мѣста прощенію, скорѣе прибѣгать къ Нему и испрашивать у Него прощенія и силы, — прощенія того, въ чемъ согрѣшилъ, потому что хотя онъ грѣшилъ по человѣческой немощи, но ему надлежало противостоять грѣху до смерти; силы, чтобы воспріять отъ Бога силу благодатію Христовою, не согрѣшать, а дѣлать одни добрыя дѣла, Богу угодныя.

2) Никто изъ насъ никогда не согрѣшалъ и не можетъ согрѣшить, какъ согрѣшилъ Адамъ; потому что никого не было и нѣтъ во всемъ ему равнаго, кто бы, т.-е. былъ, подобно ему, безбѣденъ, беспечаленъ, свободенъ отъ всякой естественной нужды. Ибо посмотри, какое наказаніе положено Адаму и роду его за преступленіе заповѣди въ раю, — алчба, жажда, озябаніе во время зимы, озноеніе во время лѣта; отсюда потребность пищи, питія, одежда и крова, для чего трудъ, преутружденіе и поты на всю жизнь. Далѣе же что послѣдуетъ? Нетерпѣливость по причинѣ всѣхъ показанныхъ нуждъ и противленіе опредѣленію Божію. Ибо всякій человѣкъ раждающійся въ настоящую жизнь, не зная, что всѣ такія временныя наказанія наложены на весь родъ человѣческой за преступленіе праотца нашего Адама, не съ благодарностію ихъ принимаетъ, а дерзко ропщетъ по причинѣ ихъ, и желая найти успокоеніе отъ нуждъ своихъ, лихоимствуетъ, ищетъ стяжевать болѣе потребнаго, похищаетъ чуждое, неправдствуетъ. И вотъ это-то наши суть грѣхи, т.-е. что не сносимъ терпѣливо временныхъ Божіихъ наказаній и не благодаримъ за нихъ, но, надымаясь будто враги Богу, идемъ нѣкоторымъ образомъ наперекоръ божественному оному опредѣленію, которое гласитъ: *въ потъ лица твоего*

*его смѣси хлѣбъ твой; всѣ силы напрягаемъ, чтобъ найти упокоеніе, и не находимъ, потому что нѣтъ возможности ускользнуть намъ отъ трудовъ и потовъ и этой подьярѣмости нуждѣ, что бы мы ни дѣлали. Потому счастливъ тотъ, кто съ благодарностію претерпѣваетъ эти временныя наказанія, исповѣдуя, что праведно осужденъ на нихъ за прародительскій грѣхъ. Ей, почиетъ онъ отъ трудовъ своихъ. Ибо по причинѣ этихъ наказаній всеблагій Богъ даровалъ людямъ смерть, чтобы почивали отъ нихъ на время переносящіе ихъ съ благодареніемъ, и потомъ были воскрешены и прославлены въ день суда, чрезъ новаго Адама, безгрѣшнаго Иисуса Христа и Бога, *Иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше* (Рим. 4, 25).*

3) Богъ, пришедши въ міръ и содѣлавшись человѣкомъ принесъ людямъ слѣдующія два великія блага,—соединилъ естество Божеское съ естествомъ человѣческимъ, чтобы человѣкъ содѣлался Богомъ, и въ этого человѣка, содѣлавшагося Богомъ по благодати, таинственно вселялась пресвятая Троица. Тотъ же, кто сподобился столь великихъ даровъ, какъ можетъ послѣ сего грѣшить, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ и евангелистъ: *всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ... и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. 3, 9)?

А грѣхъ что есть? Злая помышленія, слова и дѣла. Итакъ ничего такого не можетъ допустить въ себѣ тотъ, кто истинно сподобился благъ Божескаго вочеловѣченія, не можетъ допустить никогда, и если допустить хоть не много разъ, перестанетъ уже быть таковымъ. Кто помышляетъ иногда доброе, а иногда злое, кто ведетъ рѣчи иногда добрыя, а иногда злыя, кто дѣлаетъ иногда добрыя, а иногда худыя дѣла, тотъ подобенъ человѣку, который иногда идетъ въ храмъ Божій, а иногда въ капище идольское, иногда Богу поклоняется, а иногда демонамъ. Можетъ ли же быть таковымъ тотъ, въ комъ вселился Богъ?

Посему-то христіанину надлежитъ всегда и помышлять, и говорить, и дѣлать одно доброе: ибо, какъ говорить Господь, *домъ, раздѣливыйся на ся, не станетъ* (Мѡ. 12, 25). Но и то надлежитъ всегда памятовать, что невозможно, чтобы всегда были добры помыслы (отъ которыхъ обыкновенно рождаются подобныя имъ слова и дѣла), если въ умъ не вселится прежде Христось Господь, о чемъ и должно намъ подвизаться, сколько силъ есть, т.-е. чтобъ въ умъ нашъ вселился Христось Господь.

4) Іоаннъ Богословъ говорить: *сего ради явися Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діавола* (1 Іоан. 3, 8). Дѣла же діавола суть всякій грѣхъ,—зависть, ложь, лукавство, ненависть, вражда, злопамятство, клевета, гнѣвъ, ярость, гордость, тщеславіе, немилосердіе, лихоимство, хищеніе, неправда, похоть злая, спорливость, бранчивость, задорность, пересмѣшки, клятвы, богозабвеніе, безчеловѣчіе и всякое другое зло. Итакъ тѣмъ, кои именуются христіанами и дѣлаютъ такія дѣла діавола, что пользы отъ того, что они именуются христіанами, когда явленіе Сына Божія не разрушило въ нихъ этихъ дѣлъ діавольскихъ? Если кто скажетъ, что нѣкоторые изъ таковыхъ изъясняютъ Божественныя писанія, богословствуютъ, проповѣдуютъ православныя догматы, да вѣдаетъ, что не въ этомъ состоитъ дѣло Христова. Іоаннъ Богословъ не говоритъ: *сего ради явися Сынъ Божій*, да богословствуютъ и да православствуютъ нѣкоторые, *по да разрушитъ дѣла діавола*. Относительно же таковыхъ скажу, что прежде надобно очистить сосудъ отъ всякой скверны, и потомъ влгать въ него муро, чтобъ иначе не осквернилось само муро, и вмѣсто благовонія не исходило отъ него зловоніе. Сынъ Божій и Богъ Слово не для того содѣлался человѣкомъ. чтобъ только вѣровали во святую Троицу, прославляли Ее и богословствовали о Ней, а для того, чтобы разрушить дѣла діавола. Въ комъ изъ принявшихъ вѣру Христову разрушены будутъ дѣла діавола, тому можно вѣрять и тайны богословія и православныхъ догматовъ. Тѣ же,

въ коихъ не разрушены такіа дѣла, и кои оказываются опутанными въ нихъ къ безчествованію и похуленію Бога, тѣ по существу дѣла стоятъ еще на одной линіи съ язычниками, которымъ воспрещено и возвращено даже входить въ храмъ Господень и молиться въ немъ Богу, а не только читать Божественныя Писанія и изъяснять ихъ, какъ написано: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя, воспріемлещи заветъ мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, и отвергъ еси словеса моя вспять* (Ис. 49, 16. 17). Кто не принимаетъ къ сердцу законовъ Божіихъ, тотъ ненавидитъ наказаніе и исправленіе, внушаемое словесами Господа, и затыкаетъ уши свои, чтобъ не слышать слова Божія, которое возвѣщаетъ о будущемъ судѣ и воздаяніи грѣшникамъ, или о неугасимомъ огнѣ геенскомъ и прочихъ мукахъ адскихъ, или о вѣчномъ осужденіи, отъ котораго не можетъ уже убѣжать никто изъ тѣхъ, кои однажды подверглись ему. Кто не старается всѣми силами имѣть заповѣди Божіи всегда предъ очами своими и соблюдать ихъ, но презирая ихъ, предпочитаетъ противное имъ и производить то въ дѣло, тотъ завергаетъ слова Божіи вспять. Поясню это слѣдующимъ примѣромъ. Когда Богъ ясно повелѣваетъ: *покайтесь, приблизися бо царство небесное* (Мат. 4, 17), и еще: *подвизайтесь внити сквозъ тѣсная врата* (Лк. 13, 24), а слышавшій это не только не хочетъ каяться и понудить себя идти тѣсными вратами, но проводитъ всѣ дни жизни своей въ великомъ нерадѣніи, прилагая къ прежнимъ грѣхамъ каждый часъ другіе, и тѣло свое поконитъ и утѣшаетъ больше чѣмъ потребно и даже больше, чѣмъ пристойно, — что и служить признакомъ широкаго и пространнаго пути, ведущаго въ пагубу, а не тѣснаго и прискорбнаго вводящаго въ животъ вѣчный; то не очевидно ли, что таковой завергаетъ вспять, т. е. презираетъ словеса Божіи, и творитъ свои хотѣнія, или лучше сказать, хотѣнія діавола? Да и св. Давидъ такъ изображаетъ завергающаго слова Божіи вспять: *еще видѣлъ сю татя,*

теклъ еси съ нимъ, и съ прелюбодѣемъ участіе твое полагалъ еси. Уста твоя умножиша злобу, и языкъ твой сплеташе лъщениа. Судя на брата своего клеветалъ еси, и на сына матере твоя полагалъ еси соблазнъ. Сія сотворилъ еси, и умолчалъ, вознепщевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя, и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя. Разумѣйте убо сіа забывающіи Бога, да не когда похититъ и не будетъ избавляй (Пс. 49, 18—22). Видишь ли; какъ таковой забылъ Бога и достоинъ пріять большее наказаніе, чѣмъ безбожники, совѣмъ Бога не вѣдающіе? Ибо познавши Бога, какъ говоритъ Апостоль, онъ не какъ Бога, славить Его, но паче поноситъ Его, дѣлая дѣла діавола. Почему есть врагъ Божій, хотя и кажется вѣрнѣйшимъ учителемъ божественныхъ догматовъ и православнаго богословія. Впрочемъ и это, чтобъ таковой вѣрно возвѣщалъ божественные догматы и богословствовалъ, невозможно. Ибо какъ возможно, чтобы право и чисто умствовалъ тотъ умъ, который омраченъ оскверненною совѣстію? Только тотъ, кто разрѣшился отъ дѣлъ діаволихъ и всегда еодержитъ въ памяти Бога, можетъ вѣрно возвѣщать тайны Божіи, какъ не вяжемый болѣе дѣлами діавола, отъ коихъ когда бы избавиться и намъ всѣмъ и улучшить царствіе небесное, во Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, коему слава во вѣки! Аминь.

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ.

1) Пишетъ сіе слово св. отецъ къ одному ученику изъ мірянъ, и научаетъ, какъ должно чтить св. отцевъ духовныхъ?

2) Что должно дѣлать, чтобъ найти настоящаго духовнаго отца?

3) И нашедши его, какъ должно къ нему относиться?

1) Возлюбленный мнѣ въ Господѣ! Я принялъ тебя на лоно свое, когда ты пришелъ ко мнѣ; съ теплымъ уседіемъ преподалъ тебѣ истинное ученіе, съ немалымъ трудомъ возобразивъ тебя во образъ Христовъ чрезъ покаяніе, и возродилъ чадомъ духовнымъ съ великимъ тер-

пѣніемъ, многими попеченіями и каждодневными слезами, хотя ты не зналъ ничего изъ этого, испытаннаго мною ради тебя. Это и не дивно. И дѣти, находясь въ утробѣ, нимало не чувствуютъ печалей матери своей, ни болѣзней, какія терпитъ она во время рожденія ихъ. Но когда родятся, естественно хватаются за груди матернія, насыщаются молокомъ, исходящимъ изъ нихъ, и, питаясь такимъ образомъ, мало-по-малу растутъ, и тогда уже познаютъ мать свою, родившую ихъ, и начинаютъ почитать ее и любить чрезмѣрно; и хотя она бьетъ ихъ, хотя бранитъ, они все къ ней бѣгутъ съ полною любовію; не могутъ они подумать, чтобъ она ненавидѣла ихъ и отвращалась отъ нихъ душою своею, но что бы она имъ ни дѣлала, думаютъ, что дѣлаетъ то для того, чтобъ научить ихъ разуму. Также и отца своего наконецъ познаютъ они и начинаютъ отличать отъ другихъ, почитать и слушаться, не по естественному только закону, но и по законамъ, которые даровалъ человѣколюбивый Богъ.

Такимъ образомъ родители являютъ подобающее о дѣтяхъ попеченіе, а дѣти воздаютъ родителямъ благорасположеніемъ и покорностію достоуважаемое, и живя съ ними, бывають научаемы наказаніемъ и ученіемъ Господнимъ. Но если родители не оказываютъ должнаго попеченія о дѣтяхъ, не учатъ ихъ разуму, не внушаютъ имъ добрыхъ правилъ, то души дѣтей всеконечно взысканы будутъ отъ рукъ ихъ. И напротивъ, если дѣти по дерзости и безчинству будутъ призирать родителей своихъ, не стануть слушать наставленія и исполнять повелѣнія ихъ, то хоть и не будутъ они преданы за то на временную смерть, какъ опредѣляетъ ветхій законъ, но несомнѣнно преданы будутъ огню вѣчному и тмѣ кромѣшной. Объ этомъ явно возвѣщаетъ намъ все богодухновенное Писаніе, и мы, будто глухіе, не слушаемъ того, а если и слушаемъ, не исполняемъ, какъ будто и не слышали.

Таковымъ я не имѣлъ и не имѣю никакой охоты говорить что-либо или писать, особенно слыша, что Господь

и Богъ нашъ сказалъ ученикамъ своимъ: *аще мене изнаша, и васъ изженутъ* (Іоан. 15, 20); и опять: *аще господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашнія его* (Мѣ. 10, 25). Но какъ несмотря на то, Онъ все же послалъ ихъ къ намъ, языкамъ, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и святого Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѣ. 28, 19), и потомъ присокупилъ еще къ сему: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ; а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16): то я расположился написать любви твоей на память, что для тебя благопотребно и полезно. И это потому особенно, что преодолеваешь меня, какъ отца чадолюбиваго, крѣпкая къ тебѣ любовь, не позволяя мнѣ сносить, чтобы ты, духовный сынъ мой въ Господѣ, проводилъ жизнь свою такъ, какъ живешь. Теплое къ тебѣ расположеніе нудитъ меня спизойти къ тебѣ и предъ очи твои предложить истину Божію, хотя пиша напишу тоже, что каждый день читаешь ты самъ, и что соблюдать заповѣдуетъ намъ божественное Писаніе.

Можетъ быть ты спросишь меня: если ты общаешься сказать мнѣ, что я уже знаю и чему учить насъ божественное Писаніе, то для меня достаточно этого послѣдняго, для чего еще и ты хочешь писать мнѣ о томъже? На это послушай, сынъ мой, вотъ причина, или лучше причины, побудившія меня писать къ тебѣ. Дѣлаю это я, во первыхъ, для того, да не буду осужденъ, какъ осужденъ былъ оный рабъ лукавый, который скрылъ талантъ господина своего, и да не услышу и я, когда въ день суда взыщеть отчета отъ меня Владыка мой: *рабе' лукавый и тнливый, подобаше тебѣ дати сребро мое торжникомъ, и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ михвою* (Мѣ. 25, 26). Во вторыхъ, для того, чтобы оставить тебѣ, сыну моему возлюбленному, то, что имѣю тебѣ сказать, какъ наслѣдіе: все это идетъ отъ отцевъ и праотцевъ нашихъ духовныхъ, но принято прежде мною и передается тебѣ; не удержи-

ваю, прими отцовское наслѣдіе; мнѣ же, какъ чадо благодарное, воздай, если разсудишь, вѣщшею любовію. Въ третьихъ, для того, чтобъ показать тебѣ, сыну моему искреннему, сколь великое богатство духовное предано мнѣ духовнымъ отцемъ моимъ, породившимъ меня чрезъ покаяніе благодатію Духа святаго, чтобъ не зная сего, ты какъ нибудь не сталъ презирать меня, духовнаго отца своего, какъ бѣднаго, ничего не имущаго и ничего не стоящаго, подумавъ, что не наслѣдовалъ отъ меня никакого цѣннаго наслѣдія. Въ четвертыхъ, и это важнѣе всего, для того, чтобъ, презрѣвъ меня, ты не оказался виновнымъ на страшномъ судѣ Господнемъ, если Богу благоугодно будетъ твое уничиженіе меня и слова моего вмѣнить въ уничиженіе Себя и слова Своего. Въ пятыхъ, для того, чтобъ и другіе услышали слово истины, какъ теперь, такъ и послѣ, и плодъ принесли потомъ, кто тридцать, кто шестьдесятъ, кто сто, если примутъ его въ сердце свос, какъ сѣмя; если же не примутъ его, чтобъ мнѣ остаться неповиннымъ въ крови за души ихъ.

И въ духовныхъ вещахъ бываетъ также, какъ въ чувственныхъ. Каждый изъ принявшихъ богатство отъ предковъ оставляетъ потомъ однимъ наслѣдство, другимъ дары, какъ-то: дѣтямъ, друзьямъ, слугамъ, а сверхъ того, во исполненіе заповѣди Божіей раздастъ изъ имѣнія своего бѣднымъ, сколько хочетъ; и каждый изъ получившихъ что-либо даетъ отчетъ, какъ распорядился тѣмъ, что получилъ. Такимъ же образомъ и получившіе духовный даръ отъ Бога долгъ имѣютъ не оскудно передавать его прежде другихъ дѣтямъ своимъ духовнымъ, потомъ друзьямъ, знаемымъ и слугамъ, а далѣе и стороннимъ, богаты ли они, или бѣдны, слово ли премудрости кто получилъ, или слово разума, или дарованіе исцѣленій, или предстательство о душахъ, или силу помогательную, или разсужденіе управительное. И всякій изъ тѣхъ, которые учатъ или дѣлаютъ что-либо для другихъ, пусть вѣдаетъ, что никто изъ нихъ не будетъ похваленъ и не получить воздаянія

за то, что дѣлаетъ, но строго будетъ истязанъ, осужденъ и наказанъ за все, что пропустить сдѣлать.

Итакъ, не принимай ты, прошу тебя, діавола, когда онъ придетъ и начнетъ внушать тебѣ, будто я пишу это тебѣ на показъ, изъ челоуѣкоугодія. Самъ ты знаешь очень хорошо, что тотъ, кто дѣйствуетъ въ такомъ духѣ, не только губитъ мзду свою, какъ торгующій словомъ Христовымъ и продающій его, но и будетъ преданъ на мученіе тамъ, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ. Знай же при семъ, что вмѣстѣ съ нимъ будутъ осуждены и тѣ, которые осуждаютъ его; ибо слышишь что говоритъ Господь: *не судите, да не судими будете. Имже бо судомъ судите, судятъ вамъ: и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мѡ. 7, 1. 2). Объ этомъ подумай, брате мой, вспоминая притомъ и слово Апостола, который говоритъ: *повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь: тѣмъ бо бдѣтъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще: да съ радостію сіе творятъ, а не въздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе* (Евр. 13, 17), и слово Господа, который каждодневно взываетъ къ намъ во святомъ Евангеліи: *имже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мѡ. 10, 40), и: *слушай васъ, Мене слушаетъ: и отъметаяся васъ, Мене отъмѣтается* (Лк. 10, 16), и ревнуя о спасеніи своемъ со страхомъ и трепетомъ, слушайся меня и внимай слову моему. Пусть не говоритъ тебѣ помысль твой, что это сказано только объ Апостолахъ, и что ихъ однихъ обязаны мы слушать; но вонми, что опять говоритъ къ нимъ Христосъ Господь: *яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю* (Мр. 13, 37). Кому это всѣмъ? Тѣмъ, которые имѣютъ увѣрять въ Меня, посредствомъ ученія вашего, и будутъ хранить заповѣди Мои также, какъ и вы.

Вонми, прошу тебя! Владыка нашъ и Богъ, избравъ Себѣ учениковъ и Апостоловъ, открылъ имъ и ввѣрилъ всѣ тайны своего домостроительства, сокровенныя отъ вѣка, потомъ даровалъ имъ Духа святаго и послалъ ихъ, говоря: *идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя*

Отца и Сына и святого Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ (Мѡ. 28, 19). Апостолы, *изшедше*, учили и проповѣдывали слово Божіе, и многіе народы увѣровали во Христа, и церкви вѣрующихъ учредились въ городахъ. Когда какой-нибудь Апостолъ, учредивъ гдѣ-либо церковь, имѣлъ намѣреніе оставить тамошнихъ вѣрующихъ, чтобъ идти въ другія мѣста, города и селенія, то рукополагали для нихъ вмѣсто себя епископовъ и іереевъ, и ихъ оставляли имъ учителями, отцами духовными, и руководителями. Эти опять, приближаясь къ смерти, избирали на такое служеніе другихъ достойныхъ, рукополагали ихъ, и оставляли вмѣсто самихъ себя. Такъ шель по преданію такой порядокъ, пока до насъ дошелъ, и законоположеніе такое дѣйствиємъ святаго Духа соблюдается даже доннѣ. Равнымъ образомъ, чрезъ посредство этихъ же лицъ дошли до насъ и всѣ преданія и ученія, которыя Апостолы приняли отъ Владыки всѣхъ и Бога нашего. Но какъ стадо Христово размножилось и народъ вѣрующихъ сталъ безчисленъ, то благодать Духа святаго устроила, чтобъ къ архіереямъ и іереямъ прибавлены были еще и игумены и другіе духовные отцы (изъ иночествующихъ), которые дѣлами показываютъ твердую вѣру во Христа, истиннаго Бога нашего и имѣютъ въ себѣ благодать святаго Духа, чтобъ и они сопастырствовали вмѣстѣ съ тѣми и содѣйствовали во спасеніе тѣхъ, которые желаютъ спастися.

Если теперь кого-нибудь изъ этихъ пастырей нашихъ, архіереевъ, іереевъ, учителей, игуменовъ и отцевъ духовныхъ, которые хранятъ ученія и преданія святыхъ Апостоловъ и преподаютъ намъ, если кого-нибудь изъ такихъ мы дерзнемъ какъ-нибудь презрѣть и преобидѣть, или не принять въ домъ свой и слова его не послушать, вмѣняя его ни во что; то не самого ли Павла, не самого ли Петра, и не весь ли хоръ Апостоловъ изгонимъ мы въ такомъ случаѣ? А кто ихъ изгоняетъ, не оказываетъ ли презрѣнія къ самому Господу нашему Іисусу Христу,

и Отцу Его? Ибо мы чтимъ Апостоловъ не просто какъ людей, но потому что они пришли и проповѣдали Сына Божія, на землю сошедшаго, да спасеть родъ нашъ, и потому что Имъ были посланы содѣлать насъ сынами Богу по благодати, наслѣдниками вѣчной жизни и причастниками неизреченныхъ благъ, посредствомъ проповѣди Евангелія и святаго крещенія. Еслибъ не вручилъ имъ Господь преподавать намъ все сіе, они и не преподали бы, и были бы такимъ образомъ, какъ и всѣ прочіе человѣки.

2) Поэтому надлежитъ намъ, со всѣмъ усердіемъ, тщаніемъ и вниманіемъ, со всею бдительностію и многими молитвами, блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрѣсти руководителя истиннаго и боголюбиваго, который имѣлъ бы внутри себя Христа и точно зналъ ученіе, правила и постановленія св. Апостоловъ и догматы св. отцевъ, или лучше сказать, который бы зналъ волю и тайны самаго Владыки и Учителя Апостоловъ Христа. Такого учителя надлежитъ намъ разыскать и обрѣсти, который сначала слышалъ бы все это въ словѣ и научился тому со словъ, а потомъ наученъ былъ всему таинственно и во истинѣ самимъ Утѣшителемъ Духомъ чрезъ дѣяніе и опытъ; такъ чтобы и онъ сподобился услышать отъ самого Христа Господа, научившаго Апостоловъ: *вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго* (Мѡ. 13, 11). Если взыщемъ, конечно и найдемъ: ибо не неправеденъ Богъ, и не радуется Онъ о гибели человѣческой, но, какъ написано, *такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). Если Онъ на смерть предалъ Сына своего Единороднаго, да мы спасены будемъ чрезъ Него, то возможно ли, чтобы, когда мы просимъ Его послать намъ, или лучше, явить намъ какого-либо истиннаго раба своего, который поруководилъ бы насъ въ дѣлѣ спасенія и научилъ знать волю Его, возможно ли, говорю, чтобы Онъ

скрылъ отъ насъ такого человѣка и лишилъ насъ чрезъ то неложнаго руководства? Нѣтъ, нѣтъ! Это никакъ невозможно. Сему вѣровать да научить насъ случившееся съ сотникомъ Корнилиемъ. Онъ былъ мужъ *благочестивъ и бояйся Бога со всѣмъ домою своимъ, творяй милостыни многи людемъ, и моляся Богу всегда.* За это сподобился онъ того, что *увидѣлъ въ видѣннѣи явь, яко въ часъ девятый дне, Ангела Божія спешша къ нему, и рекша ему: молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память предъ Бога. И нынѣ послы во Иоптію мужей, и призови Симона нарицаемаго Петра: сей странствуетъ у нѣкоего Симона усмаря, емуже есть домъ при мори* (Дѣя. 10, 2—6).

Видишь ли, какъ хорошо я сказалъ, что надлежитъ намъ употребить все усердіе и тщаніе, чтобъ обрѣсти истиннаго ученика Христова? И замѣть при семъ, что говоритъ Писаніе: Корнилій мужъ *благочестивъ и бояйся Бога со всѣмъ домою своимъ.* Не себя только одного держалъ онъ въ страхѣ Божіемъ, но и всѣхъ, живущихъ въ домѣ его, научилъ бояться Бога. И сіе *добро есть и пріятно предъ Богомъ* (1 Тим. 2, 3), да печется всякъ не о томъ одномъ, что ему собственно полезно, но и о томъ, что полезно всѣмъ, живущимъ вмѣстѣ съ нимъ. Такимъ образомъ сотникъ оный, прежде чѣмъ наученъ былъ Апостолами, уже исполнялъ заповѣдь апостольскую, которая повелѣваетъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. 10, 24). Творилъ онъ также и милостыни многи, и Богу молился день и ночь; и такимъ образомъ прежде, чѣмъ увѣровалъ, явно исполнялъ заповѣдь Господа нашего и Бога, которая повелѣваетъ: *бдите и молитесь, да не увидете въ напасть* (Мѡ. 26, 41), и еще: *просите и дастся вамъ: ищите и обращаете: толцыте и отверзется вамъ* (Мѡ. 7, 7). Видишь, что дѣлалъ этотъ невѣрующій еще во Христа и почти язычникъ? Не слышалъ еще онъ слова благовѣстія, а уже усердно исполнялъ заповѣди евангельскія, прежде чѣмъ наученъ

имъ былъ отъ кого-либо. Просилъ онъ посредствомъ благоговѣинства, и получилъ; искалъ посредствомъ милостыни, и нашель; толкалъ посредствомъ поста и молитвы, и отверзалось ему. *Посли, говорить, во Іоптію, и призови Симона нарицаемаго Петра.* Се чудный даръ! Се дивное облагодѣтельствованіе! *Иже странствуетъ у нѣкого Симона усмаря, емуже есть домъ при мори.* Видишь, какъ Ангель открылъ ему не только имя руководителя, но и имя того, кто страннопріялъ его, даже мѣсто дома, въ коемъ онъ нашель себѣ пристанище? И это сдѣлалъ Ангель для того, чтобъ Корнилій не обманулся, и не призывалъ другаго кого вмѣсто Петра, и не попалъ на волка вмѣсто пастыря.

Если и ты хочешь показать себя истиннымъ, вѣрнымъ и избраннымъ ученикомъ Христовымъ, живи такою же жизнію, дѣлай такія же дѣла, припадай къ Богу въ молитвахъ своихъ такимъ же образомъ, и Онъ отверзеть очи души твоей, чтобъ и ты увидѣлъ такого челоуѣка, какъ Корнилій увидѣлъ Ангела. Подражай хоть невѣрному ты, провозглашающій себя вѣрнымъ, язычнику и не наученному ты, именующійся чадомъ христіанства, воспитанный въ ученіи Апостоловъ, и высокоумствующій, когда услышишь глумленія невѣждъ. Подражай сотнику ты, пользующійся властію только въ домѣ своемъ, и всячески поспекись исправнымъ явить хоть себя самого, и этихъ немногихъ, сущихъ подъ тобою и во власти твоей. Если же ты презираешь эти дѣла, находящіяся во власти твоей и въ произволеніи твоёмъ, нерадишь о заповѣдяхъ Божиихъ, тебѣ вѣдомыхъ, не печешься объ исполненіи ихъ и не ревнуешь о томъ, чтобъ явить исправнымъ себя самого и тѣхъ, кои подъ властію твоею; то скажи мнѣ, какъ Богъ покажетъ тебѣ учителя, который научилъ бы тебя совершеннѣйшему и высшему? А если Богъ не покажетъ тебѣ его, какъ можешь ты самъ найти его, или узнать? Какъ примешь его безъ сомнѣнія, какъ святаго? И какъ получишь потомъ (за такое пріятіе) мзду

праведнаго и святаго? Нѣтъ, нѣтъ! Нельзя сему быть. Только тѣмъ, которые бывали усердны къ Богу, и заботясь о спасеніи своемъ, начинали сами отъ себя дѣлать все способствующее сему спасенію, сколько то было для нихъ возможно, взмскивали Бога и дѣлали всякое добро, только такимъ какъ всегда являлъ, такъ и теперь являетъ Богъ апостоловъ, пророковъ, праведныхъ и святыхъ, и они узнавали ихъ и принимали, яко такихъ, и честь имъ воздавали, какъ учителямъ благочестія и посланникамъ Божиимъ. Почему и слова ихъ соблюдали, какъ законы Божіи, и мзду получали въ мѣру тѣхъ, коихъ принимали. И нынѣ, если обрѣтутся гдѣ-либо таковые, приемлемые и приемлющіе, всконечно и нынѣ сіи послѣдніе приемлютъ мзду въ мѣру первыхъ.

А тѣхъ, которые презирають другихъ, и думая о себѣ, что они крайне мудры, пребываютъ въ безопасности и нерадѣнни и не просятъ Бога, какъ Корнилій и подобные ему, въ усердныхъ молитвахъ, съ милостынями и постомъ, особенно нынѣ, когда мы всѣ почти, съ малства научаясь у пророковъ и апостоловъ волѣ Божіей и всему душе-спасительному, думаемъ, что уже не имѣемъ болѣе ни въ чемъ нужды, — таковыхъ, говорю, Богъ оставляетъ пребывать въ томъ самопрельщеніи, въ которосъ впади сами по своей винѣ. Они, будучи омрачены тмою своихъ страстей, похотей и пожеланій, и ходя въ сей тмѣ, какъ въ глубокой ночи, на такихъ же и учителей попадаютъ. И естественно. Потому что властитель тмы имѣетъ конечно у себя учениковъ и слугъ такихъ, которые ходятъ въ сей тмѣ; на нихъ-то попадаютъ подобные же имъ и принимаютъ ихъ съ радостію, находя ихъ по мыслямъ себѣ, и учатся у нихъ тому же, что сами напередъ предъизбрали и что порѣшили дѣлать на пагубу себѣ. И кто не знаетъ, что діаволь съ самаго начала поднялъ противъ пророковъ лжепророковъ, противъ апостоловъ — лжеапостоловъ, противъ святыхъ учителей — лжесвятыхъ и лжеучителей, и что онъ всѣми мѣрами подвизается прельщать нерадивыхъ лжесло-

віемъ, чтобъ низринуть ихъ въ ровъ пагубы? Отъ такихъ предостерегасть насъ и Апостоль, говоря: *молю вы, братіе, блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры кромъ ученія, емуже вы научистесь, и уклонитесь отъ нихъ. Такови бо Господеви нашему Иисусу Христу не работаютъ, но своему чреву: иже благими словеси и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ* (Рим. 16, 17, 18). Итакъ тѣ, которые желаютъ избѣжать такихъ, какъ завѣщаваеъ Апостоль, должны для сего удалиться отъ дѣлъ тмы: ибо пока кто поработчепъ такимъ дѣламъ и ходить во тмѣ, дотолѣ не можетъ онъ избѣжать такихъ учителей и не можетъ придти на свѣтъ учителей истинныхъ.

И ты, духовное чадо мое въ Господѣ, слыша божественное Писаніе, которое говоритъ: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (Исаи 5, 21), со страхомъ и трепетомъ внимай тому, что здѣсь изрекается: ибо слово это къ душевному спасенію. И если хочешь улучшить истиннаго учителя, мужа святаго и духовнаго, не рассчитывай, что можешь узнать его самъ собою, своимъ разсмотрѣніемъ, потому что это невозможно. Но прежде всего другаго, какъ я сказалъ уже, подвизайся въ добрыхъ дѣлахъ, въ милостыняхъ, въ пощеніи, молитвѣ и моленіи непрестанномъ, да будетъ тебѣ помощникомъ и содѣйствователемъ въ этомъ Богъ.

3) Коль же скоро съ помощію Божіею, по благодати Его, сподобишься найдти такого, покажи къ нему крайнее вниманіе, и всякое ему благоугожденіе, великое смиреніе и благоговѣніе, высокое почитаніе и вѣру чистую и несомнѣнную. Чего ради? Ради того, чтобъ, къ несчастію, не заслужить тебѣ иначе вмѣсто мзды казнь и муку. Ибо о такихъ сказалъ Спаситель нашъ и Богъ: *иже васъ приемлетъ, Мене приемлетъ* (Мѡ. 10, 40), *отметаясь же васъ, Мене отметається* (Лк. 10, 16). Итакъ надлежитъ намъ принимать такихъ, какъ самого Христа; ибо то, что бываеъ оказываемо имъ, возносится къ самому

Владыкъ Христу и Богу нашему, и Онъ себѣ то присвоеть, и на такомъ имѣетъ счету, какъ бы Онъ самъ лично принималъ все то; какъ напротивъ и то, что бываетъ оказываемо лжеучителямъ, возносится къ самому антихристу, и которые ихъ приѣмлютъ, приѣмлютъ самого діавола. И пусть никто не отговаривается, что не знаетъ таковыхъ, говоря: „какъ могу я распознать ихъ? И я человѣкъ, а никто изъ людей не знаетъ, что кроется у другаго на душѣ, кромѣ духа, живущаго въ немъ“. Никто не бери этого изреченія въ благословный предлогъ: ибо, еслибы невозможно было распознавать таковыхъ, Господь не далъ бы такой заповѣди: *внимайте отъ лживыхъ пророкъ, т.-е. берегитесь отъ лжеучителей, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы, и не приложилъ бы вслѣдъ за симъ: отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мѡ. 7, 15).

Если теперъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ истиненъ, какъ воистину есть истиненъ, то очевидно, что мы можемъ распознавать таковыхъ, изъ того, что они говорятъ и что дѣлають. Итакъ покажемъ напередъ плоды истиннаго святаго Духа; тогда объявятся сами собою и плоды противоположнаго Ему, духа злаго; а по плодамъ этимъ мы очень хорошо можемъ потомъ распознавать, какіе учителя суть истинные, святые и праведные учителя, и какіе не таковы, а лишь притворяются таковыми. Я ничего не буду говорить отъ себя самого, но все со словъ Спасителя и святыхъ Апостоловъ Его, коими попытаюсь удостовѣрить твою любовь, что указываемые мною признаки истинныхъ и ложныхъ учителей истинны и удобопознаваемы для насъ.

Слушай же, что говоритъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ: *блажени нищии духомъ, блажени плачущи, блажени кротцыи* (Мѡ. 5, 3—5). И опять: *любите враги вама, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напастъ* (Мѡ. 5, 44). Слово праздное да не исходитъ изъ устъ вашихъ. *Глаголю вамъ, яко всяко*

слово праздное, еже аще рекуть чловѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный (Мо. 12, 36). И еще: аще не обратитесь и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное (Мо. 18, 3). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ Онъ опять: о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Іо. 13, 35). Еще: како вы можете вѣровать, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы яже отъ единого Бога не ищите? (Іо. 5, 44). Яко всякъ возносійся смирится: смиряяй же себе вознесется (Лк. 19, 14). Не говоритъ, что вознесенъ будетъ мірскою славою, но дастъ обѣтованіе, что онъ будетъ возвышенъ таинственно духовнымъ пѣкиимъ измѣненіемъ. Вотъ что вслухъ всѣмъ намъ каждодневно взываетъ Господь нашъ и Владыка Христосъ. Послушай теперь, что говоритъ и Апостоль Павелъ: плодъ духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе (Гал. 5, 22). И опять: любви не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, вся покрываетъ, вся терпитъ, любви николиже отпадетъ (1 Кор. 13, 5—8). Послушай также и Іоанна Богослова, который говоритъ: не любите міра, ни яже въ мірѣ: аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отчи въ немъ (1 Ін. 2, 15). И еще: всякъ ненавидяй брата чловѣкоубійца есть: и въстѣ, яко всякъ чловѣкоубійца не имать живота вѣчнаго въ себѣ пребывающа (—3, 15). Сего ради явлени суть чада Божія и чада діавола (—3, 10), т.-е. изъ любви и ненависти. Любящій Бога любитъ и рожденныхъ отъ Него, т.-е. братій своихъ; а ненавидящій кого-либо изъ братій своихъ, ссй отъ діавола родился, и любви Божіей нѣтъ въ немъ. По такимъ признакамъ, имѣющіе разсуждать могутъ различать, кто сыны Божіи и кто сыны діавола; и плоды святаго и всеблагаго Духа суть тѣ, какіе мы указали выше.

Надлежитъ теперь намъ показать и плоды злаго духа, чтобъ зная ихъ, вы могли различать свѣтъ отъ тмы, сладкое отъ горькаго, добро отъ зла. Внемлите же опять, что гово-

рить Господь и Богъ нашъ: не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити (Мѡ. 7, 18). И опять: *благій человекъ отъ блага сокровища сердца своего износитъ благо: а злый человекъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое* (Лк. 6, 45). Еще: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человекъ, мнѣй наречется въ царствіи небеснѣхъ: а иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ царствіи небеснѣхъ* (Мѡ. 5, 19). А о книжникахъ и фарисеяхъ что говоритъ Онъ? — *Связуютъ, говоритъ, бремена тяжка и бѣдныя носима, и возлагаютъ на плеща человекеска: перстомъ же своимъ не хотятъ двигнути ихъ. Вся же дѣла своя творятъ, да видими будутъ человекъ: расширяютъ же хранилища своя, и величаютъ воскрилія ризъ своихъ: любятъ же преждевозлежанія на всечеряхъ, и преждесѣданія на сонмищахъ и цѣлованія на торжищахъ, и зватися отъ человекъ: учителю, учителю.* (Мѡ. 23, 3—7).

Итакъ когда увидишь, что кто-либо дѣлаетъ такія дѣла, заботливо ищеть славы человекеской и беззаботно преступаетъ заповѣди Божіи, чтобъ угодить людямъ, то знай, что это прелестникъ, а не истинный учитель. И Апостоль говоритъ: *идѣже въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстїи ли есте?* (1 Кор. 3, 3). Плотской же и душевенъ человекъ не прїемлетъ яже Духа Божія, юродство бо ему есть (1 Кор. 2, 14). Но кто не прїемлетъ Духа святаго, тотъ, явно, и не имѣеть сего Духа въ себѣ; а кто Духа святаго не имѣеть, тотъ и не Христовъ, какъ утверждаетъ тотъже Павелъ, говоря: *аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еловъ.* (Рим. 8, 9).

Слышалъ, кто Христовы, и кто антихристовы? — Можешь отсюда навѣрное заключить, что внимательные легко могутъ распознавать добрыхъ и злыхъ. А невнимательные не только другихъ людей, но и самихъ себя не знаютъ. Ибо когда кто такъ опутываетъ себя заботами и хлопотами о житейскомъ, какбы былъ безсмертенъ въ этомъ мірѣ,

день и ночь занять бываетъ одними мірскими дѣлами и всякіе изобрѣтаетъ способы, какъ бы побольше разбогатѣть, и при этомъ строить дома добрые и многоцѣпные, набираетъ множество слугъ, коней и муловъ, покупаетъ серебряныхъ сосудовъ, золотоканнхъ одеждъ, дорогихъ ковровъ и всякое другое доставляетъ себѣ плотское наслажденіе и успокоеніе, то скажи мнѣ, можно ли показать, что такой знаетъ самого себя?—Нѣтъ, чадо мое духовное, нѣтъ, навѣрное не знаетъ онъ ни себя самого, ни того что дѣлаетъ. Знаетъ онъ себя лишь настолько, чтобъ сказать, что это онъ, а не другой кто; но дѣла его показываютъ, что онъ не знаетъ, что онъ такое есть, не знаетъ своего душевнаго состоянія и не понимаетъ, что дѣлаетъ. Онъ такъ живетъ, какъбы былъ безсмертенъ; устами говоритъ: мы нынѣшни, а не завтрешни; и тутъ же на дѣлѣ заготовляетъ всего такъ много, что того не израсходуешь и въ десятки лѣтъ; гласно исповѣдуешь, что блага міра сего ничто, а между тѣмъ за маленькую какую-либо и ничтожную вещь заводитъ споры и ссоры съ братіями своими; философствуетъ, что онъ пыль и прахъ, а между тѣмъ всегда одѣвается пышно, показывая тѣмъ, что онъ гораздо выше всѣхъ другихъ людей; слышитъ божественное Писаніе, которое говоритъ: горе *сластолюбствующимъ, и ласкосердствующимъ на постеляхъ мяккихъ* (Іезек. 6, 49. Амос. 6, 4), а самъ со всею заботливостію назираетъ, чтобы кровать его была самая великолѣпная, постель самая пышная и столъ обилуеалъ всякаго рода дорогими яствами. И это выказываетъ онъ не только предъ подобными ему мірянами, но и предъ монахами бывающими у него, которые не только не дивятся всему этому, а напротивъ жалѣютъ о тѣхъ, кои имѣютъ то, и оплакиваютъ ихъ перазуміе, видя, какъ они величаются тѣмъ, отъ чего слѣдовало бы имъ наипаче приходить въ стыдъ, именно, что, тогда какъ братія ихъ бѣдные или, лучше сказать, самъ Христосъ, алчутъ и жаждутъ, они всячески утѣшничаютъ и, что еще хуже, не чувствуютъ, что поступая

такъ, они свидѣтельствуя о себѣ, что суть немилосердые лихоимцы и онеправдователи бѣдныхъ. Скажи же мнѣ теперь, можно ли согласиться, что такой человѣкъ знаетъ самого себя, знаетъ, въ какомъ состояніи находится по душѣ, и какимъ страстямъ порабощенъ? Никакъ нельзя. Нѣтъ, не знаетъ онъ себя, хоть и можетъ ему казаться, будто знаетъ. Но тотъ, кто не знаетъ самого себя и своего состоянія, какъ можетъ познать другаго и страсти его? Какъ можно, чтобъ слѣпой могъ рассмотретьъ другаго и познать, слѣпой онъ или видуцій? Нѣтъ, нѣтъ; это невозможно.

Прибавлю къ сказанному, сынъ мой и братъ, еще и слѣдующее, что если кто не позаботится напередъ, долгимъ моленіемъ, съ милостынею, постомъ и бдѣніемъ, познать себя самого и свою немощность, то онъ не можетъ познать и того, что безъ духовнаго отца, руководителя и учителя, нельзя человѣку соблюсти, какъ должно, заповѣди Божіи, жить вполне добродѣтельно и не быть уловлену сѣтьми діавольскими; а кто этого не познаетъ, тому какъ избѣжать притязательнаго самомнѣнія, что онъ не имѣетъ нужды въ наученіи, совѣтѣ, внушеніи и помощи со стороны другихъ? И остается онъ исполненнымъ гордости, не сознавая, что ничего не знаетъ, и пребываетъ во глубинѣ невѣдѣнія, или, вѣрнѣе сказать, погибели. И этого самаго не можетъ онъ понять, что находится въ числѣ гибнущихъ; такъ какъ это невѣдѣніе то имѣетъ свойство, что бываетъ какимъ-то густымъ покрываломъ на умныхъ очахъ души, и не даетъ имъ видѣть ясно истину, когда любить міръ и вещи мірскія. Ибо поколику умъ удаляется отъ памятованія о Богѣ о смерти, и о будущемъ судѣ, и не помышляетъ о благахъ, уготованныхъ праведникамъ, и о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ,—вѣчномъ огнѣ, кромѣшной тмѣ и скрежетѣ зубовъ, но всецѣло весь преданъ бываетъ заботамъ житейскимъ и призрачнымъ благамъ міра, богатству, славѣ, утѣхамъ, всему прочему, что въ мірѣ люди считаютъ славнымъ и свѣтлымъ,—поколику, говорю, умъ

преданъ бываетъ всему такому, потолику опъ болѣе и болѣе грубѣетъ, разстраивается, омрачается, и нѣкоторымъ образомъ весь покрывается непроницаемымъ покровомъ; слѣдствіемъ чего бываетъ выпаденіе изъ круга его познанія заповѣдей Божіихъ и совершенное о нихъ забвеніе. Почему и св. Давидъ, послѣ того, какъ согрѣшивши испыталъ такое зло, обратившись къ Богу въ покаяніи, умолялъ Его, говоря: *открый очи мои и уразумлю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18).

Видишь, какъ закрыты были очи его? Видишь, какъ вопіетъ онъ къ Богу, чтобъ Онъ открылъ ихъ? Дѣлай тоже самое и ты, сынъ мой, и Господь не презритъ прошенія твоего, если вослешь его къ Нему отъ всей души твоей, по услышитъ тебя и откроетъ очи души твоей. И тогда, какъ только прозришь ты, прежде и въ началѣ всего познаешь самого себя и состояніе свое, а потомъ и все другое, что тебѣ потребно знать. Слѣдствіемъ этого будетъ то, что ты отъ всей души начнешь почитать несравненно вышшими себя и святыми не только благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей, но и всякаго вообще человѣка, большаго и малаго, праведнаго и грѣшнаго, даже тѣхъ, которые грѣшаютъ явно. И сіе да будетъ тебѣ и всякому другому явнымъ знаменіемъ, что ты получилъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ твоихъ, если придешь въ эту мѣру и достигнешь этого добраго состоянія. Ибо святое смиреніе на этой мѣрѣ находится, и тому, кто достигаетъ сей мѣры, оно первымъ даромъ даетъ то, чтобъ онъ думалъ, что изъ всѣхъ людей никого нѣтъ грѣшнѣе и ничтожнѣе его, и чтобъ всѣмъ чувствомъ души, съ полнымъ убѣжденіемъ, одного себя почиталъ грѣшнымъ и вѣрилъ, что онъ одинъ имѣетъ погибнуть и быть преданнымъ на вѣчныя муки.

Итакъ, чадо мое возлюбленное и братъ мой, восподвизайся стяжать такое смиреніе и не говори: „это невозможно для меня“, ни опять: это идетъ къ однимъ монахамъ, а не къ тѣмъ, которые живутъ въ мірѣ. Ибо Христосъ заповѣди Свои опредѣлилъ вообще для всѣхъ, и ничего не

законополагалъ особо для монаховъ, и особо для мірянъ. И праотцы, бывшіе прежде закона Моусеева, и тѣ, которые жили послѣ него, исполняли эту заповѣдь (о смиреніи). Слушай, что говоритъ Іовъ: *мню себе землю и пепелъ* (42, 6). И Давидъ: *азъ есмь червь, а не человекъ* (Пс. 21, 7). Видишь словеса смиренія? Видишь душу, которая почитаетъ себя презрѣннѣйшею паче всякаго человѣка, большаго и малаго? Подражай же и ты покаянію Давида, и стяжешь смиреніе его. Покаяніемъ разгопается облакъ невѣдѣнія, покрывающій умъ, и спемлется покрывало, лежащее на немъ. Когда же размычатся умъ, тогда познаемъ и самихъ себя и состояніе свое, каково оно; увидимъ еще раны и скверны души нашей, и затѣмъ начнемъ не только мудрствовать и говорить смиренно, но станемъ стыдиться и солнца, и звѣздъ, и всѣхъ тварей Божіихъ, созданныхъ ради насъ, стыдиться отъ того, что прогнѣвали Бога, создавшаго все сіе ради насъ, и погрѣшили противъ Него, преступивъ не одну, а всѣ заповѣди Его. Оттого не будемъ смѣть поднять глаза свои, чтобъ посмотреть на эти твари, и станемъ почитать себя недостойными того, чтобы вкушать отъ плодовъ земли, сами на себя произнеся опредѣленіе, что праведно будетъ умереть намъ отъ алчбы и жажды. Не будемъ смѣть также взглянуть и посмотреть на икону Христа Господа и святыхъ Его, сознавая себя скверными, нечистыми и многогрѣшными. Будетъ намъ казаться, что самимъ иконамъ стыдно отъ насъ и дѣлъ нашихъ; оттого не будетъ у насъ доставать смѣлости приблизиться къ нимъ и приложиться; крайне стыдно намъ будетъ къ чистому и святому прикоснуться нечистыми и оскверненными устами своими. Даже въ храмъ Божій намѣреваясь войти, будемъ чувствовать, какъ объемлетъ насъ страхъ и трепетъ, сознавая, что входимъ недостойныя, боясь, какъ бы не разверзся полъ храма и не низринуть насъ живыхъ во адъ.

Сему и большому сего всегда будетъ поучать насъ святое смиреніе, и, измѣняя насъ, переустраивая и претворяя,

до того проникнетъ все естество наше, что потомъ мы, хоть бы и хотѣли, не возможемъ уже подумать или сказать о себѣ что-либо великое и высокое. Это святое смиреніе удостовѣритъ насъ и въ томъ, что безъ учителя не возможемъ мы научиться никакому добру; и тѣмъ, которые вопросятъ насъ, говоря: *разумьши ли, что чтеши?* оно научитъ насъ отвѣчать: *како могу разумѣти, аще не кто наставитъ мя* (Дѣян. 8, 30. 31)? Оно научитъ насъ не вступать безъ проводника на стезю, которой не вѣдаемъ. Оно возвѣститъ намъ, что желая каяться, мы не должны приступать къ Богу безъ посредника и руководителя. Поелику если оно побуждаетъ насъ стыдиться неба и земли и всякаго творенія Божія, сущаго въ нихъ, со страхомъ благоговѣнствовать предъ иконою Спасителя и святыхъ Его, не смѣть взирать на сіи иконы, или приближаясь лобызать ихъ; не тѣмъ ли паче заставить оно насъ не приближаться безъ посредника къ самому Творцу и Владыкѣ всяческихъ Богу? Ибо хотя Онъ и человѣколюбивъ, но много радуется о нашемъ смиреніи и сокрушеніи, и очень хвалить, когда кто почитаетъ себя недостойнымъ приблизиться къ Нему самому собою безъ посредника.

Другимъ образомъ (такъ можешь убѣдиться въ этомъ). Владыка нашъ и Богъ, желая научить насъ, что къ Богу приближаться надлежитъ намъ съ помощію какого-либо посредника и поручителя, самъ какъ во всемъ прочемъ показалъ намъ примѣръ и образецъ, такъ и въ этомъ,—самъ былъ первымъ посредникомъ и ходатаемъ человѣческаго естества, принеши оное въ себѣ Отцу своему и Богу. Потомъ поставилъ служителями сего посредничества и ходатайства святыхъ Апостоловъ своихъ, которые и приводили ко Владыкѣ Христу всѣхъ увѣровавшихъ въ Него. Апостолы опять изъ числа сихъ увѣровавшихъ избирали достойнѣйшихъ и ихъ рукополагали въ преемниковъ себѣ—быть служителями тогоже посредничества. Эти опять (избирали и рукополагали) другихъ, а сіи—слѣдовавшихъ за ними. И такимъ образомъ этотъ чинъ преемственно со-

блюдается даже донынѣ. Богъ не хочетъ, чтобъ мы преступали и попирали такое Его установленіе и преданіе, но желаетъ, чтобъ мы жили по тому чину, какой Онъ опредѣлилъ для насъ. Почему Господь и Спаситель какъ о Себѣ со Отцемъ говоритъ: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый мя, привлечетъ его* (Іо. 6, 44.), и опять: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо мною* (—14, 6): такъ установилъ, что никто не приходитъ къ вѣрѣ во святую и едипосущную Троицу, если не будетъ какимъ-либо учителемъ наученъ догматамъ вѣры, также никто не бываетъ крещаемъ и никто не причащается божественныхъ таинъ самъ собою безъ іерея. А кто не окрестится и не будетъ причащаться пречистыхъ Таинъ, тотъ не получитъ живота вѣчнаго, какъ самъ Господь опять опредѣляетъ, говоря: *иже въру иметъ и крестится спасенъ будетъ: а иже не иметъ въры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16); и: *аще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іо. 6, 53). Итакъ поелику безъ св. крещенія и безъ причащенія Божественныхъ Таинъ ни одинъ христіанинъ не можетъ сподобиться жизни вѣчной, а таинства сіи преподаются намъ не чрезъ Апостоловъ святыхъ, и не чрезъ святыхъ отцевъ, бывшихъ послѣ Апостоловъ, а преподаются чрезъ тѣхъ освященныхъ лицъ, которыя теперь существуютъ и живутъ среди насъ; то очевидно, что мы не можемъ и не должны отчуждаться отъ ихъ посредничества въ дѣлѣ нашего спасенія.

Такъ Богъ опредѣлилъ; и чтобъ тебѣ охотнѣе было подчиняться сему закону, содержи въ мысли, что что преподавали вѣрующимъ отцы, жившіе въ оныя времена, тоже самое преподаютъ и намъ наши отцы духовные: тѣ крестили водою и Духомъ, тоже дѣлаютъ и эти нынѣ; тѣ преподавали тѣло и кровь Христову, тоже самое преподаютъ намъ и эти. И какъ у тѣхъ, которые тогда крестили и причащали, ничего не было лишняго противъ нынѣшнихъ: такъ у тѣхъ, которые теперь крестятъ и причащаютъ насъ, ничего нѣтъ недостающаго противъ прежнихъ. Учили тѣ

вѣрѣ во Христа и во святую Троицу, единосущную и нераздѣльную, т. е., во Отца, Сына и святаго Духа; тому же самому учать и насъ нынѣ духовные отцы наши. Итакъ явно изъ этого вкратцѣ (не пишу всего, чтобъ не удлиннилось крайне слово мое), что что тогда дѣлали для вѣрныхъ Апостолы, и чему учили ихъ, тоже самое дѣлаютъ и для насъ нынѣ отцы наши духовные, — разумѣю, архіереи и іереи,—точь въ точь тому же, безъ малѣйшаго недостатка и ущерба,—и учать насъ они и наставляютъ, какъ и тѣ. Если же они въ семъ отношеніи ничѣмъ не разнятся отъ Апостоловъ, то они суть сыны апостоловъ и апостолы для насъ, и тѣ, которые не пріемлютъ ихъ и словъ ихъ не слушаютъ, да слышать, что говорить Господь нашъ Іисусъ Христосъ къ подобнымъ лицамъ: *Аминь глаголю вамъ: отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморстѣй въ день судный, неже вамъ.* (Мѡ. 10, 15; 11, 22). Ибо что сказалъ онъ Апостоламъ: *уже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мѡ. 10, 40); и еще: *слушай васъ, Мене слушаетъ: и отменяйся васъ, Мене отменяется; отменяйся же Мене отменяется послѣдшаго мя* (Лк. 10, 16),—то относится и къ подобнымъ имъ, преемникамъ ихъ, и тѣмъ, которые теперь живутъ и тѣмъ, которые будутъ жить послѣ нихъ. И слѣдовательно тѣ, которые не пріемлютъ и не слушаютъ ихъ, а отменяются, не пріемлютъ и не слушаютъ самого Христа Господа, а отменяются Его. Отменяясь же Его, они отменяются Бога и Отца, пославшаго Его.

Знаешь конечно, сынъ мой возлюбленный, что нынѣ, во времена сіи никто ни изъ мірянъ, ни изъ монаховъ, ни изъ іереевъ или архіереевъ, не почитаетъ, не любитъ, не боится и не пріемлетъ никого, какъ апостола Божія и ученика Христова, по любви Христовой, или по заповѣди, или вѣчныхъ ради благъ, обѣтованныхъ намъ; но всѣ мы другъ друга презираемъ и другъ друга оуждаемъ,—монахи осуждаютъ монаховъ, іереи архіереевъ, міряне всѣхъ ихъ, и между собою одинъ другаго, и никто совершенно не

держитъ въ умѣ, что церковь Божія, какою была въ древнія времена, такою пребываетъ и нынѣ, и какъ тогда Богъ опредѣлилъ для ней первѣ Апостоловъ, второе пророковъ, третье учителей и прочихъ перечисляемыхъ св. Павломъ, такъ и нынѣ они же пребываютъ въ лицѣ преемниковъ своихъ, предстоятелей церкви, чтобъ всякій принималъ иныхъ какъ Апостоловъ, иныхъ какъ пророковъ, иныхъ какъ учителей. Мы же все это совсѣмъ позабыли, и одинъ надъ другимъ возносимся безъ мѣры. Того, кто вчера окрестилъ меня, освободилъ отъ грѣха и порчи душу мою, исполнивъ меня благодатию святаго Духа, причастилъ пречистаго тѣла и спасительной крови Господа нашего Иисуса Христа, и содѣлалъ меня сыномъ Богу (что другое больше сего дѣлали тогда для христіанъ и Апостолы Христовы?), на этого самаго нынѣ я посмотрѣть не хочу и не привѣтствую его, потому что считаю это стыдомъ для себя; не выхожу встрѣтить его, когда онъ идетъ ко мнѣ, чтобы почитать его и принять привѣтливо, но говорю слугѣ своему съ досадою: чего онъ тамъ хочетъ? скажи ему, что господинъ твой занятъ и не имѣетъ времени принять его. Не говорю уже о томъ, что еще хуже и непочетнѣе этого дѣлаютъ не только монахамъ, но и іереямъ, тѣ самые, которые исповѣдаются у нихъ и повѣряютъ имъ души свои. Бываетъ, что иной только-что изберетъ кого-либо себѣ въ духовные отцы и учителя посредствомъ исповѣди у него, и не спустя нѣскольکو времени, а тотчасъ же, какъ назоветъ себя духовнымъ ему сыномъ, начинать высказывать гордость предъ симъ духовнымъ отцемъ своимъ, и вмѣсто того, чтобы быть духовнымъ чадомъ и ученикомъ, становится отцемъ духовнымъ и учителемъ и начинаетъ читать уроки отцу своему духовному, противорѣчить ему и уничтожать его, если случится, что онъ скажетъ ему что-либо не по нраву его; а пройдетъ сколько-нибудь времени, онъ и совсѣмъ забываетъ, что есть у него духовный отецъ и учитель. Если же духовный отецъ самъ ходитъ къ нему, но не творитъ воли его, и не поблажаетъ желаніямъ его,

или, лучше сказать, не падаетъ и самъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ и погибнуть, то онъ оставляетъ его и находитъ другаго, который бы послѣдовалъ его плотскимъ пожеланіямъ.

Такимъ образомъ все духовное у насъ, какъ и самъ ты видишь и знаешь, нынѣ въ безпорядкѣ находится, разстроено; чинъ и преданіе апостольское забыты и заповѣди Христовы оставлены. И это бѣдственное зло живетъ въ нынѣшнемъ родѣ, при всемъ томъ, что всѣ мечтаютъ о себѣ, что они достаточно изучили божественное, знаютъ заповѣди Божіи и могутъ разсудить, что и какъ подобаетъ имъ творить. И еще вотъ что: думая, что все нынѣшнее священство есть совокупность лицъ недостойныхъ и грѣшныхъ, они держатъ однакожь убѣжденіе, что благодать Божія дѣйствуетъ и чрезъ нихъ недостойныхъ; но вѣруя, что несомнѣнно получаютъ дары святаго Духа, какъ залогъ вѣчныхъ благъ, обѣтованныхъ намъ, посредствомъ таинствъ, совершаемыхъ сими лицами, они однакожь отворачиваются отъ іерея, чрезъ посредство коего дается имъ это, и презираютъ его, какъ грѣшника, недостойнаго священства. Также относятся они и къ духовникамъ своимъ: думаютъ, что посредствомъ исповѣди у нихъ они получаютъ отпущеніе грѣховъ своихъ, а ихъ самихъ считаютъ лишенными всякой добродѣтели, не имѣющими никакого дерзновенія предъ Богомъ, и ставятъ ихъ на одну линію со всѣми другими людьми. Такъ вотъ въ какомъ состояніи находятся у насъ почти всѣ: думаютъ, что и они получаютъ, или лучше сказать, похищаютъ всѣ тѣ духовные дары, которые Богъ даровалъ Апостоламъ, Апостолы же передали тѣмъ, которые увѣровали посредствомъ ихъ во Христа, а достойной чести и вѣры тѣмъ, чрезъ которыхъ подаются имъ сіи дары, не воздаютъ:—каковую честь въ началѣ Апостолы воздавали Владыкѣ Христу, Апостоламъ—потомъ ученики ихъ, а этимъ тѣ, которые состояли подъ ними; они же питаютъ дерзкую увѣренность, будто Богъ не требуетъ отъ нихъ, чтобъ они воздавали ее и нынѣ архіереямъ, іере-

ямъ, игуменамъ и духовникамъ своимъ. Будучи крещены младенцами, они полагають поэтому, что не виновны бывають, когда не воздають потомъ чести тому, кто крестилъ ихъ, и не благоговѣють предъ нимъ, какъ предъ духовнымъ отцемъ своимъ. Мечтается имъ также, что, выучивъ начатки христіанскихъ догматовъ еще въ дѣтствѣ, они знаютъ достаточно для благочестія, и что потому Богъ не взыщетъ съ нихъ за то, что они презирають учителей благочестія и не хотятъ болѣе ничему научаться у нихъ. Кажется имъ, что они довольно благочестивы, и ведутъ жизнь болѣе исправную, чѣмъ многіе другіе; почему надѣются, что будутъ оправданы ради этого одного. Еще,— сказать на духу грѣхи свои, исповѣдаться въ нихъ, и получить разрѣшеніе отъ духовныхъ отцовъ своихъ, этого имъ думается достаточно для спасенія, и непужно уже потомъ имъ ни вѣры болѣе имѣть къ симъ отцамъ, ни чести имъ воздавать, ни благоговѣнія оказывать, какое подобаеть имъ, какъ преемникамъ Апостоловъ, посредникамъ и молитвенникамъ за нихъ предъ Богомъ.

Такимъ-то образомъ вся вселенная нинѣ присполнена этою прелестію и этимъ зломъ. Одной этой заповѣди нарушеніе и презрѣніе все вверхъ дномъ переверотило въ церкви Божіей, повергло ее самую долу. Въ такое безчиніе и смятеніе пришла церковь, что нигдѣ почти невидно приличнаго ей благоустроенія, и признака не найдешь, чтобъ это было благообразно сочетанное тѣло Владыки. Будто мы не имѣемъ главы Христа Господа, будто мы не братья по духу, связанные другъ съ другомъ и сочетанные благодатію святаго Духа, что не допускаемъ, чтобъ cadaго изъ насъ въ своемъ чинѣ поставляли и благоустроляли первостроители церкви Божіей?! Отъ этого мы раздѣлены и разсѣяны, какъ бездушныя частицы какого-либо вещества (какъ песокъ). Такъ много поработились мы пожеланіямъ своимъ, такъ сильно, возобладали надъ нами похоти сластолюбія! Будучи увлечены ими къ угожденію себѣ лишь, мы раздробились, и отъ взаимной непріязни

и гордости отвратились и отдалились другъ отъ друга, и потеряли такимъ образомъ отличительную черту и знаменіе вѣры нашей, т.-е. любовь, о коей сказалъ Господь: *о семъ разумѣютъ вси, яко есте мои ученицы, аще любовь имате между собою* (Іо. 13, 35). Если же потеряли ее, то напрасно именуемся христіанами.

Скажи мнѣ, прошу тебя,—когда мы не любимъ духовныхъ отцевъ своихъ, доставившихъ намъ столь великія блага, что чрезъ нихъ Богъ дѣлаетъ насъ сынами своими по благодати, сопричастниками славы своей и наследниками вѣчнаго блаженства,—когда, говорю, мы не любимъ ихъ, не почитаемъ и не прославляемъ, какъ должно, какъ долженъ быть чтимъ человекъ Божій, посланный къ намъ отъ Бога,—кто можетъ повѣрить намъ, что мы имѣемъ любовь къ прочимъ братьямъ, нашимъ ближнимъ? И кромѣ сего,—если тѣхъ, коихъ имѣемъ ходатаями предъ Богомъ и молитвенниками, кои пріяли отъ Бога власть—давать намъ разрѣшеніе во всѣхъ грѣхахъ нашихъ и примирять насъ съ Нимъ, если, говорю, не принимаемъ мы ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою, какъ святыхъ, но смотримъ на нихъ, какъ на грѣшниковъ,—какъ можемъ мы надѣяться, что намъ даровано чрезъ нихъ совершенное отпущеніе грѣховъ? Ибо Господь говоритъ: *по вѣрѣ вая буди вамъ* (Мѡ. 9, 29). И точно, по мѣрѣ вѣры нашей, насколько вѣруемъ въ нихъ, такъ получимъ и отпущеніе грѣховъ нашихъ. Ктому же, если вѣрно слово, сказанное Господомъ: *пріемляй васъ Мене пріемлетъ*, и:—*отметаяся васъ Мене отметается*; то недоумѣваю, какъ тѣ, которые не держатъ въ умѣ своемъ убѣжденія, что мы должны не только любить всѣхъ людей, особенно же братій по духу, но еще должны принимать кого-либо изъ пынѣшнихъ духовныхъ мужей, какъ Апостола Христова, чтобы чрезъ посредство его принимать самаго Христа, и всякое его слово должны исполнять, какъ бы оно исходило изъ устъ самого Христа,—какъ, говорю, и какимъ другимъ способомъ таковыя могутъ принять Христа, или стяжать Его

внутри себя? А между тѣмъ многіе изъ насъ даже не знаютъ іерея крестившаго ихъ; мы же, знающіе ихъ, отвратились отъ нихъ и презрѣли ихъ, какъ я сказалъ выше; а иные даже не знаютъ, крещены ли они?—Если же этого не знаешь, то какъ можно допустить, что имѣемъ вѣру, или даже считать насъ крещеными? Я этого не понимаю: отца духовнаго мы не познали, а если и познали, то не чтимъ его, какъ отца; учителя, который училъ бы насъ благочестію, не озаботились приобрести; а если и приобрѣли, то не дѣлаемъ ничего по тому, какъ онъ насъ учитъ, но ходимъ и дѣйствуемъ, какъ волѣ нашей угодно. Что можно сказать больше этого—не знаю, и не нахожу, за что и за какую вашу добродѣтель могъ бы я назвать васъ христианами?

Бѣдный и несчастный человекъ! Чего ради не чтешь ты духовнаго отца своего, какъ апостола Христова?—Не вижу, говоришь, чтобъ онъ исполнялъ заповѣди Божіи, потому и не чту его. Но это пустой предлогъ. Ибо, скажи мнѣ, самъ-то ты лучше его исполняешь ихъ, что такъ смѣло презираешь его и осуждаешь?—Но хотя бы ты и дѣйствительно исполнилъ все заповѣди, и тогда не слѣдовало бы тебѣ осуждать его и презирать, и отвращаться отъ него, укоряя его въ перадѣніи о добромъ житіи, а напротивъ, надлежало бы и тогда любить его и почитать за тѣ блага, которыя даровалъ тебѣ Богъ чрезъ посредство его, и дѣлать его участникомъ въ твоемъ тѣлесномъ, чтобъ такимъ образомъ хоть сколько-нибудь воздать ему за то духовное добро, которое онъ доставилъ тебѣ, дабы не только сохранить дарованное тебѣ чрезъ него отъ Бога, но и приумножить то такимъ образомъ дѣйствованія. Теперь же, какъ самъ видишь, за невѣріе, неблагодарность и оставленіе духовнаго твоего отца и учителя, ты не только сгубилъ все, полученное тобою чрезъ него, но изгладилъ то самое, почему ты—христианинъ, и лишился Христа Господа. Ибо предположи въ умѣ своемъ, что царь земной прислалъ къ тебѣ какого-либо изъ само малѣйшихъ слугъ

своихъ, одѣтаго бѣдно, въ ветхія рубища, не на конѣ, а на плохомъ осликѣ или даже пѣшкомъ, но который принесъ тебѣ грамоту за царскою печатію, написанную собственноручно царемъ, и въ этой грамотѣ царь провозглашаетъ тебя братомъ своимъ и другомъ, и обѣщаетъ спустя нѣсколько времени сдѣлать тебя соучастникомъ съ собою въ царствованіи, увѣнчать главу твою царскимъ вѣнцемъ и облечь тебя въ царское одѣяніе,—скажи мнѣ, какъ бы ты отнесся къ этому слугѣ? Принялъ бы его и почтилъ, какъ царскаго слугу, и ради такихъ великихъ и истинно царскихъ обѣщаній, и такой свѣтлой славы тебя ожидающей, возрадовался вмѣстѣ съ нимъ, облагодѣтельствовалъ его по силѣ своей и наобѣщаль благодѣтельствовать и послѣ всегда,—или презрѣлъ бы его и отослалъ съ пустыми руками и безчестіемъ, по тому одному, что онъ одѣтъ въ бѣдныя одежды и пришелъ пѣшкомъ?! Если предположимъ, что ты презрѣлъ бы его такимъ образомъ, и царь узналъ объ этомъ, то похвалилъ ли бы онъ тебя за это, или бы укорилъ и осудилъ? Еслибъ самъ ты былъ этимъ царемъ, то не почелъ ли бы укоромъ и безчестіемъ себѣ такого презрѣнія, оказаннаго слугѣ твоему? И этого поношенія его не призналъ ли бы поношеніемъ себѣ? Конечно, такъ бы было. Ты такъ разгнѣвался бы на него, какъ бы онъ тебѣ самому оказалъ презрѣніе, какъ бы въ лице тебя укоряя, что имѣешь такихъ слугъ, и сказалъ бы: кто поставилъ его судьей надъ слугами моими? Не слугу моего онъ укорилъ, что по своей небрежности носить онъ такія бѣдныя и испачканныя рубища, а меня самого, что я не милосердъ и держу слугъ въ такихъ лохмотьяхъ. Такимъ образомъ ты раскаялся бы, что надѣлалъ такихъ обѣщаній этому презрителю слуги твоего, ради сего самаго презрѣнія, и вѣрно не припаялъ бы его, когда бы онъ пришелъ къ тебѣ, за то, что онъ, дерзкій, восхитилъ собственный твой судъ и осудилъ слугу твоего, котораго судить ему неумѣстно.

Обсуди все это въ себѣ самомъ, чадо мое духовное и

возлюбленное, и въ совершенствѣ уразумѣвъ настоящій порядокъ вещей, постарайся быть истиннымъ христіаниномъ не словомъ только, но и дѣломъ. Приобрѣти себѣ духовнаго отца, приобрѣти учителя, посредника и ходатая предъ Богомъ. Прилѣпись къ нему съ любовію и вѣрою, со страхомъ и желаніемъ, и будь съ нимъ какъ бы былъ съ самимъ Исусомъ Христомъ, да сподобишься чрезъ посредство его соединиться со Христомъ и содѣлаться сопричастникомъ и сонаслѣдникомъ вѣчной славы и царствія Его, чтобъ воспѣвать и славить Его со Отцемъ и Святымъ Духомъ, въ безконечныя вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОЪЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.

Въ 1873 г. мнѣ представилась надобность ѣхать за границу по совершенно особенному случаю, и я пробылъ тамъ всего двѣ недѣли. Въ такой короткій срокъ много ли можно узнать? Притомъ во все время непродолжительнаго моего пребыванія за границею я такъ былъ озабоченъ тѣми обстоятельствами, которыя меня туда вызвали, что почти не имѣлъ ни досуга, ни охоты разузнавать о многомъ. При всемъ томъ, конечно я кое-что видѣлъ, замѣтилъ и узналъ, и замѣтки свои представляю на судъ читателей Душеполезнаго Чтенія.

Начинаю съ внѣшнихъ впечатлѣній. Первое, что меня поразило за границею и что поражаетъ, какъ я слышалъ, многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ, это—для насъ необычайная чистота и опрятность, соблюдаемая тамъ вездѣ: въ вагонахъ, на большихъ и малыхъ станціяхъ, въ гостиницахъ, въ городахъ и селеніяхъ. Мнѣ показалось, что дѣже сельскія дороги въ Германіи и Швейцаріи содержатся въ такомъ порядкѣ, какъ у насъ содержатся развѣ только улицы въ Царскомъ Селѣ. Особенно проѣз-

жая вдоль живописныхъ береговъ Рейна, удивился я, что и дома поселянъ тамъ разукрашены и убраны, какъ у насъ дачи столичныхъ жителей. Вообще для русскихъ путешественниковъ въ чужихъ краяхъ, въ особенности для тѣхъ, которые подобно мнѣ попадаютъ туда изъ уѣздной лѣсной глуши, все представляется тамъ въ праздничномъ видѣ, а по возвращеніи въ Россію все имѣетъ видъ будничной: и небо сѣро, и все сѣро. Сознаюсь, что послѣ кратковременнаго пребыванія моего въ чужихъ краяхъ меня очень непріятно поразила наша русская неряшливость и неопрятность. Подумалъ я: много перенимають Русскіе у иностранцевъ, чего бы и не слѣдовало перенимать; отчего бы не поучиться у нихъ тому, въ чемъ нѣтъ грѣха и что достойно подражанія: чистотѣ, опрятности и любви къ порядку?

Второе, что послѣ нѣмецкой чистоты меня поразило въ Германіи и Швейцаріи,—это отсутствіе хваленой *нѣмецкой честности*. Меня обманывали и на желѣзныхъ дорогахъ, и въ гостиницахъ, и въ магазинахъ; обсчитывали меня и извозчики, надуль и нѣкій сѣдой кассиръ съ такою честною и добродушною фізіономіею, что я невольно вспомнилъ слово историка Шлоссера, который о комъ-то гдѣ-то говоритъ: „у него была такая добродушная фізіономія, какъ у швейцарца, когда онъ собирается васъ надуть.“ Послѣ узналъ я, что отсутствіе честности въ Германіи замѣчено многими нашими путешественниками. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1874 года (№ 118) были напечатаны письма изъ-за границы г-жи Изы Ласкошь, которая путешествовала тамъ въ одно время со мною; въ этихъ письмахъ между прочимъ вотъ что говорится: „счастливые люди, право, Нѣмцы: ремесленники у нихъ разбойничаютъ, чиновники берутъ взятки, министры изъ бѣдняковъ превращаются въ милліонеровъ, въ магазинахъ и гостиницахъ безсовѣстно обирають и надувають, всѣ кухарки крадутъ. Епископы сажаются въ тюрьму, директоры желѣзныхъ дорогъ оказываются геніальными ворами; и всегда все у нихъ

обстоять превосходно, и всѣ они всегда служатъ другимъ грѣшнымъ народамъ примѣромъ идеальной честности и порядочности.“ Дѣйствительно, какъ бы Нѣмцы ни обманывали, а все-таки они желаютъ за собой сохранить добрую славу высокой честности; и обыкновенно придумываютъ какую-нибудь мудреную теорію въ оправданіе своихъ поступковъ. Приплось мнѣ, напримѣръ, слышать такое разсужденіе: „русскіе тщеславны, изъ тщеславія любятъ сорить деньгами, поэтому извинительно и простительно, что другіе этимъ пользуются.“ Но вѣдь бываетъ же иногда, что наши соотечественники и не желаютъ быть черезчуръ щедрыми и придерживаются экономіи. Въ такомъ случаѣ нѣмцы приходятъ нерѣдко въ большое негодованіе; пачинаются споры и вымогательства; по ихъ понятіямъ русскіе какъ будто обязаны быть щедрыми. Нужно сказать и то, что большой честности въ Европѣ теперь и нельзя искать, по общему и глубокому упадку нравственности, вслѣдствіе чего обыкновенно разгарается всеобщая жажда обогащенія, усиливается во всѣхъ страсть наживаться и набивать карманы, чтобы вольнѣе и роскошнѣе пожить. Эта страсть теперь въ Европѣ обуяла всѣхъ, не исключая и гордыхъ Пруссаковъ. Въ Берлинѣ мнѣ бросилось въ глаза, что русскихъ тамъ не очень любятъ, и нисколько не скрываютъ этого, а русскія деньги очень любятъ. Въ Россіи, сколько я ни ѣздилъ, нигдѣ ни одинъ кондукторъ, даже ни одинъ сторожъ на желѣзной дорогѣ не просилъ у меня на чай; а въ Берлинѣ *оберъ-кондукторъ*, указавъ мнѣ, по моей просьбѣ, удобное мѣсто въ вагонѣ, тутъ же протянулъ руку, прося у меня подачи за свою услугу; и хотя получилъ отъ меня весьма достаточно, но въ Вержболовѣ, гдѣ мнѣ нужно было съ нимъ разстаться, опять ни сколько не стѣняясь и съ наглостію повторилъ свою просьбу.

Съ религіознымъ состояніемъ общества въ Швейцаріи и Германіи я подробно ознакомиться не могъ, по кратковременности моего пребыванія тамъ. Но изъ того, что я слышалъ и видѣлъ, нельзя было мнѣ не замѣтить, какъ

страшно усиливается безвѣріе въ Европѣ. Въ Женевѣ мнѣ рассказывали, что во Франціи составилось общество, которое имѣетъ своихъ членовъ въ Бельгіи, Швейцаріи и другихъ странахъ, и всюду усиленно старается распространять ученіе о гражданскомъ погребеніи, т.-е. чтобы покойниковъ хоронили безъ всякаго участія духовенства. Мало этимъ господамъ, что люди живутъ не по-христіански; имъ тяжело видѣть, что людей хоронятъ по-христіански. Поэтому у нихъ вотъ что дѣлается: когда гдѣ-либо умираетъ бѣднякъ, члены этого общества даютъ деньги оставшемуся семейству, чтобы оно только не приглашало духовенства, а уступило покойника въ распоряженіе общества, которое и зарываетъ его по-своему..... Кажется, никогда пропаганда никакой секты не доходила до такого безобразія, до какого теперь доходитъ пропаганда невѣрія. Впрочемъ давно уже не новость, что въ Европѣ невѣріе широкою рѣкою разливается въ обществѣ и народѣ. Но не всѣмъ извѣстно, какъ въ настоящее время въ протестантскихъ странахъ относятся къ вопросамъ вѣры самые пасторы и даже высшія протестантскія власти. Объ этомъ мнѣ пришлось кое-что узнать въ Женевѣ, центрѣ кальвинскаго міра, и въ Берлинѣ, центрѣ лютеранства.

Въ Женевѣ слышала я о недавно появившемся французскомъ переводѣ Новаго Завѣта, надѣлавшемъ въ Швейцаріи много шума, о переводѣ г. Олтрамара. Исторія этого перевода замѣчательна. Г. Олтрамаръ, пасторъ и профессоръ богословія при женевской академіи, принадлежитъ къ числу вольномыслящихъ швейцарскихъ богослововъ и пользуется у своихъ соотечественниковъ большою извѣстностью. Женевская консисторія поручила ему составить новый *исправнѣйшій* переводъ Новаго Завѣта, который и появился въ іюнѣ 1872 года и былъ одобренъ консисторіей. Въ этомъ переводѣ оказались удивительныя вещи.

Въ 1-й главѣ Евангелія отъ Іоанна въ 1-мъ стихѣ: „Слово бѣ къ Богу“, *Богу* напечатано прописною буквою

(Dieu), а „Богъ бѣ Слово“, *Bois* напечатано не прописною, а маленькою буквою (dieu).

Въ первомъ соборномъ посланіи Іоанна въ 20-мъ стихѣ 5-й главы Олтрамаръ повтореніемъ и вставкою словъ, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, такъ затемнилъ и исказилъ смыслъ апостольскихъ словъ, что переводъ трудно и понять. Ясно одно, что слова: „Сей есть истинный Богъ“ Олтрамаръ не относитъ къ Господу нашему Иисусу Христу.

Въ 9-й главѣ посланія къ Римлянамъ въ 5-мъ стихѣ: „отъ нихъже Христось по плоти, сый надъ всѣми Богъ, благословенъ во вѣки“, Олтрамаръ послѣ словъ „Христось по плоти“—ставитъ точку, и такимъ образомъ слова: „сый надъ всѣми Богъ“ не относитъ ко Христу.

Во 2-й главѣ посланія къ Титу въ 13-мъ стихѣ: „ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа“, Олтрамаръ слова: „великаго Бога“ отдѣляетъ отъ словъ: „и Спаса нашего Иисуса Христа“ повторенною французскою частицею *de*: „*l'apparition de la gloire du grand Dieu et de notre sauveur Jesu Christ*“. Значитъ и въ этомъ мѣстѣ выраженіе: „великаго Бога“ не относится къ Господу Иисусу Христу.

Много другихъ произвольныхъ вставокъ, опущеній и искаженій встрѣчается въ переводѣ Олтрамара. Но остановимся на указанныхъ нами. Какое заключеніе можно изъ нихъ вывести? Выводъ ясенъ. Олтрамаръ отвергаетъ Божество Господа нашего Иисуса Христа и вслѣдствіе этого старается въ переводѣ своемъ затемнить и исказить всѣ мѣста Новаго Завѣта, въ которыхъ ясно свидѣтельствуется, что Господь Иисусъ Христось есть истинный Богъ. Что я не напрасно въ этомъ обвиняю г. Олтрамара, это подтверждается собственными его словами. Не задолго до моего пріѣзда въ Женеву была имъ издана брошюрка *)

*) Version nouvelle du Nouveau Testament. Réponse à M. W. J. Lowe par Hugues Oltramare, Pasteur et Professeur de théologie à l'Académie de Genève. 1873.

въ отвѣтъ одному изъ его критиковъ. Въ этой брошюркѣ, оправдывая свой переводъ 5-го стиха 9-й главы къ Римлянамъ, Олтрамаръ утверждаетъ, что если слова: „сый благословенъ Богъ“ отнести къ Господу Иисусу Христу, то этимъ будто бы отождествляется Сынъ Божій съ Богомъ Отцемъ, и черезъ это будто бы нарушается различіе лицъ святой Троицы и вводится Савеліева ересь. Вотъ какая путаница понятій, какое незнаніе самыхъ основныхъ богословскихъ истинъ встрѣчаются у западныхъ ученыхъ богослововъ!

Переводъ Олтрамара вызвалъ сильныя возраженія со стороны трехъ швейцарскихъ пасторовъ. Но въ пяти самыхъ распространенныхъ швейцарскихъ богословскихъ журналахъ о немъ отозвались съ похвалою и, какъ уже сказано, переводъ этотъ былъ одобренъ женевской консисторіей (*Compagnie des pasteurs de Genève*).

Нужно замѣтить, что женевская консисторія не придерживается твердо никакого образа мыслей. Составъ ея и направленіе мѣняются, какъ въ любомъ европейскомъ политическомъ собраніи. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ въ женевской консисторіи составляли большинство противники богословской новизны, а въ 1873 году въ ней преобладали уже пасторы вольнодумцы. Но замѣчательно, что уже въ то время, когда направленіе этой консисторіи было болѣе охранительное, она поручила новый переводъ книгъ Новаго Завѣта Олтрамару, несмотря на то, что образъ его мыслей давно уже всѣмъ былъ извѣстенъ.

Въ 1861 г. въ Женевѣ было засѣданіе общества евангелической уни. Какъ извѣстно, приверженцы этого общества, основаннаго по мысли прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, стремятся къ тому, чтобы установить единеніе между различными протестантскими сектами; на примѣръ они желали бы, чтобы лютеране принимали причастіе изъ рукъ кальвинскихъ пасторовъ, а кальвинисты отъ лютеранскихъ. Чтобы сдѣлать возможнымъ такое единеніе разномыслящихъ сектъ, приверженцы этой уни

учать, что слѣдуетъ равнодушно смотрѣть на различія въ вѣроученіи лютеранскомъ и кальвинскомъ, и довольствоваться согласіемъ, въ „важнѣйшихъ“ христіанскихъ догматахъ. Такъ и общество евангелической уніи въ Женевѣ объявило, что оно, *несмотря ни на какія догматическія разногласія*, принимаетъ къ своему общенію всѣхъ, лишь бы они признавали основныя истины христіанства: троичность лицъ Божества, искупленіе рода человѣческаго крестною смертію Господа Иисуса Христа и др. Каждый искренно вѣрующій христіанинъ будетъ недоумѣвать, какой смыслъ въ такомъ единеніи, если лютеране и кальвинисты только наружно будутъ пріобщаться вмѣстѣ, а внутренно оставаться при своихъ различныхъ вѣрованіяхъ относительно многихъ христіанскихъ догматовъ и даже относительно самой евхаристіи? Но швейцарскимъ пасторамъ, любителямъ свободы вѣрованія, широкая программа евангелической уніи показалась слишкомъ узкой. Не признавая *никакого* положительнаго исповѣданія вѣры, они объявили, что считать ученіе о святой Троицѣ обязательнымъ для христіанина, значитъ отвергать свободу изслѣдованія въ вопросахъ вѣры; потому они убѣждали женевцевъ не участвовать въ засѣданіяхъ евангелической уніи. Вслѣдъ за тѣмъ явилось печатное объявленіе 57-ми швейцарскихъ пасторовъ, что они признаютъ догматъ о Троичности лицъ въ Божествѣ и приглашаютъ вѣрующихъ присоединиться къ нимъ. Но вскорѣ явилось и другое объявленіе, подписанное другими пасторами въ числѣ 21, что они не признаютъ догмата о Троичности лицъ Божества и также приглашаютъ вѣрующихъ послѣдовать за ними. Первое объявленіе было подписано большею частію *отставными* пасторами, второе же служащими и пользующимися большею извѣстностью въ Швейцаріи; и во главѣ этихъ-то пасторовъ, открыто объявившихъ, что они не вѣруютъ въ святую Троицу, былъ Олтрамаръ *); и такому-

*) См. въ Духовной Бесѣдѣ 1861 г. Церковную лѣтопись 9-го декабря стр. 742—744.

то человѣку женевская консисторія поручила составить переводъ Новаго Завѣта, ею и одобренный!

Если безъ сомнѣнія нельзя назвать христіаниномъ человѣка, не вѣрующаго въ святую Троицу и не признающаго Божество Господа Иисуса Христа, то что же сказать объ обществѣ, въ которомъ пастыри открыто отвергають эти основныя христіанскіе догматы, и для распространенія своихъ нечестивыхъ мыслей искажаютъ самое слово Божіе, и несмотря на это пользуются любовью и уваженіемъ паствы, и одобреніемъ высшей мѣстной духовной власти?

Желая поближе познакомиться съ состояніемъ реформатской церкви въ Швейцаріи, я по совѣту многоуважаемаго настоятеля тамошней нашей русской церкви, о. протоіерея Аѳанасія Петрова, обратилъ вниманіе на новѣйшіе катихизисы швейцарскіе. Въ двухъ изъ просмотрѣнных мною катихизисахъ, изданныхъ въ 1867 и въ 1869 г. *) признаются нѣкоторыя, хотя не всѣ, главныя догматы христіанства, но за то повторяются извѣстныя кальвинскія заблужденія; проглядываютъ кальвинскія мрачныя понятія о предопредѣленіи; ученіе объ евхаристіи изложено неправильно, въ кальвинскомъ духѣ; понятія о Церкви смутныя и превратныя. Кромѣ этихъ давнишнихъ кальвинскихъ заблужденій замѣчательно, что ни въ одномъ изъ этихъ, сравнительно лучшихъ, катихизисовъ въ основаніе христіанскаго ученія не положено никакого Символа Вѣры; всякое положительное исповѣданіе вѣры современныя протестантскіе богословы почитаютъ стѣснительнымъ.

Въ третьемъ новѣйшемъ швейцарскомъ катихизисѣ **) не очень замѣтны особенности кальвинскаго ученія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаются всѣ основныя христіанскіе

*) Formulaire d'instruction chrétienne. Genève, 1876. Le règne de Dieu. Essai d'un cours systématique d'instruction religieuse. Lausanne. 1869.

**) La religion chrétienne. Précis d'instruction religieuse. Genève. 1872.

догматы, и почему онъ называется христіанскимъ катихизисомъ, рѣшительно непонятно.

Въ предисловіи сказано, что эта книга составлена по нѣмецкому сочиненію, весьма распространенному въ восточной, нѣмецкой Швейцаріи, и припаровлена къ понятіямъ французскихъ швейцарцевъ. Тексты изъ Новаго Завета приводятся въ этомъ катихизисѣ уже по переводу г. Олтрамара. Разбирать содержаніе этого катихизиса не берусь, но чтобы дать о немъ понятіе, скажу о томъ, *чего въ немъ нѣтъ*. Въ немъ не говорится ни о святой Троицѣ, ни о Божествѣ Господа Иисуса Христа, ни о сотвореніи міра, ни объ Ангелахъ, ни о демонахъ, ни о рабѣ, ни о грѣхопадевіи прародителей, ни объ искупленіи рода человеческого крестною смертію Сына Божія, ни о страшномъ судѣ, ни о вѣчныхъ мукахъ, и даже о безсмертіи души говорится какъ-то очень туманно и неопредѣленно. Вообще въ этомъ катихизисѣ отстранена вся положительная, догматическая часть христіанскаго ученія; а остались нѣкоторыя общія истины о бытіи Божіемъ, нѣкоторыя нравственныя понятія. Вѣрнѣе сказать, читая содержащіяся въ этомъ катихизисѣ разсужденія, чувствуешь, что словами, заимствованными отъ христіанскаго ученія, прикрываются мысли современнаго невѣрія. Люди невѣрующіе должны быть очень довольны этимъ катихизисомъ; онъ предлагаетъ имъ христіанство, которое они могутъ принять, оставаясь при своемъ невѣріи. Катихизисъ этотъ очень распространенъ во французскихъ кантонахъ Швейцаріи, и понемногу вытѣсняетъ прежніе катихизисы. Вотъ въ какомъ печальномъ состояніи христіанство въ протестантскихъ обществахъ! Не отвергаю, что не всѣ протестанты слѣдуютъ новѣйшимъ ученіямъ пасторовъ вольнодумцевъ; часть протестантскаго общества старается сохранить остатки положительнаго христіанскаго ученія, по эта часть замѣтно ослабѣваетъ и уменьшается.

Въ Женевѣ я видѣлъ и приобрѣлъ себѣ книгу: „Протоколы и акты общаго собранія реформатской церкви, быв-

шаго въ Парижѣ съ 6-го іюня по 10-е іюля 1872 г.“ *) Изъ этой книги можно видѣть, въ какомъ состояніи теперь находится реформатская церковь. На первыхъ засѣданіяхъ этого собранія возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли признавать такъ называемый апостольскій Символъ Вѣры и вообще какое-либо положительное исповѣданіе вѣры. Множество ораторовъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ доказывали, что если 'признать какое-либо положительное исповѣданіе вѣры обязательнымъ, то этимъ будетъ стѣсняться *христіанская* свобода. Эти ораторы, большею частію пасторы, открыто объявили, что они не вѣруютъ ни въ святую Троицу, ни въ Божество Сына Божія, ни въ воскресеніе Христово и никакого положительнаго исповѣданія вѣры не признаютъ. Одинъ изъ господъ говорившихъ въ этомъ смыслѣ, желая доказать, что всякое опредѣленное вѣроученіе противно духу протестантства, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „*протестантъ всегда ищетъ истины и никогда не можетъ сказать, что нашелъ ее*“. Итакъ, реформатскій пасторъ сравнилъ своихъ единовѣрцевъ съ тѣми, о которыхъ апостолъ говоритъ, что они всегда учатся и никогда въ разумъ истины прійти не могутъ (2 Тим. 3, 6). Если протестанты никогда не могутъ сказать, что они нашли истину, то значить, что они еще не обрѣли Того, Кто о Себѣ свидѣтельствовалъ, что Онъ путь, истина и животъ.

Другіе пасторы возражали, что каждая церковь имѣетъ какое-либо собственное свое ученіе и что церковь безъ исповѣданія вѣры не можетъ существовать, какъ тѣло безъ души. Послѣ горячихъ преній пустили вопросъ на голоса. Изъ 106 присутствовавшихъ въ засѣданіи 61 подали голосъ въ пользу того, что собранію слѣдуетъ признать какое-либо исповѣданіе вѣры, а 45 противъ этого. Итакъ на этотъ разъ совершенное невѣріе отвергнуто, но не-

*) XXX-e Synode gèneral de l'èglise roformée de France. Première session tenue à Paris du 6 juin au 10 juillet 1872 г. Procès verbant et actes. Paris 1873 4°. 458.

значительнымъ большинствомъ $\frac{4}{7}$ противъ $\frac{3}{7}$. Притомъ изъ числа защитниковъ апостольскаго Символа Вѣры многіе отстаивали его только потому, что считали опаснымъ не противиться распространенію невѣрія; но замѣтно было, что они сами плохо вѣрують и путаются въ понятіяхъ о вѣрѣ. Такъ одинъ изъ нихъ объяснилъ, что *сошествіе во адъ* Христа Спасителя означастъ только Его *погребеніе*. Вообще, не говоря уже о томъ, что число приверженцевъ невѣрія на западѣ съ каждымъ днемъ увеличивается, можно ли назвать христіанскимъ то общество, въ которомъ считается нерѣшеннымъ вопросомъ, слѣдуетъ ли вѣрить чему нибудь, или нѣтъ?

На возвратномъ пути изъ Женевы я былъ и въ Берлинѣ (въ концѣ іюля 1873 г.). Здѣсь я узналъ, что не задолго передъ тѣмъ дѣло пастора Сидова (Sydow) рѣшено въ Евангелическомъ верховномъ церковномъ совѣтѣ отчасти въ его пользу, и за нѣсколько дней до моего прибытія въ Берлинъ вышла въ свѣтъ брошюрка его *). Подробности этого любопытнаго дѣла заключаются въ слѣдующемъ.

Въ январѣ 1872 года Сидовъ 72-лѣтній старикъ, одинъ изъ любимѣйшихъ берлинскихъ пасторовъ, читалъ публичныя лекціи въ зданіи ратуши, и на одномъ изъ своихъ чтеній предъ многочисленною публикою высказалъ такія мнѣнія, которыми явно отвергалось, что Господь Иисусъ Христосъ родился отъ Духа святаго и отъ Дѣвы Маріи. Вслѣдъ за тѣмъ лекція Сидова появилась и въ печати. Это надѣлало въ Берлинѣ много шума. Берлинская консисторія отрѣшила его отъ должности. Сидовъ подалъ аппелляціонную жалобу, и „верховный церковный совѣтъ“, разсмотрѣвъ это дѣло, возстановилъ пастора Сидова въ его должности, и ограничился тѣмъ, что за неумѣстность его публичной лекціи сдѣланъ ему строгій выговоръ.

Вотъ въ какомъ положеніи лютеранская церковь! Па-

*) Actenstücke, betreffend das... über mich verhaengt: Disciplinerverfahren. Berlin. 1873.

сторь публично выражаетъ мнѣніе совершенно противное Евангелію, которое и лютеране признаютъ за основаніе своего вѣроученія, и, несмотря на это, высшая протестантская мнимо-церковная власть дозволяетъ ему оставаться пасторомъ. Читая оправдательную записку Альферта, защитника пастора Сидова, нельзя не удивляться, какія легкомысленныя и ни съ чѣмъ несообразныя сужденія высказываются въ Германіи въ высшихъ богословскихъ сферахъ. Альфертъ предъ верховнымъ церковнымъ совѣтомъ смѣло утверждаетъ, что Никейскій Символь Вѣры будто бы „составленъ, какъ извѣстно, подъ авторитетомъ и вліяніемъ деспотическихъ императоровъ, для которыхъ христіанство служило только орудіемъ власти. Еслибы могущественное государство Вандаловъ въ Африкѣ въ борьбѣ съ Византіяцами не было разрушено Велисаріемъ, то могло бы случиться, что ученіе Аріево сдѣлалось бы господствующимъ“. Странно читать такія нелѣпыя разсужденія, но еще болѣе странное и тяжелое впечатлѣніе остается при чтеніи постановленія по этому дѣлу верховнаго „церковнаго“ совѣта: такъ явно видны въ этомъ постановленіи шаткость убѣжденій и отсутствіе всякаго твердаго и опредѣленнаго вѣрованія. Чувствуется, что сочинители этого постановленія по своему офиціальному положенію считали себя обязанными порицать пастора Сидова, а между тѣмъ въ душѣ своей очень равнодушно къ этому относились, и потому слабо и вяло опровергали кощунственныя выходки вольномыслящаго проповѣдника. Между прочимъ Сидовъ въ одной изъ поданныхъ имъ бумагъ смѣло утверждаетъ, что берлинская консисторія по его мнѣнію ошибается, признавая однимъ изъ основныхъ догматовъ Евангелической лютеранской церкви ученіе о томъ, что Господь Іисусъ Христосъ воплотился отъ Духа святаго и Маріи Дѣвы; и на это утвержденіе пастора Сидова верховный „церковный“ совѣтъ ничего не нашелся возразить. Какъ не быть послѣ этого въ недоумѣніи и не спросить себя: какое же Евангеліе читаютъ берлинскіе

богословы? и почему ихъ церковь называется Евангелическою? Замѣчательно и то, что Сидовъ, какъ сказано, одинъ изъ любимѣйшихъ проповѣдниковъ въ Берлинѣ, и что у него обучаются закону Божию болѣе двухсотъ дѣтей всѣхъ сословій. Берлинская консисторія, по отрѣшеніи его отъ должности, запретила было ему учить дѣтей. Сидовъ подалъ въ верховный церковный совѣтъ прошеніе о снятіи этого запрещенія. Туда же поступило и отъ 80-и берлинскихъ жителей прошеніе, чтобы было дозволено „Сидову обучать ихъ дѣтей“. Церковный совѣтъ отвѣтилъ, что можетъ это дозволить только въ томъ случаѣ, если Сидовъ согласится въ своихъ урокахъ не говорить ничего противнаго ученію Евангелической церкви. Сидовъ заявилъ, что онъ *при дѣтяхъ* не касается спорнаго вопроса. Церковный совѣтъ удовлетворился этимъ заявленіемъ и еще до возстановленія Сидова въ его должности дозволилъ ему продолжать уроки Закона Божія. Куда зашло лютеранство? Человѣкъ, который предъ цѣлымъ городомъ, предъ духовнымъ своимъ начальствомъ, открыто и дерзко заявляетъ свои нечестивыя мысли о Рождествѣ Господа нашего Іу-суса Христа, по мнѣнію протестантскихъ мнимо-церковныхъ властей, можетъ быть христіанскимъ законоучителемъ..., лишь бы при дѣтяхъ объ этомъ не говорить. Какое грубое невѣріе! И какое грубое лицедѣріе! Послѣ всего этого какъ не согласиться съ мнѣніемъ г. Кира Заруцкаго, что „Германскій пасторскій протестантизмъ давно есть не что иное, какъ замаскированный именемъ христіанства раціонализмъ“ *), или вѣрнѣе сказать, явное невѣріе. Ученые пасторы хотятъ умомъ изслѣдовать такія таинства вѣры, которыя выше человѣческой природы и обыкновеннаго порядка вещей, и которыхъ никакой умъ постигнуть не можетъ. Св. Іоаннъ Златоустъ говорить: мы не знаемъ, что такое наша душа въ сущности; даже и того не можемъ

*) См. статью: Современныя явленія въ протестантскомъ мірѣ. Гражданинъ. 1874 № 22.

сказать, какъ она находится въ тѣлѣ нашемъ; вкушаемъ яства, но какъ они обращаются въ кровь и въ соки, не знаемъ; того, что мы каждый день видимъ и вкушаемъ, не разумѣемъ; какъ же можемъ изслѣдовать Божество *)? Но протестантскихъ богослововъ такія соображенія не останавливаютъ. Въ своей надменной пытливости они всѣ христіанскіе догматы подвергаютъ разсудочному изслѣдованію, которое, по словамъ св. Василія Великаго, ведетъ къ тому, чтобы найти не вѣру, а безвѣріе. Напримѣръ, вопросъ о воскресеніи Христовомъ для всѣхъ вѣрующихъ христіанъ давно рѣшенъ: *Христосъ воскрес! воистину воскрес!* Въ этихъ немногихъ словахъ какъ ясно и какъ твердо исповѣдывается основной догматъ христіанской Вѣры, основаніе нашего спасенія! Но для современныхъ саддукеевъ этого мало. Мнѣ рассказывали, что лѣтъ двѣнадцать тому одно голландское ученое общество назначило премію за лучшее сочиненіе, въ которомъ бы убѣдительно и доказательно, по ученому, рѣшенъ былъ вопросъ: дѣйствительно ли воскресъ Господь Іисусъ Христосъ или нѣтъ? Представлено было нѣсколько сочиненій, въ которыхъ вопросъ разрѣшался отрицательно; а въ одномъ сочиненіи доказывалось, что воскресеніе Христово было только въ философскомъ смыслѣ. Ученое общество ни одного изъ представленныхъ сочиненій не признало удовлетворительнымъ, и преміи никому не выдало, и такъ вопросъ остался нерѣшеннымъ. По истинѣ, таинства Божіи открываются только смиренной вѣрѣ, а для горделиво испытующихъ оныя остаются недоступны. Св. Исаакъ Сиринъ говоритъ: „вѣрою нашею разумѣваемъ непостижимое, а не изслѣдованіемъ и силою разума; ибо вѣра выше и тоньше разума, какъ разумъ тоньше чувственныхъ предметовъ. Разумъ не растворенный вѣрою кичитъ; а возносящемуся о своей премудрости попускается отъ Бога

*) Бесѣда св. Іоанна Златоустаго противъ Апомеевъ, о непостижимомъ.

впасть въ темныя сѣти невѣжества. Вѣра же есть дверь таинствъ: какъ тѣлесными очами мы взираемъ на видимую природу, такъ вѣра мысленными очами взираетъ на сокровенныя тайны; и сокровищъ вѣры не вмѣщаютъ небо и земля“.

Въ Женевѣ, въ Висбаденѣ и въ Берлинѣ видѣлся я съ досточтимыми настоятелями тамошнихъ русскихъ церквей. Въ Женевѣ же я встрѣтился съ о. діакономъ римской церкви. Не распространяясь о моемъ знакомствѣ съ ними, позволю себѣ сдѣлать общее замѣчаніе. Какъ извѣстно, наши духовныя лица въ чужихъ краяхъ ходятъ тамъ въ свѣтской одеждѣ, въ сюртукахъ, и только въ церкви и при совершеніи требъ надѣваютъ рясы. Поступаютъ они такъ не по личному своему усмотрѣнію, а по общепринятому правилу. Поводомъ къ установленію этого правила, какъ мнѣ говорили, послужилъ случай, бывшій въ Лондонѣ, лѣтъ 30 или около 40 тому, когда синодальнымъ оберъ-прокуроромъ былъ графъ Протасовъ. Тогдашній настоятель русской посольской церкви въ Лондонѣ, проходя въ рясахъ по одной изъ лондонскихъ улицъ, подвергся насмѣшкамъ и оскорбленіямъ со стороны народной толпы. Во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ и для огражденія достоинства нашихъ заграничныхъ священниковъ, съ тѣхъ поръ и принято было за правило употреблять имъ священническое одѣяніе только при богослуженіи. Думаю, что еслибы оскорбленный священникъ показалъ болѣе присутствія духа, и главное, еслибы тогдашній посланникъ нашъ въ Лондонѣ вступился за поруганную честь русскаго іерея съ такою твердостью, съ какою англичане во всѣхъ концахъ міра защищаютъ своихъ поданныхъ, то наше духовенство стало бы пользоваться въ Лондонѣ бѣльшимъ уваженіемъ, и за тѣмъ не было бы надобности замѣнять рясу сюртукомъ. Греческіе архимандриты и священники въ Лондонѣ, въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ и другихъ европейскихкихъ городахъ являются вездѣ въ рясахъ и камилавкахъ, и ничего дурнаго изъ этого не выходитъ. Слышалъ

я, что и настоятель одной изъ русскихъ заграничныхъ церквей (въ южной Франціи) не считаетъ нужнымъ измѣнять своего одѣянiя и черезъ это не только не подвергается какимъ-либо оскорбленiямъ, но напротивъ пользуется особеннымъ уваженiемъ всего тамошняго населенiя *). По себѣ скажу, что я, проѣзжая изъ Москвы чрезъ Вѣну въ Жспеву, и оттуда обратно чрезъ Берлинъ въ Москву, нигдѣ одѣжды своей не перемѣнялъ, и черезъ это ничего ни непрiятнаго, ни особеннаго не произошло. Только *на первой станціи отъ Москвы* два молодыхъ англичанина, съ которыми пришлось сидѣть въ одномъ вагонѣ, позволили себѣ непрiятное глумленiе надо мною и надъ моимъ товарищемъ; за границею же ничего подобнаго я не встрѣчалъ. Иностранцы, живущіе въ Россіи и избалованные снисходительностію русскихъ, иногда очень забываются; а иностранцы въ чужихъ краяхъ держатъ себя гораздо приличнѣе, и я собственнымъ опытомъ убѣдился, что нашимъ духовнымъ лицамъ тамъ нѣтъ никакой надобности ходить въ сюртукъ или во фракъ. Положимъ, что ряса съ широкими рукавами дѣйствительно не любятъ въ Европѣ, и среди многолюднаго собранiя онѣ могутъ бросаться въ глаза. Можно не обращать на это вниманiя. Но во всякомъ случаѣ наши подрясники, или русскія полукафтаныя (только не цвѣтные, а лучше черные) уже потому можно вездѣ смѣло употреблять, что они мало отличаются отъ костюма духовныхъ лицъ латинской церкви, который, какъ извѣстно, состоитъ изъ очень длиннаго сюртука до самыхъ пятокъ. Въ этомъ одѣянiи латинскіе патеры вездѣ встрѣчаются въ Европѣ и къ нему давно тамъ все прiсмотрѣ-

*) Въ послѣднее время слышно, что и въ Прагѣ нашъ священникъ также ходитъ въ рясу. Одному изъ близкихъ моихъ знакомыхъ (редактору Душеп. Чтенiя) пришлось видѣть фотографическій снимокъ, изображающій собраніе представителей православнаго духовенства, присутствовавшихъ на боннской конференціи въ 1875 году, грековъ, славянъ, румынъ и русскихъ. Одни русскіе представлены въ сюртукахъ, тогда какъ все остальные въ рясахъ и камлавкахъ.

лись. Поэтому и наши подрясники или полукафтаны никому тамъ не покажутся странными, тѣмъ болѣе, что они гораздо благообразнѣе означенной одежды католическаго духовенства. Въ постоянномъ же мѣстѣ жительства, среди населенія болѣе или менѣе знакомаго, по моему мнѣнію, нашимъ священникамъ можно и должно нисколько не стѣсняясь ходить въ рясы.

Можетъ быть мнѣ возразятъ: послѣ того какъ лѣтъ 30 или 40 наши священники въ чужихъ краяхъ ходили въ свѣтскомъ платьѣ, неловко имъ вдругъ опять являться тамъ въ рясахъ. Но если никому не показалось неловкимъ отступить отъ правила, которое соблюдалось 1500 лѣтъ и болѣе, и заставить священниковъ ходить въ свѣтской одеждѣ, то почему же теперь, черезъ 40 лѣтъ, не возвратиться опять къ прежнему порядку?

Святые отцы сказали, что иное расположеніе души у человѣка, ѣдущаго на конѣ, иное у сидящаго на престолѣ и иное у сидящаго на землѣ, иное у носящаго красивую одежду и иное у носящаго худую. Можно еще сказать: иное расположеніе у человѣка въ мірскомъ платьѣ и иное у человѣка въ священническомъ одѣяніи. Желалъ бы я знать, какое душевное расположеніе у священника въ одеждѣ мірянина? Какія странныя должны быть въ его душѣ ощущенія! Не бывають ли минуты, когда онъ какъ бы стыдится священнаго своего сана и чувствуетъ себя міряниномъ? Какъкая надобность ставитъ нашихъ іереевъ въ такое странное положеніе? Не говоримъ уже объ ощущеніяхъ благочестивыхъ мірянъ при встрѣчѣ съ переодѣтыми пастырями. Какъ бы кто объ этомъ ни разсуждалъ, во всякомъ случаѣ прискорбно, что наши духовныя лица въ этомъ отношеніи отличаются и отъ греческаго духовенства, и даже отъ служителей латинской церкви, въ которой, какъ и у насъ, священство признается таинствомъ, а подражаютъ лютеранскимъ и реформатскимъ пасторамъ, которымъ очень прилично носить свѣтскую одежду потому, что, хотъ они и говорятъ проповѣди и какъ-то отправляютъ

духовныя требы, но все-таки они міряне, а не священники: у протестантовъ не сохранилось апостольскаго преемства, нѣтъ и никогда не было епископовъ, законно рукополагающихъ; откуда же у нихъ могло бы взяться священство? Это такъ очевидно, что сами протестанты не почитаютъ своей „ординаціи“ (пастырскаго поставленія) таинствомъ, сами не признаютъ въ своихъ пасторахъ священнаго характера. На послѣднемъ общемъ собраніи представителей реформатской церкви въ Парижѣ, о которомъ я уже упоминалъ, на первомъ же засѣданіи было провозглашено и безъ возраженія всѣми принято, что пасторство есть не священныи санъ, а просто должность (le pastorat est une fonction) *), и что поэтому какъ только пасторъ перестаетъ исправлять свою должность, то онъ не болѣе какъ мірянинъ. Сказать вѣрнѣе, пасторъ въ нѣкоторомъ отношеніи даже менѣе мірянина. По ненависти къ іерархіи, у протестантовъ мірянамъ предоставлены многія преимущества въ церковныхъ дѣлахъ: въ совѣщательныхъ ихъ собраніяхъ міряне непремѣнно должны составлять большинство передъ пасторами; въ консисторіяхъ предсѣдательствуетъ не пасторъ, а свѣтскій чловѣкъ и т. д. Поэтому и по всему складу протестанства, нисколько не удивительно, что пасторы не особенно дорожатъ своимъ пасторствомъ, и ставятъ себѣ въ честь ни въ чемъ не отличаться отъ мірянъ. На томъже Парижскомъ реформатскомъ собраніи одинъ бывшій пасторъ до того увлекся, что воскликнулъ: *слава Богу, я уже не пасторъ!* Но эта выходка и реформатамъ показалась неприличною, и вызвала порицаніе. Въ Женевѣ слышалъ я, что одинъ изъ тамошнихъ богословскихъ, или духовныхъ писателей, очень извѣстный и въ Россіи, любитъ въ своихъ сочиненіяхъ и вездѣ выставлять, что онъ бывшій *professeur*; а что онъ *ancien pasteur*, бывшій *пасторъ*, это онъ

*) См. XXX-e. Synode Général de l'église réformée de France. Стран. 26. ●

очень тщательно скрываетъ. Пасторамъ такъ поступать еще простительно; но хорошо ли, если имъ хоть бы въ одеждѣ будутъ подражать священно-служители нашей великой, истинной православной Церкви?

Скажу нѣсколько словъ и о нашихъ соотечественникахъ, путешествующихъ за гравией. Понималъ я и прежде, что нельзя безъ прискорбія смотрѣть на пристрастіе русскихъ къ чужимъ краямъ и на частыя ихъ поѣздки туда безъ особенной надобности. Теперь же, побывавши самъ за границей и посмотрѣвши на странствующихъ тамъ соотечественниковъ нашихъ, я убѣдился, что для нихъ пребываніе въ чужихъ краяхъ въ нравственномъ и духовномъ отношеніи во многихъ случаяхъ гораздо вреднѣе, чѣмъ можно предполагать, не посмотрѣвши на дѣло вблизи. Не отвергаю, что въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ бываетъ основательная причина для поѣздки въ чужіе края, и что *нѣкоторые* не получаютъ тамъ душевнаго вреда. Но бываетъ съ нашими соотечественниками и то, о чемъ по словамъ Апостола *срамно есть и глаголати*. Въ Женевѣ я встрѣтился съ однимъ москвичемъ, который по случаю прожилъ мѣсяца три въ Венеціи. Онъ мнѣ сказалъ: „знаете ли вы, что такое Венеція? Это прибрѣжище для мужей, покидающихъ своихъ женъ, и для женъ, покидающихъ своихъ мужей. Нѣкоторые и нечаянно попадаютъ тамъ въ ловушку; большею же частію знаютъ, зачѣмъ ѣдутъ въ Венецію“. Насколько этотъ отзывъ справедливъ, пусть судятъ другіе. Но вообще заграничная жизнь растлѣвающимъ образомъ дѣйствуетъ на нашу молодежь. Иному молодому человѣку стѣбитъ только побыть мѣсяца два въ Парижѣ, чтобы развратиться въ конецъ, и чтобы въ немъ истребились послѣдніе остатки христіанскаго благочестія.

Въ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ европейскихъ городахъ устроены русскія церкви, но только въ весьма немногихъ; а путешественники наши разсыяны по всей Европѣ, и потому очень многіе изъ нихъ, если и желаютъ, рѣдко могутъ быть при православномъ богослуженіи и живутъ

вовсе безъ церкви. А другіе, живя долгое время между иностранцами, такъ перенимаютъ ихъ обычаи, что даже въ православномъ храмѣ при божественной службѣ они бываютъ болѣе похожи на иностранцевъ и иновѣрцевъ, чѣмъ на русскихъ и православныхъ. Въ одной изъ нашихъ заграничныхъ церквей я увидаль близъ самаго алтаря, впереди, хотя нѣсколько въ сторонѣ, разставленныя кресла и стулья; нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ преспокойно сидѣли на нихъ въ продолженіе всей литургіи и не вставали даже ни при чтеніи Евангелія, ни при великомъ входѣ, ни при освященіи св. Даровъ... Многіе изъ русскихъ такъ привыкаютъ къ употребляющемуся въ чужихъ краяхъ новому стилю, что нерѣдко забываютъ про наши православныя праздники. Мнѣ рассказывали, что русскій камердинеръ какого-то барина въ праздникъ Рождества Христова удивился, когда его другой Русскій поздравилъ съ праздникомъ, — и небрежно спросилъ: „а какой сегодня праздникъ?“ — Соблюденіе постовъ въ чужихъ краяхъ сопряжено съ большими затрудненіями; да и немногіе изъ нашихъ тамъ о постахъ заботятся. Въ случаѣ болѣзни наши соотечественники за границей подвергаются великимъ духовнымъ лишеніямъ. По малочисленности тамъ православныхъ церквей немногіе изъ русскихъ больныхъ могутъ пользоваться духовнымъ утѣшеніемъ и назиданіемъ православныхъ пастырей и напутствіемъ святыхъ таинъ церковныхъ. Не утѣшительныя и обстоятельныя, сопровождающія кончину нашихъ соотечественниковъ. Если кто изъ путешествующихъ русскихъ умираетъ гдѣ-либо въ гостиницѣ, обыкновенно содержатель требуетъ отъ находившихся при покойномъ, положенный на этотъ случай, *штрафъ* подъ названіемъ: *indemnité légale pour cas de mort* (законное вознагражденіе на случай смерти). Этотъ штрафъ требуется подъ предлогомъ, что послѣ покойника нужно перемѣнить обои, мебель, и т. п., хотя конечно это никогда не дѣлается: покурять уксусомъ, да и только. Снисходительные содержатели гостиницъ взимаютъ этотъ штрафъ въ коли-

чествѣ 500 франковъ, другіе же берутъ 1000 франковъ. Случается,—если кто умретъ въ гостиницѣ, то чтобы никого не потревожить непріятнымъ зрѣлищемъ гроба, покойника выносятъ по черной лѣстницѣ, и въ закрытой темной каретѣ отвозятъ въ церковь (если она имѣется), и конечно безъ сопровожденія священника: никакія религіозныя процессіи въ Европѣ не терпятся. Но многіе изъ нашихъ путешественниковъ умираютъ въ такихъ городахъ, гдѣ нѣтъ ни православной церкви, ни православнаго священника; и тогда ихъ хоронитъ нерѣдко лютеранскій пасторъ на лютеранскомъ кладбищѣ; значитъ они бывають лишены всякихъ молитвъ, такъ какъ у протестантовъ нѣтъ молитвъ объ усопшихъ. Останки нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, умершихъ за границую, привозятся обратно въ Россію; но и это бываеть сопряжено съ большими затрудненіями. Когда одна, очень извѣстная въ Россіи, соотечественница наша скончалась въ Берлинѣ, то ни въ гостиницѣ, ни въ церкви не позволили держать ея гробъ болѣе сутокъ, а вынесли его въ какой-то сарай, гдѣ онъ и стоялъ, покуда получено было разрѣшеніе везти тѣло въ Россію. Все подобное конечно глубоко оскорбляеть религіозное чувство, въ комъ оно не совсѣмъ заглохло. Но наши господа по пристрастію къ чужимъ краямъ всему этому молча покоряются: отъ иностранцевъ *все* принимается.

Вообще пребываніе между шовѣрцами незамѣтно производитъ въ русскихъ большое охлажденіе къ своей церкви.

Люди равнодушные къ вѣрѣ или вовсе не вѣрующіе возвращаются тамъ въ обществѣ столь отдаленномъ отъ церкви, что они забываютъ думать о христіанствѣ вообще: жизнь ихъ поглощена тамъ интересами учеными, политическими, артистическими, коммерческими, а болѣе всего удовольствіями житейскими. Люди же неравнодушные къ вѣрѣ сталкиваются тамъ непрестанно съ представителями различныхъ вѣроисповѣданій и лжеученій. Они то увлекаются краснорѣчіемъ какого-нибудь ловкаго и вкрадчиваго аб-

бата, который съ церковной кафедры болѣе толкуеть о всѣхъ возможныхъ общественныхъ, политическихъ, иногда даже экономическихъ и другихъ современныхъ вопросахъ, нежели о духовныхъ потребностяхъ; то приходятъ въ восторгъ отъ проповѣдей извѣстнаго патера *Hyacinthe*, который отъ латинской церкви отшатнулся, а къ другой не присталъ, женился на англичанкѣ и самъ не знаетъ что съ собою дѣлать, но многими русскими признается за великаго проповѣдника истины; то бѣгутъ они слушать какого-нибудь пастора, который самъ плохо вѣруетъ, а свое туманное христіанство умѣетъ облекать въ пріятныя формы; то восхищаются бесѣдами какого-нибудь-профессора и писателя, плѣняющаго ихъ столько же глубокомысліемъ своимъ, сколько прекрасными свѣтскими манерами; то записываются въ ученики и ученицы какого-нибудь странствующаго англичанина сектанта, въ родѣ лорда Редстока (котораго я засталъ въ Женевѣ) и утверждаютъ, что это человѣкъ единственный, что черезъ него они впервые обрѣли какой-то душевный миръ *); то готовы признать пророкомъ какого-нибудь мудренаго швейцарца, который по почерку человѣка отгадываетъ всѣ его свойства, все его прошедшее и будущее; то попадаютъ въ какое-нибудь полу-благотворительное, полу-религіозное общество, гдѣ руководителями являются какія-то загадочныя подозрительныя лица; то привлекаются на собранія спиритовъ, то на представленія магнетизеровъ и ясно-видящихъ и т. д. **) Сверхъ всего, ежедневно прельщаются

*) Не понимаю, какой миръ душевный можно получить чрезъ человѣка, который явно отвергаетъ истинную Церковь, отвергаетъ необходимость крещенія, и между тѣмъ причащаетъ самъ своихъ приверженцевъ, и говоритъ, что каждый можетъ причащать другаго. Безъ крещенія человѣкъ язычникъ. А для язычника какое причащеніе?

**) Самъ я за границею не слыхалъ, а одинъ знакомый мой, долго жившій въ чужихъ краяхъ и опять находящійся тамъ, рассказывалъ мнѣ, что нѣкоторые изъ русскихъ во время заграничныхъ своихъ поѣздокъ, сближаются съ масонами и вступаютъ въ масонскія ложи.

разными новостями иностранной литературы, духовной, полудуховной и недуховной, всѣхъ возможныхъ направлений и оттѣнковъ; отъ одной новой книги бросаются на другую новѣйшую, потому что все это написано пріятнымъ слогомъ, и изящно издано, и въ каждой новой книгѣ есть что-нибудь заманчивое для людей, которые, по слову апостольскому, увлекаются тѣмъ, что льститъ слуху, и какъ дѣти, колеблются всякимъ вѣтромъ ученія. Конечно, всѣ эти иноземныя прелести можно отчасти найти и у насъ въ Россіи, особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ; нашими заграничными путешественниками чужіе края давно стали понемногу водворяться въ нашихъ столицахъ, такъ что многіе русскіе, и не выѣзжая за границу, живутъ очень далеко отъ своей церкви и отъ своего народа. Но все-таки корень, источникъ этого зла—тамъ, въ чужихъ краяхъ. И на тѣхъ русскихъ, которые и въ своемъ отечествѣ живутъ по иностранному, все-таки, пока они въ Россіи, иногда какъбы нечаянно повѣетъ откуда либо русскимъ православнымъ духомъ; а за границею ихъ со всѣхъ сторонъ обхватываетъ иноземное вліяніе, и отъ всего, что они тамъ видятъ и слышатъ, у нихъ мутится умъ тѣмъ болѣе, что пропаганда разныхъ лжеученій производится вездѣ въ Европѣ очень энергично. У насъ нѣкоторые полагаютъ, будтобы только приверженцамъ латинской церкви свойственна страсть къ совращенію въ свою вѣру, и что будтобы протестанты свободны отъ этого. Мнѣніе это несправедливо. Проповѣдники лютеранскіе, реформатскіе и всякихъ другихъ новыхъ ученій очень ревностно стараются привлекать всѣхъ, кого только можно, къ своимъ убѣжденіямъ. Между русскими они имѣютъ большой успѣхъ, отчасти и потому, что не заботятся открыто отторгнуть ихъ отъ православной церкви, а довольствуются тѣмъ, чтобы поколебать въ нихъ православную вѣру и передать имъ свои неправильныя понятія о вѣрѣ, такъ что многіе изъ нашихъ соотечественниковъ наружно продолжаютъ числиться православными, а духомъ отпадаютъ

отъ своей церкви. Если же кого весь этотъ патискъ различныхъ лжеученій не сбиваетъ совершенно съ толку, то все-таки, вращаясь постоянно въ чуждомъ православію мірѣ, наши заграничные путешественники, за немногими исключеніями, перестаютъ понимать высокое значеніе православія. Благоговѣя передъ западною Европою, какъ передъ самую образованною и просвѣщенною частью человѣчества, многіе уже не могутъ допустить, что православная вѣра, исповѣдуемая „отсталою“ Россіею и „невѣжественнымъ“ Востокомъ, есть единая, безусловно истинная вѣра, и такъ далеко превосходитъ всѣ западныя вѣроисповѣданія, какъ небо отстоитъ отъ земли. Даже самые благоразумные изъ русскихъ, часто бывающихъ за границею, незамѣтно утверждаютъ въ такомъ образѣ мыслей, что нѣтъ особенной важности, принадлежатъ ли кто къ православной церкви, или нѣтъ. „Мы любимъ свою церковь, такъ разсуждаютъ они, отдаемъ ей предпочтеніе передъ другими исповѣданіями, и благодаримъ Бога, что въ ней родились. Но если кто католикъ, или протестантъ, а не православный, *какая въ томъ бѣда? Не все ли это равно?*“ Какъ погрѣшительно это равнодушіе къ правости и къ неправости вѣры, этого наши русскіе Европейцы какъ будто не чувствуютъ; они не понимаютъ, что это *все равно* плохое и опасное *правило вѣры*, что оно можетъ довести всякаго, какъ довело большую часть западной Европы, до совершеннаго отрицанія христіанства. Любопытно прослѣдить, какъ напримѣръ таинство крещенія постепенно искажалось на западѣ. Всѣмъ извѣстно, что таинство это съ самаго начала христіанства, и на Востокѣ и на Западѣ, совершалось, какъ совершается понынѣ въ православной церкви, посредствомъ троскратнаго погруженія. Но западные умники давно замѣнили погруженіе обливаніемъ, рѣшивъ, что это *все равно*. Потомъ обливаніе замѣнили окропленіемъ, находя, что и въ этомъ никакой *бѣды нѣтъ*. Теперь (какъ бывающіе за границею легко могутъ удостовѣриться) многіе патеры, и особливо пасторы такъ де-

ликатно совершаютъ это окропленіе, что нерѣдко свидѣтели такого „крещенія“ остаются въ совершенномъ невѣдѣніи, попала ли хоть капля воды на „крещаемого“ младенца. Если къ этому прибавить, что большая часть протестантскихъ пасторовъ открыто отвергаютъ вѣру въ св. Троицу, во имя которой совершается крещеніе, то какое изъ этого приходится сдѣлать заключеніе? Чтобы на счетъ этого не оставалось никакого сомнѣнія, многіе просвѣщенные люди въ Европѣ, называющіе себя христіанами, сдѣлали наконецъ послѣдній шагъ: вовсе оставляютъ дѣтей своихъ безъ крещенія, такъ что въ Парижѣ, въ Берлинѣ и въ другихъ европейскихъ городахъ, какъ извѣстно, возрастаетъ теперь новое поколѣніе, въ которомъ множество вовсе некрещенныхъ. Многіе изъ нашихъ знакомцевъ за границую все это знаютъ, и все-таки продолжаютъ въ Европѣ учиться христіанству. Поразительнѣе всего, что даже одинъ знаменитый реформатскій пасторъ въ Парижѣ не счелъ нужнымъ крестить своихъ дѣтей, а когда они достигли извѣстнаго возраста, ввелъ ихъ за руку въ свой храмъ и сказалъ имъ: „вотъ вамъ и *соцерковленіе*; теперь вы христіане“. И нѣкоторыя проповѣди этого самаго пастора, какъ образцовыя и въ назиданіе намъ православнымъ, были переведены на русскій языкъ; и многія наши русскія дамы, бывающія въ Парижѣ, приходятъ въ восторгъ отъ его краснорѣчія: для нихъ ученіе православной церкви и это новое христіанство безъ крещенія все равно.

Равнодушный, неразборчивый взглядъ на различіе вѣроисповѣданій, господствующій въ извѣстной части нашего общества, выразился въ одной книжкѣ, изданной за границею нѣкоторыми русскими дамами, подъ заглавіемъ „*Le Paraclète*“ (Параклитъ). Видѣлъ я эту книжку въ Женевѣ у московскихъ моихъ знакомыхъ, съ которыми мнѣ тамъ пришлось встрѣтиться, и отъ нихъ слышалъ, что въ изданіи этой книжки участвовали будтобы нѣкоторыя довольно извѣстныя московскія дамы. Но когда я, разсмотрѣвъ эту книжку, отозвался о ней не совсѣмъ

одобрительно. и сдѣлалъ о ней нѣкоторыя критическія замѣчанія, знакомые мои стали меня упрашивать, чтобы я о ней не разглашалъ, особенно въ печати. Но я не вижу причины молчать объ этой книжкѣ. Между прочимъ, когда я выразилъ желаніе приобрѣсти эту книжку, знакомые мои сказали мнѣ, чтобы я объ этомъ не беспокоился, что они мнѣ ее доставятъ, но послѣ не исполнили этого. Поэтому я теперь къ сожалѣнію не имѣю этой книжки подъ рукой, и могу сказать о ней только немного, что сохранилось у меня въ памяти и что отмѣчено у меня въ запискахъ.

Назначеніе книжки „Параклитъ“—доставлять на войнѣ утѣшеніе больнымъ и умирающимъ воинамъ; съ этою цѣлью въ ней напечатаны на всѣхъ европейскихъ языкахъ молитвы, избранныя изъ молитвенныхъ книгъ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Тутъ перемѣшаны молитвы лютеранскія, реформатскія, англиканскія, католическія и православныя. Не буду распространяться о томъ, какъ нескладно это вавилонское столпотвореніе, это пестрое смѣшеніе вѣрованій и совокупленіе въ одномъ изданіи разноязычныхъ молитвъ, изъ которыхъ каждая проникнута особеннымъ духомъ, особеннымъ направленіемъ, каждая, такъ сказать, выросла на почвѣ особенныхъ вѣроисповѣдныхъ началъ. Но замѣчу, что практическая цѣль этой книжки едва-ли достигнута. Отдѣловъ въ ней много, а въ каждомъ отдѣлѣ такъ мало содержится, молитвы такія краткія, все такъ скудно, что изданіе это никого не можетъ удовлетворить, никому не можетъ доставить утѣшенія. Утѣшились вѣроятно этою книжкою, или вѣрнѣе сказать, потѣшились ею, какъ игрушкою, однѣ издательницы, которыя, любуясь ею, должно быть, съ удовольствіемъ помышляли о томъ, какія онѣ „просвѣщенныя“ христіанки, и какъ это хорошо, что онѣ никакого различія не дѣлаютъ между разными исповѣданіями.

Впрочемъ нужно сознаться, что православныя издательницы все-таки невольны сдѣлали въ этой книжкѣ для православнаго исповѣданія нѣкоторое отличіе.

Въ заголовкѣ передъ каждымъ отдѣломъ означено названіе языка и вѣроисповѣданія. Такъ означены всѣ вѣроисповѣданія, *кромя православнаго*. Передъ греческими молитвами (которыя напечатаны латинскими буквами), въ заголовкѣ означено такъ: „Grec (catholique)“. Очевидно просвѣщенныя издательницы не хотѣли греческія молитвы назвать православными, чтобы не обидѣть Европейцевъ; не хотѣли и иначе какъ-либо означить исповѣданіе Восточной церкви, чтобы не подумали, что онѣ придаютъ какое-нибудь значеніе раздѣленію церквей; и потому поставили слово „*catholique*“, которое здѣсь какъ будто не заключаетъ въ себѣ несправедливости, такъ какъ исповѣданіе греческой церкви дѣйствительно *каѳолическое*; но вѣдь греко-католиками называются греко-уніаты, т.-е. подчинившіеся папѣ. Въ отдѣлѣ русскихъ молитвъ, издательницы еще далѣе простерли свою скромность: въ отличіе отъ всѣхъ другихъ народностей не означили *никакого* вѣроисповѣданія; а просто поставлено „*russe*“, да и только. Въ этомъ, какъ будто маловажномъ обстоятельствѣ выразился характеръ многихъ нашихъ соотечественниковъ и соотечественницъ, которые до того раболѣпствуютъ передъ Европою и всѣмъ иноземнымъ, что стыдятся заявлять о своей вѣрѣ и о церкви православной, словесно и письменно. Поступая такъ, они забываютъ, что и къ нимъ могутъ быть отнесены евангельскія слова самого Господа: *уже по стыдится Мене и моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, и Сынъ челоувѣческой постыдится его, егда придетъ во славу Отца своего со Ангелы святыми* (Марк. 8, 38).

И. К. З.

ВЪ ПАМЯТЬ АРХИМАНДРИТА АНТОНІЯ.

12-го мая скончался на 85-мъ году отъ роду намѣстникъ Троице-Сергіевской лавры, архимандритъ Антоній. Въ должности намѣстника онъ состоялъ 46 лѣтъ, поступивъ на нее въ 1831 году, по вызову митрополита Филарета, изъ Арзамасской Высокогорской пустыни, въ которой былъ строителемъ. Онъ велъ обширную переписку съ митрополитомъ Филаретомъ. Уже издавъ въ началѣ текущаго года 1-й обширный томъ этой переписки, и приготовлены къ изданію еще два. Изъ ней видно, что митрополитъ Филаретъ находился въ задушевныхъ отношеніяхъ къ о. Антонію,—великій святитель нарекъ его своимъ другомъ и избралъ его въ духовники себѣ. Что архим. Антоній вполне оправдалъ дружеское довѣріе къ нему митрополита Филарета, въ доказательство можно указать на многочисленные, оставшіеся послѣ о. Антонія, памятники его плодотворной дѣятельности въ лаврѣ и внѣ ея. При немъ построено нѣсколько церквей въ лаврѣ, заведена новая монастырская больница, для бѣдныхъ богомольцевъ устроены даровые ежедневные общіе столы. Число пользующихся этимъ гостепрѣимствомъ въ иные дни простирается до тысячи и больше человекъ. Заботами покойнаго намѣстника основанъ пріютъ для дѣтей сиротъ и при немъ школа для нихъ,—дано въ Лаврѣ помѣщеніе и содержаніе 16-ти студентамъ академіи. Внѣ монастыря, стараніями о. намѣстника устроены монастырскія гостиницы, ночлежный домъ или пріютъ, въ которомъ дается даровой отдыхъ и ночлегъ всѣмъ бѣднымъ богомольцамъ въ теченіе трехъ дней и даже долѣе. По его мысли устроенъ близъ лавры Геосиманскій скитъ для тѣхъ изъ иноковъ, которые же-

лаютъ подвизаться въ совершенномъ отчужденіи отъ міра. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ заслуги почившаго достопамятны. Но какъ ни важны свѣдѣнія объ этихъ заслугахъ, они еще не представляютъ достаточныхъ данныхъ для полной оцѣнки личности его; они относятся только къ виѣшней сторонѣ дѣятельности его, но не вводятъ насъ во внутреннюю жизнь его, не даютъ намъ понятія о томъ, какъ онъ непосредственно относился къ созданнымъ имъ учрежденіямъ и порядкамъ,—о степени его душевнаго участія въ нихъ. Нужно также знать, каковы были его личныя отношенія къ братіи монастыря, имѣлъ ли онъ какое нравственное вліаніе на богомольцевъ, въ огромномъ количествѣ стекающихся въ обитель, особенно на богомольцевъ высшихъ классовъ общества,—каковъ былъ образъ его мыслей,—соотвѣтствовали ли его убѣжденія и правила тому высокому положенію, какое онъ занималъ въ церкви, какъ непосредственный начальникъ знаменитой обители. Будущему біографу его предстоитъ обратить вниманіе на всѣ эти обстоятельства. Только подъ условіемъ разъясненія ихъ будетъ понятно, почему онъ пользовался такою огромною популярностію, такъ что во многихъ домахъ—Москвы имѣются портреты его на ряду съ портретами митрополита Филарета, и почему митрополитъ Филаретъ до самой смерти своей питалъ къ нему неизмѣнное, дружеское расположеніе. Упомянутыя нами многочисленныя письма къ нему митрополита Филарета, безъ сомнѣнія, будутъ служить лучшимъ руководствомъ для оцѣнки его личности и характера. Не меньше, если не больше, были бы полезны для этой цѣли письма самого Антонія къ митрополиту Филарету и другимъ лицамъ, также рассказы о немъ почитателей его, близко знавшихъ его, пользовавшихся его пазиданіемъ, совѣтами, вразумленіями, слышавшихъ отъ него его умныя и благочестивыя сужденія и рассказы. Онъ обладалъ даромъ увлекательно рассказывать. Мы имѣемъ возможность воспроизвести одинъ изъ его рассказовъ, наглядно рисующій свѣтлую

личность почившаго архимандрита, слышанный нами отъ почитателей его.

„Однажды, такъ рассказывалъ онъ, въ лѣтнюю пору, въ послѣобѣденное время, я возвращался въ Лавру изъ Хотькова монастыря, гдѣ мнѣ случилось быть по должности благочиннаго. По дорогѣ я нагналъ толпу богомолокъ крестьянокъ. Онѣ шли очень поспѣшно, чуть не бѣжали. Мнѣ захотѣлось узнать причину ихъ торопливости. Какъ только мой экипажъ поровнялся съ ними, я приказалъ кучеру остановиться и спросилъ ихъ:

— Куда и зачѣмъ это вы такъ торопитесь?

— Къ Преподобному, батюшка, къ Преподобному спѣшимъ. Хотѣлось бы поспѣть къ вечернѣ, чтобы прямо послѣ вечерни отслужить ему молебенъ,—но боимся—не поспѣть. Для насъ однѣхъ служить не стануть, а мы вотъ ужъ два дни, какъ вышли со двора, ни пьемъ ни ѣдимъ, хотимъ натоцакъ, попостясь, помолиться угоднику Божию. Не придется нынче помолиться ему, надо будетъ говѣть до-завтра, а мы ужъ отоцали, пожалуй не вынесемъ долгаго поста.

„Жалко мнѣ стало добрыхъ богомолокъ, тронуло меня ихъ благочестивое усердіе къ Преподобному. Я поспѣшилъ успокоить ихъ. Не беспокойтесь, сказалъ я имъ; застанете ли вы вечерню, или не застанете, во всякомъ случаѣ для васъ сегодня же отслужать молебенъ Преподобному, и вы какъ только придете въ Посадъ, не останавливайтесь на постояломъ дворѣ, а прямо идите къ Троицкому собору“.

„По пріѣздѣ въ Лавру я не засталъ вечерни. Гробовой іеромонахъ, на котораго возложена обязанность служить молебны, былъ въ своей кельѣ. Это былъ добрый и благочестивый монахъ, но довольно грубоватый,—не любилъ, чтобы его тревожили и выывали изъ кельи безъ особенной нужды и не во-время. Потому, чтобы не сдѣлать ему непріятности, я употребилъ маленькую хитрость. Я послалъ сказать ему, что ему надобно непременно явиться

въ Троицкій соборъ къ 6-ти часамъ для служенія молебна, потому что къ этому времени прибудетъ изъ Москвы на богомолье губернаторъ. Старець поворчалъ, но долженъ былъ послушаться. Между тѣмъ я наказалъ сторожамъ Троицкаго собора, чтобы они, какъ только завидятъ приближеніе богомолкоу-крестьянокъ къ монастырскимъ воротамъ, услужливо провели ихъ къ Троицкому собору, и поставили ихъ на мѣстѣ передъ ракою Преподобнаго. Наступило 6 часовъ. Гробовой іеромонахъ былъ на своемъ мѣстѣ у раки Преподобнаго въ ожиданіи знатнаго посѣтителя. Пришелъ и я для встрѣчи. Вдругъ двери собора отворяются и входитъ въ нихъ толпа помянутыхъ богомолкоу. Я сказалъ гробовому: теперь начинайте молебенъ“.

— Для кого же я стану служить? Губернатора еще вѣтъ.

— А вотъ губернаторъ, отвѣтилъ я, указывая на крестьянокъ съ дорожными котомками.

„Молебенъ былъ отслуженъ тщательно и выслушанъ богомолками съ величайшимъ умиленіемъ, котораго сельзя было не раздѣлять и мнѣ, вмѣстѣ съ ними молившемуся. Послѣ молебна, я одѣлилъ каждую богомолку малою иконою преподобнаго Сергія, и отпустилъ ихъ съ миромъ, приказавъ напоить и накормить ихъ, столько потрудившихся для угодника Божія, изнурившихъ себя не краткимъ путешествіемъ пѣшкомъ и говѣніемъ. Само собою разумѣется, что онѣ оставили Лавру съ великою благодарностію къ угоднику Божию, сподобившему ихъ помолиться предъ ракою его и освятиться прикосновеніемъ къ нетлѣннымъ мощамъ его, и вмѣстѣ къ человѣку, утѣшившему ихъ своимъ теплымъ участіемъ къ нимъ и привѣтомъ“.

Переданный нами рассказъ почившаго о. архимандрита представляетъ въ свѣтлыхъ чертахъ нравственный образъ его. Какъ трогательно это участіе, какое онъ принялъ въ простыхъ богомолкахъ! Онъ встрѣтилъ ихъ въ обители съ такимъ же теплымъ радушіемъ, съ такою же предупредительностію, какъ встрѣтилъ бы высокопоставленное лицо. Не менѣе поучительно въ рассказанномъ случаѣ

отношеніе его къ подчиненнымъ. Какъ начальникъ, онъ могъ бы просто приказать гробовому іеромонаху явиться къ служенію молебна; но онъ по мягкости своей не хочетъ подать ему повода къ проявленію грубости и упрямства, и прибѣгаетъ къ невинной хитрости, чтобы вызвать его въ Троицкій соборъ, но въ то же время даетъ ему урокъ касательно того, какъ онъ долженъ относиться къ богомольцамъ: онъ долженъ быть одинаково услужливъ ко всѣмъ, не разбирая знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ.

Намъ кажется, что подобныя черты изъ жизни почившаго о. архимандрита дали бы намъ лучшее понятіе о его личности и заслугахъ, чѣмъ перечисленіе оставшихся послѣ него вещественныхъ памятниковъ его дѣятельности внутри и внѣ обители. Желательно, чтобы братія обители и многочисленные почитатели о. Антонія не скупно дѣлились съ обществомъ свѣдѣніями о всемъ, что видѣли въ немъ и слышали отъ него замѣчательнаго въ нравственно-религіозномъ отношеніи.

Въ дополненіе къ сказанному нами предлагаемъ вниманію читателей прекрасное нагробное слово въ честь почившаго, проникнутое сердечнымъ уваженіемъ проповѣдника къ памяти почившаго и съ довольною полнотою, хотя и сжато, знакомящее насъ съ заслугами и характеромъ его.

Прот. В. Нечаевъ.

СЛОВО ПРИ ПОГРЕБЕНИИ НАМѢСТНИКА СВАТО-ТРОИЦКІЯ СЕРГІЕВЫ ЛАВРЫ, АРХИМ. АНТОНІЯ,

СКАЗАННОЕ 16 МАЯ 1877 Г. РЕКТОРОМЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ, АРХИМАНДРИТОМЪ МИХАИЛОМЪ.

„И будетъ повои его честь“ (Исаи
11, 10).

И еще одного поистинѣ замѣчательнаго человѣка и церковнаго дѣятеля не стало среди насъ, кажется послѣд-
няго здѣсь изъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье стоять въ тече-
ніе не одного десятилѣтія подѣ ближайшимъ духовнымъ
руководствомъ незабвеннаго первосвятителя московской
церкви Филарета! Еще недавно высшее богословское
училище, ограждаемое обителію преподобнаго Сергія и
охраняемое его благословіемъ, оплакивало кончину одно-
го изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ своихъ руководителей
въ наукѣ и жизни *), и братія обители, вмѣстѣ со всѣми
знавшими усопшаго и слышавшими о немъ, соединили
свою скорбь со скорбію училища. Теперь сама обитель
оплакиваетъ кончину одного изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ
своихъ духовныхъ руководителей, и училище духовное,
вмѣстѣ со всѣми знавшими новопреставленнаго и слы-
шавшими о немъ, раздѣляетъ эту скорбь осиротѣлой
братіи обители. Обитель почтила школу и трудящихся въ
ней,—школа чтитъ обитель и подвизающихся въ ней. Отрад-
но это духовное единеніе школы и обители! Да будетъ
оно полиѣе и полиѣе! Въ духовномъ взаимодействіи ихъ—
усиленіе силы той и другой, вопреки кривымъ сужденіямъ
мнимо-мудрыхъ вѣка сего. И тотъ и другой изъ присно-

*) Ректора М. Д. Академіи, протоіерея А. В. Горскаго.

памятныхъ усопшихъ шли различными путями: одинъ по преимуществу путемъ научнаго созерцанія, другой—по преимуществу путемъ иноческаго дѣланія; но оба приходили и пришли къ одной высокой цѣли человѣка на землѣ—къ высокому нравственному совершенству, которое одно только поистинѣ и важно для человѣка здѣсь на землѣ, какъ приготовляющее вѣчную блаженную жизнь тамъ на небѣ. И вотъ школа и обитель соединились въ признаніи этого высокаго нравственнаго совершенства въ томъ и другомъ изъ усопшихъ: и обитель въ лицѣ наняго руководителя почтила высокое достоинство православной науки, ведущей ко Христу, и школа въ лицѣ руководителя обители чтитъ высокое достоинство иноческаго дѣланія, приводящаго къ Нему же.

Моей немощи, претыкающейся въ слѣдованіи за ними по тому и другому пути, судилъ Богъ сказать слово въ память того и другаго при ихъ гробѣ и при семъ еще болѣе сознать свою немощь. Уповаю, что нашъ духовный руководитель простилъ мнѣ немощь рѣчи моея въ память и похвалу ему; прости мнѣ и ты, любвеобильнѣйшій авво, тѣмъ болѣе, что мнѣ труднѣе слѣдить за твоей сложной и многообразной дѣятельностію и обнять въ словѣ тайны твоего духовноподвижническаго дѣланія, которыя по самому существу своему ускользаютъ въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ отъ объятій слова; прости и благослови!...

Въ дали минувшаго видится мнѣ юноша, не получившій правильнаго школьнаго, даже кажется домашняго, образованія, но богато одаренный отъ природы замѣчательными душевными качествами, юноша съ зачатками ума наблюдательнаго, крѣпкаго, тонкаго, остраго и игриваго (выражусь такъ), не любящаго останавливаться на поверхности, но стремящагося проникнуть вглубь, съ задатками воли сильной, энергической, упругой и гибкой, съ сердцемъ нѣжнымъ, впечатлительнымъ и воспріимчивымъ, глубоко чувствующимъ и отзывчивымъ, съ характеромъ бодрымъ, дѣятельнымъ, подвижнымъ, съ воображеніемъ живымъ, нѣсколько поэтиче-

скимъ. *Нѣсть наше разумѣти*, что вышло бы изъ этого даровитаго юноши при правильномъ школьномъ образованіи и воспитаніи; но Богъ, неисповѣдимый въ судьбахъ своихъ, судилъ ему съ раннихъ лѣтъ пройти школу *монастырскаго* воспитанія взамѣнъ воспитанія въ школѣ общественной. Эта школа монастырскаго воспитанія, при правильномъ пониманіи и исполненіи ея требованій, подъ руководствомъ хорошихъ руководителей—истинныхъ иноковъ, школа прекрасная, высоко, благодѣтельно дѣйствующая на добрыхъ питомцевъ, соотвѣтственно ихъ будущему назначенію. *Мнящіяся быти мудрыми въ свѣтъ семъ*, можетъ быть, *покивая главами* выслушаютъ это слово, ссылаясь на общественное якобы мнѣніе не въ пользу монастырей и иноческаго воспитанія въ нихъ, общественное якобы мнѣніе, котораго они однакоже не знаютъ на самомъ дѣлѣ и которое на самомъ дѣлѣ есть легкомысленное мнѣніе только ихъ и подобныхъ имъ. Пусть ихъ; простимъ имъ, *не вѣдятъ бо* и не разумѣютъ, что говорятъ и творятъ. Одно замѣтимъ, что несправедливо уничтожать воспитаніе, которое имѣетъ дѣйствіе на цѣльнаго человѣка, а не на одну только голову, ставя се нерѣдко въ разладъ съ грудью, которое всецѣло основано на словѣ Божіемъ, на мудрости церкви въ храмовомъ богослуженіи и церковныхъ книгахъ, которое полагаетъ въ основу истинно-христіанскія начала—страхъ Божій, смиреніе и послушаніе, а не развитіе дѣтскаго и юношескаго самолюбія и честолюбія, столь противнаго чистому христіанскому духу, которое выдвинуло и доселѣ выдвигаетъ замѣчательнѣйшихъ церковно-народныхъ дѣятелей, имѣвшихъ и имѣющихъ на народныя массы и общество несравненно болѣе могущественное и благотворное вліаніе, чѣмъ эти премудрые и лживые печальники монастырей. Нужно ли указывать примѣры кіево-печерскихъ, соловецкихъ, саровскихъ, олтинскихъ, валаамскихъ старцевъ—воспитанниковъ монастырей? А сколько таковыхъ менѣе извѣстныхъ, мѣстно извѣстныхъ дѣлателей и дѣятелей, которые также по мѣрѣ

силъ и даровъ своихъ подвизаются на духовную пользу народа православнаго? И вообще, какое религіозное вліяніе на народъ сильнѣе и плодотворнѣе вліянія монастырей, на народъ, котораго высокія нравственныя качества подобны печальники сами же превозносятъ, по крайней мѣрѣ въ трудныя времена? А что болѣе и сильнѣе охраняетъ и развиваетъ эти дѣйствительно высокія качества народа, какъ не церковь и по преимуществу монастыри? Посмотрите на это стеченіе народа въ монастыри, и увѣрьтесь.... Но да не отклоняется слово отъ дѣла..

Школа иноческаго воспитанія, которую новопреставленный прошелъ съ самыхъ низшихъ ея ступеней, оказала на даровитаго юношу высоко-благотворное дѣйствіе, о которомъ онъ всегда вспоминалъ съ глубокою благодарностію къ Богу и Церкви. Ходъ правильнаго воспитанія въ этой школѣ извѣстенъ прошедшимъ и проходящимъ оную: храмъ съ его богослуженіемъ, исполненіе святыхъ уставовъ церкви, келейное дѣланіе, послушаніе, постоянная борьба съ порочными склонностями и инстинктами, самоограниченіе во всемъ, и вотъ дѣйствіе этой школы на новопреставленнаго въ лѣта его молодости: сохранивъ цѣльность его природы, цѣльность (мы выразились бы) его церковнаго міровоззрѣнія, она укрѣпила его во всѣхъ отношеніяхъ настолько, что изъ воспитанника и послушника чрезъ не очень продолжительное время онъ самъ сталъ руководителемъ малой школы иноческаго воспитанія въ одной изъ смиренныхъ пустынныхъ обителей, пользуясь общею любовію и уваженіемъ. Въ это время Господу благоугодно было поставить свѣтильникъ смиреннаго пустыннаго строителя на болѣе высокій свѣщникъ; преподобный Сергій, чрезъ посредство незабвеннаго первосвященника московскаго Филарета, проницательнымъ взоромъ усмотрѣвшаго въ смиренномъ строителѣ высокія дарованія духовныя, призвалъ его къ ближайшему руководительству невидимо охраняемыхъ имъ духовныхъ чадъ своихъ, поставивъ и его самого подъ мудрое руководство преиму-

драго изъ архипастырей. И здѣсь-то вполнѣ открылась высота духовная этого замѣчательнаго человѣка.

Замѣчательныя природныя дарованія его, строго направленные въ своемъ развитіи хорошимъ монастырскимъ воспитаніемъ, здѣсь, подъ дѣйственнымъ благословеніемъ Преподобнаго, подъ мудрымъ ближайшимъ руководствомъ первосвятителя, при обширномъ кругѣ дѣятельности и при обширѣйшихъ сношеніяхъ съ лицами разныхъ званій и состояній, профессій и образованія, распустились великолѣпнымъ цвѣтомъ, и личность его явилась во всемъ ея духовномъ богатствѣ и привлекательности, личность цѣльная, истинно умная и добрая въ лучшемъ значеніи этихъ словъ, со всѣми частными свойствами истинно умной и доброй личности. Знавшіе близко новопреставленнаго и имѣвшіе возможность наблюдать за нимъ долго знаютъ, что я не фразу скажу, если скажу, что трудно указать доброе качество, которымъ бы онъ не владѣлъ хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, и трудно указать не добрую склонность, которая бы одолѣвала его или особенно замѣтно владѣла имъ, хотя конечно совершенства нѣтъ на землѣ, а легкомысліе людское, не понимая истиннаго смысла нѣкоторыхъ его своеобразныхъ дѣйствій и побужденій къ нимъ, могло толковать ихъ и не въ добрую сторону и не къ чести его. Остановимся на главныхъ чертахъ его духовнаго лика.

Прежде всего онъ являлъ въ себѣ образъ истиннаго монаха, съ подвижническою дѣятельностію, монаха по всему строю мысли и жизни, монаха по чистому влеченію сердца, монаха по призванію. Богу одному вѣдомы его келейныя монашескіе подвиги, хотя нѣчто изъ нихъ не невѣдомо и лицамъ близкимъ къ нему; но всѣмъ вѣдомы его подвиги на примѣръ молитвенные открытые, въ храмѣ Божіемъ при общественныхъ богослуженіяхъ, его пламенная любовь къ церковному богослуженію и благолѣпію его и храма Божія, его неутомимость въ этихъ подвигахъ, его такъ сказать ненасытимость ими, въ чемъ несомнѣнно выра-

жался его высокій иноческій строй духовной жизни, и что имѣло неизмѣримо великое и благотворное вліяніе на безчисленныя массы богомольцевъ, стекавшихся отовсюду въ обитель Сергіеву. Воспитанникъ храма и церковнаго богослуженія, съ избыткомъ замѣнившаго ему воспитаніе въ школѣ, онъ до конца жизни не переставалъ быть его всеусерднѣйшимъ воспитанникомъ и другихъ воспитывалъ и училъ воспитываться имъ же, слишкомъ глубоко зная и по себѣ и по опытамъ другихъ все благодѣтельное значеніе такового воспитанія. Мнимые мудрецы вѣка и міра сего, обыкновенно столь лѣнивые къ посѣщенію церковнаго богослуженія и столь мало знающіе его, кричатъ, что все это одинъ внѣшній обрядъ, что все это мертво, однообразно, неподвижно, не развиваетъ, прогрессъ церковной и духовной жизни останавливаетъ, — и прочіе безумныя глаголы; но симъ они напоминаютъ слово Апостола: *душевецъ человекъ не пріемлетъ, яже Духа Божія, яродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти* (1 Кор. 2, 14). Нѣтъ, новопреставленный слыхалъ, конечно нерѣдко, отъ своего великаго учителя иныя, глубоко-истинныя сужденія о воспитательномъ значеніи православнаго богослуженія: блаженной памяти святитель говаривалъ, что внимательный съ любовію слушатель православнаго богослуженія можетъ быть, при руководствѣ только его одного, не только благочестивымъ и аскетомъ, но и богословомъ, и церковнымъ историкомъ, а слѣдовательно и философомъ, конечно не по стихіямъ міра, а по Христу. Да, любовь къ церковному богослуженію—основа истинной христіанской, особенно иноческой, жизни.

Самъ истинный монахъ, прошедшій всю школу монастырскаго воспитанія и на себѣ извѣдавшій благотворное вліяніе ея, новопреставленный былъ истиннымъ монахолюбцемъ и опытнѣйшимъ, умнымъ руководителемъ монашескаго воспитанія. На себѣ испыталъ онъ весь трудъ и всю трудность иноческаго дѣланія, обогатился опытами другихъ, углубилъ свое знаніе пути монашескаго дѣланія

прилежнымъ, разсудительнымъ чтеніемъ аскетическихъ твореній великихъ отцевъ, и изощренный взоръ его насквозь видѣлъ духовно - нравственное состояніе имъ руководимыхъ иноковъ, и зналъ онъ и умѣлъ дать совѣты и наставленія соотвѣтственно нравственному состоянію cadaго. Братія св. обители сея! Вы лучше меня знаете эту высокую черту вашего незабвеннаго руководителя и лучше меня можете судить о ней, и не можете, надѣюсь, отказать мнѣ въ увѣрительномъ подтвержденіи, что, говоря такъ, я не преувеличиваю, а скорѣе по немощи слабо изображаю эту черту. Для постороннихъ же видимымъ и осязательнымъ свидѣтельствомъ его любви къ монашеству и мудрости въ руководствѣ монашествующей братіи служить устроеніе имъ нѣсколькихъ обителей около главной обители и въ зависимости отъ нея, обителей съ различнымъ внутреннимъ строемъ. Зная хорошо жизнь монашескую, онъ хорошо зналъ, что монашествующіе имѣютъ склонности и дары не къ одинаковой жизни, *овъ убо сице, овъ же сице* (1 Кор. 7, 7); и вотъ онъ устрояетъ обитель общежительную, а затѣмъ уединенно-скитскую отшельническую. Каждый избирай тотъ или другой образъ жизни, какой кому сроднѣе по характеру, испытай, узнай и подвизайся по данному дару. Тяжело въ шумѣ доступной міру обители, тяготитъ и смущаетъ неизбежное въ ней прираженіе суеты міра, хочешь наглядно осуществить идею нестяжательности: иди въ общежитіе, въ уединеніе, и—подвизайся; мало этого, хочешь еще большаго уединенія, отшельничества: иди еще далѣе въ пустыню, и—подвизайся. Тяжекъ подвигъ отшельнической, нѣтъ силъ выносить его, одолѣваетъ борьба помысловъ: возвращайся въ общежитіе, и подвизайся, только подвизайся; и здѣсь тяжело: возвращайся въ обитель, и подвизайся, только подвизайся, не унывай. Такъ мудрый монахолюбецъ и руководитель практически разрѣшалъ нерѣдко столь неправильно и легкомысленно понимаемый нѣкоторыми такъ называемый вопросъ объ общежительствѣ монастырей, не-

искуснос рѣшеніе котораго можетъ грозить значительной опасностію для правильной монастырской жизни.

Частныя болѣе выдающіяся черты мудрости почившаго аввы въ руководствѣ монашеской жизнию, — это прежде всего его любвеобильность. Испушенный по всяческимъ самъ, онъ съ необыкновенной снисходительностію относился ко всяческимъ вольнымъ и невольнымъ прегрѣшеніямъ руководимыхъ, зависящимъ отъ естественной немощи, хотя строгъ былъ къ злему упорству воли въ злыхъ склонностяхъ. *Всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. 9, 22), могъ онъ сказать о себѣ въ этомъ отношеніи, не хваляся, или *хваляся о Господь*. — Еще черта этого монахолюбія и умнаго руководства въ покойномъ: всякій со своими скорбями и немощами и духовными вопросами имѣлъ къ нему всегда свободный доступъ; онъ не закрытъ былъ ни для кого, и всякій могъ получать отъ него, любвеобильнѣйшаго, и утѣшеніе, и наставленіе, и ободреніе, и все что требовалось духовнымъ состояніемъ. И примѣчательно, что этотъ монахъ и монахолюбецъ не имѣлъ ни угрюмаго, ни хмураго вида, былъ радостенъ, свѣтелъ, и строгій къ себѣ смягчалъ, такъ-сказать, напряженность иноческаго подвига другихъ, и любилъ руководимымъ имъ доставлять то, что на языкѣ церковномъ называется утѣшеніемъ братіи. Но кто исчислить всѣ частныя черты этого умнаго руководства совѣтнаго, труднѣйшаго изъ руководствъ?.. И за то любила его руководимая имъ братія любовію безпредѣльною.

Но однимъ руководимымъ имъ монашескимъ міромъ далеко не ограничивалось нравственное вліяніе новопреставленнаго, — оно простиралось неизмѣримо далеко въ область міра. Мы упомянули уже о вліяніи его на народъ преимущественно благолѣпіемъ богослуженія; кромѣ сего вліяніе его на образованное общество чрезъ его келейныя бесѣды было огромно. Міръ, вопреки лживымъ печальникамъ современнаго монашества, любитъ монастыри и монаховъ; въ частности обитель преп. Сергія привлекаетъ

къ себѣ несмѣтное число людей всѣхъ классовъ, и сношенія начальника этой обители съ ними были обширны, и кто исчислить, сколько было людей, желавшихъ и имѣвшихъ возможность бесѣдовать со всѣми уважаемымъ аввой? И вотъ здѣсь-то въ келейныхъ бесѣдахъ, особенно съ руководимыми имъ духовными дѣтьми, являлась въ немъ такая высокая личность, мудрости которой отдавали вольную и невольную дань удивленія и мудрые міра, и образованные міра, даже нерасположенные почему-либо къ иночеству. И дѣйствительно, надобно бывало дивиться прямотѣ, чистотѣ, глубинѣ его сужденій и разнообразію свѣдѣній, повидимому бы недоступныхъ ему, не получившему школьнаго образованія, не владѣвшему современными средствами знанія. Загадка разрѣшается его глубокимъ опытнымъ знаніемъ человѣческой природы, цѣльностію его міровоззрѣнія, блистательно раскрывшимися естественными дарованіями, неустаннымъ разсудительнымъ чтеніемъ, бесѣдами съ людьми высокоразвитыми духовно.

Сокращая слово, не говорю о томъ, какъ неизмѣримо много сдѣлалъ онъ для внѣшняго устроенія сей святой обители и устроенныхъ имъ, какъ опытный домохозяинъ; о его необычайной благотворительности и личной, и отъ обители; объ этой трогательной заботливости его объ облегченіи участи болящихъ и сиротъ, о содѣйствіи образованію и грамотности, и пр. и пр. и пр. Всю жизнь свою, всѣ помыслы свои, всѣ лучшіе интересы свои сосредоточивъ на обители, онъ направлялъ стремленія самой обители на благотвореніе въ его многообразнѣйшихъ видахъ, и—нестязательный, и въ высшей степени безкорыстный—не жадѣлъ ничего своего для помощи нуждающимся. И сколько слезъ прольется со стороны этихъ нуждающихся, лишившихся своего благотворителя, трудно и представить. Говорить ли еще о его благодушномъ терпѣніи и долготерпѣніи въ скорбяхъ и напастьхъ внутреннихъ и внѣшнихъ, о болѣзняхъ, которыми болѣла его любящая душа и за общество, и за церковь, и за народъ въ извѣстныхъ

ихъ положеніяхъ? Но довольно; подробное слово можно простереть за предѣлы слова.

Мы подняли можетъ быть лишь край завѣсы, скрывавшей такое великое богатство духовныхъ дарованій и мудрой дѣятельности новопреставленнаго, и лишь отчасти указали тотъ путь, которымъ безвѣстный послушникъ—воспитанникъ монастыря приобрѣлъ поистинѣ достойно и праведно заслуженную почесть замѣчательнаго церковнаго дѣятеля. Да, въ теченіе почти полстолѣтія имя Антонія слилось въ сознаніи жившихъ и живущихъ поколѣній съ представленіемъ о Лаврѣ Сергіевой и слава этого имени проникла всюду, гдѣ чувствуется имя Сергія и даже далѣе. Съ благоволительнымъ уваженіемъ къ нему относились цари, его глубоко чтило почтенное высшее общество, имя его общезвѣстно въ народѣ, и *будетъ покой его честь*; имя его пребудетъ въ роды и роды, вмѣстѣ съ имнемъ незабвеннаго во іерархахъ Филарета.

Отцы и братія! *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе: ихъже взирающе на скончаніе жителства, подражайте върѣ ихъ* (Евр. 13, 7).
Аминь.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

1. 1848, янв. 24. „1) Проситель (*женихъ*) говоритъ, что дѣвицѣ 23 года отъ рожденія, и слѣдственно приближается она къ тѣмъ лѣтамъ, въ которыя разрѣшается вступить въ бракъ дѣвицѣ самовластно. Посему мѣстному священнику стараться самому, и чрезъ достойныхъ почтенія знакомыхъ или сельское начальство вразумить отца, что не хорошо и не полезно препятствовать дочери вступить въ супружество съ достойнымъ женихомъ, и расположить его не препятствовать браку. Затѣмъ въ совершеніи брака поступить установленнымъ порядкомъ и о послѣдующемъ донести съ возвращеніемъ сего.“

2. 1848, сент. 9. „1) Исполнить то, что въ семъ (*консistorскомъ*) опредѣленіи есть правильнаго. 2) Но несообразность, чтобы повѣнчать бракъ, въ томъ случаѣ, если мать будетъ непреклонна (*къ увѣщаніямъ священника благословить сына на вступленіе въ бракъ*), какъ будто бы не надлежало вѣнчать, если мать будетъ согласна, разумѣется, ни одобрить, ни къ исполненію утвердить не можно.“

3. 1850, фев. 3. „Мѣстному священнику увѣщевать, чтобы пребылъ (*крестьянинъ*) во вдовствѣ, имѣя уже преклонныя лѣта (60 л.); но если настоять будетъ проситель, что имѣетъ нужду въ помощницѣ, допустить бракъ, по употребленіи установленныхъ предосторожностей, и о послѣдующемъ донести съ приложеніемъ сего.“

4. 1850, фев. 13. «Хотя женихъ и невѣста благословлены образомъ по домашнему обычаю: но поелику 1) церковнаго ни вѣнчанія, ни обрученія не было; 2) образъ женихомъ возвращень, что служило признакомъ измѣненія прежняго намѣренія съ его стороны; 3) отецъ невѣсты и она, какъ подпись свидѣтельствуешь, по вышеизложенному обстоятельству на бракъ согласія не изъявляютъ,—то избранію сею невѣстою другаго жениха духовное начальство

не имѣть причины препятствовать. Объявить о семъ кому слѣдуетъ (*родителю невесты*).»

5. 1950, фев. 14. „Если отецъ дозволяетъ бракъ (*сына*): матица не имѣть права въ семь препятствовать. Посему мѣстному священнику разрѣшается совершить сей бракъ, если по употребленіи законныхъ предосторожностей, препятствія не окажется, и о послѣдующемъ донести съ приложеніемъ сего.“

6. 1850, фев. 25, „Поелику заслуживаетъ уваженіе то обстоятельство, что новоприсоединенную къ церкви не-вѣсту (*сироту*) нужно хранить отъ вліянія раскольниковъ, а также и то, что проситель (*женихъ*) имѣть нужду вскорѣ отбыть (*изъ Москвы, по дѣламъ торговымъ*): то мѣстному священнику, если узаконенныя публикаціи и обыскъ совершены въ законное время, и препятствія не оказалось, можетъ совершить сей бракъ 28 дня порану (*не откладывая до другаго мясоуда*), съ предписаннымъ въ правилахъ (*церковныхъ*) для жениха и невесты обязательствомъ, и о послѣдующемъ донести съ приложеніемъ сего.»

7. 1850, іюня 5. <1) Если женщина, объявившая 4-го дня право на сего жениха, не представитъ о томъ въ теченіи трехъ дней къ преосвященному или въ консисторію прошенія съ доказательствами: то предписать священнику, чтобы не останавливалъ долѣе брака, если нѣтъ другихъ препятствій. 2) Для удостовѣренія, не напрасно ли причинено просителю (*жениху*) затрудненіе, спросить священника, когда (*за 8 дней до брака*) и какое объявленіе сдѣлала ему женщина *, и чѣмъ доказывала справедливость своего объявленія (*ссылкой на многихъ свидѣтелей*), какое основаніе имѣлъ священникъ остановить бракъ (*основался на правилахъ обыска, на статьѣ 7-й*), и почему, остановя, не донесъ о томъ начальству (*предоставилъ сдѣлать это жениху*).>

— Іюня 24. „Священникъ не исполнилъ своей обязанности: потому что 1) получивъ отъ Андреевой объявленіе о препятствіи къ браку, онъ долженъ былъ тотчасъ донести своему начальству на разсмотрѣніе, чрезъ что разсмотрѣніе могло совершиться до назначеннаго дня (*браковни-*

*) Женихъ будто бы имѣлъ съ нею незаконную связь и обѣщалъ жениться на ней; но тотъ утверждалъ, что вовсе не знаетъ ея.

чанія) и брачущіся не имѣли бы затрудненія и стыда. 2) Совѣтовать о удовлетвореніи (*женщины*) не его было дѣло: ибо долгъ священника наблюдать не денежныя сдѣлки, а нравственную чистоту брака. Сдѣлать ему за сіе замѣчаніе съ подтвержденіемъ поступать осмотрительно и сообразно съ характеромъ священства.“

8. 1850, іюля 6. „1) Какъ проситель не въ установленной закономъ формѣ пишетъ: то письмо сіе (*о обращеніи жены его на путь истины*) оставить должно безъ дѣйствія. 2) Впрочемъ если есть о семъ въ консисторіи дѣло: вести оное законнымъ порядкомъ неупустительно.“

9. 1850, окт. 18. „Довольно знать просителю (*священнику, просившему о написаніи въ послужномъ его спискѣ того, что онъ, за домогательство денегъ съ крестьянина по случаю брака, былъ двѣ недѣли подъ началомъ въ монастырѣ*), что епитимія, понесенная по епископскому суду, не будетъ для него сопровождаться непріятными послѣдствіями, если онъ впредь будетъ имѣть достоинство и заслугу.“

10. 1850, окт. 18. „По несуществованію возбраняющаго закона (*вступать въ бракъ подсудимымъ*), исполнить (*опредѣленіе консисторіи о совершеніи брака*), если притомъ не будетъ препятствія со стороны начальства, содержащаго подъ арестомъ, и если не подчинятся увѣщанію священника, чтобы отложить бракъ до освобожденія отъ неблагопріятной мысли о подсудимости (*женска*).“

11. 1850, янв. 25, „Отказать. А какъ проситель Михай (*женска*) говоритъ, что прошеніе (*отъ имени отца его*) писалъ священникъ приходскій: то сего призвать и представить, взявъ отъ него допросъ, почему онъ написалъ прошеніе о такомъ бракѣ, который разрѣшенъ быть не можетъ, и почему росписаніе расположилъ такъ, какъ бы родство было не въ четвертой, а въ пятой степени.“

— Мар. 30. „Если служа священникомъ четырнадцать лѣтъ, не умѣетъ написать росписанія родства: то и за сіе подлежить взыскаію. А за то еще болѣе, что о родствѣ неразрѣшимою написалъ прошеніе, напрасно далъ трудъ начальству и крестьянина подвергъ издержкѣ на гербовую бумагу. Взыскать съ него 60 копѣекъ серебромъ, и отослать въ Попечительство на вдовъ и сиротъ.“

12. На рапортѣ благочиннаго о смѣхотворномъ пѣніи

пономаря, владыка написалъ (12 янв. 1826): „Представить пономаря для испытанія“.

13. Фев. 10. „Пономарь читаетъ не худо, поетъ по слышкѣ нестройно, только не смѣхотворно, а скромно. Благочинный, служа съ нимъ при церкви (*сельской*) болѣе двѣнадцати лѣтъ, не доносилъ того, что теперь доносить; а пономарь пѣлъ конечно не лучше нынѣшняго. Посему пономарю, хотя и недостойному по способностямъ, впрочемъ давно терпимому, и въ поведеніи неопороченному, прежнее снисхожденіе продолжить. Благочинному подтвердить, чтобы въ доносахъ былъ осмотрителенъ и безпристрастенъ. А почему пономарь не подписался подъ вѣдомостью (*о церкви и причтѣ* *), и не терпитъ ли онъ отъ благочиннаго какого притѣсненія, поручить Сергіевскому (*другому*) благочинному войти въ изысканіе на мѣстѣ, и о послѣдующемъ донести мнѣ“.

14. 1826, мар. 16. „Какъ сила всемилостивѣйшаго манифеста простирается на торговую казнь, тѣлесное наказаніе, нѣкоторыя денежные казенныя взыскапія и недоимки, а исключенія недостойныхъ изъ званія, въ какомъ они были, манифестомъ не отмѣняются, но подтверждаются: то и поступить консисторіи (*относительно дьячка, присужденнаго къ увольненію изъ духовнаго званія, но въ губернское правленіе еще не отосланнаго*), сообразно съ силою онаго и прочихъ узаконеній“.

1826, мар. 16. „Извѣтъ на благочиннаго не оправдываетъ священника, потому что благочинный не въ правѣ дозволить перестройку деревянной колокольни, и если бы онъ на сіе отважился, не надлежало его слушать, а донести высшему начальству; но притомъ бывшій благочинный объявилъ мнѣ, что онъ дозволенія не давалъ. Потому за самовольную перестройку деревянной колокольни, съ священника, яко настоятеля церкви, взыскать въ ценю 10 рублей на вдовъ и сиротъ“.

Сообщилъ А. Г—рій.

*) Въ вѣдомости написано, якобы причетнической усадьбной земли не имѣется и пономарскій домъ не на собственной его землѣ.

ПОРЯДОКЪ ОБЩЕСТВЕННОГО И ЧАСТНАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ ДО XVI ВѢКА *).

Порядокъ *чина елеосвященія* въ XIV вѣкѣ, какъ и чины предшествовавшихъ таинствъ, представлялъ много особенностей сравнительно съ нынѣшнимъ его послѣдованіемъ. Отъ разсматриваемаго нами времени до насъ сохранилось три списка послѣдованія таинства елеосвященія; два изъ нихъ, будучи почти буквально сходны между собою, сильно разнятся съ нынѣшнимъ послѣдованіемъ этого таинства и представляютъ, какъ показываетъ современная самая спискамъ существующая въ началѣ ихъ надпись, послѣдованія таинства елеосвященія „по уставу Іерусалимскому“; третій же списокъ, будучи болѣе кратокъ, ближе къ нынѣшнему чину ¹⁾. Мы начнемъ изложеніе особенностей порядка таинства елеосвященія по двумъ первымъ спискамъ его.

Общая отличительная особенность послѣдованія таинства елеосвященія „по Іерусалимскому уставу“ заключается въ томъ, что въ немъ послѣдованіе этого таинства соединено со службою за болящаго. Начиналась она вечернею, на которой стихиры на *Господи воззвахъ* и на стиховнѣ имѣли главнымъ и исключительнымъ предметомъ своимъ моленіе объ исцѣленіи болящаго. Но „Нынѣ отпускаеши“ и „Отче нашъ“ на вечернѣ же пѣлся тропарь Безсребрениковъ, *слава* — „Господи, помилуй насъ“, и *нынѣ* — „милосердія источникъ“. На сугубой ектеніи, слѣдовавшей за этимъ, поминался болящій, при чемъ „Господи помилуй“ возглашалось 50 разъ ²⁾.

На другой день, по утру, пѣлась „агрипія“ за болящаго:

*) Продолженіе изслѣдованія о состояніи богослуженія въ Россіи въ 14 вѣкѣ. (См. июльскую книжку).

¹⁾ Рук. Соф. библ. №№ 1053, 1054 и 1055. ²⁾ Рук. Соф. библ. № 1053, 5 и № 1054, 5.

послѣ Трисвятаго, псаломъ 50 и за нимъ непосредственно слѣдовали ектенія великая съ прошеніями о болящемъ и молитва надъ елеемъ, читаемая и въ настоящее время ¹⁾).

За этимъ краткимъ моленіемъ слѣдовала первая предварительная часть чина елеосвященія. Послѣ обычнаго начала читался псаломъ 50 и за нимъ непосредственно слѣдовало пѣніе двухъ канонѣвъ. Первый, начинающійся словами: „Въ мрацѣ грѣховнѣмъ смордящими страстьми узвлень“... съ ирмосами: „Ико по суху пѣшешествова Израиль“; второй св. Безребрениковъ съ ирмосами: „Трестаты крѣпкія“ ²⁾. Послѣ третьей пѣсни канона возглашалась малая ектенія и читалась молитва: „Благій и человекѣлюбче Господи“; по шестой пѣсни также возглашалась малая ектенія и читалась молитва: „Владыко Вседержителю... врачу душамъ и тѣломъ нашимъ“; по девятой пѣсни точно также возглашалась малая ектенія и читалась молитва: „Царю и цѣлителю сграждущимъ, Господи Іисусе“ ³⁾... Послѣ канонѣвъ слѣдовало Трисвятое и по *Отче нашъ* читались тропари: „Помилуй насъ Господи“... и слѣдоваль отпусть съ предварительнымъ возглашеніемъ: *Господи помилуй* 50 разъ ⁴⁾.

Послѣ этихъ предварительныхъ моленій слѣдовала утренняя, на которой къ дневной службѣ присоединялась также служба за болящаго ⁵⁾, а послѣ утрени отправлялась литургія, на которой проскомидія совершалась на трехъ просфорахъ: одна изъ нихъ назначалась для агнца, другая въ честь Богородицы и третья за болящаго. На литургіи послѣ великой ектеніи священники исходили изъ олтаря на средину церкви, гдѣ стоялъ сосудъ, приготовленный для елея, которымъ долженъ быть помазанъ болящій. Старшій изъ священнослужущихъ кадилъ сосудъ и всю братію и творилъ обычное начало, послѣ котораго читалось Трисвятое и по *Отче нашъ* псаломъ 50 и тропари: „Помилуй насъ Господи“; затѣмъ возглашалась ектенія великая съ прошеніями о болящемъ и читалась обычная молитва надъ елеемъ. Послѣ этой молитвы старшій священникъ вливалъ въ сосудъ масло и за нимъ, при чтеніи этой же молитвы, дѣлали тоже и всѣ другіе шесть священниковъ. За этимъ,

¹⁾ Ibid. л. 6. ²⁾ Ibid. л. 7—8. ³⁾ Рук. Соф. библ. № 1053, 10—23; № 1054, 8—17 об. ⁴⁾ Ibid. № 1053, 19; № 1054, 23. ⁵⁾ Ibid. № 1053, 19—22 и № 1054, 23 об. 28.

при пѣніи стихиръ въ честь Богоматери, священники одинъ за другимъ, пачиная со старшаго, зажигали каждый одинъ „ужжець“. Послѣ возженія свѣтильниковъ первый изъ священниковъ читалъ псаломъ 16, за которымъ слѣдовали первый апостоль изъ посланія ап. Іакова, тотъ самый, который читается и въ настоящее время, и евангеліе отъ Іоанна объ овчей купѣли; за евангеліемъ непосредственно читалось пада главою болящаго: „Боже, имѣяй власть отпуцати грѣхи“... Второй священникъ точно также, какъ и всѣ остальные, читалъ тотъже псаломъ, какой читалъ и первый священникъ. Послѣ него слѣдовалъ прокимень, возглашаемый въ настоящее время предъ четвертымъ апостоломъ, апостоль и евангеліе тѣже, которые читаются на второмъ мѣстѣ и теперь, и молитва, читаемая въ нынѣшнемъ чинѣ послѣ четвертаго евангелія. Третій апостоль и евангеліе читались тѣже, что и въ настоящее время; послѣ нихъ молитва, не находящаяся въ нынѣшнемъ чинѣ елеосвященія: „Многомилостиве Господи Боже нашъ, молимтиса, яко да пошлещи милость твою на масло се“. Четвертый апостоль изъ посланія къ Римляма: „Братіе, елицы Духомъ Божиимъ водими“; евангеліе отъ Маркъ: „Во время оно призва Іисусъ обацадесять ученики своя“... и молитва: „Боже сильный, милостиве, стройай вся на спасеніе роду нашему“. Пятый апостоль, послѣ прокимна „Господи что ся умножиша стужающіи ми“, изъ посланія къ Галатамъ: „Братіе, вѣдѣте, яко не оправдится чловѣкъ отъ дѣлъ закона“; евангеліе отъ Іоанпа: „Рече Господь своимъ ученикомъ, да не смущается сердце ваше“... и молитва: „Боже сильный, помилуй милостями и щедротами раба твоего“. Шестой апостоль изъ посланія къ Колоссаемъ: „Братіе, облечитесь, яко избранніи Божіи святіи“..; евангеліе отъ Луки: „Во время оно моляше пѣкто отъ фарисей Іисуса, дабы ялъ съ нимъ“.. и молитва: „Многомилостиве, милосерде, невидиме, безскверне Господи, очисти раба своего“... Седьмой апостоль изъ посланія къ Ефессеямъ: „Братіе, возмогайте о Господѣ въ державѣ крѣпости его“..; евангеліе отъ Матѳея: „Рече Господь, аще отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ“... и молитва: „Господи Боже нашъ, иже плотскимъ твоимъ пришествіемъ исцѣляль еси чловѣческое естество“. При возложеніи евангелія на главу болящаго, которое слѣдовало непосредственно за седьмою молитвою, священники возлагали и

свои правыя руки. Послѣ молитвы „Царю святой, благоутробне Господи“, читаемой и въ нынѣшнемъ чинѣ елеосвященія, слѣдовали: „ектенія малая и антифонъ первый: „Господи, да не яростию твоею обличиши мене“, ектенія малая и антифонъ второй: „Блаженъ разумѣваяя на нища и убога“, *слава и нынѣ* „Единородный Сыне“, ектенія малая и антифонъ третій: „Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей“ до стиха „жертва Богу духъ сокрушенъ“; за нимъ читались стихиры, дѣбался малый входъ и совершалось прочее послѣдованіе литургій ¹⁾). По окончаніи литургій священники выходили со свѣчами изъ алтара и становились предъ сосудомъ съ освященнымъ масломъ. Послѣ обычнаго начала, возглашеннаго старшимъ священникомъ, читались: Трисвятое, псалмъ 50, снова Трисвятое, тропарь св. Безребренникамъ и молитва надъ главою болящаго: „Отче святой“, послѣ которой непосредственно священникъ возглашалъ: „И сподоби насъ Владыко“, а клиръ пѣлъ „Отче нашъ“. Послѣ этого первый священникъ мазалъ болящаго масломъ и „всѣхъ требующихъ благословенія сего“ съ произнесеніемъ словъ: „Благословеніе Господа Бога Спаса нашего на исцѣленія души и тѣла рабу Божию, имя рекъ, всегда, нынѣ и присно“... Другіе священники также помазывали масломъ болящаго и другихъ лицъ, желавшихъ получить таинство елеосвященія, читая при этомъ молитву: „Отче святой“ и произнося вышеуказанныя слова. Во время помазанія, клиромъ пѣлись приличныя случаю стихиры. По окончаніи помазанія священники расходились, „мажуще внѣ уду на дверехъ и внутрь уду, глаголюще сице: благословеніе Господа Бога, Спаса нашего, Иисуса Христа на дому семъ всегда, нынѣ и присно“ ²⁾... Изъ представленнаго подробнаго изложенія чина елеосвященія „по уставу Іерусалимскому“, который мы позволили себѣ изложить вполне въ виду особенностей его порядка сравнительно съ нынѣшнимъ чиномъ этого таинства, легко видѣть, что онъ только въ чтеніи нѣкоторыхъ молитвъ, апостоловъ и евангелій сходенъ съ нынѣшнимъ, во всемъ же прочемъ онъ огличенъ отъ этого послѣдняго. При всемъ этомъ отличіи изложеннаго нами чина таинства елеосвященія отъ нынѣшняго чина этого

¹⁾ Рук. Соф. библ. № 1053, 23 — 40 и № 1054, 28—53. ²⁾ Рук. Соф. библ. № 1053, 41—47 и № 1054, 54—64.

тайнства, хотя намъ неизвѣстенъ Греческій оригиналъ перваго, мы тѣмъ не менѣе не имѣемъ права сомнѣваться въ Греческомъ происхожденіи его: въ этомъ насъ вполне убѣряетъ существующая въ двухъ вышеуказанныхъ спискахъ надпись: „Чинъ елеосвященія по уставу Іерусалимскому“. По своему общему характеру изложенный нами чинъ тайнства елеосвященія сходенъ нѣсколько съ чиномъ тогоже тайнства, изданнымъ Гоаромъ. Въ этомъ послѣднемъ также, какъ и въ первомъ, чинъ елеосвященія, соединяясь съ совершеніемъ литургіи, дѣлится на двѣ части: до литургіи совершается чинъ елеосвященія, а послѣ нея собственно помазаніе болящаго; но въ частности они почти совершенно несходны ¹⁾. Основываясь на большемъ количествѣ списковъ чина елеосвященія „по уставу Іерусалимскому“, сохранившихся до насъ отъ XIV вѣка, мы можемъ сказать, что чинъ этотъ былъ преобладающимъ на Руси въ разсматриваемое нами время. Но на ряду съ нимъ существовалъ другой чинъ елеосвященія, по своему порядку болѣе близкій къ нынѣшнему. По этому чину послѣ испрошенія желающимъ получить елеосвященіе прощенія у священниковъ непосредственно читалась молитва надъ масломъ, которая читается въ настоящее время послѣ ектеніи, возглашаемой послѣ перваго евангелія. За молитвою возглашалась великая ектенія съ прошеніями о болящемъ, которая и въ дальнѣйшемъ послѣдованіи разсматриваемаго нами чина предшествуетъ всѣмъ чтеніямъ изъ апостола и евангелія, и за нею непосредственно слѣдовали первый апостолъ и евангеліе тѣже самыя, которые читаются и въ чинѣ тайнства елеосвященія „по уставу Іерусалимскому“ на этомъ мѣстѣ. Послѣ евангелія слѣдовала ектенія сугубая, возглашавшаяся также и послѣ всѣхъ другихъ евангелій, и читалась молитва: „Благоувѣтливый Господи, едине милостивый и человеколюбецъ, иже каеся о злобахъ нашихъ“, послѣ которой первый священникъ говорилъ: „услыши ны, Господи, услыши ны“, зажигалъ первый свѣтильникъ и при чтеніи молитвы „Отче святыи“ мазалъ болящаго. Такимъ же точно образомъ происходили и всѣ другія шесть помазаній. Второй апостолъ и евангеліе читались тѣже, что читаются и въ настоящее время на этомъ мѣстѣ. Послѣ нихъ читалась молитва, занимаю-

¹⁾ Eucholog. Goar p. 428—430.

щая въ нынѣшнемъ чинѣ мѣсто послѣ третьяго евангелія, и стихира: „Господи, оружіе на діавола крестъ твой даль еси намъ“. Въ мѣсто третьяго апостола читался нынѣшній четвертый; евангеліе же то же, что и теперь; молитва: „Благій человѣколюбче, благосерде, многомилостиве, иже всякаго недуга и всяку болѣзнь исцѣляя“. Четвертый апостоль читался тотъ же, который въ чинѣ елеосвященія „по уставу Іерусалимскому читался третьимъ; евангеліе отъ Луки о посланіи семидесяти учениковъ на проповѣдь; молитва читаемая въ нынѣшнемъ чинѣ послѣ пятаго евангелія. Пятый апостоль тотъ же, что въ чинѣ елеосвященія „по уставу Іерусалимскому“; евангеліе, читаемое теперь шестымъ, и молитва, читаемая въ нынѣшнемъ чинѣ послѣ шестаго же евангелія. Шестой апостоль и евангеліе тѣ же, что и въ чинѣ разсматривасяго нами таинства „по уставу Іерусалимскому“; молитва же читалась послѣ нихъ та, которая въ нынѣшнемъ чинѣ читается послѣ седьмаго евангелія. Седьмой апостоль читался изъ посланія къ Тимоою: „Чадо Тимоою, возмогай о благодати, яже о Христѣ Іисусѣ“; евангеліе читалось то же, что и въ чинѣ таинства елеосвященія „по уставу Іерусалимскому“; молитва же читалась та, которая читается теперь послѣ четвертаго евангелія. Въ заключеніе этого чина послѣ молитвы: „Благосерде и многомилостиве Господи Боже нашъ“, читавшейся въ то время и читаемой теперь при раскрытомъ евангеліи на главѣ болящаго, и стихирѣ св. Безсребреникамъ, возглаголалась сугубая ектенія и послѣдованіе оканчивалось молитвою на главопреклоненіе: „Владыко многомилостиве, Господи Іисусе Христе Боже нашъ“¹⁾).

Изъ этого обозрѣнія другаго чина елеосвященія, существовавшаго въ разсматриваемое нами время на Руси, мы видимъ, что онъ былъ сходенъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, какъ съ нынѣшнимъ чиномъ послѣдованія этого таинства, такъ и съ чиномъ этого таинства по уставу Іерусалимскому; но въ то же время и значительно различался отъ того и другаго. Главное отличіе изложеннаго нами чина елеосвященія отъ нынѣшняго чина этого таинства состояло, какъ мы видѣли, въ томъ, что молитвы и чтенія изъ апостола и евангелія тѣ же, какія читаются и въ нынѣшнемъ чинѣ этого таинства, читались въ иномъ порядкѣ;

¹⁾ Рук. Соф. библ. № 1055, 1—30.

отъ чина же таинства елеосвященія „по уставу Іерусалимскому“ изложенный чинъ отличался тѣмъ, что онъ не соединялся съ литургіею и всѣ остальные службы того дня не были принаровлены къ его характеру, а также тѣмъ, что въ немъ помазаніе болящаго не было отдѣлено отъ самаго чина елеосвященія, какъ въ первомъ. Чинъ этотъ, какъ и чинъ іерусалимскій, имѣлъ точно также свой Греческій оригиналъ. Предполагать въ этомъ случаѣ какое бы то ни было вліяніе Латинскаго послѣдованія „extremae unctionis“ рѣшительно невозможно ¹⁾. Въ Греческомъ происхожденіи этого чина убѣждаетъ насъ также и сходство его въ нынѣшнимъ чиномъ, который несомнѣнно Греческаго происхожденія ²⁾, а также и описаніе послѣдованія этого чина Симеономъ Солунскимъ ³⁾.

Постриженія въ монашество. Относительно лицъ, имѣвшихъ право совершать постриженіе, митр. Кипріанъ писалъ: „Мирянину попу не годится стричи въ черньци: иже бо самъ не имѣеть, како можетъ иному дать“ ⁴⁾; а соборъ Константинопольскій 1301 года дозволилъ въ случаѣ крайности постригать даже причетнику ⁵⁾.

Чинъ малаго иноческаго образа въ разсматриваемое нами время начинался непосредственно вопросами къ желающему принять постриженіе о томъ, добровольно ли онъ это дѣлаетъ, что вполне согласно съ древними Греческими списками этого послѣдованія ⁶⁾. Въ Кристоферратскомъ спискѣ его прямо сказано, что послѣ малаго входа постриженному дѣлается вопросъ: „добровольно ли приступилъ ко Христу“ ⁷⁾... Послѣ вопросовъ и увѣщанія слѣдовалъ рядъ молитвъ. Первая изъ нихъ: „Благодаримъ тя, Господи, избавителю по многѣй милости твоей раба твоего сего“... въ извѣстныхъ намъ древнихъ Греческихъ спискахъ разсматриваемаго нами чина не находится; вторая также, какая читается и въ настоящее время; третья: „Господи, Господи, сило спасенія моего“, сходная съ тою, которая читается въ концѣ разсматриваемаго нами по Кристоферратскому списку ⁸⁾. Послѣ постриженія и облаченія

¹⁾ Рук. Соф. библ. № 1055, 1—30 ср. Marten. De unitq. eccles. ritib. t. I p. 841—982. ²⁾ Eucholog. Goar. p. 408—428. ³⁾ Исаан. св. отц. и учит. церк. т. II, стр. 370 и 377. ⁴⁾ Акт. историч. т. I, стр. 477. ⁵⁾ Чтен. въ общ. истор. и древн. Рос. 1860 г. кн. 2, III, 25. ⁶⁾ Архіер. служеб. XIV в. рук. Соф. библ. № 1056, 14 об. 15. ⁷⁾ Eucholog. Goar. p. 483. ⁸⁾ Архіер. служеб. рук. Соф. библ. № 1056, 16—18; Eucholog. Goar. p. 488.

новопостриженнаго непосредственно читалась молитва: „Господи Боже нашъ, упованіе и прибѣжище всѣхъ уповающихъ на тя“, читаемая въ пышнѣйшемъ чинѣ предъ постриженіемъ и облаченіемъ ¹⁾; за нею слѣдовала вторая молитва на главопреклоненіе, читаемая теперь непосредственно послѣ облаченія новопостриженнаго: „Господи Боже нашъ, введый раба твоего сего, имярекъ, въ мысленный твой дворъ“ ²⁾. Между извѣстными намъ древними Греческими списками разсматриваемаго нами чина мы не находимъ такого, который бы могъ служить оригиналомъ для русскихъ списковъ этого чина въ данномъ случаѣ. Оканчивался чинъ постриженія въ монашество въ разсматриваемое нами время тѣмъ, что послѣ цѣлованія новопостриженнаго игуменомъ и прочей братіей и возложенія на голову его клобука игуменъ отдавалъ новопостриженнаго братіи съ словами: „постризи и“, и братія „ведь, пострижетъ его отъ верха до полу главы вѣнцемъ и отпуститъ и“ ³⁾. Указанія на эту послѣднюю особенность чина малаго иноческаго образа въ древнихъ Греческихъ спискахъ мы не находимъ; по несомнѣнно, можно думать, что она обуславливалась обыкновеніемъ духовныхъ лицъ древней Россіи, согласнымъ съ обыкновеніемъ церкви Греческой, носить на головѣ „гуменцо“ ⁴⁾.

Послѣдованіе великаго ангельскаго образа въ XIV вѣкѣ немало также отличалось отъ послѣдованія этого чина въ настоящее время. Антифоны, которые поются въ настоящее время послѣ входа на литургіи, пѣлись тогда въ иномъ порядкѣ: въ антифонѣ первомъ пѣлись стихиры пышнѣйшаго антифона третьяго; въ антифонѣ второмъ стихиры антифона перваго, а въ антифонѣ третьемъ только двѣ стихиры втораго же антифона ⁵⁾. Считать ли такое размѣщеніе антифонныхъ стихиръ простою случайностью, или же допустить для объясненія его существованіе Греческаго оригинала, сказать опредѣленно, по недостатку положительныхъ данныхъ, не можемъ. Во время пѣнія этихъ антифоновъ новопостригающійся постепенно приближается къ царскимъ дверямъ. Указаніе на такое постепенное приближеніе новопостригающагося мы находимъ въ древ-

¹⁾ Ibid. л. 18. ²⁾ Ibid. л. 19. ³⁾ Ibid. ⁴⁾ Писан. св. отц. и учи^ч церк. т. III. стр. 154. ⁵⁾ Архіер. служеб. рук. Соф. библ. № 1056, 26 об. 28.

нихъ Греческихъ спискахъ чиновъ какъ великаго, такъ и малаго ангельскаго образа ¹⁾.

Предъ постриженіемъ новопостригаемый вводился въ олтарь и послѣ постриженія игуменомъ отдавался братіи, которая также постригала его съ пѣніемъ псалма: „Блаженіи непорочніи“ ²⁾. Относительно первой особенности мы не находимъ указанія въ древнихъ Греческихъ спискахъ разсматриваемаго нами чина; что же касается второй, то она имѣла, безъ всякаго сомнѣнія, своимъ основаніемъ уже указанный нами обычай духовныхъ лицъ древней Руси носить на головѣ „гуменцо“.

Послѣ постриженія братіей принимающаго великій ангельскій образъ слѣдовали: Трисвятое, ектевія великая, болѣе краткая въ своихъ прошеніяхъ, чѣмъ нынѣшняя, апостолъ изъ посланія къ Колоссянамъ: „Братіе, облечитесь, яко избранніи Божіи святіи“, и евангеліе отъ Марка: „Рече Господь своимъ ученикомъ: иже хочетъ въ слѣдъ мене идти“ ³⁾... Послѣдняя изъ этихъ особенностей могла быть заимствована изъ Кристоферратскаго списка послѣдованія малаго ангельскаго образа ⁴⁾.

Во время чтенія евангелія новопостриженнаго снова выводили „изъ крила церковнаго“ на средину церкви и поставляли „прямо олтарю“. Послѣ чтенія евангелія слѣдовало пѣніе антифоновъ, начинающихся словами: „Отверзется дверь покаянія“, тѣхъ самыхъ, пѣніе которыхъ положено въ нѣкоторыхъ древнихъ Греческихъ спискахъ разсматриваемаго нами чина ⁵⁾.

Дальнѣйшее послѣдованіе чина великаго ангельскаго образа въ разсматриваемое нами время отличалось отъ нынѣшняго тѣмъ, что въ немъ тѣже пѣсни, которыя поются и въ нынѣшнемъ послѣдованіи, пѣлись большее число разъ и съ присоединеніемъ особыхъ стиховъ ⁶⁾. Этихъ особенностей въ древнихъ Греческихъ спискахъ чина великаго ангельскаго образа мы не находимъ.

По окончаніи литургіи братія, согласно практикѣ церкви Греческой, провожали новопостриженнаго въ трапезу съ троекратнымъ пѣніемъ стихиры: „Господи, призри съ небесе и виждь“ ⁷⁾.

¹⁾ Ibid. и Eucholog. Goar. p. 515, 481 и 482. ²⁾ Ibid. л. 37. ³⁾ Ibid. л. 38—39. ⁴⁾ Eucholog. Goar. p. 483. ⁵⁾ Архіер. служеб. ркп. Соф. библ. № 1056, 40; Eucholog. Goar. p. 516. ⁶⁾ Ibid. л. 44—46. ⁷⁾ Ibid. и Eucholog. Goar. p. 517.

Чинъ поставленія во игумена отличался отъ нынѣшняго возложеніемъ на нобопоставленнаго новой мантии и тѣмъ, что оканчивался молитвою на главопреклоненіе, а не врученіемъ ему посоха, какъ въ настоящее время, что вполне согласно съ древнею практикою церкви Греческой ¹⁾.

Такимъ образомъ это подробное обзорѣніе особенностей послѣдованія чиновъ постриженія въ разныя степени ангельскаго образа ясно показываетъ намъ, что онѣ имѣли болѣею частію свое основаніе въ богослужебной практикѣ церкви Греческой и безъ всякаго сомнѣнія изъ нея перешли въ церковь Русскую. Что же касается тѣхъ изъ указанныхъ нами особенностей разсмотрѣнныхъ нами чиновъ, которыя въ извѣстныхъ намъ древнихъ Греческихъ спискахъ этихъ чиновъ не находятся, то считать всѣ ихъ появившимися въ Россіи мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ. Болѣе вѣроятнымъ это предположеніе мы можемъ считать относительно послѣдней особенности великаго ангельскаго образа—простаго увеличенія числа разъ пѣнія тѣхъ же тропарей, которые поются и теперь, и присоединенія къ нимъ краткихъ стиховъ. Особенность эта, судя по ея простотѣ, могла явиться и въ Россіи и основаніемъ для своего появленія имѣла не что иное, какъ или желаніе выразить болѣе усердное моленіе, или же желаніе продлить время торжества.

Чинъ малаго освященія воды въ XIV вѣкѣ почти не представлялъ никакихъ особенностей въ порядкѣ своего послѣдованія сравнительно съ нынѣшнимъ порядкомъ, его, за исключеніемъ небольшой разности въ тропаряхъ и еще въ томъ, что погруженіе креста совершалось при пѣніи тропаря: „Твоихъ даровъ“ ²⁾. По *чинъ великаго освященія воды* значительно разнился отъ нынѣшняго чина.

Въ началѣ, согласно съ нѣкоторыми древними Греческими списками чина великаго освященія воды, пѣлась только одна первая стихира: „Гласъ Господень на водахъ воиестъ, глаголю“ ³⁾. Во время этой пѣсни святитель благословлялъ воду тремя свѣчами. Этой послѣдней особенності мы не находимъ въ древнихъ Греческихъ спи-

¹⁾ Ibid. л. 1—2; Eucholog. Goar. p. 493; Треби. М. С. библ. № 371 (Опис. III, I, 144). ²⁾ Служеб. рук. М. С. библ. № 344, 102 и № 347, 87 (Опис. III, I, 18 и 31). ³⁾ Служеб. рук. Соф. библ. № 526, 79; Eucholog. Goar. p. 463.

скахъ разсматриваемаго нами послѣдованія, и очень возможно предположить, что она чисто русскаго происхожденія. Въ древнихъ Греческихъ спискахъ этого чина мы находимъ только указаніе на исхожденіе священнослужащихъ изъ олтаря для освященія воды со свѣтильниками ¹⁾; но русскіе люди, имѣя, быть можетъ, въ виду мысль объ участіи всѣхъ трехъ лицъ св. Троицы, видоизмѣнили эту особенность богослуженія церкви Греческой указаннымъ образомъ,—ввели обычай благословлять воду тремя свѣчами.

Послѣ паремій, согласно съ практикою церкви Греческой, непосредственно слѣдовала великая ектенія. Въ ней возглашались такія прошенія, которыя въ настоящее время не произносятся ²⁾ и которыя быть можетъ имѣли для себя греческій оригиналъ, хотя въ извѣстныхъ намъ древнихъ Греческихъ спискахъ разсматриваемаго нами чина мы ихъ не находимъ.

Послѣ молитвы тайной читалась другая, значительно дополненная въ началѣ сравнительно со второю же молитвою нынѣшняго чина великаго освященія воды. Она начиналась словами: „Славимъ тя, Владыко Господи всержителю“ ³⁾.

При погруженіи креста священникъ говорилъ: „во имя Отца и Сына и св. Духа“ ⁴⁾. Этой послѣдней особенності чина великаго освященія воды въ древнихъ Греческихъ спискахъ этого чина мы не находимъ, да едвали она тамъ и имѣла свое мѣсто. Простота, безыскусственность этой особенності весьма много говоритъ въ пользу русскаго ея происхожденія. Весьма возможно предположить, что благочестивая рука какого нибудь русскаго писца внесла эту особенность въ наши служебники, основываясь единственно на сопоставленіи благословенія, которое дѣлается въ этомъ случаѣ крестомъ въ водѣ, съ крестнымъ знаменіемъ, полагаемымъ на себѣ человѣкомъ христіанномъ.

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе выдающихся чиновъ существовало въ XIV вѣкѣ еще большое число чиновъ, состоящихъ изъ одной молитвы. Всѣ они перешли къ намъ изъ богослужебной практики церкви Греческой и

¹⁾ Eucholog. Goar. p. 453, 463 и 465. ²⁾ Служеб. рук. М. библ. № 526, 79 об. 80 и рки. М. С. библ. № 345 (Опис. III, I, 24); Eucholog. Goar. p. 463, 464 и 465. ³⁾ Ibid. № 526, 81 об. и № 345, 67 об. (Опис. III, I, 24); Eucholog. Goar. p. 456—458. ⁴⁾ Служеб. рук. М. С. библ. № 345 (Опис. III, I, 24).

были почти всё тѣже, которые находятся и въ нашихъ нынѣшнихъ требникахъ ¹⁾; поэтому мы оставляемъ ихъ безъ разсмотрѣнія, какъ не представляющихъ ничего особеннаго со стороны порядка ихъ послѣдованія—главной точки нашего зрѣнія.

Н. Одинцовъ.

ТОЛКОВАНІЕ

ВТОРАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ КОРИНОЛЯНАМЪ.

в) Обязательства внявшихъ благовѣстію 6, 11—7, 1.

Объяснилъ св. Павелъ, какъ апостоламъ ввѣрено слово примиренія и какъ они его всюду разносятъ, всячески заботясь не быть никому въ претыканіе, а напротивъ всячески способствовать успѣхамъ благовѣстія. Теперь обращаетъ слово къ слышавшимъ и принявшимъ благовѣстіе и указываетъ, что имъ преимущественно надо имѣть во вниманіи, чтобы оказаться достойными званія.

Богъ, говоритъ, примирилъ насъ Себѣ; вы приняли слово примиренія; смотрите же, держите условія, то-есть бѣгайте всякаго беззаконія и удаляйтесь отъ всякаго нечестія. Если будете держаться строго принятыхъ правилъ, то явитесь чистыми. Какъ въ чистыхъ, вселится въ васъ Богъ, и васъ приметъ въ Себя, въ чемъ послѣдняя высшая цѣль разумныхъ тварей (—ст. 14 и д.). Эти наставленія излагаетъ онъ, обращаясь къ Коринтолянамъ, и какъ переходъ къ нимъ, изъясняетъ свою особую широкую расположенность къ Коринтолянамъ, требуя взаимно отъ нихъ

¹⁾ Требн. ркн. М. С. библ. № 371 (Опис. III. I. 128--153).

широкаго вниманія къ своимъ словамъ, для полнаго ихъ вмѣщенія (—ст. 11—13).

Ст. 11. *Уста наша отверзошася къ вамъ, Коринѳяне, сердце наше распространися.*

Предшествующая рѣчь, особенно къ концу, шла, какъ само собою видно, съ нѣкоторымъ движеніемъ. Въ такую откровенность войти вовлекла Апостола особая откровенность къ Коринѳянамъ; какъ будто и еще готовъ онъ былъ продолжать слово въ томъже направленіи, но сила чувства остановила его и заставила открыть, что приводило въ движеніе языкъ его: сердце распространилось, оттого и уста отверзошася. Отъ избытка сердца говорятъ уста. „Мы не хотимъ, говорить, молчать предъ вами, но всегда желаемъ говорить и бесѣдовать съ вами; а это есть обычай любящихъ. И что для тѣла объятіе рукъ, то для души дружественная бесѣда. Вмѣстѣ съ симъ онъ намекаетъ здѣсь еще и другое нѣчто. Что же такое? То, говоритъ, что мы откровенно бесѣдуемъ съ вами какъ съ возлюбленными, ничего не утаивая отъ васъ, и ничего не скрывая.—И самое паименованіе *Коринѳяне* выражаетъ великую любовь, расположеніе и горячность его къ нимъ. Пбо извѣстно, что мы любимъ часто повторять имена тѣхъ, которыхъ любимъ. *Сердце наше распространися.* Какъ теплота и жаръ расширяетъ вещь, въ которой заключается, такъ и любви свойственно расширять сердце; потому что она есть такая добродѣтель, которая и горяча и разгорячаетъ. Она разверзла уста Павловы и расширила сердце его. Ибо не устами только, говорить, люблю васъ, но съ устами согласуется и сердце. Посему я и говорю такъ смѣло, открытыми устами и отъ всего сердца. Ибо нѣтъ ничего на землѣ пространнѣе сердца Павлова; оно, какъ кто-нибудь своего друга, такъ горячо любило всѣхъ вѣрныхъ, не раздробляя на части своей любви и оттого ослабѣвая, но пребывая въ каждомъ всецѣло. И удивительно ли, что Павелъ имѣлъ такую любовь къ вѣрнымъ, когда сердце его обнимало всю вселен-

ную и самыхъ певѣрныхъ? Посему и не сказалъ: я люблю васъ, но гораздо выразительнѣе: уста наша отверзотся, сердце наше распространится; мы всѣхъ имѣемъ въ сердцѣ и не кос-какъ, но съ большимъ просторомъ и удобствомъ. Ибо въ такомъ случаѣ любимый безъ всякой опасности помѣщается въ сердцѣ любящаго“ (Св. Злат.).

Ст. 12. *Не тѣсно вмѣщается въ насъ, утѣняется же во утробахъ вашихъ.*

Не тѣсно вмѣщается въ насъ,—значить: мы васъ объемлемъ широкою любовію; *утѣняется же во утробахъ вашихъ*,—значить: а вы насъ не такъ широко любите. Нѣжное обличеніе! „Смотри, какъ онъ падить и въ самыхъ обличеніяхъ! А это есть свойство сильно любящихъ. Не сказалъ: вы не любите насъ, но: не столько любите, сколько мы; ибо не хочетъ сильно упрекать ихъ. Тоже говорить онъ и въ концѣ посланія: *еще и излишите васъ любя, меньше любимъ есть вами*“ (—12, 15) (св. Златоустъ). Но чего именно касался этотъ укоръ, невидно съ опредѣленностію. „Ибо въ этомъ же посланіи онъ говорить, что не только онъ ихъ любить, но что и они его любятъ. Когда онъ говорить, что Титъ пришедши *повѣдалъ намъ ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность по мнѣ*“ (—7, 6. 7), то имъ свидѣтельствуешь о любви ихъ къ нему“ (Св. Златоустъ).—*Ваше желаніе*, — ἐπιθυμία, означаетъ расположеніе сильно любящаго сердца. Какъ же здѣсь укоръ? Можетъ быть Апостоль разумѣеть, что не всѣ такъ его любятъ, какъ онъ ихъ. Я, говорить, всѣхъ васъ широко люблю, а вы не всѣ. Есть между вами такіе, въ сердцѣ которыхъ мѣсто для меня мѣста просторнаго. Такимъ образомъ, имѣя во вниманіи большинство, вѣрно сказать можно было, что сильно любятъ; а намекая на меньшинство, вѣрно можно было скатать, что утѣняются, меньше любятъ.

Ст. 13. *Тождеже возмездіе, якоже чадомъ глаголю, распространитесь и вы.*

Какъ я васъ широко люблю, въ равное возмездіе раз-

ширитесь и вы любовію ко мнѣ; или, какъ я всѣхъ васъ вмѣстѣ и каждого поодиначкѣ люблю, такъ и всѣ вмѣстѣ и каждый поодиначкѣ полюбите меня полною любовію.—*Яко чадомъ глаголю*,—это пѣжное побужденіе, которому отказать нельзя. И васъ родилъ, вы мои дѣти духовныя: какія дѣти не любятъ отца? И какой трудъ дѣтямъ любить его? И я на васъ никакого ярма не налагаю, а только указываю на то, что у васъ естественно должно быть. Св. Златоустъ видитъ въ этихъ словахъ самыя тонкіе оттѣнки мыслей Апостола. „И хотя не одно и то же—прежде самому быть любимымъ, а потомъ уже любить другихъ; потому что возлюбившій послѣ хотя бы и равною платилъ любовію, но какъ послѣ возлюбившій, потому уже самому стоитъ ниже предварившаго его любовію: впрочемъ я не вхожу, говорить, въ строгое розысканіе сего; для меня довольно, если вы, и съ меня взявъ примѣръ, покажете ту же мѣру любви, какою я люблю васъ. Потомъ чтобы показать, какъ это нужно для нихъ, и какъ слова его чужды всякаго ласкательства, прибавляетъ: *якоже чадомъ глаголю*. Что же значить: *якоже чадомъ*? То-есть, ничего болѣе не прошу отъ васъ, кромѣ вашей любви, какъ отецъ вашъ. Видишь ли, какое здѣсь благоразуміе и смиренномудріе? Онъ не говоритъ уже о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія претерпѣлъ за нихъ; умалчиваетъ о своихъ трудахъ, объ опасностяхъ смерти, хотя бы и много могъ говорить; такъ онъ чуждъ гордости! но говоритъ только о любви своей и просить отъ нихъ взаимной любви; потому что я отецъ вашъ, говоритъ, и сильно люблю васъ. Пользующагося любовію другаго иногда очень раздражаетъ то, что любящій напоминаетъ о своихъ къ нему благодареніяхъ; ибо онъ вмѣняетъ сіе въ упрекъ себѣ. Посему св. Павелъ и не дѣлаетъ сего, а говоритъ только: возлюбите меня, какъ дѣти отца, что гораздо ближе къ природѣ человѣческой и составляетъ долгъ каждого въ отношеніи къ отцу“.

Изъяснивъ такимъ образомъ, какъ распространилось

сердце его и отверзлись уста, обличивъ, что Коринѣяне утѣсняются въ утробахъ своихъ и побудивъ ихъ распространиться въ соотвѣтствіе широтѣ его сердца, апостоль начинаетъ предлагать уроки: *не бывайте преложни ко иному ярму*, и т. д. Сопоставивъ это вмѣстѣ, невольно приходишь къ мысли, что распространеніе, котораго требовалъ апостоль, есть не что иное, какъ широта вниманія и сердца для принятія предлагаемаго ученія. Отсюда и вся предыдущая рѣчь представляется въ такомъ видѣ: сердце мое расширилось и уста отверзлись. Я полонъ высокихъ и важныхъ истинъ, и готовъ перелить ихъ въ души ваши. Расширите же и вы умъ и сердце для принятія ихъ. Говорю: расширите; потому что вы не такъ широкі бываєте для внятія истинъ. Итакъ, какъ отецъ чадамъ, для блага вашего, говорю: распространитесь и внимайте!—Такъ разсуждаетъ блаженный Фотій у Экуменія.

Ст. 14. *Не бывайте (удобъ) преложни ко иному ярму, якоже нестырнн: кое бо причастіе правды къ беззаконію; или кое общеніе свѣту ко тмѣ;*

Не бывайте (удобъ) преложни ко иному ярму, якоже нестырнн или *невырннхъ*. *Μή γίνεσθε ἑτεροζυγοῦντες ἀπίστοις*. *Ἑτεροζυγοῦται*—значитъ становиться въ одно ярмо въ пару съ другимъ. Апостоль говоритъ: не становитесь вы въ одно ярмо въ пару съ невѣрными. Слово въ слово можно перевести такъ: *не бывайте подъяремны въ пару съ невѣрными*. Далѣе объясняетъ, почему такъ не должно; по-тому, говоритъ, что вы совѣмъ не пара съ ними, а разнитесь отъ нихъ до противоположности. — Поводомъ къ этому внушенію могло послужить участіе нѣкоторыхъ вѣрующихъ коринѣскихъ въ трапезахъ отъ идоложертвенныхъ мясъ, а можетъ быть и въ другихъ какихъ житейскихъ обычаяхъ языческихъ. Намѣреніе же апостола то, чтобы совѣмъ отстранить ихъ отъ всего, что носило печать язычества: изыдите отъ среды ихъ и нечистотамъ ихъ не прикасайтесь. По мысли его всякое такое соприкосновеніе съ язычниками есть тоже, что впряженіе себя въ од-

но ярмо съ ними, чтобъ тянуть ту же тяжесть и идти по тому же пути. Св. Златоустъ такъ вводитъ въ виды апостола при такомъ оборотѣ рѣчи: „Здѣсь апостолъ говоритъ какъ-бы имъ: не уклоняйтесь на ихъ пути. Посмотрите, какое разстояніе между благородствомъ вашимъ и низостію тѣхъ. Такое сопоставленіе дѣлало рѣчь его болѣе убѣдительною и привлекательною для Коринтянъ. Еслибы кто сыну, непочитающему своихъ родителей и предающемуся людямъ развратнымъ, сказалъ: что ты дѣлаешь, чадо? Ты презираешь своего отца, и предпочитаешь ему людей развратныхъ и въ беззаконіяхъ погрязшихъ. Ужели ты не знаешь, сколько ты лучше ихъ и благороднѣе?—то симъ образомъ онъ лучше бы отклонилъ его отъ сообщенія съ ними, чѣмъ—когда бы сталъ выхвалять только отца. Такъ, еслибы онъ сказалъ: ужели ты не знаешь, сколько отецъ твой лучше ихъ?—то симъ мало, или ничего бы не сдѣлалъ. Но когда обойдя отца, предпочтетъ имъ сына, говоря: ужели ты незнаешь, кто ты, и кто они? Какъ ты не подумаешь о своемъ благородствѣ и свободномъ происхожденіи, а о ихъ низости? Что у тебя общаго съ такими ворами, прелюбодѣями, разбойниками?—то, какъ-бы окрыливъ его сими похвалами, легко расположить его къ тому, чтобъ онъ оставилъ сообщество съ ними. Первыя же увѣщанія онъ не такъ легко приметъ потому, что отецъ такому сыну будетъ служить уже не честію, а обвиненіемъ въ томъ, что онъ оскорбляетъ отца, и притомъ отца столь почтеннаго; здѣсь же ничего подобнаго онъ не услышитъ. Притомъ, кто не любитъ похвалы? И потому самое обличеніе, соединенное съ похвалою слушателя, бываетъ удобоприемлемѣе. Ибо оно смягчаетъ, возвышаетъ духъ его, и заставляеть гнушаться сообществомъ съ худыми людьми. Но здѣсь достойно удивленія не только такое различеніе, но и то, что такъ сильно изобразилъ оное для возбужденія страха въ Коринтянахъ. Сперва онъ ведетъ рѣчь свою чрезъ вопросы, что обыкновенно бываетъ тогда, когда говорится о чемъ нибудь для всѣхъ извѣстномъ

и очевидно; потомъ распространяетъ оную многими и различными наименованіями: ибо не одно, не два, не три, но многія наименованія сравнимыхъ вещей полагаетъ предъ глаза слушателей, дабы съ одной стороны изобразить высоту добродѣтели (вѣры Христовой), а съ другой крайнюю низость порока (язычество), и чрезъ великое, даже безконечное между ними разстояніе, показываетъ, что дѣло не требуетъ болѣе никакого доказательства.“

Кое бо причастіе правды къ беззаконію, или кое общеніе свѣту ко тмѣ; Ст. 15. Кое же согласіе Христови съ веліаромъ; или какъ часть вѣрны съ невѣрнымъ; 16. или кое сложеніе церкви Божіей со идолами;

„Смотри сколько простыхъ употребляетъ онъ слова, и между тѣмъ достаточныя для отвращенія Коринѳянъ отъ ярма невѣрныхъ“ (Св. Злат.).

Слова простые, но обнимаютъ сравнимые предметы съ самыхъ существенныхъ сторонъ. Впервыхъ *съ стороны нравственной. Кое причастіе правды къ беззаконію?* Какъ правда противоположна беззаконію, такъ въ язычникамъ: не входите же съ ними въ одно ярмо. Вѣрующихъ называетъ правдою, ради того, что прежніе ихъ грѣхи омыты крещеніемъ, и чтобы не падать въ новые, они положили, намѣреніе и дали обѣтъ приступая къ крещенію, въ коемъ новую жизнь получили, которая благодатию Божіею сильна на твореніе всякой правды и пребываніе въ чистотѣ и святости. Беззаконіемъ называетъ язычниковъ ради того, что въ язычествѣ царствуетъ грѣхъ. Какъ рождаются они во грѣхѣ, такъ и живутъ въ немъ: самоугодіе заправляетъ всею ихъ жизнію. Самыя лучшія между ними личности не могутъ высвободиться изъ узъ его и даже понятія не имѣютъ, что должно такъ сдѣлать. Да еслибъ и поняли, что сдѣлали бы? Надо родиться свыше; а этого они лишены. И суть потому въ беззаконіи, которое составляетъ будто духъ жизни ихъ: т.-с. всѣмъ жертвовать для себя, или все обращать въ средство для своихъ личныхъ цѣлей.

Или кое общеніе свѣту ко тмѣ? Это во вторыхъ —

сравненіе со стороны *умственной*. Какъ свѣтъ противоположенъ тмѣ, такъ вы язычникамъ. Какъ нѣтъ общенія у свѣта со тмою, такъ не должно быть его и у васъ съ язычниками ни въ чемъ языческомъ. Вѣрующіе—свѣтъ, по свѣтлости вѣдѣнія ихъ, обнимающаго все сущее и бывающее, безначальное и безконечное, время и вѣчность, и все съ возможною нынѣ точностію и ясностію опредѣляющаго. Знаютъ они откуда они; зачѣмъ на землѣ, что ждетъ ихъ за гробомъ, и какъ сдѣлать тамошнее пребываніе блаженнымъ. Вѣдаютъ Бога, Творца и Промыслителя, Спасителя и Утѣшителя, знаютъ, какъ вступить съ Нимъ въ общеніе и пребыть всегда въ Немъ, въ чемъ послѣдняя цѣль разумныхъ тварей. Зная все сіе, они живутъ, какъ во дни ходятъ. Язычники напротивъ ничего такого не знаютъ, самые существенные вопросы для нихъ остаются нерѣшенными, и живутъ они какъ живется, плетясь общемою колесію, не имѣя возможности дать себѣ отчета, куда идутъ и чѣмъ кончится путь ихъ. Тма густая невѣдѣнія покрываетъ ихъ. Вотъ они каковы! Какая же говоритъ Апостолъ вамъ стать лѣзть въ одно съ ними ярмо?!

Ст. 15. *Кое согласіе Христови съ веліаромъ*. Это въ *третьихъ*—сравненіе по началовождямъ. Вы Христовытѣ веліаровы. Какъ невозможно согласіе Христа съ веліаромъ, такъ не должно быть его и у васъ съ язычниками. Христосъ Господь—глава христіанъ; въ Него облакаются они крестясь, и пріявъ благодать, въ Его образъ потомъ преобразуются трудами цѣлой жизни,—чтобы ставъ едино съ Нимъ здѣсь, сподобиться и въ другой жизни быть тамъ, гдѣ Онъ, въ неизреченно-блаженной славѣ. Веліаръ — сатана, первый вступилъ въ богоборство по духу гордыни; потомъ научилъ прародителей непослушаться Бога, пообѣщавъ имъ горы и лишивъ всего; затѣмъ всѣхъ людей обманываетъ, увлекая ихъ на дѣла самоугодія въ противность совѣсти и Богу. Власти онъ ни надъ кѣмъ и ни надъ чѣмъ не имѣетъ, а лживо величаетъ себя царемъ, потому что люди призраками его прель-

щенные бросаются на самоугодіе, и чрезъ него ему будто служить. Цѣль усилій его—побольше надѣлать погибающихъ; и собственно для него отъ этого нѣтъ никакой прибыли: ибо огонь тотъже уготованъ и для него. Такъ хлопочеть, лишь бы не одному съ своими клеветами мучиться вѣчно. И такъ видите, говорить какъ бы Апостоль, какія противоположности! Христось Господь существенно есть Спаситель и спасенія Податель несомнѣннаго; а велиаръ—пагуба, хитрый прельститель, всѣхъ по злобѣ въ пагубу смаивающій приманкою сластей самоугодія. Пристало ли вамъ, спасенія Христова причастившимся, быть съ тѣми, кои мнутя въ пагубности прелестной?

Или кая часть стѣну съ невѣрнымъ? Это въ *четвертыхъ*—сравненіе по началу жизни и концу ея. Вѣрный услышалъ слово о спасеніи и принялъ его съ вѣрою; по вѣрѣ охотно подчинился условіямъ спасенія и пребывасть имъ вѣрепъ; и ради сей вѣрности питаеть увѣренность, что Христось Спаситель увѣнчаетъ благимъ концемъ теченіе его, сподобивъ его нескончаемаго блаженства въ царствіи своемъ. Такого часть вѣрнаго! Она несомнѣнна; ибо утверждаеться на вѣрности Божіей. Невѣрный въ нечаяніи ходить, и ничего вѣрнаго въ сей жизни, тѣмъ паче въ будущей, обѣщать себѣ не можетъ. Совѣсть, всегда оскорбляемая, даеть ему предвидѣть мрачную картину его участи; и какъ дверь къ пей отворяется смертію, то минута сія всегда поражаетъ его изступляющимъ страхомъ. Видишь ли, какова участь невѣрнаго? Зачѣмъ же тебѣ становиться въ пару съ нимъ?

Ст. 16. *Или кое сложеніе церкви Божіей со идолами?* Это въ *пятыхъ*—сравненіе по послѣдней цѣли религіи, которая есть Богообщеніе. Душа, воспріявшая Бога, въ общеніи съ Нимъ становится храмомъ Божіимъ. Вѣрующіе чрезъ общеніе съ Господомъ Исусомъ Христомъ вступаютъ въ общеніе съ Богомъ и суть существенно храмъ Божій. Апостоль и говоритъ: *вы церкви Бога живаго.* Это говоритъ не обо всѣхъ въ совокупности, а о каждомъ

вѣрующемъ въ частности; ибо говорить: вы—церкви, а не церковь. Итакъ смотрите, говорить какая выходитъ несообразность, когда вы принимаете участіе въ чемъ либо языческомъ. Тутъ тоже выходитъ, какъ еслибы кто взялъ языческаго идола и поставилъ его въ христіанскомъ храмѣ. Какъ послѣднее дѣйствіе ни съ чѣмъ несообразно, *ибо кое сложеніе церкви Божіей со идолы*, такъ ни съ чѣмъ несообразно, когда кто нибудь изъ васъ, чрезъ участіе въ язычествѣ вноситъ что нибудь языческое въ душу свою, въ коей благоволитъ обитать Богъ. Св. Златоустъ говорить: „И для чего ты, нося Бога въ себѣ, бѣжишь къ идоламъ, съ которыми Богъ не имѣетъ ничего общаго? Такой поступокъ достоинъ ли извиненія? Помысли, Кто въ тебѣ живетъ и обитаетъ съ тобою“.

Такой рядъ противоположностей выставивъ, Апостолъ, какъбы за руку взявши, отводитъ вѣрующихъ отъ всего языческаго. Какъ *верхъ* всѣхъ отличій вѣрнаго отъ невѣрнаго есть истинное общеніе, общеніе живое съ Богомъ живымъ, то на этомъ преимуществѣ Апостолъ останавливаетъ особенное вниманіе, доказывая его пророчествами и чрезъ нихъ изображая его съ разныхъ сторонъ. Приводимыя изъ Ветхаго Завета свидѣтельства слово въ слово не читаются въ Писаніи, какъ они приводятся св. Павломъ, а собраны имъ изъ разныхъ мѣстъ и сочетаны въ одну стройную рѣчь.

Вы, говорить, есте церкви Бога живаго. А что это такъ, послушайте, что обѣтовалъ Богъ Израилю. *Вселюся въ нихъ и пожду*, „т.-е. вселюся въ храмахъ сихъ, и въ нихъ буду ходить, показывая тѣмъ великое къ нимъ благоволеніе“ (св. Злат.). *И буду имъ Богъ, и тѣи будутъ мнѣ люди* (Лев. 26, 12). И ихъ Богъ, они мои люди. Въ этомъ выражается общеніе со стороны Бога. Но когда Богъ возвѣстиялъ это людямъ тѣмъ, и люди тѣ приняли то въ сердце свое; то и они стали имѣть Бога своимъ Богомъ, и себя людьми Божиими. Въ этомъ общеніе со стороны людей. Такъ было во Израилѣ—прообразъ вѣрующихъ; и

общеніе то было прообразовательное. Оно все происходило внѣшнимъ образомъ. Истинное Богообщеніе совершено уже Господомъ Спасителемъ сначала ипостасно въ своемъ лицѣ, а потомъ благодатно-правственнно и во всѣхъ вѣрующихъ. Всѣ вѣрующіе, становясь едино съ Господомъ, дѣлаются едино и съ Богомъ истинно, существенно. Такъ молить самъ Господь: *да вси едино будутъ, якоже Ты Отче во мнѣ, и Азъ въ тебѣ, да и ти въ насъ едино будутъ*. И молитва Господня становится дѣломъ во всякомъ вѣрующемъ. Но совершается сіе не номинально, а самымъ дѣломъ. Вѣрующіе возраждаются благодатию св. Духа, и ставъ чистыми чрезъ отверженіе страстей самоугодія и чрезъ воспріятіе всѣхъ добродѣтелей, суть готовый и богоприличный храмъ для Бога, который и вселяется въ нихъ, и вселясь водить ихъ путями жизни, или ходить въ нихъ, какъ древле столпъ облачный ходилъ среди Израиля. Что у древняго Израиля совершалось внѣшно, то у новаго совершается внутренно въ душахъ и сердцахъ. Ибо Господь говоритъ: *ище кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ: и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему приидемъ и обитель у него сотворимъ* (Ин. 14, 23).

Ст. 17. *Тъмже изыдите изъ среды ихъ, и отлучитесь, глаголетъ Господь, и нечистотъ не прикасайтесь: и Азъ прииму вы*. (Исаи 52, 11).

Выше выражено обѣтованіе; здѣсь предлагается условіе, отъ исполненія котораго Израилемъ зависѣло исполненіе обѣтованія Богомъ. *Изыдите*, говоритъ, *изъ среды ихъ*, т.-е. язычниковъ, и *отлучитесь*, совсѣмъ отдѣлитесь отъ нихъ, чтобъ стали чуждыми вы имъ и они вамъ. *И нечистотъ не прикасайтесь*; нечистотѣ, ἁκαθάρτου, ничему нечистому не прикасайтесь, ничему тому, что осквернено идолослуженіемъ. Древній Израиль такъ и устроень былъ: и внѣшнимъ бытомъ и законоположеніями онъ былъ огражденъ отъ язычниковъ и всего языческаго. Но что тогда совершалось и блюлось внѣшно, то у новаго Израиля должно совершаться внутренно, правствен-

ными измѣненіями и рѣшеніями. Что тамъ идолопоклонство, то здѣсь самоугодіе со всѣми страстями. Что тамъ выдти изъ среды язычниковъ, то здѣсь оставить все дѣла, дѣлаемая въ угоду себѣ и страстямъ; что тамъ нечистотѣ не прикасаться, то здѣсь отверженіе и недопусканіе страстныхъ помысловъ и чувствъ самоугодливыхъ. Здѣсь условіе такое: *уже хочеть по мнѣ идти, да отвержется себе...* или: *уже Христови суть, плоть распяша со страстями и похотьми.* Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ: не творите нечистоты; но требуя отъ нихъ большей точности, сказалъ: не прикасайтесь и не приближайтесь къ ней. Онъ разумѣетъ всякую нечистоту, и плотскую и душевную. Плотскую нечистоту составляютъ блудъ, прелюбодѣяніе и всякое плотоугодіе; а душевную нечистые помыслы, сладострастный взоръ, памятозлобіе, обманъ, и тому подобное. Онъ желаетъ, чтобы мы были чисты и отъ той и отъ другой нечистоты. Смотри, вотъ и награда за то—соединеніе съ Богомъ“.

И Азъ прииму вы. Сначала обѣтоваль: будутъ моими; загѣмъ, предложивъ условія, говоритъ: если исполните ихъ, то *прииму вы*,—*вы* станете моими. Прииму вы, и въ свое покровительство, и въ свое свойствѣ. Возму васъ на руки и буду грѣть и лелѣять, какъ мать любимое дитя. Такъ и бываетъ: кто, все отвергну, Богу присвоается, того и Богъ присвоаетъ себѣ и блюдетъ, какъ зеницу ока. Смотри, какое широкое употребленіе дано свободному произволению! Обѣтованіе дано и возвыщено; но чтобы улучшить его, надо сдѣлать требуемое движеніе свободнымъ произволеніемъ. Какъ только послѣдуетъ это движеніе, тотчасъ придетъ на него и исполненіе обѣтованія. Наглядно представляется это въ притчѣ о блудномъ сынѣ. Отецъ увидѣлъ приближающагося сына издалеца, выбѣжалъ ему на встрѣчу, палъ на выю его и облобызалъ его. Такъ принимаетъ Богъ приближающихъ къ нему въ раскаяніи грѣшниковъ. Но принимаетъ, когда приближаютъ. Прибѣчь ихъ дѣло: и когда оно совершится, за Божіимъ пріятіемъ не будетъ остановки.

Ст. 18. *И буду вамъ во Отца, и вы будете мнѣ въ сыны и дщери, глаголетъ Господь Вседержитель.* (Иерем. 3, 19. Осіи 1, 10).

Такимъ Богъ и имѣлъ всегда Израйля; и когда онъ оказывался неисправнымъ, въ укоръ ему представлялъ свое ему отчество и его Себѣ сыновство. *Сыны родахъ и возвысихъ, тиі же отвергошася мене* (Иса. 1, 2). И новому Израйлю не тоже ли обѣтовано въ совершеннѣйшемъ смыслѣ и въ существеннѣйшемъ значеніи. Ибо говорится: *еліцы пріяша Его* (Господа Спасителя, вѣрою и любовію), *даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 12. 13). Въ томъ и состоитъ совершеніе всякаго вѣрующаго христіаниномъ, что онъ рождается свыше водою и Духомъ, и въ моментъ рожденія сего дѣлается сыномъ и дщерію Богу. Въ одинъ моментъ происходитъ и совершеніе христіаниномъ или христіанкою, и вступленіе въ чинъ сына или дщери Богу. „Видишь ли, пророкъ давно уже предсказалъ о нашемъ настоящемъ благодѣствѣ, т.-е. о возрожденіи благодатию“. (Св. Златоустъ).

Гл. 7, ст. 1. *Сицева ибо имуща обѣтованія, о возлюбленіи, очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню въ страхъ Божіи.*

Къ этому и вель всю рѣчь Апостоль; къ этому и пятикратное противопоставленіе высокаго достоинства вѣрныхъ и нестоющаго вниманія ничтожества невѣрныхъ; къ этому и возвышенныя обѣтованія пророческія, которыя всѣ существенно исполняются только въ прилѣпляющихся ко Господу Спасителю вѣрою и любовію; къ этому, отъ себя прибавимъ, и все домостроительство спасенія и крестная смерть, и сошествіе Духа святаго, и апостольская проповѣдь и устроеніе церкви, со всѣми дивными явленіями въ ней и въ началѣ, и во все продолженіе стоянія ея. Все къ тому, да всѣ вѣрующіе, трудами добродѣланія и под-

вигами самоотверженія, при помощи благодати Божіей, очищаютъ себя отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню въ страсть Божію. Ибо только въ такомъ случаѣ они дѣйствительно стануть сынами и дочерьми Богу и живыми храмами живаго Бога.

Сицева убо имуще обѣтованія. „Какія это? Тѣ, что мы сдѣлались храмами для Бога, сынами и дочерьми Его, и Его имѣемъ Богомъ и Отцемъ своимъ“ (св. Злат.). Тайственно все сіе уже есть съ нами и есть наше. Остается за нами своимъ произволеніемъ, дѣлами, словами, помыслиніями и чувствами явить себя такими, какими не наречены только, но и сотворены мы тайственно: ибо благодать возрожденія уже въ насъ пребываетъ, а слѣд. и все съ нею сопряженное. Апостоль хотеть сказать: смотрите же и держите себя, какъ свойственно сынамъ и дочерямъ Божіимъ, или такимъ лицамъ, кои суть храмъ живущаго въ нихъ живаго Бога. Что же для сего нужно?

Очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа. „Не будемъ прикасаться нечистотѣ плотской, и тому, что очерняетъ душу“ (св. Злат.). *Скверною плоти* называетъ онъ какъ плотскіе грѣхи, такъ и всѣ „беззаконныя дѣла“ (Θσодор.), тѣломъ совершаемыя. *Скверною же духа* — грѣховныя мысли, чувства и расположенія, главное же корень всего — самоугодіе или самость. Очистить себя отъ всего этого значитъ въ прежнихъ всѣхъ сквернахъ покаяться и впредь не позволять себѣ не только нечистыхъ дѣлъ, но и мыслей и какихъ-либо недобрыхъ движеній внутри, паче же искорененіе самоугодія, на которомъ держится все нечистое и которымъ пораждается. Совершается сіе очищеніе подобно тому, какъ вымывается нечистое бѣлье. Это послѣднее мочать, парять, полощуть, мнуть, бьютъ, сушатъ, катають или утюжатъ, и оно убѣляется и принимаетъ настоящей видъ, дѣлающей его годнымъ къ употребленію снова. Не безъ труда совершается и очищеніе души: все сюда относящееся совѣщается въ опытахъ добродѣланія и въ подвигахъ самоотверженія. Какъ все

идеть, дѣломъ показали святыс Божіи, во всѣхъ родахъ достигавшіе высокої чистоты и осязательно всѣмъ являвшіе, что воистину суть храмы Бога живаго, сыны и дщери Ему, который блюдетъ ихъ и все угодное имъ творить.

Творяще святыню въ страсть Божіи. Зачинаетъ дѣло внутренняго очищенія, и чрезъ него и внѣшняго страхъ Божій. Онъ, пришедши разбуждаетъ совѣсть, неотразимую силу голосу ея подаетъ. Потомъ они вмѣстѣ раждають ревность о содѣянїи спасенія, и эта уже устрояетъ и раскаяніе и рѣшимость прогонять все нечистое и грѣховное, и всѣ порядки добродѣланія и подвиги самоотверженія. Она же, пріявъ силу въ таинствахъ, и дѣломъ, при помощи благодати Божіей, все задуманное совершаетъ, и храня постоянство труда и дѣланія, доводитъ до совершенной преднамѣренной чистоты плоти и духа, свойственной сынамъ и дщерамъ Божіимъ. Страхъ Божій какъ начало полагасть, такъ пребываетъ и бдительнымъ стражемъ всего сего дѣланія. Почему и сказалъ Апостоль: *творяще святыню, т.-е. очищеніе себя, или восходя въ чистоту, страхомъ Божіимъ.* Св. Златоустъ говоритъ на это: „Апостоль не удовольствовался тѣмъ, чтобы сказать: не прикасайтесь нечистотѣ, но присовокупилъ еще: *творяще святыню въ страсть Божіи.* Ибо одно неприкосновеніе къ нечистому еще не дѣлаетъ чистымъ; чтобы сдѣлаться святымъ, для сего потребно нѣчто большее, т.-е. ревность, бодрствованіе и благочестіе. И не напрасно сказалъ оупъ: *въ страсть Божіи.* Ибо можно сохранять цѣломудріе и не въ страхѣ Божіемъ, но для суетной славы. Впрочемъ онъ имѣлъ еще и другое въ виду, когда сказалъ: *въ страсть Божіи,* именно способъ, которымъ достигается и сохраняется святость. Ибо какъ ни велика сила похоти; но если ты оградить себя страхомъ Божіимъ, то препобѣдишь ея неистовство. Подъ *святынею* же онъ разумѣетъ здѣсь не одно цѣломудріе, но и отчужденіе отъ всякаго грѣха. Ибо святы тотъ, кто чистъ, а чистъ не тотъ, кто не творить только

блуда, но кто чуждѣ вмѣстѣ и сребролюбія, и зависти, и надменія, и тщеславія, особенно тщеславія“.

В.)

Выраженіе радости и утѣшенія, доставленныя возвращеніемъ Тита и всѣмъ, что видѣлъ и встрѣтилъ онъ въ Коринѣѣ. 7, — 216.

Рѣчь объ этомъ св. Павелъ началъ было выше, 2, 12. 13. Но лишь началъ, какъ взялъ былъ Духомъ къ созерцанію силы и славы новозавѣтнаго благовѣстія. Изложивъ все, что Духъ давалъ ему провѣщать о семъ, возвращается онъ теперь снова къ прерванному сказанію. Начинается оно съ 5 ст.; а) стихи же 2—4 представляютъ переходную рѣчь; 2 и 3 стихи будто ближе къ предыдущему; а 4 къ послѣдующему. Въ самомъ сказаніи говоритъ о томъ, какъ былъ обрадованъ и утѣшенъ сначала б) прибытіемъ Тита, 5—7; потомъ в) тѣмъ, что произвело въ Коринѣѣ первое посланіе, 8 — 12, наконецъ г) и приемомъ, какой встрѣтилъ въ Коринѣѣ Титъ, 13—16.

а.)

Ст. 2. *Вмѣстите ны: ни единого обидѣхомъ, ни единого истлѣхомъ, ни единого лихоимствовахомъ.*

Вмѣстите ны. Прямо напоминаетъ прежнее слово: *утѣсняется во утробахъ вашихъ... распространитесь* (6, 12. 13). Теодоритъ пишетъ: „*вмѣстите*—говоритъ тѣмъ, которые утѣснялись; сіе говорилъ онъ и выше: *распространитесь и вы*“. Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ: любите насъ, но какъ бы умилоствивляя, говорить: *вмѣстите ны*. Пржеде говорилъ: *утѣсняется во утробахъ вашихъ*; и здѣсь выражаетъ тоже яснѣе словами: *вмѣстите ны*. И симъ опять привлекаетъ ихъ къ себѣ; потому что всего болѣе склоняетъ къ любви, когда любящій внушаетъ любимому, что сильно желаетъ любви его“. Теофилактъ прямо перифразируетъ это слово примѣнительно къ сказанному выше: „просторнѣе примите насъ, и да не будетъ намъ тѣсно въ васъ“. Экуменій напоминаетъ мысль

блаж. Фотія, по коей Апостоль просить вмѣстить не его только самого, но паче слово его и ученіе. Эта мысль не противна теченію рѣчи.

Ни единого обидихомъ, ни единого истлихомъ, ни единого лихоимствовахомъ. „Смѣть указывать опъ на лжеапостоловъ“ (Св. Злат.). Такихъ, говоритъ, которые все это дѣлають вамъ, вы принимаете (ниже указываетъ на это 11, 20): тѣмъ охотнѣе слѣдуетъ вамъ принять насъ, которые ничего такого вамъ не дѣлали. Св. Павелъ могъ бы указать на то добро, которое они получили отъ него, сначала духовно, а потомъ вещественно: ибо скромная жизнь христіанская не могла не возымѣть вліянія и на вѣшній бытъ. Но это не могло бы быть такъ сильно, какъ это сопоставленіе отношенія Коринѳянь къ себѣ съ отношеніемъ ихъ же къ другимъ, отъ которыхъ они никакого добра не получили, а одно худо. „Умалчиваетъ о своихъ благодѣянїяхъ, но другимъ образомъ и смягчаетъ и вмѣстѣ усиливаетъ слово свое. Не говоритъ: мы оказали вамъ такія и такія благодѣянїя, но какъбы такъ: хотя бы мы и никакого не сдѣлали для васъ благодѣянїя, и тогда вамъ не надлежало бы убѣгать насъ; ибо вы ни въ большомъ, ни въ маломъ не можете насъ обвинить“ (Св. Злат.).

Ни единого обидѣхомъ ἠδικήσαμεν, никого не онеправдовали, въ какомъ бы ни было отношеніи; полтора года жили среди васъ тихо, мирно, честно; не только дѣломъ, но и словомъ никто не обиженъ и не оскорбленъ отъ насъ. *Ни единого истлихомъ,* никого не развратили худымъ примѣромъ, никого не сбили съ пути злымъ ученіемъ; „не употребляли лъстивыхъ словъ, прикрашивая ложь“ (Феодор.); „никого не ввели въ заблужденіе, повреждая умъ нечестивыми догматами“ (Феофил.); „никого не оболестили и ничьего не растлили ума, прельщая простоту, какъ змій прельстилъ Еву лукавствомъ своимъ“ (св. Злат.). *Ни единогоже лихоимствовахомъ,*—ни отъ кого ничѣмъ не покорывствовались. „Ни у кого ничего не выманивали, поступая

коварно“ (св. Злат.); „не торговали словомъ благовѣстія, обращающаго его въ средство къ обогащенію“ (Экум. Теофил.).

Слова сіи стоятъ у св. Павла безъ пояснительныхъ прибавленій, потому никакой нѣтъ нужды отступать отъ прямого ихъ значенія. Поводъ, по которому такъ говорится, менѣе можно думать, чтобъ былъ тотъ, что недоброжелатели св. Павла такія распускали о немъ сужденія, а скорѣе тотъ, какъ указалъ св. Златоустъ, что какіе-нибудь лжеучители такъ дѣйствительно поступали среди Коринѳянъ, т.-с. и покорыстовались, и ложью умы развратили, и худой примѣръ оставили, и онеправдовали кого, держа себя высоко, что не могло обойтись безъ оскорбленій.

Нельзя не замѣтить, какая высокая похвала пастырю, если онъ предъ лицомъ всей паствы можетъ сказать такія слова. Или одинъ Самуиль пророкъ и св. Павелъ были таковы?! Нѣтъ; во всякое время око Божіе вѣрно видитъ не семь, а нѣсколько разъ семь тысячъ душъ пастырскихъ, непреклонявшихъ колѣна предъ ложью, лестью, неправдою и мамоною.

Ст. 3. *Не на осужденіе глаголю: прежде бо рѣхъ, яко въ сердцахъ нашихъ есте, во еже умрети съ вами и сожити.*

„Чувствуя, что сказанное имъ можетъ показаться жестокимъ, онъ опять смягчаетъ свое слово“ (св. Злат.). Предыдущее слово не могло не отозваться сильною горечью въ сердцахъ Коринѳянъ. Укоръ сдѣланъ болѣзненный, хотя и не прямо. Какъ они были не безъ вины, то встревоженная совѣсть могла ожидать кары или отверженія. Надлежало отвратить это безпокойство. Онъ и отвращаетъ, говоря: *не на осужденіе вамъ глаголю.* Не бойтесь; не кару съ неба призываю на васъ, (*καταχρῆσις* есть приговоръ суда, опредѣляющій наказаніе), не выставляю вины, чтобы отвергнуть васъ. Я люблю васъ столько, что жить безъ васъ не могу и кромѣ добра ничего вамъ не желаю. Но вмѣсто того, чтобы сказать: я васъ люблю крѣпкою любовію, онъ употребилъ перифразъ любви: *прежде бо рѣхъ,*

яко въ сердцахъ нашихъ есте, во еже умерети съ вами и сожити. Слово въ слово онъ не выражалъ такъ своей къ нимъ любви, но выразилъ другими не менѣ сильными словами, когда говорилъ: *сердце наше распространися... Не тѣсно вмѣщается въ насъ* (—6, 11. 12). Сказать кому, что съ тобою мнѣ и умереть и жить, есть тоже, что сказать: обнялъ я тебя широкою любовію и не разстанусь съ тобою никогда. Св. Златоустъ говоритъ: „подлинно весьма велика такая любовь, что будучи даже ими презираемъ, готовъ и умереть и жить вмѣстѣ съ ними. Апостоль не просто говоритъ: *вы есте въ сердцахъ нашихъ*; но такъ, что, по сказанному, мы готовы съ вами жить и умереть. Ибо можно любить и убѣгать опасностей (которыя грозятъ изъ-за любимаго); но мы не такъ любимъ. Еслибъ, говоритъ, постигло васъ какое бѣдствіе, то я готовъ все терпѣть за васъ. Для меня ни смерть, ни жизнь, сами по себѣ, не важны; но быть тамъ, гдѣ вы, для меня предпочтительнѣе; съ вами и смерть лучше жизни, и жизнь лучше смерти. Многіе соболѣзнуютъ о страждущихъ друзьяхъ своихъ; когда же друзья благоденствуютъ, не радуются съ ними, но еще завидуютъ. Мы же не таковы, говоритъ Апостоль. Если вы подвергнетесь бѣдствію, мы не устрашимся раздѣлить съ вами ваше несчастіе. Если же будете благоденствовать, не станемъ завидовать“.

Ст. 4. *Много ми дерзновеніе къ вамъ, многа ми похвала о васъ: исполнихся утѣхи, преизбыточествую радостію о осякой печали нашей.*

Эти слова выражаютъ, что вырвалось изъ души Апостола послѣ того, какъ Титъ разсказалъ ему, какъ былъ принятъ въ Коринѣ и какое дѣйствіе произвело посланіе Апостола на тамошнихъ вѣрующихъ. Ибо они раскаялись въ несправностяхъ, возскорбѣли объ нихъ, и положили непременно все исправить по указаніямъ св. Павла, и къ нему самому засвидѣтельствовали любовь свою и глубокое уваженіе. Приводя все сіе на мысль, Апостоль говоритъ: *много ми дерзновеніе къ вамъ. Вы дѣломъ показали, что*

я смѣло могу обращаться къ вамъ со всякимъ словомъ, въ увѣренности, что вы во всемъ послушаете меня. Съ предыдущимъ же эта рѣчь вяжется такимъ образомъ: тамъ онъ выразилъ, что любить ихъ крѣпкою любовію, а здѣсь будто объясняетъ: да и какъ мнѣ не любить васъ?

Много ми дерзновеніе къ вамъ. Теперь вижу, что во всемъ могу положиться на васъ. Вы показали, что относитесь ко мнѣ, какъ ученики къ учителю, какъ дѣти къ отцу. Это меня воодушевляетъ на трудъ среди васъ и для васъ: знаю, что это не будетъ бесполезно.

Многа ми похвала о васъ. Вы доставили мнѣ много поводовъ къ тому, чтобы васъ хвалить и хвалиться вами. Я и всегда хвалюсь вами предъ другими; но теперь вы и охоты подбавили мнѣ къ тому и много обнаружили въ себѣ похвальнаго предъ прежними похвальными качествами. *Исполнихся утѣхи.* Скорбѣлъ; но какъ только пришелъ Титъ и рассказалъ про васъ, скорбь отошла и я исполненъ утѣхи. „Какой утѣхи? Какую получилъ отъ васъ; вы, исправившись, утѣшили меня дѣлами своими“ (св. Златоустъ). *Преизбыточествую радостію.* „Опять обнаруживаетъ горячность любви своей къ нимъ. Такъ была она ненасытима! Ибо и малая взаимная любовь отъ тѣхъ, кого любимъ, доставляетъ великую радость, по причинѣ нашей сильной къ нимъ любви. Говоря объ утѣшеніи, онъ сказалъ: *исполнихся*, т.-е. получилъ, что надлежало; а говоря о радости, сказалъ: *преизбыточествую*, т.-е. я много боялся за васъ, но вы довольно удовлетворили и утѣшили меня, и не только отняли у меня предлогъ къ скорби, но еще доставили мнѣ обильную радость. Изъявляя же, сколь велика сія радость, не только выражаетъ сіе словами: *преизбыточествую радостію*,—но и тѣмъ, что присовокупляетъ: *при всей печали нашей* (ἐπι πασσι). Таково доставленное намъ удовольствіе, что оно не затмилось и великою печалію, а напротивъ избыткомъ величія своего преодолѣло всѣ постигшія насъ скорби, и не позволяетъ намъ чувствовать ихъ“ (св. Златоустъ).

б.)

Ст. 5. *Ибо пришедшимъ намъ въ Македонію, ни единого имъ покоя плоть наша, но во всемъ скорбяще: внѣуду брани, внутрьуду боязни.*

„Упомянувъ выше о печали, сказываетъ, какая была печаль, и представляетъ ее въ бѣльшемъ видѣ, желая показать, сколь велики доставленныя ими утѣшеніе и радость, которыя разсѣяли и такую скорбь.“ (Св. Злат.). *Ибо пришедшимъ; съ греч. ибо и пришедшимъ.* Черезъ *ибо* рѣчь связывается съ непосредственно предыдущимъ, а черезъ *и* — съ тѣмъ, что говорилось во 2, 12. 13.— Тамъ говорилось: въ Троядѣ не имѣлъ я покоя духу моему. Здѣсь говорится: но и когда пришелъ я въ Македонію, *ни единого имъ покоя плоть наша.* Тамъ *духъ*, здѣсь *плоть*, нельзя думать чтобъ употреблены были съ особеннымъ какимъ значеніемъ, а какъ описательное прибавленіе къ лицу говорящаго. И тамъ и здѣсь я не имѣлъ покоя.— *Но во всемъ скорбяще*— надо дополнить— *быхомъ.* Скорби окружали насъ со всѣхъ сторонъ, или во всѣхъ отношеніяхъ. Съ какихъ именно сторонъ и въ какихъ отношеніяхъ, указываютъ слова: *внѣуду* и *внутрьуду.* А онѣ что значать? Св. Златоустъ говоритъ: *„внѣуду брани,* т. е. отъ невѣрныхъ; *внутрьуду боязни,* т. е., за немощныхъ въ вѣрѣ, чтобы не увлеклись въ заблужденія, что случалось не у однихъ Коринтянъ, но и у другихъ“.— Экуменій и Теофилактъ— *внѣуду брани,* также понимаютъ, отъ невѣрныхъ, которыхъ, по Экуменію, апостоль обычно называетъ вѣшними. *И внутрьуду страхи* — тоже относятся къ вѣрующимъ, внутри ограды церкви состоящимъ, — но не въ одномъ смыслѣ: Экуменій — „страхи изъ-за вѣрныхъ, какъ-бы не сокрушили ихъ искушенія“, а Теофилактъ, — изъ-за слабыхъ вѣрныхъ, „какъ бы не сбили ихъ съ пути лжебратія“. Теодоритъ же пишетъ: „не только стѣсняла насъ борьба съ противниками (внѣуду брани), но истощала также и за-

бота о немощных; потому что боялся я ихъ переменны на худшее“.

Ст. 6. Но утѣшаяй смиренныя утѣши насъ Богъ прішествіемъ Титовымъ.

Скорбь и безпокойство, какъ говорилъ выше, 2, 12. 13, начались отъ того, что такъ не скоро возвращался Титъ. И начало утѣшенію полагаетъ въ прибытіи Тита. Прежде чѣмъ онъ повѣдалъ что-либо, я уже былъ утѣшенъ однимъ прибытіемъ его. Отъ долгаго жданія Павелъ будто отчаялся уже и увидѣть его когда-нибудь; потому прибытіе его считаетъ какъбы посланіемъ съ неба. Въ Богѣ живущему свойственно всякое, и большое и малое, событіе относить къ Богу, какъ оно и дѣйствительно отъ Него зависитъ. Почему Апостоль исповѣдуетъ и въ этомъ прибытіи Тита великую милость Божию, и, возрѣвая на него отъ лица промысла Божія, говоритъ: Богъ, утѣшающій смиренныхъ, тѣхъ, т. е., которые смиренны и сокрушены горемъ и скорбями, утѣшилъ насъ прибытіемъ Тита.—Но конечно не одно это прибытіе такъ обрадовало Апостола, что онъ сразу забылъ всю тяготу лежавшую на душѣ его,—но паче то, что принесъ Титъ. Почему продолжаетъ:

Ст. 7. Не токмо же прішествіемъ его, но и утѣшеніемъ, имже утѣшился о васъ, повѣдая намъ ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность по мнѣ, яко ми паче возрадоватися.

„Возвратившись, привелъ онъ насъ въ восхищеніе отъ удовольствія, когда рассказалъ о васъ столь много пріятнаго“ (Св. Злат.). По всему ожидается, что св. Павелъ скажетъ: утѣшеніемъ, которымъ утѣшилъ онъ насъ; а онъ говоритъ: утѣшеніемъ, которымъ самъ Титъ утѣшился о васъ.—Надобно предположить, что св. Титъ, отправляясь въ Коринѣ, не надѣялся встрѣтить тамъ то, что встрѣтилъ. Апостоль послалъ его туда въ безпокойствѣ, и Титу очень желалось, чтобъ Коринѣяне оказались такими въ отношеніи къ Апостолу, какимъ быть имъ желалъ самъ Апостоль.

Поелику Титъ сильно этого желалъ, то и боялся, какъ бы не вышло тамъ чего противнаго его ожиданію и желанію. Потому когда увидѣлъ, что пріемъ посланія и самого его превзошелъ самое его ожиданіе, крайне былъ тѣмъ обрадованъ и восхищенъ; утѣшался и тѣмъ, что Коринѣяне оказались такими, и тѣмъ, что это очень обрадуетъ и утѣшитъ Апостола. О себѣ онъ забылъ, т.-е., какъ хорошо былъ принять: его радовали исправность Коринѣянь и утѣшеніе отъ того Апостола. — Эта радость не могла не выразиться и во взорѣ, и въ первыхъ рѣчахъ. Апостоль и хочеть сказать: и прибытіе его радовало; но я по глазамъ уже видѣлъ, что онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что у васъ встрѣтилъ и принесъ мнѣ радостныя вѣсти. Это второй моментъ обрадованія. А когда онъ, говоритъ, повѣдалъ мнѣ что у васъ встрѣтилъ; то я еще болѣе возрадовался. — Что же повѣдалъ? *ваше желаніе*, — ἐπιπόθησι, теплое расположеніе къ Апостолу, *ваше рыданіе*, — ὀδυρμον, болѣзненное сокрушеніе и скорбь о томъ, что такъ обезпокоили его своими неисправностями, — *вашу ревность по мнѣ*, рѣшеніе ревностно исправить все неисправное, все сдѣлать по указаніямъ его, кровосмѣсника изгнать и хулителей Св. Павла заставить молчать.

Св. Златоустъ говоритъ: „Утѣшися о васъ Титъ. Чѣмъ же утѣшился? Вашею добродѣтелію, вашимъ исправленіемъ. Посему и присовокупляетъ: *повѣдая ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность по мнѣ*. Вотъ что утѣшало и радовало Тита! Видишь—и его представляетъ весьма расположеннымъ къ Коринѣянамъ, такъ какъ онъ добрую ихъ славу почитаетъ для себя утѣшеніемъ, и пришедши хвалится ею предъ Павломъ, какъ собственнымъ благомъ. И смотри, съ какимъ жаромъ выражаетъ сіе Апостоль: *ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность*. Ибо имъ и должно было плакать и скорбѣть о томъ, что блаженный Павелъ такъ прогнѣвался на нихъ, и такъ долго не былъ у нихъ. Почему и сказалъ не просто: слезы, но *рыданіе*; и не просто—желаніе, но *сильное желаніе*, — ἐπιπό-

θῆσιν; и не раздраженіе (въ смыслѣ—раздражашеся духъ мой), но ревность, —ζήλον,—и ревность за Апостола какъ противъ блудника, такъ и противъ осуждавшихъ Павла. Получивъ мое посланіе, говоритъ Павелъ, вы воспламенились и воспылали ревностію. Онъ *избыточествуетъ радостію, исполнился утѣхи*, потому что сильно тронулъ ихъ. А мнѣ кажется, что сіе сказано не только для утѣшенія за прежнее, но и для бѣльшаго возбужденія исполнившихъ требуемое. Ибо думаю, что нѣкоторые подлежали прежнимъ обличеніямъ и не заслуживали такой похвалы; но онъ не отдѣляетъ ихъ, напротивъ всѣхъ вмѣстѣ хвалитъ и укоряетъ, предоставляя совѣсти слушателей избрать каждому свое. А такимъ образомъ и укоризны дѣлались сносными, и похвалы возбуждали къ большей ревности“.

в).

Ст. 8. *Яко аще и оскорбихъ васъ посланіемъ, не раскаюся, аще и раскаялбыхся: вижду бо, яко посланіе оно, аще и къ часу, оскорби васъ.*

Яко,—ἔτι,—ибо. Выше сказалъ, что когда рассказалъ ему св. Титъ все, чтѣ было въ Коринѣ, то онъ очень обрадовался тому. Но могъ кто подумать, какъ же это? У тѣхъ горькій плачь, ἔδουρμὸς,—а онъ радуется? Апостоль объясняетъ теперъ, какъ это у него выходитъ, что они плачутъ, а онъ радуется. Радуюсь, говоритъ, не тому, что вы опечалены, а тому, чтѣ изъ этого вышло,—вашему раскаянію и исправленію. Но объясненіе это излагаетъ нѣсколько пространнѣе, начиная съ того, чтѣ у него было на душѣ, пока не получилъ онъ вѣсти о дѣйствіи посланія. Св. Златоустъ говоритъ: „Поелику Коринѣяне загладили свой грѣхъ и потому безъ опасенія можно было говорить съ ними ласковѣе; то апостоль извиняется предъ ними въ строгости прежняго посланія своего, но показываетъ и пользу его. Тоже дѣлалъ и выше, говоря: *отъ печали бо многія и туи сердца написахъ вамъ, не яко*

да оскорбитесь, но любовь да познаете, юже имамъ изобильно къ вамъ (2 Кор. 2, 4). Тоже дѣлаетъ и здѣсь, но только выражается о семъ пространнѣе.

Ибо, говорить, хотя я оскорбилъ,—*ἐλόπησα*, опечалилъ, васъ посланіемъ,—*ἐν τῇ ἐπιστολῇ*, въ посланіи, словами посланія, тѣмъ что говорено было въ первомъ посланіи; но не раскаюся,—*οὐ μετάνεμιμι*,—не раскаиваюся, *аще и раскаялся быхся*, хотя и раскаился было. Теперь, говорить, не раскаиваюсь, что печаль внесъ въ душу вашу, а раскаился было, или началъ было раскаиваться. Когда это? Пока не пришелъ св. Титъ. Написавъ укорно и грозно, не могъ не полагать св. Павелъ, что слово его нанесетъ печаль Коринѣянамъ. Написалъ онъ такъ потому, что такъ необходимо было. Но потомъ когда увидѣлъ, что Титъ замѣшкался, вѣрно предположилъ, что посланіе дало дѣлу неблагопріятный оборотъ, и потому началъ тужить и раскаиваться, что такъ строго написалъ. Объ этомъ и говорить теперь: хоть и раскаился было, или началъ было раскаиваться, но теперь не раскаиваюсь, смотря на благой плодъ опечаленія васъ.

Св. Златоустъ впрочемъ этому слову: *аще и раскалялся быхся*, даетъ такой смыслъ: хоть и слѣдовало бы мнѣ раскаяться, что написалъ слишкомъ строго, сверхъ мѣры строго, но не раскаиваюсь по причинѣ пользы отъ того. Вотъ его слова: „хотя бы написанное мною было таково, что превышало мѣру должнаго обличенія, и требовало отъ меня раскаенія; но великая польза, происшедшая отъ того, не дозволяетъ мнѣ раскаиваться. Сказалъ же сіе не потому, что въ самомъ дѣлѣ выше мѣры обличилъ ихъ, но чтобы увеличить похвалу ихъ“,—показывая: вы такъ смиренны и послушны, что какъ строго ни напиши, принимаете то съ сокрушеніемъ и готовностію во всемъ исправиться; такъ что мнѣ остается только хвалиться вами. Такое пониманіе и не ближе ли къ ходу рѣчи?

Вижду бо, яко посланіе оно, аще и къ часу, оскорби васъ Слѣдовало бы мнѣ раскаиваться, говорить. Почему

же? Ибо вижу, что посланіе то опечалило васъ, хоть и не надолго. Видя это, слѣдовало бы раскаяться, но не раскаяваюсь: „ибо печаль была краткая, а польза вышла всегдашняя“ (Св. Златоустъ). Почему продолжаетъ:

Ст. 9. *Нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе: оскорбѣте бо по Возь, да ни въ чемже отщѣтитесь отъ насъ.*

Не только, говорить, не раскаяваюсь, а напротивъ, радуюсь; радуюсь не тому, что вы опечалены, а тому, въ какомъ духѣ и съ какимъ плодомъ опечалены. „Я радуюсь, видя не собственно печаль, но плодъ печали; потому что печаль эта произрастила похвальное покаяніе“ (Теодоритъ). „Когда отецъ видитъ, что сыну дѣлають надрѣзъ; радуется не тому, что сынъ терпитъ боль, но тому, что онъ исцѣляется. Тому же радуется и св. Павелъ. Замѣтъ же, что онъ весь успѣхъ дѣла относить къ нимъ: печаль приписываетъ посланію своему; а пользу отъ онаго ставитъ имъ въ заслугу. Ибо не сказалъ: радуюсь тому, что посланіе исправило васъ, хотя и такъ было на дѣлѣ; но *яко оскорбистеся въ покаяніе*“ (Св. Златоустъ). Опечалились, говорить, по не въ досаду отъ того припили и негодованіе на опечаливащаго, а себя обвинили, сознаваясь, что стоили укоровъ, раскаялись въ своей винѣ и положили исправиться. Такого рода печалованіе есть печалованіе по Богѣ. Почему говоритъ: *оскорбѣте бо по Возь*, — *κατὰ Θεόν*, — въ порядкѣ божескихъ требованій, или богоугодной жизни, въ порядкѣ богоугожденія и спасенія или по страху Божию, къ Богу взирая, а не по видимости разсуждая о текущемъ. По поводу обличенія нашего, вспомнили о Богѣ и о судѣ Его, и поспѣшили исправить неисправное. Ибо Богъ всегда одного требуетъ, чтобы всѣ были исправны; а которые неисправны, чтобы раскаявались. Вспомнившій о Богѣ, если исправенъ, Бога благодаритъ, а если неисправенъ — раскаявается и слѣдуетъ исправиться. Кто такъ дѣйствуетъ, по Богу дѣйствуетъ,

по тому, какъ хочеть Богъ, какъ требуетъ мысль о Немъ благоговѣйная.

Да ни въ чемъже отщетитесь отъ насъ. Благодареніе Богу, говорить, что Онъ такъ устроилъ, что и намъ внушилъ мысль обличить васъ построже, и въ васъ возбудилъ расположеніе къ раскаянію. Такъ устроилъ Онъ, чтобы вамъ не потерпѣть какого ущерба въ духовномъ преспѣяніи вашемъ, или вреда какого-либо въ дѣлѣ спасенія по нашей винѣ. Не обличи мы васъ, вы остались бы въ своей неисправности и слѣдовательно терпѣли бы вредъ. Но еслибы и послѣ того, какъ обличили, Господь не поворотилъ вашихъ чувствъ на добро,—и то было бы худо. Теперь же вижу, что все устроилось къ лучшему, и не могу не радоваться. „Замѣчай, говорить св. Златоустъ, неизреченное его благоразуміе! Еслибы мы не сдѣлали сего, говорить онъ, нанесли бы вамъ вредъ; и исправленіе приписываетъ имъ, а себѣ вредъ, который произошелъ бы отъ его молчанія. Еслибы мы не обличили васъ, когда можно было исправить васъ обличеніемъ; то мы нанесли бы вамъ вредъ, и ущербъ былъ бы не для васъ только, но и для насъ. Ибо какъ тотъ, кто не даетъ купцу средствъ къ плаванію, дѣлаетъ вредъ ему: такъ и мы сдѣлали бы вамъ вредъ, еслибы не дали вамъ повода къ покаянію. Видишь ли, что не обличать грѣшниковъ вредно и учителю и ученику?“

Ст. 10. *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ: а сего міра печаль смерть содѣловаетъ.*

„Посему, говорить, хотя и раскаявался, прежде нежели увидѣлъ плодъ и пользу посланія, но теперь не раскаяюсь: ибо плодомъ была печаль по Бозѣ“ (Св. Златоустъ). Печаль же по Бозѣ вотъ что производитъ: спасеніе. Печаль по Бозѣ есть скорбь и болѣзненное сокрушеніе сердца, когда при помышленіи о Богѣ и своихъ къ Нему отношеніяхъ сознають себя виновными предъ Нимъ безотвѣтно. Такое сознаніе поражаетъ страхомъ суда и осуж-

денія; страхъ же сей заставляетъ искать вѣрнаго исхода изъ горькаго своего положенія. Какъ такого исхода другаго нѣтъ, кромѣ сердечнаго раскаявія съ твердою рѣшимостію жить прочее по вѣдомой волѣ Божіей неуклонно; то къ Нему и прибѣгаетъ печалійся по Бозѣ; а это тоже значитъ, что вступить вѣрною ногою на путь спасенія. Вотъ почему и сказалъ Апостоль: *печаль по Бозѣ покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ.*

Покаяніе нераскаянное означаетъ покаяніе съ твердою рѣшимостію не возвращаться вспять; или покаяніе, въ совершеніи котораго никто не раскаявается, несмотря на немалыя жертвы, которыхъ оно требуетъ, потому что тотчасъ опытомъ узнаеть, коль великое благо приноситъ оно съ собою.

Этой спасительной печали противопоставляетъ св. Павелъ печаль мірскую убійственную, говоря: *а сего міра печаль смерть содѣловаетъ.* Печаль міра есть печаль изъ-за потерь славы, чести, имущества, утѣхъ, разстройства житейскихъ или гражданскихъ дѣлъ, вообще изъ-за чего либо земнаго, этою жизнію ограничивающагося, спасенія же и вѣчности не касающагося. Всѣ эти печали убиваютъ горемъ и поражаютъ безотрадностію. Когда блага земныя отнимаются, то лишаемый ихъ такъ себя имѣетъ, что у него будто душу вынимаютъ. По Бозѣ же печалійся, хотя тоже глубокою скорбію поражается, но скорбь сія всегда растворяется благонадежіемъ помилованія: ибо всему свѣту извѣстна Божія готовность принимать кающагося. Оттого печаль по Бозѣ не убиваетъ, а оживляетъ, не смерть причиняетъ, а изъ смерти извлекаетъ и въ животь переводить.

Св. Златоустъ пространно разсуждаетъ о сихъ двухъ печаляхъ. „Что значитъ печаль міра сего? То, когда печалишься объ имуществѣ, о славѣ, объ умершемъ; все это печаль міра, а потому и причиняетъ смерть. Кто печалится о славѣ, тотъ завидуетъ и часто доходитъ до неизбежной гибели. Такою печалію печалились Канъ и

Исавъ. И такъ, подѣ печалію міра онъ разумѣетъ ту, которая вредитъ самимъ скорбящимъ. Ибо одна печаль о грѣхахъ полезна; и сіе ясно видно изъ слѣдующаго. Скорбящій о потерѣ богатства не вознаграждаетъ тѣмъ убытка; скорбящій объ умершемъ не воскрешаетъ его; скорбящій по причинѣ болѣзни не только не избавляется отъ болѣзни, но еще усиливаетъ ее. Только скорбящій о грѣхахъ приобрѣтаетъ пользу отъ скорби; ибо истощаетъ и истребляетъ грѣхи. Печаль есть врачевство, приготовленное на сей одинъ случай; здѣсь только имѣетъ она силу и оказываетъ пользу, въ другихъ же случаяхъ вредитъ. Правда, что тяжелѣе печали? Но когда она бываетъ печалію по Бозѣ, тогда гораздо лучше мірской радости; ибо радость сія обращается въ ничто, а та печаль покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ. Въ ней и то достойно удивленія, что никто изъ скорбящихъ ею никогда не раскаявался, тогда какъ раскаяніе наиболѣе свойственно мірской печали. Ибо что любезнѣе роднаго сына? и что горестнѣе смерти его? Однако отцы, которые во время сильной своей горести не принимали никакого утѣшенія и сами себя терзали, послѣ раскаяваются въ томъ, что безъ мѣры скорбѣли; и не только не получили отъ того никакой пользы, но еще болѣе себя разстроили. Не такъва печаль по Бозѣ! Она имѣетъ двойное преимущество: не заставляетъ раскаиваться въ томъ, о чемъ скорбишь; самую же печаль обращаетъ во спасеніе. Обоихъ сихъ преимуществъ лишена печаль мірская. Въ ней скорбятъ ко вреду, и послѣ сильной скорби негодуютъ на себя; а сіе и служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что они скорбя вредятъ себѣ. Совсѣмъ противоположны слѣдствія печали по Бозѣ. Никто не станетъ себя обвинять за то, что скорбѣлъ, плакалъ и сокрушался о грѣхѣхъ“.

Ст. 11. *Се бо сіе самое, еже по Бозѣ оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тщаніе; но отвѣтъ, но неодованіе, но страхъ, но воздержаніе, но ревность, но*

отмщеніе; во всемъ представисте себе чисты быти въ вещи.

„Блаженный Павелъ, говоря о благихъ плодахъ печали по Богѣ, не имѣлъ нужды приводить посторонніе примѣры въ подтвержденіе сказаннаго, а указываетъ на самихъ Коринѳянь, и изъ того, что они сдѣлали, заимствуетъ доказательство, чтобы, похваля ихъ, вмѣстѣ и наставить, и болѣе привлечь къ себѣ. *Се бо, говорить, сіе самое, еже по Бозѣ оскорбитися* вамъ, *колико содѣла въ васъ тищаніе?* То есть, ваша по Бозѣ печаль (то, что вы пришедши въ страхъ Божій сокрушились и раскаялись), смотрите, какъ сдѣлала васъ заботливыми о себѣ (о томъ, чтобъ явиться исправными во всемъ предъ Богомъ, своєю совѣстію и предъ св. Апостоломъ). И вотъ признаки такой заботы! *Но отвѣтъ* (Но, *ἀλλὰ*, во всѣхъ этихъ положеніяхъ стоитъ вмѣсто *и*, *ἔκμενῃ*), *ἐπιλογίζου*, извиненіе предо мною (выраженное можетъ быть предъ Титомъ и имъ переданное Апостолу); *но негодованіе* на согрѣшившаго; *но страхъ* („Въ страхъ Божій пришли вы“ *Θεοδοριτῆς*), ибо такое усердіе и весьма скорое исправленіе показали, что они очень устрашились (можетъ быть и св. Павла. *ἔκμ.*, *Θεοφιλῆ*). И дабы не подумали, что онъ хвалитъ самого себя, смотри, какъ тотчасъ смягчаетъ рѣчь, сказавъ: *но воздержаніе*, т. е. ко мнѣ („и насъ возлюбили горячѣе прежняго“ (*Θεοдор.*), — „ибо, говорить, любя меня и не хотя огорчить меня, вы поспѣшили исправиться“ (*ἔκμ.*)). „Чтобъ не показалось, что указавъ на страхъ, онъ придастъ себѣ нѣкоторое надъ ними господство, снѣшить отвратить эту мысль указаніемъ на *воздержаніе*, *ἐπιπροσῆμι*, теплое къ себѣ расположеніе, которое есть признакъ любви, а не подначальственного подчиненія“ (*Θεοφил.*); *но ревность*, т. е. къ Богу („исполнившись справедливой ревности, оплакали вы нарушенные законы“ (*Θεοдор.*), „или о Богѣ, или о мнѣ предъ попосившими меня лжеапостолами“ (*ἔκμ.*); *но отмщеніе*, ибо они наказали нарушившихъ законъ Божій („на согрѣшившихъ

вооружились негодованіемъ“ (Феодор.). *Во всемъ представисте себе чисты быти въ вещи*, т.-е. не только тѣмъ, что сами не сдѣлали такого же преступленія, но и тѣмъ, что сдѣлавшему не потворствовали. Въ первомъ посланіи онъ сказалъ: *и вы разгордитесь* (1 Кор. 5, 2); посему здѣсь говорить: вы очистили себя и отъ сего подозрѣнія, когда не только не похвалили согрѣшившаго, но наказали его и вознегодовали на него“ (св. Златоустъ).

Ст. 12. *Аще бо и писахъ вамъ, не обидѣвшаго ради, ниже обидимаго ради, но за еже явится въ васъ тщанію нашему еже о васъ предъ Богомъ.*

Кто обидѣвшій и кто обидимый? Феодоритъ говорить: „обидѣвшимъ Апостоль называетъ виновнаго въ блудѣ, а обидимымъ—отца его, потому что и по смерти оскорблень онъ былъ поруганіемъ его ложа“. Экуменій и Теофилактъ думаютъ, что это соблудившіе, потому что они и обидѣли себя взаимно, и обижены. Св. Златоустъ не касается сего вопроса. Но кто бы они ни были, сила рѣчи не въ опредѣленности понятія о нихъ, а въ указаніи намѣренія, съ какимъ написаны такія строгія рѣшенія въ первомъ посланіи. Не для нихъ, говорить, это писано. Не то хочеть сказать, что пиша совсѣмъ не имѣлъ ихъ въ виду; но что не для нихъ преимущественно писалъ, а главнымъ образомъ для васъ, чтобъ одинъ по другому и вы всѣ не заразились тѣмъже зломъ. Теперь тѣ исправляются, и вы исполнились ревности и негодованія ко грѣху такому. Но хотя бы тѣ и не исправились, а только въ васъ обнаружилось такое негодованіе, цѣль посланія была бы достигнута. Его диктовала моя забота о всемъ тѣлѣ церкви. Я показаль тѣмъ мое тщаніе о всѣхъ васъ, какое имѣю предъ Богомъ. Оно таково и предъ Богомъ, какимъ явлено предъ вами. Апостоль будто слышалъ со стороны ихъ возраженіе: когда мы чисты, то зачѣмъ насъ обличаль? Теперь такъ; а тогда я этого могъ и не предполагать; и опасеніе за васъ, вызываемое любовію къ вамъ, заставило меня быть строгимъ. Св. Златоустъ говорить: „дасть чув-

ствовать, что онъ страшился за всю церковь; ибо боялся, чтобы зло не распространилось и, идя далѣе, не обняло всей церкви. Посему и говорилъ: *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. 5, 6). Но это сказалъ тогда; теперь же, когда они исправились, тоже самое выражаетъ не такъ, но иначе; и хотя ту же имѣетъ мысль, но предлагаетъ ее съ большею пріятностію, говоря: за еже явится въ васъ тщанію моему о васъ, т.-е. чтобы видѣли вы, какъ люблю васъ. Поелику я васъ очень люблю, то и опасался, чтобы вы отъ сего соблазнительнаго примѣра не потерпѣли вреда, и сами за себя не были принуждены скорбѣть“.

г.)

Ст. 13. *Сего ради утѣшихомся о утѣшеніи вашемъ: лишше же паче возрадовахомся о радости Титовъ, яко покоися духъ его отъ вѣсѣхъ васъ.*

Сего ради утѣшихомся о утѣшеніи вашемъ. О утѣшеніи—επι, по случаю или по причинѣ утѣшенія вашего, не утѣшенія, которое вы получили, а утѣшенія, которое вы намъ доставили вашимъ исправленіемъ всего, и всѣмъ, что оказалось у васъ влѣдствіе моего посланія. Св. Златоустъ говоритъ: „*утѣшихомся*; потому что и попеченіе свое о васъ показали мы, и все исполнилось по нашему желанію. Подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ говорилъ: *мы нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господь* (1 Сол. 3, 8). Ибо преспѣваніе учениковъ для благоразумнаго учителя есть жизнь, и утѣшеніе, и отрада. И ничто столько не выказываетъ съ хорошей стороны начальника, какъ любовь его къ подчиненнымъ“.

Лишше же паче возрадовахомся о радости Титовъ. „Смотри, какъ Апостоль опять восхваляетъ Коринѳянь и выражаетъ свою любовь къ нимъ! Ибо сказавъ выше о своей радости, что первое его посланіе имѣло такой успѣхъ и принесло такую пользу, и выразивъ свою къ нимъ

любовь, теперь представляет другую черту ихъ благорасположенія, которая также приноситъ имъ великую похвалу, и показываетъ искренность ихъ любви: *лишше же наче возрадовахомся о радости Титовъ*. Титъ вамъ утѣшенъ; но я радовался не столько за Тита, сколько за васъ“ (Св. Златоустъ). Титъ покоясь былъ у васъ не тѣлесно, не тѣмъ, что было что поѣсть или имѣть покойное ложе, но духомъ. Духъ его покоился, и не отъ того или другаго, но отъ всѣхъ васъ. То, что равноапостольный духъ Титовъ находилъ покой среди Коринтянъ, есть свидѣтельство о высокомъ ихъ совершенствѣ въ духѣ. Ибо духовный, какимъ былъ Титъ, не можетъ найти покоя среди тѣхъ, у коихъ нѣтъ движеній и проявленія духовной жизни; и успокоеніемъ его въ отношеніи къ тѣлу нельзя удовлетворить его духа такъ, чтобъ онъ чувствовалъ себя покойнымъ.

Ст. 14. *Яко аще что ему о васъ похвалихся, не посрамихся: но яко вся воистинну глаголахомъ вамъ, тако и похваленіе наше, еже къ Титу, истинно бысть.*

Аще что ему о васъ похвалихся. „Велика похвала, когда учитель хвалится (учениками), и радуется, что его похвала оная явится истинною; ибо говоритъ: *не посрамихся*. Потому я возрадовался, что вы показали себя лучшими и на самомъ дѣлѣ оправдали мои слова. Отъ сего мнѣ сугубое утѣшеніе: и вы показали себя болѣе совершенными, и я не явился лжецомъ противъ истины; *но яко вся воистинну глаголахъ вамъ, тако и похваленіе наше, еже къ Титу, истинно бысть*. Здѣсь подразумѣваетъ опъ и другое нѣчто, именно: какъ у васъ говорилъ одну истину, а вѣроятно опъ много хвалилъ имъ Тита: такъ равно и сказанное мною о васъ Титу оказалось истиннымъ“ (св. Злат.).

Чтобы въ словахъ: *яко вся воистинну глаголахомъ вамъ*, Апостоль разумѣлъ свои похвалы Титу предъ Коринтянами, св. Златоустъ почитаетъ только вѣроятнымъ. Такъ и всѣ наши. Прямая же мысль здѣсь та, что изъ устъ Апостола никогда не исходила ложь, чего бы рѣчь его ни касалась,

особенно же что истинна проповѣдь его. Теодоритъ пишетъ: „не терпѣли мы когда-либо говорить ложь, но и ученіе преподали вамъ истинное, и похвалы вамъ украсили истинною“. Такъ и Экуменій съ Теофилактомъ: „какъ истинно то, что я вамъ проповѣдывалъ: такъ истиннымъ оказалось и о васъ мое слово Титу“.

Ст. 15. *И утроба его излиха ко вамъ есть, воспоминающаго всѣхъ васъ послушаніе, яко со стрихомъ и трепетомъ пріяете его.*

И утроба его излиха къ вамъ есть. „Сіе относится уже къ похвалѣ Тита, что онъ къ нимъ расположенъ и привязанъ“ (св. Злат.). „Для того онъ такимъ представляеть имъ Тита, чтобъ и они взаимно возлюбили его, какъ связаннаго съ ними сердечно и горячес къ нимъ питающаго расположеніе. Почему и сказалъ: *утроба его есть къ вамъ, чтобъ показать глубину и горячность искренней его къ нимъ любви*“ (Теофилактъ). „Потомъ приводитъ, какъ и вездѣ дѣлаеть, причину такого расположенія, чтобъ не показаться ласкательствующимъ, а съ другой стороны, чтобъ и самихъ Коринѳянъ побудить къ большему тѣмъ, что всю похвалу отдаетъ имъ и показываетъ, что они сами подали Титу поводъ и причину къ такой любви. Ибо сказавъ: *утроба его излиха къ вамъ есть, присовокупляеть: воспоминающаго всѣхъ васъ послушаніе.*—*Воспоминающаго.* Симъ Апостоль выражаетъ признательность Тита, который разлучился съ ними, напечатлѣвъ всѣхъ въ душѣ своей, и всегда воспоминаеть о нихъ, непрестанно имѣеть въ устахъ и сердцѣ; а вмѣстѣ еще болѣе хвалить Коринѳянъ, что отпустили Тита, сдѣлавъ ему такой усердный пріемъ. Потомъ напоминаетъ и объ ихъ послушаніи: *поминающаго послушаніе ваше*, возбуждая тѣмъ ихъ ревность“ (Св. Злат.). Послушаніе и слову Апостола въ посланіи, которое (послушаніе) для Тита такъ пріятно было всгрѣтить, и можетъ быть, слову самаго Тита, какимъ сопровождалъ онъ чтеніе посланія, прилагая къ написанному свои совѣты и внушенія. Такъ

Оеодоритъ: „И онъ весьма благорасположенъ къ вамъ, и хранить незабвенную о васъ память, рассказывая, какъ вы покорились его совѣтамъ“.—*Яко со страхомъ и трепетомъ пріяте его.* „Т.-е. не только съ любовію, но и съ великою честію. Видишь ли, какъ онъ свидѣтельствуеть о сугубой ихъ добродѣтели, т.-е. что они и возлюбили Тита, какъ отца, и убоялись, какъ начальника, что въ нихъ ни страхъ не помрачилъ любви, ни любовь не ослабила страха“? (Св. Злат.).

И послушаніе и страхъ и трепеть оказаны въ лицѣ Тита самому Апостолу; а онъ по скромности, ему обыкновенной, относить все то къ Титу, то къ добротѣ Коринтянъ. На эту мысль наводятъ послѣднія слова:

Ст. 16. *Радуюся, яко во всемъ дерзаю въ васъ.*

„Видишь ли, что о нихъ радуется болѣе? Ибо говорить: вы ни въ чемъ не посрамили своего учителя, и показали себя достойными моего о васъ свидѣтельства. Слѣдовательно онъ радовался не столько тому, что Титъ получилъ такую честь, сколько тому, что они показали такое благорасположеніе къ Титу. Но, чтобы не почли его радующимся болѣе за Тита, смотри, какъ и здѣсь представляетъ причину радости. Какъ выше сказалъ: *яко аще что ему о васъ похваляхся, не посрамихся*; такъ и теперь говорить: *яко во всемъ дерзаю въ васъ*. Нужно ли васъ укорить, не страшусь, чтобы вы за это отложились; нужно ли похвалиться вами, не опасуюсь быть обличеннымъ въ напрасной похвалѣ. *Дерзаю въ васъ*, буду ли хвалить васъ, какъ покорныхъ, или какъ любвеобильныхъ, или какъ ревностныхъ. Я сказалъ: отсѣките, и вы отсѣкли; сказалъ: примите, и вы приняли; сказалъ я Титу, что вы велики, достойны удивленія и умѣете почитать учителей, и вы доказали это на самомъ дѣлѣ; онъ узналъ сіе не столько отъ меня, сколько отъ васъ самихъ. Посему возвратился ко мнѣ, исполнившись сильной къ вамъ любви, такъ какъ вы показали на дѣлѣ болѣе, нежели сколько я говорилъ ему“ (Св. Злат.).

Епископъ Теофанъ.

СЛОВА ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

СЛОВО ДВѢНАДЦАТОЕ.

1) Кающійся во грѣхахъ своихъ никакой не получитъ пользы, если не възыщетъ пріять отъ Христа Господа и врачевство той немощи своей, по причинѣ коей грѣшитъ.

2) Что бы ни дѣлалъ человекъ въ настоящей жизни, все дѣлаетъ, если то не способствуетъ къ здоровію его душевному.

3) Какъ грѣхъ бываетъ по волѣ нашей, и безъ воли нашей.

1) Хорошо плакать и печалиться о грѣхахъ своихъ и молить Бога объ отпущеніи ихъ. Но никакой отъ этого не будетъ пользы, если Господь нашъ Іисусъ Христосъ не уврачуе тѣхъ немощей кающагося, по причинѣ коихъ онъ грѣшитъ, какъбы не-хотя: ибо если онъ не исцѣлится отъ нихъ, то нельзя ему удержаться отъ грѣховъ. Почему всякій кающійся на то одно долженъ обратить весь свой подвигъ, чтобъ быть уврачевану отъ Христа Господа, освятиться и пріять силу къ исполненію воли Божіей и заповѣдей Его. Ибо кто не уврачеванъ Христомъ Господомъ, тотъ иногда грѣхи дѣлаетъ, увлекаемъ будучи на нихъ своею немощію, а иногда, съ большимъ трудомъ и стѣсненіемъ исполняетъ какую-либо заповѣдь; но такому какая польза? Подобенъ онъ тому, кто строитъ и опять разоряетъ построенное. Почему всякая настoitъ необходимость, чтобъ уврачевана была немощь наша Христомъ Господомъ, который единый есть истинный врачъ, пришедшій на землю для уврачеванія немощей нашихъ, по причинѣ коихъ грѣшимъ. Онъ есть Агнецъ Божій, вземлай грѣхъ міра, который и есть немощь поврежденнаго

естества нашего. Ибо послѣ того, какъ Адамъ преступилъ заповѣдь Божию и изгнанъ былъ изъ рая, всякій чело-вѣкъ сталъ немощенъ и болѣзненъ. И эти немощи, послѣ-лику находятся какъ въ естествѣ, такъ и въ произволеніи нашемъ, суть какія-то страпныя: иногда кажется, что онѣ отъ естества суть, а иногда отъ произволенія.

Немощи, о коихъ говорю я, суть слѣдующія: всякій чело-вѣкъ немоществуетъ и не можетъ имѣть чистой любви, не можетъ не завидовать, не поносить, не осуждать, не пре-зирать, не пересмѣивать, не говорить лжи, не гнѣваться, не похотствовать благъ міра сего, которыя видить, не тщеславиться, не любоимствовать. Будь онъ благоразум-нѣйшій между благоразумными, мудрѣйшій между мудрыми, мужественнѣйшій между мужественными, честиѣйшій ме-жду честными, будь онъ всѣхъ другихъ лучше и совершен-нѣе; но, коль скоро немощь естества нашего пребываетъ въ немъ (неуврачеванною), неизбѣжно, что онъ или цѣ-ломудрія не сможетъ сохранить, или не одолѣетъ себя, чтобъ простить тому, кто погрѣшилъ противъ него въ чемъ-либо, или не находить въ себѣ добрыхъ расположе-ній—милостыню подавать, и Бога всегда благодарить, во-обще воздерживаться отъ всякаго зла и дѣлать всякое добро. Наблюдающему не можетъ не быть явнымъ, что всѣ такія немоществованія зависятъ иногда отъ самовластнаго произволенія, а иногда отъ насилія со стороны естества. Впрочемъ не всѣ люди въ равной степени немоществуютъ; но иной больше, а иной меньше.

Такія-то немощи необходимо уврачевать въ насъ. Но прежде всего необходимо взискать врача, который бы уврачевалъ ихъ. Почему святые отцы предали намъ хри-стіанамъ, чтобы мы всегда такъ молились Богу, взывая къ Нему съ сокрушеннымъ сердцемъ: „Призри на насъ, Господи, по милости Твоей, и уврачуй немощи наши, имени ради святаго Твоего.“ Т.-с воззри на немощи наши и уврачуй ихъ благодатію Твоею, да будетъ славимо имя Твое, что Ты милостивъ и благостыненъ, и сдѣланный еси

Врачъ, и да не хвалится никто самъ о себѣ, когда уврачеванъ будетъ, но о Врачѣ своемъ да хвалится, и Его да благодарить день и ночь отъ всего сердца своего, истинно смиренномудрствуя. И вотъ, въ комъ уврачеваны будутъ такимъ образомъ немощи его, тотъ и сталъ христіаниномъ (настоящимъ), а у кого есть еще какія-нибудь изъ тѣхъ немощей, о коихъ мы сказали, явно, что онъ еще не уврачеванъ. И это страждетъ онъ или отъ невѣдѣнія, или отъ неразумія, какъ такой, который не знаетъ что говорить къ Богу, когда молится, и какія немощи уврачевать просить Бога. И если умретъ онъ не уврачеваннымъ, то вѣчно будетъ плакать о томъ въ адѣ, не чая когда-либо освободиться отъ огненнаго жженія онаго. Сего-то ради надлежитъ намъ горько плакать о томъ жалкомъ состояніи, въ какое мы пришли. Люди-христіане да взываютъ день и ночь: *призри Господи и уврачуй немощи наши*. Но и Господь не можетъ уврачевать ихъ, если они не знаютъ, что это за немощи, о коихъ они просятъ, при всемъ томъ, что ихъ такъ много и такъ онѣ разнообразны. Вотъ причина гибели, по коей гибнутъ столько христіанъ, богатыхъ и бѣдныхъ, властителей и простыхъ, юныхъ и старыхъ, монаховъ и іереевъ. Одно врачество отъ всѣхъ вообще этихъ немощей—причастіе божественнаго естества или пріятіе Божіей благодати. Если христіанинъ не приметъ божественной благодати и силы, по мѣрѣ вѣры своей; то хоть онъ бѣнія совершаетъ, хоть спитъ на голой землѣ, хоть поетъ псалмы день и ночь, молится и постится, все же онъ остается неуврачеваннымъ и падается внѣ части Христовой, какъ и невѣрные.

2) Какія бы добрыя дѣла ни дѣлалъ, какими бы подвигами ни подвизался и не утруждалъ себя въ настоящей жизни всякій человекъ, мудрый или не мудрый, свѣдущій или несвѣдущій, разсудительный или неразсудительный, ученый или неученый, богатый или бѣдный,—если это не способствуетъ къ оздоровленію души его отъ немощей ея, суетно все сіе и бесполезно для него, и оставляетъ

душу въ царствіи небеснаго: ибо въ царствіе небесное пріемлются только здравыя души, не имѣющія никакой немощи. А немощи эти, нами прежде указанныя, эти непотребныя стремленія плотскихъ похотей, эти пристрастія къ земнымъ и мірскимъ вещамъ, богатству и славѣ суетной, никакая душа не можетъ уврачевать въ себѣ и стать здоровою ни сама собою, ни съ помощію другаго какого человѣка. Только Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ онѣ могутъ быть уврачеваны, какъ написано: *Той недуги наша пріятъ и бользни понесе* (Мѡ. 8, 17). Ибо еслибы человѣческія души, не говорю язычниковъ и безбожниковъ, хоть бы самыхъ іудеевъ, вѣровавшихъ въ Бога истиннаго, могли удобно возненавидѣть мірскія похоти и плотскія наклонности, и такимъ образомъ избѣгнуть міродержателя діавола (ибо онъ посредствомъ этихъ страстей стяжалъ себѣ державу смерти), то не было бы никакой нужды благому, благоутробному и человѣколюбивому Богу содѣлываться человѣкомъ, распинаться и по смерти нисходить въ преисподняя земли, т.-е. во адъ. Но въ томъ и дѣло, что возненавидѣть міръ и все мірское и плотское никто не можетъ, если не сдѣлается причастникомъ божественной благодати и не получитъ силу на то отъ Господа Иисуса Христа. А кто, божественною силою Христовою укрѣпляемъ, не возненавидитъ прежде, отъ всего сердца своего, всего мірскаго и плотскаго, тотъ никакъ не можетъ исполнить заповѣдей Христовыхъ, или, какъ написано, всегда уклоняться отъ зла и творить благое.

Посему всякій, вѣрующій во Христа, прежде всего другаго да проситъ у милостиваго Бога благодати и силы, возненавидѣть міръ и все мірское, всѣ страсти и похоти плотскія, а послѣ того, какъ возненавидитъ ихъ, надъ тѣмъ да трудится съ теплою вѣрою, чтобъ достигнуть мертвости ихъ, каковая мертвость Христова есть, какъ говоритъ Апостоль Павелъ, что онъ *мертвость Господа Иисуса всегда въ тѣль своемъ носилъ* (2 Кор. 4, 10). Таковыя-то прошенія и бываютъ благоугодны Бо-

гу и Онъ благоволительно слушаетъ ихъ, какъ удостовѣряетъ св. Іоаннъ Богословъ: *яко аще чесо просимъ по воли Его, послушаетъ насъ* (1 Іоан. 5, 14). Ибо этого только и хочетъ Богъ, чтобъ искали у Него люди, т.-е. того, что ведетъ человѣка къ вѣчному спасенію. Почему пусть никто изъ людей ни о чемъ другомъ не заботится, и ни на что другое не иждиваетъ трудовъ своихъ въ настоящей жизни, какъ только на то, чтобъ душа его въ послѣдній часъ смерти оказалась здоровою и свободною отъ всякой мірской и плотской страсти. Такъ-то необходимо, чтобы душа сдѣлалась здоровою отъ всякаго недуга своего, и тогда, какъ сдѣлается она здоровою, можетъ послужить Богу достоительно, исполняя божественныя заповѣди Его, и явиться непостыжденною, когда предстанетъ предъ страшное судилище Христова. Если же не сдѣлается она этого, т.-е. не послужить Богу и не исполнить заповѣдей Его, хотя не въ большой мѣрѣ, то конечно и въ день суда окажется она нездоровою отъ страстей, и будетъ за то ввержена въ огонь геенскій, который поглотитъ ее въ своей печи неугасимой и будетъ жечь вѣчные вѣки. Ибо огонь геенскій не можетъ жечь никакихъ другихъ, а только тѣхъ, которые оставили неуврачеванными души свои въ настоящей жизни и такъ неуврачеванными перешли и въ другую жизнь.

3) Грѣхъ совершается и по волѣ нашей, и не по нашей волѣ. Ибо грѣхъ всегда является предъ нами только какъ ифкая обманчивая приманка. Но какъ только душа человѣка наклонится мысленно ко грѣху, тотчасъ подскакиваетъ къ ней тиранъ и насилователь душъ, который всегда стоитъ позади ся и зорко смотритъ за движеніями ея, подскакиваетъ и тащитъ ее на совершеніе грѣха дѣломъ; такъ что очевидно, что грѣхъ бываетъ и по волѣ человѣка, и не по волѣ его: бываетъ по волѣ его потому, что умъ самъ склоняется на грѣхъ; бываетъ не по волѣ его потому, что когда слагается онъ совершить грѣхъ дѣломъ, то на это бываетъ влкомъ и нудимъ діаволомъ.

Посему-то Премудрость Божія, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, подсѣкаетъ самыя корни и зачатки грѣховъ, когда заповѣдуетъ во святомъ Евангеліи своемъ, чтобы никто не допускалъ порочныхъ пожеланій, и даже очами не воззрѣвалъ съ похотѣніемъ, потому что когда душа дойдетъ до вожделѣнія грѣха, то неудобъ ворочается назадъ, неудобъ удержаться ей отъ дѣла, по причинѣ толканія на него отъ демоновъ, совершающихъ его быстрѣе мгновенія ока. Такимъ образомъ душѣ всячески надо стараться не допускать приближаться къ себѣ демонамъ, а этого достигать не можетъ она никакимъ другимъ способомъ, какъ только тѣмъ, чтобы не склоняться на похотѣнія грѣха, во Христѣ Іисусѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИНАДЦАТОЕ.

- 1) Врачевство врачующее душу одно, а не много ихъ.
- 2) Четырмя образами грѣшатъ люди.
- 3) Спасеніе всѣхъ въ единой волѣ Божіей; человекъ же не имѣетъ въ себѣ ничего, чѣмъ бы самъ могъ спастися.

1) Душа наша проста и несложна; потому, когда заболѣзнуеть, одно врачевство врачуетъ ее. Но тѣло, будучи сложено изъ многихъ, и притомъ неодинаковыхъ частей, которыя и сами составлены изъ четырехъ стихій: земли, воды, огня и воздуха, когда занеможетъ, имѣетъ нужду, какъ сложное, въ разныхъ врачевствахъ и притомъ составленныхъ изъ разныхъ травъ. Это хорошо истолковали и внѣшніе мудрецы еллинскіе, тоже говоря, что еслибы тѣло человѣческое было единично, т.-е. просто и несложно, то одно было бы и врачевство для него, но, будучи сложено изъ многихъ частей, имѣетъ нужду и во врачевствахъ многихъ и многосложныхъ. А душа, говорю я, напротивъ, будучи невещественна, проста и несложна, когда занеможетъ, одно врачевство врачуетъ ее, а не многія. Какое же это врачевство? Духъ святой, бла-

годать Господа нашего Иисуса Христа, какъ говорить Апостоль: *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Надлежитъ потому всякому христіанину, посредствомъ покаянія, милостыни и всякой другой добродѣтели, сколько силъ есть, подвизаться не о чемъ другомъ, какъ о томъ, чтобы пріять дѣйство благодати св. Духа, силою коего и начнетъ онъ жить жизнію истинно по Христу. Ибо нѣтъ другаго способа, искусства и метода къ тому, чтобы христіанинъ жилъ по Христу, кромѣ воспріятія свыше силы или благодати Иисусъ-Христовой.

2) Человѣкъ грѣшитъ четырьмя образами—волею, неволею, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи. Волею, т.-е. самоохотно грѣшитъ онъ, когда, зная навѣрно, что зло есть зло и что въ его состоитъ волѣ сдѣлать его или не сдѣлать, дѣлаетъ его самоохотно. Неволею, т.-е. безъ желанія, грѣшитъ онъ, когда бываетъ вынуждаемъ къ тому какою-либо необходимостію, и дѣлаетъ зло не желая его, какъ напримѣръ иные мученики отрицались отъ Христа по причинѣ нестерпимыхъ мукъ, какимъ ихъ подвергали. Бываетъ, что иной и другимъ образомъ, не зная и не желая, дѣлаетъ зло, когда напримѣръ, пустивъ стрѣлу, чтобы убить какого-либо звѣря, убиваетъ человѣка, не желая того. Въ вѣдѣніи бываетъ грѣхъ, когда душа знаетъ, что извѣстное дѣло есть грѣхъ, но будучи немощна и разслабленна правомъ, дѣлаетъ его, не имѣя силы противостоять брани и возставшему сильному влеченію на грѣхъ, дѣлаетъ грѣхъ, склоняясь на него и вожделѣвая его, будто помимо своей воли. Въ этомъ-то случаѣ особенно и познается вѣрующими сила Христова, именно: когда возмогаютъ они не дѣлать по внушенію возненавидѣнныхъ ими похотей, тогда познаютъ, что имѣютъ благодать Христову. Въ невѣдѣніи бываетъ грѣхъ, когда кто дѣлаетъ что худое, не зная, что оно худо, но полагая, что оно хорошо.

При этомъ замѣтитъ надлежитъ, что грѣховъ волею бываетъ немного, и они, такъ какъ большею частію быва-

ють очень явны и нестрашимо тѣсняются въ сознаниѣ, будутъ, какъ остны, того, кто дѣлаеть ихъ, и подвигаютъ его на покаяніе. Прочихъ же грѣховъ, т.-е. грѣхоевъ неволею, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, бывають очень много, даже безъ числа, но они всѣ почти малонамѣтны и скоро совсѣмъ выпадаютъ изъ сознанія и того, кто ихъ дѣлаеть, несмотря на свою многочисленность, не будутъ и не подвигаютъ на покаяніе, такъ какъ онъ и не почитаетъ ихъ грѣхами и не думаетъ объ нихъ. Посему объ этомъ-то наипаче и надлежитъ намъ молиться, чтобы Богъ даровалъ намъ и познать ихъ грѣховность, и возчувствовать: ибо то, что мы не помнимъ и не чувствуемъ ихъ, не дѣлаеть насъ безвиновными въ нихъ, а между тѣмъ діаволь большую часть людей ввергаетъ въ гордыню по причинѣ невѣдѣнія ихъ, потому т.-е., что не сознають ихъ, не думаютъ, что они значать что-нибудь, но вмѣniają ихъ ни во что: каковыя люди, несмотря на то, что говорятъ, будто мудры суть, оказываются буйными и неразумными; поелику не познали, что спасеніе всѣхъ стоитъ на единой милости Божіей.

3) Ниоднѣнъ человекъ не имѣеть въ себѣ ничево благословнаго, чѣмъ бы могъ спастиа, ни праведный, ни грѣшный. Ибо самъ Богъ говоритъ: *помилую, еложе аще помилую; и ущедрю, еложе аще ущедрю* (Рим. 9, 15). И Давидъ исповѣдуеть се, взывая къ Богу: *Господи, Боже спасенія моего* (Пс. 87, 2). Въ чемъ спасеніе-то? Въ томъ, чтобы стать причастникомъ святости Божіей, а это состоитъ въ волѣ Божіей, — то, т.-е. чтобы Онъ преподаль святость свою тѣмъ, которые управляютъ сердца свои къ Нему и никакой кривости не имѣють въ помышленіяхъ своихъ, коихъ души *утришася* (Пс. 77, 37), т.-е. стали вѣрными Богу и словесамъ Его; поелику, по пророку, *правоты видить лице Божіе* (Пс. 10, 7). Люди видятъ видимое, а Богъ видить и сокровенное. *Уготовайте путь Господень*, говоритъ Писаніе, *правы творите стези Его* (Мѡ. 3, 3). Эти стези Божіи суть души человѣческія, когда

онѣ правы бывають, т.-е. когда исповѣдуютъ свое невѣдѣніе, неспасеніе и непаказанность, свое недостаточество на добро и падкость на всякіе грѣхи, когда не хотятъ жить лицемѣрно, пыми быть по внутреннему своему устроенію и иными казаться предъ людьми, и принимать честь отъ людей, а не отъ Бога; потому что Богъ, испытующій сердца, ненавидитъ такія души, какъ сущія отъ части діаволовой: ибо діаволь такъ дѣлаетъ, что, будучи врагомъ, принимаетъ видъ друга, и будучи тьмою, представляется свѣтомъ.

Поелику спасеніе всѣхъ въ единомъ Богѣ, то да уготовитъ каждый себя самого и да приложить трудъ стать правымъ, чтобъ содѣлаться достойнымъ милости Божіей; потому что кто правъ, тотъ истиненъ; кто истиненъ, тотъ смиренъ, а кто смиренъ, тотъ одинъ и достоинъ милости. Богъ, который есть сущая истина, не можетъ миловать того, кто неправъ, такъ какъ таковой не истиненъ. Итакъ не докучай Богу въ молитвѣ, милость къ тебѣ явить, прежде чѣмъ сдѣлаешься правымъ: ибо невозможно, чтобы Богъ соединился съ душою лукавою и развращенною; милость же Божія въ томъ и состоитъ, чтобы причастился кто святости Божіей. И если препобѣждаешься лукавымъ діаволомъ, властителемъ зла, и не имѣешь силы быть правымъ, понуди усердною молитвою своею благость Божію даровать тебѣ силу сдѣлаться прежде правымъ, чтобъ сего ради оказаться достойнымъ и великой милости Божіей, т.-е. пріятія святости Его. Эта святость вражду полагаетъ между тѣмъ, кто освящается, и между грѣхомъ, иначе, дѣлаетъ освящаемаго врагомъ всякаго грѣха. Ибо кто любитъ Бога, тотъ любитъ и то, что Ему благоугодно, и отвращается отъ того, къ чему не благоволитъ Богъ. Но неблагоугодное Богу, само собою разумѣется, пріятно діаволу. Почему всякій чловѣкъ, который неправъ (и слѣд. не любитъ того, что благоугодно Богу), есть другъ діаволу и врагъ Богу. Таковому какая надежда спасенія?

Итакъ тѣмъ, которые дѣлають зло, котораго могли не

сдѣлать, и не дѣлають добра, которое могли дѣлать, вѣтъ спасенія, пока они таковы. Но и о тѣхъ, которые дѣлають добро, нельзя еще сказать, что они потому самому имѣють уже въ себѣ самихъ все, чѣмъ устроится спасеніе. Они только сдѣлали все, что должны были сдѣлать, подобно тому какъ всякій рабъ дѣлаеть что долженъ дѣлать, чтобъ не быть биты. Если случается, что домовладыка поблагодарить такого раба, то благодарить его по добротѣ своей. Но если какой рабъ загордится, говоря, что онъ такъ хорошо дѣлаеть свое дѣло, то бываетъ бить за то самое, чтобы помнить, что онъ не могъ сдѣлать ничего больше того, что долженъ былъ сдѣлать,—такъ что, если хочеть такой рабъ (исправный во всемъ), чтобъ господинъ его благодарилъ его, то долженъ всячески смиряться и говорить: я сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать, и еслибы не сдѣлалъ того, то былъ бы битъ, какъ рабъ неключимый. Такъ и всякій христіанинъ, дѣлающій все достождолжное, не можетъ ожидать за это себѣ ничего. Но хорошо бы было, еслибы всякій возжелавшій творить волю Божию, могъ творить ее; а то со всякимъ нерѣдко бываетъ, что не можетъ онъ сдѣлать то, что желаетъ, и дѣлаеть то, что ненавидитъ, потому что мудрованіе и похотѣніе плоти противляется ему. Какъ послѣ этого можно говорить: только возжелай спасенія и спасешься? Спасеніе не отъ естества; почему не видимъ, чтобъ кто либо когда-нибудь спасся самъ собою. И Богъ говоритъ: *Азъ Богъ, и нѣсть развѣ Менѣ спасай* (Исаи 43, 11). *Ибо вси созрѣвшиши и лишени суть славы Божія* (Рим. 3, 23). Какъ же можно спастися кому-либо самому собою?

Но если покаются теперь въ одинъ день тысячи тысячъ и мириады мириадъ грѣшниковъ, и обратятся ко Христу Господу, содружатся съ Нимъ, соединятся и освятятся святостію Его, то тотчасъ познають воспринятое отъ Него освященіе, коимъ устроится спасеніе, ощущая присущую имъ вѣкую божественную силу. Ибо Христосъ Господь, для всякаго вѣрующаго въ Него, бываетъ силою

разсужденія, мощію разума, крѣпостію мудрости, державою правды, основою любви къ Богу и людямъ, дѣйствомъ всякой святой заповѣди и воли Божіей, нѣкіимъ разумнымъ и въ природу обратившимся отвращеніемъ и возненавидѣніемъ всякаго зла и грѣха, всякой похоти и лукавства. Христосъ Господь есть надежда наша и миръ нашъ. Безъ Господа Иисуса не только никто не можетъ дѣлать добро, но и всякій бываетъ отдаленъ отъ Бога. Одного только требуетъ Господь отъ всякаго вѣрующаго въ Него, того, чтобъ онъ всецѣло ввѣрилъ себя Ему—Христу Господню, т.-е. чтобъ имѣлъ полную на Него надежду и питалъ непоколебимую увѣренность, что только силою Христовою, а не своею собственною, можетъ кто спастись. И такой только есть настоящій христіанинъ, кто полную надежду возлагаетъ на одного Христа, что Онъ одинъ все въ немъ исправитъ и уврачуеъ его и по душѣ и по тѣлу. Когда же потомъ за сею вѣрою, имѣемою съ разумомъ, послѣдуетъ и дѣло, тогда раждается любовь ко Христу, т.-е. когда кто самымъ дѣломъ получить то, чего надѣялся отъ Христа и почувствуетъ то, тогда возлюбляетъ Его. Ибо человѣкъ благодѣтельствуемый не можетъ оставаться безчувственнымъ къ благодѣянію, и естественно начинаетъ любить благодѣтеля, помимо даже воли своей. Потомъ, когда преуспѣетъ онъ въ любви къ Благодѣтелю своему, находитъ и самого Благодѣтеля внутри себя самого; потому что и Онъ вполне ввѣряется и входитъ въ того, кто возлюбилъ Его.

Но діаволъ, что сначала сдѣлалъ съ человѣкомъ, то покушается дѣлать и теперь со всякимъ, начинающимъ каяться, внушая ему: нѣтъ спасенія тебѣ въ Богѣ твоёмъ (Пс. 3), т.-е. что спасеніе бываетъ не силою Бога твоего, а твоею собственною. И горе тому, кто повѣритъ ему! Врагъ хочетъ симъ способомъ обнажить душу отъ благодати Божіей, чтобы потомъ уловить ее и поглотить, какъ волкъ ягня. Посему-то всегда надлежитъ умомъ воззрѣвать къ Богу, отъ Коего одинаго приходитъ всякая помощь,

чтобы умъ сѣй просвѣтился мысленными лучами свѣта Божія, и сдѣлавшись обоженнымъ, стяжалъ и своего рода неизмѣняемость, дабы не возвращаться на зло. Тогда наконецъ становится онъ властителемъ земли, такъ что не смѣетъ уже болѣе приближаться къ нему никакое земное похотѣніе, но все земное трепещетъ предъ нимъ и боится его, не ради его самого, а ради Бога, страшнаго самымъ херувимамъ, Котораго онъ всегда имѣетъ присутіемъ въ себѣ и отъ Косго отлучиться мыслию и отдалиться желаніемъ и чувствомъ не позволяетъ онъ себѣ ни на одно мгновеніе. Богу благодателю нашему слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЗНАЧЕНІЕ МОСКВЫ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ПЕРЕНОСЕНІЯ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛИППА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, 3-ГО ІЮЛЯ *).

„Велкому, смуже дано будетъ много, много взымается отъ него“ (Лук. 12, 48).

Господь не поровну распредѣляетъ между людьми блага земныя и духовныя,—однимъ даетъ меньше, другимъ больше. Многіе изъ тѣхъ, которымъ дано меньше, почитаютъ себя обдѣленными и завидуютъ тѣмъ, кому дано больше. Приведенныя слова Господа Іисуса Христа должны послужить къ ихъ успокоенію. Дѣло не въ томъ, кто сколько даровъ получилъ отъ Бога, а въ томъ, какъ ихъ употребляетъ. Кто, имѣя отъ Бога немного даровъ, пользуется ими во славу Божію, тотъ привлекаетъ благоволеніе къ себѣ Господа, какъ вѣрный его рабъ, и за вѣр-

*) Произнесено въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

пость въ маломъ можетъ надѣяться получить отъ Него больше даровъ. Кто же, будучи надѣленъ отъ Бога многими и великими дарами, не пользуется ими во славу Божию, даже злоупотребляетъ ими, на примѣръ здоровье тратить на распутство, большой умъ употребляютъ на изобрѣтеніе обмановъ, на распространеніе нечестивыхъ мудрованій, тому грозитъ гнѣвъ Божій и въ настоящей и въ будущей жизни, — ибо кому дано много, съ того много взыщется. Посему чѣмъ больше кто преимуществуетъ предъ другими въ обладаніи благами земными и духовными, тѣмъ благодарнѣе онъ долженъ быть къ Господу и тѣмъ живѣе свидѣтельствовать свою благодарность подвигами богоугожденія. Преимущества, какія кто получилъ отъ Бога, налагаютъ на него преимущественный предъ другими долгъ угождать Богу дѣлами благочестія и добродѣтели.

Къ числу благъ, представляющихъ особенное побужденіе къ богоугожденію, принадлежитъ благопріятствующая къ тому обстановка или среда, которая окружаетъ насъ. Не одни монастыри даютъ человѣку особенныя удобства къ упражненію въ дѣлахъ благочестія и добродѣтели, — есть не мало и городовъ съ подобными удобствами. Обитатели сего царствующаго града должны благодарить Господа паче всего за ту Его милость, что несмотря на множество соблазновъ и искушеній, свойственныхъ каждому шумному городу, Москва преимуществуетъ предъ прочими городами и областями земли русской благопріятными условіями для жизни богоугодной. Такъ она славится обиліемъ святыхъ чудотворныхъ мощей и иконъ, какъ ни одинъ, кромѣ Кіева, городъ русской земли. Въ семь древнемъ и первенствующемъ храмѣ (*Усп. соборъ*) почиваютъ въ нетлѣнныхъ останкахъ первоверховныи русскаго пророка, митрополиты Петръ, Іона и Филиппъ, въ честь котораго празднуется сегодня перенесеніе мощей его въ Москву изъ Соловецкой обители, бывшее въ 1652 году при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и патриархѣ Никоѣ. Въ семь же хра-

мѣ отъ лѣтъ древнихъ пребываетъ чудотворная Владимірская икона Богоматери, икона Успенія Богоматери, написанная св. Петромъ митрополитомъ, и проч. Не изчисляемъ другихъ многочисленныхъ святынь сего храма и другихъ— Ни въ одномъ городѣ нѣтъ столько храмовъ, и притомъ древнихъ, какъ въ Москвѣ. Ни въ одномъ городѣ нѣтъ столько памятниковъ древности, свидѣтельствующихъ о благочестіи нашихъ предковъ и доселѣ служащихъ предметомъ благоговѣнія. Ни въ одномъ городѣ не только въ Россіи, но даже во всемъ мірѣ не совершаются съ такою величественною и торжественною обстановкой всенародныя молебствія подъ открытымъ небомъ, или крестожденія, какъ въ Москвѣ. Въ одной Москвѣ, и именно въ семь древнемъ храмѣ, въ день священнаго помазанія царя на царство, таинственно освящается союзъ церкви и государства. Москва съ ея многочисленными святынями и живыми церковно-историческими воспоминаніями, можно сказать, доселѣ не перестаетъ служить средоточіемъ русской церковной жизни, хотя внѣшнее управленіе русскою церковію перенесено въ другой царствующій градъ.

Обитатели Москвы должны почитать себя счастливыми тѣмъ, что окружены столь благоприятными условіями церковной жизни, не встрѣчающимися въ другихъ городахъ и областяхъ русской земли. Было бы непростительно не дорожить намъ такими условіями, не пользоваться ими для преслѣванія въ вѣрѣ и благочестіи. Кому много дано, съ того много взыщется. Прежде всего благоприятная церковная обстановка обязываетъ москвичей строго соблюдать православную вѣру,—ту вѣру, которой учили ихъ предковъ первопрестольники російскіе, истинные хранители апостольскихъ преданій, четыре столпа зданія російской церкви, Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ,—которая была главнымъ предметомъ изученія всѣхъ образованныхъ московскихъ людей предпочтительно предъ прочими предметами человѣческой мудрости,—за которую крѣпко стояли не только московскіе святители, но князья и цари,

противъ обольщеній латинскихъ, проникавшихъ къ намъ не разъ, особенно во время самозванцевъ. Всѣ эти ревнители православія почиваютъ среди насъ, братія, продолжая учить насъ своими внушеніями и примѣромъ, паче всего на свѣтѣ дорожить сокровищемъ православія, наслѣдованнаго нами отъ нихъ, и беречь это наслѣдіе въ неприкосновенномъ видѣ, не увлекаясь вѣтромъ лжеученій и раскола.—Ревность по вѣрѣ православной должна соединяться въ насъ съ ревностію о святости житія. Мы должны тщиться быть святыми во всѣхъ поступкахъ не только по примѣру призвавшаго насъ Святаго (1 Пет. 1, 15), но и по ближайшему къ намъ примѣру родныхъ намъ московскихъ святыхъ, почивающихъ среди насъ въ своихъ тѣлесахъ и прославленныхъ на небесахъ, слѣдую наставленію апостола: *толикъ имуще облежашъ насъ облакъ свидѣтелей, гордость всяку отложше и запинаящій насъ грѣхъ, терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ святости* (Евр. 12, 1). И не одни угодники московскіе, но вообще древніе обитатели Москвы оставили намъ добрый примѣръ своею жизнію. Возьмемъ дѣла ихъ милосердія въ отношеніи къ живымъ и умершимъ. Мысль, что въ лицѣ ближнихъ мы служимъ самому Христу, имѣла такую силу надъ умами нашихъ предковъ, что даже высокопоставленныя лица не брезгали лично ухаживать за больными, какъ бы ни были злокачественны ихъ болѣзни. Царь Алексѣй Михайловичъ цѣловалъ даже руки у такихъ. Участіе къ умершимъ съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ проявлялось въ погребеніи нищихъ и безродныхъ въ такъ-называемыхъ убогихъ домахъ или кладбищахъ. Особенно московскіе наши предки ревновали о соблюденіи церковныхъ порядковъ. И въ настоящее время Москва славится обиліемъ храмовъ, что впрочемъ и неудивительно при обиліи народонаселенія, съ каждымъ годомъ возрастающаго. Но въ старину, напримѣръ въ допетровскія времена, жителей Москвы было втрое—вчетверо меньше, чѣмъ въ наше время, и однакожь храмовъ было тогда въ Москвѣ гораздо

больше, чѣмъ теперь. Чтò это доказываетъ, какъ не то, что потребность въ храмахъ чувствовалась тогда живѣе, чѣмъ теперь, что ревность къ посѣщенію церковнаго богослуженія была тогда сильнѣе, чѣмъ теперь, что слѣдственно наши предки были богомольнѣе насъ? Усердіе къ храму Божию такъ было велико, что не только праздничныхъ, но и будничныхъ церковныхъ службъ не пропускали и выстаивали ихъ до конца, какъ бы онѣ ни были продолжительны, даже люди связанные многосложными житейскими и государственными занятіями. Царь Алексѣй Михайловичъ удивлялъ православныхъ грековъ, приходившихъ въ Москву за милостынею, тѣмъ, что въ зимніе лютые морозы по пяти часовъ выстаивалъ съ своими придворными въ петопленномъ Успенскомъ соборѣ,—что въ полночь поднимался съ постели и спѣшилъ къ утренней службѣ,—что строго слѣдилъ за благочиніемъ церковнаго богослуженія и дѣлалъ вслухъ выговоры клирикамъ за погрѣшности противъ церковнаго устава.—Уставъ о постахъ древніе обитатели Москвы такъ строго соблюдали, что даже въ болѣзни не разрѣшали на скоромную пищу.—И какъ сами устроили свою жизнь по церковному, такъ и дѣтей воспитывали въ строго-церковномъ духѣ.

Воспоминанія о благочестіи русскихъ людей, какъ оно проявлялось вездѣ, преимущественно же въ Москвѣ, имѣютъ обличительное значеніе для нашего времени. Не изсякло и теперь среди насъ благочестіе; но справедливость требуетъ сказать, что въ наше время оно не такъ распространено, не представляетъ такого общаго явленія, какъ въ старину. Въ старину въ отношеніи къ благочестію не было различія между людьми книжными и некнижными,—тѣ и другіе одинаково ревновали по благочестію, одинаково почитали себя обязанными къ тому, одинаково вмѣняли себѣ въ честь быть послушными сынами Церкви. Въ наше время этого общаго уровня въ отношеніи къ дѣламъ благочестія не замѣчаемъ. Оно господствуетъ въ массахъ простыхъ людей, покуда неиспорченныхъ лож-

нымъ просвѣщеніемъ, хотя и здѣсь начинается ослабѣвать, но изсякло въ средѣ людей вкусившихъ ложнаго просвѣщенія, число которыхъ въ кругу книжныхъ людей все болѣе увеличивается. Наши мнимо-образованные люди рѣзко отдѣляются отъ прочихъ отсутствіемъ страха Божія, неуваженіемъ къ церковнымъ порядкамъ, не соблюдаютъ постовъ, не признаютъ различія между праздниками и буднями, стыдятся осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, даже глумятся надъ людьми, устроющими жизнь по руководству Церкви, обзываютъ ихъ отсталыми, не принимаютъ отъ священниковъ благословенія, брезгаютъ духовнымъ чтеніемъ, говоря, что не находятъ въ немъ ничего новаго для себя, и тому под. Одни уклоняются отъ внѣшнихъ дѣлъ благочестія потому, что ни во что не вѣрують, другіе признаютъ себя вѣрующими, но уклоняются отъ нихъ подъ предлогомъ духовнаго служенія Богу. Ревнуя о духовномъ служеніи, они внѣшніе подвиги благочестія называютъ фарисействомъ, не различая сердечнаго служенія Богу посредствомъ такихъ подвиговъ отъ притворнаго.

По видимому современные русскіе люди не отстаютъ отъ своихъ предковъ въ дѣлахъ любви къ ближнимъ и милосердія. Милосердіе къ нуждающимся въ помощи проявляется среди насъ въ широкихъ размѣрахъ особенно во время общественныхъ бѣдствій, напримѣръ въ современную войну. Въ пользу раненыхъ мы охотно жертвуемъ и личными услугами, и деньгами, и вещами: Къ сожалѣнію, у насъ къ святому дѣлу благотворенія примѣшивается во многихъ случаяхъ нѣчто такое, чего ни за что не одобрилъ бы въ насъ древній русскій человѣкъ, и чего дѣйствительно никто изъ разсуждающихъ по-христіански одобритъ не можетъ. Мы разумѣемъ обычай устроить въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ воиновъ концерты, гулянья, праздники, веселить на нихъ публику непристойными плясками, пѣснями, также издавать и распространять въ пользу ихъ плясовыя пѣсни. Обычай достой-

ный осужденія! Слово Божіе учитъ насъ плакать съ плачущими, и утѣшать бѣдствующихъ, а не веселиться и тѣшить самихъ себя подъ предлогомъ желанія сдѣлать для нихъ доброе дѣло. Доброе дѣло теряетъ цѣну въ очахъ Божіихъ, когда оно дѣлается по такому нечистому побужденію, какъ угожденіе самолюбію и страсти къ чувственнымъ удовольствіямъ. Но и независимо отъ того, въ пользу ли бѣдствующихъ устроятся разныя увеселенія, или для одного личнаго развлеченія,—такое ли время теперь, чтобы веселиться? Война ожесточается, бѣдствія ея умножаются, жертвы требуемая ею неисчислимы, исходъ ея неизвѣстенъ: все это должно побуждать насъ не къ беззаботному веселію, а къ смиренію предъ Богомъ и покаянію, для умилостивленія Господа, прогнѣвляемаго нашими грѣхами. Бѣдствіе общественное,—и покаяніе должно быть общественнымъ.

Русскіе люди въ старину, какъ мы сказали, живя въ страхѣ Божіемъ, воспитывали и дѣтей въ страхѣ Божіемъ. Имъ подражаютъ и современные по-христіански разсуждающіе отцы, матери и педагоги. Но многіе въ наше время не такъ разсуждаютъ. Страхъ Божій они не признаютъ началомъ премудрости, и почитаютъ его даже совершенно излишнимъ въ дѣлѣ воспитанія. Дѣтей, по ихъ словамъ, слѣдуетъ учить одной любви къ Богу: зачѣмъ запугивать ихъ Богомъ? Пусть они знаютъ Бога, какъ только чадолюбиваго и снисходительнаго Отца. — Разсужденіе благовидное, но въ сущности не христіанское. Въ немъ скрывается задняя мысль, что не слѣдуетъ бояться нарушенія заповѣдей Божіихъ, — Богъ не взыщетъ за это,—вѣдь Онъ безконечная любовь. Только будто ригористы твердятъ, что Онъ строгій и неумолимый судія и что нельзя безнаказанно грѣшить и упорствовать во грѣхахъ. Притомъ будто не все то грѣхъ, что они почитаютъ грѣхомъ. Напримѣръ плотской грѣхъ есть, говорятъ, только удовлетвореніе естественной потребности. Здѣсь надоб-

но опасаться не грѣха, а вреда для здоровья въ случаѣ немѣреннаго удовлетворенія.—Какъ ни дики такія нечестивыя разсужденія, однакожь они съ успѣхомъ распространяются повсюду и встрѣчаютъ сочувствіе даже въ такомъ православномъ городѣ, какъ Москва, и мало-по-малу вытѣсняють изъ ней наслѣдованныя отъ благочестивыхъ предковъ правила воспитанія дѣтей въ страхѣ Божиемъ въ соединеніи съ любовію къ Богу. Горькій плодъ отступленія отъ этихъ правилъ не замедлилъ показаться. Нынѣ дѣти въ 12—15 лѣтъ, воспитываемыя не въ страхѣ Божиемъ, знакомятся съ грѣхами, о которыхъ и понятія не имѣли прежде въ этомъ возрастѣ.

Зло нехристіанскихъ обычаевъ и возрѣвній, допускаемыхъ въ такомъ городѣ, который по своему значенію въ церковной жизни долженъ служить примѣромъ благочестія для другихъ городовъ и областей, тѣмъ достойнѣе плача, что оно изъ Москвы не можетъ не распространяться повсюду за предѣлы ея. Это неизбѣжно потому, что Москва, какъ средоточіе церковной жизни, а главное, какъ средоточіе промышленности и торговли, какъ столица самостоятельнаго общественнаго мнѣнія, привлекаетъ на себя взоры всей Россіи,—и не одни взоры,—сюда стекаются со всѣхъ краевъ нашего отечества кто по дѣламъ, кто по желанію нескучно провести время. Этимъ обстоятельствомъ Москва могла бы пользоваться для распространенія добраго христіанскаго вліянія во всѣ концы русской земли. Въ отношеніи къ нимъ она должна занять положеніе, въ какомъ, по слову Христа Спасителя, должны быть Апостолы въ отношеніи къ міру: „вы есте свѣтъ міра. Тако да просвѣтитса свѣтъ вапъ предъ челоуѣки, яко да видять ваша добрыя дѣла и прославять Отца вашего, иже на небесѣхъ“ (Мат. 5, 14. 16). Подобное просвѣтительное значеніе имѣли въ христіанской древности пѣкоторые города: Іерусалимъ, Антиохія, Александрія, Ефесъ, Римъ, Кесарія. Въ этихъ городахъ свято хри-

ними были апостольскія преданія, процвѣтала христіанская вѣра и жизнь. Поэтому учителя Церкви, для вразумленія нѣкоторыхъ, посылали ихъ въ эти города, говоря: сгупай и посмотри, какъ тамъ вѣруютъ, живутъ и спасаются, — и самъ такъ вѣруй, живи и спасайся. О подобной чести долженъ ревновать и нашъ царствующій городъ въ отношеніи къ пріѣзжающимъ сюда по надобности и безъ надобности. Пріѣхалъ напримѣръ иной въ Москву для закупки товаровъ; кстати онъ могъ бы сдѣлать здѣсь другую — духовную куплю, могъ бы застаться здѣсь добрыми нравственными впечатлѣніями. По возвращеніи домой онъ могъ бы рассказать домашнимъ и знакомымъ не о томъ только, какъ идутъ въ Москвѣ торговля дѣла, но вмѣстѣ о томъ, какъ жители ея преданы вѣрѣ, набожны, безкорыстны, добросовѣстны, челоуѣколюбивы, какъ они благовѣйны предъ святынею, и съ какимъ усердіемъ притекаютъ къ ней для освященія себя. Подобные рассказы могли бы имѣть доброе вліяніе на слушателей, ибо рѣчь шла бы не объ отвлеченныхъ предметахъ, а о живыхъ образцахъ вѣры и благочестія, вразумительныхъ для всякаго. Но горе намъ, живущимъ здѣсь, если пріѣзжающіе къ намъ не выносятъ отъ насъ ничего назидательнаго, — если въ нихъ остается память только о нашемъ гостепримствѣ и о разныхъ общественныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ, которыми такъ богата Москва, также о нехристіанскихъ обычаяхъ, все болѣе забирающихъ надъ нами власть, — если изъ сердца Россіи, какъ называется Москва, разносится повсюду одинъ только соблазнъ! Кому неизвѣстно, какую тяжкую отвѣтственность принимаютъ на себя соблазнители? — Они будутъ отвѣчать предъ Богомъ не за себя только, но и за соблазненныхъ ими, за увлеченныхъ ими въ грѣхъ. Да избавитъ насъ Господь отъ искушенія впадать въ эту тяжкую вину. Въ отношеніи къ намъ тяжесть ея увеличивается тѣмъ, что живя въ средоточіи церковной жизни, окруженные со всѣхъ сто-

ронъ святынею и памятниками древняго благочестія, мы обладаемъ гораздо большими удобствами къ жизни благочестивою и для всѣхъ назидательной. Кому много дано, съ того много взыщется. Аминь.

Прот. В. Нечаевъ.

ВОДЫ СВ. ЗЕМЛИ.

Мертвое море.

Различныя наименованія Мертваго моря.—Географическое положеніе.—Уровень Мертваго моря по сравненію съ уровнемъ моря Средиземнаго.—Берега Мертваго моря—восточный и западный; общій характеръ ихъ; древесныя остатки и минералы, встрѣчающіеся на нихъ; мѣстности на восточномъ и западномъ берегахъ моря, обращающія на себя особенное вниманіе: источникъ *Джиди* (Аіпт-Джиди), *Соляная гора* (Джебсль-Усдумъ), полуостровъ *ель-Лизанъ*.—Сѣверный и южный берега Мертваго моря; особенности этихъ береговъ; возвышенности Акраввитскія.—Длина, ширина и глубина Мертваго моря.—Воды Мертваго моря; цвѣтъ, вкусъ, необыкновенная тяжесть водъ Мертваго моря; отсутствіе въ водахъ моря живыхъ существъ; обиліе соли въ водахъ моря и соляныя отложенія на морскихъ берегахъ; асфальтъ, появляющійся на поверхности моря; испареніе водъ Мертваго моря; громадность испаренія; явленія, стоящія въ связи съ испареніемъ.—Ложныя и превеличенныя представленія прежнихъ временъ объ испареніяхъ Мертваго моря и о немъ самомъ.—Общее впечатлѣніе, производимое Мертвымъ моремъ и его берегами.—Замѣтка о судоходствѣ по Мертвому морю.—Упомянутіе о Мертвомъ морѣ въ кн. Бытія въ связи съ повѣствованіемъ о погибеліи городовъ Сиддимской долины; мнѣнія о возникновеніи Мертваго моря въ связи съ истребленіемъ Сиддимской долины; вѣроятнѣйшее изъ нихъ; всеобщность преданія о погибеліи Содома и другихъ городовъ Сиддимской долины; такъ называемое содомское дерево и содомскіе плоды; гигантская асклепія и ея плоды, нѣсколько напоминающіе плоды содомскіе, кратко описанныя Іосифомъ Флавіемъ.—Упомянутія о Мертвомъ морѣ въ прочихъ библейскихъ книгахъ.

Въ библейскихъ книгахъ Мертвое море упоминается подъ различными наименованіями; именно оно называется въ нихъ *моремъ Соленымъ* (Быт. 14, 3; Числ. 34, 3. 12;

І. Нав. 15, 2. 5; 18, 19), *моремъ равнины*, или, по славянской Библии, *Аравскимъ* (Второз. 4, 49; 4 Царст. 14, 25) и *моремъ восточнымъ* (Іезек. 47, 18; Іоила 2, 20; Зах. 14, 8). Первые два наименованія употребляются въ Библии по отношенію къ Мертвому морю иногда и вмѣстѣ (Второз. 3, 17; І. Нав. 3, 16; 12, 3).—Іосифъ Флавій и нѣкоторые другіе изъ древнихъ писателей называли Мертвое море Асфальтовымъ (Joseph. В. J. 3, 10, 7 и др.); между современными Арабами оно извѣстно подъ именемъ *Лотова моря* (Баръ-Лютъ, Bahr Luts). Общеупотребительное теперь названіе „Мертвое море“ встрѣчается и у нѣкоторыхъ древнихъ писателей, какъ напр. у Евсевія (Onomast.) и Иеронима (Comment. in Ezech. 47).

Изъ библейскихъ названій Мертваго моря первое указываетъ на выдающееся свойство водъ моря; два послѣднія—на его географическое положеніе. Древніе называли море Асфальтовымъ, потому что на его поверхности появлялись, какъ и теперь появляются, массы асфальта; современное арабское названіе обязано своимъ происхожденіемъ сохранившемуся между Арабами преданію о Лотѣ, племянникѣ патріарха Авраама. Наконецъ *Мертвымъ* названо море потому, что въ его водахъ не существуетъ ничего живаго.

Мертвое море находится на юго-восточныхъ предѣлахъ древней Палестины въ той низменной полосѣ земли, въ которой расположены озера Меромское и Геннисаретское и которая обыкновенно называется *ель-Горомъ*. Между Геннисаретскимъ озеромъ и Мертвымъ моремъ лежитъ Іорданская долина и Мертвое море служитъ какъбы южнымъ продолженіемъ этой равнины.

Мертвое море принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ на земномъ шарѣ водовмѣстилищъ какъ по своему необычайному углубленію въ пѣдра земли, такъ и по особенностямъ своихъ береговъ и водъ.

Ложемъ Мертваго моря служитъ глубочайшая на землѣ впадина, такъ что уровень его находится ниже уровня

Средиземнаго моря болѣе нежели на 170 сажень. Въ этомъ отношеніи описываемое море представляетъ собою исключительное явленіе на земной поверхности, по скольку послѣдняя въ настоящее время извѣстна.

Восточный берегъ Мертваго моря составляютъ горы Аваримскія, западный—горы Іудины. Тѣ и другія идутъ вдоль морскихъ окраинъ параллельно отъ сѣвера къ югу и служатъ непосредственнымъ продолженіемъ тѣхъ возвышенностей, которыя съ востока и запада ограничиваютъ Іорданскую равнину. Общій характеръ горъ Аваримскихъ и Іудиныхъ уже извѣстенъ намъ. Это, со стороны моря, очень высокія, почти отвѣсныя скалы, состояція главнымъ образомъ изъ известняка желтоватаго по большей части цвѣта, лишенныя растительности, изрѣзанныя глубокими ущельями и оврагами. На западномъ берегу между подошвами скалъ и водой тянется узкая полоса плоской земли, что даетъ возможность приближаться къ самому морю и слѣдовать близъ его окраины. Эта полоса на всемъ протяженіи западнаго берега только дважды прерывается скалами, которыя выступаютъ своими подошвами непосредственно въ море. Скалы эти называются *Расъ-Фешха* (Ras-Feschchak Ieshkhah) и *ель-Мерседъ* (el-Mersed). Подобная же полоса земли тянется и по восточному берегу, начиная съ южной оконечности моря до южнаго берега полуострова ель-Лизана. Но на сѣверъ отъ этого полуострова скалы стоятъ отвѣсно прямо надъ моремъ. Эта окаймляющая море съ запада и отчасти съ востока береговая полоса усѣяна древесными остатками, иногда очень значительныхъ размѣровъ, которые заносятся въ море Іорданомъ и горными потоками и затѣмъ выбрасываются волнами; затѣмъ на ней попадаютъ куски различныхъ минераловъ, какъ-то: асфальта (асфальтъ, впрочемъ, попадаетъ очень рѣдко), сѣры, селитры, пемзы, такъ называемаго вонючаго камня и другихъ. Вонючій камень—это черный блестящій камень, воспламеняющійся на огнѣ и издающій при этомъ запахъ асфальта. Онъ хорошо принимаетъ по-

лировку и изъ него въ Іерусалимѣ и Внолеемѣ пригото- вляютъ четки и различныя бездѣлушки, которыя во мно- жествѣ раскупаются паломниками. Впрочемъ нѣкоторыя изъ названныхъ минераловъ, какъ напр. селитра и дре- весные остатки, встрѣчаются также на сѣверномъ и юж- номъ берегахъ.

На восточномъ и западномъ берегахъ Мертваго моря находится нѣсколько пунктовъ, невольно останавливающихъ на себѣ вниманіе по своимъ особенностямъ. Эти пункты: источникъ *Джиди* (Айнъ-Джиди), *Соляная гора* (Джебель Усдумъ) на западномъ берегу и полуостровъ *ель-Лизанъ* на восточномъ.

Источникъ *Джиди* беретъ начало въ известковой скалѣ на высотѣ почти сорока сажень надъ поверхностію Мерт- ваго моря. Тамъ, гдѣ источникъ вырывается на свободу, скала образуетъ небольшой уступъ, на подобіе узкой тер- расы. Шумнымъ и многоводнымъ потокомъ сбѣгаетъ источ- никъ по крутому склону скалы, направляясь прямо къ морю. Теченіе потока скрыто, особенно въ началѣ, густою растительностію. Многочисленныя деревья и кустарники стоятъ по обоимъ берегамъ потока у самыхъ его водъ; пространства между деревьями и кустарниками заняты сплошь высокимъ тростникомъ, который дѣлаетъ эту рас- тительную чащу едва проходимою. Между растеніями, скрывающими своей листвою и вѣтвями источникъ *Джиди*, замѣчательно *Сейалъ* (Seyal—Арабск. названіе), достав- ляющее *Гумми Арабикумъ*, колючій Египетскій *Нубкъ* (Nubk—Лотось), такъ называемый *Фустакъ* (Fustah),—де- рево съ прекрасными длинными кистями бѣлыхъ цвѣтовъ. По скатамъ скалы, прилегающимъ къ потоку, замѣтны слѣ- ды воздѣланныхъ участковъ земли и садовъ, разводивших- ся здѣсь когда-то на нарочно устроенныхъ для этого тер- расахъ. Сбѣжавъ со скалы, потокъ *Джиди* продолжаетъ свой путь по небольшой равнинѣ, которая отъ подошвы скалы постепенно склоняется, на протяженіи четверти ча- са пути, къ водамъ Мертваго моря. Равнина эта имѣетъ

форму почти правильнаго четырехугольника и съ сѣвера и юга ограничивается двумя узкими ущельями, глубоко прорѣзывающими прибрежныя скалы. На сѣверной границѣ этой равнины надъ ущельемъ стоитъ скала *Ель-Мерседъ* (el-Mersed), едва ли не самая высокая и самая недоступная на всемъ западномъ берегу; она вдается своею подошвою въ Мертвое море и совершенно преграждаетъ путь, идущій по окраинѣ морскаго берега. Потокъ *Айнъ-Джиди*, проходя по равнинѣ, всасывается мало-по-малу ея сухою почвою и наконецъ вовсе исчезаетъ, не достигнувъ моря. Равнина очень плодородна и при заботливомъ воздѣльваніи могла бы производить самыя цѣнныя растенія теплаго климата. Правда, она воздѣляется въ настоящее время въ орошаемыхъ потокомъ мѣстахъ; но воздѣрывающіе ее Арабы ограничиваются лишь разведеніемъ огородовъ, которые засаживаются преимущественно огурцами.

Современное наименованіе потока: *Айнъ-Джиди* сохранило звуки наименованія древняго, библейскаго *Енъ-Гадди* и удержало значеніе этого послѣдняго; оба наименованія—и современное и древнебиблейское—значать одно и то же: источникъ козъ. И не подлежитъ сомнѣнію, что на небольшой равнинѣ, по которой протекаетъ нынѣ *Айнъ-Джиди*, стоялъ нѣкогда городъ *Енъ-Гадди*, бывшій въ числѣ тѣхъ шести городовъ, которые находились въ пустынѣ и были назначены въ удѣлъ колѣну Іудину (I. Нав. 15, 61. 62). Древніе обитатели *Енъ-Гадди* не оставляли безъ вниманія плодородныхъ окрестностей своего города: они тщательно воздѣльвали ихъ и въ библейскія времена Енгодскіе виноградники славились по всей Палестинѣ. Объ этихъ виноградникахъ упоминаетъ возлюбленная Пѣсни Пѣсней; описывая красоту своего жениха, она говоритъ между прочимъ: „какъ кисть кипера, возлюбленный мой у меня въ виноградникахъ Енгодскихъ“ (Пѣснь Пѣсн. 1, 13). По свидѣтельству I. Флавія (Древн. IX, 1, 2) городъ *Енъ-Гадди* былъ извѣстенъ также опо-

бальзамомъ и прекрасными пальмовыми деревьями; но въ настоящее время пальмъ въ окрестностяхъ *Айнъ-Джиди* не существуетъ.

Вода источника *Айнъ-Джиди* прозрачна, пріятна на вкусъ, но тепла: ея температура равна почти 22 градусамъ по Реомюру.

Источникъ *Джиди* находится почти по срединѣ западной береговой линіи Мертваго моря.

Соляная гора составляетъ южную оконечность западнаго гористаго берега Мертваго моря; отъ ея подошвы морской берегъ, сохранявшій доселѣ южное направленіе, уклоняется сначала на юговостокъ, затѣмъ на востокъ, и образованная этими уклоненіями линія составляетъ уже южную границу моря. Соляная гора есть собственно небольшой горный хребтъ, стоящій отдѣльно отъ другихъ сосѣднихъ горъ и имѣющій въ длину отъ сѣвера къ югу около двухъ съ половиною часовъ пути (Robinson, Paläst., III, S. 24; Baedeker's Palaest. und Syrien, S. 301)*). Незначительная полоса земли шириною въ нѣсколько сотъ шаговъ отдѣляетъ этотъ хребтъ отъ моря. Гребень хребта—зубчатый; высота не на всемъ протяженіи одинакова; она колеблется между 15-ю и 20-ю саженими; какъ западный, такъ и восточный его склоны очень круты. Замѣчательная особенность Соляной горы—та, что она, соответственно своему названію, состоитъ главнымъ образомъ изъ чистой каменной соли. Правда, верхнія части горы покрыты слоями известняка и мергеля, такъ что на первый взглядъ она ничѣмъ не отличается отъ другихъ горъ и скалъ; но по ея склонамъ массы соли часто выступаютъ наружу громадными по своему протяженію и высотѣ пластами. Пласты эти глубоко и по всѣмъ направленіямъ изрѣзаны потоками зимнихъ дождей. По временамъ, подъ дѣйствіемъ

*) Впрочемъ относительно длины этого солянаго хребта существуютъ разпорѣчивыя показанія; такъ напримеръ Фурреръ опредѣляетъ его длину только въ полтора часа. Schenkel's Bibellexikon, IV, 155.

этихъ же дождей, отъ верхнихъ частей горы отламиваются очень значительныя по своему объему глыбы каменной соли и скатываются къ ея подошвамъ, особенно въ сторону моря. Эти соляныя обломки, въ безпорядкѣ разбросанныя на морскомъ берегу, имѣютъ видъ небольшихъ скалъ. Вершины горы и тѣ части ея склоновъ, которыя безпрепятственно размываются дождями, отличаются причудливостію и нерѣдко фантастичностію формъ. Путешественникъ обзрѣвающій гору видитъ предъ собой подобіе столбовъ, кочевыхъ палатокъ или человѣческихъ фигуръ. Формы эти, впрочемъ, очень неустойчивы; онѣ, размываемыя дождевою водою, то замѣняются другими, то вовсе, съ теченіемъ времени, исчезаютъ.—Въ Соляной горѣ въ двадцатиминутномъ разстояніи отъ южной ея оконечности находится пещера. Эту пещеру посѣтилъ и описалъ Робинзонъ. Входъ въ пещеру, высотой отъ полтора до двухъ сажень, имѣетъ неправильную форму. Самая пещера напоминаетъ собою узкое извилистое ущелье. Слѣдуя по ней, Робинзонъ проникъ во внутренность горы приблизительно на 50 сажень. Сводъ, бока и основаніе пещеры состоятъ изъ чистой каменной соли. Это обстоятельство служитъ яснымъ доказательствомъ того, что каменная соль составляетъ главную массу горы, начиная отъ ея основанія и до вершины.

Библія ничего не говоритъ о Соляной горѣ, но упоминаетъ о ея окрестностяхъ, и именно о такъ называемой долинѣ соляной. Въ долинѣ соляной Давидъ съ помощью своихъ полководцевъ Иоава и Авессы нанесъ пораженіе Сирійцамъ, или точнѣе Идумеянамъ (2 Царст. 8, 13, ср. 1 Парал. 18, 12; Пс. 59, 2). Позднѣе въ этой же долинѣ и также надъ Идумеями одержалъ побѣду Амасія, царь Іудейскій (4 Царст. 14, 7). Долину соляную слѣдуетъ искать къ югу отъ Соляной горы и Мертваго моря. По всей вѣроятности долиною соляною въ древности называлась часть Ель-гора, примыкающая къ южной оконечности моря. Вѣроятно также, что въ ближайшихъ окрестностяхъ Соляной

горы, находился соляной городъ (*Иръ-Мелакъ*), упоминаемый въ кн. I. Навина 15, 62 въ числѣ городовъ колѣна Иудина.

Къ числу наиболѣе выдающихся пунктовъ на восточныхъ берегахъ Мертваго моря принадлежитъ полуостровъ *ель-Лизанъ*. Полуостровъ этотъ низменный, длинный (въ направленіи съ сѣвера къ югу) и узкій, находится въ южной половинѣ моря; широкій, плоскій перешеекъ соединяетъ его съ материкомъ. Сѣверная оконечность полуострова далеко уходитъ въ море на сѣверъ узкою полосой; вдается нѣсколько въ море, въ южномъ направленіи, и южная оконечность полуострова. Вдоль всего полуострова, отъ сѣвера къ югу, проходитъ непрерывная гряда незначительныхъ по высотѣ холмовъ, состоящихъ изъ смѣшенія известняка и шифера. Восточные и западные склоны этихъ холмовъ очень круты и изрѣзаны оврагами; ихъ вершина имѣетъ форму острыхъ трехъугольныхъ пикъ, которыя, на нѣкоторомъ разстояніи представляются правильнымъ рядомъ одна за другою слѣдующихъ бѣлыхъ палатокъ. Вся эта холмистая гряда совершенно обнажена, такъ какъ масса, изъ которой она состоитъ, рѣшительно не благопріятствуетъ развитію растительной жизни. Между холмами и моремъ лежитъ плоская песчаная полоса земли, подобно холмамъ лишенная растительности, и составляетъ западный берегъ полуострова. Перешеекъ, соединяющій полуостровъ съ материкомъ, рѣзко отличается, на всемъ своемъ пространствѣ, отъ полуострова, по своимъ естественнымъ свойствамъ. Обильно орошаемый нѣсколькими потоками, онъ отличается необыкновеннымъ плодородіемъ почвы. Нѣкоторыя его части воздѣлываются живущими на немъ, въ небольшомъ сселеніи, Арабами; невоздѣланныя пространства покрыты густою растительностью, состоящею изъ деревьевъ и кустарниковъ разныхъ породъ; въ чащѣ этихъ деревьевъ и кустарниковъ водится множество зайцевъ и куропатокъ. Ширина перешейка равняется, въ направленіи отъ сѣвера къ югу, двумъ часамъ пути; западный берегъ полуострова,

представляющей собою прямую линию, безо всяких замѣтныхъ изгибовъ, имѣеть вдвое большее протяженіе. Вдаваясь въ воды Мертваго моря по направленію къ западу на очень значительное разстояніе, полуостровъ дѣлитъ море на двѣ части—сѣверную бѣльшую и южную меньшую. Арабское названіе полуострова *ель-Лизанъ* значитъ языкъ. О полуостровѣ въ библейскихъ книгахъ не упоминается.

Кромѣ описаннаго полуострова, на восточныхъ берегахъ Мертваго моря заслуживаютъ вниманія, по своей живописности, устья потока Арнона. Ихъ посѣтилъ и подробно описалъ Зееценъ. Съ описаніемъ Зеецена мы отчасти знакомы.

Рѣзкую противоположность съ западными и восточными берегами Мертваго моря представляютъ его берега сѣверные и южные: первые состоятъ изъ высокихъ, по большей части, отвѣсныхъ скалъ, послѣдніе совершенно плоски и имѣють самое незначительное возвышеніе надъ морскимъ уровнемъ, что особенно слѣдуетъ замѣтить о южномъ берегѣ. Та часть *ель-Гора*, которая примыкаетъ къ южной оконечности Мертваго моря, едва поднимается надъ уровнемъ морскихъ водъ и въ средней своей части, а также въ западной, прилегающей отчасти къ подошвамъ Соляной горы, нерѣдко затопляется моремъ. Это бываетъ обыкновенно въ зимнее время, когда въ море вливаются дѣльныя массы дождевой воды, приносимой какъ Иорданомъ, такъ и многочисленными горными потоками. Затопляемая моремъ пространства никогда окончательно не просыхаютъ и представляютъ собою болотистую, трудно-проходимую, лишенную всякой растительности и пропитанную солью мѣстность. Примыкающая къ южному берегу Мертваго моря часть *ель-Гора* сохраняетъ свой низменный характеръ на пространствѣ десяти верстъ по направленію къ югу и затѣмъ упирается въ подошвы скалъ, тянущихся почти непрерывною линіей съ югозапада на сѣверовостокъ. Скалы эти, состояція изъ мѣла и затвердѣвшаго мергеля, круты, но не отвѣсны; ихъ высота колеблется между

семью и двадцатью саженьями; въ верхней своей части онѣ изрѣзаны оврагами; вдоль ихъ подошвъ изъ почвы пробиваются ключи съ соленою водою, которая обращаетъ окрестную низменность въ болото, густо покрытое тростникомъ, частію кустарниками и деревьями. Гряда этихъ скалъ, имѣющая въ длину болѣе двѣнадцати верстѣ, служить раздѣлительною линіей между собственно ель-Горомъ и южнымъ его продолженіемъ, называемымся *Вади-ель-Араба*. По мнѣнію Робинзона (III, 46), очень вѣроятному, описываемыя скалы суть тѣ возвышенности Акравимъ, которыя упоминаются въ библейскихъ книгахъ и которыя составляли крайній восточный пунктъ южной границы св. земли (Числ. 34, 4; I. Нав. 15. 3; Суд. 1, 36).

Мертвое море имѣетъ въ длину, отъ сѣвера къ югу, 16 часовъ пути; полуостровъ *ель-Лизанъ*, далеко вдающійся въ море, въ направленіи съ востока на западъ, раздѣляетъ его, какъ уже сказано, на двѣ части—сѣверную и южную, изъ коихъ первая вчетверо болѣе послѣдней. Море имѣетъ въ ширину отъ 2½ до 3½ часовъ; что же касается пролива, соединяющаго обѣ части моря, то ширина его едва равняется одному часу. Глубина моря очень различна; такъ въ сѣверной части нѣкоторыя мѣста имѣютъ болѣе 170 сажень глубины; между тѣмъ глубина южной части не превышаетъ нѣсколькихъ аршинъ, а по мѣстамъ такъ незначительна, что даетъ иногда возможность переходить море въ бродъ.

Вода Мертваго моря имѣетъ зеленоватый цвѣтъ и не отличается особенною прозрачностью; если смотрѣть на предметы, опущенные въ нее, то они представляются какъбы пущенными въ масло. Вкусъ воды крайне соленый и крайне непріятный; удѣльный вѣсъ ея очень высокъ; она тяжелѣе нежели всякая другая извѣстная намъ вода. Крайне непріятный вкусъ и необыкновенная тяжесть воды Мертваго моря обуславливаются тѣмъ, что въ ней растворено громадное количество различныхъ солей и вообще минеральныхъ веществъ, такъ что, по справедливому замѣ-

чанію одного изъ современныхъ русскихъ путешественниковъ, ее можно считать чѣмъ-то среднимъ между жидкостью и камнемъ *). Обиліе минераловъ въ морѣ можетъ быть объяснено, между прочимъ, тѣмъ, что въ него вливаются отовсюду многочисленные минеральные источники, между которыми особенно много соленыхъ. Не мало минеральныхъ частицъ доставляется также минеральными ключами, находящимися на днѣ моря. Очень можетъ быть также, что морское дно, по мѣстамъ, покрыто разнаго рода минералами, которые, мало-по-малу растворяясь, насыщаютъ собою морскую воду. Вслѣдствіе тяжести воды въ Мертвомъ морѣ, на ея поверхности держатся такіа тѣла, которыя тонуть въ обыкновенной водѣ. Путешественники, которымъ приходилось купаться въ морѣ, свидѣтельствуютъ, что имъ не стоило ни малѣйшаго усилія держаться на поверхности моря въ какомъ угодно положеніи **) и что напротивъ съ ихъ стороны требовались усилія для того, чтобы погрузиться въ воду. Отъ тяжести воды въ Мертвомъ морѣ происходитъ и то, что оно рѣдко волнуется, а будучи взволновано скоро успокаивается. Обыкновенные лѣтніе вѣтры, способные взволновать всякую другую водную поверхность, лишь слегка рябятъ Мертвое море и нуженъ самый сильный бурный вѣтеръ, чтобы поднять на немъ волненіе, а также и поддержать его; прекращается вѣтеръ и громадныя тяжелыя волны быстро упадаютъ, такъ что чрезъ двадцать

*) Олесницкій, „Св. земля“. Труды к. д. Академіи, 1876 г., янв. стр. 104.

**) Робинзонъ рассказываетъ, что онъ могъ въ водахъ Мертваго моря, безъ затрудненія, сидѣть, стоять, лежать и плавать, хотя до того времени не въ состояніи былъ плавать ни въ прѣсной, ни въ соленой водѣ. Купанье въ морѣ освѣжаетъ, но также сопровождается не совсѣмъ пріятными послѣдствіями; такъ послѣ купанья ощущается легкій зудъ, если на кожѣ есть ссадины; искупавшійся довольно долгое время послѣ купанья чувствуетъ, что его тѣло какъбы покрыто масломъ, и т. п. (Robinson, Paläst. II, 444. Furrer, Paläst. S. 158). Долгое пребываніе въ водѣ Мертваго моря сопровождается появленіемъ на тѣлѣ нарывовъ.

минуть взволнованное море становится совершенно спокойнымъ. Но не легко вздымаемая и скоро упاداющія волны Мертваго моря очень опасны для плывущаго по нимъ судна; съ силою ударяють онѣ въ его бока и ему трудно выдерживать продолжительное время эти удары, подобные ударамъ кузнечныхъ молотовъ (Robinson, Physisch. Geogr. des N. Landns 213).

Вслѣдствіе насыщениа водъ Мертваго моря минеральными частицами, въ немъ отсутствуетъ всякая жизнь. Въ немъ нѣтъ ни растений, ни животныхъ хотя бы низшихъ породъ. Рыба, случайно заходящая въ него изъ Іордана, скоро умираетъ, не имѣя возможности свободно дышать въ его водѣ. Правда, нѣкоторыми путешественниками на берегахъ моря были находимы улитки; но по тщательномъ изслѣдованіи онѣ оказывались земляными. Такимъ образомъ описываемое нами море по справедливости получило названіе „Мертваго“.

Будучи насыщено различнаго рода минералами, Мертвое море особенно изобилуетъ солью; вслѣдствіе этого его воды отлагають соль въ большомъ количествѣ на всемъ, что соприкасается съ ними. На платьѣ, обрызганномъ морскою водою, появляются бѣлыя соляныя пятна, подобныя восковымъ каплямъ (Furter, 158); если купающійся въ морѣ замочитъ голову, то въ волосахъ, послѣ того какъ они высохнутъ, оказывается соль. Прибрежные камни, куски глины, до которыхъ достигала вода, куски дерева, выбрасываемые волнами на берегъ, обыкновенно покрываются сплошною корой изъ соляныхъ кристалловъ (Velde, II, 136). Покрываются также соляною корой и тѣ неизменныя части береговъ Мертваго моря, которыя въ зимнее и весеннее время заливаются морскими водами. По спаденіи водъ во всѣхъ углубленіяхъ заливаемыхъ пространствъ остаются на нѣкоторое время лужи или небольшія озера. Послѣ испаренія этихъ лужъ и озеръ, что совершается очень быстро, на днѣ и бокахъ углубленій появляются пласты соли иногда въ нѣсколько

вершковъ толщины. Такія соляныя отложенія встрѣчаютъ всюду по берегамъ моря; но особенно ихъ много на западномъ берегу въ часовомъ разстояніи отъ *Айнъ-Джиди* по направленію къ югу и за тѣмъ на низменности *ель-Тора*, составляющей южный берегъ моря; эта послѣдняя, если смотрѣть на нее въ лѣтнее время издали, представляется какъбы находящеюся подъ водою; но это не вода, а пласты соли, въ кристаллахъ которой отражаются солнечные лучи. Отлагаемая Мертвымъ моремъ соль употребляется прибрежными Арабами въ пищу.

Къ продуктамъ Мертваго моря слѣдуетъ отнести, кромѣ соли, асфальтъ или горную смолу. Асфальтъ Мертваго моря былъ хорошо извѣстенъ древнимъ. Довольно обстоятельныя свѣдѣнія о немъ сообщаютъ Страбонъ, Діодоръ Сицилійскій и Іосифъ Флавій. По свидѣтельству этихъ писателей, асфальтъ по временамъ (по Діодору ежедневно) выбрасывался изъ нѣдръ моря и плавалъ по его поверхности. Асфальтъ появлялся цѣлыми сплошными массами, которыя иногда казались издали островами, занимавшими значительное пространство, иногда по своей формѣ и величинѣ напоминали собою туловища обезглавленныхъ быковъ. Появляясь на поверхности моря, массы асфальта начинали издавать тяжелый запахъ, который былъ ощущаемъ задолго до приближенія къ морю. Асфальтъ Мертваго моря былъ въ древности вывозимъ въ Египетъ, гдѣ его употребляли при бальзамированіи умершихъ; онъ употреблялся при осмаливаніи кораблей, во многихъ лекарствахъ, особенно при излеченіи ранъ, наконецъ въ виноградникахъ; въ этихъ послѣднихъ имъ обмазывали виноградныя лозы для предохраненія ихъ отъ червей (Ritter, Erdkund. XV, 750—753). Въ настоящее время асфальтъ на Мертвомъ морѣ появляется очень рѣдко. По словамъ Робинзона, это случается только послѣ землетрясеній. Такъ послѣ землетрясеній, бывшихъ въ 1834 и 1837 годахъ, въ южной части моря асфальтъ появлялся въ большомъ количествѣ и въ послѣдній разъ сплошную

массой, которая, по словамъ однихъ очевидцевъ—Арабовъ была подобна острову, по словамъ другихъ походила на домъ. Въ оба раза асфальтъ, прибитый къ берегу, былъ очень выгодно проданъ Арабами (Robinson, Phys. Geogr. 218).—Робинзонъ и Риттеръ полагаютъ, что на днѣ Мертваго моря, особенно въ южной его части, находятся асфальтовые залежи, отъ которыхъ вслѣдствіе землетрясеній, или вслѣдствіе ударовъ волнъ, отрываются болѣе или менѣе значительныя части асфальта и всплываютъ на поверхность тяжелыхъ морскихъ водъ (Ritter, Erdk. XV, 760).

Заключенныя въ глубочайшей на всемъ земномъ шарѣ впадинѣ, обставленныя высокими, по большей части отвѣсными, скалами и подверженныя при этомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ непрерывному дѣйствию палящихъ солнечныхъ лучей, воды Мертваго моря испаряются въ громадныхъ размѣрахъ. Несмотря на то, что въ море, не имѣющее никакихъ истоковъ, приносятся, зимою и весною, цѣлыя массы воды Іорданомъ и многочисленными горными рѣчками и потоками,—его средній уровень остается неизмѣннымъ, если только не понижается. Въ зимнее и весеннее время Мертвое море обыкновенно поднимается на 2—3 сажени; но вся масса воды лѣтомъ превращается въ пары, уносится въ воздухъ и къ осени море приходитъ въ свое обычное состояніе. Вслѣдствіе громадности испаренія Мертваго моря, пары поднимающіеся съ его поверхности могутъ быть наблюдаемы простымъ глазомъ. Такъ Робинзонъ, находясь у *Айнъ-Джиди* и любуясь моремъ во время солнечнаго восхода, видѣлъ, какъ пары, постепенно поднимаясь надъ морскою поверхностію, мало-по-малу наполнили все пространство между восточнымъ и западнымъ берегами моря и затѣмъ въ видѣ прозрачнаго облака повисли надъ горными вершинами. Другимъ путешественникамъ приходилось видѣть, какъ испаренія моря поднимались вверхъ въ формѣ колоссальныхъ столбовъ (Robinson, Paläst., II, S 475—476; Phys. Geogr. S. 214). Постоянно висящіе надъ моремъ

пары мѣняются, смотря по времени дня, и свою плотность, и свой цвѣтъ. Такъ въ полдень, когда на морскую поверхность падаютъ отвѣсные лучи солнца и содѣйствуютъ наибольшему испаренію, слой паровъ, находящійся ближе къ морю, становится гуще и принимаетъ молочный цвѣтъ; утромъ и вечеромъ, напротивъ, пары бываютъ рѣже, прозрачѣе и при захожденіи солнца окрашиваются темно-фіолетовымъ цвѣтомъ. Вообще лучи солнца днемъ, лучи луны въ ночное время, преломляясь въ морскихъ испареніяхъ различнымъ образомъ, смотря по ихъ плотности, и отражаясь отъ нихъ, производятъ нерѣдко замѣчательную по своей красотѣ, а иногда и фантастическую смѣну и игру цвѣтовъ.

По всей вѣроятности въ связи съ парами постоянно висящими, въ лѣтнее время, надъ Мертвымъ моремъ, мѣняющими свою плотность и различнымъ образомъ преломляющими и отражающими въ своей средѣ свѣтовые лучи, стоятъ такъ называемые миражи, которые приходилось наблюдать многимъ путешественникамъ, посѣщавшимъ берега моря. Напр. г. Олесницкій, находясь на западномъ берегу моря, видѣлъ у восточнаго его берега отчетливо рисовавшійся черный столбъ (выше цитов. кн. Трудовъ К. А. стр. 107); Робинзону представился у тогоже восточнаго берега островъ. Миражи эти бываютъ иногда до такой степени отчетливы, что съ перваго раза невозможно повѣрить, что предъ глазами призракъ, а не дѣйствительный предметъ (Robins., Paläst., II. S. 438—439).

Отъ известнаго преломленія свѣтовыхъ лучей въ ближайшихъ къ морю слояхъ пара быть можетъ происходить и то, что морская поверхность иногда имѣетъ вдали иной цвѣтъ, нежели вблизи. Такъ по словамъ одного путешественника (Gadow'a), наблюдавшаго море въ концѣ марта, въ утренніе часы, морская поверхность около берега представлялась прозрачною, голубою, въ дальнѣйшихъ своихъ частяхъ сѣроватою, наконецъ зеленою, съ бѣлыми блестящими точками (Ritter, Erdkund., XV, 763—764).

Поднимаясь съ поверхности моря въ громадномъ количествѣ, испаренія уносятъ съ собою въ воздухъ очень много минеральныхъ частицъ, которыми пресыщена морская вода; особенно много уносятъ они соли. Соляныя частицы падаютъ, вмѣстѣ съ испареніями, въ окрестностяхъ моря, почему эти послѣднія постоянно бывають покрыты соляною пылью. Иногда вѣтры поднимають эту соляную пыль и уносятъ ее на довольно значительныя разстоянія отъ моря. Такъ напр. въ 1856 г. ураганъ, налетѣвшій на Іерусалимъ, засыпалъ въ немъ всѣ улицы и террасы соляною пылью (Олесницкій, выше цит. кн. Трудовъ, стр. 10).

Въ прежнее время было распространено мнѣніе, что испаренія Мертваго моря имѣють отвратительный, вредный запахъ и оказываютъ гибельное дѣйствіе на все живое. Вѣрили, что эти испаренія, распространяясь по окрестностямъ, убивають всякую растительность, что вслѣдствіе ихъ мертвящаго вліянія, на берегахъ моря не могутъ жить птицы, даже не могутъ летать надъ его поверхностью: удушаемая морскими парами онѣ падаютъ съ высоты мертвыми. Вообще Мертвое море съ его окрестностями считалось прежде страной ужасовъ, страной адскою *). Но тщательныя изслѣдованія и безпристрастныя наблюденія современныхъ путешественниковъ показали, что подобнаго рода вѣрованія и представленія или ложны, или преувеличены. Такъ, всюду, гдѣ на берегахъ Мертваго моря текутъ источники прѣсной воды, растительная жизнь развивается безпрепятственно и даже достигаетъ цвѣтущаго состоянія. Напр. растительность на перешейкѣ, соединяющемъ полуостровъ *ель-Лизанъ*, при *Айнъ-Джиди*, отличается рѣдкою роскошью; по словамъ Робинзона, ему не приходилось никогда видѣть такой роскошной растительности, какую видѣлъ онъ на берегахъ *Айнъ-Джиди* (Paläst.,

*) Вслѣдствіе чего въ средніе вѣка его называли моремъ проклятымъ, моремъ дьявола: *mare maledictum*, *mare diaboli*.

II, 452). Тамъ, гдѣ при Мертвомъ морѣ есть растительность, водятся, иногда въ значительномъ количествѣ, и птицы. Робинзонъ и его спутники встрѣтили при *Айнъ-Джиди* множество птицъ и были поражены и обрадованы ихъ пѣніемъ и разнообразными криками, которыми онѣ привѣтствовали восходившее солнце. По словамъ Робинзона, деревья, скалы и воздухъ были наполнены трелями жаворонковъ, веселымъ щелканіемъ перепеловъ, крикомъ куропатокъ и щебетаньемъ безчисленнаго множества другихъ мелкихъ птицъ (Paläst., II, 476). Водясь по берегамъ и окрестностямъ Мертваго моря, птицы, какъ крупныя, такъ и мелкія, свободно летаютъ надъ нимъ и даже плаваютъ по его поверхности. Г. Олесницкій видѣлъ нѣсколько какихъ-то сѣрыхъ птицъ, плававшихъ по морю въ далекомъ разстояніи отъ берега; на глазахъ Фанъ-де-Фельде дикія утки ныряли въ водахъ моря (Velde, II, 136). О томъ, что испаренія моря не имѣютъ губительнаго дѣйствія на все живое, свидѣтельствуешь и то обстоятельство, что берега его и окрестности были заселены въ древнее время, какъ и теперь не остаются безъ обитателей, хотя послѣднихъ и очень немного. Правда, живущіе близъ моря Арабы страдаютъ отъ перемежающейся лихорадки и отличаются крайне слабымъ здоровьемъ; но лихорадку производитъ жаркій климатъ въ связи съ болотными испареніями, а не море само по себѣ. Что касается дурнаго и вреднаго запаха, то само Мертвое море тоже не обладаетъ имъ и не издаетъ его. Если путешественники и говорятъ объ отвратительномъ запахѣ, поражавшемъ ихъ обоняніе на берегахъ моря, то этотъ запахъ принадлежитъ не морскимъ водамъ, а нѣкоторымъ береговымъ пунктамъ, именно солянымъ болотамъ, особенно на южномъ берегу, имѣющемъ, какъ и всякія соляныя болота, свойственный имъ тяжелый запахъ, затѣмъ болотистымъ мѣстностямъ, испускающимъ, вмѣстѣ съ запахомъ соли, сѣрные газы, и наконецъ мѣстамъ, на которыхъ разлагаются остатки растений, приносимыхъ въ море Иорданомъ и горными пото-

ками и выбрасываемыхъ на берега морскими волнами (Robins., *Physisch. Geogr. d. N. L.*, S. 216).—Если не совершенно ложными, то въ значительной мѣрѣ преувеличенными слѣдуетъ признать и отзывы о Мертвомъ морѣ съ его окрестностями, какъ странѣ ужасовъ, странѣ адской. Не одни исключительно мрачныя, подавляющія впечатлѣнія производить это море; нѣкоторымъ путешественникамъ приходилось переживать на его берегахъ и отрадныя минуты. По словамъ Фельде, онъ не испыталъ на берегахъ моря тѣхъ ужасныхъ впечатлѣній, которыя подавляли собою другихъ путешественниковъ; онъ увидѣлъ море, спокойное и гладкое, голубое и прозрачное; увидѣлъ безоблачное небо, ровный плоскій берегъ, окруженный горами, коимъ голубая прозрачная дымка, ихъ окутывавшая, придавала рѣдкую красоту. При видѣ этой картины пашъ путешественникъ ощутилъ нѣчто отрадное, усладительное, что напомнило ему библейское описаніе (Быт. 13, 10) Сиддимской долины, существовавшей нѣкогда на мѣстѣ Мертваго моря (Velde, II, 135—136).

Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, что Мертвое море съ его окрестностями въ общемъ имѣетъ мрачный, отталкивающій характеръ, который не могутъ измѣнить ни мѣстности, покрытыя богатою растительностью,—ихъ крайне мало на берегахъ морскихъ,—ни веселыя пѣсни птицъ,—онѣ составляютъ рѣдкое исключеніе,—ни красота тихихъ водъ и отражающихся въ нихъ голубыхъ горныхъ вершинъ и яснаго неба,—это красота мертвая и мимолетная,—не эти, такъ сказать, свѣтлыя точки въ природѣ Мертваго моря оставляютъ слѣды въ душѣ путника наблюдателя. Нѣтъ; его поражаютъ и оставляютъ въ немъ неизгладимое впечатлѣніе прежде всего громадныя скалы, обнаженныя, непривѣтливыя,—береговыя пространства, покрытыя соляною корой и иногда издающія непріятный сѣрный запахъ, соляныя болота, мертвыя и мертвящія воды. И все эти составныя части хотя грандіозной, но мрачной картины, отмѣченной печатью смерти, невольно

приводятъ къ мысли, что Мертвое море съ его ближайшими окрестностями никакъ не принадлежитъ къ числу мѣстностей, на которыхъ почиваетъ благословеніе Божіе.

На Мертвомъ морѣ никогда не было развито судоходство, подобно тому какъ было развито оно напр. на Гепнисаретскомъ озерѣ. По крайней мѣрѣ древность не оставила намъ относительно этого предмета опредѣленныхъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія свидѣтельствъ. Въ повѣйшее время на водахъ моря нерѣдко появлялись суда; но суда эти принадлежали не туземцамъ, а европейскимъ и американскимъ ученымъ изслѣдователямъ, посѣщавшимъ море съ цѣлю обстоятельнаго изученія его свойствъ (Robins. Phys. Geogr. 228—230) *).

Библия упоминаетъ о Мертвомъ морѣ на первыхъ своихъ страницахъ въ связи съ повѣствованіемъ о гибели преступныхъ городовъ Содома, Гоморры и другихъ.—Въ глубокой древности тамъ, гдѣ въ настоящее время ходятъ мертвыя волны Мертваго моря, находилась, по библейскому сказанію, цвѣтущая долина Сиддимъ. Долина эта вся орошалась водою, какъ садъ Господень, какъ земля Египетская (Быт. 13, 10). Одно только портило долину: въ ней было много смоляныхъ или асфальтовыхъ ямъ (Быт. 14, 10). Въ долині Сиддимъ, какъ многоводной и потому удобной для скотоводства, поселился Лоть, отдѣлившись отъ дяди своего, патриарха Авраама (Быт. 13, 10—12). Долина была

*) Въ ряду этихъ ученыхъ изслѣдователей первое мѣсто, по достижутымъ результатамъ, принадлежитъ американцу Линчу, стоявшему во главѣ ученой экспедиціи, снаряженной правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, и употребившему на изученіе моря 22 дня съ 18 апрѣля по 10 мая 1848 г. Главные предметы, на которые Линчъ и его спутники обратили, при изученіи моря, свое вниманіе, были: глубина моря и его уровень сравнительно съ уровнемъ Средиземнаго моря; фигура и протяженіе моря, его географическое положеніе, свойства его береговъ и водъ и т. д. Трудами Линча и его спутниковъ и добыты главнымъ образомъ всѣ тѣ точныя и обстоятельныя свѣдѣнія, какія относительно Мертваго моря имѣются въ настоящее время.

заселена; въ ней находилось нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Сodomъ и Гоморра. Но обитатели долины были злы и весьма грѣшны предъ Господомъ (Быт. 13, 13), достигли крайней степени развращенія (Быт. 19, 1—9), и мѣра беззаконій ихъ, во дни Авраама, исполнилась. Посему Господь, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, опредѣлилъ истребить какъ обитателей долины, такъ и самую долину, оскверненную преступленіями всякаго рода. Когда Господь открылъ это опредѣленіе Аврааму, то Авраамъ началъ умолять Господа, чтобы Онъ не губилъ праведныхъ вмѣстѣ съ нечестивыми, и правосудный Судія всей земли обѣщаль пощадить все мѣсто, осужденное на гибель, если въ Содомѣ найдется десять праведниковъ. Однакоже и такого малаго числа людей праведныхъ не нашлось въ цѣломъ городѣ, и потому „пролилъ Господь на Содомъ и Гоморру дождемъ сѣру и огонь отъ Господа съ неба“ и ниспровергъ всѣ города долины вмѣстѣ съ ихъ жителями, а также самую долину съ произрастеніями ея. И когда Авраамъ, вставъ рано утромъ, посмотрѣлъ къ Содому и Гоморрѣ, и на все пространство окрестности, то увидѣлъ, что дымъ поднимается съ земли, какъ дымъ изъ печи (Быт. 18, 17—33; 19, 24. 25. 27. 28). Изъ обитателей Сиддимской долины былъ спасенъ только Лоть, племянникъ Авраама, съ женою и двумя дочерьми; но жена Лота во время бѣгства оглянулась назадъ, вопреки волѣ Господней, и обратилась въ соляной столбъ (Быт. 19, 12—22, 26. 29). Истребленная такимъ образомъ Сиддимская долина, дотолѣ цвѣтущая и многочисленная, вскорѣ совсѣмъ исчезла съ лица земли: она покрылась водами Мертваго или соленого моря (Быт. 14, 3).

Прежде, когда свѣдѣнія о Мертвомъ морѣ и его окрестностяхъ далеко не отличались полнотою и правильною, было господствующимъ то мнѣніе, что море это возникло лишь послѣ гибели городовъ Сиддимской долины и что до этого событія Иорданъ доходилъ, въ своемъ теченіи на югъ, до Краснаго моря и впадалъ въ него. Въ

настоящее время это мнѣніе смѣнилось другимъ, благодаря обстоятельному и всестороннему изученію Мертваго моря и мѣстностей, прилегающихъ къ нему съ юга. Именно, многіе изъ ученыхъ путешественниковъ послѣдняго времени полагаютъ, что Іорданъ какъ теперь, такъ и до гибели преступныхъ городовъ вливался въ Мертвое море, и что это послѣднее послѣ названнаго страшнаго событія лишь увеличилось въ своемъ объемѣ по направленію къ югу, покрывъ своими волнами сожженную огнемъ и понизившуюся Сиддимскую долину. Послѣднее мнѣніе должно быть признано наиболѣе вѣроятнымъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Новѣйшими изслѣдованіями доказано, что мѣстность, лежащая между Мертвымъ и Краснымъ морями (именно Вади-ель-Арава, служащая, начиная съ возвышенностей Акраввимскихъ, южнымъ продолженіемъ ель-Гора, и восточная часть пустыни Фаранъ, составляющая западную окраину Вади-ель-Аравы), лежитъ выше уровня Средиземнаго моря и такимъ образомъ значительно возвышается надъ сѣверными частями ель-Гора, по которымъ протекаетъ Іорданъ, и еще значительнѣе надъ Мертвымъ моремъ, въ которое Іорданъ впадаетъ. Но если такъ, то болѣе нежели вѣроятно, что Іорданъ никогда не впадалъ въ Красное море; постояннымъ препятствіемъ къ тому должна была служить возвышенная мѣстность, лежащая между долиною рѣки и названнымъ моремъ. Вѣроятнѣе всего, что и до гибели Сиддимской долины Іорданъ вливалъ свои воды въ Мертвое море, которое существовало издревле, хотя и не всегда въ томъ объемѣ, какой оно имѣетъ нынѣ.

2. Измѣренія глубины Мертваго моря показали, что сѣверная наибольшая его часть заключена въ рѣзко очерченной котловинѣ, глубина которой, вообще весьма значительная, во многихъ мѣстахъ доходитъ до 170 сажень слишкомъ. Иной характеръ имѣетъ южная часть моря. Здѣсь дномъ моря служитъ совершенно ровная плоскость, а самое море такъ мелко, что только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

глубина его достигаетъ пяти аршинъ; по временамъ же уровень его здѣсь понижается до такой степени, что дѣлается возможною переправа въ бродъ съ восточнаго берега на западный и конечно обратно. Замѣчательно при этомъ то, что плоское дно южной части моря не отдѣлено какою-либо рѣзкою гранью отъ низменной части ель-Гора, примыкающей къ морю съ юга: оно составляетъ съ этою низменною частью какъбы одну плоскость, вслѣдствіе чего Мертвое море не имѣетъ на югѣ опредѣленныхъ очертаній, и какъ скоро оно возвышается, то заливаютъ низменность ель-Гора по направленію къ возвышенностямъ Акраввимскимъ. Но если такъ, то очень вѣроятно, что плоское дно южной части Мертваго моря было нѣкогда долиной, составлявшею южный берегъ моря; но затѣмъ долина эта вслѣдствіе какой-либо причины понизилась и была залита водами того озера или моря, которое находилось на сѣверъ отъ нея.

3. Извѣстно, наконецъ, что въ южную часть Мертваго моря вливается съ восточной стороны много горныхъ потоковъ, такъ что въ то время когда дно южной части моря было долиной, долина эта была, несомнѣнно, обильно орошаема, была многоводною. Далѣе мы знаемъ, что въ южной части моря по временамъ появляются массы асфальта, выплывающія на поверхность моря со дна его, и это по справедливости считаютъ признакомъ того, что на плоскомъ днѣ моря, бывшемъ нѣкогда долиной, или подъ почвою этого дна находятся обширныя залежи асфальта. Но эти признаки напоминаютъ собою Сиддимскую долину, которая по словамъ Писанія была многоводна и богата асфальгомъ, и приводятъ къ заключенію, что долина, затопленная нѣкогда Мертвымъ моремъ и служащая въ настоящее время дномъ южной его части, есть именно Сиддимская долина Библии.

Но вслѣдствіе какой причины могла понизиться Сиддимская долина? Причиною ея пониженія былъ разрушившій ее небесный огонь. Этотъ чудесно ниспавшій съ

неба огонь конечно долженъ былъ воспламенить асфальтовые ямы, бывшія въ долинѣ и вѣроятно находившіеся съ ними въ соприкосновеніи пласты асфальта. Но какъ скоро нѣсколько пластовъ асфальта было истреблено огнемъ, то почва долины, прикрывавшая ихъ, должна была опуститься, и волны озера или моря, находившагося на сѣверъ отъ долины, ничѣмъ не сдерживаемыя, должны были затопить ее (Robinson, *Physisch. Geogr. des N. L.* S. 231—233; Velde II, 137—139).

О разрушеніи Содома, Гоморры и другихъ, сосѣднихъ съ ними, городовъ нерѣдко упоминають священныя книги Ветхаго и Новаго Завета (Второз. 29, 23; Иерем. 49, 18; 50, 40; Амос. 4, 11. Софон. 2, 9; Лук. 17, 29; 2 Петр. 2, 6) и иногда мрачными красками изображаютъ испроверженную Богомъ долину Сиддимскую. Такъ Моисей, угрожая Израилю за нарушеніе божественнаго закона опустошеніемъ обѣщанной ему въ наслѣдіе земли и сравнивая это опустошеніе съ пораженіемъ Сиддимской долины, говоритъ: „сѣбра и соль, пожарище—вся земля, не заѣвастея и не произращаетъ она, и не выходитъ на ней никакой травы, какъ по истребленіи Содома и Гоморра, Ады и Севоима, которые испровергъ Господь во гнѣвъ Своимъ и въ ярости Своей“ (Второз. 29, 23). И нужно замѣтить, что память о гибели преступныхъ Сиддимскихъ городовъ осталась навсегда неизгладимою въ человѣчествѣ; объ этомъ событіи знали и писали язычники, какъ напр. Тацитъ, Страбонъ (см. Raumer, *Paläst.*, S. 64. примѣч. 140); о немъ знаютъ и повѣствуютъ современные Арабы. И въ этомъ-то живомъ изъ рода въ родъ переходящемъ памятованіи о столь необычайномъ и страшномъ событіи и заключается причина преувеличенныхъ представленийъ объ ужасныхъ свойствахъ Мертваго моря, покрывшаго собою испровергнутую гнѣвомъ Божиимъ Сиддимскую долину; здѣсь же, между прочимъ, и причина возникновенія сказанія о такъ называемомъ содомскомъ деревѣ, приносящемъ содомскіе плоды, деревѣ, которое въ прежнія времена считалось

живымъ свидѣтельствомъ кары Божіей, постигшей великихъ грѣшниковъ и признавалось исключительною принадлежностію мрачныхъ береговъ Мертваго моря. Такъ описывая Мертвое море, или Асфальтовое озеро, и сообщая свѣдѣнія о Содомской землѣ находившейся близъ этого моря и сожженной огнемъ, Іосифъ Флавій говоритъ, что тамъ (гдѣ находилась Содомская земля) можно видѣть слѣды небснаго огня—тѣнь пяти городовъ, и кромѣ того пепель, производимый плодами, которые, по цвѣту, подобны плодамъ, употребляемымъ въ пищу, но которые, будучи сорваны руками, распускаются въ дымъ и пепель (Joseph. B. J. IV, 8. 4). Дѣйствительно, въ ближайшихъ окрестностяхъ Мертваго моря встрѣчается растеніе, плоды котораго напоминаютъ собою содомскіе плоды, описанные Іосифомъ. Именно у Айнъ-Джиди, на полуостровѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ по берегамъ Мертваго моря растетъ дерево, которое Арабы называютъ *Ошеръ*, ботаники—гигантскою *асклепіею* (*Asclepias gigantea vel proserpa*). Экземпляры этого дерева, видѣнные Робинзономъ у *Айнъ-Джиди*, имѣли въ поперечникѣ до четырехъ вершковъ, въ высоту отъ четырехъ аршинъ до двухъ сажень. Дерево имѣетъ пробкообразную кору сѣроваатаго цвѣта, длинные, овальные листья. Изъ надломленныхъ вѣтвей дерева вытекаетъ много бѣловатаго, подобнаго молоку, сока. Плоды, сидящіе на вѣткахъ пучками по три и по четыре, по вѣшности очень сходны съ большими, гладкими яблоками, или апельсинами, и, созревъ, принимаютъ желтоватый цвѣтъ. На видъ плоды очень красивы и привлекательны, но внутри совершенно пусты и наполнены главнымъ образомъ воздухомъ; поэтому, если ихъ слегка сжать, то они съ трескомъ лопаются подобно пузырю, и въ рукахъ остаются лишь лоскутки сухой кожи, да пара жилокъ. Въ срединѣ пустаго пространства плода находится небольшихъ размѣровъ гнѣздышко, прикрѣпленное къ стебельку и соединенное нитями съ вѣшною оболочкою; оно состоитъ изъ тонкой кожицы

и содержать въ себѣ сѣмена плода и нѣкоторое количество нѣжнаго шелковистаго вещества. Арабы собираютъ это вещество и готовятъ изъ него для своихъ ружей фитили, которые, и не будучи пропитаны сѣромъ, легко воспламеняются. Но понятное дѣло, что трудно доказать дѣйствительную связь гигантской асклепиды и ея плодовъ съ погисблемъ преступныхъ обитателей Сиддонской долины; растеніе это не обладаетъ такими особенностями, которыя бы дѣлали его исключительнымъ явленіемъ въ растительномъ царствѣ, и не имѣетъ въ себѣ ничего отталкивающего за исключеніемъ развѣ того, что непріятно разочаровываетъ всякаго, кто, желая полакомиться красивымъ по внѣшности и повидимому вкуснымъ плодомъ, вмѣсто плода срываетъ лишь пустую оболочку, оригинальное устройство которой вполне конечно приспособлено къ наилучшей защитѣ сѣмянъ растенія. Притомъ гигантская асклепиды, это такъ называемое содомское дерево, не составляетъ принадлежности однихъ только береговъ Мертваго моря. Дерево это въ изобиліи растетъ въ Верхнемъ Египтѣ и Нубіи, а также встрѣчается и въ счастливой Аравіи.

Кромѣ книги Бытія, Мертвое море не разъ названо въ другихъ книгахъ Моисеевыхъ, а также въ книгахъ историческихъ. Но во всѣхъ этихъ книгахъ о Мертвомъ морѣ говорится только какъ о пограничномъ пунктѣ владѣній къ нему примыкавшихъ (Числ. 34, 3. 12; Второз. 3, 17; 4, 49; I. Нав. 12, 3; 15, 2. 5; 18, 19), за исключеніемъ I. Нав. 3, 16, гдѣ о немъ упомянуто, какъ о морѣ, въ которое течетъ Иорданъ. Упомянутія о Мертвомъ морѣ встрѣчаются и у пророковъ. Такъ Іоиль, предсказывая освобожденіе Палестины отъ саранчи, которая въ его время грозила окончательнымъ истребленіемъ всей палестинской растительности, говоритъ, что Господь изгонитъ переднее полчище саранчи въ море восточное, т.-е. Мертвое (Іоиль 2, 20); пророкъ Іезекиль, изображая будущія блаженныя времена Христова царства, возвѣщаетъ, что въ эти времена полного всеобщаго счастья даже воды Мертваго моря

сдѣлаются здоровыми, утратятъ свое смертоносное вліяніе на все живое и наполнятся рыбами и другими существами. По словамъ пророка, мужъ, который руководилъ имъ въ минуты его пророческихъ созерцаній, сказалъ, указывая на потокъ, вытекавшій изъ-подъ порога величественнаго храма: „эта вода течетъ въ восточную сторону земли, сойдетъ на равнину и войдетъ въ море, и воды его сдѣлаются здоровыми. И всякое живущее существо, пресмыкающееся тамъ, гдѣ войдутъ двѣ струи, будетъ живо; и рыбы будутъ весьма много, потому что войдетъ туда эта вода, и воды въ морѣ сдѣлаются здоровыми, и куда войдетъ этотъ потокъ, все будетъ живо тамъ. И будутъ стоять подлѣ него рыболовы отъ Эн-Гадди до Еглайма*), будутъ закидывать сѣти. Рыба будетъ въ своемъ видѣ и, какъ въ большомъ морѣ, рыбы будутъ весьма много. Болота его и лужи его, которыя не сдѣлаются здоровыми, будутъ оставлены для соли“ (Иезек. 47, 8—11; ср. Зах. 14, 8). Нельзя не замѣтить, что въ приведенныхъ словахъ пророка сказывается основательное знакомство древнихъ Евреевъ со свойствами водъ Мертваго моря и особенностями его береговъ.

Въ новозавѣтныхъ писаніяхъ упоминаній о Мертвомъ морѣ нѣтъ.

Н. Е.

*) Еглаймъ, вѣроятно, есть библейское названіе источника, который впадаетъ въ сѣверозападный уголъ Мертваго моря сѣвернѣе скалы Расъ-Фешха; источникъ этотъ сѣрный. Keil u. Delitzsch, В Comment. III. 5, 3, 479.

О БѢСНОВАТЫХЪ.

Обозрѣвая исторію земной жизни Христа Спасителя, мы поражаемся обиліемъ и величіемъ чудесъ, совершенныхъ Имъ для доказательства Своего божественнаго достоинства и вмѣстѣ для облегченія бѣдствій страждущаго человѣчества. Одинъ родъ такихъ чудесъ, именно чудесныя исцѣленія Спасителемъ бѣсноватыхъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе частію потому, что самый фактъ бѣснованія, какъ присутствіе въ человѣкѣ темной, бѣсовской силы, поражаетъ человѣка своею загадочностію, частію же потому, что ни до Христа, ни послѣ Него никогда не было такого множества бѣсноватыхъ, сколько ихъ было во время земной жизни Спасителя. Читая повѣствованія Евангелистовъ о чудесахъ этого рода, одни, преимущественно лица образованнаго общества и въ частности, занимающіяся естественными науками, не вѣрятъ, что Христосъ имѣлъ дѣло съ людьми дѣйствительно одержимыми бѣсомъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, явленіе, известное подъ именемъ бѣснованія, ничѣмъ не отличается отъ естественныхъ нервныхъ болѣзней. Другіе, преимущественно принадлежащіе къ кругу простаго, необразованнаго народа, узнавъ изъ Евангелія о существованіи лицъ одержимыхъ демонами, впадаютъ въ противоположную крайность, объясняя воздѣйствіемъ бѣса всякую устрашающую человѣка нервную болѣзнь; напримѣръ въ такъ называемыхъ кликушахъ, которыя, кстати замѣтить, не составляютъ исключительно явленія русской жизни, а встрѣчались и въ другихъ странахъ (см. Леканна, Исторію Сатаны стр. 331, гдѣ приведенъ отрывокъ изъ исто-

ріи Помераніи, въ которомъ говорится о появленіи въ городѣ Фридбергѣ кликушъ), во всѣхъ, говоримъ, кликушахъ, не различая между ними настоящихъ бѣсноватыхъ отъ мнимыхъ, нашъ простой народъ видитъ людей, въ которыхъ поселился бѣсъ. Въ настоящемъ случаѣ обратимъ преимущественное вниманіе на первое приведенное нами мнѣніе о бѣсноватыхъ и разъясненіемъ возможности бѣснованія и установленіемъ правильнаго понятія о немъ постараемся показать несостоятельность этого мнѣнія.

Такъ называемые бѣсноватые (Матѣ. 4, 24; Мр. 1, 32) признаются въ Новомъ Завѣтѣ какъ дѣйствительно находящіеся подъ дѣйствіемъ бѣсовъ, какъ лица, въ которыхъ поселились бѣсы. Это видно напр. изъ того, что исцѣленіе бѣсноватыхъ Евангелисты обозначаютъ словомъ: изгнаніе (духовъ или бѣсовъ. Матѣ. 8, 16), равно какъ изъ словъ учениковъ Христовыхъ: „и бѣси повинуются намъ“ (Лук. 10, 17). Подъ бѣсами же во всѣхъ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, очевидно, разумѣются не физическія болѣзни, происходящія отъ естественныхъ причинъ, а именно злые духи, какъ это можно видѣть еще изъ того, что Евангелистъ Лука ясно различаетъ злыхъ духовъ отъ обыкновенныхъ болѣзней (9, 1). Отношеніе бѣсовъ къ человѣку, въ которомъ они обитаютъ, въ Новомъ Завѣтѣ обозначается то неопредѣленнымъ выраженіемъ: бѣсноваться (э человѣкъ), то выраженіями: страдать отъ нечистыхъ духовъ (Лук. 6, 18), находиться въ узахъ (Лук. 13, 16), бытъ одержиму духомъ (Дѣян. 8, 7; 16, 16); прекращеніе этого отношенія обозначается словомъ: выходитъ (изъ человѣка бѣсу). Во всѣхъ частныхъ случаяхъ бѣснованія, о которыхъ упоминается въ Новомъ Завѣтѣ, тѣлесная и душевная жизнь человѣка является подавляемою въ своемъ теченіи чуждымъ, отвлѣ привходящимъ вліаніемъ. Душа бѣсноватаго не владѣетъ своимъ тѣломъ; нѣчто чуждое стало между имъ и ею, и это нѣчто дѣйствуетъ разстроивающимъ и подавляющимъ образомъ на тѣлесные органы. { Вліаніе бѣса въ этомъ случаѣ не

духовно-нравственное, какимъ оно было напр. по отноше-
нію къ Іудѣ Искаріотскому (Іоанн. 13, 27), а тѣлесно-
душевное.

Явленія, вызываемыя дѣйствиємъ бѣса на тѣлесныя ор-
ганы и первную жизнь человѣка, вообще различнаго рода.
Вопервыхъ, по описаніямъ Евангелистовъ, сюда относится
извѣстный родъ ясновидѣнія, подобнаго магнетическому:
бѣсноватыя (Лук. 4, 34; 8, 28; Мѡ. 8, 29 ср. Мр. 1, 23;
3, 11) признавали въ Іисусѣ Христѣ Сына Божія, прежде
чѣмъ Онъ самъ давалъ имъ знать о Себѣ,—постигали Его
высокое значеніе. Служанка, жившая въ городѣ Филип-
пахъ, вслѣдствіе пребыванія въ ней бѣса, имѣла даръ
прорицанія (Дѣян. 16, 16). *Восторыхъ*, сюда относится
бѣшенство. Бѣсноватый Гадаринскій былъ такъ ужасенъ
въ своемъ бѣшенствѣ, что никто не осмѣливался прохо-
дить мимо него (Мѡ. 8, 28) и никто не могъ связать его
даже цѣпами, потому что для него ничего не стоило
разорвать ихъ (Мр. 5, 3. 4). Онъ проводилъ день и ночь
въ погребальныхъ пещерахъ и горахъ, неистово и стра-
шно кричалъ (Мр. 5, 5), срывалъ съ себя всякую одежду
(Лук. 8, 27). *Въ третьихъ*, съ бѣсноватыми случались
припадки эпилепсіи или падучей болѣзни. „Учитель! обра-
тился однажды нѣкто изъ народа къ Іисусу,—умоляю Тебя
взглянуть на сына моего; онъ одинъ у меня. Его схваты-
ваетъ духъ, и онъ внезапно вскрикиваетъ, и терзаетъ его,
такъ что онъ испускаетъ пѣну и насилу отступаетъ
отъ него, измучивъ его (Лук. 9, 38. 39). Гдѣ на схва-
тываетъ (духъ нѣмой) его (т.-е. сына), повергаетъ его на
землю, и онъ испускаетъ пѣну, и скрежещетъ зубами сво-
ими, и цѣпенѣтъ (Мр. 9, 18), часто бросается въ огонь
и часто въ воду“ (Мѡ. 17, 15). *Въ четвертыхъ*, какъ одинъ
изъ признаковъ бѣснованія, Евангелисты выставляютъ нѣ-
моту (Мѡ. 9, 32; 12, 22; Лук. 11, 14), которая причиняема
была подавляющимъ дѣятельность органа рѣчи вліяніемъ
демона. По крайней мѣрѣ, все состояніе мальчика, одер-
жимаго духомъ нѣмымъ (Мр. 9, 17 и сл.), показываетъ, что

причина его нѣмоты заключалась не въ порчѣ или ослабленіи мускуловъ языка, не въ прирожденной глухотѣ, сопровождающейся нѣмотою, а въ чемъ-то особенномъ, именно въ его ужасной болѣзни. Въ связи съ нѣмотою въ бѣсноватомъ часто замѣчалась слѣпота (Мѡ. 12, 22).

Далѣе, въ евангельскихъ изображеніяхъ бѣснованія заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что иногда многіе бѣсы вмѣстѣ дѣйствовали на одного человѣка (ср. Мр. 5, 9, Лук. 8, 30 и Мр. 16, 9. Мѡ. 12, 45). Нѣкоторые думаютъ, что слова бѣса: *legionъ имя мнѣ* (Мр. 5, 9) можно разсматривать только какъ личное заблужденіе бѣсноватаго; что бѣсноватый, по причинѣ страшныхъ мученій, самъ пришелъ къ мысли, что въ немъ должно быть множество бѣсовъ, каковое множество и назвалъ легиономъ, воспользовавшись въ этомъ случаѣ обозначеніемъ или наименованіемъ самага большаго отряда римскаго войска. Но дальпѣйшій ходъ повѣствованія заставляеть думать иначе. „И нечистые духи, говоритъ Евангелистъ Маркъ, вышедши, вопли въ свипей; и устремилось стадо съ крутизны въ море, а ихъ было около двухъ тысячъ; и потонули въ морѣ“ (5, 13). Точно также и Марія Магдалина у Мѡ. 16, 9 характеризуется, какъ женщина, изъ которой Христось изгналъ семь бѣсовъ. Тотъ и другой случай ясно показываютъ, что въ одномъ человѣкѣ дѣйствительно иногда пребывало по нѣскольку бѣсовъ.

Представивъ образъ бѣсноватаго въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисуется Евангелистами, мы должны теперь обратиться къ вопросу о томъ, въ чемъ заключается послѣднее основаніе возможности бѣснованія? По мнѣнію нѣкоторыхъ западныхъ толкователей Новаго завѣта (наприм. Ольсгаузена), состояніе бѣсноватаго предполагаетъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, нравственную виновность, именно сладострастіе (Comm. zu Matth. 8, 28) Но противъ такого пониманія говоритъ тотъ фактъ, сообщаемый Евангелиемъ, что бѣсноватый мальчикъ, котораго исцѣлилъ Исусъ, былъ одержимъ бѣсомъ съ самага

стараются еще иначе объяснить дѣло и утверждаютъ (напримѣръ Ланге въ своей „Жизни Иисуса“), что самыя нервныя страданія бѣсноватаго составляютъ первоначальное основаніе бѣсовскаго на него воздѣйствія, которое и возможно только при такомъ ненормальномъ состояніи нервовъ. Но и такой взглядъ представляется несогласнымъ съ воззрѣніемъ Новаго Завѣта, по которому нервныя страданія являются уже слѣдствіемъ бѣсовскаго вліянія на тѣлесно-душевную жизнь человѣка. Еслибы, притомъ, нервныя страданія составляли первоначальную основу и причину появленія въ человѣкѣ воспріимчивости къ воздѣйствію на него темной силы, то для исцѣленія бѣсноватаго достаточно было бы только возстановить правильный ходъ его первой жизни, чѣмъ человѣкъ и былъ бы обезопасенъ отъ дѣйствія бѣса. Между тѣмъ мы видимъ, что Иисусъ, наоборотъ, сначала изгоняетъ бѣса, вслѣдствіе чего уже прекращаются и нервныя страданія. Въ чемъ же, теперь, заключается истинное основаніе бѣснованія? Конечно, прежде всего всеобщее проклятiе за грѣхъ, тяготѣющее надъ человѣческимъ родомъ, дѣлаетъ или дѣлало человѣка безсильнымъ противиться вліянію темной, бѣсовской силы. Діаволь, по ученію Свящ. Писанія, есть *князь міра сего, власти воздушныя*, почему человѣку и трудно избавиться отъ его вліянія. Но кромѣ этого всеобщаго основанія въ человѣкѣ бѣсноватомъ должно существовать особенное предрасположеніе къ воспріятію бѣсовскаго дѣйствованія, чѣмъ и можно только объяснить то, почему не всѣ люди одержимы бѣсомъ. Это предрасположеніе можетъ только увеличиваться вслѣдствіе разстройства организма, напр., развратомъ, который мы такимъ образомъ признаемъ содѣйствующею, а не первоначальною причиною бѣснованія. Это понятіе о содѣйствующей причинѣ бѣснованія можно объяснить сравненіемъ послѣдняго съ обыкновенными душевными болѣзнями. Неумѣренный образъ жизни можетъ для инаго пройти безнаказанно, а въ другомъ со-

провождается разстройствомъ нервной системы и сумасшествіемъ или падучею болѣзнію. Или, между двумя людьми можетъ быть одинъ, который отъ природы имѣетъ такое расположеніе къ извѣстнымъ страданіямъ, что тѣ грѣхи, которые совершаются другимъ безъ вредныхъ послѣдствій для организма, его подвергаютъ болѣзнямъ. Тоже можно сказать и о бѣсноватыхъ: первичное основаніе ихъ болѣзни заключается въ поврежденной грѣхомъ природѣ, затѣмъ въ предрасположеніи къ ней, которое при недостаткѣ духовной бодрственности и грѣхахъ переходитъ въ воспримчивость къ бѣсовскому воздѣйствію.

Послѣднее важное обстоятельство, характеризующее болѣзнь бѣсноватыхъ, есть образъ ихъ исцѣленія. Господь исцѣляетъ бѣсноватыхъ словомъ своего всемогущества, просто обращаясь къ бѣсу съ повелѣніемъ: выйди изъ человѣка сего (ср. Мѡ. 8, 16). Ученикамъ своимъ Онъ также даровалъ власть изгонять бѣсовъ Его именемъ, и нѣкто неизвѣстный ученикамъ (Мр. 9, 38) изгонялъ бѣсовъ во имя Іисуса. Даже іудеямъ, еще не вѣровавшимъ въ Господа, удавалось изгонять бѣсовъ именемъ Іеговы, какъ можно объяснять слова Іисуса, обращенныя къ фарисеямъ: „если я силою веельзевула изгоняю бѣсовъ, то сыновья ваши чьею силою изгоняютъ?“ т. е. и они не изгоняютъ ли бѣсовъ тою же божественною силою, которая дѣйствуетъ во мнѣ? (Мѡ. 12, 27, ср. Дѣян. 19, 13). По словамъ Іосифа Флавія, въ его время нѣкоторые лица занимались изгнаніемъ бѣсовъ при помощи заклинаній. („О войнѣ іудейской“ 7, 6, 3, ср. Древности Іудейскія 8, 2, 5). „Нѣкоторые же изъ вашихъ заклинателей, говоритъ св. Іустинъ мученикъ іудею Трифону, заклинаятъ посредствомъ искусства, подобно язычникамъ, и употребляютъ куренія и перевязки... Но если вы будете заклинять какимъ-нибудь именемъ людей бывшихъ у васъ, царей или святыхъ, пророковъ или патріарховъ, то никакой демонъ вамъ не покорится; а если кто изъ васъ будетъ заклинять Богомъ Авраама и Богомъ Исаака, и Богомъ Іакова, то онъ, мо-

жетъ быть, покорится“ (Разговоръ св. Іустина муч. съ іудеемъ Трифономъ гл. 85. Пер. свящ. Преображенскаго). Важно замѣтить еще то обстоятельство, свидѣтельствовавшее о дѣйствительномъ присутствіи бѣсовъ въ человѣкѣ, что бѣсъ, выходя изъ человѣка, въ послѣдній разъ вымещалъ на немъ свою злобу (Мр. 9, 20; Лук. 9, 42), почему самъ бѣсноватый, несмотря на желаніе, боялся исцѣленія (Мр. 5, 7; Лук. 8, 28). Бѣсы же страшились оставить человѣка и идти въ бездну (Лук. 8, 31); они предпочитали этому возможность дѣйствовать на нервную жизнь животныхъ (ст. 32) и хотя этимъ нѣсколько утлеть свѣдающую ихъ ярость, что Господь и позволяетъ имъ для того, между прочимъ, чтобы яснѣе убѣдить бѣсноватаго въ его чудесномъ избавленіи.

Въ такомъ видѣ представляется явленіе бѣснованія въ Новомъ Завѣтѣ. Перейдемъ теперь ко взглядамъ на этотъ предметъ, существующимъ въ богословской наукѣ. Всѣ почти богословы до прошедшаго столѣтія единодушно признавали за истину то, что въ Новомъ Завѣтѣ повѣствуется о бѣсноватыхъ, т.-е. вѣрили въ возможность воздѣйствія бѣсовъ на тѣлесно-душевную жизнь человѣка, воздѣйствія, имѣющаго послѣдствіемъ выше-описанныя болѣзненные явленія. Напр. св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя Мо. 9, 32, говоритъ: „эта болѣзнь (бѣснованіе) была не естественная, но происходила отъ діавольскаго злоумышленія. Посему и нужно было, чтобы бѣсноватаго привели другіе. Послику онъ, будучи не въ состояніи говорить, не могъ просить ни самъ собою, ни чрезъ другихъ; такъ какъ бѣсъ связалъ его языкъ, а съ языкомъ и душу: то Господь не спрашиваетъ его о вѣрѣ, а мгновенно исцѣляетъ его отъ болѣзни“ (Толк. на Ев. отъ Матѳея, стр. 50 ч. 2-я. Москва 1839 г.). Только съ XVIII в. начинаютъ появляться богословы, оспаривающіе возможность воздѣйствія бѣса на тѣлесно-душевную жизнь отдѣльныхъ людей. Если въ темные средніе вѣка простыя, хогя и страшныя, болѣзни (напр. пляску св. Витта и др.) во

всѣхъ случаяхъ приписывали бѣсовскому вліянію, то теперь впали въ другую крайность: именно, явленія бѣснованія изъ времени Христа и апостоловъ стали объяснять какъ непонятныя естественныя болѣзни, отрицая и самую возможность бѣснованія. Нѣкто Грюнеръ первый высказалъ мысль, что бѣсноватые, о которыхъ упоминается въ Новомъ Завѣтѣ, были обыкновенные больные, каковой взглядъ перешелъ потомъ и во всѣ раціоналистическія толкованія Новаго Завѣта.—Такъ какъ бѣснованіе проявляется обыкновенно въ разстройствѣ нервной жизни и тѣлесныхъ органовъ душевной жизни (языка, слуха и др.), которое можетъ быть произведено и естественными причинами, то раціоналисты и говорятъ, что бѣснованіе есть не что иное какъ простая болѣзнь. Мы согласны съ тѣмъ, что явленія бѣснованія одинаковы съ явленіями естественныхъ нервныхъ болѣзней (напр. эпилепсін). Но этимъ указаніемъ на сходство симптомовъ или признаковъ болѣзни еще ничего не доказывается. Вопросъ, заключается ли причина болѣзни извѣстнаго лица въ чемъ-либо естественномъ или зависитъ отъ дѣйствія демона, поселившагося въ человѣкѣ,—этотъ вопросъ остается нерѣшеннымъ; да его и нельзя рѣшить, если діаволь чѣмъ-нибудь особеннымъ не обнаружитъ свое присутствіе. Для испытанія, дѣйствительно ли извѣстный нервный больной есть бѣсноватый, можно также воспользоваться такимъ средствомъ,—запретить бѣсу во имя Іисуса Христа, т. е. повелѣть ему (бѣсу) выйти изъ больного и этимъ прекратить мученія послѣдняго *). Если запрещеніе будетъ произнесено съ вѣрою во всемогущую силу Іисуса и подкрѣплено будетъ нравственною чистотою произносящаго, то бѣсъ, если только имъ дѣйствительно одержимъ больной, оставитъ человѣка. Ибо если слово іудея, произнесенное съ вѣрою въ Іегову,

*) Прочіе же признаки, по которымъ нѣкоторые (Лекавъ, Исторія сатаны, стр. 8 и 9) думаютъ узнать бѣсноватаго, напр. знаніе иностранныхъ языковъ, весьма сомнительны.

исцѣляло бѣсноватыхъ (Мѡ. 12, 27), то можно думать, что вѣрующему христіанину, и, въ особенности, служителю престола Божія, бѣсъ, обдержажій человѣка, долженъ непременно покориться и оставить человѣка. Поэтому-то въ нашей Церкви существуетъ особое чинопослѣдованіе „о немощныхъ, обуреваемыхъ отъ духовъ нечистыхъ и стужаемыхъ“. Священникъ, по этому чинопослѣдованію, возноситъ къ Богу молитву за бѣсноватаго: „о еже избавити его отъ всякаго обстоянія и озлобленія, насилія же и мучительства лукаваго діавола, и прогнати отъ него все лестное сатанинское мечтаніе, привидѣніе же и страхъ его и всю его мучительскую силу, обдержажую его“. Послѣ этой молитвы священникъ долженъ помазать „всеокаянствующаго“ елеемъ изъ лампы, затѣмъ прочесть слѣдующую заклинательную молитву: „Заклинаю тя злоначальника хульнаго, начальника сопротивнаго возстанія, и самодѣтеля лукавства... изыди и разлучися отъ раба Божія (или рабы Божіей)... убойся, бѣжи, бѣжи, разлучися демоне нечистый и скверный, преисподній, глубинный, лстивый, безобразный.. или самъ еси веельзевулъ, или сотрясай, или зміевидный, или звѣроличный, или яко пара, или яко птица, или ношеглагольникъ, или глухій, или нѣмый.. или отъ кого посланъ еси, или нашель еси внезапно, или въ морѣ, или въ рѣцѣ, или отъ земли, или изъ кладезя.. или отъ инудуже вѣмы или не вѣмы“. (Требникъ изд. въ Кіевѣ 1864 г.). Если по совершеніи этого заклинанія болѣзненные припадки не прекратятся, то, значитъ, или не бѣсовское вліяніе, а какія-нибудь естественныя причины вызвали болѣзнь, или заклинатели не обладаютъ достаточною силою вѣры и не высоки въ нравственномъ отношеніи.

Въ доказательство своей мысли о невозможности существованія истинно-бѣсноватыхъ раціоналисты ссылаются на то еще, что и язычники во время и до Христа такъ же, какъ христіане и іудеи, вѣрили въ возможность для бѣса поселиться въ человѣкѣ и что, слѣдовательно, эта

вѣра была не что иное какъ одно изъ суевѣрій древняго времени. Но тутъ прежде всего представляется не совсѣмъ вѣрною первая часть умозаключенія: безуміе вакханокъ и коривантовъ на праздникахъ Бахуса (Герод. 4, 79), въ которое эти лица впадали добровольно, не имѣеть ничего общаго съ недобровольными страданіями бѣсноватыхъ, ибо это безуміе есть не что иное какъ необычайно сильное естественное восхищеніе. Ярость Камбиза (персидскаго царя), которую Геродотъ приписываетъ воздѣйствію демона (3, 33), также не имѣеть никакого сходства съ истиннымъ бѣснованіемъ; ибо бѣсноватымъ называютъ Камбиза потому, что онъ въ ярости обезчестилъ сестру и умертвилъ своего брата; но это могло быть сдѣлано имъ не потому, что онъ былъ бѣсноватый. Вообще, нельзя найти опредѣленнаго доказательства того, что болѣзненное душевное разстройство приписывалось въ классической древности демонамъ, обитающимъ въ чловѣкѣ. Если же эпилепсія, падучая болѣзнь и производилась иногда отъ демоновъ, то подъ этими демонами язычники разумѣли враждебныхъ боговъ, которые насылали на людей эти страданія, не входя въ людей самолично. Но еслибы даже и язычники вѣрили въ существованіе истинныхъ бѣсноватыхъ, то слѣдуетъ ли отсюда, что вѣра въ бѣсноватыхъ есть суевѣріе? Если да, то можно сказать, что и вѣра въ существованіе духовнаго міра есть суевѣріе, ибо въ существованіе духовнаго міра вѣрили и язычники.

Какъ мало значенія имѣеть ссылка рационалистовъ на аналогическіе евангельскимъ случаи бѣснованія въ язычествѣ, такъ мало имѣеть силы и указаніе ихъ на то, что въ настоящее время не встрѣчается болѣе бѣсноватыхъ. Это указаніе несправедливо. При мощахъ угодниковъ Божіихъ не мало встрѣчается бѣсноватыхъ и многіе изъ нихъ получаютъ чудесное исцѣленіе. Притомъ хотя мы не можемъ сказать навѣрное, что этотъ большой нервною болѣзнію есть бѣсноватый, а тотъ — нѣтъ, — это еще не дастъ

права вовсе отрицать возможность существованія бѣснoватыхъ и въ наше время *). Нѣкоторые затрудняются допустить возможность существованія бѣснoватыхъ въ настоящее время потому, что Христосъ побѣдилъ діавола и, слѣд., избавилъ человѣка отъ опасности впасть въ его сѣти. Но на это нужно сказать, что дѣло искупленія, давно уже совершенное, не всѣми еще усвоено. Уже 18 вѣковъ Церковь проповѣдуетъ божественныя истины и все-таки въ ней есть много такихъ членовъ, которые не принимаютъ, оспариваютъ эти истины. Если поэтому говорится, что Христосъ уничтожилъ господство сатаны надъ человѣкомъ, то этимъ вовсе не утверждается того, что Онъ заградилъ сатанѣ доступъ туда, гдѣ ему (сатанѣ) открыты все пути! Поэтому нѣтъ никакихъ основаній вовсе отрицать возможность существованія бѣснoватыхъ и въ христіанствѣ.

Не желая все-таки согласиться съ ученіемъ Церкви о бѣснoватыхъ, раціоналисты говорятъ, будто бѣснованіе есть не что иное какъ только застѣвшая въ голову человѣка мысль (*idée fixe*) о томъ, что онъ одержимъ демономъ, мысль, которая можетъ быть изъята изъ него посредствомъ простаго но убѣдительнаго слова. Состояніе бѣснованія есть будто помѣшательство душевно и тѣлесно разстроеннаго человѣка, который считаетъ себя за бѣсноватаго и сообразно съ этой твердой идеей говорить и дѣйствуетъ... Но можно ли считать бѣснованіе только твердою идеей, когда въ одномъ человѣкѣ дѣйствительно проявляется двойное сознаніе и онъ въ одно и тоже время молить о помощи и бѣжить отъ нея? Можно ли называть это бѣснованіе только твердою идеею, когда не знающія Христа лица исповѣдывали Его Сыномъ Божиимъ? Можно ли ви-

*) Многіе знаменитые врачи считали, однако, необходимымъ допустить возможность существованія бѣснoватыхъ и въ наше время. Таковы напр. были Фернель, Амвросій Парэ, Сеннертъ, Эскироль и др.

дѣть только твердую идею въ томъ, что человѣкъ нѣмъ, слѣпъ и глухъ? И весьма, скажемъ мы, счастливъ бы былъ бѣсноватый мальчикъ-лунатикъ (Мо. 17), еслибы его болѣзнь была только его собственною *idée fixe*... Но пусть въ бѣсноватыхъ бѣснованіе было простою только идеею: ужели достаточно было одного слова для того, чтобы съ корнемъ вырвать изъ человѣка эту идею? Всѣ врачи душевныхъ болѣзней улыбнулись бы, еслибы имъ предложили употреблять такое средство въ ихъ практикѣ. Правда, рассказываютъ объ одномъ человѣкѣ, которому представлялось, что у него на носу выросла груша и который былъ излѣченъ отъ своей болѣзни тѣмъ, что ему сдѣлали на носу надрѣзь и потомъ показали будто бы срѣзанную съ носа грушу; но при этомъ забываютъ о концѣ рассказываемой исторіи, именно о томъ, что больной на другой день въ смущеніи заявилъ врачу, что въ ночь у него выросла снова на носу груша. Таково слѣдствіе нелѣпаго леченія: *idée fixe* имѣетъ всегда свою причину въ разстройствѣ нервовъ какого-нибудь органа тѣла, и пока не удалена эта причина, твердая идея не выходитъ изъ головы человѣка и никогда не можетъ быть изгнана обманомъ. Еслибы, слѣдовательно, бѣснованіе было простой идеей, то оно не могло бы быть изгнано однимъ словомъ, по крайней мѣрѣ словомъ іудея. Но на это раціоналисты возражаютъ: отчего же разсматриваемая болѣзнь или *idée fixe* не могла быть уничтожена посредствомъ простаго слова? Вѣдь исцѣлялъ же Іисусъ однимъ словомъ всѣ другія болѣзни; почему же Ему, а за Нимъ и другимъ, пользовавшимся Его всемогущимъ именемъ, не исцѣлять однимъ словомъ и мнимаго бѣснованія? Да, говорятъ раціоналисты, Іисусъ, исцѣляя бѣсноватыхъ, вовсе не смотрѣлъ на нихъ какъ на людей одержимыхъ бѣсомъ, и если не опровергалъ народнаго представленія о нихъ, то это объясняется тѣмъ, что Онъ старался приспособляться въ своемъ ученіи къ воззрѣніямъ народа, дабы, въ противномъ случаѣ, не быть непонятымъ, хотя про себя

держался противоположнаго мнѣнія... Слѣдовательно, Христосъ былъ не прямымъ сборникомъ вреднѣйшаго суетвѣрія! Слѣдовательно, мученикъ истины, какъ называютъ Христа сами раціоналисты, старался угождать времени! Слѣдовательно, Учитель челоувѣчества обманывалъ своихъ учениковъ, давая имъ власть изгонять бѣсовъ! Слѣдовательно, Онъ какъ актеръ изгонялъ бѣсовъ оттуда, гдѣ ихъ вовсе и не было!.. Вообще, эту теорію приспособленія опорочивается нравственная личность Иисуса. Кромѣ этого, въ опроверженіе теоріи, мы можемъ указать на нѣкоторыя мѣста изъ Евангелій, гдѣ Господь, безъ всякаго повода, не преслѣдуя какихъ-либо особенныхъ практическихъ цѣлей, говорить о бѣснованіи, какъ явленіи возможномъ. Онъ не только не говоритъ ни одного слова въ опроверженіе народной вѣры въ бѣсноватыхъ, но даже самъ предполагаетъ бѣсовъ, какъ причину разсматриваемой болѣзни (Мѡ. 10, 8; 17, 21; Лук. 10, 18 и сл.), и пользуется законами, имѣющими мѣсто въ области бѣснованія, для составленія притчи, наравнѣ съ законами существующими въ природѣ (Мѡ. 12, 43 и сл. Лук. 11, 24 и сл.), такъ что ясно видно, что Онъ придаетъ первымъ столько же дѣйствительности, сколько и послѣднимъ. Правда, въ Ев. Мѡ. 12, 43 и сл. Иисусъ говоритъ приточно, какъ это видно изъ словъ 45-го стиха: „такъ будетъ и съ этимъ злымъ родомъ“; но то, что берется для составленія притчи, должно имѣть для себя основаніе въ дѣйствительно существующемъ. Какъ напр. то утвержденіе, что взошедшее въ терніи растеніе гложетъ, находитъ для себя полное оправданіе въ области природы, точно такъ же должны имѣть дѣйствительное основаніе слова Иисуса о бѣсноватыхъ (ст. 43 и сл.), съ которыми Онъ сравнивалъ іудеевъ.

Не получивъ себѣ поддержки въ теоріи приспособленія, раціоналисты доходятъ уже до того утвержденія, что Иисусъ самъ находился въ заблужденіи относительно причины разсматриваемой болѣзни, не возвышаясь надъ ложными представленіями времени. Въ этомъ случаѣ раціона-

лизмъ ясно показываетъ на себѣ, до какой степени безумія можетъ дойти человѣкъ, гордо отвергшій водительство откровенія! Христось заблуждался!—эти слова для всякаго здравомыслящаго христіанина должны показаться безумными, ихъ можетъ произнести только рѣшительно невѣрующій; но для того, кто вѣритъ во Христа какъ своего Искупителя, какъ въ Сына Божія, для такого человѣка все, что Христось говорилъ о бѣсноватыхъ, должно имѣть достоинство совершеннѣйшей и непререкаемой истины. Можно состояніе бѣснованія объяснять какъ простую нервную болѣзнь; но слово того, Кто прозрѣвалъ и исцѣлялъ всякія болѣзни, должно убѣждать насъ въ томъ, что причина разсматриваемой болѣзни заключается въ бѣсовскомъ воздѣйствіи на человѣка. Принимая это положеніе за данное, мы можемъ нѣсколько объяснить возможность бѣсовскаго воздѣйствія на нервную жизнь человѣка чрезъ сравненіе явленія бѣснованія съ явленіями животнаго магнетизма, въ которомъ одинъ человѣкъ дѣйствуетъ на нервную и даже душевную жизнь другаго, особенно предрасположеннаго къ этому воздѣйствію, — дѣйствуетъ чрезъ тонкія нервныя теченія. Магнетизируемый является не имѣющимъ собственной воли орудіемъ магнетизера и то, на что обращено вниманіе послѣдняго, отражается и въ сознаніи магнетизированнаго. Толкните паціента—онъ ничего не почувствуетъ; но нанесите ударъ магнетизеру, и паціентъ почувствуетъ боль. Онъ встаетъ и садится, слѣдуя движеніямъ рукъ магнетизера, и даже нечистое, недѣлственное движеніе въ душѣ послѣдняго возбуждаетъ въ магнетизируемомъ болѣзненную борьбу, доходящую до страшныхъ конвульсій; наконецъ, чрезъ магнетизмъ человѣкъ погружается въ состояніе ясновидѣнія. Этихъ фактовъ, кажется, достаточно для объясненія состоянія бѣсноватыхъ. Если одинъ человѣкъ можетъ дѣйствовать на нервную жизнь другаго, если,—говоря другими словами, человѣческая нервная жизнь (подъ условіемъ существованія извѣстнаго предрасположенія) воспримчива къ чуждому

воздѣйствію: то таже первая жизнь должна быть воспримчива для подобнаго дѣйствованія, которое исходитъ отъ нечеловѣческихъ существъ, падшихъ ангеловъ. Воздѣйствіе послѣднихъ—другаго, болѣе сильнаго и страшнаго рода; но оно всегда есть особенное возбужденіе нервной жизни и всегда имѣетъ тѣже слѣдствія, которыя производятся иного рода возбужденіями. Только при этомъ пужно замѣтить, что при магнетизированіи душа магнетизера не входитъ въ тѣло магнетизируемаго,—потому что она связана съ своимъ тѣломъ,—тогда какъ демонъ поселяется въ человѣкѣ, хотя, по причинѣ своей духовности, и не въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ тѣла. Если Богъ присутствуетъ въ душѣ человѣка, не сливая съ нею своего существа и не прекращая ея бытія, то не представляется ничего невозможнаго и въ томъ, что такія духовныя существа, какъ демоны, поселяются въ человѣкѣ самымъ своимъ существомъ. *)

Намъ остается еще рѣшить вопросъ, почему во время Христа и первоначальнаго распространенія христіанства бѣсноватыхъ было особенно много, тогда какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ объ нихъ вовсе не упоминается? (Ибо слова первой книги Царствъ (18,10): „и нападше духъ лукавый отъ Бога на Саула“ указываютъ только на то, что дьяволъ оказывалъ, по попущенію Божію, духовно-правственное вліяніе на Саула, а не поселился въ немъ).

Родъ и образъ дѣйствованія сатаны въ человѣчествѣ различенъ, примѣнительно ковременамъ и обстоятельствамъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ дѣйствованіе сатаны сказывалось въ особенной склонности народа къ идолослуженію, которое, по мнѣнію ветхозавѣтныхъ писателей, было служеніемъ

*) Несомнѣнно, что и первая жизнь животныхъ воспримчива къ чуждому вліянію; извѣстно, что нѣкоторые роды животныхъ, напр. лошадь, по нервной чувствительности стоятъ даже выше человѣка. Посему нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что свиньи гадаринскія сдѣлались бѣсноватыми.

демонамъ. Такъ напр. смотреть на него Моисей, когда говоритъ: „принесли (Израильтяне) жертвы бѣсамъ, а не Богу, богамъ, которыхъ они не знали“ (Втор. 32, 17). „Всѣ боги народовъ бѣсы“,—говоритъ псалмопѣвецъ (Пс. 95, 5. Сравни 1 Кор. 10, 20. 21). Когда же страданія плѣна нанесли смертельный ударъ идолослуженію въ Израилѣ, тогда дѣятельность сатаны приняла другую форму: онъ теперь сталъ дѣйствовать уже не на всю массу народа, а на отдѣльныхъ людей, въ которыхъ поселялся и которые поэтому назывались бѣсноватыми (*δαιμονιζόμενοι*). Эти явленія бѣснованія сдѣлались особенно часты и поразительны во время земной жизни Іисуса Христа, поелику тогда царство тьмы употребляло всѣ усилія къ тому, чтобы полагать какъ можно болѣе препятствій дѣятельности своего побѣдителя. Но воля Божія заключалась въ томъ, чтобы чрезъ изгнаніе бѣсовъ тѣмъ яснѣе засвидѣтельствовало о себѣ пришедшее во Христѣ и со Христомъ царство Божіе (Лук. 11, 20). Послѣапостольскій вѣкъ, который былъ продолженіемъ побѣды Іисуса Христа надъ міромъ, также представляетъ достовѣрныя свидѣтельства о силѣ Креста и имени Христова въ дѣлѣ изгнанія демоновъ. „Мы всегда молимъ Бога чрезъ Іисуса Христа, говоритъ напр. св. Іустинъ мученикъ, чтобы сохраниться намъ отъ демоновъ, которые чужды богопочтенія и которымъ мы нѣкогда поклонялись,—дабы мы, послѣ обращенія къ Богу, чрезъ Христа были непорочны. Ибо мы называемъ Его Помощникомъ и Спасителемъ, отъ силы имени котораго трепещутъ демоны, и теперь заклипаемые именемъ Іисуса Христа, распятаго при Понтіи Пилатѣ бывшемъ правителѣ Іудей, они повинуются намъ“ (Разговоръ съ Трифономъ § 30). „И теперь мы, вѣрующіе въ распятаго при Понтіи Пилатѣ Іисуса Христа Господа нашего, закликаемъ всѣхъ демоновъ и злыхъ духовъ и держимъ ихъ въ нашей власти“ (§ 76). „Истинные ученики Іисуса Христа, говоритъ св. Иринеи еп. Ліонскій (отецъ 2-го вѣка), истинно и несомнѣнно изгоняютъ демоновъ, такъ что сами освобожденные

отъ злыхъ духовъ часто дѣлаются вѣрующими во Христа и обращаются къ Церкви“ (Противъ ересей кн. 2 гл. 32 § 4 Пер. св. Преображ.). Но съ успѣхами Креста въ мірѣ, вмѣстѣ со всѣми другими бѣдствіями, имѣющими свою первоначальную причину въ прародительскомъ грѣхѣ, уменьшалось, по крайней мѣрѣ въ христіанствѣ, и вліяніе бѣсовъ на тѣлесно-душевную жизнь людей. Духъ Евангелія и въ этомъ отношеніи благодѣтельно подѣйствовалъ на человѣчество, чѣмъ и можно объяснить то, почему явленія бѣснованія стали рѣже въ наше время *).

Н. Р.

*) Въ дополненіе къ соображеніямъ автора о бѣсноватыхъ советуемъ читателямъ обратить вниманіе на статью покойнаго Томскаго епископа Никодима: *О діаволѣ*, напечатанную въ іюльской кн. Душеп. Чтенія 1871 г. Авторъ этой статьи съ особенною силою возстаетъ противъ невѣрующихъ въ самое бытіе діавола, и потому не признающихъ вліянія его съ подчиненными ему бѣсами на человѣка. Обѣ статьи могутъ служить дополненіемъ одна къ другой. *Ред.*

УЧЕНИКИ ПРЕПОД. СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО ЧУДОТВОРЦА И ОСНОВАННЫЯ ИМИ ОБИТЕЛИ *).

III. Преп. Ксенофонтъ Тутанскій.

Имя преп. Ксенофонта стоитъ въ подробномъ спискѣ учениковъ преп. Сергія (Сборникъ XVI в. библ. Ундольскаго л. 543) и занимаетъ здѣсь послѣднее мѣсто. Извѣстно также, что онъ былъ основателемъ Тутанскаго монастыря въ Тверскомъ уѣздѣ (Русс. Святые преосв. Филарета Черниговскаго подъ 25 сент., стр. 180); но о житіи преп. Ксенофонта и о мѣстности, гдѣ находилась обитель его, не было ничего извѣстно. Сообщеніемъ нижеслѣдующихъ краткихъ свѣдѣній я обязанъ милостивому вниманію покойнаго Алексѣя, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго.

Въ 30 верстахъ отъ г. Твери, на берегу рѣки Тьмы, въ селѣ Тутаняхъ находится каменная церковь Вознесенія Господня съ двумя придѣлами: во имя Рождества Пресв. Богородицы и преподобнаго Ксенофонта.

Объ этомъ селѣ въ архивѣ Тверской коценсторіи оказались слѣдующія свѣдѣнія:

Въ 1727 году священникъ села Тутань, Георгій Григорьевъ далъ въ Твери въ архіерейскомъ приказѣ слѣдующее показаніе: „село, нынѣ пазываемое Тутань, изстари было Тутанскій монастырь; а сталъ тотъ монастырь называться селомъ изъ давнихъ же лѣтъ, по припискѣ его къ Троицкому Сергіеву монастырю, и по вывозкѣ изъ

*) Продолженіе. См. июньскую книжку.

того монастыря братіи въ Троицкій монастырь; а къ церкви Тутанской на пропитаніе священноцерковно-служителей отведено было того Тутанскаго монастыря изъ старинной земли опредѣленной отъ Троицкихъ властей по 10 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по томужъ; сѣна пятьдесятъ копенъ“.

Изъ этого показанія дѣлается очевиднымъ, что въ Тутаняхъ прежде существовалъ монастырь, и что этотъ монастырь зависѣлъ отъ Троицкой Сергіевой Лавры.

Еще нѣсколько ранѣе, именно въ 1723 году, возникло дѣло о построеніи въ с. Тутаняхъ деревянной церкви вмѣсто сгорѣвшей 17 октября тогоже года. Изъ этого дѣла видно, что село Тутани составляло тогда вотчину новаго Александро - Невскаго монастыря *), что въ селѣ было двѣ церкви, деревянные: одна во имя Вознесенія Господня, другая во имя Рождества Пресв. Богородицы, которая и сгорѣла. Въ этой послѣдней церкви былъ издревле устроенъ „спудъ“ (гробница), а надъ спудомъ изображенъ образъ преподобнаго отца Ксенофонта.

Во время пожара изъ церкви вынесены были церковная утварь и св. иконы, и вмѣстѣ съ ними образъ преподобнаго Ксенофонта, „что былъ надъ спудомъ“. Прихожане съ священникомъ просили тогдашняго Тверскаго Архіепископа Теофилакта **) дозволить имъ построить новую деревянную теплую церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы. Владыка, прежде разрѣшенія постройки, велѣлъ спросить священника Тутанскаго: кто и когда положенъ подъ спудомъ, и почему они о томъ знаютъ, и

*) При основаніи Петромъ 1-мъ Александро-Невскаго монастыря въ 1710 году были отписаны къ новой обители отъ древнихъ богатыхъ монастырей, въ томъ числѣ и отъ Сергіевой Лавры, нѣкоторые приписные монастыри и земли, оставшіяся отъ монастырей упраздненныхъ, преимущественно въ Новгородской, Псковской и Тверской губерніяхъ, какъ ближайшихъ къ С.-Петербургу.

**) Лопатинскаго, невинно пострадавшаго при Биронѣ. († въ 1741 году).

во имя котораго преподобнаго Ксенофонта тотъ образъ написать? Владыка приказалъ и самый образъ взять въ Архіерейскій приказъ.

Священникъ показалъ по священству слѣдующее:

„Въ томъ селѣ Тутаняхъ въ погорѣлой церкви былъ устроенъ спудъ такимъ образомъ: ящикъ деревянный длиною аршина въ полтретья и покрытъ доскою деревянною, и облеченъ тотъ ящикъ крашениною синсю, и тотъ ящикъ опущенъ въ рѣшетку деревянную; а кто въ томъ спудѣ положенъ и когда, того онъ пощ не вѣдасть, и ни отъ кого неизвѣстенъ, и никто не свидѣтельствовавь, токмо онъ пощ слыхалъ отъ прихожанъ отъ старыхъ людей, которые-жъ слыхали отъ дѣдовъ своихъ, будто оный спудъ устроенъ до Литовскаго разоренія, и образъ, который надъ тѣмъ спудомъ стоялъ, присланъ въ то село Тутани, когда оное село было за Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ изъ того Троицкаго Сергіева монастыря отъ келаря іеромонаха Аверкія тожь лѣтъ съ восемьдесятъ; на которомъ изображенъ и подписанъ преподобный Ксенофонтъ; а котораго преподобнаго Ксенофонта, о томъ онъ пощ неизвѣстенъ, и ни отъ кого не слыхалъ“.

Архіерейскій приказъ отрядилъ поповскаго старосту, города Твери муропосицкой церкви священника Θεодора Θεодосѣева, для освидѣтельствования спуда на мѣстѣ. Священникъ Θεодосѣевъ, при трехъ другихъ священникахъ, вскрыль верхнюю на спудѣ доску. „Въ томъ спудѣ ничего нѣту; безъ дна; знатно, что и въ землѣ не бывалъ“.

Вскорѣ привезенъ былъ священникомъ села Тутаней и образъ преподобнаго Ксенофонта. Образъ этотъ былъ „на краскахъ, вѣнцы и цага серебряные бассейнныя (басмнныя), гладкіе, позолочены; длина образа 2 арш. 7 верш.; ширина вверху 13 вершковъ съ полвершкомъ; ширина внизу 12 вершковъ съ четвертью“. Образъ положили въ казенную палату до указа. По разсмотрѣніи дѣла состоялось мнѣніе слѣдующее: въ селѣ Тутаняхъ, въ вотчинѣ

Александрова монастыря Невскаго, другой церкви во имя Рождества Пресв. Богородицы, по желанію того села священника Егора Григорьева съ прихожаны, быть надлежитъ, понеже оное село не вновь построенное, но изстари до Литовскаго разоренія, и приходъ не малый, и никакой нужды какъ святѣй церкви въ требохъ, такъ и священнику съ причетники въ пропитаніи не находится; а прежняя сгорѣлая церковь была построена изстарижъ для зимняго времени теплая, и нынѣ для престарѣлыхъ людей быть теплой церкви надлежитъ“. Преосвященный Оеофилактъ утвердилъ это мнѣніе. О преподобномъ Ксенофонтѣ и о спудѣ, а равно и объ образѣ его ничего не сказано и ничего дальнѣйшаго не сдѣлано безъ сомнѣнія потому, что самъ преосв. Оеофилактъ подвергся въ это время гошенію.

Въ 1737 году 19 генваря сгорѣла и эта новая церковь. Власти Троицкаго Сергіева монастыря: архимандритъ Варлаамъ, келарь Арсеній, казначей іеромонахъ Питиримъ Ооминцынъ просили Св. Синодъ, чтобы дозволено было въ вотчинѣ ихъ, въ селѣ Тутаняхъ, вмѣсто сгорѣвшей церкви, построить новую во имя Вознесенія Господня съ придѣломъ Рождества Пресв. Богородицы; „понеже церковь Божія во имя Вознесенія Господня напередъ сего въ прошломъ 1733 году была перевезена Старицкаго уѣзда вѣдомства ихъ въ село Станишино.“ Такъ писали власти Лаврскіе о Вознесенской церкви. Св. Синодъ дозволилъ строить церковь, „буде святымъ правиламъ, Духовному регламенту и указамъ противности никакой не находится“. Церковь эта была освящена съ благословенія преосв. Митрофана очереднымъ соборнымъ священникомъ. Два олтара въ ней поставлены были рядомъ.

До 1820 года церковь стояла безъ поправокъ и пришла въ ветхость: крыша какъ на олтаре, такъ и на церкви сгнила; колокольня и паперть тоже обветшали; на паперти крыша съ лѣвой стороны упала; колокола съ колокольни были сняты и повѣшены на столбахъ. Кромѣ того церковь

стояла на самомъ берегу рѣки Тьмы, отъ наводненія которой въ весеннее время берегъ осыпался, такъ что грозилъ въ будущемъ совершеннымъ паденіемъ церкви. Прихожане просили тогдашняго архіепископа Тверскаго Филарета (въ послѣдствіи митрополита Московскаго) дозволить имъ исправить церковь; но владыка, по собраніи всѣхъ нужныхъ свидѣній, отказалъ имъ въ просьбѣ, со внушеніемъ, чтобы они озаботились постройкою новой каменной церкви на другомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этого прихожане, въ мартѣ 1821 года, подали преемнику Филарета, пресв. Симеону, новое прошеніе о дозволеніи имъ построить вмѣсто деревянной каменную церковь во имя Вознесенія Господня съ двумя придѣлами: во имя Рождества Пресв. Богородицы и во имя преподобнаго Ксенофонта. Владыка дозволилъ.

Такимъ образомъ память преподобнаго Ксенофонта стала славиться открыто въ храмѣ Божиѣмъ: во имя его устроенъ былъ придѣлъ въ новомъ каменномъ храмѣ. Мѣстные жители, безъ сомнѣнія, подъ именемъ Ксенофонта разумѣли того самаго, кто покоился подъ спудомъ. Владыка, по новости своей, не обратилъ на это вниманія, и дѣло пошло своимъ порядкомъ. Въ храмѣ поставили опять образъ преподобнаго Ксенофонта и около образа гробницу или спудъ, накрывъ ее иконою. Вся окружная мѣстность благоговѣйно чтитъ преподобнаго; такъ было до 1846 года. Въ этомъ году снова возникло дѣло о гробницѣ и о самомъ преподобномъ Ксенофонтѣ. Въ декабрѣ 1846 года благочинный села Саввина священникъ Петръ Грязновъ, по порученію преосвященнаго архіепископа Григорія (въ послѣдствіи митрополита Новгородскаго), осматривалъ гробницу въ селѣ Тутаняхъ и отъ 5-го декабря донесъ владыкѣ слѣдующее: „дѣйствительно есть гробница въ церкви села Тутань. Эта гробница изъ сосноваго дерева и покрыта также сосновою доскою. Наверху же этой гробницы, или на самой гробницѣ лежитъ образъ, написанный на доскѣ, длиною и шири-

ною соразмѣрно самой гробницѣ. Образъ сей съ слѣдующею надъ нимъ надписью: „Преподобный отецъ Ксенофонтъ“. Означенная гробница находится въ придѣлѣ, что преподобнаго Ксенофонта, около самой стѣны, по лѣвую сторону за лѣвымъ клиросомъ. Надъ нею на стѣнахъ два образа: одинъ Николая чудотворца съ изображеніемъ его чудесъ, а другой св. Александра Невского и также съ чудесами. За клиросомъ же и надъ самою гробницею образъ въ дерсянномъ рѣзномъ кіотѣ Скорбящей Божіей Матери. Священноцерковнослужители села Тутанъ ежегодно празднуютъ преподобному Ксенофонту въ 26 день мѣсяца генваря.—Получивъ это донесеніе, владыка написалъ: „совершенно безъ замедленія вызвать означенный причтъ и допросить: давно ли у нихъ находится гробница? Кто ее сдѣлалъ? На какомъ основаніи они почитаютъ преподобнаго Ксенофонта святымъ и служатъ ему молебны?“ Причтъ показалъ слѣдующее: 1) „въ нашей церкви гробница преподобнаго Ксенофонта находится издавна, и кто ее сдѣлалъ, никакихъ свѣдѣній не имѣется; 2) образъ Ксенофонта, находящійся на гробницѣ, изображенный на холстѣ и приклеенный къ доскѣ, съ надписью на ономъ: „Преподобный отецъ Ксенофонтъ“, находится также издавна, и когда сдѣланъ, неизвѣстно; 3) означеннаго Ксенофонта, котораго гробница находится при нашей церкви, мы святымъ не считаемъ и молебствій ему не отправляемъ, а празднуемъ преподобному Ксенофонту, который прославленъ всею Церковію, и котораго память празднуется 26 января; 4) преподобный Ксенофонтъ, котораго гробница находится при нашей церкви, былъ начальникомъ и основателемъ прежде бываго въ нашемъ селѣ монастыря, какъ говоритъ мѣстное преданіе, а другихъ болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется, а развѣ не имѣется ли въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, такъ какъ нашъ монастырь былъ причисленъ къ той Лаврѣ и во всемъ зависѣлъ отъ нея. А какого Ксенофонта образъ находится на гробницѣ—прославленнаго ли всею Церковію,

или Ксенофонта, какъ начальника и основателя монастыря—неизвѣстно“. Взявъ эти показанія, консисторія положила мнѣніемъ: 1) находящійся въ церкви села Тутань на гробницѣ образъ преподобнаго Ксенофонта немедленно чрезъ благочиннаго, взявъ изъ той церкви, препроводить въ Тверской каедральный соборъ; 2) Тутанскимъ священноцерковнослужителямъ велѣть имѣющуюся гробницу разобрать, а матеріаль ея употребить на отопленіе церковной печи“. Владыка приказалъ истребовать образъ къ себѣ для усмотрѣнія и потомъ представить дѣло. По разсмотрѣніи, онъ велѣлъ образъ отдать для храненія въ соборную церковь. Тѣмъ дѣло и окончилось.

Изъ этихъ свѣдѣній можно заключить: 1) Въ Тутаняхъ издавна существовали монастырь; 2) основателемъ этого монастыря былъ преподобный Ксенофонтъ, безъ сомнѣнія тотъ самый, которій, въ спискѣ учениковъ преподобнаго Сергія называется Тутанскимъ; 3) о жизни его и времени кончины ничего неизвѣстно; можно, впрочемъ, предполагать, что онъ, какъ занимающій послѣднее мѣсто въ спискѣ, основалъ свою обитель позднѣе другихъ учениковъ того же великаго угодника Божія, по всей вѣроятности, въ началѣ XV вѣка; 4) что существованіе монастыря продолжалось менѣе двухъ столѣтій: въ 1727 году говорится объ упраздненіи его и выводѣ монаховъ въ Сергіеву Лавру, какъ о „давнемъ“ дѣлѣ *); 5) что народное благоговѣніе къ памяти преподобнаго Ксенофонта сохранилось до нашего времени, хотя и не было никакихъ письменныхъ памятниковъ.

Графъ М. Толстой.

*) По справкѣ въ Лаврскомъ Архивѣ (Сбор. Грам. № 2, по Твери Грам. 8), въ 1571 году переданъ въ управленіе Лавры „Вознесенскій Тутанскій“ монастырь въ Тверскомъ уѣздѣ. Послѣ Литовскаго разоренія онъ сталъ приходить въ упадокъ, такъ что въ 1642 году было въ немъ только четыре монаха. Изъ описи Троице-Сергіева монастыря и подвѣдомственныхъ ему, составленной въ этомъ году, видно, что подъ папертью (?) церкви Рождества Богородицы находится гробъ преподобнаго Ксенофонта Тутанскаго.

УТЪШИТЕЛЬНАЯ КОНЧИНА МАТЕРИ-ХРИСТІАНКИ.

(Пишетъ дочь).

Письмо ваше *) уже не застало здѣсь моей дорогой и незабвенной матери. Господу угодно было взять ее отъ насъ, несмотря на наши молитвы и печаль, которую теперь переносимъ. Тяжела намъ всѣмъ эта потеря, но для меня, кажется, она больше всѣхъ чувствительна. Здѣсь я знаю, гдѣ искать утѣшенія; а потому буду усердно молить Господа, чтобы Онъ помогъ мнѣ не предаваться отчаянію. Много-много мнѣ нужно теперь силъ, чтобы умѣть владѣть собою и быть хотя сколько-нибудь полезною своей семьѣ **).

Мама скончалась 22 мая въ 8 часовъ вечера. Кончина ея была именно такая, какую вы желали ей, — тихая и даже радостная. И всѣ, бывшіе при ней въ эти часы, молились, плакали, но говорили, что это отходить праведница. Да, въ первый разъ въ жизни я видѣла смерть, и Богъ послалъ мнѣ видѣть смерть истинной христіанки. Уже послѣдніе три дня она видимо начала слабѣть, часто забывалась и не разъ говорила намъ: скоро разстанусь я съ вами, не забываете меня, голубчики; жаль мнѣ васъ оставлять, но утѣшаюсь несомнѣнною надеждой, что Господь, все устрояющій къ лучшему, не оставитъ васъ; прибѣгните и вы къ тому же упованію

*) Было писано, что прилично писать къ больной, которая съ часу на часъ сама ожидала кончины. (Это примѣчаніе и дальнѣйшія принадлежатъ лицу, къ которому писано письмо дочери).

***) Отецъ живъ; но хозяйство и смотрѣніе за младшими братьями и сестрою должны быть на пишущей.

И многое еще говорила она, и не разъ; но ни разу не просила она о чемъ-либо земномъ и даже не помпшала о томъ. Мнѣ казалось, что послѣднее время она вся была въ Богѣ и забыла все земное, что кромѣ любви къ Богу и ко всѣмъ у ней ничего не было на сердцѣ. Видно было, что особенная благодать Божія посѣтила ее душу, иначе откуда это спокойствіе въ такую страшную минуту, и эта бодрость духа, съ которою она всѣхъ насъ утѣшала.

Когда папѣ попросилъ ее благословить насъ, она сказала: «очень рада». О, еслибъ вы знали, отецъ мой, какъ она, дорогая моя, каждого изъ насъ ласкала, благодарила и по нѣскольку разъ благословляла! Но все это съ улыбкой на устахъ, съ чуднымъ, почти небеснымъ лицомъ, которое такимъ и оставалось всѣ три дня послѣ смерти ея. Затѣмъ она обратилась къ образу и прибавила: Благодарю Бога, что умирая могу сказать, что я была счастлива всю жизнь и теперь удостоиваюсь такой кончины, какой не стою и не смѣла ожидать.

Когда пришелъ дядя (братъ покойницы),—это было часа за четыре до кончины,—она просила его прочесть отходную, и за тѣмъ скоро впала въ какое-то, будто безсознательное, состояніе: когда подходили къ ней, она, казалось, никого не видѣла; глаза были устремлены на одинъ предметъ, но страданій не было. Можетъ быть это была обычная, предсмертная агонія, можетъ быть, другое что *). Мы съ утра, и даже всю прошедшую ночь не отходили отъ ея постели. Когда началась агонія, я все смотрѣла ей въ лицо; но потомъ смного отошла отъ изголовья, и не видѣла, какъ она скончалась. Дядя и папа стояли близко, и какъ только она кончилась, обернулись ко мнѣ. О, отецъ мой, въ эту минуту я не помню, что я чувствовала; я подошла, жоцѣловала ее, и закрыла ей сама ее чудные глаза на вѣки.

*) Да—другое нѣчто.

Три дня, пока она лежала на столѣ, было тяжело, но все не такъ какъ теперь, когда ея нѣтъ уже съ нами. Я вѣрю искренно, что душа ея будетъ бывать съ нами, когда Господь будетъ благословлять ей то, но не дай Богъ, чтобъ она все видѣла и печалилась бы изъ-за насъ. Я буду молить Господа, чтобъ она, покинувъ этотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни полной радости, ни истиннаго счастья, наслаждалась всѣмъ этимъ тамъ, не опечаливая себя нами. Вы говорите, что ей страннымъ будетъ казаться тамъ, что мы плачемъ о ней, когда ей такъ хорошо. Да, это вѣрно такъ и есть, потому что она предъ смертію, когда мы всѣ плакали, говорила улыбаясь: какъ мнѣ смѣшно на васъ смотрѣть! Чего вы плачете, когда мнѣ такъ хорошо, и я счастлива, такъ счастлива? Теперь я видѣла, что даетъ Господь въ награду кроткимъ *), смиреннымъ и чистымъ сердцемъ, а прежде я не могла себѣ этого представить.—Въ день смерти, видя мое разстроенное лице, она подозвала меня, и всматриваясь прямо въ глаза, сказала: что съ тобою? Скажи, что случилось?—Потомъ прибавила: я боюсь за тебя.—Слезы душили меня; я успокоила ее какъ могла, но спросить не посмѣла, о чемъ она беспокоится за меня. Много осталось между нами не досказаннаго, потому что я боялась беспокоить ее, и молчала. Она все говорила: не плачьте же! Господь все сдѣлаетъ къ лучшему и утѣшитъ васъ.—О, дорогая моя мама, не забывай меня и молись за меня. Мнѣ такъ тяжело безъ тебя, такъ тяжело!

Извините, что я такъ долго говорю вамъ все объ этомъ; но я увѣрена, что это для васъ не неприятно. Представьте, что она явилась мнѣ ночью и сѣла подлѣ меня на стулѣ. Когда я открыла глаза, то увидѣла ее такую,

*) Отличительная черта покойницы—кротость, и никто, ни мужъ, ни дѣти, ни прислуга, ни сторонніе не могли поперечить ей, когда она считала что ненужнымъ, по причинѣ всепобѣждающей кротости ея рѣчи.

какъ она лежала въ гробу, съ тою же улыбкою, какъ будто караулила меня, какъ я ее больную. Конечно это была игра воображенія *); но мнѣ казалось это такъ ясно. Я такъ много о ней думаю, что еще, можетъ быть, и увижу ее. Теперь я только постоянно чувствую ея присутствіе.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ АРХИМАНДРИТА АГАПИТА.

1877 г. мая 28-го ч., въ половинѣ 8-го ч. утра, послѣ продолжительной болѣзни, на 78 году отъ рожденія, тихо, мирно, христіански скончался настоятель Ставропигіальнаго, Московскаго Новоспасскаго, первокласснаго монастыря, архимандритъ Агапитъ, бывший членомъ конторы Святѣйшаго Синода и благочиннымъ ставропигіальныхъ монастырей. Родомъ онъ Владимірской губ., Покровскаго уѣзда, сынъ священника бѣднаго села Козлятьева, въ мѣрѣ Петръ Ивановичъ Введенскій. Въ 1828 г. онъ кончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи со степенью магистра и затѣмъ проходилъ начальническія должности въ семинаріяхъ и монастыряхъ. — Весьма поучительна жизнь покойнаго отъ колыбели до гроба. Пламенная его ревность по Бозѣ, неподдѣльная пажобность, образцовая скромность въ келейной обстановкѣ, въ одеждѣ, походкѣ и словахъ, примѣрное смиреніе, постоянный постъ духовный и тѣлесный, рѣдкая нестяжательность, евангельское цѣломудріе, строгое соблюденіе почти всѣхъ правилъ монастырскихъ, необыкновенная любовь къ духовному чтенію и къ трудамъ чернымъ, щедрое благотвореніе бѣднымъ, погорѣльцамъ, сиротамъ и всѣмъ несчастнымъ, а особенно трезвымъ и благонравнымъ сродникамъ и монастырской братіи исправной, — вотъ свѣтлыя стороны въ правственной жизни покойнаго; остановимся на нѣкоторыхъ, особенно выдающихся его достоинствахъ.

*) Нѣтъ, не игра воображенія.

По смерти покойнаго оказались въ кельѣ его желѣзныя вериги 14-ти фунтовъ. Говорять, въ лѣтахъ мужества Агапитъ, смиряя плоть свою, носилъ ихъ тайно и долго до того, что онѣ вросли въ тѣло его *)!. Этому вѣрить можно несомнѣнно. Покойный, какъ настоятель богатыхъ монастырей: Боголюбскаго, Волоколамскаго и Новоспасскаго, располагалъ обильными средствами, и потому могъ и въ кельѣ имѣть блистательную обстановку, и одежду носить вполне соответствующую его высокому положенію, и пищу употреблять питательную и приготовленную искусными поварами. Но покойный всю жизнь былъ чистый аскетъ и врагъ всякой изнѣженности и роскоши. Ни чаю, ни блага хлѣба онъ почти никогда не употреблялъ. Чай у него замѣнялся простой горячей водой съ кусочкомъ сахару, лимономъ и черствымъ чернымъ хлѣбомъ. Обѣдалъ онъ всегда вмѣстѣ съ братією, которая никогда безъ него не начинала своей суровой трапезы, да и то разъ въ сутки (Ужинъ въ Новоспасскомъ для іеромонаховъ и іеродіаконовъ не положенъ. Ужиномъ, или правильнѣе, скромными послѣ обѣда остатками пользуются лишь послушники). Въ первую же и страстную седмицу Великаго поста совсѣмъ не являлся въ трапезу, да и въ кельѣ лишь вечеромъ позволялъ себѣ подкрѣпиться кускомъ хлѣба съ водою, да и то не каждый день. И для себя, и для гостей чайныя чашки у него подавались старинныя, купленныя еще въ 1832 г., когда онъ настоятельствовалъ въ Боголюбовѣ. Въ кабинетѣ его двойныя рамы никогда не выставлялись; диванъ, на которомъ онъ спалъ всегда въ худомъ подрясникѣ и сапогахъ, безъ всякой подстилки, когда-то обтянутый дешевымъ ситцемъ, былъ самый жесткій и ветхій. Разныхъ насѣкомыхъ въ этомъ допотопномъ диванѣ и на полу спальни, который и къ большимъ праздникамъ рѣдко мыли, было безчисленное множество. О.

*) Очевидный свидѣтель тому келейникъ его монахъ Даніилъ, лѣтъ 30 проживавшій у него до самой смерти.

Агапитъ не только не заботился о чистотѣ спальни и половъ ея, но и самъ цѣлый вѣкъ не мылся въ банѣ, изрѣдка перемѣняя бѣлье въ спальнѣ. Шелковой рясы или подрясника цѣннаго не видывали на немъ; онъ и лѣтомъ, и зимой ходилъ въ одномъ холодномъ, дешевомъ подрясникѣ и лѣтней убогой, камлотовой ряскѣ. Лѣтомъ ходилъ въ простыхъ, крестьянскихъ, сапогахъ, а зимою въ валеныхъ. Уѣзжая въ контору Святѣйшаго Синода для присутствія или въ Успенскій соборъ для служенія, онъ одѣвался въ ряску получше, да и то не дороже 10-ти рублей. Въ праздничныя службы тоже любилъ облачаться въ скромныя и не очень дорогія ризы, несмотря на богатство Новоспасской ризницы. Службу любилъ чинную и неспѣшную. Горе было тому чтецу или священнослужителю, который вздумалъ бы читать и божественную службу совершать безъ вниманія и благоговѣнія. Послѣ двухъ-трехъ замѣчаній послушникъ безцеремонно изъ обители былъ высылаемъ, а нерадивый по службѣ іеромонахъ былъ штрафованъ при полученіи жалованья. Съ Илинной ревностью преслѣдовалъ Агапитъ пороки въ подчиненныхъ. Эта ревность не давала ему покоя и по ночамъ. Бывало нерѣдко позднимъ вечеромъ посѣщалъ онъ кельи братскія и слѣдилъ тщательно, кто чѣмъ занимается въ храме. Боже упаси, кого найдетъ въ нетрезвомъ видѣ или за чтеніемъ свѣтскихъ книгъ легкаго содержанія. Подобныя книги тутъ же предавались огню, а остатки хмѣльнаго напитка выливались на полъ и самая посуда разбивалась въ дребезги. Это судъ на первый разъ, а вторично замѣченный въ винопитіи или разсѣянности не могъ долѣе оставаться въ обители. Бывши инспекторомъ Владимірской семинаріи, по той же ревности къ благочестію и нравственному порядку онъ въ ночное время несмотря ни на грязь, ни на дождь, ни на темноту осеннюю ходилъ со старшимъ по квартирамъ семинарскимъ и строго наблюдалъ за нравственностію воспитанниковъ. Шалуновъ и лѣнивцевъ терпѣть не могъ, а благонаправныхъ и прилежныхъ любилъ, какъ дѣтей род-

ныхъ и не жалѣлъ для нихъ ничего. Рожденный подъ соломенной кровлей въ суровой бѣдности и зная по опыту всю горечь и трудность бѣдности, онъ въ дѣлахъ благотворенія доходилъ до рѣдкаго самоотверженія. Состоявшій подъ его управленіемъ Боголюбовъ монастырь доставлялъ ему доходу до 4000 руб. ас. въ годъ; онъ, какъ благоразумный приставникъ евангельскій, не *прилагая сердца* къ такому богатству по тогдашнему времени, все безъ остатка употребилъ это богатство на покупку во Владимирѣ за Лыбедью огромнаго дома съ обширнымъ садомъ и устроилъ тамъ первоначальную бурсу для духовныхъ сиротъ обучавшихся въ семинаріи, со всеміи для нихъ удобствами. Значительное жалованье по должности инспекторской и профессорской все безъ остатка употреблялось имъ на тотъ же предметъ милосердія, такъ что, когда назначили его ректоромъ Виоапской семинаріи, ему не съ чѣмъ было добратся туда и онъ принужденъ былъ занять необходимую сумму на дорогу и 25 р. въ подарокъ бѣднымъ своимъ родителямъ. По смерти его, несмотря на то, что 24 года управлялъ онъ Новоспасскою обителью, осталось послѣ него лишь огромное количество разныхъ духовныхъ книгъ и журналовъ, а денегъ не оказалось, кромѣ доходу изъ братской кружки удержаннаго за послѣдній годъ его болѣзненнаго состоянія. Значительный капиталъ его израсходованъ на богоугодныя дѣла,—на выписку книгъ, на благотвореніе миссіямъ, на построеніе и улучшеніе церквей въ западныхъ губерніяхъ, а частію и на поддержку бѣдныхъ сродниковъ, коихъ у него многое множество. Не мало, иногда до ста и полтараста рублей, ему достававшихся при раздѣлѣ братской кружки, любилъ онъ раздавать монахамъ въ награду за исправное и усердное прохожденіе возложенныхъ на нихъ послушаній, а равно и бѣднымъ послушникамъ въ добавокъ къ малому ихъ жалованью.

Въ лѣтахъ своей юности привыкши у бѣдныхъ родителей жать, косить, молотить, дрова рубить, Агапитъ и

въ савѣ архимандрита, живя въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, почасту занимался черными работами. Въ грубомъ одѣяніи, въ простыхъ рукавицахъ, какъ Серафимъ Саровскій, съ топоромъ въ рукахъ отправлялся онъ въ монастырскій дремучій лѣсъ и благодаря отъ природы крѣпкому своему сложенію цѣлые дни проводилъ тамъ въ трудахъ до поту кроваваго и томящую его плоть томилъ до нельзя. Тяжелыя лѣсныя работы не прошли даромъ: онѣ наградили Агапиту грыжею, которая періодически страшно мучила его до гробовой доски. Пособить горю трудно было: ни бандажей не носилъ, и никакихъ другихъ медицинскихъ пособій при этомъ случаѣ онъ не принималъ почти вовсе, но какъ добровольный мученикъ, мужественно терпѣлъ мучительную боль, смотря на нее какъ на наказаніе Божіе за вольныя и невольныя прегрѣшенія свои. Въ Новоспасскомъ обширномъ саду его видали на покосѣ съ граблями въ рукахъ, а въ кельѣ съ иглою и сапожнымъ шиломъ. Одежду и сапоги, а равно поношенныя ризы и стихари, онъ всегда починалъ самъ. Ризницу монастырскую берегъ и хранилъ, какъ самый вѣрныи и неподкупный стражъ. Покойный жилъ подвижнически и померъ чистымъ аскетомъ. Свѣтскихъ посѣтителей либеральнаго духа, хотя бы это были знаменитые вкладчики Новоспасской обители, онъ рѣдко принималъ на чашку чая и большею частію уклонялся отъ бесѣдъ съ ними. Отъ лицъ сомнительнаго поведенія и пожертвованія въ монастырь не всегда принималъ, видно, припоминая слова Давида: *елей грѣшнаго да не намаститъ главы моея*. За утреннимъ чаемъ съ однимъ изъ сельскихъ священниковъ, бывшимъ его воспитанникомъ по семинаріи, однажды доложили Агапиту, что его желаетъ видѣть Н. Н., полковникъ гвардіи. „Скажите ему, сказалъ архимандритъ, что у меня почтенный гость, я уже занятъ имъ, и не имѣю времени принять новаго посѣтителя“. Понятно, какъ удивился священникъ такому поступку своего бывшего наставника и пораженъ былъ такимъ неожиданнымъ предпочтеніемъ..

Разсказываютъ сверстники покойнаго, что когда онъ учился въ училищѣ и въ семинаріи, то, вопреки школьному обычаю до прихода наставника погулять по классу съ товарищами, прямо садился за парту, чинно, молча готовился къ учебнымъ отвѣтамъ. Разсмѣшить его или пошутить съ нимъ было невозможно. Нѣкоторые веселаго характера товарищи, ударившись объ закладъ, брались чѣмъ-нибудь развлечь Петра Ивановича Введенскаго. Но при всемъ обиліи семинарскихъ остротъ и разныхъ анекдотовъ курьезныхъ отходили отъ него безъ успѣха. Петръ Ивановичъ, не обращая вниманія на молодыхъ искусителей, сидѣлъ надъ книгою или тетрадкою, и по скромности оставался всегда себѣ равенъ. Ни пѣсень свѣтскихъ, никакихъ кантъ семинарскихъ никто не слыхивалъ отъ него, да и голосомъ самымъ тихимъ природа одарила его. Цѣломудріе и дѣвственность его до такой высоты простирались, что онъ и встрѣчаться не любилъ съ лицами женскаго пола. Любительницамъ роскоши и модницамъ въ полуобнаженныхъ костюмахъ не безопасно было подходить къ Агапиту даже за благословеніемъ. Бывало такъ строго обличить, что въ другой разъ не скоро и подойдешь къ нему. Въ этомъ онъ точь-въ-точь подражалъ любимому своему покойному архипастырю Владимірскому Пареевию, къ которому разъ за благословеніемъ подошла одна высокаго полета дама въ лайковыхъ перчаткахъ. Владыка посмотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ и сказалъ: „мимо идите: собакъ не благословляютъ!“

За строго нравственную жизнь и ученость Агапигъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ незабвеннаго Моск. митрополита Филарета. Владыка не разъ предлагалъ Агапигу занять епископскую кафедру. Но Агапигъ, зная, что ему же много дано, много взыщется отъ него,—и считая себя недостойнымъ архіерейства, всегда смиренно уклонялся отъ такого превысочайшаго сана. Всякое ходатайство, всякое прошеніе Агапита митрополитъ милостивно уважалъ. Но Агапигъ, неумолимый и неподкупный, ни подѣ

какимъ видомъ не позволялъ себѣ злоупотреблять такую благосклонностію архипастырскою. Разъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ Агапита, вынужденный крайнею бѣдностію и многочисленнымъ семействомъ, явился къ нему просить ходатайства у митрополита о перемѣщеніи съ бѣднаго прихода на богатый. Агапиту, зная, что бѣдность просителя между прочимъ есть слѣдствіе его нетерпимыхъ въ духовенствѣ слабостей, сказалъ ему: „хорошо, я вотъ съѣзжу и попрошу владыку, а ты посиди здѣсь“. Явившись къ митрополиту, пашъ ходатай удивилъ его своимъ прошеніемъ.

„Владыко святой! мой сродникъ N. N. хочетъ безпокоить васъ просьбою о перемѣщеніи его на другое, болѣе выгодное мѣсто. Пожалуйста, прогоните его: онъ по жизни своей не милости, а наказанія архипастырскаго достоинъ“. Митрополитъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Ну братъ, хорошъ ты ходатай!.. исполню прошеніе твое.

Агапиту, возвратившись, сказалъ сроднику тому: „Дѣло твое кончено. Завтра иди ко владыкѣ и получишь достойное“. Обрадованный проситель, поклонившись архимандриту, утромъ въ 9-ть часовъ предсталъ съ прошеніемъ ко владыкѣ.

— Чего ты просишь? спросилъ владыка.

— Того же, владыко святой, о чемъ вчерась утруждалъ ваше высокопреосвященство о. архимандритъ Агапиту.

— Ну, такъ надобно отослать тебя подъ начальъ: ты, говорятъ, живешь нетрезво.

Бѣдный проситель, до глубины души пораженный такою неожиданною и грозною резолюціею словесною, сдва на ногахъ устоялъ и за тѣмъ слезно просилъ архипастыря помиловать его, обѣщаясь скоро исправиться. Помилванный, онъ къ Агапиту уже и не показался. Года чрезъ два, когда онъ дѣйствительно исправился, Агапиту и *не ищущему его обрѣлся самъ*, сжалился надъ многочисленнымъ бѣднымъ семействомъ и исходатайствовалъ отцу его луч-

шее мѣсто.—Гдѣ и много ли па свѣтѣ людей съ подобнымъ нелицепріятіемъ, съ такою незазорною, суровою и строгою жизнію, какою отличался Агапитъ? Не даромъ объ немъ знаютъ въ отдаленныхъ концахъ Россіи. Многіе воспитанники его московскіе протоіереи, услыхавъ, что наставникъ ихъ скончался и 31-го мая имѣеть быть погребеніе его, съ полнымъ усердіемъ явились отдать послѣдній долгъ ему. Извѣстный столичный проповѣдникъ отецъ протоіерей Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ на заупокойной литургіи, которую совершалъ преосв. Игнатій, почтилъ покойника превосходною проповѣдію. Почившій положенъ во гробѣ, лѣтъ за 9-ть купленномъ еще имъ самимъ, и погребенъ въ могилѣ, тоже заранѣе приготовленной имъ подъ папертію холоднаго собора. Вѣчная память незабвенному старцу!

Воспитанникъ и послушникъ покойнаго
Иер. Алексій П—въ.

ОГЛАВЛЕНИЕ II-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1877 Г.

МАЙ, ЮНЬ, ІЮЛЬ и АВГУСТЪ,

	<i>стр.</i>
1. Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка.....	3—20 129—137
	257—278 185—396
2. Толкованіе втораго посланія къ Коринѳянамъ.	21—50 238—178
	279—302 396—430
3. Воды Святой Земли.....	51—78 451—476
4. Самозванный миссіонеръ въ православной Москвѣ...	78—86
5. Ученіе св. Іоанна Златоустаго о томъ, что не должно осуждать духовныхъ пастырей, епископовъ и священниковъ.....	87—100
6. Состояніе православной церкви въ Герцеговинѣ подъ владычествомъ Турокъ.....	101—116 197—206
7. Слово въ 13-й день апрѣля по прочтеніи Высочайшаго Манифеста о войнѣ съ Турками.....	117—126
8. Резолюціи московск. митрополита Филарета.	126—128 381—384
9. Слова преподобнаго и богососнаго отца нашего Симеона Новаго Богослова, въ переводѣ съ новогреческаго.....	179—196 304—339
	431—442
10. Магометанская вѣра.....	217—225
11. Крещеніе во имя Пресвятыя Троицы.....	226—241
12. Нѣчто о войнѣ.....	231—240
13. Ученики преп. Сергія радонежскаго чудотворца и основанныя ими обители.....	240—249
	494—500
14. Новопреставленный Платонъ, архіепископъ Костромскій и его посмертное воззваніе къ Котромс. паствѣ.	250—256
15. Поѣздка за границу.....	339—365
16. Въ память архимандрита Антонія.....	366—370
17. Слово при погребеніи намѣстника Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, архимандрита Антонія.....	371—380
18. Значеніе Москвы въ отношеніи къ христіанской жизни.	442—450
19. О бѣсноватыхъ.....	477—493
20. Утѣшительная кончина матери-христіанки.....	501—504
21. Черты изъ жизни архимандрита Агапита.....	504—511